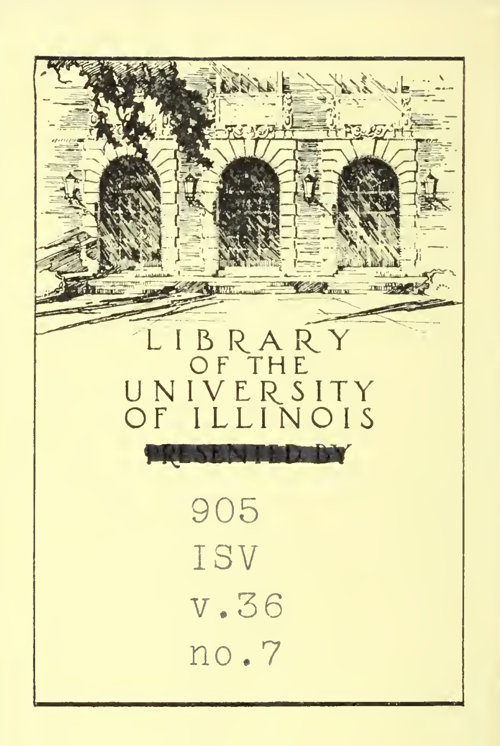

05
И-90
1, 1915 г.
Июль

кий театр ".

...идиуме Главполитпросвета).

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ІЮЛЬ 1915 г.

(См. слѣд. стран.).

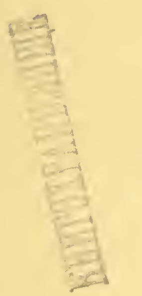
ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

ТОМЪ CXLI.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

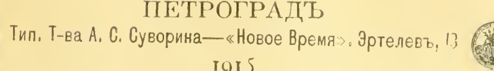

ТОМЪ CXLI.

1915

ПЕТРОГРАДЪ

Тип. Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Эртелевъ, 13

1915

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ

КОНСТАНТИНЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ.

† 2-го іюня 1915 г.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ КОНСТАНТИНЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ.

(Некрологъ).

АРСКАЯ семья, а вмѣстѣ съ нею и вся Россія понесла тяжелую, невозвратимую утрату: 2-го іюня, въ семь часовъ вечера послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни отъ припадка грудной жабы въ Бозѣ почилъ двоюродный дядя Государя Императора, генералъ-отъ-инфантеріи, сенаторъ, генералъ-инспекторъ военно-учебныхъ заведеній, президентъ императорской академіи наукъ, его императорское высочество великій князь Константинъ Константиновичъ. Съ именемъ почившаго Россія привыкла соединять одновременно съ глубокимъ почтеніемъ и преданностью, какъ къ члену царствующаго дома, свою искреннюю любовь, какъ къ одному изъ лучшихъ ея поэтовъ, цѣнителю и знатоку русской литературы, покровителю отечественнаго просвѣщенія и искусства, руководителю учащейся молодежи, доброму, отзывчивому и прекрасному человѣку.

Почившій великій князь, второй сынъ великаго князя Константина Николаевича и великой княгини Александры Іосифовны, родился 10-го августа 1858 года въ императорской мызѣ Стрѣльнѣ Петергофскаго уѣзда. Августѣйшій отецъ его (второй сынъ императора Николая Павловича) былъ высокообразованный и гуманный человѣкъ, ревностный поборникъ и дѣятельный участникъ освободительныхъ и просвѣтитель-

ныхъ преобразованій императора Александра II. Въ званіи генералъ-адмирала и на правахъ министра онъ управлялъ русскимъ флотомъ, который много обязанъ ему всесторонними реформами. Великій князь Константинъ Константиновичъ до семилѣтняго возраста находился на попеченіи своей няни В. П. Михайловой, вполнѣ русской женщины, а послѣ того воспитаніе и образованіе его было поручено лейтенанту И. А. Зеленому, который и руководилъ научными занятіями великаго князя до его совершеннолѣтія, до 1878 года. Художественные же вкусы, склонность къ музыкѣ, страстная любовь и влеченіе къ литературѣ съ ранняго возраста развивались въ великомъ князѣ Константинѣ Константиновичѣ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ его августѣйшихъ родителей, извѣстныхъ своею склонностью къ искусствамъ и литературѣ. Великій князь Константинъ Николаевичъ широко и гостепріимно открылъ страницы офиціальнаго «Морского Сборника» работамъ лучшихъ представителей тогдашней литературы, какъ Гончарову, Григоровичу, Писемскому, Потѣхину, Островскому, Станюковичу, С. Максимову, Мельникову-Печерскому и др., и этотъ офиціальный «Сборникъ» до сихъ поръ отражаетъ на себѣ свѣтлыя вѣянія и надежды эпохи великихъ реформъ. Появленіе такихъ произведеній, какъ «Фрегатъ Паллада» Гончарова, «Корабль Ретвизанъ» Григоровича, или «Годъ на сѣверѣ» С. Максимова, очень и очень многимъ обязано именно заботамъ и благожелательству къ родной литературѣ великаго князя Константина Николаевича. Понятно, что въ такой атмосферѣ любви и пониманія искусства и литературы, какая царила во дворцѣ великаго князя Константина Николаевича, и сынъ его съ юныхъ лѣтъ могъ горячо полюбить, понять и почувствовать прелесть родной поэзіи, лучшимъ представителемъ которой онъ являлся у насъ.

Уже съ 12-ти лѣтъ почившій великій князь сталъ знакомиться и теоретически, и практически съ морскимъ дѣломъ, которому такъ горячо былъ преданъ его августѣйшій родитель, желавшій посвятить послѣднему и своего сына. Съ 1870 и по 1874 годъ онъ каждое лѣто проводилъ на судахъ учебной эскадры вмѣстѣ съ воспитанниками морского кадетскаго корпуса. Въ 1874 году великій князь, произведенный въ гардемарины, отправился на винтовомъ фрегатѣ «Свѣтлана» въ дальнее плаваніе, которое произвело на юношу очень сильное впечатлѣніе. Онъ посѣтилъ Копенгагенъ, Гревезендъ, Брестъ, Кадиксъ, многіе замѣчательные порты Средиземнаго моря и, наконецъ, чудный Неаполь. Это путешествіе заронило въ

чуткую къ красотѣ душу юноши-поэта много новыхъ поэтическихъ образовъ, картинъ, дало немало впечатлѣній, всколыхнуло много грезъ, мечтаній, которыя впослѣдствіи вылились въ его звучные стихи. Въ 1876 году великій князь Константинъ Константиновичъ, въ чинѣ мичмана, плавалъ на томъ же кораблѣ по Атлантическому океану и посѣтилъ главные порты Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

Въ 1877 году вспыхнула турецкая кампанія. «Свѣтлана» возвратилась въ Кронштадтъ, и великій князь, которому исполнилось къ тому времени 19 лѣтъ, отправился на театръ военныхъ дѣйствій и получилъ боевое крещеніе. По распоряженію своего начальника, знаменитаго Ѳ. В. Дубасова, который взорвалъ турецкій броненосецъ, августѣйшій мичманъ получилъ серьезное и отвѣтственное порученіе: 2-го октября 1877 года во время ночной атаки турецкой флотиліи на Дунаѣ, подъ Силистріей, великимъ княземъ Константиномъ Константиновичемъ былъ спущенъ брандеръ на стоявшій у острова Гоппо турецкій пароходъ. Донося объ этомъ дѣлѣ начальнику морскихъ командъ на Дунаѣ, великому князю Алексѣю Александровичу, лейтенантъ Дубасовъ писалъ: «Оцѣнивая поведеніе каждаго изъ офицеровъ, большинство которыхъ было въ первый разъ подъ непріятельскимъ огнемъ, я считаю долгомъ прежде всего упомянуть о его императорскомъ высочествѣ великомъ князѣ Константинѣ Константиновичѣ, хладнокровіе и распорядительность котораго, несомнѣнно, гораздо выше его лѣтъ и опытности. Выполненное имъ порученіе, впрочемъ, говоритъ само за себя». За это храброе дѣло онъ удостоился высокой награды орденомъ св. Георгія 4-й степени.

Въ слѣдующемъ 1878 году почившій великій князь былъ произведенъ въ чинъ лейтенанта и назначенъ флигель-адъютантомъ. По окончаніи войны съ Турціей онъ въ теченіе пяти лѣтъ совершилъ рядъ новыхъ поучительныхъ путешествій. Лѣтомъ 1878 года вмѣстѣ съ августѣйшими родителями великій князь Константинъ Константиновичъ объѣхалъ сѣверъ Россіи, ознакомился съ тамошними историческими памятниками и любовался своеобразными красотами природы родного Сѣвера. Май и іюнь мѣсяцы слѣдующаго года онъ провелъ въ Крыму, гдѣ чарующая роскошь и разнообразіе южной природы произвели на него неизгладимое впечатлѣніе, которое впервые вызвало изъ-подъ его пера поэтическія произведенія. Далѣе, съ 1880 по 1882 гг. великій князь совершилъ плаваніе на фрегатѣ «Герцогъ Эдинбургскій», побывавъ на побережьи

Средиземнаго моря, въ Алжирѣ, Аѳинахъ, на святой землѣ Палестины и вновь посѣтивъ Италію и Грецію. Эти путешествія оставили глубокій слѣдъ въ душѣ почившаго и нашли горячій откликъ во многихъ его поэтическихъ произведеніяхъ, давъ для его вдохновеній цѣнный матеріалъ, прибавивъ на его поэтическую палитру множество новыхъ красокъ, пробудивъ въ душѣ много новыхъ поэтическихъ представленій, грезъ и замысловъ.

Въ 1883 году состоялась помолвка, а въ серединѣ апрѣля слѣдующаго 1884 года и торжество бракосочетанія великаго князя съ принцессою Елизаветою Маврикіевною Саксенъ-Альтенбургскою, герцогинею Саксонскою. Незадолго до бракосочетанія почившій великій князь принялъ на себя обязанности командира роты Его Величества въ лейбъ-гвардіи Измайловскомъ полку; эти обязанности ротнаго командира великій князь исполнялъ въ теченіе семи съ половиной лѣтъ. Служебныя занятія и семейная жизнь не отвлекали почившаго отъ развитія своего поэтическаго дарованія. Напротивъ, великій князь Константинъ Константиновичъ въ гвардейскомъ полку, который онъ успѣлъ горячо полюбить и съ которымъ всей душой сжился, учреждаетъ литературно-художественный кружокъ подъ названіемъ «Измайловскіе досуги». Членами кружка имѣли право состоять офицеры Измайловскаго полка, которые и составляли въ дѣйствительности его большинство, а также выдающіеся литераторы и артисты. Цѣлью учрежденія кружка было, какъ сообщено «Петроградской Газетой» (1915 г., № 150),—развитіе въ офицерской средѣ художественнаго и литературнаго вкусовъ; молодые офицеры, попадающіе со школьной скамьи въ полкъ, находили среду, гдѣ могли проводить свободное время съ пользою для себя. Постоянное общеніе съ литературно-образованными людьми, по мысли великаго князя, должно было удержать молодежь отъ кутежей и внести въ ихъ среду новые серьезные интересы. Члены кружка читали на своихъ собраніяхъ литературныя произведенія, собственныя и чужія, происходили оригинальныя «стихотворныя состязанія» товарищей-офицеровъ, исполняли пьесы на сценѣ своего собранія, занимались музыкой и другими искусствами. Основатель «досуговъ» привлекъ въ свое время къ этому кружку поэтовъ Майкова и Полонскаго и многихъ другихъ выдающихся писателей, артистовъ и художниковъ.

Вскорѣ великій князь Константинъ Константиновичъ былъ избранъ за свои труды въ почетные члены императорской

академіи наукъ, а съ 6-го мая 1889 года назначенъ и ея президентомъ.

Въ 1891 году въ чинѣ полковника великій князь Константинъ Константиновичъ назначенъ былъ командиромъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, четыре же года спустя онъ былъ утвержденъ въ этой должности съ производствомъ въ чинъ генералъ-маіора, въ 1901 году производится уже въ чинъ генералъ-лейтенанта съ назначеніемъ генералъ-адъютантомъ и, наконецъ, въ 1907 году достигъ высшаго чина—генерала-отъ-инфантеріи.

Въ 1900 году въ дѣятельности великаго князя Константина Константиновича произошла крупная и важная перемѣна: онъ получилъ назначеніе на высокій и отвѣтственный постъ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній. Десять лѣтъ спустя онъ получилъ новое назначеніе на болѣе высокій постъ генералъ-инспектора военно-учебныхъ заведеній, на каковомъ и пребывалъ до самаго дня своей кончины.

Характеризуя дѣятельность и огромныя заслуги покойнаго въ области просвѣщенія нашей военно-учащейся молодежи, г. П. Андріановъ въ своей прочувствованной статьѣ («Одесскій Листокъ», 1915, № 151) памяти почившаго великаго князя говоритъ, между прочимъ, слѣдующее:

«На этомъ поприщѣ, работая долго, любовно, усердно и вдохновенно, великій князь Константинъ Константиновичъ и посѣялъ, и собралъ обильную жатву. Его имя, какъ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній и какъ генералъ-инспектора, никогда не забудется, а его работа уже сказалась; она проявляется въ той самоотверженной боевой работѣ нашего офицерскаго состава послѣднихъ молодыхъ поколѣній, которую наблюдаемъ мы на кровавыхъ бранныхъ поляхъ. Высокіе завѣты великаго князя восприняты широкими слоями бывшихъ питомцевъ нашихъ военно-учебныхъ заведеній и теперь выражаются въ цѣломъ безконечномъ рядѣ геройскихъ подвиговъ, полныхъ сознательной любви къ родинѣ, красивыхъ, яркихъ, самоотверженныхъ. Объ этой просвѣтительной дѣятельности въ Бозѣ почившаго великаго князя хочется сказать нѣсколько словъ передъ открытымъ его гробомъ.

«Великій князь Константинъ Константиновичъ былъ назначенъ на отвѣтственный постъ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній послѣ уже солиднаго служебнаго опыта по военному вѣдомству. Ему, какъ герою войны 1877—78 гг., заслужившему высшую воинскую награду за подвигъ, въ которомъ сказались мужество и распорядительность, прекрасно

знакомы стали тѣ черты характера, надъ развитіемъ и воспитаніемъ которыхъ должна работать военная школа. Командованіе ротой въ старомъ лейбъ-гвардіи Измайловскомъ полку, а затѣмъ командованіе старѣйшимъ полкомъ Петровской гвардіи, любимымъ дѣтищемъ Петра Великаго, лейбъ-гвардіи Преображенскимъ полкомъ не только способствовало пріобрѣтенію великимъ княземъ служебнаго опыта, но и содѣйствовало тѣсному сближенію его съ офицерской средой, надъ воспитаніемъ и образованіемъ которой пришлось ему впослѣдствіи такъ много и вдумчиво работать. Въ 1900 году послѣдовало назначеніе великаго князя главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, и онъ со свойственнымъ ему порывомъ увлекся новой дѣятельностью, открывавшею широкій просторъ для его богатоодаренной натуры. Великій князь задался цѣлью поставить дѣло воспитанія и образованія въ нашихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ такъ, чтобы будущіе отвѣтственные дѣятели въ рядахъ арміи были не только подготовлены къ той спеціальной работѣ, какую придется имъ исполнять на службѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вступали бы въ жизнь, имѣя уже достаточный нравственный закалъ, чтобы стойко бороться съ многими соблазнами, чтобы твердо и увѣренно свершать свой жизненный путь.

«Чуткія и воспріимчивыя сердца питомцевъ военной школы, гдѣ въ силу особыхъ требованій службы приходится поддерживать строгій режимъ, сразу же почувствовали прикосновеніе нѣжной души своего августѣйшаго главнаго начальника. Великій князь сразу же сталъ популяренъ и обаятеленъ въ той средѣ, которою призванъ былъ онъ руководить. Постоянно объѣзжая кадетскіе корпуса и военныя училища, великій князь не только налаживалъ въ нихъ учебно-воспитательное дѣло, но и внушалъ личнымъ своимъ обаяніемъ въ среду учащихъ любовь и преданность къ дѣлу, а учащимся рвеніе къ наукамъ. Каждое посѣщеніе великимъ княземъ корпуса или училища было большимъ радостнымъ событіемъ. Великій князь любовно бесѣдовалъ со своими дѣтьми и умѣлъ при этомъ придавать какую-то интимную, семейную обстановку своимъ бесѣдамъ. Передъ нимъ раскрывались сердца, отъ него не было тайнъ, къ нему шли съ открытой душой, какъ идутъ на исповѣдь, и онъ вникалъ, сочувствовалъ, утѣшалъ и помогалъ. Какъ большой сердцевѣдъ, онъ часто умѣлъ глубоко заглянуть, многое понять и разъяснить. Виновныхъ онъ лечилъ не карой, а милостью и, примѣняя этотъ пріемъ въ отношеніи молодыхъ, хрупкихъ, еще не установившихся натуръ,

многихъ исправилъ, многихъ удержалъ на честномъ хорошемъ пути.

«Великому князю пришлось работать въ вѣдомствѣ военно-учебныхъ заведеній въ періодъ русско-японской войны и ближайшихъ послѣ нея лѣтъ. Нужно было использовать опытъ войны для проведенія реформъ въ вѣдомствѣ, главнымъ образомъ нужно было разгрузить теоретическую часть многихъ курсовъ по предметамъ военной подготовки и придать этому дѣлу болѣе практическій характеръ. Такая реформа была быстро проведена въ жизнь и принесла благотворные результаты.

«Десять лѣтъ продолжалась продуктивная дѣятельность великаго князя Константина Константиновича на посту главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній.

«Въ 1910 году онъ былъ назначенъ генералъ-инспекторомъ военно-учебныхъ заведеній и на этомъ посту остался до кончины своей, продолжая свой надзоръ за важнымъ дѣломъ— подготовки офицерскаго состава для нашей арміи. По поводу назначенія генералъ-инспекторомъ великій князь писалъ: «Я не разстаюсь съ дорогимъ моему сердцу вѣдомствомъ и, стоя въ сторонѣ отъ сложнаго дѣла управленія, буду имѣть полную возможность наблюдать за выполненіемъ военно-учебными заведеніями ихъ основныхъ задачъ и находить способы къ ихъ непрерывному усовершенствованію. Глубоко счастливъ, что мнѣ не приходится прощаться съ военно-учебными заведеніями, и я могу выразить только испытываемыя мною чувства задушевной признательности всѣмъ моимъ бывшимъ подчиненнымъ, съ которыми прослужилъ десять лѣтъ въ должности главнаго начальника. Годы этой службы останутся навсегда лучшими и самыми дорогими воспоминаніями моей жизни». Вспоминая затѣмъ о своихъ любимыхъ питомцахъ, великій князь говорилъ: «Васъ, дорогая молодежь, пажи, юнкера и кадеты отъ всей души благодарю! Много дарили вы мнѣ умиленія и счастья. Если и случалось вамъ причинять мнѣ тяжелыя заботы, зато какъ вы радовали вашего главнаго начальника стремленіемъ къ самоусовершенствованію и стараніями сдѣлаться достойными слугами Царя и Отечества! Любовью и преданностью вы отвѣчали на мои сердечныя попеченія»...

Извѣстный военный педагогъ И. С. Симоновъ даетъ слѣдующій отзывъ («Южный Край», 1915, № 12742) о руководительствѣ покойнаго великаго князя Константина Константиновича учащеюся молодежью и о его преобразованіяхъ въ жизни военныхъ учебныхъ заведеній:

«Великій князь принялъ военно-учебное вѣдомство при неблагопріятныхъ условіяхъ: педагогическія требованія, первенствовавшія въ «милютинскихъ» военныхъ гимназіяхъ, были заглушены въ новыхъ кадетскихъ корпусахъ командными отношеніями и требованіями внѣшней дисциплины, учебное дѣло приходило въ упадокъ, и на неудовлетворительность его постановки постоянно жаловались военныя училища. Въ 1900 году великій князь объѣхалъ и осмотрѣлъ всѣ кадетскіе корпуса.

«Осмотры эти производились великимъ княземъ съ полнымъ отсутствіемъ рутиннаго, дѣланнаго формализма. Онъ не смотрѣлъ заведенія, какъ это понимается съ точки зрѣнія производящихъ и отбывающихъ смотры, а посѣщалъ ихъ и проводилъ въ нихъ дни съ воспитанниками и всѣмъ составомъ служащихъ. Послѣ предварительнаго знакомства съ личнымъ составомъ заведенія, великій князь смотрѣлъ воспитанниковъ въ спальняхъ, по квартирамъ..., разговаривалъ съ каждымъ изъ нихъ... съ видимымъ интересомъ и любовью къ молодежи изучалъ ее во всемъ разнообразіи ея дѣтскихъ и юношескихъ типовъ... Во всѣхъ классахъ онъ хотѣлъ видѣть кадетъ во всѣ моменты ихъ жизни... безъ всякихъ смотровыхъ прикрасъ. Его высочество проводилъ съ ними время утромъ и вечеромъ, наблюдая, какъ они встаютъ, ложатся, чистятся, моются, одѣваются или раздѣваются, приготовляются къ дневнымъ занятіямъ или засыпаютъ. Его высочество обставлялъ и въ эти часы свое присутствіе такою нетребовательностью, что кадеты не чувствовали никакого стѣсненія... Въ застольныхъ бесѣдахъ (во время обѣда, завтрака или чая) великій князь знакомился съ нравами воспитанниковъ, съ ихъ отношеніями другъ къ другу, съ ихъ массовыми и личными интересами». Изъ осмотра военно-учебныхъ заведеній великій князь вынесъ убѣжденіе, что «установленный въ нихъ режимъ слишкомъ формаленъ и несообразенъ съ возрастомъ воспитанниковъ, выражаясь, главнымъ образомъ, въ надзорѣ и запрещеніи, причемъ надзоръ этотъ организованъ совершенно одинаково и для десятилѣтнихъ мальчиковъ и для юношей въ восемнадцать—двадцать лѣтъ». Градаціи въ степени довѣрія нѣтъ никакой, и въ этомъ великій князь усматривалъ одну изъ самыхъ слабыхъ сторонъ существовавшаго въ военно-учебныхъ заведеніяхъ воспитательнаго режима. Результатомъ объѣзда военно-учебныхъ заведеній явился интересный приказъ великаго князя (отъ 24-го февраля 1901 г., № 30),

въ которомъ онъ изложилъ свой гуманный взглядъ на воспитаніе юношества въ духѣ уваженія къ личности человѣка и его законному самолюбію. «Поддерживая всѣ свои требованія съ принципіальной строгостью и устанавливая надъ вновь поступающими самый бдительный надзоръ,—говорится въ приказѣ,—закрытое заведеніе обязано, по мѣрѣ нравственнаго роста своихъ воспитанниковъ, постепенно поднимать въ нихъ сознаніе человѣческаго достоинства и бережно устранять все то, что могло унизить или оскорбить это достоинство». Такимъ образомъ, забытые при махотинскомъ режимѣ педагогическіе идеалы были выдвинуты на первый планъ и указаны къ обязательному руководству. Было обращено особое вниманіе на улучшеніе состава воспитателей и преподавателей; въ 1900 г. были открыты при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній педагогическіе курсы для подготовки воспитателей, а въ 1903 г.—курсы для подготовки кандидатовъ на учительскія должности; выработаны новыя программы, причемъ особое вниманіе было обращено на развитіе самодѣятельности учащихся вообще. Умственному развитію кадетъ было придано особенное значеніе.

«Великій князь рекомендовалъ для этого, между прочимъ, «чтеніе подходящихъ книгъ» и «разговоръ о прочитанномъ съ воспитателями», устройство для седьмого класса «особыхъ удобно и уютно обставленныхъ читаленъ» съ выпиской періодическихъ изданій. Въ воспитательномъ отношеніи очень полезною оказалась новая организація лѣтнихъ занятій, въ особенности образовательныя экскурсіи кадетъ. Отмѣнены были мелочныя ограниченія для кадетъ старшихъ классовъ и юнкеровъ и въ то же время приняты мѣры противъ развитія среди нихъ роскоши и франтовства и привычки къ жизни не по средствамъ.

«Съ цѣлью объединенія и освѣженія учебно-воспитательской работы, по инціативѣ великаго князя, были созваны два съѣзда: въ 1903 году — первый съѣздъ преподавателей русскаго языка въ военно-учебныхъ заведеніяхъ и въ 1908 году—первый съѣздъ лицъ воспитательнаго состава кадетскихъ корпусовъ. Въ 1907 году были выработаны и введены въ военныхъ училищахъ новыя программы, основная идея которыхъ—«приблизить военныя знанія юнкеровъ къ войсковой жизни и подготовить ихъ къ обязанностямъ воспитателя и учителя солдата и къ роли руководителя ввѣренной ему малой части» (взводъ, полурота въ полѣ). Наконецъ, въ 1909 г., по инціативѣ великаго князя,

было приступлено и къ пересмотру курса кадетскихъ корпусовъ съ цѣлью выработки новыхъ программъ, соотвѣтствующихъ методическимъ требованіямъ, установленнымъ въ 1903 г., отнюдь не понижающихъ образовательнаго уровня обучающихся, но заключающихъ въ себѣ лишь основныя, существенно необходимыя для каждаго учащагося свѣдѣнія. Высочайшимъ приказомъ отъ 13-го февраля 1910 года великій князь Константинъ Константиновичъ былъ назначенъ генералъ-инспекторомъ военно-учебныхъ заведеній, причемъ въ Высочайшемъ рескриптѣ отъ 27-го февраля того же года, данномъ на имя его императорскаго высочества, отмѣчалось, что военно-учебныя заведенія, подъ «сердечнымъ и просвѣщеннымъ руководствомъ» великаго князя сдѣлали «широкіе шаги въ дѣлѣ своего усовершенствованія». Въ прощальномъ приказѣ по военно-учебнымъ заведеніямъ великій князь указалъ, что годы его службы по военно-учебному вѣдомству останутся навсегда лучшими и самыми дорогими воспоминаніями».

Литературная дѣятельность великаго князя Константина Константиновича началась съ 1879 года, когда онъ весною, въ бытность его вмѣстѣ съ августѣйшимъ отцомъ и сестрою, королевой эллиновъ Ольгой Константиновной, въ Крыму, написалъ свое первое стихотвореніе. За этимъ стихотвореніемъ вскорѣ послѣдовали и другія, но печатать ихъ поэтъ пока все еще не рѣшался, выступивъ въ печати только спустя три года, а именно въ августовской книжкѣ «Вѣстника Европы» за 1882 годъ. Подъ скромными литерами «К. Р.» появилось его первое слѣдующее стихотвореніе:

ПСАЛМОПѢВЕЦЪ ДАВИДЪ.

О, царь, скорбитъ душа твоя,
Томится и тоскуетъ!
Я буду пѣть, пусть пѣснь моя
Твою печаль врачуетъ.

Пусть звуковъ арфы золотой
Святое пѣснопѣнье
Утѣшитъ духъ унылый твой
И облегчитъ мученье.

Ихъ человѣкъ создать не могъ,
Не отъ себя пою я:
Тѣ пѣсни мнѣ внушаетъ Богъ,
Не пѣть ихъ не могу я!

О, царь; ни звучный лязгъ мечей,
Ни юныхъ дѣвъ лобзанья
Не заглушатъ тоски твоей
И жгучаго страданья!

Но лишь души твоей больной
Святая пѣснь коснется,—
Мгновенно скорбь отъ пѣсни той
Слезами изольется.

И воспрянетъ духъ унылый твой,
О, царь, и, торжествуя,
У ногъ твоихъ, властитель мой,
Пусть за тебя умру я!

Татой (близъ Аѳинъ).
Сентябрь 1881 г.

За первымъ стихотвореніемъ вскорѣ было напечатано другое, третье, и публика быстро замѣтила новаго талантливаго поэта, скрывавшагося подъ таинственными буквами «К. Р.». Майковъ, Фетъ, Полонскій признали его за своего лучшаго ученика и послѣдователя той школы чистаго искусства, которая воспиталась на произведеніяхъ Пушкина и Лермонтова. Стихотворенія К. Р., по преимуществу лирическія, трогаютъ своею нѣжною искренностью и изящною простотой, они стильны, музыкальны и безукоризненны по формѣ. Въ нихъ слышится горячая любовь къ родинѣ, за которую поэтъ страдалъ всей душой въ тяжкія годины ея испытаній, къ родной природѣ, къ родному народу; въ нихъ часто звучатъ религіозные мотивы, согрѣтые чистою непосредственною вѣрою; въ его стихахъ начертанъ высокій идеалъ его творческихъ стремленій:

Но пусть не тѣмъ, что знатнаго я рода,
Что царская во мнѣ струится кровь,
Родного, православнаго народа
Я заслужу довѣрье и любовь,
Но тѣмъ, что пѣсни русскія, родныя
Я буду пѣть немолчно, до конца,
И что во славу матушки-Россіи
Священный подвигъ совершу пѣвца...

Кромѣ собственныхъ поэтическихъ сочиненій и критическихъ отзывовъ о многихъ произведеніяхъ нашей литературы, перу великаго князя Константина Константиновича принадлежатъ также три перевода: «Мессинская невѣста или братья-враги», трагедія Шиллера (Спб., 1885 г.), «Трагедія

Шекспира о Гамлетѣ, принцѣ Датскомъ», съ примѣчаніями и комментаріями (Спб., 1899—1900 и 1910 г., два изданія) и «Ифигенія въ Тавридѣ» Гете, съ обширнымъ критическимъ этюдомъ объ этой драмѣ (Спб., 1912 г.).

Слѣдующую оцѣнку литературной дѣятельности почившаго великаго князя дѣлаетъ Ѳ. Д. Батюшковъ («Рѣчь», 1915, № 152):

«Прихотливъ даръ поэзіи: онъ волею судебъ ниспосылается и въ низшіе, и въ высшіе слои общества, въ лачуги и въ дворцы, отмѣчаетъ печатью избранника и прасола, и разночинца, и «пасынка жизни», и «баловня судьбы». Послѣднимъ эпитетомъ назвалъ себя поэтъ К. Р., принужденный, однако, скрывать подъ иниціалами свое настоящее имя.

«Въ своемъ стихотвореніи: «Я баловень судьбы» поэтъ К. Р., повѣдавъ, что онъ—«рожденіемъ къ величію призвȧнъ»,— тутъ же дѣлаетъ оговорку, что его отнюдь не привлекаютъ— «богатство, почести, высокій санъ... весь мишурный этотъ блескъ»:

Есть даръ иной, божественный, безцѣнный.
Онъ въ жизни для меня всего святѣй,
И ни одно сокровище вселенной
Не замѣнитъ его душѣ моей:
То пѣснь моя!..

«Эта пѣснь должна быть «родною, русскою». Она должна научить, какъ «горести переносить и радостно, на скорби не взирая, земную эту жизнь любить» («Письма про алые цвѣты»); она выявляетъ—«помыслы, желанья и стремленья», которыя таятся «невѣдомыми» въ душевной глубинѣ («Посвященіе Фету», II); она, подобно музыкѣ, уноситъ насъ въ тѣ «надзвѣздныя дали, гдѣ нѣтъ ни вражды, ни тревоги земной, ни зла, ни борьбы, ни печали!» (Посвященіе А. Г. Рубинштейну):

Отъ заботъ земли унылой,
Отъ тревогъ и суеты
Насъ невѣдомою силой
Въ вихрѣ пѣсенъ уносило
Въ неземныя высоты...

(Кантата на столѣтіе рожденія Пушкина).

«Поэтъ ищетъ отдыха въ поэтическихъ грезахъ, устремленія ввысь; онъ идеалистъ чистѣйшей воды и глубоко рели-

гіозенъ. Правда, въ одномъ стихотвореніи «Поэту» (II) онъ какъ будто обмолвился замѣчаніемъ:

Преслѣдуй пѣснью ложь и тьму
Во имя истины и свѣта.

«Но это выраженіе «преслѣдуй» именно представляется какою-то обмолвкой, риторическимъ оборотомъ, наподобіе аналогичныхъ выраженій у Надсона. К. Р. никого и ничего не «преслѣдовалъ»: онъ славилъ восторги вдохновенья, прославлялъ красоту жизни и вѣрилъ, что даже послѣ смерти—«все, что свято и прекрасно, простившись съ жизнью, мы переживемъ и не забудемъ, нѣтъ! Но чисто, но безстрастно возлюбимъ вновь, сливаясь съ Божествомъ!» Отрадное міросозерцаніе, вносящее примирительный аккордъ въ жизнь и заставляющее насъ чуть что не привѣтствовать смерть. Положительной стороной его для окружающихъ, для живущихъ и страждущихъ въ этомъ мірѣ является какъ бы органическая неспособность поэта ни къ чему дурному, постыдному, злому. Добро и отзывчивость къ добру—его родная стихія. Онъ, можетъ быть, не въ состояніи активно содѣйствовать утвержденію добра, бороться со зломъ, разсѣивать неправду, самъ поклоняясь правдѣ. Съ другой стороны, онъ не раскрываетъ намъ какихъ-либо новыхъ глубинъ въ природѣ, не пролагаетъ новыхъ путей къ выявленію сложныхъ переживаній и передачѣ неизвѣданныхъ раньше настроеній; но въ своей области онъ можетъ быть неизмѣнно милъ, лелѣя знакомыя, но вѣчно новыя, то есть обновляемыя ощущенія ласковыхъ сторонъ жизни, въ легкой, тоже ласковой формѣ музыкальной рѣчи, правильными, стройными и напѣвными лирическими строками. Отклики его настроеніямъ—любовь къ природѣ, къ людямъ, тоска по родинѣ и при наилучшихъ условіяхъ жизни въ чужихъ краяхъ, восторгъ при созерцаніи чудесъ искусства и т. д.—найдутся въ душѣ многихъ и еще долго будутъ возбуждать сочувствіе. Лирическая струя, присущая поэзіи К. Р., пробивается и въ «описательныхъ» поэмахъ, какъ «Севастьянъ-мученикъ», и окрашиваетъ интимной прелестью драматическое переложеніе евангельскаго разсказа о «Царѣ Іудейскомъ». Объ этой драмѣ не приходится много говорить, потому что, какъ не разъ уже указывалось въ печатныхъ отзывахъ о ней, авторъ очень точно слѣдовалъ своему источнику, почти не выказывая и не желая выказать особой изобрѣтательности въ трактовкѣ сюжета. Наиболѣе оригинальна сцена въ домѣ Пилата, и тутъ, даже при соблюденіи тради-

ціонной схемы разсказа, чувствуется не только воспринятое изъ книги, но пережитое или провѣренное на опытѣ окружающей жизни. Вѣчный сюжетъ вѣчно и обновляется. Въ остальномъ лирическое настроеніе автора сообщаетъ рѣчамъ дѣйствующихъ лицъ особый колоритъ. Чужое стало своимъ.

«Прекрасно владѣя техникой стиха въ традиціонномъ его примѣненіи къ нашей литературѣ со временъ Пушкина, К. Р. совершенно правильно почувствовалъ, что съ успѣхомъ можетъ примѣнить свое дарованіе въ качествѣ переводчика. Нельзя не вмѣнить ему въ заслугу и того, что онъ крайне бережно относился къ оригинальнымъ текстамъ, избраннымъ для переводовъ изъ произведеній Гете, Шиллера, Шекспира («Ифигенія въ Тавридѣ», «Мессинская Невѣста», «Король Генрихъ IV», «Гамлетъ»), не побоявшись печатать en regard текстъ и переводъ, снабжая послѣдній обстоятельными комментаріями, свидѣтельствующими о серьезномъ изученіи переводимаго автора и литературы о немъ. Быть можетъ, это, скажемъ, благоговѣйное и по существу вполнѣ правильное отношеніе къ оригинальному тексту порой отражалось не столь благопріятно на качествѣ языка перевода, въ смыслѣ легкости и красоты русскихъ стиховъ, если читать ихъ отдѣльно отъ оригинальнаго текста, но переводчикъ избралъ труднѣйшій путь въ данномъ дѣлѣ. И все-таки это вѣрный путь, и нужно быть признательнымъ автору хотя бы и за частичныя достиженія.

«Въ качествѣ рецензента произведеній, представленныхъ на соисканіе Пушкинской преміи при императорской академіи наукъ, К. Р. написалъ рядъ отзывовъ о современныхъ поэтахъ, нынѣ собранныхъ въ особый томъ («Критическіе отзывы», Птгр., 1915 г.). Конечно, эти «отзывы» представляютъ нѣсколько условный видъ критики: въ нихъ представляется оцѣнка положительныхъ и отрицательныхъ свойствъ одного-двухъ томовъ произведеній автора, искателя преміи, не входя въ общую его характеристику. Преимущественное вниманіе обращено на технику художественной рѣчи, и содержаніе оцѣнивается съ точки зрѣнія его большей или меньшей пріемлемости, безотносительно къ его болѣе общему— философскому, моральному или общественному значенію, безъ опредѣленія идеологіи автора и съ наивозможной объективностью оцѣнки рецензента. Однако и въ этихъ «отзывахъ» есть черты, служащія къ самоопредѣленію индивидуальности рецензента, представляющіяся при повторности характерными. «К. Р.» съ особой тщательностью во всѣхъ своихъ

отзывахъ старается отграничиться отъ «декадентства», придавая этому термину очень широкое значеніе какого бы то ни было новшества или даже индивидуализаціи эпитетовъ, или импрессіонизма въ самомъ элементарномъ смыслѣ. Его основныя требованія отъ поэзіи и поэтическихъ образовъ— ясность, отчетливость, точность, искренность настроенія, простота выраженій и наивозможное приближеніе къ «чистому искусству». Рѣчь, произнесенная въ память графа А. А. Голенищева-Кутузова (на публичномъ засѣданіи разряда изящной словесности 27-го октября 1913 г.), отчасти опредѣляетъ поэтическіе и моральные запросы К. Р. Въ своихъ «отзывахъ», превознося, быть можетъ, свыше мѣры качества поэзіи, напримѣръ, Вѣры Рудичъ, авторъ недооцѣниваетъ поэзію Ив. Бунина, но тонко и мѣтко разбираетъ достоинства и недостатки переводовъ Вл. Жуковскаго, сонетовъ французскаго поэта Хозе-Марія д'Эредіа, къ которому К. Р. относится съ особой нѣжностью. Вполнѣ примѣнимо и къ самому поэту правильное замѣчаніе, высказанное имъ въ отзывѣ о произведеніяхъ М. А. Лохвицкой, въ отвѣтъ на нѣкоторые упреки въ односторонности ея поэтическаго настроенія: «Намъ кажется,—писалъ К. Р.,—что обсуждать надлежитъ только то, что дано намъ писателемъ, и нельзя обвинять его за недостатокъ того, чего мы у него не находимъ. Вѣдь было бы смѣшно порицать ландышъ за то, что онъ не пахнетъ розой... Невольно приходитъ въ голову изреченіе: «Son genre est petit, mais il est grand dans son genre». Такъ же слѣдуетъ относиться и ко всей литературной дѣятельности К. Р., «не порицая ландышъ за то, что онъ не пахнетъ розой».

Послѣднею работою, которую великій князь Константинъ Константиновичъ завершилъ уже незадолго до своей смерти, была большая историческая драма на евангельскій сюжетъ— «Царь Іудейскій», къ сожалѣнію, пока не нашедшая мѣста на русской сценѣ.

«Царь Іудейскій»—это мистерія, выросшая на почвѣ глубочайшей эрудиціи,—говоритъ г. Л. Гроссманъ («Одесскій Листокъ», № 151):—въ ней осуществлена труднѣйшая драматическая задача: главный герой произведенія фактически въ немъ отсутствуетъ. Онъ ни разу не появляется на сценѣ; даже голосъ Его не раздается вдалекѣ, какъ въ драмѣ Метерлинка. И все же Онъ господствуетъ надъ всѣмъ произведеніемъ, Онъ опредѣленно чувствуется въ каждой сценѣ, Онъ поднимаетъ страсти и движетъ все дѣйствіе драмы, ни на

минуту не переставая оставаться ея центромъ и живымъ узломъ разворачивающихся событій.

«Ни разу не появляясь передъ зрителемъ, Іисусъ не перестаетъ присутствовать въ драмѣ. Всѣ заворожены однимъ Именемъ, всѣ напряженно устремлены къ единому Источнику охватившаго ихъ смятенія.

«Эта общность переживанія, эта коллективность впечатлѣнія превращаетъ «Царя Іудейскаго» въ интереснѣйшій опытъ драмы массъ. Народный экстазъ и волненіе толпъ, умиленные хоры массоваго экстаза или глухой рокотъ недовольства и нарастающаго возмущенія—вотъ главные рычаги ея драматическаго дѣйствія.

«Но при этомъ не опущены изображенія сложныхъ индивидуальныхъ движеній, и отрывочные возгласы напряженныхъ толпъ смѣняются такими стройными псалмами личныхъ раздумій и вѣрованій, какъ прекрасный монологъ Іосифа Аримаѳейскаго:

Священные Писанія глаголы
Напоминаютъ звѣзды въ небесахъ:
Въ тиши ночей изъ темно-синей дали
Загадочно таинственно онѣ
Льютъ намъ свое сіяніе на землю;
Восхищены нетлѣнною красою,
Мы трепетно подъемлемъ взоры къ нимъ,
Но ихъ теченье въ вышинѣ безбрежной,
Неисчислимость ихъ, намъ непонятны,
Ихъ свѣтлый сонмъ непостижимъ и чуждъ.
Какъ звѣздочетъ, вникающій пытливо
Въ небесъ полночныхъ огненную книгу,
Ты изучилъ пророковъ и законъ,
Я жъ отдаюсь души слѣпому чувству,
Порывамъ сердца повинуюсь я.

«Не опущены въ этой массовой драмѣ и черты историческаго и природнаго быта, мѣдные шлемы римскихъ легіонаріевъ, литературные споры о Гомерѣ и Виргиліи, «и лунный свѣтъ, и тѣнь маслинъ вѣтвистыхъ...»

«Скрыто ли въ этой исторической хроникѣ осужденіе цѣлаго народа, какъ это можетъ показаться по нѣкоторымъ вырваннымъ отрывкамъ? Лучшимъ опроверженіемъ этого впечатлѣнія могутъ послужить слова префекта, собесѣдника Пилата, въ которыхъ, несомнѣнно, слышенъ голосъ автора:

Не каждый ли народъ имѣетъ свойства
Хорошія съ дурными вмѣстѣ? Должно
Изъ первыхъ пользу выжимать, вторыя жъ
Съ терпѣніемъ умѣло подавлять.

«Мы видимъ, что и въ этомъ сложномъ и столь часто омрачающемъ душу вопросѣ поэтъ сохранилъ свою обычную ясность мысли и чуткость сердца».

Затѣмъ, для полноты характеристики литературнаго наслѣдія великаго князя Константина Константиновича нужно отмѣтить и еще одну область, въ которой покойный поэтъ не имѣлъ себѣ соперниковъ въ русской литературѣ. Это солдатскія пѣсни; изъ нихъ нѣкоторыя уже давно распѣваются народомъ въ городахъ и селахъ (какъ, напримѣръ, «Умеръ, бѣдняга, въ больницѣ военной»). Извѣстный поэтъ и критикъ Сергѣй Городецкій говоритъ о нихъ («Петроградскій Курьеръ», 1915, № 49):

«Казалось бы, отъ нѣжной лиры К. Р., звуки которой такъ часто бывали похожи на мечтательную молитву, какъ ждать военныхъ стиховъ? Но знающему тайну простоты нѣтъ преградъ, замучивающихъ стилиста. Солдатскій бытъ, лагерная жизнь встаютъ, какъ живые, въ смѣлыхъ, подчасъ не безъ сатиры, стихахъ. Портреты солдатъ выходятъ одинъ удачнѣй другого—въ «Письмѣ къ товарищу». Краснощекіе бородачи описаны съ любовью. Эпоха императора Александра III чувствуется за этими картинами необычайно ярко, та эпоха,

«Когда во всѣ четыре взвода
Мы заводили образа».

«Картины природы, деревенскаго житья, изученныя пристальнымъ взглядомъ, описываются съ подкупающей искренностью. Это не перечисленіе признаковъ, а живое чувство, подлинная тяга къ воздуху, къ звѣздамъ, къ деревнѣ:

Ужъ близко теперь: вотъ знакомыя нивы
И рѣчка, и жиденькій мостъ;
Вотъ церковь бѣлѣетъ, и старыя ивы
Склонились на мирный погостъ.

«Эти мотивы творчества К. Р. мало отмѣчены критикой. А, можетъ быть, именно въ нихъ онъ наиболѣе народенъ».

Кромѣ литературныхъ занятій, великій князь Константинъ Константиновичъ очень любилъ музыку, былъ близокъ ко многимъ музыкантамъ и особенно дарилъ своей дружбою извѣстнаго композитора П. И. Чайковскаго. Объ этой сторонѣ покойнаго въ замѣткѣ, напечатанной въ «Обозрѣніи театровъ» (1915, № 2775), сообщается, между прочимъ, что великій князь рекомендовалъ Чайковскому сюжеты для музыкальной иллюстраціи и помогалъ ему при сношеніяхъ съ Высочайшимъ дво-

ромъ, когда творецъ «Патетической симфоніи» хлопоталъ о посвященіи своихъ произведеній высочайшимъ особамъ или о субсидіяхъ. П. И. Чайковскій—одинъ изъ немногихъ, кому августѣйшій композиторъ открылъ свои музыкальные опыты. Великій князь обладалъ не только поэтическимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ большимъ музыкально-творческимъ дарованіемъ. Музыкальный талантъ его былъ оцѣненъ П. И. Чайковскимъ, который, несмотря на свою робость и боязнь предъ «большимъ свѣтомъ», искренно привязался къ августѣйшему меломану, посѣщалъ великаго князя, велъ съ нимъ оживленную переписку. Къ сожалѣнію, мы совершенно не знакомы съ композиціями великаго князя. Намъ извѣстно только, что къ своему «Царю Іудейскому» августѣйшій авторъ пробовалъ сочинять музыку самъ. Но остался недоволенъ и поручилъ ее написать А. К. Глазунову.

Авторъ оперы «Миранда», композиторъ Н. И. Казанли, долгое время состоявшій при великомъ князѣ въ бытность его главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, вспоминаетъ («Петроградская Газета», 1915, № 150): «Великій князь самъ былъ прекрасный музыкантъ. Онъ отлично игралъ на роялѣ и однажды въ Мраморномъ дворцѣ исполнялъ даже съ оркестромъ концертъ Моцарта и первый концертъ Чайковскаго. Великій князь былъ ученикомъ извѣстнаго Кюндингера по роялю и достигъ большихъ успѣховъ, какъ піанистъ. Изъ композиторовъ онъ очень любилъ Чайковскаго, съ которымъ былъ въ перепискѣ, любилъ Шумана, но выше всѣхъ ставилъ Моцарта. Почившій великолѣпно зналъ музыкальную литературу и самъ сочинилъ нѣсколько романсовъ, но, не имѣя школы, работалъ въ этомъ направленіи скорѣе инстинктивно. Вообще онъ несерьезно относился къ своему сочинительству, но, несомнѣнно, обладалъ чутьемъ и былъ одаренъ даже съ этой стороны».

Великій князь Константинъ Константиновичъ страстно любилъ театръ. Онъ даже не разъ самъ выступалъ въ роли актера на интимныхъ спектакляхъ въ Эрмитажѣ, исполняя роли Гамлета въ переведенной имъ трагедіи Шекспира, Іосифа Аримафейскаго въ «Царѣ Іудейскомъ». Юр. Бѣляевъ вспоминаетъ объ исполненіи покойнымъ роли Гамлета.

«И недавно, и какъ будто давно,—говоритъ онъ («Новое Время», № 14091).

«Я тогда «состоялъ» при Сальвини. Въ качествѣ вѣрнаго пажа слѣдовалъ за моимъ королемъ всюду, куда только ни посылала его вѣтреная петербургская мода.

«И однажды очень таинственно онъ сказалъ мнѣ:

«— Меня интересуетъ, какъ будетъ *онъ* играть Гамлета...

«Разумѣется, это было очень интересно.

«Въ Эрмитажѣ назначили не спектакль, а генеральную репетицію, куда пригласили тѣхъ, кто понималъ гастрономію театра.

«Сальвини такъ и шелъ туда, какъ «на Лукулла».

«... На маленькой сценѣ совершалось таинство.

«Помню, какъ почтительно шагнулъ великій Томазо черезъ легкій циркуль нашего придворнаго театра, какъ оглядѣлся, покрутилъ свой гарибальдійскій усъ и усѣлся въ почетное кресло.

«На маленькой сценѣ былъ очень большой принцъ, настоящій принцъ, чистой «голубой» крови, такъ нѣжно и такъ по дѣтски изображавшій Гамлета, что Сальвини, вовсе не понимая по-русски, пожалъ мнѣ руку, сморгнулъ слезу и сказалъ по-итальянски:

«— Ребенокъ!

«Это былъ секретъ обаянія, секретъ успѣха того, который ушелъ сейчасъ отъ насъ—и не какъ великій князь, не какъ академикъ, а какъ необыкновенно милый поэтъ, милый музыкантъ, милый актеръ и милый человѣкъ.

«Добрый принцъ.

«Это было едва ли не самымъ точнымъ опредѣленіемъ благороднаго лирика, который, несмотря ни на какія испытанія жизни, пѣлъ да пѣлъ, какъ соловей,—любовно, молитвенно, мистически, пѣлъ то на «Измайловскихъ досугахъ», то на чужой сторонѣ, то въ своемъ любимомъ Павловскѣ... Эти стихи его, эти почтительные, труженическіе и вдохновенные переводы его,—они такъ полны имъ, что—странно!—интимность его, какъ поэта, была чувствительна даже для тѣхъ, кто мало чувствовалъ поэзію.

«... Но я говорю о поэтѣ. А вотъ Сальвини, уходя изъ Эрмитажнаго театра, взволнованный, какъ никогда, сказалъ мнѣ на прощанье, но съ теплой интонаціей, дозволенной только ему одному:

«— Ребенокъ!

«Актеръ, скажу я, позавидовалъ этому необыкновенному Гамлету, который «любительствовалъ», но былъ необыкновенно силенъ своей «не-гастрольной» судьбой».

Объ отношеніяхъ великаго князя къ театру много интереснаго сообщается въ статьѣ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» (№ 14883): «Великій князь Константинъ Константиновичъ

вплотную подошелъ къ театру съ 17-го февраля 1900 года, когда въ Эрмитажномъ театрѣ была поставлена «Трагедія о Гамлетѣ, принцѣ Датскомъ» въ его переводѣ, который онъ самъ характеризовалъ, какъ «трудъ смиренный, завѣтный плодъ усилій долгихъ лѣтъ».

«Въ этихъ спектакляхъ великій князь Константинъ Константиновичъ игралъ Гамлета, Офелію—М. Н. Лопухина, Гертруду—М. А. Коссиковская, Клавдія—С. И. Голощаповъ, Полонія—А. П. Поповъ, Горація—Н. Г. Ермолаевъ, Лаэрта—А. Д. Дегай. Но Константинъ Константиновичъ не только игралъ. Онъ былъ одухотворителемъ всего спектакля—сразу вошелъ въ самую сущность театра, своими совѣтами и указаніями далъ всей постановкѣ ту особенную жизненную красочность, которая не только не испортила общій романическій тонъ трагедіи, но, наоборотъ, сдѣлала его еще рельефнѣе, еще выпуклѣе.

«Онъ самъ просматривалъ всѣ эскизы декорацій и рисунки костюмовъ по нѣскольку разъ, требовалъ передѣлки самыхъ ничтожныхъ бутафорскихъ предметовъ, находя ихъ или недостаточно стильными, или не выполненными съ должнымъ искусствомъ. Всѣ наиболѣе эффектныя групповыя сцены были поставлены по его указаніямъ: помню, мнѣ передавали, что третій и пятый акты репетировались по нѣсколько разъ исключительно ради достиженія чисто внѣшняго впечатлѣнія общей картины групповыхъ сценъ. Душа поэта-художника, проникшая въ святилище театра, широко расправила здѣсь свои крылья. И онъ, въ сущности, новичекъ въ театральномъ дѣлѣ, сразу произнесъ великое для театра слово: «красота». Онъ требовалъ красоты декорацій, красоты костюмовъ, красоты тѣлодвиженій и красоты рѣчи... Онъ почувствовалъ театръ—тотъ настоящій театръ, стремленіемъ къ которому горятъ всѣ его приверженцы, всѣ его поклонники.

«Почувствовавъ театръ, великій князь полюбилъ его... Развѣ иначе онъ отдалъ бы столько труда и столько высокаго вдохновенія «Царю Іудейскому», написанному для театра?.. Но, увы! путь русскаго театра усѣянъ не однѣми розами: у него есть и терніи. Много, очень много терній!.. А, знакомясь съ розами театра, великій князь долженъ былъ узнать и его жесткіе, колючіе терніи. Русскій театръ предсталъ передъ нимъ во всемъ своемъ величіи и во всемъ уничиженіи!»

Въ императорской академіи наукъ въ президентство великаго князя Константина Константиновича былъ образованъ при отдѣленіи русскаго языка и словесности

академіи разрядъ изящной словесности. Въ составъ почетныхъ членовъ этого разряда были избраны графъ Л. Н. Толстой, А. Ѳ. Кони, графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, К. К. Арсеньевъ, П. Д. Боборыкинъ, Н. А. Котляревскій и др. При немъ также при академіи была образована особая комиссія по распредѣленію пособій нуждающимся ученымъ, писателямъ и журналистамъ изъ процентовъ на особый капиталъ, пожертвованный съ этой цѣлью Государемъ Императоромъ. При немъ академія наукъ отмѣтила торжественнымъ чествованіемъ память великихъ писателей Пушкина и Гоголя.

Такова была многополезная, многогранная, выдающаяся дѣятельность на жизненномъ поприщѣ великаго князя Константина Константиновича, показавшаго всей своей жизнью великій примѣръ труда на благо своей родины, трудившагося до послѣдняго дня, не взирая на то, что тяжелый недугъ уже давно подтачивалъ его силы. Великій князь Константинъ Константиновичъ занемогъ давно, сообщаютъ газеты («Русское Слово», № 127, 1915). Болѣзнь почекъ неоднократно давала себя чувствовать. Болѣзнь осложнилась слабой дѣятельностью сердца. Великому князю былъ предписанъ строгій режимъ и абсолютное спокойствіе, но кипучая натура великаго князя не могла примириться съ предписаніями врачей, и августѣйшій больной продолжалъ заниматься текущими дѣлами по управленію военно-учебными заведеніями. Не оставлялъ онъ также и литературной работы. Во время болѣзни великій князь любилъ читать Пушкина, говоря, что стихи великаго поэта дѣйствуютъ на него лучше всякаго лекарства. Вспыхнувшая война глубоко захватила покойнаго великаго князя. Всѣ помыслы его были направлены къ доблестному русскому воинству. Изъ августѣйшей семьи великаго князя на войнѣ присутствуютъ почти всѣ сыновья. Геройская смерть младшаго любимаго сына, его высочества князя Олега Константиновича, подѣйствовала на августѣйшаго отца удручающимъ образомъ. Извѣстіе о гибели князя Багратіонъ-Мухранскаго долго скрывали отъ великаго князя, положеніе котораго къ этому времени было уже тяжелымъ. Его продолжительное время подготовляли къ этому грустному событію, но встрѣтилъ онъ его съ большимъ самообладаніемъ. Покойный князь Багратіонъ-Мухранскій былъ любимцемъ великаго князя, который зналъ его съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ. Самообладаніе, однако, стоило великому князю большихъ усилій воли. Въ этотъ день онъ чувствовалъ себя очень плохо, и врачи нѣсколько разъ впрыскивали ему

камфару. Въ послѣдніе дни, несмотря на серьезное состояніе, врачи, пользовавшіе августѣйшаго больного, указывали, что особенныхъ опасеній за роковой исходъ болѣзнь не внушаетъ. Временами великій князь чувствовалъ себя очень хорошо. Трагическій конецъ вызвалъ среди врачей крайнее удивленіе. Они объясняютъ его осложненіемъ болѣзни сердца и острымъ припадкомъ грудной жабы. Наканунѣ рокового исхода, въ три часа дня, августѣйшій больной принялъ въ Павловскомъ дворцѣ академика Успенскаго и долго бесѣдовалъ съ нимъ объ устройствѣ археологическаго института въ Константинополѣ. Великій князь въ этотъ день не ложился даже въ постель. Отпуская Успенскаго, великій князь собственноручно написалъ письмо непремѣнному секретарю императорской академіи наукъ С. Ф. Ольденбургу, въ которомъ далъ нѣкоторыя свои указанія относительно археологическаго института въ Константинополѣ. Самочувствіе у больного было хорошее. Послѣ ухода Успенскаго августѣйшая супруга его императорскаго высочества, великая княгиня Елизавета Маврикіевна, читала вслухъ своему августѣйшему супругу. Черезъ часъ послѣ пріема Успенскаго великая княгиня на нѣкоторое время вышла изъ кабинета, и когда она черезъ непродолжительное время вернулась, то уже застала своего августѣйшаго супруга почти безъ дыханія.

О кончинѣ великаго князя Константина Константиновича послѣдовалъ слѣдующій Высочайшій манифестъ:

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Всемогущему Богу угодно было отозвать къ Себѣ Любезнѣйшаго Двоюроднаго Дядю Нашего Великаго Князя Константина Константиновича. Его Императорское Высочество скончался, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, во 2 день іюня, на 57 году отъ рожденія.

Покойный Великій Князь Константинъ Константиновичъ посвятилъ Свою жизнь отечественной наукѣ и положилъ много труда и заботъ по высшему руководству дѣломъ военнаго образованія юношества, давшаго столь доблестный составъ офицеровъ, геройскіе подвиги коихъ въ настоящую войну навсегда запечатлѣются въ исторіи русской арміи.

Оплакивая утрату Любезнѣйшаго Дяди Нашего, Мы увѣрены, что всѣ вѣрноподданные Наши раздѣлятъ скорбь, постигшую Императорскій Домъ Нашъ, и соединятъ молитвы свои съ Нашими объ упокоеніи души Великаго Князя.

Данъ въ Царскомъ Селѣ, во 2 день іюня, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ пятнадцатое, Царствованія же Нашего въ двадцать первое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано: *«НИКОЛАЙ»*.

7-го іюня состоялось торжественное перевезеніе тѣла въ Бозѣ почившаго великаго князя Константина Константиновича изъ его дворца въ Павловскѣ въ Петроградъ, въ Царскую усыпальницу—Петропавловскій соборъ. Павловскъ,—по описанію газетъ («Новое Время», 14094),—съ глубокою горечью провожалъ своего любимаго августѣйшаго владѣльца въ мѣсто вѣчнаго упокоенія. Утромъ служилъ во дворцѣ у тѣла великаго князя панихиду л.-гв. Преображенскій полкъ. Надъ дворцомъ до половины былъ приспущенъ великокняжескій флагъ. Внѣ парка по Садовой улицѣ группы жителей и дачниковъ наполняли тротуары, ожидая печальнаго шествія.

По пути отъ дворца къ вокзалу протянулись сѣрыя шпалеры войскъ, всѣ въ пѣшемъ строю. У дворца на площади стояла отдѣльно рота въ почетномъ караулѣ съ знаменемъ и музыкой и другой почетный караулъ, также съ музыкой на правомъ флангѣ, поставленъ былъ у входа на дебаркадеръ вокзала.

Во дворцѣ, въ кругломъ съ глубокими нишами залѣ, опоясанномъ зеленью высокихъ пальмъ, у обитаго золотой парчой гроба, лицомъ въ почившему читалъ священникъ Евангеліе; въ изголовьи на аналоѣ лежала икона Спасителя, и за нею высились три адмиральскихъ и великокняжескій флаги. На дежурствѣ у гроба стояли генералы, штабъ- и оберъ-офицеръ (адъютантъ почившаго) и на часахъ почетные часовые: въ головѣ—отъ роты дворцовыхъ гренадеръ и въ ногахъ—два юнкера. Внѣ дворца, на площади его, выстраивалось печальное шествіе.

Въ Павловскъ въ два часа прибыли Государь Императоръ съ великими княжнами Ольгою, Татьяною и Маріею Николаевнами, великіе князья Павелъ Александровичъ и Георгій Михаиловичъ. Въ присутствіи Государя, ея величества королевы эллиновъ и августѣйшихъ: семьи почившаго и великихъ князей, придворнымъ протопресвитеромъ Дерновымъ соборнѣ совершена была заупокойная литія, по окончаніи ко-

торой адъютанты почившаго принесли крышку гроба и накрыли его. Государь Императоръ, великіе князья и августѣйшіе сыновья покойнаго сняли гробъ съ катафалка, вынесли его изъ дворца и поставили на стоявшій у параднаго подъѣзда покрытый трауромъ, запряженный въ шесть лошадей цугомъ артиллерійскій лафетъ Михайловскаго артиллерійскаго училища съ ѣздовыми юнкерами. Гробъ накрыли генералы покровомъ, и адмиралы Пономаревъ и Левинскій—флагомъ. Процессія по зеленымъ аллеямъ парка и улицѣ двинулась къ вокзалу. Перезванивали колокола городскихъ церквей.

Впереди ѣхалъ церемоніймейстеръ Высочайшаго двора въ мундирѣ съ шарфомъ черезъ плечо изъ чернаго и бѣлаго крепа, за нимъ въ траурномъ мундирѣ конюшенный офицеръ, по два въ рядъ шли придворные служители великокняжескаго двора. За ними слѣдовали шталмейстеръ великокняжескаго двора генералъ-майоръ Ермолинскій и управляющій дворомъ почившаго гофмейстеръ Минкельде; подъ устцы вели верхового коня почившаго. По обѣ стороны лафета шли адъютанты почившаго и генералы, при немъ состоявшіе. За лафетомъ слѣдовалъ Государь Императоръ и августѣйшія особы. Затѣмъ Государь съ августѣйшими дочерьми проводилъ нѣкоторое время процессію и отбылъ въ Царское Село.

На пути процессія остановилась у церкви св. Маріи Магдалины, гдѣ совершена литія. При звукахъ музыки и пѣніи пѣвчихъ процессія подошла къ вокзалу. Печально глядѣлъ Царскосельскій вокзалъ съ обитыми бѣлыми и черными полосами столбами его галлереи, съ черными драпировками и чернымъ навѣсомъ надъ входомъ. У станціи желѣзной дороги почетный караулъ отдавалъ честь, лафетъ остановили у траурно задрапированнаго входа, и здѣсь особы императорской фамиліи сняли гробъ съ лафета и перенесли его въ траурный вагонъ поѣзда. Поѣздъ, состоявшій изъ шести вагоновъ и салонъ-вагона для августѣйшихъ особъ, пошелъ въ Петроградъ.

Въ Петроградѣ ко времени прихода поѣзда въ три съ половиной часа собрались на Императорской станціи по повѣсткамъ отъ двора лица, назначенныя присутствовать при печальной встрѣчѣ. Передъ подъѣздомъ Императорской станціи выстроился почетный караулъ отъ Павловскаго военнаго училища со знаменемъ и музыкой. У подъѣзда стоялъ въ шесть лошадей лафетъ Константиновскаго артиллерійскаго училища. Во дворѣ станціи выстраивались печальная процессія и духовенство. Отъ станціи по всему пути до Петроградской крѣпости стояли шпалерами войска; во дворѣ вокзала рота

дворцовыхъ гренадеръ. По улицамъ въ отрядѣ войскъ находились: полуроты Пажескаго Его Величества корпуса, Павловскаго и Владимирскаго военныхъ училищъ, Николаевскаго инженернаго училища, сводныя роты кадетскихъ корпусовъ, сотня Николаевскаго кавалерійскаго училища въ конномъ строю, батарея Константиновскаго артиллерійскаго училища и частей мѣстнаго гарнизона. Всѣми войсками командовалъ генералъ-адъютантъ Фанъ-деръ-Флитъ.

На дебаркадеръ станціи въ серебряныхъ облаченіяхъ вышли на встрѣчу тихо подходившаго поѣзда высокопреосвященный митрополитъ петроградскій Владимиръ съ архіереями. На павильонъ прибыли Государыня Императрица Марія Өеодоровна, великіе князья и великія княгини и въ императорскомъ поѣздѣ изъ Царскаго Села Государь Императоръ, Государыня Императрица Александра Өеодоровна съ великими княжнами Ольгою Николаевною, Татіаной Николаевною и Маріей Николаевною.

Тихо подошелъ печальный поѣздъ. У открытыхъ дверей траурнаго вагона совершена литія. При пѣніи «Вѣчной памяти» генералы Ермолинскій и Герингъ сняли съ гроба великокняжескій покровъ, контръ-адмиралы кормовой флагъ. Государь и великіе князья взяли гробъ и вынесли его на артиллерійскій лафетъ. Генералы и контръ-адмиралы покрыли гробъ великокняжескимъ покровомъ и морскимъ Андреевскимъ флагомъ.

Въ воздухѣ печально понесся перезвонъ колоколовъ Введенской церкви. Запѣли пѣвчіе. Процессія тронулась. Музыка войскъ играла «Коль славенъ».

Впереди ѣхалъ взводъ Николаевскаго кавалерійскаго училища. Церемоніймейстеръ и за нимъ конюшенный офицеръ слѣдовали верхомъ. Далѣе шли попарно придворные лакеи и камеръ-лакеи великокняжескаго двора, ведя подъ уздцы коня почившаго. Генералъ съ двумя ассистентами-полковниками несли россійскій гербъ.

Шли чиновники конторы двора великаго князя, чины двора, и за ними двигалась вереница депутацій отъ обществъ и учрежденій, въ которыхъ почившій состоялъ президентомъ, попечителемъ, покровителемъ или членомъ. За депутаціями, по два въ рядъ, шли въ формѣ военнаго времени генералы и адмиралы, находящіеся въ Петроградѣ. Три взвода на коняхъ Николаевскаго кавалерійскаго училища, За ними высились бѣлые съ синимъ крестомъ флаги и мелькалъ огонь факеловъ. Адмиралы съ ассистентами-капитанами флота несли одинъ

за другимъ контръ-адмиральскій, вице-адмиральскій и адмиральскій флаги. Еще контръ-адмиралъ несъ великокняжескій флагъ, при немъ ассистентами—полковники. На 20 подушкахъ штабъ-офицеры разныхъ частей войскъ несли знаки отличія и ордена почившаго, впереди иностранные. По сторонамъ процессіи, начиная отъ орденовъ и далѣе до лафета съ гробомъ, шли рѣдкою цѣпью пажи, въ парадной формѣ, въ каскахъ съ бѣлыми султанами, съ пылающими факелами въ рукахъ.

Съ крестами и хоругвями двигалась духовная процессія. Діаконъ держитъ крестъ, впереди фонарь, по сторонамъ двѣ хоругви. Бѣлая лента причетниковъ, синей полосой идутъ пѣвчіе, митрополичьи и Исаакіевскаго собора, за ними тянется опять серебряная лента городскихъ священниковъ съ возженными свѣчами въ рукахъ, придворные пѣвчіе въ малиновыхъ мундирахъ и кафтанахъ перевиваютъ ее, за ними двигаются придворное духовенство, архимандриты и архіереи въ митрахъ и владыка митрополитъ. Передъ лафетомъ съ гробомъ идетъ съ иконой въ рукахъ духовникъ почившаго, архимандритъ Макарій. По сторонамъ лафета шли адъютанты и генералы, состоявшіе при почившемъ. Юнкера-артиллеристы Константиновскаго училища везутъ лафетъ, запряженный въ шесть лошадей, съ гробомъ августѣйшаго своего генералъ-инспектора.

За лафетомъ слѣдовалъ всю дорогу Государь Императоръ съ великими князьями и сыновья въ Бозѣ почившаго. За Его Величествомъ шелъ министръ императорскаго двора генералъ-адъютантъ графъ Фредериксъ, дежурство: генералъ-адъютантъ Новосильцовъ, свиты генералъ-майоръ Гаддонъ и флигель-адъютантъ Саблинъ. Военный министръ генералъ-адъютантъ Сухомлиновъ, генералъ-адъютанты и лица Государевой свиты слѣдовали за гробомъ. Въ каретѣ, обитой трауромъ, слѣдовали Ихъ Величества Государыня Императрица Марія Θеодоровна и королева эллиновъ Ольга Константиновна. Справа у дверецъ ѣхалъ верхомъ оберъ-шталмейстеръ генералъ-адъютантъ Гринвальдъ, слѣва шталмейстеръ Зиновьевъ. Позади кареты стоялъ на запяткахъ камеръ-казакъ. Въ слѣдующей траурной каретѣ слѣдовали Государыня Императрица Александра Θеодоровна съ великой княжной Маріей Николаевной и великая княгиня Елизавета Маврикіевна съ княжною Вѣрою Константиновною. Позади кареты на запяткахъ стоялъ камеръ-казакъ. Въ слѣдующихъ каретахъ, каждая въ четыре лошади цугомъ, слѣдуютъ великія княгини Марія Павловна и Викторія

Өеодоровна, за ними великая княгиня Ксенія Александровна, великія княжны Ольга и Татьяна Николаевны; далѣе княгиня Ирина Александровна княгиня Юсупова графиня Сумарокова-Эльстонъ и принцесса Елена Георгіевна Саксенъ-Альтенбургская. У дверей каждой кареты ѣдутъ по одному шталмейстеру верхомъ, на запяткахъ стоятъ придворные лакеи въ треуголкахъ. За каретами съ августѣйшими особами слѣдуютъ кареты съ придворными дамами (статсъ-дамы баронессы Рихтеръ, графиня Фредериксъ и княгиня Долгорукая) и фрейлинами, и за ними кареты съ первыми чинами Высочайшаго двора. За вереницей каретъ шли взводы роты дворцовыхъ гренадеръ, и за ними слѣдовали всѣ ближайшіе служители почившаго великаго князя. Отрядъ войскъ, играя похоронные марши, замыкалъ шествіе.

Отъ императорской станціи печальная процессія вышла на Загородный проспектъ и двигалась по нему до Гороховой улицы. Станція и Царскосельскій вокзалъ были убраны трауромъ; балконы и подъѣзды въ черно-бѣлыхъ драпировкахъ. На вокзалѣ приспущенъ флагъ. Фонари по улицамъ были затянуты траурными матеріями, и траурные флаги развѣвались на домахъ. У церкви Введенія (въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку) процессія остановилась, и при перезвонѣ колоколовъ митрополитъ совершилъ литію. Вступивъ на Гороховую улицу, процессія пошла до набережной Фонтанки и двигалась затѣмъ черезъ Марсово поле на Суворовскую площадь.

Когда голова шествія вступила на Троицкій мостъ, съ верковъ Петроградской крѣпости начали раздаваться рѣдкіе выстрѣлы печальнаго салюта изъ орудій. Рѣшетка моста была убрана гирляндами зелени, сквозь густо покрытые флеромъ фонари печально просвѣчиваютъ огоньки электричества. По пути процессіи, у Аничкова моста, передъ церковью Троице-Сергіевскаго подворья, вышло монашествующее духовенство и совершена была литія, также и передъ Пантелеймоновскою церковью и передъ Мраморнымъ дворцомъ. На Петроградской сторонѣ совершена литія передъ древнимъ соборомъ Святой Троицы. Отъ Троицкой площади шествіе вступило въ крѣпость. Крѣпостной флагъ приспущенъ до половины.

Въ крѣпости Петропавловскій соборъ наполнился прибывшими придворными лицами и высшими государственными лицами. Здѣсь находился дипломатическій корпусъ съ его старѣйшиной японскимъ посломъ барономъ Мотоно, предсѣдательствующій въ Государственномъ Совѣтѣ статсъ-секретарь Голубевъ, предсѣдатель Государственной Думы камер-

геръ Родзянко, предсѣдатель совѣта министровъ статсъ-секретарь Горемыкинъ, министръ императорскаго двора андреевскій кавалеръ генералъ-адъютантъ графъ Фредериксъ, члены Государственнаго Совѣта, министры, въ ихъ числѣ и управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ камергеръ князь Щербатовъ, главноуправляющіе и оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, сенаторы, статсъ-секретари и почетные опекуны и придворные чины, военное начальство, генералъ Фроловъ, комендантъ крѣпости баронъ Зальца, его помощникъ генералъ-лейтенантъ Сталь-фонъ-Гольстейнъ. Передъ входомъ въ соборъ во дворѣ вытянулся почетный караулъ отъ морского Наслѣдника Цесаревича корпуса со знаменемъ и хоромъ музыки; морской министръ генералъ-адъютантъ Григоровичъ обошелъ его фронтъ.

Когда печальное шествіе прошло въ крѣпость и подошло къ собору, изъ него встрѣтить гробъ вышелъ митрополитъ съ духовенствомъ. Четыре адмирала сняли съ гроба почившаго кормовой андреевскій флагъ, четыре генерала сняли покровъ, а Государь Императоръ съ великими князьями понесли гробъ въ соборъ. Музыка играла «Коль славенъ». На паперти собора стояли на часахъ двое дворцовыхъ гренадеръ, и дежурили казаки конвоя Его Величества съ офицеромъ.

Когда гробъ внесли и поставили на катафалкъ подъ балдахиномъ, митрополитъ съ архіереями совершилъ панихиду. Митрополиту сослужили архіепископы: Сергій финляндскій, Тихонъ воронежскій, Владиміръ пензенскій, епископы: Иннокентій, викарные: Веніаминъ, Анастасій, Геннадій и Ѳеофанъ, протопресвитеръ Дерновъ, архимандритъ Михаилъ и соборное духовенство. «Со святыми упокой» и «Вѣчная память» вся церковь слушала, преклонивъ колѣна. Послѣ панихиды митрополитъ первый началъ чтеніе Евангелія.

Послѣ чтенія митрополита Ихъ Величества и особы императорской фамиліи отбыли изъ собора, и начался разъѣздъ. Священники продолжали читать Евангеліе.

Торжественно былъ печаленъ видъ собора. Среди его высокихъ сѣрыхъ, покрытыхъ массою серебряныхъ вѣнковъ колоннъ высился на красномъ помостѣ громадный балдахинъ съ золотой пирамидальной крышей, увѣнчанной великокняжеской короной и по борту украшенной шестью группами бѣлыхъ страусовыхъ, опущенныхъ внизъ перьевъ. Куполъ балдахина поддерживали четыре витыя золоченыя колонны. Серебряныя драпировки и подзоры спускались съ купола. Подъ балдахиномъ, на бархатномъ массивномъ катафалкѣ стоялъ гробъ

съ тѣломъ почившаго великаго князя, съ массивными кистями по угламъ. Обитая золотой парчой крышка отъ гроба лежала въ правой сторонѣ на бѣломъ глазетовомъ столѣ, богатый золотой покровъ, опушенный горностаемъ, и андреевскій морской флагъ покрывали гробъ, спускаясь до пола. Четыре золоченыхъ подсвѣчника по сторонамъ гроба. Наверху по сторонамъ гроба стояло дежурство—6 человѣкъ, чины 2-го класса, то есть дѣйствительные тайные совѣтники и полные генералы, 3-го и 4-го классовъ и придворный камергеръ, камеръ-юнкеръ и церемоніймейстеръ; внизу по сторонамъ балдахина вытянулись на стражѣ почетные часовые съ ружьями два въ головѣ—отъ роты дворцовыхъ гренадеръ и два въ ногахъ—юнкера военныхъ училищъ. Передъ балдахиномъ—аналой, и за нимъ священникъ съ діаконами по сторонамъ въ серебряномъ облаченіи читаетъ св. Евангеліе. Къ алтарю все пространство до алтарной солеи занято было въ три ряда 20 парчевыми табуретами, на которыхъ лежали ордена и знаки отличія почившаго; средняя колонна, изъ трехъ табуретокъ, вмѣщаетъ ордена свв. Владимира, Георгія Побѣдоносца и Андрея Первозваннаго. Въ головѣ почившаго, предъ табуретками, высились четыре флага: великокняжескій и три адмиральскихъ; за орденомъ св. Андрея Первозваннаго—св. икона и поминальный столикъ съ Распятіемъ и рисовой кутьей.

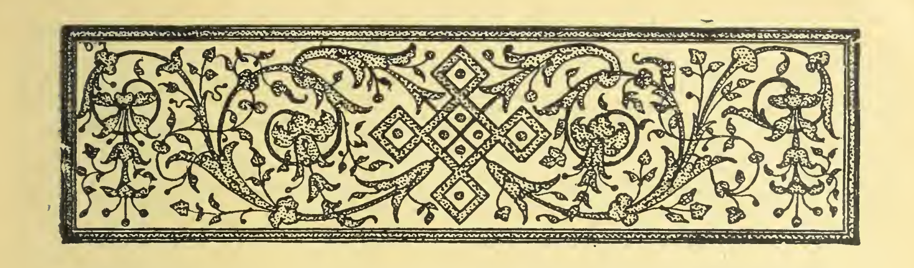
Благоговѣйная тишина собора нарушалась лишь голосомъ священника, читающаго св. Евангеліе. Дежурство и часовые смѣнялись черезъ два часа.

6-го іюня, въ восемь съ половиною часовъ вечера прибыла съ Кавказа съ похоронъ своего геройски павшаго въ бою мужа ея высочество княгиня Татьяна Константиновна, княгиня Багратіонъ-Мухранская, и съ княземъ Игоремъ Константиновичемъ отправилась прямо съ поѣзда въ Петропавловскій соборъ поклониться тѣлу своего въ Бозѣ почившаго родителя.

8-го іюня состоялось отпѣваніе и погребеніе тѣла въ Бозѣ почившаго великаго князя Константина Константиновича.

Къ десяти съ половиной часовъ утра къ Божественной литургіи въ Петропавловскій соборъ собрались придворныя дамы, особы дипломатическаго корпуса, предсѣдатель и члены совѣта министровъ, исполняющій обязанности предсѣдателя и члены Государственнаго Совѣта, предсѣдатель и товарищи предсѣдателя Государственной Думы, главноуправляющіе, сенаторы, первые и вторые чины Высочайшаго двора, статсъ-секретари, почетные опекуны, придворные кавалеры, свита Государя Императора, генералитетъ, штабъ- и оберъ-офицеры.

особы первыхъ четырехъ классовъ, петроградскіе градоначальникъ и губернаторъ, губернскій и уѣздные предводители дворянства Петроградской губерніи, городской голова, депутаты отъ петроградскаго купечества, военныя депутаціи, депутаціи отъ обществъ и учрежденій, въ коихъ въ Бозѣ почившій великій князь былъ августѣйшимъ покровителемъ, предсѣдателемъ или членомъ. Противъ входа въ соборъ былъ выстроенъ почетный караулъ отъ Павловскаго военнаго училища. Въ соборъ прибыли ея величество королева эллиновъ и августѣйшая семья въ Бозѣ почившаго великаго князя Константина Константиновича, великія княгини Марія Павловна, Елизавета Θеодоровна, Викторія Θеодоровна, Ксенія Александровна, Марія Павловна младшая, принцесса Елена Георгіевна Саксенъ-Альтенбургская, великіе князья Кириллъ Владиміровичъ, Борисъ Владиміровичъ, Андрей Владиміровичъ, Павелъ Александровичъ, Дмитрій Павловичъ, Дмитрій Константиновичъ, Николай Михаиловичъ и Георгій Михаиловичъ, принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій. Къ исходѣ 11-го часа прибыли Государь Императоръ съ великими княжнами Ольгой Николаевной, Татіаной Николаевной и Маріей Николаевной и Государыня Императрица Марія Θеодоровна. По прибытіи Ихъ Величествъ началась Божественная литургія, по окончаніи которой послѣдовало отпѣваніе. Богослуженіе совершали высокопреосвященный Владиміръ, митрополитъ петроградскій и ладожскій, члены св. синода и придворное духовенство; пѣла придворная капелла. По окончаніи отпѣванія Высочайшія особы отдали послѣднее поклоненіе тѣлу въ Бозѣ почившаго великаго князя; Государь Императоръ вмѣстѣ съ особами императорской фамиліи подняль гробъ, который былъ отнесенъ, въ предшествіи митрополита и духовенства, къ могилѣ, въ новую усыпальницу при соборѣ; здѣсь была отслужена литія и гробъ опущенъ въ могилу дворцовыми гренадерами. Ихъ Величества и особы императорской фамиліи, принявъ отъ высокопреосвященнаго Владиміра, митрополита петроградскаго и ладожскаго, песокъ на блюдѣ, посыпали его на гробъ; при опущеніи гроба въ могилу всѣми войсками, находившимися въ строю, былъ отданъ, совмѣстно съ Петроградскою крѣпостью, установленный салютъ. Ихъ Величества и особы императорской фамиліи отбыли изъ усыпальницы, гдѣ осталось послѣднее дежурство при тѣлѣ въ Бозѣ почившаго великаго князя до совершеннаго задѣлыванія могилы.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАГО апрѣля штабъ верховнаго главнокомандующаго доносилъ:

«Въ шавельскомъ районѣ 23-го апрѣля наши войска продолжали успѣшно тѣснить отступающихъ германцевъ, которые отброшены изъ гор. Шавель на юго-западъ. На лѣвомъ берегу Нѣмана и на наревскомъ фронтѣ въ общемъ затишье. На лѣвомъ берегу Вислы южнѣе Сохачева наша небольшая пѣхотная часть, переправясь черезъ Бзуру въ ночь на 28-ое апрѣля, послѣ штыкового боя овладѣла группой нѣмецкихъ окоповъ и захватила въ плѣнъ нѣсколько десятковъ нижнихъ чиновъ при офицерѣ. Попытки германцевъ атаковать наше расположеніе въ районахъ къ югу отъ Скерневицъ и Равы были нами отбиты.

«Въ Западной Галиціи въ теченіе 27-го апрѣля наши войска къ сѣверу отъ лутовискаго направленія продолжали отходъ на назначенныя имъ позиціи. Наступленіе непріятеля пріостановлено нашими контръ-атаками. На ужокскомъ и стрыйскомъ направленіяхъ атаки австрійцевъ отбиты съ большими для нихъ потерями. У Рожанки Нижней непріятель взорвалъ заложенный имъ горнъ близъ нашихъ окоповъ и затѣмъ повелъ наступленіе на сосѣдніе участки нашей позиціи, причемъ ему удалось занять часть воронки. Лихой контръ-атакой нашихъ частей австрійцы были выбиты изъ нея, причемъ противникъ въ безпорядкѣ отступилъ, оставивъ на мѣстѣ боя нѣсколько сотъ труповъ; нами захвачено здѣсь много плѣнныхъ. Въ районѣ хребта Яворникъ, къ западу отъ Ломницы, мы завершили нашъ успѣхъ энергичнымъ наступленіемъ. Непріятель понесъ здѣсь въ теченіе послѣднихъ дней неисчислимыя потери: свыше 5,000 труповъ оставлено имъ на склонахъ хребта. Въ заднѣпровскомъ районѣ

на фронтѣ Обертынь—Черновцы, протяженіемъ свыше 60 верстъ, наши войска перешли въ наступленіе и съ большимъ успѣхомъ продвигаются впередъ, нанося противнику крупныя потери и отражая его многочисленныя попытки задержать насъ контръ-атаками. Здѣсь нами захвачено много плѣнныхъ, причемъ пока за 27-ое апрѣля зарегистрировано свыше 5,000 человѣкъ, кромѣ того, взято вновь 6 орудій, 8 пулеметовъ и много военной добычи. Противникъ, быстро отступивъ, очистилъ весь лѣвый берегъ Днѣстра и выброшенъ изъ города Залещиковъ».

29-го апрѣля главное управленіе генеральнаго штаба опубликовало слѣдующее объясненіе:

Въ теченіе послѣдней недѣли германскіе официальные источники сообщаютъ совершенно не отвѣчающія дѣйствительности данныя о ходѣ военныхъ дѣйствій на нашемъ фронтѣ. Такъ, германцы сообщаютъ о взятіи въ бою у Либавы 12 пушекъ, между тѣмъ вся артиллерія отряда, который велъ боя у Либавы, состояла только изъ 4 пушекъ. Въ районѣ восточнѣе Россіенъ непріятель не только не нанесъ намъ тяжкихъ потерь, какъ онъ о томъ сообщаетъ, но и вообще не достигъ никакихъ успѣховъ. Не мы находимся въ полномъ отступленіи, какъ гласитъ германское сообщеніе, а непріятельскія части до настоящаго времени вынуждены отходить на фронтѣ нашего наступленія переходами, размѣръ коихъ колеблется отъ 10 до 50 верстъ.

Непріятель утверждаетъ, что у Кальваріи, Августова и Прасныша онъ отразилъ съ кровавыми потерями наши атаки, между тѣмъ таковыя нами вовсе не предпринимались, на этомъ фронтѣ атаки велись лишь непріятелемъ у Ваха, Единорожеца и фольдарка Помяны, частью съ демонстративной цѣлью, частью чтобы вернуть утраченные имъ опорные пункты.

Что касается сраженія въ Галиціи, то за исключеніемъ неудавшейся попытки противника окружить нашу 48-ю дивизію, бои въ теченіе девяти дней сохраняютъ до настоящаго времени характеръ массовыхъ лобовыхъ атакъ непріятеля на послѣдовательно занимаемыя нами укрѣпленныя позиціи, причемъ хотя потери наши и велики, но и непріятель несетъ неисчислимыя потери и, несомнѣнно, пытается раздуть свой успѣхъ, преувеличивая во много разъ цифру захваченныхъ имъ плѣнныхъ, въ числѣ коихъ много раненыхъ, коихъ мы при послѣдовательномъ отходѣ нашихъ войскъ, къ сожалѣнію, не имѣли возможности увезти съ полей сраженій.

Своими рекламными объявленіями [непріятель, повидимому, преслѣдуетъ особыя цѣли воздѣйствія на общественное мнѣніе своихъ подданныхъ и нейтральныхъ государствъ.

29-го апрѣля официальныя французскія сообщенія говорили:

«Бои къ сѣверу отъ Арраса продолжались съ крайнимъ упорствомъ. Въ теченіе ночи съ 28-го на 29-ое апрѣля непріятель, получивъ подкрѣпленіе, предпринялъ нѣсколько контръ-атакъ, не давшихъ никакого результата. При одной изъ этихъ атакъ, направленной противъ Невиля-Сенъ-Вааста, атакующіе понесли особенно сильныя потери. На кладбищѣ только сосчитано болѣе двухсотъ труповъ германцевъ. Кромѣ того, нами захвачено около ста плѣнныхъ. Другая атака, которую непріятель предпринялъ между Каранси и Албеномъ, также была отражена нами. Третья атака, направленная изъ Аблена, оказалась для непріятеля столь же неудачной. Утромъ 29-го апрѣля мы продвинулись въ лѣсу къ востоку отъ Каранси, захвативъ 125 плѣнныхъ. Это продвиженіе продолжалось и послѣ полудня. Съ другой стороны, мы заняли три послѣ-

довательныя линіи окоповъ на опушкѣ лѣса къ сѣверу отъ Каранси и проникли въ лѣсъ, угрожая такимъ образомъ въ непосредственной близости послѣдней линіи сообщеній, остающейся еще у защитниковъ позиціи. Наконецъ, послѣ полудня, мы атаковали ту часть мѣстечка Невиль-Сенъ-Вааста, которая еще находится въ рукахъ непріятеля. Послѣ боя на улицахъ мы овладѣли нѣсколькими группами домовъ. Наше продвиженіе продолжается. Общее число плѣн-

Итальянскій король Викторъ-Эмануилъ III.

ныхъ, захваченныхъ съ 26-го апрѣля, достигло къ нынѣшнему вечеру 4,000 человѣкъ. На остальномъ фронтѣ нашимъ огнемъ были остановлены германскія атаки близъ Берри-о-Бака, Босежура и Маріи-Терезіи-Багатель.

«Бои, происходившіе съ 26-го апрѣля на сѣверѣ отъ Арраса, привели французскія войска къ исключительно блестящимъ результатамъ. Всего въ теченіе всѣхъ нашихъ атакъ на пространствѣ между Коосомъ и Невиль-Сенъ-Ваастомъ мы взяли въ плѣнъ свыше 3,400 человѣкъ, захватили 12 орудій и около

60 пулеметовъ; въ числѣ плѣнныхъ находится болѣе 50 офицеровъ. Въ общемъ наше продвиженіе въ различныхъ бояхъ опредѣляется въ 2—4 километра, причемъ мы заняли три центра сильнаго сопротивленія германцевъ, а именно: Ла-Таржеттъ, пространство къ западу отъ Невилль и мѣстность къ востоку отъ Каранси. Бои за этотъ день были отмѣчены безукоризненной связью между различными родами оружія, прекрасной артиллерійской подготовкой и, наконецъ, необычайной лихостью пѣхоты, отвагой и самоотверженіемъ людей всѣхъ возрастовъ, воодушевленныхъ ихъ начальниками, изъ которыхъ многіе, къ сожалѣнію, пали въ бою.

«Къ сѣверу отъ Арраса 29-го апрѣля вечеромъ и въ ночь на 30-ое апрѣля мы достигли блестящаго успѣха. Мы овладѣли у Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ небольшимъ фортомъ и часовней и выдержали въ старомъ четыреугольникѣ, образуемомъ траншеями и земляными укрѣпленіями, къ югу отъ часовни, весьма ожесточенную контръ-атаку непріятеля. Кровопролитное сраженіе въ этомъ четыреугольникѣ продолжалось въ теченіе всей ночи и 30-го апрѣля утромъ, причемъ мы полностью удержали за собою наши позиціи и нанесли непріятелю весьма тяжелый уронъ. Въ ту же ночь мы штурмомъ овладѣли всей деревней Каранси и лѣсомъ къ сѣверу отъ высоты «125». Гарнизонъ, занимавшій деревню и лѣсъ, состоялъ изъ батальона 109-го пѣхотнаго полка, батальона 136-го егерскаго баварскаго полка и шести саперныхъ ротъ, по 300 человѣкъ въ каждой. Эти войска чрезвычайно сильно укрѣпили Каранси и лѣсъ у высоты «125». Гарнизонъ, несмотря на значительныя потери въ предшествующіе дни убитыми, ранеными и плѣнными, въ теченіе всей ночи оказывалъ отчаянное сопротивленіе. Къ разсвѣту сопротивленіе непріятеля было сломлено, и мы овладѣли позиціей. Наши войска въ штыковомъ бою убили нѣсколько сотъ германцевъ и взяли 1.500 плѣнныхъ, въ томъ числѣ около 30 офицеровъ, а среди нихъ одного полковника и командира егерскаго батальона.

«У южнаго подхода къ Сушэ наши позиціи подверглись ожесточеннымъ атакамъ со стороны непріятеля, которыя были отражены. Произведенныя нами атаки противъ деревни Невилль и къ сѣверу отъ нея имѣли послѣдствіемъ значительное продвиженіе нашихъ войскъ. Къ сѣверу отъ деревни мы продвинулись впередъ на нѣсколько сотъ метровъ и завладѣли дорогой, ведущей отъ каменоломенъ на Невилль и Живанши. 27-го апрѣля утромъ мы заняли лишь южную часть деревни Невилль, тогда какъ сѣверная часть и середина ея находились еще въ рукахъ непріятеля. Во время атаки, произведенной нами въ полдень, мы, занимая домъ за домомъ, овладѣли и центральной частью деревни, отбросивъ германцевъ въ сѣверную часть ея, которую мы окружаемъ. Наши войска проявили въ этомъ дѣлѣ необычайную энергію и стойкость. Въ Лепретрскомъ лѣсу мы вчера завладѣли новой линіей германскихъ окоповъ».

30-го апрѣля штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что въ ночь на 28-ое апрѣля непріятель перешелъ въ наступленіе значительными силами въ районѣ Шавель, стремясь вновь захватить этотъ узелъ путей. Въ теченіе ночи мы успѣшно отразили пять непріятельскихъ атакъ, а на слѣдующее утро энергичнымъ ударомъ разбили обходную колонну германцевъ, причемъ захватили нѣсколько сотъ плѣнныхъ и 5 орудій. Бой продолжается. На

Дубиссѣ въ тотъ же день мы съ боя овладѣли непріятельской позиціей у Эйрагола. Въ районѣ праваго берега Оржица наши минометы весьма успѣшно обстрѣливали непріятельскія траншеи.

Въ Западной Галиціи на значительной части фронта въ теченіе 28-го и 29-го апрѣля напряженіе боевъ уменьшилось. Наше наступленіе на правомъ берегу Днѣстра продолжаетъ развиваться успѣшно. Чтобы облегчить положеніе своего центра, въ безпорядкѣ отходившаго отъ Днѣстра къ линіи Обертынъ—Городенка, непріятель 28 апрѣля велъ безуспѣшныя контръ-атаки на смежныхъ участкахъ фронта, причемъ у Хозимирзъ наступавшія части австрійцевъ были отражены съ большими потерями. Наша артиллерія уничтожила полностью два батальона, а одинъ непріятельскій батальонъ положилъ оружіе. У Городенка непріятель въ 7 часовъ вечера того же дня дрогнулъ и началъ безпорядочное отступленіе. Нами вновь захвачены нѣсколько тысячъ плѣнныхъ, орудія и до 50 зарядныхъ ящиковъ.

30-го апрѣля великобританское правительство офиціально увѣдомило:

«18 апрѣля два германскихъ миноносца атаковали англійскія военныя суда: «Barbados», «Columbia», «Miura» и «Chirsit». Послѣ боя, продолжавшагося всего четверть часа, германскія суда бѣжали, но успѣли потопить «Колумбію», причемъ погибло 16 офицеровъ и изъ состава команды спасенъ всего одинъ человѣкъ. Контръ-миноносцы, освѣдомленные о направленіи, взятомъ германскими миноносцами, настигли ихъ и пустили ко дну. Перечисленныя выше англійскія суда, всѣ малыхъ размѣровъ, несли лишь вспомогательную службу и находились подъ командою лейтенантовъ и субъ-лейтенантовъ запаса. Командиръ «Барбадоса» былъ раненъ, но его помощникъ остался у руля, маневрируя такъ, чтобы избѣгнуть непріятельскихъ минъ, и проявилъ выдающуюся ловкость и смѣлость».

Французскія правительственныя сообщенія отъ 30-го апрѣля извѣщали о многочисленныхъ трофеяхъ, добытыхъ французами у отступившаго непріятеля.

Англійскій броненосецъ «Goliath» былъ потопленъ непріятельскою миною въ Дарданеллахъ; англійская подводная лодка «Е. 4», проникнувъ въ Мраморное море, потопила двѣ турецкія канонерскія лодки и одинъ транспортъ.

1-го мая штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что въ районѣ Шавель бой развивался въ благопріятныхъ для насъ условіяхъ. За сутки нами было взято въ плѣнъ свыше 1,000 германцевъ и захвачено 9 пулеметовъ.

Въ Западной Галиціи напряженіе боевъ 27-го апрѣля ослабло, наши войска постепенно стягиваются къ линіи рѣки Сана для занятія болѣе сосредоточеннаго расположенія. Австрійская армія, очистивъ 28-го апрѣля сильно укрѣпленную позицію, тянувшуюся отъ Быстрицы до румынской границы на протяженіи 140 верстъ, 29-го апрѣля поспѣшно отступила за рѣку Прутъ. Конница непріятеля, пожертвовавшая собой, чтобы конными атаками прикрыть общее отступленіе, разсѣяна нашимъ огнемъ. Наши кавалерійскія дивизіи во многихъ мѣстахъ прорвали непріятельскій фронтъ и успѣшными атаками разстроили порядокъ движенія непріятельскихъ колоннъ; преслѣдованіе энергично продолжается на весьма выгодныхъ для насъ условіяхъ, значительное число захваченныхъ нами плѣнныхъ быстро увеличивается.

На кавказскомъ фронтѣ за 28-ое и 29-ое апрѣля на ольтинскомъ направленіи наши войска закрѣпили за собою хребетъ Кизылъ-дагъ съ перевалами, отбросивъ турокъ къ юго-западу. На дутахскомъ направленіи мы продвинулись къ югу отъ Дутаха, причемъ конница прошла къ Патносу, гдѣ имѣла столкновеніе съ курдами, которые были разсѣяны. На ванскомъ направленіи наши войска вытѣснили противника изъ долины Вбага.

На французскомъ фронтѣ къ 1-му мая положеніе дѣлъ находилось въ такомъ видѣ: «На сѣверѣ отъ Арраса состояніе грунта затрудняло операціи. Тѣмъ не менѣе французы продолжали наступать. Къ юго-западу отъ Ангръ они произвели кавалерійскую атаку отъ Эксъ-Нулетъ по направленію къ Сушэ. Къ сѣверу отъ этого шоссе французы заняли германскую траншею протяженіемъ въ одинъ километръ; къ югу же отъ нея они взяли укрѣпленное лѣсное пространство, а за нимъ траншею второй оборонительной линіи. Здѣсь находилось до 400 труповъ германцевъ. Дальше къ югу французы продолжали выбивать непріятеля изъ его окоповъ на восточномъ и южномъ склонахъ Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ. Въ Невиль-Сенъ-Ваастѣ они заняли еще нѣсколько домовъ, при чемъ французская артиллерія нанесла непріятелю, по словамъ плѣнныхъ, чрезвычайно тяжелыя потери. Всего за это время французы взяли въ плѣнъ 100 офицеровъ, захватили 20 орудій, изъ нихъ 8 крупнаго калибра, и 100 пулеметовъ и бомбометовъ.

По сообщенію отъ 2-го мая, бой къ сѣверу отъ Арраса продолжался при прежнихъ условіяхъ, при чемъ французы двинулись на 500 метровъ по направленію къ сахарному заводу Сушэ, гдѣ продолжался ожесточенный артиллерійскій бой. Сильное пораженіе нанесли французы нѣмцамъ у Ипра, гдѣ ихъ войска заняли нѣсколько траншей передъ Хотзаасомъ и взяли часть селенія Стеенстрете, расположенную къ западу отъ Ипрскаго канала, а также мостъ на каналѣ, причемъ захватили три пулемета и около 50 плѣнныхъ.

Французы отбили атаку на склонахъ Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ. У Невиль-Сенъ-Вааста они продолжали успѣшно продвигаться впередъ и взяли сѣверную часть города. На равнинѣ, прилегающей къ Лепретрскому лѣсу, по сосѣдству съ Понтъ-а-Мусономъ, французы взяли въ плѣнъ 50 человѣкъ, въ томъ числѣ одного офицера.

Положеніе нашихъ военныхъ дѣлъ ко 2-му мая находилось въ такомъ видѣ:

Съ начала апрѣля начали поступать свѣдѣнія о массовыхъ перевозкахъ германскихъ войскъ съ ихъ западнаго фронта и сосредоточеніи ихъ въ Западной Галиціи. Въ создавшейся обстановкѣ пришлось остановить развитіе нашего удар на мезо-лаборчскомъ и ужокскомъ направленіяхъ, дабы не растягивать въ дальнѣйшемъ наше расположеніе и пріобрѣсти возможность направлять имѣвшіеся резервы на угрожаемый участокъ нашего фронта. Однако силы, кои противникъ рѣшился вновь перебросить на нашъ фронтъ, оказались столь значительными, что нашей третьей арміи не удалось сдержать ихъ напора на участкѣ Цѣнжковице—Горлице. Путемъ непрерывныхъ упорныхъ боевъ и перехода въ стремительныя контръ-атаки, коими удалось не допустить намѣченный непріятелемъ прорывъ нашего расположенія, дѣйствія противника были сведены къ лобовымъ ударамъ на послѣдовательно занимаемыя третьей арміей позиціи. Высо-

кій духъ нашихъ войскъ позволилъ имъ, сохраняя полный порядокъ, разрѣшить выпавшія на нихъ трудныя боевыя задачи и нанести непріятелю огромныя потери. Къ 1-му мая вся третья армія развернулась на Санѣ; въ соотвѣтствіи съ этимъ пришлось также приступить къ нынѣ уже заканчивающейся перегруппировкѣ сосѣднихъ армій, дабы согласовать занимаемый ими фронтъ. Хотя намъ пришлось при этомъ отойти съ Карпатъ, но одновременно съ симъ, путемъ рѣшительнаго наступленія въ Восточной Галиціи мы достигли весьма суще-

Итальянская королева Елена.

ственныхъ результатовъ на нашемъ лѣвомъ крылѣ, которое нанесло австрійцамъ на Днѣстрѣ тяжелое пораженіе на фронтѣ свыше 150 верстъ. Въ теченіе пяти дней съ 26-го апрѣля нами было захвачено въ этомъ районѣ до 20.000 плѣнныхъ, а непріятель вынужденъ къ полному безпорядочному отступленію за Прутъ. 1-го мая наши дальнобойныя батареи Перемышля разсѣяли непріятельскую колонну, приближавшуюся съ запада, и нанесли ей значительныя потери. На другихъ участкахъ на Санѣ и на восточныхъ склонахъ Карпатъ боевыхъ столкновеній не было. Разбитая на Днѣстрѣ австрійская армія 1-го мая удерживалась на лѣвомъ берегу Прута лишь въ районѣ Коломеи, какъ при помощи

переброшенныхъ сюда по желѣзной дорогѣ подкрѣпленій, такъ и вводя въ бой послѣдніе резервы, саперовъ, этапныя части, тыловыя формированія. Въ тотъ же день наши войска съ боя взяли Надворную. Снятынъ былъ захваченъ еще наканунѣ нашей конницей, перебравшейся съ налета сквозь укрѣпленія предмостной позиціи. Энергичное преслѣдованіе нами продолжалось. Въ шавельскомъ районѣ развивались успѣшные для насъ бои. Отразивъ нѣсколько атакъ къ западу отъ Шавель, мы успѣшно атаковали у селенія Грузди и отбросили значительную непріятельскую колонну, стремившуюся обойти Шавли съ сѣвера.

На кавказскомъ фронтѣ 30-го апрѣля попытка турокъ остановить наше наступленіе въ районѣ горы Кизылъ-дагъ была отражена нашими войсками.

2-го мая великобританское министерство иностранныхъ дѣлъ опубликовало переписку съ правительствомъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, изъ которой усматривается, что турецкое правительство во время бомбардировки союзниками Галлипольскаго полуострова высылаетъ туда изъ Константинополя французовъ и англичанъ. Американскій посолъ въ Константинополѣ сообщилъ, что, несмотря на его усилія и протесты, турецкое правительство выслало въ Галлиполи 26 англичанъ и 24 француза. Двумъ американскимъ журналистамъ разрѣшено сопровождать ихъ. Сэръ Эдуардъ Грей заявилъ, что Англія за жизнь французскихъ гражданъ и англійскихъ подданныхъ возлагаетъ личную отвѣтственность на Энвера-пашу, принца Саидъ-Халима-пашу и членовъ нынѣшняго турецкаго правительства и военнаго управленія.

3-го мая штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ, что весь районъ къ востоку отъ рѣкъ Виндавы и Дубиссы нынѣ очищенъ отъ непріятеля. Германцы, пытавшіеся въ теченіе нѣсколькихъ дней переходить въ наступленіе на Шавли, 1-го мая были отброшены съ большими для нихъ потерями. Къ западу отъ Нѣмана 2-го мая произошелъ также рядъ успѣшныхъ для насъ стычекъ.

На Санѣ 1-го и 2-го мая завязались бои въ районѣ Лезахова и Ярослава. Къ югу отъ Перемышля непріятель поддерживалъ соприкосновеніе съ нашей конницей лишь разъѣздами. На рѣкѣ Прутѣ 1-го мая успѣшные для насъ бои продолжались. Наши войска достигли въ нѣсколькихъ пунктахъ желѣзной дороги Делатынь—Коломеа.

2-го мая Черноморскій флотъ обстрѣливалъ Кефкенъ, Эрегли и Килимли; уничтожено было четыре груженныхъ парохода и двадцать парусныхъ судовъ.

На кавказскомъ фронтѣ 1-го мая на Ольтинскомъ и Приморскомъ направленіяхъ происходили незначительныя перестрѣлки.

3-го мая французское правительство извѣстило, что въ теченіе ночи непріятель произвелъ три контръ-атаки противъ Стеенстрете и его окрестностей, причемъ послѣдняя изъ этихъ атакъ, произведенная на разсвѣтѣ, отличалась особеннымъ ожесточеніемъ. Нападавшіе были отбиты съ большими для нихъ потерями. 2-го мая французы захватили шесть пулеметовъ и одинъ бомбометъ. Къ сѣверу отъ Лабассэ въ теченіе этой ночи англичане отняли у германцевъ нѣсколько траншей на пространствѣ между Ришфуромъ и Кэнзрю. Въ теченіе всей ночи продолжался ожесточенный бой на сѣверѣ отъ Арраса, а также на

восточныхъ и южныхъ склонахъ Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ. Послѣ упорнаго боя мы нѣсколько продвинулись впередъ.

Сербы уничтожили непріятельскую развѣдочную барку и имѣли артиллерійскій бой съ двумя австрійскими канонерками, изъ которыхъ одна, повидимому, также пострадала.

4-го мая штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что 2-го и съ утра 3-го мая бои въ шавельскомъ районѣ продолжали развиваться для насъ вполнѣ благопріятно; наши войска, переправившись черезъ Дубиссу, атаковали Германцевъ, причемъ овладѣли окопами и захватили 8 орудій и нѣсколько сотъ плѣнныхъ. Между Пилицей и верхнимъ теченіемъ Вислы непріятельскія колонны слѣдовали за нашими войсками, переходившими на новый фронтъ. У Гельнева, Русскаго Брода и Сухеднюва мы нанесли внезапными контръ-атаками сильныя потери непріятельскимъ авангардамъ. Въ районѣ между Виржбникомъ и Опатовомъ, а также къ югу отъ послѣдняго наши войска 3-го мая стремительнымъ наступленіемъ отбросили головы непріятельскихъ колоннъ на глубину свыше десяти верстъ.

На Санѣ сильный артиллерійскій огонь отъ устья Вислока до Перемышля. На направленіяхъ къ Стрыю и Долинѣ непріятель, неся большія потери, велъ безуспѣшныя атаки противъ вновь занятаго нами расположенія, при этомъ мы также взяли нѣсколько сотъ плѣнныхъ. На Прутѣ 2-го мая непріятель велъ отъ Делатыня и Коломеи повторныя атаки густыми колоннами, успѣшно нами отбитыя. Мы вновь захватили четыре тяжелыя гаубицы и перебросили черезъ Прутъ наши передовыя части.

Его Императорское Величество 4-го мая отбылъ изъ Царскаго Села въ дѣйствующую армію.

Фельдмаршалъ Френчъ 4-го мая доносилъ: «Сегодня первая армія имѣла вновь удачныя дѣла къ югу отъ Ришбура и Лаву, причемъ захватила всѣ германскія траншеи на фронтѣ протяженіемъ въ двѣ мили. Сегодня утромъ нѣсколько германскихъ мелкихъ отрядовъ добровольно сдались нашимъ войскамъ, которые продолжаютъ сражаться съ большой доблестью и рѣшимостью. Одинъ изъ этихъ отрядовъ былъ взятъ германской артиллеріей подъ огонь въ тотъ моментъ, когда онъ пытался сдаться, и былъ совершенно уничтоженъ. Точное число взятыхъ нами въ плѣнъ еще не установлено, однако въ тылъ отправлено уже 550 человѣкъ».

Французскія правительственныя сообщенія отъ 4-го мая рисовали положеніе дѣлъ въ такомъ видѣ. Въ районѣ Хетъ-Сасъ (Бельгія) французы продолжали успѣшно продвигаться впередъ и 3-го мая вечеромъ взяли сильно укрѣпленное непріятелемъ зданіе, а затѣмъ на восточномъ берегу Изерскаго канала перешли первую оборонительную линію германцевъ, взявъ при этомъ 145 человѣкъ въ плѣнъ и захвативъ четыре пулемета; произведенная непріятелемъ контръ-атака окончилась полной неудачей. Въ Бельгіи непріятель, которому вслѣдствіе удачныхъ атакъ французовъ за предшествовавшіе дни грозилъ полный обходъ, прошлою ночью на 4-е мая эвакуировалъ позиціи, которыя онъ еще занималъ на западѣ отъ Изерскаго канала; французы же удержали за собой все занятое ими на восточномъ берегу его пространство. Къ сѣверу отъ Арраса,

гдѣ начались дожди, не произошло ничего, за исключеніемъ крайне ожесточеннаго артиллерійскаго боя въ районѣ Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ и жестокаго отпора, который французы въ томъ же районѣ дали непріятелю, произведшему четыре контръ-атаки и понесшему потери.

На рѣкѣ Уазѣ, близъ Байи, германцы съ цѣлью произвести впечатлѣніе на французскихъ стрѣлковъ, поставили впереди французскихъ линій зеленое турецкое знамя съ полумѣсяцемъ; однако африканскія войска Франціи отвѣтили на этотъ вызовъ тѣмъ, что ружейнымъ огнемъ сбили знамя, а вслѣдъ за этимъ одинъ стрѣлокъ пошелъ за нимъ и принесъ его во французскія линіи.

Къ сѣверу отъ Лабассэ англійскія войска, противъ которыхъ въ ночь на 4-е мая германцы вели упорныя контръ-атаки, продолжали побѣдоносно сражаться и днемъ 4-го мая взяли нѣсколько германскихъ траншей, нанеся при этомъ непріятелю весьма большой уронъ. Такъ, колонна германцевъ численностью въ 700 человѣкъ, очутившаяся между огнемъ англійскихъ пулеметовъ и германской артиллеріи, была совершенно уничтожена перекрестнымъ огнемъ. Англичане взяли въ плѣнъ около 1.000 человѣкъ и захватили пулеметы.

Бои, развивавшіеся въ окрестностяхъ Невилль-Сентъ-Вааста съ 26-го апрѣля по 2-е мая, имѣли исключительно ожесточенный и упорный характеръ. Французскія войска атаковали непріятеля съ изумительной стремительностью и упорствомъ и добились весьма важныхъ тактическихъ результатовъ. Они встрѣтились съ дѣйствительно храбрымъ противникомъ и съ оборонительной организаціей необычайной силы, съ которыми, однако, справились. За шестидневный періодъ боевъ французы нанесли непріятелю огромныя потери, захвативъ при этомъ въ плѣнъ около 2.000 нижнихъ чиновъ, 40 офицеровъ, 7 орудій, около 30 пулеметовъ и большое количество боевыхъ припасовъ и матеріаловъ. Французскія войска обнаружили при этомъ свое неоспоримое превосходство надъ непріятелемъ; офицеры и солдаты исполнили свой долгъ, воодушевляемые готовностью жертвовать собой. Многіе изъ нихъ пали въ бою, но остальные, какъ и прежде, исполнены той же непоколебимой рѣшимости.

Надъ Рамсгэтомъ пролетѣлъ цеппелинъ, сбросившій около 30 зажигательныхъ бомбъ. Цеппелинъ пролетѣлъ надъ Дувромъ, откуда отогнанъ по направленію къ морю.

Во время столкновенія на австро-итальянской границѣ рота австрійскихъ стрѣлковъ отброшена штыковой атакой итальянцевъ.

Толпа въ Римѣ сожгла всѣ экземпляры газеты «Vittoria», издававшейся на средства князя Бюлова, и, ворвавшись въ редакцію, требовала прекращенія изданія.

5-го мая Государь Императоръ прибылъ въ дѣйствующую армію.

5-го мая главное управленіе генеральнаго штаба опубликовало слѣдующее объявленіе о звѣрствахъ нѣмецкихъ войскъ:

«Согласно офиціальнаго донесенія одного изъ штабовъ, 28-го апрѣля въ лазаретъ московскаго биржевого и купеческаго общества Краснаго Креста привезенъ рядовой пѣхотнаго полка Василій Водяной, который во время развѣдки 27-го апрѣля въ лѣсу у города Шавель былъ захваченъ германскимъ разъѣздомъ. За отказъ дать свѣдѣнія о составѣ нашихъ войскъ и ихъ распо-

ложеніи германскій унтеръ-офицеръ приказалъ нижнимъ чинамъ держать рядового Водяного за руки и ноги и собственноручно отрѣзалъ тесакомъ послѣднему часть обоихъ ушей и половину языка.

«Начальникъ штаба армій юго-западнаго фронта донесъ за № 6278, что 29-го апрѣля при преслѣдованіи противника нашей конницей, когда одинъ донской казачій полкъ велъ бой за деревню Онутъ, того же полка подъесаулъ Апанасовъ, будучи легко раненъ, упалъ съ лошади, къ нему подбѣжали австрійцы 2-го тирольскаго полка и отрубили обѣ руки и ноги.

5-го мая штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что въ шавельскомъ районѣ мы продолжали успѣшно тѣснить германцевъ. Въ районѣ между Нѣманомъ и желѣзной дорогой на Вержболово наши войска, перешедшія въ наступленіе, находились въ бою съ непріятелемъ.

На участкѣ между Опатовымъ и лѣвымъ берегомъ Вислы и на всемъ галиційскомъ фронтѣ до окрестностей Коломеи 3-го мая большія массы непріятельскихъ войскъ атаковали наши позиціи, причемъ центромъ непріятельскихъ усилій является районъ къ сѣверу и югу отъ Перемышля.

На лѣвомъ берегу Вислы мы не только отбили яростныя атаки непріятеля‘ но, перейдя въ наступленіе, захватили до 3,000 плѣнныхъ, нѣсколько орудій и пулеметовъ. У Ярослава подъ нашимъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ германцы, не считаясь съ неисчислимыми потерями, стремились утвердиться на правомъ берегу Сана. За день здѣсь нами было сбито нѣсколько непріятельскихъ аэроплановъ, корректировавшихъ огонь многочисленныхъ непріятельскихъ батарей. Подъ Перемышлемъ происходилъ сильный артиллерійскій огонь, при чемъ непріятель бомбардировалъ западные форты. Между Перемышлемъ и Большимъ Днѣстровскимъ болотомъ атаковавшія насъ массы непріятеля, во многихъ мѣстахъ достигая проволочныхъ загражденій, разсѣивались нашимъ огнемъ. Послѣ громадныхъ жертвъ непріятелю, однако, удалось захватить окопы двухъ нашихъ батальоновъ. Атаки непріятеля въ районѣ Дрогобычъ, Стрый, Болиховъ, Долина, Делатынь, Коломеа велись съ крайней энергіей, но остались всюду безуспѣшными. Общія потери непріятеля исчисляются десятками тысячъ людей.

5-го мая въ Лондонѣ, въ палатѣ лордовъ, лордъ Китченеръ заявилъ, что великобританское и французское правительства пришли къ убѣжденію въ необходимости дѣйствительнымъ образомъ предохранить свои войска отъ примѣняемыхъ германцами ядовитыхъ газовъ путемъ примѣненія такихъ же способовъ веденія войны, такъ какъ только этимъ путемъ возможно будетъ устранить огромное и недопустимое неравенство, которое получится, если союзники не примутъ необходимыхъ мѣръ.

5-го мая французское правительство извѣстило, что на занятомъ французами 3-го и 4-го мая участкѣ къ западу отъ Изерскаго канала германцы оставили приблизительно 2,000 человѣкъ убитыми и большое количество ружей; французы также захватили еще плѣнныхъ. Къ востоку отъ канала французы укрѣпили за собой недавно отнятыя ими у непріятеля позиціи. Ночью германцы пытались произвести весьма ожесточенную контръатаку, но были отражены. На участкѣ къ сѣверу отъ Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ.

по дорогѣ отъ Эксъ-Нулеттъ къ Сушэ, французы въ самомъ началѣ остановили своимъ огнемъ двѣ непріятельскія контръ-атаки. Съ своей стороны, французы въ ночномъ бою овладѣли группой домовъ, расположенныхъ близъ кладбища Абленъ. На фронтѣ къ сѣверу отъ Арраса днемъ и ночью продолжался артиллерійскій бой, причемъ германцы съ особеннымъ ожесточеніемъ бомбардировали Аррасъ.

Въ районѣ Вилль-о-Буа, близъ Берри-о-Бака, непріятель пытался произвести новую атаку, которую французы легко отразили.

Къ 6-му мая положеніе дѣлъ на русскомъ фронтѣ было таково:

Въ шавельскомъ районѣ 4-го и 5-го мая велись частные бои на фронтѣ Куршаны—Россіены—Эйрагола, при чемъ въ районѣ послѣдняго селенія наши войска захватили нѣсколько непріятельскихъ опорныхъ пунктовъ. Здѣсь нами были взяты пулеметы и нѣсколько сотъ плѣнныхъ. Контръ-атаку германцевъ къ юго-востоку отъ Россіенъ мы отразили съ большими потерями для непріятеля. На лѣвомъ берегу Нѣмана происходили только небольшія стычки. На наревскомъ фронтѣ и къ сѣверу отъ Пилицы было затишье.

Сраженіе въ районѣ лѣваго берега Верхней Вислы и на всемъ галиційскомъ фронтѣ продолжалось, причемъ 4-го мая бои достигали во многихъ районахъ огромнаго напряженія. Въ районѣ Опатова смятыя нами значительныя непріятельскія колонны 4-го мая поспѣшно отступали за Иваниску, энергично преслѣдуемыя нами. На фронтѣ Тарнобржегъ—Развадувъ и на Нижнемъ Санѣ мы успѣшно удерживали непріятеля. На участкѣ Ярославъ—Лезаховъ непріятелю удалось утвердиться на правомъ берегу Сана, къ югу же отъ Ярослава мы удерживали оба берега этой рѣки. Бомбардировка непріятелемъ Перемышля продолжалась. На участкѣ между Перемышлемъ и Большимъ Днѣстровскимъ болотомъ мы съ успѣхомъ отразили новыя ожесточенныя атаки непріятеля, стремившагося во что бы то ни стало достигнуть здѣсь успѣха. Послѣ упорнаго боя 4-го мая мы выбили германцевъ изъ захваченныхъ ими наканунѣ у Гуссакова окоповъ двухъ нашихъ батальоновъ.

Въ районѣ Дрогобыча, Стрыя и Долины непріятель, несмотря на громадныя потери, продолжалъ безуспѣшно бросать новыя массы войскъ на штурмъ нашихъ позицій. Во многихъ мѣстахъ мы переходили въ удачныя контръатаки, причемъ сотнями захватывали плѣнныхъ. На верхнемъ теченіи Быстрицы, а также у города Делатыня и Коломеи непріятель, истощенный неудачами предшествовавшихъ дней, 4-го мая держался пассивно. Нами на этомъ фронтѣ достигнуты были дальнѣйшіе успѣхи. Число взятыхъ здѣсь нами плѣнныхъ и военной добычи неизмѣнно растетъ.

На ольтинскомъ направленіи кавказскаго фронта турки оттѣснены еще дальше къ западу. На ванскомъ направленіи турки разбиты у селенія Соръ и отброшены къ Арджишу. 4-го на ольтинскомъ направленіи попытка турокъ перейти въ наступленіе въ направленіи на высоты южнѣе селенія Кябаши была нами отбита и турки отброшены къ югу. Наши войска заняли городъ Арджишъ на сѣверномъ берегу Ванскаго озера.

6-го мая французское правительство извѣстило, что въ виду скверной погоды на французскомъ фронтѣ было затишье; происходила лишь артиллерій-

ская перестрѣлка въ различныхъ пунктахъ, и два раза непріятель безуспѣшно пытался атаковать французовъ къ востоку отъ Изера, но былъ оба раза остановленъ французскимъ огнемъ.

7-го мая штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что въ теченіе 5-го мая сраженіе въ районѣ лѣваго берега Вислы, къ югу отъ Пилицы и на всемъ галиційскомъ фронтѣ продолжалось съ возрастающей энергіей, причемъ на нашемъ фронтѣ вновь обнаружились впервые появившіяся на немъ германскія части. На лѣвомъ берегу Вислы, къ западу отъ Илжи, Опатова и Копрживницы, а также въ районѣ сліянія Сана съ Вислой, до окрестностей Низко, наши войска успѣшно тѣснили непріятеля. Число плѣнныхъ, захваченныхъ здѣсь въ теченіе 5-го мая, свыше 4 тысячъ. Большія силы непріятеля, переправившіяся черезъ Санъ, послѣ упорнаго боя успѣли распространиться на участкѣ Ярославъ—Радава—Сенява.

Въ районѣ между Перемышлемъ и Ярославомъ мы нѣсколько потѣснили непріятеля на обоихъ берегахъ Сана. Отряды непріятельскихъ аэроплановъ бросали въ Перемышль бомбы, другихъ же активныхъ дѣйствій непріятель противъ Перемышля не предпринималъ. Къ югу отъ Перемышля атаки непріятеля велись съ особымъ напряженіемъ на участкѣ Лутковъ—Ятвѣги—рѣка Стрвячъ, причемъ непріятелю съ огромными жертвами удалось захватить нѣсколько нашихъ передовыхъ окоповъ. На фронтѣ Дрогобычъ—Стрый—Долина мы продолжали отражать настойчивыя атаки непріятеля, нанося ему огромныя потери. Къ западу отъ Коломеи въ ночь на 6-е мая бои велись успѣшно для насъ на обоихъ берегахъ Прута.

Въ шавельскомъ районѣ наши войска продолжали на широкомъ фронтѣ тѣснить противника. Нами было захвачено вновь нѣсколько сотъ плѣнныхъ. Болѣе упорное сопротивленіе непріятель оказываетъ у с. Куршаны, гдѣ бой 6-го мая продолжался.

На прочихъ участкахъ происходили только небольшія стычки.

На кавказскомъ фронтѣ 5-го мая на ольтинскомъ направленіи наши части нѣсколько продвинулись къ югу, занявъ высоты Чахиръ-Бага и Коджутъ. На мелазгертскомъ направленіи наши передовыя части имѣли незначительное столкновеніе съ турками у селенія Копъ, къ западу отъ Мелазгерта. На ванскомъ направленіи турки отъ Ханхурскаго перевала оттѣснены къ Дееру.

7-го мая скончался командующій флотомъ Балтійскаго моря адмиралъ Николай Оттовичъ фонъ-Эссенъ.

7-го мая официальное британское сообщеніе о ходѣ военныхъ дѣйствій въ Дарданеллахъ гласило:

«29-го апрѣля бригада генерала Кокса отбила атаку непріятеля, нанеся ему тяжелый уронъ. На слѣдующій день двѣ роты гурковъ продвинулись на разстояніе свыше полумили и, несмотря на сильную контръ-атаку, за ночь укрѣпились на занятомъ пространствѣ. 3-го мая ланкаширская территоріальная дивизія также значительно продвинулась впередъ. Батарея гаубицъ взорвала турецкія обозныя повозки и затѣмъ удачнымъ выстрѣломъ подбила турецкое орудіе. Непріятельскія траншеи и новыя турецкія артиллерійскія по-

зиціи разрушены. Положеніе англо-французскихъ войскъ съ каждымъ днемъ становится все болѣе благопріятнымъ. Потери турокъ весьма велики».

Французское правительство 7-го мая увѣдомило о томъ, что на пространствѣ между Ньюпоромъ и Аррасомъ размокшая отъ дождей почва продолжала затруднять операціи. Истекшій день былъ отмѣченъ сильнымъ артиллерійскимъ боемъ, въ теченіе котораго были сбиты два германскихъ аэроплана, одинъ изъ нихъ англійской артиллеріей, другой французской. Въ Шампани, близъ Босежура, французы сапою продвинулись впередъ до непріятельскихъ траншей и удержались въ соприкосновеніи съ ними. На Аргонской возвышенности у Багателль французскія войска отбили непріятельскую атаку. Въ Айскомъ лѣсу они заняли нѣсколько траншей и взяли плѣнныхъ, причемъ удержали за собой занятое пространство.

Въ Парижѣ, 7-го мая бюро печати опубликовало пространное официальное сообщеніе объ операціяхъ на рѣкѣ Изерѣ, которыя, сначала пріостановивъ германское наступленіе, затѣмъ, 4-го мая, привели къ полному оттѣсненію непріятеля. Въ сообщеніи говорилось: «Извѣстно, что 10-го апрѣля германцамъ, употреблявшимъ снаряды, распространявшіе удушливые газы, удалось оттѣснить на лѣвый берегъ Изерскаго канала одну изъ дивизій нашихъ территоріальныхъ войскъ. Однако, начиная съ 12-го апрѣля, наступленіе германцегъ было нами остановлено, хотя бои, имѣвшіе цѣлью очищеніе лѣваго берега канала, еще продолжались на участкѣ Лизернъ—Хетъ-Сасъ—Стеенстрате вплоть до 4-го мая, причемъ въ этихъ бояхъ сказалось превосходство надъ непріятелемъ нашихъ войскъ, въ особенности зуавовъ и алжирскихъ стрѣлковъ. Потери германцевъ представляются огромными сравнительно съ численностью войскъ, участвовавшихъ съ ихъ стороны въ сраженіи. Нами подобрано болѣе 2,000 труповъ германцевъ между Стеенстрате и Хетъ-Сасомъ. Мы, съ своей стороны, также имѣемъ потери, однако больше ранеными, чѣмъ убитыми. Слѣдуетъ отмѣтить, что значительной части нашихъ войскъ пришлось сражаться при крайне неблагопріятныхъ естественныхъ условіяхъ, въ мѣстности, покрытой глубокой грязью и перерѣзанной болотами. Германскій генеральный штабъ въ своемъ официальномъ сообщеніи, говоря объ этомъ трехнедѣльномъ сраженіи, резюмировалъ результаты его слѣдующимъ образомъ: «Мы очистили нашу позицію, выдвинутую впередъ на западномъ берегу Изера, и перевели наши войска на восточный берегъ». На самомъ дѣлѣ, мы въ цѣломъ рядѣ ожесточенныхъ атакъ отняли у непріятеля три деревни и четыре линіи укрѣпленій, заняли три весьма укрѣпленныхъ редута и уничтожили, по меньшей мѣрѣ, три полка. Такимъ образомъ, очищеніе германцами этихъ выдвинутыхъ позицій явилось весьма тягостной операціей для германской арміи». Въ заключеніе въ сообщеніи указывается на сильный упадокъ дисциплины въ германской арміи. 2-го мая со стороны германскихъ траншей слышалась стрѣльба залпами, причемъ ни одна изъ пуль не попала въ французскія линіи. Позже выяснилось, что германцамъ пришлось спѣшно вызвать роту для воздѣйствія на своихъ морскихъ солдатъ, желавшихъ сдаться. Около 30 солдатъ было при этомъ разстрѣляно въ германской траншеѣ. Во тотъ же день французы видѣли, какъ германскій офицеръ стрѣлялъ изъ револьвера въ солдатъ, поднявшихъ руки въ знакъ сдачи».

8-го мая штабъ верховнаго главнокомандующаго объявилъ, что наши войска овладѣли 6-го мая непріятельской позиціей у селенія Куршаны, гдѣ захватили нѣсколько сотъ плѣнныхъ и пулеметы. Къ западу отъ гор. Шавель непріятель на значительномъ фронтѣ отступалъ. Въ районѣ Россіенъ непріятель нѣсколько усилился и частью переправился на лѣвый берегъ Дубиссы. На лѣвомъ берегу Вислы мы продолжали успѣшно тѣснить непріятеля въ

Итальянскій престолонаслѣдникъ принцъ Гумбертъ.

районѣ къ югу отъ желѣзной дороги Радомъ—Кѣльцы, причемъ отъ Опатова непріятель былъ нами уже отброшенъ на фронтъ Слупя—Нове-Лаговъ.

На галиційскомъ фронтѣ сраженіе продолжалось 6-го мая съ большимъ ожесточеніемъ, между Вислой и Перемышлемъ непріятель нѣсколько распространился на правомъ берегу Сана въ центрѣ, въ районѣ Сенявы, но на обоихъ флангахъ, со стороны Вислы, между Тарнобржегомъ и Улановымъ, и со стороны Перемышля у Тычеппы нами были одержаны значительные успѣхи въ упорномъ бою на лѣвомъ берегу Сана. Между Перемышлемъ и Большимъ Днѣстровскимъ болотомъ напряженіе непріятельскихъ атакъ достигло 6-го мая выс-

шаго предѣла, особенно большія потери понесъ непріятель при повторныхъ попыткахъ прорыва участка Гуссакувъ—Крукеница.

На стрыйскомъ направленіи 6-го и на разсвѣтѣ 7-го мая развивались горячіе бои, результатъ коихъ еще не опредѣлился, однако къ сѣверу отъ гор. Болехова у Баніи за эти сутки успѣшной контръ-атакой мы вернули нѣсколько утраченныхъ наканунѣ окоповъ. У Коломеи непріятель, получивъ подкрѣпленія, продолжалъ удерживаться.

7-го мая на Черномъ морѣ нашъ дессантъ, высаженный нашимъ флотомъ, преодолѣвъ сопротивленіе непріятеля, уничтожилъ пристани и погрузочныя сооруженія въ районѣ къ востоку отъ Эрегли.

6-го мая на приморскомъ направленіи Кавказскаго фронта происходила обычная перестрѣлка и столкновенія развѣдывательныхъ частей. Нашъ миноносецъ потопилъ 10 груженныхъ турецкихъ фелюгъ. На мелазгертскомъ направленіи турки отброшены къ западу отъ селенія Копъ, а южнѣе Мелазгерта происходило столкновеніе между нашей и курдской конницей. Курды были разсѣяны. На ванскомъ направленіи наши части заняли Кошкульскій перевалъ. Турки оттѣснены къ Башкалѣ.

8-го мая правительственное французское сообщеніе гласило:

«Съ наступленіемъ ночи на 8-ое мая непріятель повелъ атаку противъ французскихъ траншей на сѣверѣ отъ Ипра и на востокѣ отъ Изерскаго канала, причемъ ему удалось занять эти траншеи, но немедленно вслѣдъ за этимъ французы контръ-атакой отбросили непріятеля и продвинулись дальше своихъ первоначальныхъ позицій, взявъ при этомъ 120 человѣкъ въ плѣнъ.

«Далѣе къ югу англійскія войска нѣсколько продвинулись впередъ къ сѣверу отъ Лабассэ. У Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ на фронтѣ Сушэ—Невиль—Сенъ-Ваастъ въ теченіе всей ночи происходилъ артиллерійскій бой.

«Дополнительныя донесенія подчеркиваютъ серьезность неудачи германцевъ во время ихъ атаки въ ночь съ 7-го на 8-ое мая на сѣверѣ отъ Ипра. Число взятыхъ французами въ плѣнъ германцевъ достигаетъ 150; на мѣстѣ боя насчитано свыше 500 германскихъ труповъ; кромѣ того, французы захватили нѣсколько бомбометовъ. Въ виду улучшенія состоянія погоды французскія войска произвели атаку на южныхъ склонахъ Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ, давшую блестящіе результаты. Они захватили германскія укрѣпленія «Blanche Voie», расположенныя у подножія пяти нижнихъ выступовъ массива Нотръ-Дамъ-де-Лоретъ, которые находятся еще отчасти въ рукахъ непріятеля. Въ этомъ пунктѣ германцы своимъ пулеметнымъ огнемъ стѣснили дѣйствія французовъ какъ на равнинѣ Сушэ, такъ и къ западу отъ этой мѣстности. Отнынѣ весь массивъ Нотръ-Дамъ-де-Лоретъ и его нижніе склоны, которые непріятель съ крайнимъ упорствомъ защищалъ въ теченіе болѣе шести мѣсяцевъ, во французскихъ рукахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ французы заняли часть Абленъ-Сенъ-Назера, служившую соединеніемъ упомянутаго «Blanche Voie» и сѣверо-восточной окраины селенія, въ которой еще держатся германцы. Въ этомъ бою французы взяли свыше 250 плѣнныхъ, въ томъ числѣ нѣсколько офицеровъ, захвативъ, кромѣ того, одно орудіе. На это удачное дѣло непріятель отвѣтилъ ожесточенной бомбардировкой».

9-го мая штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ, что въ теченіе 7-го и утра 8-го мая натискъ непріятеля на галиційскомъ фронтѣ нѣсколько уменьшился, и на многихъ участкахъ непріятель перешелъ къ оборонѣ; непріятельская артиллерія проявляетъ бережливость въ огнѣ. На лѣвомъ берегу Нижняго Сана наши войска, наступая отъ Вислы, съ боя овладѣли селеніями Кравце, Бурджы, Пшышувъ—Камерале и отразили контръ-атаку непріятеля въ направленіи на Ниско. Въ исходящемъ углу непріятельскаго расположенія на правомъ берегу Сана мы овладѣли сел. Игнаце на рѣкѣ Любашувкѣ.

Въ районѣ Перемышля положеніе оставалось безъ перемѣнъ. Къ востоку отъ Гуссакова ожесточенныя атаки непріятеля продолжались, причемъ непріятелю удалось захватить часть окоповъ одного изъ нашихъ полковъ, при нашихъ контръ-атакахъ нами было захвачено здѣсь до 1.000 плѣнныхъ. На остальной части галиційскаго фронта атаки непріятеля, понесшаго огромныя потери, пріобрѣтали болѣе частный характеръ. Главныя усилія непріятеля 7-го мая сосредоточивались на участкѣ между рѣками Тисменица и Стрый, причемъ въ районѣ Слоньско нами захвачено нѣсколько сотъ плѣнныхъ, а у селенія Завадувъ намъ сдались двѣ непріятельскія роты.

Въ шавельскомъ районѣ мы продолжали тѣснить германцевъ на лѣвомъ берегу Виндавы и Венты. На наревскомъ фронтѣ непріятель, произведя частичныя атаки, учился примѣненію удушливыхъ газовъ.

На лѣвомъ берегу Вислы непріятель сохранялъ полную пассивность. Разбитыя подъ Опатовомъ непріятельскія части укрѣплялись и поддерживались подкрѣпленіями, перебрасываемыми черезъ Вислу изъ Галиціи.

На кавказскомъ фронтѣ 7-го мая на приморскомъ направленіи попытка Турокъ перейти въ наступленіе была нами отбита. На ольтинскомъ направленіи была перестрѣлка передовыхъ частей. Наши войска заняли Сарай, Ванъ и Башкалу. Турки бѣжали на Битлисъ и къ югу.

9-го мая германскій аэропланъ, пролетѣвшій надъ Парижемъ, сбросилъ въ городъ 8 бомбъ.

Положеніе дѣлъ на французскомъ театрѣ войны, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ отъ 9-го мая, было таковымъ:

«Французскія войска закончили 8-го мая, къ концу дня, очищеніе окоповъ у Бланшевуа. Множество германцевъ были убито въ соединительныхъ ходахъ, остальные сдались въ плѣнъ. Въ теченіе ночи непріятель произвелъ нѣсколько контръ-атакъ, но былъ отраженъ съ большими для него потерями. Весь выступъ Бланшевуа находился уже въ рукахъ французовъ, которые также продвинулись впередъ на юго-востокѣ отъ часовни Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ и находились въ настоящее время въ 100 метрахъ отъ выступа къ сѣверо-востоку отъ Аблена.

«Къ сѣверу отъ канала Лабассэ британскія войска отбили сильную атаку непріятеля, нанеся ему весьма тяжелыя потери. На участкѣ къ сѣверу отъ Арраса непріятель бомбардировалъ съ необычайной силой позиціи французовъ, артиллерія которыхъ съ успѣхомъ отвѣчала на непріятельскій огонь. Несмотря на бомбардировку непріятеля, французы захватили еще нѣсколько домовъ въ сѣверной части Аблена. Ими были взяты также плѣнные. Съ другой стороны, къ

сѣверу отъ Невилля, французы быстро прекратили своимъ огнемъ попытку непріятеля атаковать ихъ».

9-го мая произошелъ разрывъ мирныхъ отношеній между Италіей и Австро-Венгріей.

9-го мая изъ Вѣны было получено слѣдующее извѣстіе:

«Австро-венгерское правительство вручило вчера черезъ министра иностранныхъ дѣлъ Буріана итальянскому послу пространную ноту, являющуюся отвѣтомъ на нотификацію Италіи о прекращеніи дѣйствія договора тройственнаго союза.

«Въ нотѣ прежде всего выражается удивленіе по поводу упомянутаго заявленія Италіи, такъ какъ послѣдняя въ августѣ прошлаго года объявила о своемъ нейтралитетѣ и не выдвинула никакого соображенія въ томъ смыслѣ, что война могла бы лишить тройственный союзъ его основы.

«Послѣ этого повторяются уже изложенные въ «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» доводы, имѣющіе цѣлью оправданіе образа дѣйствій Австріи по отношенію къ Сербіи, и заявляется, что Австро-Венгрія всегда была бы готова пойти навстрѣчу итальянскимъ пожеланіямъ, несмотря на то, что послѣ отступленія австрійскихъ войскъ изъ Сербіи она не видитъ компенсаціоннаго объекта.

«Въ заключеніе, въ нотѣ говорится, что Австро-Венгрія не можетъ принять къ свѣдѣнію заявленій итальянскаго правительства о возвращеніи ему свободы дѣйствій и упраздненіи союзнаго договора, такъ какъ оно находится въ рѣшительномъ противорѣчіи съ торжественно принятымъ Италіей на себя обязательствомъ на основаніи договора отъ 5-го декабря 1912 года, согласно которому срокъ дѣйствія союзнаго трактата продленъ до 8-го іюля 1920 года, причемъ допускалась возможность денонсированія его лишь въ годичный срокъ и не предвидѣлась возможность объявленія его недѣйствительнымъ ранѣе 1920 года.

«Такъ какъ Италія самовольно освободила себя отъ принятыхъ на себя обязательствъ, то Австро-Венгрія отклоняетъ отъ себя всякую отвѣтственность за всѣ могущія произойти вслѣдствіе подобнаго образа дѣйствій послѣдствія».

10-го мая штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что въ шавельскомъ районѣ непріятель продолжалъ еще удерживаться на сильно укрѣпленной позиціи у Бубье. Значительныя силы, перешедшія въ районѣ Россіенъ на лѣвый берегъ Дубиссы, вновь были оттѣснены нами за эту рѣку. На наревскомъ фронтѣ, въ долинѣ Писсы, мы отразили попытку непріятеля насъ атаковать. На лѣвомъ берегу Вислы непріятель въ послѣдніе дни, при поддержкѣ сильнаго артиллерійскаго огня, безуспѣшно пытался оттѣснить наши сторожевыя части, удерживающіяся на лѣвомъ берегу Равки. Къ югу отъ Пилицы, въ районѣ Климонтова, непріятель пытался перейти въ наступленіе. Энергичной контръ-атакой въ ночь на 9-е мая мы отбросили его и захватили свыше 1,000 плѣнныхъ и 4 пулемета.

Въ Галиціи непріятель въ общемъ перешелъ къ оборонѣ. Предпринимаемыя имъ активныя дѣйствія имѣли преимущественно характеръ контръ-атакъ. Между Вислой и Перемышлемъ мы нѣсколько продвинулись на лѣвомъ берегу Нижняго Сана и отбили 4 непріятельскихъ контръ-атаки въ районѣ рудника. Къ сѣверо-востоку отъ Сенявы мы вытѣснили непріятеля изъ селенія Бобра. Контръ-атака германцевъ, произведенная ими въ ночь на 9-ое мая на фронтѣ Маковиско—Ветлинъ, была нами успѣшно отражена. Между Перемышлемъ и Большимъ Днѣстровскимъ болотомъ непріятель 8-го мая продолжалъ безуспѣшныя попытки прорвать нашъ фронтъ между сел. Гуссакувъ и Крукеница.

Въ ночь на 9-ое мая наши войска перешли въ наступленіе въ ближайшемъ къ Днѣстру районѣ и, потѣснивъ непріятеля, захватили до 900 плѣнныхъ и 4 пулемета.

На фронтѣ праваго берега Днѣстра въ районѣ Слоньско въ теченіе 8-го мая продолжался упорный бой. Непріятель нѣсколько разъ достигалъ нашихъ окоповъ, но огнемъ и контръ-атаками мы его каждый разъ отбрасывали, при этомъ нами было взято въ плѣнъ 17 офицеровъ, 640 нижнихъ чиновъ и захвачены пулеметы. Отъ Долины до Коломеи происходилъ сильный артиллерійскій огонь.

10-го мая главное управленіе генеральнаго штаба опубликовало новое объявленіе о продолжающихся издѣвательствахъ и звѣрствахъ нѣмцевъ надъ нашими ранеными и плѣнными.

«Казакъ Иванъ Пичуевъ 5-й сотни Уссурійскаго полка, будучи взятъ въ плѣнъ нѣмцами на наревскомъ фронтѣ, въ ночь со 2-го на 3-е мая подвергся истязаніямъ, которыя причинилъ ему нѣмецкій офицеръ и которыя состояли въ слѣдующемъ: на лѣвомъ ухѣ отрѣзана верхне-наружная часть ушной раковины, приблизительно четвертая часть раковины, причемъ сильное кровотеченіе. На правомъ ухѣ отрѣзанъ небольшой кусокъ ушной раковины въ верхней ея части. На наружной поверхности праваго бедра имѣются четыре параллельныхъ поверхностныхъ линейныхъ разрѣза кожи длиною около 13 сантиметровъ. Всѣ разрѣзы начинаются на серединѣ бедра и не доходятъ на четыре пальца до верхняго края колѣнной чашечки. Два среднихъ разрѣза болѣе глубоки, доходятъ почти до жировой клѣтчатки и кровоточатъ. Повидимому, это была подготовка для такъ называемаго нѣмцами лампаса.

«По показаніямъ Пичуева, нѣмцы подвергли его такому жестокому истязанію за отказъ сообщить свѣдѣнія о расположеніи и количествѣ нашихъ войскъ. Пичуеву въ ночь съ 3-го на 4-е мая удалось бѣжать изъ плѣна и выйти къ нашимъ войскамъ.

«Пораненія эти удостовѣрены медицинскимъ протоколомъ, составленнымъ въ перевязочномъ отрядѣ.

«Кромѣ того, передъ описаннымъ истязаніемъ, по словамъ Пичуева, нѣмцы его подвѣшивали сначала за руки, а потомъ за ноги головою внизъ.

10-го мая французское правительство дало слѣдующій отчетъ о ходѣ военныхъ дѣйствій:

«Непріятель прошлою ночью произвелъ нѣсколько контръ-атакъ на участкѣ между моремъ и Аррасомъ, однако былъ повсюду отраженъ и понесъ большія потери. Первую изъ этихъ попытокъ онъ произвелъ къ сѣверу отъ Ипра на востокъ отъ Изерскаго канала, но ему не удалось продвинуться. Двѣ другія попытки были направлены противъ плоскогорія Лореттъ въ его сѣверо-восточной и юго-восточной частяхъ, но непріятелю не удалось достигнуть нашихъ окоповъ. Еще двѣ атаки были направлены противъ нашихъ позицій у Невилль-Сенъ-Луазъ, въ самой деревнѣ, также на кладбищѣ и въ районѣ, называемомъ «Лабиринтомъ». Въ одномъ лишь пунктѣ непріятелю удалось на одинъ моментъ войти въ нашъ передовой окопъ, но онъ былъ оттуда выбитъ и оставилъ много плѣнныхъ. Въ Аргоннахъ германцы взорвали нѣсколько фугасовъ вблизи нашихъ позицій и пытались съ значительными силами занять образовавшіяся воронки. Наша пѣхота отбросила ихъ и нанесла имъ большой уронъ. Непріятель, осыпанный бомбами и гранатами, отступилъ на свои первоначальныя позиціи, потерпѣвъ полную неудачу.

«Британская армія продвинулась впередъ на востокѣ отъ Фестъ-Юбера. Къ сѣверо-востоку отъ часовни Нотръ-Дамъ-де-Лоретъ мы продвинулись на нѣсколько сотъ метровъ и взяли плѣнныхъ Къ сѣверу отъ Невилль-Сенъ-Вааста мы выбили непріятеля изъ цѣлаго ряда траншей и достигли перекрестка дорогъ къ сѣверу отъ деревни. Кромѣ того, мы заняли новую группу домовъ въ самомъ селеніи.

«Непріятельскій летчикъ сбросилъ три бомбы надъ неукрѣпленнымъ городомъ Шато-Тьерри.

«Въ Дарданеллахъ двѣ турецкія дивизіи подъ личнымъ командованіемъ Лимана-паши произвели яростную аттаку противъ британскихъ войскъ, сосредоточенныхъ у Каба-тепе, однако онѣ были совершенно отброшены и потерпѣли тяжелый уронъ. Одновременно съ этимъ наши союзники имѣли еше и другіе успѣхи на морѣ, гдѣ одной изъ ихъ подводныхъ лодокъ удалось потопить два миноносца и два транспорта, одинъ изъ которыхъ перевозилъ войска. Въ южной части полуострова наши войска въ нѣкоторыхъ пунктахъ находятся на разстояніи всего лишь нѣсколькихъ метровъ отъ турецкихъ траншей. Несмотря на весьма сильную оборону непріятеля, войска эти имѣли значительный успѣхъ».

10-го мая итальянскій посолъ въ Вѣнѣ герцогъ Аварна вручилъ днемъ австро-венгерскому министру иностранныхъ дѣлъ барону Буріану объявленіе войны, составленное въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Вѣна 10-го мая 1915 года. Согласно приказаніямъ его величества короля, своего августѣйшаго повелителя, нижеподписавшійся посолъ Италіи имѣетъ честь вручить его превосходительству министру иностранныхъ дѣлъ Австро-Венгріи слѣдующее сообщеніе:

«21-го апрѣля императорскому королевскому правительству было сдѣлано заявленіе о тѣхъ серьезныхъ причинахъ, въ силу которыхъ Италія, увѣренная въ правотѣ своего дѣла, объявила свой союзный договоръ съ Австро-Венгріей прекратившимъ существованіе и не имѣющимъ въ дальнѣйшемъ силы въ виду нарушенія его императорскимъ королевскимъ правительствомъ и предоставила себѣ полную свободу дѣйствій.

«Правительство короля, твердо рѣшившись всѣми имѣющимися въ его распоряженіи средствами содѣйствовать охранѣ правъ и интересовъ итальянскаго народа, не можетъ измѣнить своему долгу, не принявъ противъ опасности, могущей угрожать Италіи, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, предупредительныхъ мѣръ, которыя въ силу событій стали необходимы для осуществленія національныхъ стремленій.

«Его величество король заявилъ, что будетъ считать себя, начиная съ завтрашняго дня, на положеніи войны съ Австро-Венгріей.

«Нижеподписавшійся имѣетъ честь, одновременно съ этимъ, довести до свѣдѣнія его превосходительства министра иностранныхъ дѣлъ, что императорскому королевскому послу въ Римѣ сегодня же будутъ вручены паспорта, и будетъ весьма признателенъ его превосходительству за соотвѣтствующее распоряженіе о выдачѣ и ему его паспортовъ. Подписано: Герцогъ Аварна».

Объявленіе нашей новой союзницей Италіей войны Австро-Венгріи было встрѣчено въ Россіи, какъ и въ другихъ союзныхъ намъ странахъ, взрывомъ единодушнаго восторга и цѣлымъ рядомъ привѣтственныхъ манифестацій по адресу представителей итальянскаго народа.

11-го мая штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что въ шавельскомъ районѣ наши войска на значительномъ протяженіи занимали линію рѣкъ Виндавы, Венты и Дубиссы. На нижнемъ теченіи послѣдней нашъ фронтъ значительно продвинулся къ западу.

Въ Галиціи мы вынудили непріятеля нашими контръ-атаками постепенно перейти къ оборонѣ почти на всемъ фронтѣ. Лишь на нѣкоторыхъ участкахъ у Вархоля, Подволина и Гуссакува непріятель 9-го мая пытался, но безуспѣшно, насъ атаковать. Начатое нами въ ночь на 9-е мая наступленіе вдоль лѣваго берега Днѣстра развивалось въ теченіе слѣдующаго дня съ большимъ успѣхомъ, несмотря на непріятельскія контръ-атаки. Мы овладѣли съ боя селеніями Новыя и Старыя Бурчице, а также селеніями Чернихувъ, Долобово и частью деревни Острувъ, причемъ за сутки нами взято свыше 2.200 плѣнныхъ съ 40 офицерами, нѣсколько десятковъ пулеметовъ и много всякой военной добычи.

Въ заднѣстровскомъ районѣ наблюдалось затишье. Только между Чечвой и Ломницей въ ночь на 10-е мая непріятель произвелъ тщетную попытку насъ атаковать.

11-го мая были получены свѣдѣнія о побѣдѣ французовъ у Лореттъ.

«Захватъ нашими войсками германскихъ укрѣпленій у Бланшвуа 8-го мая вечеромъ,—говорилось въ офиціальномъ сообщеніи,—явился побѣдоноснымъ завершеніемъ нашего наступленія на массивѣ Лореттъ, обладанію которымъ германскій генеральный штабъ придавалъ огромное значеніе, въ виду чего имъ было отдано солдатамъ приказаніе, хотя бы погибнуть до послѣдняго человѣка, лишь бы имъ овладѣть, затѣмъ оборонять его, а въ случаѣ захвата непріятелемъ взять его обратно.

«Тѣмъ не менѣе, мы восторжествовали какъ надъ ужасающими условіями мѣстности, имѣвшей весьма пересѣченный характеръ, причемъ глинистая почва мѣстами отъ дѣйствія дождей превратилась въ грязное болото, такъ и надъ отчаяннымъ сопротивленіемъ непріятеля. Сраженіе у Лореттъ имѣло характеръ большой кровопролитной битвы, продолжавшейся 13 дней и окончившейся полной и блестящей побѣдой.

«На плоскогоріи и его уступахъ, гдѣ непріятель сосредоточилъ могущественныя укрѣпленія и гдѣ характеръ мѣстности обезпечивалъ ему естественныя условія обороны, мы уничтожили, во время происходившихъ боевъ, болѣе 3.000 германцевъ, трупы которыхъ были сосчитаны, и взяли 1.000 плѣнныхъ.

«Непріятель оставилъ въ нашихъ рукахъ значительное количество военнаго снаряженія, которое мы постепенно находили, разрывая почву. Большое число пулеметовъ, бомбометовъ и ружей обнаружено въ засыпанныхъ траншеяхъ и подъ обрушившимися казематами. Наша героическая пѣхота понесла большой уронъ, однако наши войска одержали верхъ благодаря удивительной храбрости и энергичной взаимной поддержкѣ, которыя они проявили во время рукопашнаго боя, когда смѣшались въ общую массу отдѣльные части и корпуса. Солдаты соперничали другъ съ другомъ въ храбрости и дружныхъ усиліяхъ, обезпечившихъ общую побѣду подъ начальствомъ вождей, изъ которыхъ весьма многіе заплатили жизнью за достигнутый успѣхъ.

«Неудача непріятеля произведетъ большое впечатлѣніе въ рядахъ его арміи. Германцы, приписывающіе себѣ непобѣдимость, тщетно два раза подъ рядъ замѣняли свѣжими войсками войска, которыя занимали позицію; каждый разъ мы ихъ вытѣсняли. Наше техническое превосходство получило, такимъ образомъ, блестящее подтвержденіе. Войска, умѣющія довести физическую храбрость и моральную силу до такой высокой степени, могутъ разсчитывать на всяческій успѣхъ въ будущемъ. Они это знаютъ и чувствуютъ, почему ихъ увѣренность въ успѣхѣ нынѣ болѣе сильна, чѣмъ когда-либо. Послѣднее сдѣланное ими усиліе подтвердило не только ихъ твердую волю одержать окончательную побѣду, но и увѣренность въ достиженіи намѣченной цѣли».

Общее положеніе на французскомъ фронтѣ къ 11-го мая было таково: непріятель произвелъ въ нѣсколькихъ пунктахъ между Стеенстрате и Ипромъ атаки, подготовленныя примѣненіемъ удушливыхъ газовъ. Атаки эти были отражены французами. Въ районѣ къ сѣверу отъ Арраса бои продолжались въ теченіе всей ночи, причемъ французы взяли 120 плѣнныхъ. Къ сѣверу отъ деревни Невилль-Сенъ-Вааста непріятель произвелъ нѣсколько контръ-атакъ, которыя были остановлены французскимъ огнемъ. Продолжался энергичный артиллерійскій бой.

Значительная неудача постигла германцевъ въ этомъ районѣ 9-го вечеромъ и въ ночь съ 10-го на 11-ое. Несмотря на значительность полученныхъ ими подкрѣпленій и энергію, проявленную при трижды возобновлявшихся атакахъ, всѣ эти попытки кончились неудачей, причемъ непріятель понесъ значительныя потери.

11-го мая итальянское правительство въ Римѣ сообщило о первомъ боевомъ столкновеніи между войсками Италіи и Австро-Венгріи. Итальянское правительство предвидѣло, что тотчасъ же послѣ объявленія войны должны будутъ начаться агрессивныя дѣйствія со стороны непріятеля, направленныя противъ итальянскаго Адріатическаго побережья, разсчитанныя не столько на достиженіе какой-либо военной цѣли, сколько на моральное воздѣйствіе. Вслѣдствіе этого итальянцами были приняты предупредительныя мѣры, чтобы по возможности сократить срокъ этихъ агрессивныхъ дѣйствій. Дѣйствительно, небольшія непріятельскія суда, а именно контръ-миноносцы и миноносцы 11-го мая подвергли съ четырехъ до восьми часовъ утра обстрѣлу итальянское Адріатическое побережье. Непріятельскіе аэропланы пытались сбросить бомбы въ венеціанскій арсеналъ. Послѣ весьма непродолжительной бомбардировки непріятельскія суда были вынуждены къ отступленію итальянскими миноносцами. Подверглись нападенію слѣдующія мѣстности: Порто Корсини, откуда немедленно же отвѣчали на огонь непріятеля, вынужденнаго тотчасъ же къ отступленію; Анкона, гдѣ атака имѣла преимущественной цѣлью разрушеніе желѣзнодорожной магистрали, но причинила лишь незначительныя поврежденія, легко исправимыя; Барлетта, противъ которой было произведено нападеніе развѣдочнымъ судномъ и контръ-миноносцами, обращенными въ бѣгство итальянскимъ военнымъ судномъ, шедшимъ въ сопровожденіи миноносцевъ. Австрійскіе аэропланы также сбросили бомбы въ помѣщеніе для дирижаблей въ Iези, однако не достигли цѣли.

Въ три часа утра итальянскій контръ-миноносецъ вошелъ въ Порто-Бузо на итальянско-австрійской границѣ и разрушилъ пристани вокзала и казармы и потопилъ всѣ находившіяся въ порту моторныя лодки. Контръ-миноносецъ не понесъ никакихъ потерь и не потерпѣлъ никакихъ поврежденій. Непріятель потерялъ убитыми двоихъ и взятыми въ плѣнъ 47 человѣкъ, въ томъ числѣ одного офицера и 15 унтеръ-офицеровъ. Плѣнные были доставлены въ Венецію.

Утромъ надъ Венеціей летали два непріятельскихъ аэроплана и сбросили 11 бомбъ, не причинившихъ серьезнаго вреда. Принятыя немедленно мѣры обороны были удачны и тотчасъ же обратили непріятельскихъ летчиковъ въ бѣгство. Незначительныя поврежденія, причиненныя рано утромъ атакой непріятельскихъ судовъ и аэроплановъ, уже къ концу дня были исправлены.

Итальянскій посолъ при Русскомъ Дворѣ маркизъ А. Карлотти.

Непріятель артиллерійскимъ огнемъ потопилъ германскій пароходъ, стоявшій въ гавани Анконы.

12-го мая штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомлъ о томъ, что на всемъ фронтѣ Дубиссы отъ селенія Бубье до селенія Велены, что на Нѣманѣ, въ теченіе 10-го и 11-го мая велись оживленные бои, которые еще не закончились. На лѣвомъ берегу Верхней Вислы въ районѣ Опатова бой продолжался, противникъ, видимо, получилъ здѣсь нѣкоторыя подкрѣпленія. Попытки его перейти въ наступленіе успѣшно были отражены нашими контръ-атаками, въ теченіе коихъ непріятель понесъ большія потери.

Въ Галиціи на фронтѣ отъ Ярослава до Перемышля съ утра 11-го мая возобновился упорный бой на обоихъ берегахъ Сана. Большія силы непріятеля, возобновлявшія атаку 10-го и 11-го мая на фронтѣ Гуссакувъ—Крукеница, были

разсѣяны нашимъ артиллерійскимъ огнемъ. У селенія Бурчице Старыя мы взяли дополнительно свыше 1.000 плѣнныхъ съ 20 офицерами, нѣсколько пулеметовъ и прожекторовъ. На прочихъ фронтахъ наблюдалось временное затишье. Въ долинѣ Тысменицы и къ югу отъ Стрыя имѣли мѣсто частичныя стычки.

На кавказскомъ фронтѣ 10-го мая на приморскомъ направленіи происходила обычная перестрѣлка. На Сарыкамышскомъ направленіи въ районѣ Кизылъ-Дербентскаго прохода турки пытались перейти въ наступленіе, но были отброшены къ западу.

12-го мая французское офиціальное сообщеніе гласило: «Съ сѣверу отъ Арраса мы послѣ атакъ значительно продвинулись впередъ. Къ сѣверо-западу отъ Ангра, противъ Колонскаго рва, мы заняли выступавшую часть сильнаго непріятельскаго укрѣпленія, носившаго названіе Des Cornailles. Въ томъ же районѣ наши войска взяли приступомъ другую позицію германцевъ, весьма сильно ими укрѣпленную. Дальше къ югу, на востокъ отъ шоссе изъ Эксъ-Нулеттъ въ Сушэ мы заняли на протяженіи одного километра всю большую непріятельскую траншею, на которой германцы упорно держались послѣднія двѣ недѣли. На западъ отъ того же шоссе мы значительно продвинулись впередъ въ оврагѣ Фонъ-де-Бюваль, подойти къ которому непріятельская артиллерія въ Ангрѣ намъ не давала до сихъ поръ возможности и въ которомъ оборонительныя сооруженія германцевъ были особенно сильны. Къ юго-западу отъ Сушэ въ направленіи замка Карлель мы слегка продвинулись впередъ».

12-го мая фельдмаршалъ Френчъ доносилъ: «Нѣкоторые участки нашей линіи, къ востоку отъ Ипра, утерянные вчера во время атаки непріятеля съ примѣненіемъ удушливыхъ газовъ, все еще въ рукахъ германцевъ. Количество выпущеннаго непріятелемъ во время этой атаки газа превысило все, что было до сихъ поръ: на фронтѣ протяженіемъ въ пять миль цилиндры выбрасывали струи газа въ теченіе четырехъ съ половиною часовъ; кромѣ того, наши линіи обстрѣливались артиллерійскими снарядами, распространявшими удушливые газы; въ нѣкоторыхъ пунктахъ столбы газа поднимались на сорокъ футовъ. Часть нашихъ траншей осталась совершенно нетронутой. Опытъ показалъ, что при соотвѣтствующихъ предосторожностяхъ можно съ успѣхомъ отражать и такого рода атаки».

13-го мая штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ, что въ шавельскомъ районѣ бои продолжались безъ особыхъ перемѣнъ. Близъ Оссовца у деревни Сосни попытка германцевъ насъ атаковать была отражена огнемъ крѣпости. На ломжинскомъ направленіи на нѣкоторыхъ участкахъ происходилъ сильный артиллерійскій огонь. На лѣвомъ берегу Вислы 11-го и въ ночь на 12-е мая мы отбили нѣсколько непріятельскихъ атакъ, не отличавшихся особенной энергіей.

Весьма упорный бой на обоихъ берегахъ Сана въ районѣ между Ярославомъ и Перемышлемъ продолжался въ теченіе всего 12-го мая. Между Перемышлемъ и Большимъ Днѣстровскимъ болотомъ непріятель продолжалъ развивать артиллеріей ураганный огонь и вводить въ бой значительныя силы на участкѣ Гусакувъ—Крукеница. Всѣ непріятельскія атаки въ этомъ были районѣ нами

успѣшно отражены. Въ Заднѣстровскомъ районѣ и Буковинѣ положеніе оставалось безъ перемѣнъ.

На кавказскомъ фронтѣ 11-го мая на приморскомъ направленіи происходила обычная перестрѣлка. Попытка турокъ перейти въ наступленіе въ районѣ Карадербентскаго прохода была отбита нашими войсками, во время боя двѣ сотни одного изъ казачьихъ полковъ атаковали въ конномъ строю турокъ и изрубили двѣ турецкія роты. Наши войска заняли Міяндоабъ.

По свѣдѣніямъ изъ итальянской главной квартиры отъ 13-го мая, боевыя дѣйствія на этомъ фронтѣ развивались такимъ образомъ:

«Военныя операціи производились на границѣ Тироля и Тріентскаго округа. 11-го мая итальянскія войска, перейдя повсюду въ наступленіе, заняли слѣдующіе пункты: Форчелу, Монте-Оццо, Тонале и мостъ на рѣкѣ Кафаро въ ущельи Джукикарія, территорію къ сѣверу отъ Феррары и Монтебальдо, Монте-Корно, Монте-Фабано на сѣверномъ склонѣ Тессино, Пасубіо и Монте-Бофеланъ на оконечностяхъ долинъ Аньо и Леогры и высоко лежащія ущелья Бренты. Итальянцы взяли нѣкоторое число плѣнныхъ. Въ Кадорахъ они заняли всѣ пограничныя ущелья. Непріятельская артиллерія средняго калибра безъ результата обстрѣливала часть озера Миссурины. На границѣ Карніи ночью съ 11-го на 12-ое мая штыковою атакою итальянцы завладѣли ущельемъ Инферно и оконечностью ущелья Дегамо. На границѣ Фріули 12-го мая на среднемъ теченіи Изонцо (Сочи) итальянцы успѣшно продолжали свои наступательныя операціи въ окрестностяхъ Капоретто и расположили свои войска на захваченныхъ ими возвышенностяхъ между Юдріо и Изонцо. Австрійская артиллерія средняго калибра безрезультатно обстрѣливала эти возвышенности съ позицій у Санта-Маріи и Санта-Лючіи, къ юго-западу отъ Толмино. Въ нижнемъ теченіи Изонцо (Сочи) итальянцы продолжали наступать, стремясь достигнуть береговъ этой рѣки. Непріятель повсюду отступалъ, уничтожая мосты. Итальянскіе авіаторы сбрасывали бомбы надъ станціями электрической и желѣзнодорожной въ Монфальконе».

13-го мая французское правительство извѣстило о томъ, что неудачи, испытанныя 12-го мая непріятелемъ въ районѣ Ангра и къ сѣверу отъ массива Лореттъ, вызвали съ его стороны ожесточенное противодѣйствіе. Вечеромъ произошло яростное сраженіе, продолжавшееся и ночью. Французы сохранили за собой всѣ отнятыя ими у непріятеля позиціи. Французскія войска дали новое доказательство выдающейся храбрости и упорства. Германцы сначала произвели контръ-атаку противъ отбитаго французами у нихъ укрѣпленія на сѣверо-западѣ отъ Ангра и прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы вновь завладѣть имъ. Несмотря на чрезвычайно усиленную бомбардировку, которой французскія войска подверглись, имъ удалось сохранить всѣ ихъ позиціи. Кромѣ того, французы къ концу дня заняли почти весь Фонъ-ле-Бюваль, въ которомъ, утвердились послѣ полудня и съ тѣхъ поръ удерживались подъ ожесточеннымъ огнемъ непріятеля. Одновременно съ этимъ они продвинулись впередъ на гребнѣ къ сѣверо-западу отъ Лореттъ и овладѣли траншеей около Сушэ. Въ реймсскомъ и суассонскомъ участкахъ происходилъ довольно оживленный артиллерійскій бой.

Въ теченіе 12-го мая французскіе авіаторы проявили энергичную дѣятельность на всемъ протяженіи фронта, причемъ имъ удалось успѣшно бомбардировать многія изъ мѣстъ расположенія непріятеля. Авіаторы сбросили 203 снаряда, изъ которыхъ 82 вѣсомъ въ 10 килограммовъ, 14—вѣсомъ въ 43 килограмма. Произведенные сбрасываніемъ бомбъ взрывы могли быть констатированы въ нѣсколькихъ мѣстахъ: въ частности въ германскомъ авіаціонномъ паркѣ въ Эврильи на сѣверо-западѣ отъ Руазеля, гдѣ загорѣлись ангары авіаторовъ, въ германскомъ резервномъ авіаціонномъ паркѣ въ Гранъ-Пріэлѣ на сѣверо-западѣ отъ Сенъ-Кантена, гдѣ былъ разрушенъ ангаръ, и на Сенъ-Кантенскомъ вокзалѣ, гдѣ поврежденъ складъ масла. Прошлой ночью 4 снаряда были сброшены надъ станціей въ Дуэ. При этомъ былъ замѣченъ пожаръ, возникшій по близости товарной станціи.

Великобританскія войска снова продвинулись впередъ по направленію къ Лабассэ, захвативъ нѣсколько пулеметовъ и 60 плѣнныхъ, въ томъ числѣ многихъ офицеровъ.

Къ сѣверу отъ Арраса продолжались отчаянныя попытки германцевъ вернуть себѣ въ районѣ Ангра утраченныя ими 12-го мая позиціи. Весь день длился усиленный бой. У укрѣпленія Корнайль контръ-атака непріятеля вынудила французовъ сначала податься назадъ, но менѣе чѣмъ черезъ часъ они вновь завладѣли всей позиціей и съ тѣхъ поръ удерживаютъ ее въ своихъ рукахъ. У сосѣдняго укрѣпленія, болѣе къ югу, непріятель послѣ отчаянныхъ атакъ вновь овладѣлъ сѣвернымъ выступомъ, французы же удержали западный выступъ и завладѣли частью выступа южнаго. Между этими двумя укрѣпленіями и дорогой отъ Эксъ-Нулеттъ къ Сушэ они атаковали и, продвинувшись впередъ, захватили нѣсколько пунктовъ на линіи расположенія противника, которому не удалось отбить у нихъ ни одного изъ окоповъ, захваченныхъ нами 12-го мая. На опушкѣ лѣса, къ сѣверу отъ дороги отъ Эксъ-Нулеттъ къ Сушэ, разыгрался оживленный бой, не измѣнившій расположенія борющихся сторонъ. Между означенной дорогой и массивомъ Лореттъ, въ оврагѣ Бюваль, несмотря на усиленный огонь артиллеріи непріятеля, ему не удалось выбить насъ съ позицій, захваченныхъ ими 12-го мая. На сѣверныхъ склонахъ къ востоку отъ часовни Лореттъ мы продвинулись на 200 метровъ, несмотря на чрезвычайно сильный артиллерійскій огонь. У Абленъ-Сенъ-Назера французы захватили пулеметъ, въ Невиль-Сенъ-Ваастѣ послѣ горячаго боя заняли группу домовъ, образовывавшую опасный выступъ. Во многихъ столкновеніяхъ непріятель понесъ очень значительныя потери.

Германскій аэропланъ направлялся утромъ къ Парижу. Встрѣченный отрядомъ французскихъ аэроплановъ надъ укрѣпленныхъ лагеремъ, онъ бросилъ безрезультатно нѣсколько бомбъ на Виленуа, близъ Мо. Французскіе передовые воздушные отряды поджидали возвращенія этого аэроплана и послѣ воздушной атаки онъ былъ сбитъ однимъ изъ французскихъ аэроплановъ вблизи Врэнъ, въ районѣ Суассона. На немъ оказалось еще 4 бомбы. Два германскихъ авіатора были убиты. Французскіе аэропланы успѣшно сбросили 50 бомбъ на аэродромъ Ла-Тирейль близъ Дуэ. Ангары и машины, находившіеся на аэродромѣ, были уничтожены.

13-го мая фельдмаршалъ Френчъ доносилъ:

«Первая армія продолжаетъ продвигаться къ востоку отъ Фестюбера. Территоріальная дивизія, захватившая минувшею ночью рядъ германскихъ окоповъ и 35 человѣкъ въ плѣнъ, сегодня утромъ захватила плѣнными одного офицера и 21 нижняго чина и одинъ пулеметъ. Съ 3-го мая первая армія прорвала непріятельскій фронтъ на протяженіи свыше 3 миль, овладѣвъ всей системой укрѣпленныхъ непріятельскихъ позицій на фронтѣ въ 3200 ярдовъ; на остальномъ протяженіи фронта часть первой и второй линій непріятельскихъ окоповъ также находится въ нашихъ рукахъ. Общее число плѣнныхъ, взятыхъ за это время, составляетъ 8 офицеровъ и 777 нижнихъ чиновъ. Кромѣ того, нами захвачено 10 пулеметовъ, много военнаго матеріала и аммуниціи».

Въ Дарданеллахъ погибъ отъ мины британскій броненосецъ «Triumph», большая часть команды котораго была спасена. Генералъ Гуро замѣстилъ начальника экспедиціоннаго отряда въ Дарданеллахъ генерала д'Амада, который раненъ.

14-го мая Государь Императоръ возвратился изъ дѣйствующей арміи въ Царское Село.

14-го мая штабъ верховнаго главнокомандующаго объявилъ, что въ шавельскомъ районѣ 12-го и 13-го мая мы вели успѣшные бои, причемъ наши войска продвинулись къ юго-западу отъ линіи Муравьево—Шавли, а также на Нижней Дубиссѣ, и отразили непріятельское наступленіе къ востоку отъ Россіенъ. Нами было взято нѣсколько сотъ плѣнныхъ, автомобили и другіе трофеи. На Бобрѣ непріятель въ ночь на 13-ое мая открылъ огонь тяжелой артиллеріей по району Оссовецкой крѣпости, а къ востоку отъ Едвабно пытался безуспѣшно вести наступленіе подъ прикрытіемъ удушливыхъ газовъ. На прочихъ участкахъ на наревскомъ фронтѣ шла оживленная перестрѣлка. На лѣвомъ берегу Вислы, на Бзурѣ въ удачной стычкѣ со сторожевыми частями германцевъ наши стрѣлки перекололи до 60 человѣкъ, а уцѣлѣвшихъ взяли въ плѣнъ. На направленіи къ Опатову непріятель велъ значительными силами безуспѣшныя атаки.

Въ Галиціи 12-го и въ ночь на 13-ое мая непріятель велъ атаки по всему нашему фронту между Верхней Вислой и лѣвымъ берегомъ Сана, но былъ повсюду отбитъ съ большими потерями. Весьма упорный бой на обоихъ берегахъ Сана, между Перемышлемъ и рѣчкой Любачевкой, а также между Перемышлемъ и Большимъ Днѣстровскимъ болотомъ, продолжался съ большимъ напряженіемъ. Въ заднѣпровскомъ районѣ 12-го мая непріятель перешелъ въ рѣшительное наступленіе на всемъ фронтѣ отъ Большого Днѣстровскаго болота до Долины. Въ теченіе этого дня и слѣдующаго непріятель, понесшій огромныя потери, нигдѣ не достигъ успѣха. Прорвавшіяся между нашими опорными пунктами непріятельскія части вблизи Стрыя были нами уничтожены. При контръ-атакахъ мы взяли много плѣнныхъ.

14-го мая официальное французское сообщеніе гласило:

«Бельгійскія войска отразили 13-го мая вечеромъ двѣ германскія атаки къ сѣверу и югу отъ Диксмюде. Первая атака отражена контръ-атакой бельгійцевъ, вторая—остановлена огнемъ. Въ секторѣ къ сѣверу отъ Арраса минувшею ночью были предприняты двѣ операціи. Къ юго-западу отъ Сушэ мы за-

хватили непріятельскій окопъ у замка Карлель, взявъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ одного офицера. Къ востоку отъ Невилль-Сенъ-Вааста германцы пытались произвести атаку, которая, однако, была остановлена нашей артиллеріей. На различныхъ пунктахъ фронта, главнымъ образомъ близъ Реймса и въ Вогезахъ, происходилъ артиллерійскій бой.

«Одна изъ нашихъ воздушныхъ эскадръ, состоявшая изъ 18 аэроплановъ съ 50 килограммами снарядовъ на каждомъ, бомбардировала утромъ въ Лудвигсгафенѣ фабрику химическихъ продуктовъ «Badische Aniline», одну изъ самыхъ значительныхъ фабрикъ взрывчатыхъ веществъ во всей Германіи. Бомбардировка оказалась удачной. Снаряды попали въ нѣсколько зданій, причинивъ многочисленные пожары. Авіаторы оставались въ воздухѣ около шести часовъ, пролетѣвъ разстояніе болѣе 400 километровъ. Эта экспедиція была предпринята въ отвѣтъ на германскія попытки бомбардировать Парижъ.

«Въ секторѣ къ сѣверу отъ Арраса день 14-го мая былъ отмѣченъ нѣсколькими весьма жаркими операціями, доставившими намъ новые успѣхи. Въ районѣ Ангра непріятель предпринялъ двѣ контръ-атаки, но оба раза былъ отраженъ. Мы закрѣпили за собою пріобрѣтенныя нами ранѣе позиціи. Германскія потери, какъ и 13-го мая, очень велики.

«Къ югу и востоку отъ Аблена энергичной атакой войскъ, захватившихъ ранѣе Каранси и большую часть Аблена, заняты германскія траншеи передъ кладбищемъ этой деревни. Немедленно вслѣдъ за тѣмъ мы овладѣли самимъ кладбищемъ, гдѣ непріятелемъ были возведены сильныя укрѣпленія. Потомъ мы продвинулись далѣе за кладбище, захвативъ при этомъ 400 плѣнныхъ, въ числѣ ихъ нѣсколько офицеровъ. Въ районѣ Экюри—Роленкуръ происходилъ оживленный артиллерійскій бой».

14-го мая британское адмиралтейство заявило, что англійская подводная лодка «Е-11» вошла въ Мраморное море, гдѣ потопила судно, груженное большимъ количествомъ боевыхъ припасовъ для тяжелыхъ гаубицъ, нѣсколькими орудійными лафетами и шестидюймовыми орудіями.Затѣмъ подводная лодка нагнала и потопила вблизи мола Родосто судно съ большимъ грузомъ разныхъ припасовъ и заставила выброситься на берегъ небольшое транспортное судно‘ Та же подводная лодка достигла Константинополя и выпустила мину по транспорту, стоявшему вблизи арсенала. Взрывъ мины былъ слышенъ. 14-го мая утромъ англійскій броненосецъ «Majestic», принимавшій участіе въ военныхъ операціяхъ у Галлипольскаго полуострова, былъ атакованъ непріятельской подводной лодкой и пущенъ ко дну. Почти весь экипажъ удалось спасти.

Офиціальное сообщеніе бельгійской главной квартиры отъ 14-го мая гласило: «Атаки непріятельской пѣхоты были направлены вчера вечеромъ противъ защищаемаго одною изъ нашихъ дивизій предмостнаго укрѣпленія. Атака была отбита. Въ теченіе прошлой ночи непріятельская артиллерія обстрѣливала главнымъ образомъ территорію за Изеромъ, въ частности Стивенскерке и Казекерке˙ равно какъ ихъ окрестности».

Къ 15-му мая на русскихъ фронтахъ положеніе дѣлъ сводилось къ слѣдующему:

Въ шавельскомъ районѣ мы овладѣли къ вечеру 13-го мая сильно укрѣпленной позиціей у Бубье, причемъ взяли въ плѣнъ свыше 1.000 германцевъ. На Нижней Дубиссѣ происходили упорные бои.

Въ Галиціи бои на Санѣ продолжались съ прежнимъ напряженіемъ. Въ ночь на 14-е мая наши войска перешли въ энергичное наступленіе на позиціи непріятеля къ сѣверу и востоку отъ Сенявы и, нанеся большія потери непріятелю, въ теченіе слѣдующаго дня овладѣли его укрѣпленіями на фронтѣ Пиганы—Игнаце, причемъ нашъ славный третій кавказскій корпусъ захватилъ въ плѣнъ до 6.000 австро-германцевъ, 6 тяжелыхъ и три легкихъ орудія. Въ ночь на 15-е мая третій кавказскій корпусъ, развивая наступленіе, овладѣлъ штурмомъ Сенявой, гдѣ имъ захвачено дополнительно свыше тысячи плѣнныхъ и пять орудій.

Однако въ районѣ къ югу и къ востоку отъ Радымно непріятель, располагая значительнымъ превосходствомъ въ артиллерійскомъ огнѣ, выигралъ нѣкоторое пространство на обоихъ берегахъ Сана. Восточнѣе Гуссакува у Златковице непріятелю послѣ ожесточеннаго многодневнаго боя удалось вновь овладѣть окопами двухъ нашихъ батальоновъ. На фронтѣ отъ Большого Днѣстровскаго болота до Долины непріятель, начавшій съ 12-го мая рядъ рѣшительныхъ атакъ, почти всюду отбитъ и лишь на нѣкоторыхъ участкахъ удерживается еще у нашихъ проволочныхъ загражденій, откуда выбивается постепенно нашими контръ-атаками.

На кавказскомъ фронтѣ 12 мая на приморскомъ направленіи происходила обычная перестрѣлка. Южнѣе Мелазгерта наши войска нанесли пораженіе курдамъ, устроивъ имъ засаду. Въ дальнамъ-ванскомъ районѣ наши войска имѣли столкновеніе съ турками въ окрестностяхъ Бушкалы и заняли городъ Урмію. 13-го мая на ванскомъ направленіи наши войска заняли Вастанъ и при преслѣдованіи взяли три орудія. Турки также разбиты въ районѣ Серо и Сыртыкъ на пути отъ Дильмана въ Дизу Гяверскую. При дальнѣйшемъ преслѣдованіи мы завладѣли селеніемъ Бежирга. Турки съ большими потерями отступили къ югу и западу. При взятіи Вана нашими войсками было захвачено 26 пушекъ, много ручного оружія, большіе запасы пороха и правительственная касса.

15-го мая сербское «Прессбюро» сообщило:

«12-го мая наша артиллерія своимъ точнымъ и частымъ огнемъ разсѣяла непріятельскій батальонъ, пытавшійся укрѣпиться на сѣверо-востокѣ отъ Купинова, а также кавалерійскій отрядъ и артиллерійскія запряжки, застигнутыя тамъ врасплохъ. Въ тотъ же день наша артиллерія, въ направленіи Добры, разсѣяла нѣсколькими выстрѣлами пѣхотный непріятельскій отрядъ, открывшій огонь противъ нашихъ сторожевыхъ постовъ. Наконецъ, въ тотъ же день непріятель пытался, при поддержкѣ бронированнаго автомобиля и десяти орудій, высадить солдатъ на островѣ Цоколяна. Нашимъ войскамъ удалось ихъ отбросить».

15-го мая сообщеніе французскаго правительства гласило:

«Произведенныя непріятелемъ контръ-атаки противъ позицій, которыми мы завладѣли близъ Анра, продолжались этою ночью. Всѣ онѣ были нами отражены. У Аблепъ-Сенъ-Наэра наши войска продолжали съ полнымъ успѣхомъ наступленіе. Овладѣвъ кладбищемъ, нашъ войска въ началѣ ночи захватили весь

островокъ и сосѣдніе дома, въ частности домъ священника, который былъ сильно укрѣпленъ непріятелемъ. Послѣ этого войска приступомъ овладѣли германскими траншеями на дорогѣ, ведущей отъ Аблена къ мельницѣ Магонъ, на юго-востокѣ отъ Аблена. Несмотря на ожесточенныя ночныя контръ-атаки непріятеля, наши войска сохранили за собою весь занятый ими участокъ и нанесли непріятелю тяжелыя потери. Рано утромъ войска двинулись на востокъ и овладѣли въ направленіи къ Сушэ сильными германскими укрѣпленіями подъ названіемъ: «Фортъ четырехъ рощъ». Сраженіе имѣло весьма ожесточенный характеръ, и непріятель понесъ большой уронъ. Число плѣнныхъ, взятыхъ нами вчера вечеромъ, превосходитъ 400 человѣкъ, изъ которыхъ 7 офицеровъ. Кромѣ того, мы захватили 12 пулеметовъ. Утромъ послѣ взятія форта мы снова взяли плѣнныхъ, число которыхъ еще не выяснено, а также захватили военные матеріалы. Артиллерійскій обстрѣлъ, которому подверглась конюшня Рокленкуръ со стороны германцевъ, продолжался въ теченіе всей ночи, но не сопровождался атакой пѣхоты. На опушкахъ Лепретрскаго лѣса мы вчера вечеромъ произвели атаку, благодаря которой продвинулись впередъ, взявъ около 60 плѣнныхъ, въ томъ числѣ нѣсколько офицеровъ.

«Британскія войска продвинулись въ направленіи къ Лабассэ. Блізъ Ангра непріятельскія контръ-атаки продолжались съ возрастающимъ ожесточеніемъ, но всѣ потерпѣли неудачу. Непріятелемъ въ теченіе дня было произведено пять контръ-атакъ, а съ двумя ночными контръ-атаками всего за сутки не менѣе семи контръ-атакъ. Наша артиллерія и пѣхота каждый разъ отбрасывали атакующихъ. Мы удержали наши позиціи, несмотря на чрезвычайно ожесточенную и продолжительную бомбардировку ихъ непріятелемъ. Къ сѣверу отъ Экюри, въ особенно трудно проходимомъ районѣ «Лабиринта», мы продвинулись впередъ приблизительно на сто метровъ. На всемъ фронтѣ отъ Ангра до Арраса весь день шелъ чрезвычайно ожесточенный артиллерійскій бой. На опушкѣ Лепретрскаго лѣса мы послѣдней атакой достигли въ двухъ пунктахъ шоссе Фэ-анъ-Гэ—Норруа. Мы взяли 150 плѣнныхъ, въ томъ числѣ нѣсколько офицеровъ и захватили одинъ пулеметъ. Въ Эльзасѣ на плоскогоріи Шнапфенритъ мы продвинулись впередъ на нѣсколько сотъ метровъ».

Британскій пароходъ «Gandaby» былъ потопленъ выстрѣломъ съ германской подводной лодки близъ острововъ Сили. Экипажъ спасенъ. Трансатлантическій пароходъ «Champagne» потерпѣлъ крушеніе у Сенъ-Назера. Пассажиры пересажены на другой пароходъ. Союзный флотъ захватилъ австрійскую подводную лодку, потопившую броненосецъ «Triumph» передъ Седиль-Бахромъ, потопилъ вторую и преслѣдовалъ третью.

16-го мая штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что въ шавельскомъ районѣ непріятель, отступившій съ позицій у Бубье, 14-го мая велъ бой на фронтѣ Куртовяны—Подубисъ. 15-го мая наши войска овладѣли непріятельскими позиціями на этомъ фронтѣ, причемъ Германцы, выбитые изъ горѣвшаго мѣстечка Куртовяны, отступаютъ въ полномъ безпорядкѣ, преслѣдуемые нами. На Нижней Дубиссѣ атаки непріятеля, начавшіяся 14-го мая, на слѣдующій день прервались.

14-го мая непріятель развилъ по району Оссовца сильный артиллерійскій огонь, не причинившій крѣпости вреда.

Въ упорномъ сраженіи на Санѣ, между Сенявой и Перемышлемъ, въ теченіе дня 15-го мая существенныхъ перемѣнъ не произошло. Наши войска вели контръ-атаки на рѣкѣ Любачевкѣ, а также на фронтѣ селеній Тухла, Кальникувъ, Накло, Баричъ, причемъ многія селенія переходили изъ рукъ въ руки.

Герцогъ Абруццкій, начальникъ итальянскаго флота.

Непріятельскія атаки подготавливались обстрѣломъ нашихъ позицій снарядами съ удушливымъ газомъ.

Многочисленные плѣнные и перебѣжчики изъ группы армій генерала Макензена единогласно утверждаютъ, что потери непріятеля огромны.

Между Перемышлемъ и Большимъ Днѣстровскимъ болотомъ нами отбиты 14-го мая три непріятельскихъ атаки къ востоку отъ Гуссакува, причемъ германцы въ теченіе этого дня доходили до нашихъ проволочныхъ загражденій, но, понеся большія потери, не удержались и отошли въ исходное положеніе.

На заднѣстровскомъ фронтѣ 14-го и 15-го мая сраженіе велось съ большой энергіей. Значительныя массы непріятеля упорно, не считаясь съ потерями, шли на приступъ нашихъ позицій отъ Большого Днѣстровскаго болота до Долины. Всѣ атаки были нами отражены. Въ стремленіи вырвать инициативу изъ рукъ противника наши войска перешли въ рѣшительное наступленіе по лѣвому берегу рѣки Свицы и на всемъ фронтѣ до рѣки Ломницы. У Перехинско наступленіе развивается весьма успѣшно и за ночь на 15-е мая нами захвачено здѣсь свыше 3,200 плѣнныхъ, 72 офицера, знамя одного изъ гонведныхъ полковъ и нѣсколько пулеметовъ. На кавказскомъ фронтѣ 14-го мая наши передовыя части имѣли незначительное столкновеніе съ турками у Аркинса. Одинъ изъ нашихъ казачьихъ полковъ нанесъ сильное пораженіе курдамъ у Мишмина, въ районѣ Дутаха. Въ Ванстанѣ нами были захвачены турецкая моторная лодка и нѣсколько парусныхъ шхунъ.

На французскомъ фронтѣ положеніе дѣлъ къ 16-го мая обрисовалось въ такомъ порядкѣ. Въ районѣ къ сѣверу отъ Арраса ночь была отмѣчена весьма ожесточеннымъ артиллерійскимъ боемъ. Непріятель подвергъ преимущественному обстрѣлу французскія позиціи на плоскогорьѣ Лореттъ. Ночная атака дала французамъ возможность вновь продвинуться впередъ къ востоку отъ дороги Эксъ-Нуллетъ—Сушэ. Произведенная германцами около полуночи контръ-атака противъ нашихъ траншей у Абленъ-Сенъ-Назера легко ими отражена. Въ Аргоннахъ въ районѣ Фонтэнъ-Мадамъ французы овладѣли частью непріятельской траншеи. Въ секторѣ къ сѣверу Арраса французы имѣли новый успѣхъ. Послѣ того, какъ они весьма успѣшно отразили контръ-атаку германцевъ, направленную противъ французскихъ траншей у Абленъ-Сенъ-Назера, они перешли въ наступленіе и завладѣли сначала большей частью, а потомъ и всѣми домами въ Албенѣ, еще находившимися въ рукахъ непріятеля. Такимъ образомъ, вся деревня перешла въ обладаніе французовъ. Сраженіе было весьма жаркимъ, причемъ французы частью уничтожили, частью обратили въ бѣгство три роты германцевъ. Въ Невилль-Сенъ-Ваастѣ еще продолжались уличные бои, причемъ французы овладѣли новой группой домовъ у западной окраины. На остальномъ пространствѣ аррасскаго сектора не произошло ничего существеннаго, если не считать ожесточенной бомбардировки, открытой непріятелемъ, на которую отвѣчала французская артиллерія. Около Тикура, на юго-востокъ отъ Лассиньи, французы сбили непріятельскій аэропланъ, который сгорѣлъ, упавъ передъ французскими линіями.

«Начиная съ осени,—говорится далѣе въ официальномъ сообщеніи,—происходила все время безъ перерыва борьба въ лѣсу Лепретръ. Въ сентябрѣ мы находились у опушки этого лѣса. Въ теченіе всей зимы мы или продвигались сапой черезъ мелкій лѣсъ, или же выигрывали пространство путемъ открытыхъ атакъ. Наше наступленіе ни одного момента не прекращалось.. Военное начальство согласовало свои усилія съ силами войскъ, но никогда непріятелю не удавалось навязать намъ свою волю. Если намъ случалось терять часть занятаго нами пространства, то новая атака затѣмъ отдавала въ наши руки пространство, превышавшее то, чѣмъ мы ранѣе завладѣли. Послѣ семи мѣсяцевъ непрестанной борьбы мы теперь наконецъ достигли цѣли.

Полки, на долю которыхъ выпала честь завершенія этого дѣла, дали въ теченіе зимы доказательство своей стойкости, а равно моральной и физической силы, дѣлающихъ честь французской націи».

17-го мая штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ, что въ шавельскомъ районѣ наши войска продолжали тѣснить германцевъ, обороняющихъ доступы къ селеніямъ Шавкины и Кельмы, при этомъ 15-го мая близъ селенія Савденики нами было захвачено 9 пушекъ, 7 пулеметовъ, плѣнные и много другихъ трофеевъ. На Средней и Нижней Дубиссѣ непріятель возобновилъ наступленіе. Наши войска, отойдя за рѣку, 16-го мая воспрепятствовали повторнымъ попыткамъ непріятеля переправиться черезъ нее.

Въ продолжающемся сраженіи въ Галиціи въ теченіе 16-го мая мы очистили отъ непріятеля правый берегъ Сана до устья Любачевки и успѣшно вели рядъ контръ-атакъ противъ главныхъ непріятельскихъ силъ, удерживающихся въ районѣ отъ Любачевки до селеній Кальникувъ и Накло, что па обоихъ берегахъ рѣки Вишни. Здѣсь за сутки мы захватили до 3,000 плѣнныхъ съ 60 офицерами, пулеметы, прожекторы, обозъ. Въ заднѣстровскомъ районѣ упорные бои продолжались. Непріятель 15-го мая развивалъ главный натискъ въ районѣ Гай Вс., гдѣ наше расположеніе образуетъ исходящій уголъ. Для противодѣйствія этому натиску нами была произведена контръ-атака, причемъ одному изъ нашихъ батальоновъ удалось зайти непріятелю въ тылъ, сбить значительныя его силы и захватить 600 плѣнныхъ съ 17 офицерами и 8 пулеметовъ. Въ районѣ Долины наши наступавшія части очистили отъ непріятеля правый берегъ Свицы.

На Черномъ морѣ 16-го мая нашъ флотъ разрушилъ бомбардировкой близъ Козлу электрическую станцію и сооруженія для добычи угля.

На ольтинскомъ направленіи кавказскаго фронта происходили незначительныя столкновенія развѣдывательныхъ партій. На приморскомъ направленіи шла обычная перестрѣлка. На ванскомъ направленіи наши войска заняли селеніе Шекеръ-Булагъ и перевалъ Мемжинъ на путяхъ въ Дизу-Гяверскую, а также селеніе Реза. Въ районѣ селенія Манчелава произошло столкновеніе между турецкими и нашими войсками.

По официальнымъ сообщеніямъ, результаты военныхъ дѣйствій на австро-итальянской границѣ за послѣдніе дни представляются въ такомъ видѣ:

«На границахъ Тироля артиллерійскій бой ведется успѣшно для итальянцевъ; непріятельскія укрѣпленія получили сильныя поврежденія. Итальянскія войска послѣ оживленнаго боя, продолжавшагося съ полудня до вечера, овладѣли Алою. Потери итальянцевъ незначительны. Итальянскіе дирижабли произвели рядъ удачныхъ налетовъ на непріятельскую территорію, сопровождавшихся серьезными разрушеніями. Итальянскіе аэропланы дѣйствовали также успѣшно, заставивъ спуститься непріятельскихъ летчиковъ. Итальянскій контръ-миноносецъ «Leffiro», войдя внезапно въ портъ Бузо, обстрѣлялъ казармы, разрушилъ пристани и потопилъ много моторныхъ лодокъ. Венгерскій поручикъ пѣхоты, находившійся въ порту, поднялъ бѣлый флагъ и сдался итальянцамъ, вручивъ свою саблю. Два итальянскихъ миноносца имѣли бой съ двумя австрійскими миноносцами и двумя подводными лод-

ками, одна изъ которыхъ была потоплена, причемъ итальянцы не понесли никакихъ потерь. Итальянскій гидроаэропланъ сбросилъ надъ Себенико бомбы, которыя попали въ нѣсколько стоявшихъ въ устьѣ рѣки миноносцевъ. Летчикъ подвергся обстрѣлу, однако вернулся невредимъ. Австрійскій миноносецъ «S 80», приблизившись къ каналу Порто-Корсини, подвергся обстрѣлу со скрытой батареи и получилъ серьезныя поврежденія. Контръ-миноносецъ, дѣйствовавшій вмѣстѣ съ миноносцемъ «S 80», также серьезно пострадалъ и искалъ помощи у развѣдочнаго судна «Novaro», которое, въ свою очередь, подверглось обстрѣлу и потеряло многихъ изъ команды убитыми.

«Итальянскій контръ-миноносецъ въ 330 тоннъ водоизмѣщенія при обслѣдованіи моря обнаружилъ австрійскій контръ-миноносецъ и преслѣдовалъ его, причемъ удалился отъ отряда судовъ, къ которому принадлежалъ. Внезапно появились 4 непріятельскихъ судна, шедшія подъ эскортомъ контръ-миноносцевъ и легкаго крейсера «Heligoland». Итальянскій контръ-миноносецъ отступилъ, пытаясь установить связь со своимъ отрядомъ судовъ, однако въ виду поврежденія котловъ непріятельскими снарядами не былъ въ состояніи уйти. Послѣ героической борьбы командиръ контръ-миноносца приказалъ открыть кингстоны, чтобы избѣгнуть захвата судна. Непріятельскія суда, видя погруженіе контръ-миноносца, все-таки продолжали его обстрѣливать. Передъ самымъ погруженіемъ въ воду командиръ приказалъ экипажу броситься въ море. Тогда экипажъ австрійскихъ контръ-миноносцевъ спустилъ шлюпки для оказанія помощи погибающимъ. Однако въ этотъ моментъ появилась итальянская эскадра, и непріятель, поспѣшно убравъ шлюпки, удалился къ своимъ берегамъ. Итальянскія суда преслѣдовали его и нанесли серьезныя поврежденія австрійскому контръ-миноносцу типа «Tatra» и крейсеру «Heligoland».

17-го мая французское морское министерство дало обзоръ военныхъ дѣйствій въ Дарданеллахъ съ 21-го апрѣля по 1-е мая послѣ того, какъ состоялась высадка дессанта.

«Въ началѣ оккупаціи первые высаженные на полуостровѣ отряды, незначительной численности, должны были выдерживать повторныя атаки непріятеля и расширить занятую зону, дабы облегчить высадку подкрѣпленій и доставку снарядовъ. Во время этой военной операціи, безпримѣрной въ исторіи, англо-французскія войска выказали доблесть, примѣровъ которой не много было въ прошломъ. Турки, несмотря на испытанную ими 19-го апрѣля кровопролитную неудачу, ночью 21-го перешли въ наступленіе, чтобы прорвать французскій фронтъ, и произвели ожесточенныя атаки, однако, истративъ запасы снарядовъ, погибли подъ ударами нашихъ штыковъ. Наши войска сражались безъ отдыха и въ то же время должны были рыть траншеи, переносить снаряды и военное снаряженіе. 23-го апрѣля главнокомандующій приказалъ перейти въ наступленіе по всему фронту, дабы овладѣть главной турецкой позиціей. Несмотря на сильнѣйшія укрѣпленія и пулеметный огонь, мы постепенно продвигались впередъ. Днемъ 23-го апрѣля пѣхота, произведя великолѣпную атаку, овладѣла двумя линіями траншей, а потомъ и редутомъ, сооруженнымъ на верхушкѣ холма. Въ концѣ концовъ мы завладѣли высотою, господствующей надъ всѣмъ райономъ, заключеннымъ между проливомъ

и ручьемъ, протекающимъ по серединѣ полуострова. Слѣдующей ночью непріятель тщетно пытался произвести отчаянную контръ-атаку, отраженную нашими войсками, причемъ турки усѣяли своими трупами гласисъ занятаго нами редута. Во время этого сраженія было много актовъ личнаго героизма, свидѣтельствующихъ о доблести и безстрашіи нашихъ войскъ».

Французскій броненосецъ «Jeanne d'Arc» обстрѣлялъ побережье Малой Азіи. Французы сломили сопротивленіе турокъ у Каба-Тепе и заняли высоты, господствующія надъ Нагарой. Союзный флотъ занялъ портъ Гавріонъ на островѣ Андросъ, какъ базу для наблюденія и поисковъ германскихъ подводныхъ лодокъ.

Къ 17-му мая въ Бельгіи на правомъ берегу Изерскаго канала французскія войска захватили всѣ германскіе окопы у высоты «17», въ районѣ Пилькена, гдѣ было взято ими въ плѣнъ 50 человѣкъ и захвачено три пулемета. Предпринятая затѣмъ германцами контръ-атака была французами отбита. Въ секторѣ къ сѣверу отъ Арраса продолжался ожесточенный артиллерійскій бой. Къ юго-востоку отъ Невилль-Сенъ-Вааста французы атаковали германскія позиціи въ мѣстности, называемой Лабиринтомъ. Послѣ весьма жаркаго боя они продвинулись впередъ на 400 метровъ, захвативъ много плѣнныхъ, въ томъ числѣ нѣсколько офицеровъ. На опушкѣ Лепретрскаго лѣса французы захватили новыя траншеи и взяли около 50 человѣкъ въ плѣнъ. Въ Эльзасѣ на горномъ массивѣ Шнепфенритъ французы отразили германскую атаку и, опрокинувъ непріятеля, овладѣли одной изъ его траншей въ исходномъ пунктѣ и захватили пулеметъ и два миномета.

«Въ теченіе ночи съ 17-го на 18-е мая не произошло ничего новаго, если не считать безуспѣшную атаку германцевъ въ районѣ Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ, которую французы съ легкостью отразили. Число взятыхъ французами 17-го мая плѣнныхъ въ Лабиринтѣ къ юго-востоку отъ Невилль-Сенъ-Вааста достигало 150 человѣкъ, изъ которыхъ 4 офицера.

Англія объявила блокаду побережья Малой Азіи отъ Дарданеллъ до Самосскаго пролива. Германской подводной лодкой потоплено русское судно «Марсъ» изъ Пернова. Команда прибыла въ Эбердинъ. Датскій пароходъ «Seoborg» потопленъ германской подводной лодкой на высотѣ Нью-Кэстля.

Въ теченіе 17-го мая непріятельская артиллерія обнаруживала большую дѣятельность противъ бельгійскаго расположенія. Ночью непріятель бомбардировалъ бельгійскіе передовые посты, одно изъ бельгійскихъ предмостныхъ укрѣпленій и деревни Нордсхоотэ и Оостватеренъ. Бельгійскія батареи разсѣяли непріятеля на путяхъ изъ Хротехемене и Схоорбакке, а также рабочихъ у Блаюпюттекена.

18-го мая штабъ верховнаго главнокомандующаго доносилъ: въ шавельскомъ районѣ германцы продолжали оказывать сопротивленіе нашему наступленію, встрѣчая его сильнымъ огнемъ. Въ общемъ, однако, бои въ этомъ районѣ развивались для насъ благопріятно. На фронтѣ между рѣкой Пилицей и Верхней Вислой за періодъ времени съ 29-го апрѣля по 11-го мая нами было взято въ плѣнъ 209 офицеровъ и 8.617 нижнихъ чиновъ.

Въ Галиціи бои на Санѣ развивались для насъ также успѣшно. Наши войска, удачно продолжая наступленіе, въ ночь на 17-го мая переправились черезъ рѣку Любачевку и заняли деревню Монастержъ, нанеся противнику значительныя потери. Наступленіе непріятеля съ фронта Ярославъ—Радымно въ восточномъ направленіи было остановлено нашимъ огнемъ. Въ заднѣстровскомъ районѣ 16-го мая всѣ атаки противника на фронтѣ Задеревачъ—Болеховъ—Яворовъ были нами отбиты съ большими для него потерями. Отбивъ атаки, наши войска въ ночь на 17-ое мая сами перешли въ рѣшительное наступленіе, которое развилось весьма успѣшно. На этомъ фронтѣ мы взяли въ плѣнъ свыше 7.000 человѣкъ и захватили 30 пулеметовъ. Противникъ былъ разстроенъ и въ безпорядкѣ началъ отступленіе.

18-го мая французское офиціальное сообщеніе гласило: на изерскомъ фронтѣ происходилъ артиллерійскій бой. Въ районѣ къ сѣверу отъ Арраса французы снова продвинулись впередъ. По дорогѣ изъ Сушэ въ Каранси они овладѣли мельницей Малонъ и германскими окопами, идущими отъ мельницы до сахарнаго завода Сушэ. Здѣсь французы захватили около 50 плѣнныхъ. Въ районѣ Лабиринта послѣ того, какъ французскія войска въ ночь съ 17-го на 18-ое мая отразили германскую контръ-атаку, они закрѣпили за собою отбитыя у непріятеля позиціи. Въ теченіе всего 18-го мая непріятель не предпринималъ атакъ пѣхотою, ограничиваясь лишь бомбардировкою французскаго фронта. На опушкѣ Лепретрскаго лѣса шелъ только артиллерійскій бой. Въ теченіе боевъ 17-го мая французами было захвачено два пулемета.

18-го мая итальянскія офиціальныя сообщенія такимъ образомъ рисовали положеніе военныхъ дѣлъ: «На тирольско-трентинской границѣ наступленіе нашихъ войскъ по ту сторону границы продолжается. Приблизительно въ шести километрахъ къ сѣверу отъ Алы нашими войсками занята важная въ стратегическомъ отношеніи возвышенность Гони Цугна, господствующая надъ Роверето, на которой австрійцы недавно начали сооружать крѣпость. На плоскогорьѣ продолжается энергичная дѣятельность нашей артиллеріи и уменьшается интенсивность огня австрійскаго форта Бельведере. Наша пѣхота укрѣпляется въ этомъ районѣ. Продвигаясь вдоль Вальцуганы, линія нашего фронта достигла мѣстности приблизительно въ восьми километрахъ отъ Борго, солидно укрѣпившись на обѣихъ сторонахъ ущелья. Мы также овладѣли горой Бельведере, господствующей надъ Фіера-ди-Примьери у горнаго ущелья Сисмонъ. У пограничнаго мѣстчка Карніа (провинція Удине) 17-го мая полтора австрійскихъ батальона съ пулеметами атаковали нашихъ альпійскихъ стрѣлковъ около горнаго дефиле Монте-Кроче-Карнико. Альпійскіе стрѣлки отразили пять ожесточенныхъ атакъ, а затѣмъ, перейдя въ наступленіе, несмотря на сильный дождь и туманъ, окончательно оттѣснили непріятеля. Наши потери незначительны. На границѣ Фріуля наши войска, несмотря на дожди и разливъ рѣкъ, продолжаютъ бодро и самоотверженно преодолѣвать всѣ препятствія.

«17-го мая вечеромъ нашъ дирижабль пролетѣлъ надъ городомъ Полой и сбросилъ нѣсколько бомбъ на желѣзнодорожный вокзалъ, складъ керосина и арсеналъ. Всѣ бомбы взорвались въ намѣченныхъ мѣстахъ, при чемъ изъ зданія арсенала вырвался большой столбъ пламени. Дирижабль подвергся сильному об-

стрѣлу со стороны артиллеріи для стрѣльбы по воздушнымъ аппаратамъ, но возвратился безъ поврежденія.

«18-го мая утромъ наша флотилія контръ-миноносцевъ обстрѣливала доки въ Монфальконе, причинивъ серьезныя поврежденія, въ которыхъ могли удостовѣриться сами командиры. Нѣсколько большихъ парусныхъ судовъ, груженныхъ мукою, застигнутыхъ врасплохъ итальянскою флотиліею на обратномъ пути съ набѣга, были потоплены. Ни одинъ изъ итальянскихъ контръ-миноносцевъ, а также никто изъ экипажа не пострадалъ отъ непріятельскаго огня».

18-го мая въ Каирѣ было опубликовано слѣдующее официіальное сообщеніе о военныхъ операціяхъ въ Дарданеллахъ: «За 13-ое и 14-ое мая ничего значительнаго не произошло. 15-го мая мы обнаружили непріятельскихъ саперовъ, работавшихъ подъ однимъ изъ нашихъ окоповъ; мы успѣшно взорвали контръ-мину. Въ тотъ же день вечеромъ турки заняли траншею, взорванную нами. Наши войска штыковой контръ-атакой вновь заняли эту позицію, принудивъ при этомъ турокъ, занимавшихъ также вспомогательную траншею, сдаться. Въ то время, когда происходилъ этотъ бой, сильныя колонны непріятеля наступали на наши войска съ цѣлью закрѣпить за собою временный мѣстный успѣхъ, но, благодаря яркому лунному свѣту, непріятель былъ отчетливо виденъ, и наша артиллерія, которая оказалась въ состояніи обстрѣливать его съ двухъ сторонъ, открыла по непріятелю чрезвычайно мѣткій огонь. Непріятель былъ деморализованъ этимъ обстрѣломъ и можно было видѣть, какъ вторая линія турокъ, вооруженная ручными бомбами, стала бросать снаряды на собственную же первую линію, содѣйствуя такимъ образомъ полному ея разгрому. Потери непріятеля достигли по крайней мѣрѣ 2000 человѣкъ, въ то время, какъ наши не превышаютъ 300. Въ теченіе ночи 16-го мая турки дважды предпринимали атаки на нашу новую позицію, занятую нами въ предшествовшую ночь, но не достигли никакого успѣха. 15-го мая французская армія захватила важный редутъ на крайнемъ лѣвомъ флангѣ турокъ и закрѣпила за собою территорію, пріобрѣтенную ею. Въ теченіе ночи на 16-ое мая турки усиленно бомбардировали новую позицію французовъ, но не предпринимали наступленія, будучи удерживаемы сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ. Атака турокъ на лѣвый флангъ одной изъ французскихъ дивизій была отражена».

19-го мая штабъ верховнаго главнокамандующаго увѣдомилъ о томъ, что въ общемъ положеніе дѣлъ въ шавельскомъ районѣ оставалось безъ существенныхъ перемѣнъ. Къ западу отъ селенія Куртовяны бой продолжался на фронтѣ Травляны—Гайлишки, причемъ 18-го мая мы овладѣли, послѣ штыкового боя, послѣднимъ селеніемъ, сильно укрѣпленнымъ и упорно оборонявшимся германцами. На лѣвомъ берегу Вислы непріятель въ ночь на 18-е мая развилъ весьма сильный артиллерійскій огонь на всемъ фронтѣ къ сѣверу отъ Пилицы. Около четырехъ часовъ утра непріятель, устроивъ дымовыя завѣсы и широко пользуясь ядовитыми газами, атаковалъ значительными силами наши позиціи на Бзурѣ у Витковице, Брохова, Сохачева, Козлова и особенно настойчиво на Нижней Равкѣ на участкѣ, опредѣляемомъ деревнями Мизерка—Воля Шидловская. Несмотря на огромное количество израсходованнаго непріятелемъ удушливаго

газа, запахъ котораго обнаруживался даже въ 30 верстахъ позади нашего фронта, всѣ атаки непріятеля были отбиты.

Въ Галиціи непріятель, изготовившись въ предшествующіе дни, развилъ 17-го мая ожесточенный огонь и рядъ атакъ противъ западнаго и сѣверо-западнаго фронта Перемышля, опредѣляемаго линіей фортовъ отъ № 7 до № 11. Въ теченіе ночи на 18-ое мая непріятелю удалось приблизиться на двѣсти шаговъ къ нѣкоторымъ изъ атакованныхъ имъ участковъ и даже ворваться въ фортъ № 7, около котораго возникъ упорный бой, длившійся до двухъ часовъ дня 18-го мая, когда непріятель съ огромными потерями былъ отброшенъ отъ форта; остатокъ ворвавшихся въ 7-й фортъ въ числѣ 23 офицеровъ и 600 нижнихъ чиновъ взятъ нами въ плѣнъ.

На заднѣстровскомъ фронтѣ непріятель, состоявшій главнымъ образомъ изъ германцевъ, ввелъ въ бой свои резервы въ ближайшемъ къ Стрыю районѣ, гдѣ результатъ боевыхъ дѣйствій еще не опредѣлился. На рѣкѣ Свицѣ наши войска продолжали развивать свой успѣхъ. Здѣсь за періодъ съ 15-го по 17-го мая число взятыхъ нами плѣнныхъ, зарегистрованное при передачѣ изъ въ тылъ, 10.422 нижнихъ чина и 238 офицеровъ.

17-го мая на ольтинскомъ направленіи кавказскаго фронта происходила артиллерійская и ружейная перестрѣлка. Въ Ванскомъ районѣ продолжалось преслѣдованіе турокъ, отступавшихъ отъ Мангелова. Въ районѣ Дизы-Гяверской наши войска достигли селенія Карпелъ.

19-го мая французское правительство извѣщало о томъ, что въ секторѣ къ сѣверу отъ Арраса развивались весьма оживленныя операціи. Французы снова продвинулись впередъ. Несмотря на нѣсколько ожесточенныхъ контръ-атакъ, непріятель не могъ выбить ихъ изъ окоповъ, занятыхъ ими въ лѣсу по сосѣдству съ дорогой отъ Экс-Нулеттъ къ Сушэ. Французы удержали также территорію, захваченную ими къ сѣверо-востоку отъ часовни Лореттъ. Ожесточенные бои, мѣстомъ дѣйствій которыхъ въ теченіе двухъ дней былъ сахарный заводъ Сушэ, окончились благопріятно для французовъ. Они овладѣли сахарнымъ заводомъ. Ночью непріятель захватилъ его снова въ свои руки, но на разсвѣтѣ французы прогнали его и остались хозяевами позицій, несмотря на всѣ контръ-атаки. При этомъ французы нанесли противнику тяжелыя потери. Въ Лабиринтѣ къ юго-востоку отъ Невилля французы продолжали захватывать одну за другой укрѣпленныя позиціи германцевъ и значительно продвинулись въ сѣверной части этого укрѣпленнаго района, захвативъ 150 плѣнныхъ. Вся пріобрѣтенная территорія была французами удержана. На опушкѣ Лепретрскаго лѣса послѣ ожесточенной бомбардировки непріятель отбилъ нѣсколько участковъ траншей, которыми французы овладѣли еще три дня назадъ. Всю остальную захваченную ими территорію французы сохраняютъ за собою.

На плоскогорьѣ къ востоку отъ Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ французскія войска овладѣли германскими окопами.

Въ Вогезахъ близъ Фонтенеля, къ сѣверу отъ Сенъ-Дье, въ теченіе ночи съ 17-го на 18-ое мая германская атака, предпринятая двумя ротами, была отражена французами съ тяжелыми потерями для непріятеля.

Въ районѣ Дарданеллъ за нѣсколько послѣднихъ дней дѣйствія сводились

къ боямъ на небольшомъ пространствѣ, которые происходили почти ежедневно. Всѣ они кончались въ пользу союзныхъ войскъ. На склонѣ къ западу отъ оврага Керевесъ-Дере группа добровольцевъ, принадлежащая къ колоніальному полку, вечеромъ 15-го мая взяла приступомъ господствовавшее надъ траншеями укрѣ-

Графъ Туринскій, начальникъ итальянской кавалеріи.

пленіе, возведенное непріятелемъ на крайнемъ лѣвомъ флангѣ. Французскія войска повели наступленіе съ такой быстротой, что защитники, застигнутые врасплохъ, бѣжали, не оказавъ сопротивленія. Французы отразили двѣ контръатаки, предпринятыя турками большими силами съ цѣлью вернуть себѣ укрѣпленіе. При этомъ непріятель понесъ большія потери. Британскія войска со своей стороны одержали блестящій успѣхъ, отразивъ ожесточенное нападеніе близъ Каба-Тепе.

19-го мая итальянская эскадра въ теченіе всего дня крейсировала въ Далматинскихъ водахъ, но непріятель ни разу не показывался. Итальянская эскадра разрушила вновь сооруженные непріятелемъ семафорную сигнализацію и радіотелеграфъ на о. Лисса, который въ ноябрѣ прошлаго года двукратно подвергся бомбардировкѣ французской эскадры. Разрушенъ былъ также весьма важный обсерваціонный пунктъ къ сѣверу отъ о. Курзола.

Продолжались боевыя столкновенія между итальянцами и австрійцами, не развернувшіяся до размѣра значительнаго сраженія. Австрійскій аэропланъ сбросилъ бомбы въ Бари, Молфеттѣ, Бриндизи.

20-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго доносилъ, что 18-го мая въ шавельскомъ районѣ мы успѣшно отразили нѣсколько непріятельскихъ атакъ и овладѣли редутомъ къ востоку отъ селенія Травляны. На наревскомъ фронтѣ и лѣвомъ берегу Вислы 19-го мая непріятель велъ небольшими силами нѣсколько атакъ, успѣшно отраженныхъ нами.

Въ Галиціи съ 18-го мая на фронтѣ между Вислой и Перемышлемъ постепенно вновь развивалось весьма упорное сраженіе. Наши войска достигли довольно значительныхъ успѣховъ на лѣвомъ берегу Нижняго Сана, овладѣвъ частью штыковымъ боемъ нѣсколькими селеніями. На правомъ берегу той же рѣки мы имѣли успѣхъ въ районѣ селеній Кальникувъ, причемъ при овладѣніи опорнымъ пунктомъ къ югу отъ названнаго пункта нашими войсками взято 1.200 плѣнныхъ съ 22 офицерами и 8 пулеметовъ. Перемышль обстрѣливался тяжелыми калибрами, до 16-ти дюймоваго включительно, причемъ главная атака непріятеля ведется на сѣверный фронтъ, въ районѣ почти совершенно разрушенныхъ австрійцами еще передъ сдачей намъ Перемышля фортовъ 10-го и 11-го. При отраженіи атакъ въ руки непріятеля перешло нѣсколько нашихъ пушекъ, почти въ упоръ и до послѣдняго патрона обстрѣливавшихъ непріятельскія колонны. По дополнительнымъ даннымъ, у форта № 7 мы захватили еще 200 плѣнныхъ и 8 пулеметовъ. Между Перемышлемъ и Большимъ Днѣстровскимъ болотомъ положеніе оставалось безъ перемѣнъ. Между Тисменицей и Стрыемъ непріятелю, сосредоточившему значительную тяжелую артиллерію и подтянувшему подкрѣпленія, путемъ яростныхъ атакъ большими силами удалось въ теченіе ночи и утра на 19-ое мая добиться нѣкоторыхъ успѣховъ; бой продолжался. На правомъ берегу Быстрицы мы овладѣли участкомъ непріятельской позиціи и захватили 150 плѣнныхъ.

20-го мая британское адмиралтейство заявило слѣдующее:

«Германскими цеппелинами въ районѣ лондонскаго метрополитена сброшено 90 бомбъ, изъ которыхъ большинство зажигательныхъ. Отъ этихъ бомбъ возникло большое число пожаровъ, но изъ нихъ только три потребовали помощи пожарныхъ, быстро потушившихъ ихъ. Ни одно изъ общественныхъ зданій не пострадало. Убиты: ребенокъ, мальчикъ, мужчина и женщина. Другая женщина смертельно ранена. Нѣсколько человѣкъ получили пораненія».

Британскій пароходъ «Saidich» потопленъ германской подводной лодкой въ Сѣверномъ морѣ. Погибло восемь человѣкъ.

Сербскія войска, преслѣдуя албанскія четы, заняли Подмрадаю и Мокрую Планину съ господствующими высотами съ цѣлью обезпеченія Сербіи отъ по-

выхъ нападеній. Близъ Аѳона и Смирнскаго залива было отмѣчено появленіе германскихъ подводныхъ лодокъ.

На французскомъ фронтѣ ночью на 20-ое мая продолжался бой въ секторѣ къ сѣверу отъ Арраса. Въ Лабиринтѣ, къ юго-востоку отъ Невилля, французы заняли нѣсколько траншей и снова захватили плѣнныхъ. Нѣмцы произвели контръ-атаку, но безуспѣшно. Общее число плѣнныхъ, взятыхъ въ этомъ пунктѣ съ 18-го мая, превышаетъ 450. Въ самомъ Невиллѣ французы захватили группу домовъ, гдѣ удержались, несмотря на нѣсколько контръ-атакъ. Въ другихъ частяхъ этого сектора, въ особенности у Лореттъ, шелъ артиллерійскій бой. Нѣмцы два раза обстрѣливали Реймсъ и Реймскій соборъ. Въ Бельгіи британскія войска штыковымъ ударомъ овладѣли замкомъ Гоожъ, близъ Зоннебеке. Слѣдуетъ отмѣтить, что съ 26-го апрѣля по 19-ое мая французская дивизія, овладѣвшая Каранси, Абленъ-Сенъ-Назеромъ, мельницей Малонъ и сахарнымъ заводомъ въ Сушэ, взяла въ плѣнъ 3.100 человѣкъ, въ томъ числѣ 64 офицера и похоронила 2.600 германскихъ труповъ, потерявъ, въ свою очередь, ранеными, убитыми и безъ вѣсти пропавшими 3.200 человѣкъ, причемъ двѣ трети этой цифры составляютъ легко раненые.

На тироле-трентинской границѣ итальянскія войска наступали въ долинѣ Джудикарія и заняли Стору, продвигаясь къ Кондино и соединившись съ сильными отрядами альпійскихъ стрѣлковъ, спустившихся къ Кіезе съ крутыхъ скалъ долинъ Каффаро и Камоника. На границѣ Карміи 18-го мая при входѣ въ долину Раккола итальянская артиллерія сильнымъ огнемъ съ большой дистанціи мѣшала попыткѣ непріятеля построить мостъ черезъ альпійскій потокъ по ту сторону границы на сѣверномъ склонѣ Предиля. Непріятельская артиллерія отвѣчала безуспѣшно. Наступательныя развѣдки, производившіяся въ долинѣ Вальданьо, привели къ захвату непріятельскихъ боевыхъ припасовъ. Плохая погода держалась въ теченіе всего дня и мѣшала предпринимать операціи въ болѣе широкомъ масштабѣ. На границѣ Фріуля итальянцы прочно заняли склоны горы Неро, на лѣвомъ берегу Изонцо, приблизительно въ десяти километрахъ къ сѣверу-западу отъ Тольмино. 18-го мая послѣ полудня непріятель сильными контръ-атаками пытался выбить итальянцевъ изъ занятыхъ позицій, но всюду былъ отраженъ.

21-го мая штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ, что 19-го мая сраженіе въ Галиціи продолжалось съ неослабѣвающимъ упорствомъ на всемъ фронтѣ отъ Вислы до района Надворной. На лѣвомъ берегу Нижняго Сана наши войска, послѣ сильнаго натиска, 20-го мая окончательно прорвали расположеніе непріятеля и овладѣли значительнымъ участкомъ укрѣпленной имъ позиціи въ районѣ Рудника, гдѣ нами было захвачено до 4.000 плѣнныхъ, орудія, много пулеметовъ. Наше наступленіе на всемъ фронтѣ до устья Вислока продолжало развиваться успѣшно. Такъ какъ Перемышль, по состоянію его артиллеріи и верковъ, разрушенныхъ австрійцами передъ его сдачей, былъ признанъ неспособнымъ къ самостоятельной оборонѣ, то удержаніе его въ нашихъ рукахъ являлось цѣлесообразнымъ лишь до тѣхъ поръ, пока занятіе позицій, окружающихъ этотъ городъ съ сѣвера и съ запада, облегчало нашу борьбу на рѣкѣ Санѣ. Съ переходомъ Ярослава и Радымно въ руки непріятеля

и съ дальнѣйшимъ распространеніемъ его по правому берегу названной рѣки удержаніе упомянутыхъ позицій вынуждало наши войска вести бой на весьма невыгодно изломанномъ фронтѣ, растягивавшемъ его болѣе, чѣмъ на 35 верстъ, и подвергавшемъ войска, занимавшія эти позиціи, сосредоточенному огню многочисленной тяжелой артиллеріи противника. Въ виду этого еще нѣсколько времени назадъ было приступлено къ постепенному вывозу изъ названнаго пункта разнообразнаго имущества, перешедшаго въ наши руки отъ австрійцевъ. По окончаніи этой перевозки 20-го мая нами были убраны послѣднія батареи и въ ночь на слѣдующій день наши войска, въ соотвѣтствіи съ полученными ими приказаніями, оставили сѣверный и западный фронты позицій, окружающихъ упомянутый выше городъ, занявъ болѣе сосредоточенное расположеніе къ востоку отъ него. Атаки непріятеля, производившіяся имъ между Перемышлемъ и Днѣстромъ въ теченіе 19-го мая, были нами отражены. Въ заднѣстровскомъ районѣ непріятелю, сосредоточившему къ городу Стрыю весьма значительныя силы, удалось продвинуться на фронтѣ между Тисменицей и рѣкой Стрыемъ. При этомъ, однако, непріятель понесъ очень большія потери, мы же захватили въ теченіе нашихъ контръ-атакъ до 1.000 плѣнныхъ. На Свицѣ и Ломницѣ 19-го мая мы тѣснили непріятеля, а на Быстрицѣ успѣшно отразили его атаки.

19-го мая на приморскомъ направленіи кавказскаго фронта шла обычная перестрѣлка. На ольтинскомъ направленіи происходили удачные поиски нашихъ развѣдчиковъ. Наши войска нанесли отдѣльное пораженіе колоннѣ турокъ у селенія Касрикъ, на ванскомъ направленіи, въ районѣ перевала Чильхичанъ. Наши войска преслѣдовали турокъ, отступавшихъ отъ Мангелова, достигли селенія Ракова и Заха, откуда послѣ успѣшнаго боя отбросили турокъ къ югу и западу.

21-го мая на французскомъ фронтѣ въ районѣ къ сѣверу отъ Арраса продолжался артиллерійскій бой. Въ теченіе ночи происходило нѣсколько пѣхотныхъ боевъ, достигшихъ большого напряженія къ востоку отъ Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ, гдѣ линія расположенія войскъ не измѣнилась, и въ районѣ Лабиринта, гдѣ французы достигли нѣкотораго успѣха. Общее число плѣнныхъ, взятыхъ въ Лабиринтѣ съ 18-го мая, составляетъ 800 человѣкъ, въ томъ числѣ 9 офицеровъ и около 50 унтеръ-офицеровъ, а также два пулемета. 29 французскихъ аэроплановъ бомбардировали между четырьмя и пятью часами утра главную квартиру германскаго кронпринца, сбросивъ 178 снарядовъ, изъ которыхъ многіе достигли цѣли, и нѣсколько тысячъ стрѣлъ. Всѣ аппараты подверглись сильному обстрѣлу, но возвратились безъ поврежденій.

21-го мая британское адмиралтейство сообщило, что 20-го мая утромъ одна изъ британскихъ подводныхъ лодокъ, оперирующихъ въ Мраморномъ морѣ, потопила въ заливѣ Тандера большой германскій транспортъ.

Итальянскія суда, возвратившіяся 21-го мая съ развѣдочной службы, доносили, что спустя сутки послѣ бомбардировки Монфальконе, произведенной 18-го мая итальянскими миноносцами, изъ Портобузо еще можно было видѣть облака дыма и языки пламени, поднимавшіеся надъ Монфальконе.

21-го мая вдоль всей итало-австрійской границы продолжались передви-

женія и подготовительные бои, которые все время развивались для итальянцевъ успѣшно. Особо слѣдуетъ упомянуть благопріятное, хотя и медленное, продолженіе наступленія итальянскихъ войскъ, которыя, захвативъ въ теченіе послѣднихъ дней Монтенеро на лѣвомъ берегу Изонцо, близъ Тольмино, выходятъ на скалы лѣваго берега и въ глубинѣ долины упорно и храбро сражаются съ сильно укрѣпившимися австрійцами, поддержанными мощной артиллеріей. Въ Карніи австрійцы тщетно дѣлаютъ ожесточенныя атаки на итальянскіе альпійскіе отряды у перевала Монтекроче; атаки эти постоянно отражаются.

22-го мая штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ, что въ шавельскомъ районѣ 20-го и 21-го мая имѣли мѣсто небольшіе бои безъ существенныхъ результатовъ для обѣихъ сторонъ. На Бобрѣ непріятель вечеромъ 20-го мая обстрѣливалъ тяжелыми орудіями Оссовецъ. На наревскомъ фронтѣ и на лѣвомъ берегу Вислы положеніе оставалось безъ перемѣнъ.

Въ Галиціи, на лѣвомъ берегу Сана, ниже устья Вислока, мы вновь достигли нѣкоторыхъ успѣховъ, причемъ у селенія Новоселецъ, къ западу отъ Рудника, наши войска 21-го мая продолжали настойчиво тѣснить безпорядочно отступавшаго непріятеля. На правомъ берегу Сана непріятель продолжалъ вести атаку въ долинѣ рѣки Вишни, гдѣ бой еще не закончился. Между Перемышлемъ и Днѣстромъ, въ районѣ Крукеницы, наши войска вновь отбросили противника съ огромными для него потерями. Между рѣками Тисменицей и Стрыемъ наши войска, задерживая противника, отходили къ предмостнымъ укрѣпленіямъ на Днѣстрѣ. Въ ночь на 21-го мая непріятель пытался ворваться въ эти укрѣпленія на плечахъ отходившихъ къ нимъ нашихъ войскъ, но былъ повсюду отбитъ, причемъ передъ нашими окопами остались груды непріятельскихъ труповъ. Въ теченіе этой ночи при контръ-атакахъ нами было захвачено здѣсь до 700 плѣнныхъ съ 17 офицерами и нѣсколько пулеметовъ.

22-го мая британское официальное сообщеніе гласило: «Британскія силы въ Месопотаміи 18-го мая произвели согласованное сухопутное и морское нападеніе на турецкія позиціи въ горахъ къ сѣверу отъ Курны. Артиллерія непріятеля была быстро приведена къ молчанію, и непріятель бѣжалъ, оставивъ въ рукахъ британскихъ войскъ три орудія и около 250 плѣнныхъ. 19-го мая британскія войска продолжали продвигаться впередъ и нашли, что непріятель спѣшно эвакуировалъ свои лагери у Барханъ-Ратта, отступая на пароходахъ и лодкахъ, которые немедленно подверглись преслѣдованію британскихъ флотилій. Одинъ пароходъ потопленъ, два большіе лихтера съ погруженными на нихъ тремя полевыми орудіями, военными припасами и минами захвачены, захвачено также нѣсколько другихъ судовъ и 300 плѣнныхъ. Наши потери незначительны: всего около 20 человѣкъ убитыми и ранеными».

22-го мая въ районѣ къ сѣверу отъ Арраса бой продолжался. Французы продвинулись впередъ, произведя атаки. Къ сѣверу отъ сахарнаго завода Сушэ они овладѣли непріятельской траншеей и захватили до 30 плѣнныхъ. Въ Невилль-Сенъ-Ваастѣ попытка германцевъ предпринять контръ-атаку была остановлена ими съ помощью ручныхъ гранатъ. Въ Лабиринтѣ къ югу отъ Невилль-Сенъ-Вааста французы вновь продвинулись на 100 метровъ. Непріятель выпу-

стилъ по Вердену нѣсколько снарядовъ изъ дальнобойныхъ орудій, не достигшихъ, однако, цѣли. Съ своей стороны, французы бомбардировали фронтъ южнаго расположенія полевыхъ укрѣпленій у Меца. Германцы выпустили также нѣсколько снарядовъ по Сенъ-Діэ, не причинившихъ, однако, ни потерь, ни матеріальнаго ущерба.

22-го мая вдоль всей границы Тироля и Трентино значительныхъ боевъ не было. Продолжая операціи, направленныя въ сторону Роверето, итальянцы заняли мѣстности Матассоне и Вальморбія въ Вель-д'Ассо. Туманъ мѣшалъ стрѣльбѣ артиллеріи съ плоскогорія Астико. Было, однако, установлено, что итальянскія орудія не только привели къ молчанію австрійскіе форты Лузерна и Шпицферле, но также серьезно повредили форты Бельведеръ и Бузаферле. Въ Карніи дѣйствія ограничивались артиллерійскимъ огнемъ. Было установлено, что итальянскія батареи привели къ молчанію одну изъ батарей у ущелья Монтекроче—Карнико, подбивъ два орудія и повредивъ два другихъ. На Среднемъ Изонцо наступленіе итальянцевъ было направлено на отроги Монтенеро въ сторону Тольмино, гдѣ встрѣтилось съ затруднительною, пересѣченною мѣстностью и внушительными укрѣпленіями, занятыми значительными силами австрійцевъ съ пулеметами и артиллеріей. Наступательныя дѣйствія шли весь день 21-го мая съ перемѣннымъ счастьемъ, но итальянцы твердо удержали за собою вершину Монтенеро и ея склоны. Потери итальянскихъ войскъ не серьезны. При поддержкѣ подошедшихъ свѣжихъ войскъ велся рѣшительный бой для завершенія операціи. На остальномъ фронтѣ наступленіе продолжалось.

23-го мая штабъ верховнаго главнокомандующаго опубликовалъ слѣдующее:

«22-го мая обнаружены значительныя силы германскаго флота въ средней части Балтійскаго моря. Наши суда имѣли перестрѣлку съ германскими вблизи Рижскаго залива.

«На обоихъ берегахъ Нѣмана, на Наревскомъ фронтѣ и на лѣвомъ берегу Вислы безъ существенныхъ перемѣнъ. Наше наступленіе на Нижнемъ Санѣ 21-го и 22-го мая развивалось успѣшно. 14-й австрійскій корпусъ, потерпѣвшій въ теченіе предыдущихъ дней пораженіе на фронтѣ Вархолъ—Подволина—Струза, отступилъ на укрѣпленную позицію между Ленгомъ и Саномъ. На фронтѣ деревень Станы—Ята—Станція Лентовня—Заржина бой за эту позицію продолжается, причемъ въ теченіе 22-го мая мы захватили въ этомъ районѣ свыше 1.100 плѣнныхъ. Для выручки тѣснимыхъ нами австрійцевъ значительные резервы германцевъ, сосредоточившіеся на лѣвомъ берегу Ленга, въ ночь на 22-ое мая произвели три яростныя атаки на фронтѣ Кравце—Бурджы, которыя, однако, были отбиты. На правомъ берегу Сана между рѣчками Любачевкой и Скло 22-го мая наша пѣхота овладѣла нѣсколькими германскими окопами въ районѣ сел. Корженица. Непріятелю удалось 22-го мая овладѣть на лѣвомъ берегу Вишни сел. Старжава. Нашей контръ-атакой онъ былъ выбитъ изъ этого селенія, но удержался на ближайшихъ высотахъ. Непріятель, атаковавшій въ ночь на 22-ое мая наши позиціи между сел. Крукеница и рѣкой Стрвячъ, отбитъ съ большими потерями. 21-го мая непріятель продолжалъ атаковать наши предмостныя позиціи на Днѣстрѣ между Тисменицей и желѣзной

дорогой Стрый—Миколаевъ, при чемъ на позиціи у Угартсберга штыками и ручными гранатами за день мы отбили четыре ожесточенныхъ штурма. Къ полудню слѣдующаго дня на всемъ указанномъ фронтѣ непріятель отброшенъ нами, причемъ началъ устраиваться на новомъ фронтѣ внѣ пушечнаго отъ насъ выстрѣла. Наши войска, перейдя, въ своею очередь, въ наступленіе, атаковали непріятеля у Криница. Бой продолжался».

На кавказскомъ фронтѣ, по официальнымъ свѣдѣніямъ отъ 23-го мая, положеніе дѣлъ было таково: 20-го мая на приморскомъ направленіи наша артиллерія удачнымъ огнемъ разрушила рядъ непріятельскихъ закрытій. На ольтинскомъ направленіи происходила небольшая перестрѣлка въ районѣ Тевъ. Отъ Мелазгерта турки и курды повели атаку на селеніе Гератъ, но, сами атакованные съ фронта и фланговъ, были опрокинуты, оставивъ до 400 убитыхъ. Одновременное наступленіе турокъ отъ Адиль-Джеваза на Кара-Али и Лятеръ также было отбито, причемъ конница проникла къ Адиль-Джевазу, гдѣ изрубила до ста человѣкъ. На ванскомъ направленіи наши войска атаковали турокъ, занимавшихъ позицію на высотахъ къ югу отъ Рахова и перевалахъ высотою свыше 10.000 футовъ на хребтѣ Джавлаба.

21-го мая на приморскомъ направленіи была обычная перестрѣлка. На ольтинскомъ направленіи происходила перестрѣлка передовыхъ и развѣдывательныхъ частей. Попытка турокъ продвинуться впередъ у Аркинса была отбита нашимъ огнемъ; мы тоже потѣснили турецкія заставы у Авореса и къ западу отъ Ишхана. На ольтычайскомъ и севричайскомъ направленіяхъ попытки турокъ продвинуться впередъ отбиты. На сарыкамышскомъ направленіи у Хоросана наша застава оттѣснила пытавшагося продвинуться впередъ противника. Въ районѣ Мелазгерта наши войска отбросили курдовъ отъ Пшая къ западу, изрубивъ до 60 человѣкъ. Турки изъ района южнѣе Мелазгерта отброшены къ Ханыку и вынуждены были къ отступленію у Дерыка. На ванскомъ направленіи бои на перевалахъ хребта Джавлаба продолжались.

23-го мая фельдмаршалъ Френчъ доносилъ: «Со времени взятія въ ночь съ 17-го на 18-е мая нѣкоторыхъ выдвинутыхъ впередъ строеній разрушеннаго замка Гоожъ, въ трехъ миляхъ къ востоку отъ Ипра, наши траншеи въ этой мѣстности подвергались сильному обстрѣлу изъ орудій. Мелкіе бои происходили безпрерывно. Временно намъ пришлось эвакуировать строенія, но прошлой ночью мы ихъ вновь заняли.

«Къ сѣверо-востоку отъ Живанши, мы прошлой ночью изгнали непріятеля изъ его траншей на протяженіи 200 ярдовъ и взяли 48 плѣнныхъ, но не могли послѣ разсвѣта удержаться въ траншеяхъ въ виду сильнаго огня непріятеля».

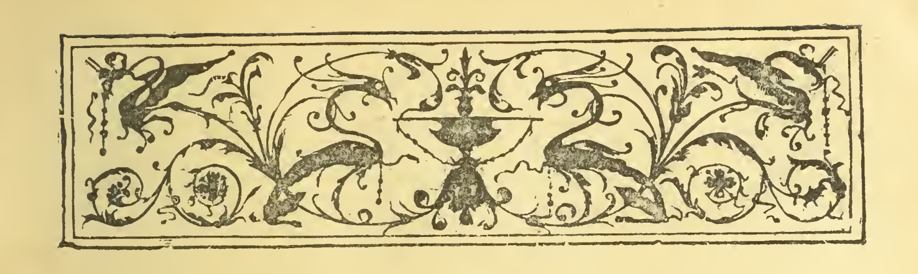
23-го мая итальянскій флотъ успѣшно совершилъ рядъ операцій у непріятельскихъ береговъ и бомбардировалъ желѣзнодорожную линію между Катторо и Рагузой и городъ Монфальконе.

24-го мая штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ, что въ риго-шавельскомъ районѣ положеніе оставалось безъ существенныхъ перемѣнъ. На наревскомъ фронтѣ непріятель велъ утромъ 23-го мая сильный артиллерійскій огонь въ районѣ лѣваго берега Писсы. На Вислѣ нашъ летчикъ успѣшно бомбардировалъ караванъ непріятельскихъ судовъ, причемъ одна баржа

имъ потоплена. На Равкѣ непріятель, пользуясь направленіемъ вѣтра въ нашу сторону, 23-го мая вновь пытался примѣнять удушливые газы и жегъ составъ, давшій ядовитый дымъ.

Въ Галиціи на лѣвомъ берегу Нижняго Сана наши войска 22-го мая овладѣли съ боя селеніемъ Гробле. Къ сѣверу отъ Лежайска наши части, переброшенныя черезъ Санъ, закрѣпляются, несмотря на непріятельскія атаки и сильный огонь. Отъ Перемышля непріятель продолжалъ наступленіе на направленіи къ Мосцискѣ. Вечеромъ 22-го мая непріятель, сосредоточивъ крупныя силы противъ фронта Чишки—Пакость—Буховицы, началъ рядъ атакъ при поддержкѣ многочисленныхъ батарей крупнаго калибра; однако вслѣдствіе крупныхъ потерь, которыя онъ несъ подъ нашимъ огнемъ, ему не удалось приблизиться къ нашимъ окопамъ. На Днѣстрѣ, между Тисменицей и Свикой, вечеромъ 22-го мая и на слѣдующее утро крупныхъ столкновеній не было. На Прутѣ между Делатынъ и Коломеей, наши части переправились на правый берегъ и съ большимъ успѣхомъ отбили 22-го мая и въ слѣдующую ночь рядъ контръ-атакъ значительныхъ резервовъ австрійцевъ.

ЗА ЧУЖУЮ СВОБОДУ[1]

(Историческій романъ).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

ТОЛЬКО что загоралась весенняя розовая заря надъ маленькимъ силезскимъ городкомъ Бунцлау, утопавшимъ въ садахъ, едва покрытыхъ молодой листвой.

Въ глубинѣ просторнаго сада на крыльцѣ небольшого двухъэтажнаго дома показалась совсѣмъ юная дѣвушка. Ей могло быть лѣтъ шестнадцать-семнадцать. Великолѣпные золотистые волосы ея, заплетенные въ двѣ тяжелыя косы, падали ниже пояса. Темные голубые глаза, окаймленные черными рѣсницами и бровями, смотрѣли открыто и весело. Но въ очертаніи ея полудѣтскаго рта и твердаго подбородка виднѣлась энергія и рѣшимость.

Огромная лохматая собака неопредѣленной породы съ радостнымъ лаемъ бросилась къ молодой дѣвушкѣ.

— Тсс! тише, Рыцарь!—лаская собаку, произнесла дѣвушка:— тише, такъ ты разбудишь нашихъ гостей.

---

[1]) Продолженіе. См. «Истор. Вѣстникъ», т. CXL, стр. 721.

Собака словно поняла слова своей хозяйки и замолчала, ласково виляя хвостомъ.

Дѣвушка легко сбѣжала съ крыльца, пробѣжава по саду къ забору и, подпрыгнувъ, ловко ухватилась за его верхушку, поднялась на мускулахъ и, поставивъ ноги на поперечный брусъ, нагнулась на улицу.

На улицѣ было тихо и пустынно. Утренній вѣтерокъ слегка колебалъ русскіе и прусскіе флаги, украшавшіе фасады домовъ и заборы.

Въ эти дни на маленькій, никому раньше невѣдомый городокъ было обращено вниманіе всей Европы. 6-го апрѣля, во главѣ главной арміи, въ Бунцлау прибыли изъ Калиша русскій императоръ, фельдмаршалъ князь Кутузовъ со своимъ штабомъ и прусскій король. Александръ, встрѣченный, какъ и вездѣ на своемъ пути, съ восторгомъ и тріумфомъ, остановился здѣсь на нѣсколько дней, чтобы дать нѣкоторый отдыхъ главной арміи, насчитывавшей, впрочемъ, въ своихъ рядахъ, несмотря на громкое названіе «главной», немногимъ больше восемнадцати тысячъ, и подождать извѣстій отъ другихъ отрядовъ, дѣйствія которыхъ были согласованы съ дѣйствіями главной арміи, направлявшейся на столицу Саксоніи Дрезденъ. Прусскій корпусъ Блюхера передовыми отрядами уже занималъ памятную Пруссіи Іену, Геру и Плаценъ, сторожа дорогу въ Гофъ. Русскій отрядъ Винцингероде находился въ Лейпцигѣ, дѣйствуя на сообщенія вице-короля Евгенія, и графъ Витгенштейнъ раскинулся по берегу Салы. Между тѣмъ было получено извѣстіе, что французскія войска сосредоточиваются между Вюрцбургомъ и Эрфуртомъ, угрожая союзному лѣвому флангу со стороны Гофа.

Все это озабочивало государя, нетерпѣливо рвавшагося впередъ, и еще болѣе стараго, осторожнаго фельдмаршала. Къ этому присоединилась еще болѣзнь фельдмаршала. Онъ слабѣлъ не по днямъ, а по часамъ, уже не могъ сѣсть на лошадь и съ трудомъ сидѣлъ въ коляскѣ при въѣздѣ въ городъ, едва отвѣчая на восторженные крики:

— Да здравствуетъ «дѣдушка»!

— Да здравствуетъ Кутузовъ!

Молодая дѣвушка смотрѣла на пустынную улицу. Городъ просыпался. Издали прозвучала труба. Послышался со стороны лагеря рокотъ барабановъ, ржаніе коней.

Молодая дѣвушка была дочерью стараго скрипача, учителя музыки Готлиба Гардера—Герта. Старый Готлибъ принужденъ былъ годъ тому назадъ покинуть Берлинъ, гдѣ у него были хорошіе заработки, и поселиться въ Силезіи, такъ какъ навлекъ на себя по-

дозрѣніе французской полиціи въ принадлежности къ тайному обществу Тугенбундъ. Поселившись въ Бунцлау, онъ кое-какъ перебивался, частью грошевыми уроками, частью работами Герты—вышивками и шитьемъ. Скромный заработокъ давалъ имъ средства къ существованію. Они арендовали на окраинѣ города небольшой домикъ, верхній этажъ котораго обыкновенно сдавали.

Въ настоящее время жильцами стараго Готлиба были трое русскихъ офицеровъ, принятые какъ старикомъ, такъ и его дочерью съ истиннымъ восторгомъ.

Молодая дѣвушка, стоя на заборѣ, тихонько напѣвала:

«Durch marschiren,
Einquartiren,
Alimenteren,
Requisiren,
Einscribiren,
Frau entfüren,
Haus verliren,
Nicht resoniren,
Und doch illuminiren,
Das ist zum krepiren [1]).

Послѣднія слова пѣсни дѣвушка пропѣла съ особеннымъ чувствомъ, и въ ея голосѣ послышались слезы.

— Браво, браво, фрейленъ Герта!—раздался за ней веселый голосъ:—я и не зналъ, что вы такъ прелестно поете.

Дѣвушка обернулась, слабо вскрикнула и, вся вспыхнувъ, неловко соскочила съ забора и чуть не упала, отъ чего сконфузилась еще больше.

Передъ нею въ полной парадной формѣ стоялъ молодой русскій офицеръ.

— Ахъ, г. Новиковъ,—воскликнула она:—какъ вамъ не стыдно подслушивать.

---

[1]) Въ переводѣ современника, автора извѣстныхъ записокъ, сопровождавшаго въ походѣ императора Александра I статсъ-секретаря и адмирала А. С. Шишкова,

Мимо проходятъ,
Дай имъ постой,
Накорми да напой;
Тутъ тебя схватятъ,
Въ солдаты возьмутъ,
Жену уведутъ,
Весь твой скарбъ и домъ
Опрокинутъ вверхъ дномъ,
Согнутъ тебя въ дугу,
Все, все имъ въ горло суй,
Молчи,—ни гу-гу,
И еще иллюминуй:
Ну, право, лучше смерть,
Чѣмъ это терпѣть.

— Подслушивать,—смѣясь, отвѣтилъ Данила Ивановичъ:—сперва, правда, вы только мурлыкали, а кончили такъ громко, что, я думаю, въ домѣ слышно. Ну, съ добрымъ утромъ.

И онъ протянулъ Гертѣ руку.

— Съ добрымъ утромъ,—отвѣтила Герта, пожимая руку молодого офицера.—Однако, какъ вы рано встали. А ваши друзья еще спятъ?

— Встаютъ,—отозвался Новиковъ.

— Ну, какъ чувствуетъ себя вашъ князь?—непринужденно начала Герта.—Отчего онъ всегда такой печальный? У него, навѣрное, осталась въ Россіи невѣста? Да? Вотъ мой двоюродный Фрицъ (онъ поступилъ теперь въ ландверъ) тоже все вздыхаетъ. Онъ былъ студентомъ въ Гейдельбергѣ, и тамъ у него невѣста. Нѣтъ, если бы я полюбила, я пошла бы за любимымъ человѣкомъ на войну...

Герта весело болтала, но при послѣднихъ словахъ ея глаза потемнѣли и лицо приняло рѣшительное выраженіе.

Новиковъ смотрѣлъ на нее, и на его энергичномъ лицѣ ясно выразилось восхищеніе.

— Нѣтъ, фрейленъ Герта,—отвѣтилъ онъ:—у князя не осталось невѣсты въ Россіи. У него просто меланхоличный характеръ. Такъ вы бы пошли на войну?—спросилъ онъ.

— Пошла бы,—тряхнувъ своими великолѣпными косами, произнесла Герта.—Но, однако,—закончила она:—разъ вы и ваши друзья уже встали, надо подумать о завтракѣ.

— Очень хорошо,—сказалъ Новиковъ.—Тѣмъ болѣе, что мы торопимся въ штабъ.

— Въ такомъ случаѣ—бѣжимъ,—крикнула Герта.—Рыцарь, за мной...

И она побѣжала къ дому. Новиковъ поспѣшилъ за ней.

II.

Князю Бахтѣеву съ Новиковымъ пришлось потратить значительно больше времени, чѣмъ они предполагали, прежде, чѣмъ имъ удалось добраться до главной квартиры. Прежде всего, главнѣйшее затрудненіе составляло отсутствіе почтовыхъ лошадей, всеобщая неурядица, карантины. А когда они переѣхали русскую границу, то получили самыя неопредѣленныя и противорѣчивыя свѣдѣнія о мѣстопребываніи главной квартиры. Положимъ, это объяснялось очень просто. Императоръ стремительно двигался впередъ, и сегодня былъ здѣсь, а завтра уже на пятьдесятъ верстъ впереди. Наконецъ, послѣ долгихъ блужданій друзья нагнали главную квартиру на походѣ изъ Калиша, въ одномъ переходѣ отъ Бунцлау. Но добраться до штаба имъ удалось только по его прибытіи въ

городъ. Тутъ начались новыя мытарства. Двухъэтажный домикъ на углу Schlosstrasse и улицы Николая, гдѣ остановился фельдмаршалъ, походилъ на осажденную крѣпость. Прусскіе и русскіе офицеры всѣхъ родовъ оружія наполняли небольшія пріемныя въ нижнемъ этажѣ, узкій дворъ, толпились на улицѣ. Безпрерывно прибывали курьеры отъ арміи графа Витгенштейна, отъ отряда Блюхера и снова неслись назадъ съ приказаньями фельдмаршала. Никто не обращалъ вниманія на прибывшихъ изъ Россіи молодыхъ офицеровъ. Съ ними едва разговаривали, нетерпѣливо отмахиваясь отъ нихъ. Они даже не знали, гдѣ могутъ остановиться на постой. Князя Бахтѣева обидно поразило то, что къ прусскимъ офицерамъ относились гораздо внимательнѣе. Въ то время, какъ городскія власти предупредительно предоставляли безплатныя помѣщенія пріѣзжавшимъ прусскимъ офицерамъ, русскіе должны были сами заботиться о себѣ. Военное начальство тоже не принимало въ нихъ участія. Офицеры рыскали по городу. Прусскіе офицеры, несмотря на братство по оружію, замѣтно держались особнякомъ, всюду стараясь выдвинуться на первое мѣсто, въ чемъ, къ обидному удивленію русскихъ, ихъ словно поощряло военное начальство. Это было дурно понятое великодушіе русскаго императора. Вступая, какъ освободитель, на прусскую территорію, Александръ хотѣлъ щадить самолюбіе униженнаго народа и выразилъ желаніе, чтобы русскія войска относились со всевозможнымъ вниманіемъ къ своимъ союзникамъ. Ближайшіе начальники довели это до крайности и при малѣйшемъ недоразумѣніи принимали сторону нѣмцевъ. Усердіе дошло до того, что изъ Эльбинга, гдѣ была главная квартира Витгенштейна, былъ опубликованъ приказъ, которымъ предписывалось, чтобы всѣ командиры отдѣльныхъ частей представляли отъ мѣстныхъ нѣмецкихъ властей, гдѣ квартировали ихъ отряды, свидѣтельства о хорошемъ поведеніи! Этотъ приказъ былъ подписанъ дежурнымъ генералъ-майоромъ и кавалеромъ фонъ-Ольдекопомъ.

Но въ то время, какъ офицеры регулярной нѣмецкой арміи и достаточные бюргеры и фермеры вели себя заносчиво и недовѣрчиво, простое населеніе и ополченцы радушно и радостно встрѣчали своихъ будущихъ освободителей. Получалось странное явленіе: офиціальная Пруссія во главѣ съ самимъ королемъ относилась къ русскимъ недовѣрчиво и высокомѣрно, тогда какъ народъ видѣлъ въ нихъ друзей. Во главѣ народнаго движенія стоялъ знаменитый Штейнъ, какъ бы второй король Пруссіи, котораго вѣнчанный король Фридрихъ-Вильгельмъ явно не любилъ и опасался.

На помощь друзьямъ явился случайный знакомый, молодой офицеръ кирасирской дивизіи изъ колонны генерала Тормасова поручикъ Зарницынъ. Зарницынъ какъ разъ состоялъ при генералъ-

квартирмейстерѣ и, встрѣтивъ друзей во дворѣ штаба, выручилъ ихъ. Онъ предусмотрительно за день до вступленія арміи въ Бунцлау успѣлъ снять у Гардера верхъ, состоявшій изъ двухъ комнатъ, и предложилъ друзьямъ поселиться у него. Конечно, они съ благодарностью приняли это предложеніе.

Въ тотъ же день они стали друзьями. Семенъ Гаврилычъ Зарницынъ непрерывно совершилъ весь походъ отъ самой Москвы. Онъ уже оглядѣлся вокругъ и былъ очень полезенъ своими совѣтами.

Герта хозяйничала за столомъ, разливая кофе. Старый Готлибъ, высокій, сухой, съ худымъ лицомъ и длинными сѣдыми волосами, падавшими ему на плечи, сидѣлъ въ глубокомъ креслѣ. Его истощенное лицо съ глубоко запавшими глазами было печально и задумчиво. Князь Бахтѣевъ, дѣйствительно, имѣлъ угрюмый и мрачный видъ. Онъ замѣтно осунулся, и его лицо пріобрѣло непріятное жестокое выраженіе. Новиковъ и Зарницынъ, напротивъ, были очень оживлены. Новиковъ не переставая болталъ съ Гертой, кормилъ и ласкалъ Рыцаря, а Зарницынъ, худощавый блондинъ съ открытымъ, смѣлымъ лицомъ, поддерживалъ его веселыми шутками.

Окна маленькой столовой съ одной стороны выходили на улицу. Городокъ уже проснулся. На улицѣ было замѣтно оживленіе. То и дѣло скакали всадники, прошелъ взводъ гренадеръ, очевидно, занять караулъ. Съ плетеными мѣшками шли хозяйки за провизіей.

— Скоро у васъ опустѣетъ,—сказалъ Новиковъ, смотря въ окно.

— Да,—отвѣтилъ Готлибъ:—всѣ, кто имѣетъ силы держать въ рукахъ оружіе, уйдутъ туда,—и онъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ рукою.—Останутся только женщины, дѣти и старики, какъ я. Вотъ когда я тоскую о своей молодости и еще о томъ, что у меня нѣтъ сына,—грустно закончилъ онъ.

Герта вспыхнула и низко опустила голову. Новикову показалось, что на ея глазахъ блеснули слезы. Ему стало жаль ея.

— Вы можете благодарить Бога, г. Гардеръ,—сказалъ онъ,—за то, что у васъ есть дочь. Отечество требуетъ не только крови своихъ сыновей, но героизма и самоотверженности своихъ дочерей, ихъ заботъ, ихъ мужественнаго сердца, вдохновляющаго мужчинъ на битву.

Готлибъ бросилъ на Герту полный любви взглядъ.

— Вы не такъ меня поняли, г. офицеръ,—отвѣтилъ онъ:—я хотѣлъ бы, кромѣ дочери, еще имѣть сына, чтобы отдать все на жертву родинѣ, такъ какъ у меня ничего нѣтъ иного. Самъ я никуда не гожусь...

Герта совсѣмъ притихла, не поднимая потемнѣвшихъ глазъ отъ недопитой чашки съ кофе.

Бахтѣевъ взглянулъ на часы и всталъ.

— Однако, намъ пора,—сказалъ онъ:—благодарю васъ, г. Гардеръ, благодарю васъ, фрейленъ Герта.

Зарницынъ и Новиковъ поднялись тоже.

— Дѣйствительно, пора — произнесъ Зарницынъ: — до свиданія.

Они поклонились и вышли.

Герта молча убирала со стола. Готлибъ задумчиво сидѣлъ, опустивъ голову.

— Да,—прервалъ онъ наконецъ молчаніе: — у насъ ничего нѣтъ, что могли бы мы пожертвовать отечеству. Герта,—продолжалъ онъ, и его голосъ дрогнулъ:—у меня есть еще моя старая скрипка... она дорогая... Я старъ, пальцы меня уже не слушаютъ... продай скрипку...

Его голосъ оборвался.

Герта порывисто выпрямилась. Она знала, что скрипка была, послѣ нея, лучшимъ сокровищемъ старика. Она знала, что эта скрипка въ минуты тоски, унынія и горя была единственной отрадой и утѣшеніемъ старика...

— Никогда, отецъ,—рѣшительно сказала она, тряхнувъ головой.—Никогда! Я уже думала... и мы, быть можетъ, найдемъ что-нибудь.

— Найдемъ,—грустно повторилъ старикъ:—ты знаешь, я лишился теперь послѣднихъ уроковъ, у тебя тоже теперь мало работы... Вѣдь не можемъ же мы взять деньги съ русскихъ офицеровъ, принесшихъ намъ свою кровь!

— Нѣтъ,—покраснѣвъ, сказала Герта:—мы не возьмемъ съ нихъ денегъ. Мнѣ князь сказалъ, что они не обременятъ насъ. Онъ, очевидно, хотѣлъ говорить о платѣ, но я отклонила этотъ разговоръ. Нѣтъ, я надѣюсь на другое.

Готлибъ вопросительно смотрѣлъ на дочь.

Герта, видимо, была смущена.

— Я встрѣтила вчера жену городского совѣтника Мельцеръ,— въ смущеніи произнесла она:—фрау Мельцеръ сказала, что у нея много работы, и велѣла мнѣ зайти сегодня. Я сейчасъ пойду къ ней,—торопливо добавила она.

Старикъ покачалъ головой.

— Этотъ толстый Мельцеръ дурной человѣкъ,—сказалъ онъ:— при его богатствѣ онъ съ трудомъ пожертвовалъ двадцать талеровъ и всячески бранитъ Штейна за войну. Говоритъ, что король никогда бы не согласился, если бы не Штейнъ. Еще бы, онъ богатъ... Ему все равно, что король, что Наполеонъ. Онъ всюду говоритъ, что война одно разореніе, что мирнымъ гражданамъ и такъ хорошо живется, а Наполеона все равно не побѣдить... Не стоитъ и итти къ нему...—закончилъ старикъ.

— Я все же пойду, отецъ,—отвѣтила Герта:—его жена, кажется, хорошая женщина.

— Ну, что же, иди съ Богомъ,—произнесъ Готлибъ.

Герта поцѣловала отца, взяла въ руки плетеный мѣшокъ, накинула на голову темную косынку, позвала Рыцаря и вышла.

III.

На улицѣ было большое оживленіе. Всѣ словно куда-то торопились. Особенно много народу направлялось по большой улицѣ къ ратушѣ, гдѣ записывались ополченцы и принимались пожертвованія. По дорогѣ Герта встрѣчала и ополченцевъ въ сѣрыхъ и черныхъ курткахъ, высокихъ сапогахъ, въ разнообразныхъ шапкахъ, на которыхъ виднѣлся жестяной крестъ съ надписью: «съ Богомъ за короля и отечество».

Нѣкоторые изъ ополченцевъ шли съ ружьями, другіе были опоясаны саблями, съ пистолетами въ чехлахъ. Были и съ пиками. Видъ у всѣхъ былъ веселый и бодрый.

Герта шла быстро, не останавливаясь, но совсѣмъ не къ дому совѣтника Мельцера. Она остановилась на углу у дверей маленькой парикмахерской. На порогѣ, глазѣя на толпу, стоялъ молодой человѣкъ. Увидя Герту, онъ радостно улыбнулся и низко поклонился.

Это былъ парикмахеръ Гансъ.

— Съ добрымъ утромъ, фрейленъ Герта,—началъ онъ:—куда спѣшите?

Въ этомъ кварталѣ маленькаго городка всѣ знали другъ друга, тѣмъ болѣе Герту, которая сама ходила на базаръ и шила на многихъ. А парикмахеру Гансу удалось даже одинъ разъ причесать ее, когда она въ прошломъ году собиралась на свадьбу сосѣдской дочери. Кромѣ того, какъ профессіоналъ, онъ любовался тяжелыми волосами Герты и увѣрялъ, что такихъ косъ нѣтъ больше въ Бунцлау, да мало, пожалуй, найдется и во всей Пруссіи.

— Нѣтъ, Гансъ,—отвѣтила Герта:—я прямо къ вамъ.

— Ко мнѣ!—воскликнулъ радостно Гансъ:—милости просимъ. Ужъ не предстоитъ ли въ ратушѣ балъ по случаю пребыванія высокихъ гостей. Ну, что жъ! Изъ вашихъ волосъ, фрейленъ Герта, мы сдѣлаемъ восьмое чудо свѣта. Вы будете красивѣе покойной королевы. Милости просимъ.

Онъ пропустилъ въ свою лавочку молодую дѣвушку съ Рыцаремъ, который въ этой мѣстности пользовался не меньшей извѣстностью, чѣмъ его хозяйка.

Герта не торопясь сняла со своихъ роскошныхъ волосъ косынку, положила на стулъ мѣшокъ и, обратившись къ Гансу, сказала:

— Такъ вы находите, что мои волосы хороши?

— Единственные!—въ увлеченіи воскликнулъ Гансъ.

— А сколько могли бы стоить такіе волосы?—улыбаясь, спросила Герта.

Гансъ бросилъ на тяжелыя косы взглядъ знатока, слегка коснулся ихъ мягкой волны и серьезно сказалъ:

— За такіе волосы было бы мало дать десять талеровъ.

— Ну, такъ вотъ,—произнесла Герта:—возьмите эти косы и дайте мнѣ десять талеровъ.

Гансъ даже отшатнулся, широко раскрывъ ротъ.

— Вы шутите, фрейленъ,—растерянно произнесъ онъ:—я никогда не рѣшусь на это!

— Почему?—серьезно спросила Герта:—развѣ вамъ никогда не приходилось стричь женщинъ.

— Да... но... вы... такіе волосы...—въ смущеніи бормоталъ Гансъ.—Я не могу... Было бы преступленіемъ покупать такіе волосы. Это все равно, что оскальпировать человѣка за деньги. А я не дикарь!—съ гордостью закончилъ Гансъ.

— Въ такомъ случаѣ, я вамъ не продаю волосъ, а прошу только остричь меня,—сказала рѣшительно Герта.—Если же вы отказываетесь, я сдѣлаю это сама,—и она быстрымъ движеніемъ взяла со стола большія ножницы.

— О, фрейленъ,—воскликнулъ Гансъ:—ради Бога!—хоть не портите... если вы настаиваете, я остригу... Но не куплю! Никогда не куплю!

— Хорошо,—сказала Герта, садясь на стулъ.—Поторопитесь.

Со вздохомъ, дрожащими руками Гансъ поднялъ одну косу, потомъ другую... Какъ золотыя змѣи, упали на полъ тяжелыя косы.

— Теперь подровняйте,—скомандовала Герта.

Все вздыхая, Гансъ сталъ подстригать Герту. Когда все было кончено, Герта посмотрѣла въ зеркало. Она была замѣтно блѣдна. Ей не легко было разстаться съ этой гордостью женской красоты. Въ первую минуту она не узнала себя. Лицо пріобрѣло словно новое, незнакомое выраженіе, голова стала меньше, а глаза казались больше. Нѣсколько мгновеній Герта съ изумленіемъ смотрѣла на себя. Но потомъ лицо ея приняло веселое выраженіе, она по привычкѣ тряхнула головой и засмѣялась.

— А, вѣдь, такъ гораздо легче, дорогой Гансъ,—сказала она.—Благодарю васъ. Однако, сколько я вамъ должна?

Но Гансъ только печально и укоризненно покачалъ головой.

— Ну, какъ хотите,—произнесла Герта.—Такъ не купите?

— Не могу, фрейленъ,—отвѣтилъ Гансъ.

— Такъ до свиданія и еще разъ спасибо, а косы—сюда.

И Герта раскрыла мѣшокъ. Гансъ бережно опустилъ въ него косы.

Герта подвязала косынку, пожала руку Гансу и бодро вышла изъ лавочки.

Въ просторномъ залѣ ратуши было тѣсно. Толпа почти исключительно состояла изъ женщинъ. За большимъ столомъ сидѣлъ пасторъ и одинъ изъ городскихъ совѣтниковъ и принимали пожертвованія. Передъ ними были грудами навалены кольца, серьги, браслеты, различная серебряная и золотая утварь—кубки, тарелки, кофейники и проч. На другомъ концѣ стола лежали также грудой желѣзныя кольца съ завѣтной надписью:

«Gold gab ich für Eisen».

Гертѣ долго пришлось ждать очереди, хотя все дѣлалось быстро и просто. Женщины молча клали на столъ принесенныя вещи и отходили къ другому краю, гдѣ выбирали желѣзное кольцо.

Но чѣмъ ближе подходила очередь, тѣмъ чувство робости и стыда все болѣе овладѣвало Гертой. И когда, наконецъ, она очутилась на виду у самаго стола, со своимъ мѣшкомъ въ рукѣ, она вдругъ растерялась до такой степени, что не могла произнести ни слова.

Пасторъ въ недоумѣніи поднялъ на нее глаза, но, замѣтивъ ея смущеніе, ласково произнесъ:

— А вы что, мое дитя? Вы что-то хотите сказать?

— Да... я,—начала взволнованно Герта, теребя свой мѣшокъ. Но, увидя улыбочки, промелькнувшія на нѣкоторыхъ лицахъ, вдругъ овладѣла собой и закончила:—У меня нѣтъ золота и серебра, какъ у этихъ дамъ. Я принесла, что могла.

Она раскрыла свой мѣшокъ и положила передъ изумленными членами комитета на столъ двѣ тяжелыя золотыя косы.

Окружающія съ любопытствомъ вытянули шеи.

— Вотъ,—продолжала Герта:—это мои волосы. Парикмахеръ сказалъ, что они стоятъ дороже десяти талеровъ. Я больше ничего не имѣю.

Шопотъ удивленія пробѣжалъ въ толпѣ. Члены комитета молча смотрѣли то на молодую дѣвушку, похожую теперь на Эндиміона или Ганимеда, то на лежащіе на столѣ пышные волосы.

Первый пришелъ въ себя пасторъ.

— Отъ имени родины—благодарю васъ, прекрасное дитя,—въ волненіи началъ онъ:—эти волосы стоятъ дороже, они стоятъ безконечно дороже, какъ выраженіе высокаго чувства!

Онъ торопливо отошелъ къ концу стола, взялъ горсть желѣзныхъ колецъ и, подойдя къ Гертѣ, сказалъ:

— Дайте вашу руку. Никогда это святое кольцо не отдавалось за болѣе благородную жертву.

Онъ выбралъ изъ кучки колецъ небольшое кольцо и самъ надѣлъ его на тоненькій пальчикъ смущенной Герты.

— Да благословитъ васъ Богъ, дитя,—торжественно произнесъ онъ,—Скажите намъ ваше имя?

— Дочь музыканта Гардера Герта,—тихо отвѣтила дѣвушка.

На нее уже смотрѣли съ почтеніемъ. Пожертвовать кольцо или серьги—это довольно просто, но разстаться съ такимъ природнымъ украшеніемъ, отдать часть своей красоты—это слишкомъ большая жертва для женщины. Не даромъ сами безсмертные боги пожалѣли великолѣпные волосы красавицы Вереники и обратили ихъ въ блистающее созвѣздіе.

Не одна изъ присутствовавшихъ женщинъ въ глубинѣ души рѣшила, что была бы неспособна на такую жертву...

Радостная и гордая вышла Герта на улицу. Словно она исполнила долгъ, давно тяготѣвшій надъ нею. Одно ее удивляло—это, какъ казалось ей, преувеличенность похвалъ. Правда, она съ грустью разставалась со своими косами, которыми любовались даже встрѣчные, но все же это не стоитъ такихъ похвалъ. Она съ гордостью глядѣла на свое желѣзное кольцо.

Дожидавшійся ее на улицѣ Рыцарь словно понялъ ея настроеніе и встрѣтилъ ее радостнымъ лаемъ.

Но Герта не была бы женщиной, если бы ее изрѣдка не тревожила мысль, не очень ли обезобразила она себя, и какъ взглянетъ на нее теперь этотъ красивый русскій офицеръ?

IV.

Въ просторной комнатѣ, съ окнами, выходившими въ садъ, у стола въ глубокомъ мягкомъ креслѣ сидѣлъ главнокомандующій союзными арміями свѣтлѣйшій князь Кутузовъ-Смоленскій. На немъ была теплая сѣрая куртка съ фельдмаршальскими погонами, украшенная георгіевской звѣздой. Ноги фельдмаршала, укутанныя мѣховымъ одѣяломъ, покоились на высокой подушкѣ. Одутловатое желтое лицо князя съ отвислыми щеками и тройнымъ подбородкомъ имѣло болѣзненный и угрюмый видъ. На широкомъ львиномъ лбу рѣзко легла между бровей глубокая складка. Только единственный глазъ свѣтился попрежнему затаенной, глубокой, невысказанной думой...

Съ каждымъ днемъ фельдмаршалу становилось хуже. Онъ не испытывалъ никакихъ страданій, но силы его быстро падали. Онъ съ большимъ трудомъ уже могъ подниматься съ кровати или кресла. Онъ угасалъ замѣтно для всѣхъ окружающихъ. Но острый и проницательный умъ его не померкалъ. Старый воинъ даже съ ложа смерти зорко слѣдилъ за событіями... Но онъ былъ одинокъ. Съ нимъ считались теперь только для вида.

На другомъ концѣ стола, окруженный бумагами, сидѣлъ молодой генералъ въ мундирѣ съ аннинской звѣздой и Георгіемъ въ петлицѣ. Это былъ любимецъ свѣтлѣйшаго, его бывшій ученикъ въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, а теперь адъютантъ и помощникъ начальника его штаба, Карлъ Ѳедоровичъ Толь.

Блѣдное лицо Толя было гладко выбрито. Высокій кокъ надо лбомъ искусно взбитъ, височки ровно зачесаны впередъ. Новый мундиръ застегнутъ на всѣ пуговицы. Въ этомъ отношеніи Толь старался подражать императору, котораго никто, даже на походѣ, при всѣхъ неудобствахъ военной жизни, не видѣлъ въ неряшливомъ видѣ. Между тѣмъ Толь не былъ штабнымъ франтомъ. Онъ прошелъ суровую боевую школу, начиная съ итальянскаго похода безсмертнаго Суворова, гдѣ онъ сумѣлъ заслужить похвалу великаго вождя и дружбу «не знавшаго страха» Милорадовича, и кончая компаніей минувшаго года.

Толь сидѣлъ неподвижно, не прерывая молчанія. А фельдмаршалъ не отрываясь смотрѣлъ на лежавшую передъ нимъ на столѣ карту, и его старческія губы шевелились, словно онъ что-то шепталъ.

Изъ сосѣднихъ комнатъ доносился гулъ сдержанныхъ голосовъ, въ открытыя окна врывался заглушенный шумъ улицы за садомъ.

— Да,—произнесъ, словно про себя, фельдмаршалъ, откидываясь на спинку кресла:—пора остановиться.

— Что изволите сказать, ваша свѣтлость?—спросилъ Толь, наклоняя голову.

Кутузовъ взглянулъ на него и, слабо ударяя обезсиленной рукой по картѣ, раздраженно произнесъ:

— Ну, да, конечно, перейти Эльбу легко!.. Да какъ вернуться? Съ рыломъ въ крови!.. Впередъ! Впередъ! — продолжалъ онъ.— Освободили Берлинъ—угодили нѣмцу, да кой чортъ въ этомъ! Да ихъ Блюхеру вахмистромъ быть, а не арміей командовать... Этотъ генералъ «впередъ»... А я бы ему по...

Онъ тяжело перевелъ духъ, потомъ закрылъ глаза и коротко приказалъ:

— Пиши, графу Витгенштейну.

Толь наклонился надъ столомъ и написалъ титулъ бумаги.

«... Когда маршалъ Ней двинется къ Дрездену изъ Франконіи,—медленно диктовалъ фельдмаршалъ:—тогда, безъ всякаго сомнѣнія, корпусъ, концентрированный около Магдебурга, сдѣлаетъ диверсію на Берлинъ. Въ семъ случаѣ, не обращая на сіе движеніе никакого вниманія, извольте помышлять только о соединеніи съ Блюхеромъ и съ главною нашей арміей. Отдѣлясь же отъ Дрездена, ослабите въ семъ мѣстѣ силы наши такъ, что непріятель будетъ въ состояніи прорваться чрезъ Эльбу и открыть сообще-

ніе съ Варшавскимъ княжествомъ. Оставя же Берлинъ нѣсколько и на воздухѣ, удержите нашу главную операціонную линію».

Кутузовъ замолчалъ.

— Король прусскій не согласится оставить свою столицу «на воздухѣ»,—замѣтилъ Толь:—его величество тоже.

— Тогда припиши: «Прусскій дворъ самъ видитъ необходимость сего»,—спокойно добавилъ Кутузовъ.

Толь съ удивленіемъ взглянулъ на стараго фельдмаршала, но не посмѣлъ задать вертѣвшійся на языкѣ вопросъ.

Въ это время на порогѣ показался молоденькій адъютантъ и доложилъ:

— Лейбъ-медикъ его величества короля прусскаго профессоръ Гуфеландъ проситъ позволенія войти къ вашей свѣтлости.

Кутузовъ промолчалъ, пожевалъ губами и потомъ произнесъ съ легкой ироніей:

— Что жъ, пусть войдетъ. Не будемъ обижать нашего дорогого союзника.

Адъютантъ исчезъ и черезъ минуту пропустилъ въ комнату человѣка въ длинномъ черномъ сюртукѣ, съ холоднымъ важнымъ лицомъ, съ острыми, блестящими глазами.

Онъ низко поклонился фельдмаршалу.

— Какъ чувствуетъ себя ваша свѣтлость? Его величество очень обезпокоенъ.

— Его величество очень добръ,—отвѣтилъ Кутузовъ:—я чувствую себя прекрасно, дорогой профессоръ. Ваши порошки дѣйствуютъ чудесно.

Гуфеландъ взялъ стулъ и сѣлъ рядомъ съ фельдмаршаломъ. Нѣсколько мгновеній онъ пристально глядѣлъ въ лицо князя, потомъ попробовалъ его пульсъ и наконецъ сказалъ:

— Лихорадка еще не прошла, но она пройдетъ. Будемъ продолжать. Ваша свѣтлость одержите еще не одну блистательную побѣду... Я пропишу вамъ еще микстуру.

Гуфеландъ подошелъ къ столу и началъ писать рецептъ.

Кутузовъ слѣдилъ за нимъ, и легкая полупечальная, полунасмѣшливая улыбка скользила по его пухлымъ губамъ.

Гуфеландъ кончилъ и всталъ.

— Вечеромъ я еще навѣщу вашу свѣтлость.

Кутузовъ кивнулъ головой.

— Скажите, профессоръ,—вдругъ спросилъ онъ:—что, по вашему мнѣнію, дѣлаетъ актеръ, сыгравъ свою роль?

Гуфеландъ остановился и съ удивленіемъ взглянулъ на князя.

— Но я думаю, ваша свѣтлость, что тогда онъ уходитъ со сцены,—отвѣтилъ профессоръ.

— Вотъ именно,—медленно произнесъ Кутузовъ:—тогда онъ уходитъ со сцены. До свиданія, дорогой профессоръ, до вечера.

Онъ снова кивнулъ головой и наклонился надъ картой.

Гуфеландъ поклонился и вышелъ.

Когда дверь за нимъ закрылась, Кутузовъ поднялъ голову и, указавъ взоромъ на лежащій на столѣ рецептъ, сказалъ:

— Брось это, Карлуша, туда же.

Толь молча всталъ, взялъ рецептъ, разорвалъ его и бросилъ въ каминъ. Это продѣлывалось со всѣми рецептами знаменитаго профессора. Сперва Толь пробовалъ возражать, убѣждалъ испытать дѣйствіе лекарства, но встрѣчалъ въ отвѣтъ короткое «брось».

И въ глубинѣ души онъ чувствовалъ, что его старый покровитель и вождь правъ. Еще живой, онъ уже уходилъ изъ жизни. Онъ былъ лишнимъ. Это чувствовалъ не только онъ самъ, но и всѣ окружающіе его. Окруженный почти царственнымъ почетомъ, облеченный, казалось, неограниченной властью главнокомандующаго, онъ былъ лишній и ненужный человѣкъ. Его приказанія принимались съ видимой почтительностью и отмѣнялись государемъ. Командующіе арміями не исполняли его распоряженій, хотя спрашивали ихъ и аккуратно посылали рапорты, а ждали инструкцій изъ квартиры императора. Словно въ насмѣшку, императоръ спрашивалъ его совѣтовъ послѣ того, какъ уже отдавалъ распоряженія. Старѣйшіе генералы арміи — Тормасовъ, Милорадовичъ, Барклай-де-Толли, графъ Витгенштейнъ—уже интриговали при главной квартирѣ и между собою за призъ власти главнокомандующаго. Той же чести добивался и старый Блюхеръ. Въ то же время государь, лаская его и выказывая ему внѣшніе знаки величайшаго уваженія, писалъ Салтыкову: «Слава Богу, у насъ все хорошо, но нѣсколько трудно выжить отсюда фельдмаршала, что весьма необходимо».

И все это видѣлъ, понималъ и чувствовалъ умирающій старикъ... И на все смотрѣлъ взглядомъ стараго мудреца, уже переступившаго одной ногой за грань вѣчности. Только въ рѣдкія минуты въ немъ пробуждался старый, опытный вождь, и тогда онъ широко и смѣло развивалъ свои планы, но, встрѣчая почтительно-насмѣшливое противодѣйствіе, снова погасалъ и выслушивалъ самыя нелѣпыя распоряженія, наклоняя въ знакъ согласія свою думную голову...

Толь перебиралъ лежавшія на столѣ бумаги, дѣлая на нѣкоторыхъ помѣтки, изъ другихъ—выписки, а часть откладывая для личнаго доклада фельдмаршалу или начальнику штаба главнокомандующаго князю Петру Михайловичу Волконскому.

Откинувшись на спинку кресла, съ закрытыми глазами, фельдмаршалъ, казалось, дремалъ. Нѣсколько разъ Толь нетерпѣливо взглядывалъ на него, но не осмѣливался тревожить, между тѣмъ какъ въ пріемной дожидалась масса народу. Нѣкоторыхъ князь самъ хотѣлъ принять лично, другіе надѣялись на эту честь. Ото-

двинувъ бумаги, Толь сталъ просматривать списокъ лицъ, которыхъ фельдмаршалъ хотѣлъ принять лично. Тутъ были генералы Тормасовъ и Дохтуровъ, главные начальники расположившейся у Бунцлау главной арміи, нѣсколько почтенныхъ генераловъ, лично извѣстныхъ фельдмаршалу, старыхъ соратниковъ Суворова, теперь затертыхъ прусскими интригами, и еще молодой князь Бахтѣевъ, о которомъ были получены Кутузовымъ личныя письма отъ его друга, стараго князя Никиты Арсеньевича, и канцлера Румянцова.

Время шло, а Кутузовъ, кажется, задремалъ на самомъ дѣлѣ. Изъ этого томительнаго ожиданія Толя вывели неожиданно раздавшіеся восторженные крики: «ура!» и «hoch!» «Да здравствуетъ императоръ! Да здравствуетъ король!»

Это прибыли союзные монархи для обычнаго каждодневнаго посѣщенія фельдмаршала.

Кутузовъ вздрогнулъ, открылъ глаза и сдѣлалъ движеніе встать, но сейчасъ же откинулся въ креслѣ. Онъ былъ очень слабъ. Крики не смолкали.

Толь вскочилъ съ мѣста и бросился къ дверямъ.

За дверями послышалось движеніе, твердые, быстрые шаги. Двери распахнулись, и Толь увидѣлъ передъ собою союзныхъ монарховъ.

Императоръ на мгновеніе пріостановился, пропуская впередъ прусскаго короля.

V.

Тяжело опершись обѣими руками на столъ, Кутузовъ снова сдѣлалъ попытку встать, но Александръ быстрыми шагами подошелъ къ нему и, положивъ ему на плечо руку, ласково сказалъ своимъ груднымъ, слегка глуховатымъ голосомъ:

— Сидите, Михаилъ Иларіонычъ, вамъ вредны движенія.

— О, да,—совершенно деревяннымъ голосомъ произнесъ Фридрихъ-Вильгельмъ, едва наклоняя голову.

На его длинномъ, угрюмомъ лицѣ съ низкимъ лбомъ и тупымъ подбородкомъ оставалось обычное упрямое и надменное выраженіе. Онъ весь былъ похожъ на деревянную куклу, прямой, сухой, съ рѣзкими, угловатыми движеніями. Но, однако, эта спина умѣла очень низко и гибко склоняться въ Тильзитѣ передъ грознымъ побѣдителемъ подъ Іеной, и это деревянное лицо могло расплываться въ подобострастную улыбку во время дружескихъ бесѣдъ съ камердинеромъ Наполеона въ Дрезденѣ, когда прусскому королю, особенно нелюбимому императоромъ Запада, приходилось, чтобы добиться аудіенціи, являться во дворецъ на дежурство въ такой ранній часъ, когда просыпались одни лакеи.

Замѣтивъ Толя, императоръ кивнулъ головой и ласково сказалъ:

— Здравствуй, Толь.

Фридрихъ только взглянулъ и не счелъ нужнымъ отвѣтить на глубокій поклонъ русскаго генерала.

Тихонько, пятясь къ дверямъ, Толь незамѣтно вышелъ.

— Ну, что жъ,—весело заговорилъ императоръ:—все слава Богу.

— Все слава Богу,—какъ эхо повторилъ старый фельдмаршалъ.

— Наши войска бодро идутъ впередъ,—продолжалъ императоръ:—Дрезденъ нашъ, мы занимаемъ Лейпцигъ, наши силы растутъ, и, Богъ дастъ, къ лѣту мы перейдемъ Рейнъ, и внесемъ войну въ предѣлы Франціи! Настаетъ часъ расплаты!

Сѣро-голубые глаза императора на одно мгновеніе приняли стальной, жесткій блескъ, губы плотно сжались.

Александру шелъ тридцать шестой годъ, но онъ казался гораздо моложе. Если бы не большая лысина, его можно было бы принять за юношу, до такой степени его фигура сохранила юношескую гибкость и стройность, а чистое прекрасное лицо—цвѣтъ юности.

Кутузовъ пристально смотрѣлъ на это такъ хорошо знакомое лицо императора, на эти большіе глаза, имѣвшіе свойство становиться почти прозрачными и непроницаемыми, на эти губы, то чувственныя, то суровыя, на длинный выдающійся массивный подбородокъ, такъ похожій въ профиль на подбородокъ его великой бабки, и не могъ рѣшить вопроса, съ какой цѣлью говоритъ императоръ эти до очевидности нелѣпыя слова. Не можетъ же онъ думать, на самомъ дѣлѣ, что Наполеонъ допуститъ союзниковъ перейти Рейнъ съ распущенными знаменами? Не можетъ онъ думать и того, что Наполеонъ легко, безъ борьбы, позволитъ отнять у себя гегемонію надъ Западной Европой, когда у него есть Италія, Вестфалія, Баварія, всѣ силы Рейнскаго союза, и когда Австрія еще не сказала своего послѣдняго слова. Или императоръ хочетъ оживить робкую душу этого хилаго короля?

— Ваше величество,—началъ Кутузовъ:—силы мои падаютъ. Я уже не могу вести армій вашего величества. Плоть ослабѣла моя, но духъ бодръ. Страшный врагъ стоитъ передъ вами. Онъ только притаился. Надлежитъ остановить арміи, ждать резервовъ и прусскихъ вспомогательныхъ войскъ, которыя сформировалъ Шарнгорстъ, а пуще всего склонить къ союзу императора Франца и только тогда начать наступательную войну.

Александръ кинулъ на прусскаго короля выразительный взглядъ, какъ бы обращая его вниманіе на малодушіе фельдмаршала, и отвѣтилъ, хотя съ улыбкой, но тономъ, въ которомъ сквозило неудовольствіе:

— Дорогой князь, вѣдь, всѣми военными операціями мы руководили совмѣстно съ вами. Что касается Австріи, то Меттернихъ завѣрилъ насъ, что если Австрія не присоединится къ намъ, то

во всякомъ случаѣ останется нейтральной. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, Наполеонъ не можетъ разсчитывать на силы Рейнскаго союза, куда мы обратились съ призывомъ къ объединенію. Италія волнуется. Король Мюратъ,—это уже доподлинно извѣстно,—бросилъ армію и уѣхалъ въ Неаполь. Веллингтонъ тѣснитъ войска Наполеона въ Испаніи. Истощенная Франція ропщетъ. Наборъ идетъ слабо... Его партія проиграна! Отъ великой арміи не осталось ничего! Наполеонъ не сможетъ задержать нашего наступленія, если мы не будемъ терять времени. Поэтому я и говорю, что дорогъ каждый часъ. Такъ же думаетъ и Блюхеръ.

— О, да,—важно подтвердилъ король:—генералъ Блюхеръ прирожденный вождь...

Государь всталъ.

— Поправляйтесь скорѣе, дорогой князь, и ведите насъ снова къ побѣдамъ,—сказалъ онъ.

— Да, поправляйтесь,—подтвердилъ прусскій король:—Гуфеландъ подаетъ большія надежды.

— Благодарю, ваше величество,—отвѣтилъ Кутузовъ, низко наклоняя голову.

— Итакъ,—произнесъ государь:—завтра главная армія выступаетъ на Дрезденъ.

Лицо стараго фельдмаршала дрогнуло, но онъ промолчалъ.

— Я надѣюсь еще поговорить съ вами передъ отъѣздомъ,—закончилъ государь.

Онъ дружески обнялъ фельдмаршала, король кивнулъ ему величественно головой, и монархи вышли изъ комнаты.

Стоявшій въ сосѣдней комнатѣ Толь слышалъ, какъ государь сказалъ пониженнымъ голосомъ:

— Онъ очень слабъ и физически и духовно.

На что прусскій король отвѣтилъ:

— О, да! Блюхеръ былъ бы больше на мѣстѣ!

Александръ кинулъ на него быстрый взглядъ и ничего не отвѣтилъ.

Когда Толь вновь вошелъ въ кабинетъ, онъ увидѣлъ Кутузова словно еще больше одряхлѣвшаго, съ погасшимъ взоромъ, неподвижно смотрѣвшимъ въ расцвѣтающій подъ весеннимъ тепломъ садъ...

О чемъ думалъ въ эти мгновенія старый вождь, ярко, какъ никогда, сознавшій сейчасъ, что онъ пережилъ самого себя?.. Слышался ли ему рѣзкій голосъ великаго Суворова въ страшную ночь измаильскаго штурма:

— Михайло, я назначаю тебя комендантомъ Измаила!

И безумная атака среди огненнаго вихря турецкихъ снарядовъ, дикихъ криковъ: «ура! Аллахъ! Аллахъ!»

И онъ во главѣ своихъ полковъ на неприступныхъ твердыняхъ?.. Грезились ли ему картины минувшаго давно царствованія

великой царицы, блескъ ея двора, тѣни ея сподвижниковъ, великолѣпный князь Тавриды?.. Или видѣлъ онъ пылающую Москву и слышалъ злобное шипѣнье враговъ: «Развратный, выжившій изъ ума старикъ, погубившій Москву и имперію!..» Вспоминалъ ли неудовольствіе государя, постоянные уколы самолюбію, посягательство на его славу!.. Весь тернистый путь славы, окончившійся здѣсь, у чужого рубежа, который онъ переступилъ безъ вѣры въ необходимость начинаемаго дѣла, съ болью въ душѣ за истощенную Россію, влекомую на новые ужасы войны во имя чужой свободы!

Вспоминалъ ли онъ слова, вырвавшіяся изъ глубины русскаго сердца, сказанныя имъ государю, при переходѣ Нѣмана:

— Ваше величество, вы дали клятву не влагать меча въ ножны, пока хоть одинъ непріятель останется на землѣ русской. Непріятеля нѣтъ. Исполните вашу клятву—вложите мечъ въ ножны!..

И холодное лицо императора, молча отвернувшагося отъ него...

— Я исполнилъ свой долгъ, я совершилъ свое назначеніе,—тихо прошепталъ старый вождь:—пора оставить сцену...

Толь хотѣлъ начать докладъ, но Кутузовъ слабо махнулъ рукой и сказалъ:

— Я не могу ничѣмъ больше заниматься. Отошли всѣ бумаги князю Петру Михайловичу.

— Но, ваша свѣтлость...—началъ Толь.

— Я сказалъ,—коротко произнесъ князь.

Толь замолчалъ, но черезъ мгновеніе спросилъ:

— Угодно вашей свѣтлости принять этихъ лицъ?

И Толь положилъ на столъ передъ фельдмаршаломъ списокъ.

Кутузовъ взглянулъ на него, и его лицо прояснилось.

— Ну, какъ же, старыхъ боевыхъ товарищей!—сказалъ онъ:—не надо отдавать ихъ на жертву прусскимъ вахмистрамъ. Пока я еще могу ихъ устроить. Зови по порядку. Потомъ и молодого Бахтѣева. Остальныхъ отошли; я усталъ и никого больше не приму сегодня.

Толь вышелъ.

VI.

Зарницынъ, придя въ штабъ, сейчасъ же отыскалъ знакомаго адъютанта и попросилъ его помочь молодымъ людямъ узнать какъ-нибудь объ ихъ дальнѣйшей судьбѣ. Не легко было вообще чего-нибудь добиться въ такой сутолокѣ. Наверхъ, гдѣ были покои свѣтлѣйшаго, пускали только избранныхъ, преимущественно курьеровъ изъ дѣйствующихъ армій, гдѣ ближайшіе къ князю дежурные адъютанты или самъ Толь принимали ихъ донесенія, рѣдко допуская до главнокомандующаго. А въ пріемныхъ нижняго этажа

была вторая нетолченая труба народу. Тутъ были военные всѣхъ ранговъ и возрастовъ и всѣхъ родовъ оружія. Адъютанты едва успѣвали опрашивать, принимая отъ нѣкоторыхъ рапорты и прошенія. Большинство военныхъ были въ старыхъ, потрепанныхъ мундирахъ, въ грубыхъ сапогахъ; по ихъ загорѣлымъ, обвѣтреннымъ лицамъ, какъ и по костюму, можно было безошибочно опредѣлить, что они сломали весь походъ. Но здѣсь эти герои чувствовали себя непривычно и неловко. Было замѣтно, что они не привыкли къ штабной обстановкѣ и, видимо, робѣли, разговаривая съ важными, нарядными адъютантами. Среди этой толпы выдѣлялись щегольски одѣтые въ новенькіе, блестящіе мундиры прусскіе офицеры. Они держались въ сторонѣ, насмѣшливо поглядывая на оборванныхъ русскихъ офицеровъ и перекидываясь короткими замѣчаніями.

Ко всему равнодушный, Бахтѣевъ невольно обратилъ на нихъ вниманіе.

— Посмотри,—сказалъ онъ Новикову:—похоже, что не мы пришли ихъ спасать, а они оказываютъ намъ великодушное покровительство.

Новиковъ передернулъ плечами.

— Они держатъ себя побѣдителями,—отвѣтилъ онъ:—боюсь, какъ бы намъ не перессориться съ дорогими союзниками.

Въ это время къ проходившему адъютанту подошелъ одинъ изъ нѣмецкихъ офицеровъ и, остановивъ его, довольно рѣзко произнесъ:

— Г. адъютантъ, я жду уже цѣлый часъ. Соблаговолите доложить обо мнѣ главнокомандующему.

— Вы курьеръ изъ арміи? У васъ донесенія?—быстро спросилъ адъютантъ.

— Я не курьеръ,—отвѣтилъ офицеръ:—но я адъютантъ генерала Блюхера.

— Съ донесеніемъ?—нетерпѣливо переспросилъ адъютантъ:—если съ донесеніемъ, дайте его мнѣ, я передамъ его начальнику штаба.

Нѣмецъ вздернулъ голову.

— Я имѣю лично доложить главнокомандующему,—сказалъ онъ:—прошу меня не задерживать. Я лейтенантъ гвардейскаго коннаго полка имени ея величества королевы Луизы баронъ Герцфельдъ.

— Очень радъ,—сухо отвѣтилъ адъютантъ:—но фельдмаршалъ слишкомъ занятъ, чтобы выслушивать личные доклады каждаго желающаго. Напишите рапортъ и подайте. А теперь позвольте мнѣ пройти,—и, слегка отстранивъ изумленнаго барона, онъ прошелъ дальше.

Баронъ вернулся къ группѣ своихъ товарищей и что-то началъ говорить негодующимъ тономъ. Послѣ его словъ вся группа прус-

скихъ офицеровъ, гремя саблями и гордо поднявъ головы, направилась къ выходу.

Бахтѣевъ съ изумленіемъ смотрѣлъ имъ вслѣдъ.

— Что же это такое?—невольно произнесъ онъ:—каждый прусскій лейтенантъ считаетъ, что главнокомандующій обязанъ его принять по первому слову.

Стоявшій рядомъ пожилой полковникъ съ сѣдыми усами обратился къ нему и сказалъ:

— Я всю русскую кампанію командовалъ батареей, а тутъ вдругъ получилъ приказъ сдать ее на пополненіе прусскихъ парковъ... Какъ же это,—въ волненіи продолжалъ онъ:—я каждое орудіе въ батареѣ по имени звалъ! И что жъ теперь? Теперь и я безъ дѣла. Мало того, сколько имъ пороху да снарядовъ передавали, смотри, пожалуй,—и до орудій добрались. Вотъ я и пришелъ къ Михалъ Ларивонычу. Съ турецкой войны знаетъ меня. Не таковскій—не выдастъ.

Къ разговору присоединились и другіе. Большинство оказалось недовольныхъ. Кто неожиданно былъ переведенъ изъ арміи «своего» Витгенштейна къ Бюлову или Блюхеру, кто, явившись изъ госпиталя, вдругъ находилъ свою должность замѣщенной и оставался не у дѣлъ, нѣкоторые, какъ въ свое время Бахтѣевъ, были исключены изъ службы «за смертью». Вообще, стремительное движеніе русскихъ войскъ впередъ, поспѣшный переходъ черезъ Нѣманъ внесли въ армію настоящій хаосъ. Не хватало провіанта, пороху, снарядовъ. Армія таяла отъ болѣзней и изнуренія, лошади падали...

Бахтѣевъ слушалъ и не вѣрилъ ушамъ... Какъ! При такомъ положеніи дѣлъ летѣть впередъ на борьбу съ великимъ полководцемъ, въ чужой странѣ!.. Сердце его сжималось отъ тоскливаго предчувствія...

Наконецъ, появился торжествующій Зарницынъ.

— Идемъ наверхъ. Главнокомандующій сейчасъ приметъ васъ,—сказалъ онъ.

Наверху ихъ встрѣтилъ тотъ же адъютантъ, пріятель Семена Гаврилыча, поручикъ Рощинъ.

— Подождите минутку. Сейчасъ я доложу о васъ генералу Толю,—произнесъ онъ.

Прошло еще нѣсколько минутъ. Рощинъ вернулся и провелъ ихъ въ сосѣднюю комнату. Тамъ ихъ встрѣтилъ Толь.

Онъ очень любезно поздоровался съ молодыми людьми и освѣдомился, чего именно они желаютъ.

— Мы хотимъ поскорѣе попасть въ дѣйствующую армію, въ какой-нибудь передовой отрядъ,—отвѣтилъ Бахтѣевъ.

— А, ну, что жъ, это не трудно,—сказалъ Толь:—вы, я вижу, оба кавалеристы,—добавилъ онъ, окинувъ ихъ взглядомъ.

— Да, ваше превосходительство,—отвѣтилъ Новиковъ:—и если возможно, мы хотѣли бы получить назначеніе въ одинъ отрядъ.

— Низусъ и Эвріалъ,—улыбнулся генералъ.

— И потомъ, ваше превосходительство,—добавилъ Левъ Кирилловичъ:—мы бы просились въ составъ отряда, находящагося подъ командой русскаго генерала.

Толь недовольно поморщился.

— Это я не понимаю,—сухо сказалъ онъ:—мы сражаемся за одно дѣло и мы всѣ братья. Его величество не одобряетъ подобныхъ чувствъ своихъ офицерахъ.

Бахтѣевъ молчалъ.

— Впрочемъ,—снова началъ генералъ:—это пока еще не представляетъ затрудненій.

Онъ подошелъ къ столу и наклонился надъ развернутыми листами.

Нѣсколько минутъ онъ разсматривалъ ихъ, словно соображая.

— Отлично,—сказалъ онъ, наконецъ:—вы хотите впередъ? Мы васъ назначаемъ въ корпусъ Винцингероде, въ бригаду генерала Ланского, въ Сумскій драгунскій полкъ. Это васъ устраиваетъ?

Молодые офицеры поклонились.

— Рощинъ,—обратился Толь къ молодому адъютанту:—заготовь приказъ.

Въ эту минуту изъ кабинета фельдмаршала вышелъ дежурный офицеръ и произнесъ:

— Здѣсь ли князь Бахтѣевъ? Его свѣтлость желаетъ принять его.

— Я,—отвѣтилъ Левъ Кирилловичъ.

— Пожалуйте,—любезно проговорилъ офицеръ, пріоткрывая дверь.

Съ чувствомъ невольной робости, несвойственной его характеру, Бахтѣевъ переступилъ порогъ кабинета. Дверь за нимъ затворилась. Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ и почтительно поклонился. Онъ давно, чуть ли не съ самаго Смоленска, не видѣлъ Кутузова, и теперь былъ пораженъ его болѣзненнымъ видомъ. До сихъ поръ, всѣ слухи о болѣзни фельдмаршала онъ склоненъ былъ считать интригой со стороны его враговъ, всѣми силами старавшихся доказать, что старый фельдмаршалъ уже не годится въ вожди. Но теперь онъ самъ увидѣлъ и почувствовалъ, что этотъ старецъ уже стоитъ на краю могилы.

Кутузовъ поднялъ на него безучастный, утомленный взоръ.

— Ты князь Бахтѣевъ, племянникъ Никиты Арсеньевича?—спросилъ онъ.

— Да, ваша свѣтлость,—отвѣтилъ Левъ Кирилловичъ.

— А, ну, здравствуй,—продолжалъ Кутузовъ:—мы большіе друзья съ твоимъ дядей, подойди ко мнѣ. Ближе!

Левъ Кирилловичъ подошелъ вплотную къ креслу фельдмаршала.

— Дай обнять тебя,—съ чувствомъ произнесъ онъ:—ты словно гость залетный изъ странъ моей молодости.

Онъ обнялъ склонившагося къ нему Льва Кирилловича и поцѣловалъ его въ голову.

— Ну, Христосъ съ тобой,—началъ Кутузовъ:—я получилъ письмо отъ князя Никиты. Онъ пишетъ, что ты молодецъ, да это и самъ я знаю. Этихъ крестиковъ я даромъ не давалъ,—онъ кивнулъ на георгіевскій крестъ, бѣлѣвшій въ петлицѣ Левона.—Ну, что старикъ? Какъ живетъ? Чай, не такая развалина, какъ я?

Левонъ отвѣтилъ, что дядя вполнѣ здоровъ и даже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ женился.

Слабая улыбка промелькнула въ лицѣ князя.

— Ахъ, онъ злодѣй? Не забылъ прежнихъ авантюръ,—произнесъ онъ:—на комъ же?

Левонъ сказалъ:

— И поди хороша?—даже нѣсколько оживляясь, спросилъ князь.

Старый фельдмаршалъ питалъ слабость къ красивымъ женщинамъ.

— Ее находятъ красавицей,—отвѣтилъ Левонъ, невольно поблѣднѣвъ,—до такой степени ярко промелькнуло въ его воображеніи прекрасное лицо Ирины.

— Эхъ, эхъ!—тяжело вздохнулъ фельдмаршалъ:—суета суетъ и всяческая суета,—въ горькомъ раздумьи, какъ бы про себя произнесъ онъ.

Минутное оживленіе исчезло съ его лица, и оно вновь приняло утомленный, болѣзненный видъ.

— Да,—вдругъ сказалъ онъ:—такъ оставайся при мнѣ пока...

— Ваша свѣтлость,—быстро отвѣтилъ Левонъ:—я уже записанъ генераломъ Толемъ въ Сумскій драгунскій полкъ.

— А, вотъ какъ,—тихо сказалъ фельдмаршалъ:—ну, что жъ, съ Богомъ. Будешь писать дядѣ—поклонись отъ стараго друга... Ну, съ Богомъ,—повторилъ онъ.

Онъ снова обнялъ Левона и перекрестилъ его. У порога Левонъ обернулся и въ послѣдній разъ взглянулъ на стараго вождя.

Кутузовъ смотрѣлъ прямо передъ собой и, казалось, уже забылъ о самомъ существованіи Левона. Онъ словно во что-то вглядывался, что смутно и неопредѣленно рисовалось передъ нимъ вдали.

Левонъ вышелъ на цыпочкахъ, словно изъ комнаты умирающаго, съ тяжестью въ сердцѣ и съ ощущеніемъ непривычнаго, страннаго щекотанья въ горлѣ.

— Ну, слава Богу,—съ облегченіемъ произнесъ Новиковъ, выйдя на улицу:—можемъ сказать: «нынѣ отпущаеши»... А о чемъ говорилъ съ тобой фельдмаршалъ?

Бахтѣеву не хотѣлось, да, пожалуй, онъ и не могъ бы передать то сложное чувство, какое онъ унесъ въ своей душѣ послѣ свиданья со старымъ вождемъ. Это чувство безконечной, благоговѣйной грусти, тайнаго страданія о невозвратномъ славномъ и блестящемъ прошломъ, грызущей безсмертной мысли, старой, какъ міръ, о тлѣнности земного, предчувствіе утраты и страхъ грядущаго. Чувство невыразимое, похожее на то, которое иногда безотчетно наполняетъ душу въ часъ вечерней зари послѣ блистающаго дня...

Бахтѣевъ коротко отвѣтилъ:

— Ничего особеннаго. Онъ разспрашивалъ о дядѣ...

— А какъ его здоровье?—интересовался Новиковъ.

— Повидимому, онъ нездоровъ,—неохотно отвѣтилъ Левонъ.

— О, онъ давно хвораетъ,—вмѣшался Зарницынъ:—это всегда съ нимъ бывало, когда онъ чѣмъ недоволенъ. А теперь, говорятъ, у нихъ все контры съ главной квартирой государя.

— Можетъ быть,—отозвался Левонъ.

— А я вотъ что узналъ,—перемѣнилъ разговоръ Зарницынъ:—завтра главная армія выступаетъ въ походъ. Государи тоже ѣдутъ.

— Тѣмъ лучше,—отозвался Левонъ:—поѣдемъ и мы.

— А сегодня надо намъ поблагодарить нашихъ дорогихъ хозяевъ,—продолжалъ Зарницынъ:—и хорошенько угостить ихъ.

— И то,—замѣтилъ Новиковъ:—какое свинство. Ѣдимъ, пьемъ. А вѣдь они люди бѣдные.

— Мнѣ показалось, что дочь обидѣлась, когда я заговорилъ о платѣ,—сказалъ князь.

— Все же надо какъ-нибудь уладить,—произнесъ Новиковъ.

— Ну, ладно,—сказалъ Зарницынъ:—вы тамъ улаживайте, а я полечу въ полкъ,—узнаю, что и какъ, и часа черезъ два вернусь, по дорогѣ захвачу провіанта, пришлю своего Яшку помочь по хозяйству и сдѣлаемъ отвальную. Прощевайте пока, братцы,—и, сдѣлавъ подъ козырекъ, Зарницынъ свернулъ въ боковую улицу.

Новиковъ и Бахтѣевъ, каждый полный своихъ мыслей, молча дошли до дома.

VII.

Герта сидѣла на маленькой скамеечкѣ у ногъ отца, прижавшись къ нему головой, а старый Готлибъ гладилъ ея короткіе кудри, и въ глазахъ его стояли слезы, но лицо сіяло гордостью и любовью. Никогда эта золотистая головка не была ему дороже и милѣе...

— Маленькая моя Герта, милая моя дѣвочка,—шепталъ онъ.

А Герта, счастливая и оживленная, цѣловала его морщинистую руку и повторяла:

— Какъ я рада, какъ легко я себя чувствую! Твоя скрипка цѣла! Какое счастье!

Въ первый моментъ Готлибъ не узналъ своей дочери, но когда Герта бросилась къ нему, молча показала завѣтное желѣзное кольцо, старикъ все понялъ и заплакалъ отъ умиленія и гордости...

— А ты и повѣрилъ,—весело говорила Герта:—что я пойду за работой къ этому Мальцеру? Да, жди отъ него работы. Онъ дрожитъ надъ каждымъ грошемъ...

Она весело смѣялась. Потомъ, какъ будто ничего не случилось, побѣжала по хозяйству, потомъ опять прибѣжала и сѣла у ногъ отца.

— Теперь можно и отдохнуть,—сказала она:—будемъ ждать нашихъ гостей.

Старикъ продолжалъ гладить ея голову.

— Ты теперь совсѣмъ мальчикъ,—любовно сказалъ онъ.

— Ахъ,—вздохнула Герта:—я бы и на самомъ дѣлѣ хотѣла быть мальчикомъ. Я бы поступила въ ландверъ, какъ Фрицъ. Хотя,—задумчиво добавила она:—отчего нельзя поступить въ ополченіе и женщинѣ. Мнѣ Новиковъ говорилъ, что у нихъ въ арміи есть женщина-герой, какая-то Дурова. Что она долго служила, участвовала во многихъ сраженіяхъ, пока узнали, что она женщина. Самъ императоръ отличилъ ее.

Готлибъ съ безпокойствомъ сказалъ:

— Она, должно быть, сильная и крѣпкая, а ты совсѣмъ ребенокъ.

Герта ничего не отвѣтила, задумчиво глядя въ окно.

— А вотъ и наши гости,—вся вспыхнувъ, воскликнула она:—я пойду.

Она вскочила и выбѣжала изъ комнаты.

Новиковъ сразу прошелъ къ себѣ наверхъ, предоставивъ князю поговорить со старикомъ относительно уплаты. Бахтѣевъ вошелъ къ Готлибу.

— Добрый день, дорогой хозяинъ,—произнесъ онъ.

— Добрый день,—ласково отвѣтилъ старикъ:—ну, что новаго?

— Новости есть,—продолжалъ князь, садясь противъ Гардера:—завтра мы выступаемъ.

— Уже,—съ искреннимъ сожалѣніемъ проговорилъ Готлибъ:—это намъ грустно,—но что же дѣлать!

— И я пришелъ къ вамъ, дорогой г. Гардеръ,—продолжалъ князь, беря старика за руку,—поблагодарить васъ за ваше госте-

пріимство, за ваше отношеніе къ намъ. Мы никогда не забудемъ этого.

Растроганный старикъ пожалъ руку князю:

— О, объ этомъ не стоитъ говорить,—сказалъ онъ:—мы исполнили свой долгъ.

— Но,—нѣсколько запинаясь началъ князь:—кромѣ нашей сердечной, глубокой благодарности, между нами есть еще маленькіе счеты. Вы не откажете покончить ихъ. Мы бы не хотѣли быть вамъ въ тягость. Жить теперь очень трудно...

Старикъ понялъ и сдѣлалъ протестующій жестъ рукой.

— Нѣтъ, нѣтъ,—съ достоинствомъ произнесъ онъ:—никакихъ подобныхъ счетовъ! Вы не захотите обидѣть насъ, князь, и не предложите намъ денегъ за наше родственное отношеніе къ вамъ!

— Дорогой г. Гардеръ,—настаивалъ князь:—никакими деньгами нельзя заплатить за ваше вниманіе, за заботы вашей дочери, мы сознаемъ это. Но вѣдь можно заплатить за нашъ «фуражъ»,—смѣясь закончилъ онъ.

Старикъ покачалъ головой.

— Прошу васъ, кончите этотъ разговоръ,—серьезно сказалъ онъ:—вы наши дорогіе гости. Мы гордимся, что могли принести хоть ничтожную пользу. Я прошу васъ кончить это. И такъ,—продолжалъ онъ,—къ моему стыду долженъ сознаться, что наши власти относятся къ русскимъ офицерамъ не такъ, какъ надлежитъ. Мнѣ стыдно за нихъ! И нашъ магистратъ забылъ, что вы наши защитники и наши освободители. Почему онъ распорядился отвести безплатныя квартиры всѣмъ нѣмецкимъ офицерамъ и даже, по возможности, солдатамъ, а о русскихъ офицерахъ не позаботился? Почему онъ строго требуетъ, чтобы доставляли нѣмецкимъ офицерамъ провіантъ, а про русскихъ молчитъ? Я знаю, много вашихъ офицеровъ живутъ подъ открытымъ небомъ, между тѣмъ какъ нѣмецкіе солдаты имѣютъ квартиры! А, вѣдь, вы сдѣлали тяжелый походъ, вы забыли зло, которое мы приносили вамъ во время этой несчастной войны. Вашъ императоръ, весь народъ русскій такъ великодушны... Такъ позвольте мнѣ заплатить хоть часть моего долга. Я не хочу быть неблагодарнымъ. Предстоитъ великая война, великій подвигъ, въ которомъ вы помогаете намъ. Предстоитъ борьба за вѣчные идеалы, за свободу націи и за свободу духа.

Старикъ разволновался, онъ покраснѣлъ, глаза его блестѣли. Онъ всталъ съ кресла и большими шагами ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

Князь тоже всталъ. Слова Гардера поразили его. Они подтверждали все, что онъ видѣлъ и слышалъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ будили въ немъ смутное сознаніе о странной двойственности той страны, спасать которую пришли русскіе.

И, словно угадывая его мысли, Гардеръ продолжалъ:

— Васъ удивляетъ, что я такъ говорю? Я скажу вамъ больше. Вы слышали о Тугенбундѣ, основанномъ Штейномъ и Яномъ? Съ гордостью могу сказать, что я былъ однимъ изъ первыхъ членовъ его.

Князь кивнулъ голвой.

— Тугенбундъ былъ основанъ не только для борьбы съ Наполеономъ,—продолжалъ Гардеръ, одушевляясь.—Есть двѣ Пруссіи. Одна наглая, грубая, неблагодарная—Пруссія Гогенцоллерна, Бюлова, Калькрейта, Фосса и другихъ, и есть Пруссія, хранящая лучшіе идеалы, благородная и свободолюбивая—Пруссія Виланда, Гете, Шиллера, Пруссія Штейна и Арндта!..

Князь съ жаднымъ вниманіемъ слушалъ пылкія слова старика.

— О,—съ жаромъ продолжалъ Гардеръ,—мы страдаемъ не отъ одного Наполеона. Мы имѣемъ лозунгомъ—борьбу не только за внѣшнюю свободу! Нѣтъ! Мы измучились подъ властью феодаловъ. Мы, основатели Тугенбунда, были гонимы не однимъ Наполеономъ, но и своимъ королемъ. Гдѣ прекрасныя обѣщанія канцлера Гарденберга, торжественно три года тому назадъ на собраніи областныхъ депутатовъ обѣщавшаго отъ имени короля представительный образъ правленія, надѣленіе крестьянъ землею?.. Гдѣ все это? Самъ король со своими приспѣшниками—фельдмаршаломъ Калькрейтомъ, министромъ Фоссомъ и другими завѣдомо обманывали народъ! Штейнъ въ свое время сумѣлъ добиться личной свободы для крѣпостныхъ крестьянъ, и что же? Тогда само наше правительство, боясь его, донесло на него французскому правительству... И Штейнъ бѣжалъ изъ родной страны, гонимый, какъ звѣрь, и наконецъ нашелъ себѣ защиту въ лицѣ вашего великодушнаго монарха. А народъ остался попрежнему рабомъ! Я и другіе члены Тугенбунда едва спаслись и разбѣжались по глухимъ угламъ. И только теперь, когда вы пришли спасать насъ, мы снова можемъ поднять голову!.. Они дошли до того, что не хотѣли всеобщаго ополченія, боясь, что народъ, свергнувъ иго Наполеона, обратитъ свое оружіе противъ нихъ! Но ополченіе вызвано къ жизни народной душой, упорными стараніями Штейна и благороднымъ призывомъ вашего государя! Король ненавидитъ Штейна и не вѣритъ вамъ и боится васъ!..

Взволнованный старикъ замолчалъ.

Никогда князь не ожидалъ отъ этого кроткаго старика такой бури негодованія, такого страстнаго порыва. Пламенная рѣчь Гардера освѣтила ему положеніе дѣлъ. Мысли роемъ закружились въ его головѣ. «Всемірный союзъ за свободу народовъ»,—вспомнилъ онъ слова Монтроза. Да, угнетенные народы могутъ соединиться для общей борьбы. Яснѣе представилась ему и роль Штейна при русскомъ дворѣ. Онъ вспомнилъ насмѣшливую, но полную глубокаго значенія фразу дяди: «Штейнъ великій патріотъ, но

онъ хочетъ подмѣнить прусскаго короля русскимъ императоромъ».

Со стороны Штейна это былъ геніальный ходъ. Всѣмъ была извѣстна склонность императора къ либеральнымъ идеямъ. И, поставивъ его во главѣ союза, можно было смѣло надѣяться провести при его помощи, помимо желанья короля, самыя широкія реформы.

— Г. Гардеръ,—сказалъ князь,—вы открыли мнѣ новые горизонты. Я понимаю васъ и сочувствую вамъ. Въ моей странѣ тоже рабство, но мы въ лучшихъ условіяхъ, такъ какъ нашъ монархъ едва ли не сильнѣе насъ чувствуетъ, что настало время разбить цѣпи, сковавшія народъ.

— Да, въ этомъ вы счастливѣе насъ,—отвѣтилъ Гардеръ:—и дай Богъ вашей великой и великодушной родинѣ скорѣе увидѣть солнце свободы!

Ихъ разговоръ былъ прерванъ приходомъ Новикова. Съ нѣкоторымъ удивленіемъ онъ взглянулъ на взволнованныя лица собесѣдниковъ. Особенно поразило его волненіе князя, въ послѣднее время словно окаменѣвшаго въ холодномъ, мрачномъ равнодушіи.

Старикъ по обыкновенію радушно встрѣтилъ его.

— Вашъ товарищъ передалъ грустную вѣсть,—сказалъ онъ:—вамъ надо завтра выступать. Куда вы назначены?

Новиковъ сказалъ.

— Богъ сохранитъ васъ,—съ чувствомъ произнесъ Гардеръ.

Новиковъ оглянулся по сторонамъ, ища глазами Герту, и вдругъ вскрикнулъ:

— Фрейленъ Герта! Вы!..

Его возгласъ имѣлъ такое странное выраженіе, что князь быстро обернулся и застылъ пораженный.

Вся розовая отъ смущенія, на порогѣ стояла Герта. Но гдѣ ея великолѣпныя косы!..

Нѣсколько мгновеній длилось молчаніе. Старый Готлибъ съ глубокой нѣжностью глядѣлъ на свою дочь.

Первый опомнился Новиковъ. Онъ быстро сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ Гертѣ.

— Фрейленъ Герта,—съ волненіемъ произнесъ онъ:—что вы сдѣлали!

Она еще больше покраснѣла, но не опустила глазъ.

— Вотъ,—гордо отвѣтила она, протягивая руку, украшенную желѣзнымъ кольцомъ.

Съ глубокимъ, почти благоговѣйнымъ чувствомъ Новиковъ бережно взялъ эту тонкую дѣтскую ручку и, наклонившись, поднесъ ее къ губамъ. Герта не отняла руки, и порывъ молодого офицера и самому Гардеру показался вполнѣ естественнымъ.

Князь тоже былъ тронутъ.

— Фрейленъ Герта, намъ нечего говорить. Дайте и мнѣ вашу руку,—произнесъ онъ.

Герта протянула ему руку, и онъ тоже поцѣловалъ ее.

Къ Гертѣ сразу вернулась ея непринужденная веселость. Она казалась счастливой.

— А гдѣ же третій?—спросила она.

— Онъ ушелъ готовиться къ отъѣзду,—отвѣтилъ Новиковъ.— Онъ завтра выступаетъ.

— А вы?—спросила Герта.

— И мы съ нимъ,—отозвался князь.

Герта мгновенно поблѣднѣла и рѣзко отвернулась.

— Вотъ какъ,—тихо сказала она.—Я пойду распоряжусь...

И она торопливо выбѣжала изъ комнаты. Вѣрный Рыцарь ждалъ ее у порога.

Дѣвушка сбѣжала съ крыльца и бросилась въ глубину сада. Рыцарь тихо, безъ обычнаго лая, бѣжалъ за ней. Онъ понималъ, что Герта бѣжитъ по глухимъ дорожкамъ сада не для игры. Въ заросшемъ травой и кустами углу сада подъ большимъ столѣтнимъ каштаномъ дѣвушка тихо опустилась на старую скамейку и закрыла руками лицо. Вѣрный Рыцарь тихо и ласково ткнулъ въ ея руки холоднымъ носомъ. Герта открыла лицо, порывисто обняла Рыцаря за шею и, прижавшись лицомъ къ его мордѣ, закрыла глаза и замерла...

VIII.

Поговоривъ еще нѣсколько минутъ со старикомъ, молодые люди пришли къ себѣ наверхъ.

— Черезъ часъ обѣдъ, приходите,—сказалъ Гардеръ.

Молодые люди поблагодарили.

У себя князь передалъ Новикову свой разговоръ со старикомъ. Новиковъ слушалъ его съ большимъ интересомъ.

— Да,—съ горечью сказалъ онъ:—это все такъ. Конечно, мы дадимъ имъ свободу. Мы купимъ ее для нихъ нашей кровью. Мы расчистимъ передъ ними пути къ процвѣтанію и могуществу, а сами останемся жалкими рабами.

— А императоръ!—воскликнулъ князь.

Новиковъ покачалъ головой.

— Улита ѣдетъ—когда-то будетъ,—отвѣтилъ онъ.—Да и когда кончится эта война? Но у насъ есть свой Тугенбундъ и, съ Божьей помощью, мы тоже постараемся что-нибудь сдѣлать.

Друзья принялись за сборы своего несложнаго багажа, продолжая обмѣниваться замѣчаніями.

— Да,—говорилъ Новиковъ,—послѣ того, что ты мнѣ сказалъ, для меня многое понятно. И эта странная рознь между офицерами регулярной арміи короля и ополченцами и разница отноше-

ній къ намъ со стороны властей и народа. Нѣтъ, ужъ если сражаться рука объ руку, то я предпочелъ бы стоять въ рядахъ ландвера, а не съ господами Герцфельдами.

— Не все ли равно, гдѣ умирать,—прежнимъ тономъ произнесъ князь, къ которому вновь вернулось обычное настроеніе.

Его взглядъ упалъ на аккуратно сложенныя въ глубинѣ чемодана кружевныя женскія перчатки. Это были перчатки, данныя ему при его посвященіи въ масоны. Онъ суевѣрно хранилъ ихъ, не рѣшаясь разстаться съ ними. Эти перчатки были предназначены имъ Иринѣ, но онъ не отдалъ ихъ, по какому-то странному чувству, передъ отъѣздомъ. Онѣ казались ему «ея» вещью—тонкой связью, оставшейся между ними, и онъ не хотѣлъ порывать этой связи... Какъ будто онъ имѣлъ какое-то порученіе къ Иринѣ, еще не исполненное, но исполненіе котораго доставитъ ему и радость и счастье. Эти перчатки будили въ немъ и тоску, и мечты, и воспоминанія.

Задумался и Новиковъ.

Когда они спустились внизъ, Герта уже сидѣла за столомъ. Въ ней не было обычнаго оживленія. Она была спокойна и серьезна. Новиковъ дѣлалъ неудачныя попытки оживить общее настроеніе, но это ему плохо удавалось. Его шутки были принужденны, его смѣхъ натянутъ. За обѣдомъ почти не ѣли, и обѣдъ кончился въ тягостномъ молчаніи.

Всѣхъ выручилъ приходъ Зарницына. Онъ ворвался въ комнату радостный и сіяющій.

— Добрый день, дорогой г. Гардеръ; добрый день, фрейлинъ...

Онъ словно поперхнулся и остался съ раскрытымъ ртомъ и изумленнымъ взоромъ.

Лицо его было до того комично, что ему невольно отвѣтили дружнымъ смѣхомъ. Веселѣе всѣхъ смѣялась Герта.

Зарницынъ улыбнулся.

— А,—воскликнулъ онъ:—всѣ смѣются, значитъ, все хорошо. Такъ вотъ кто эта дѣвушка съ золотыми косами, о которой говоритъ уже весь городъ!

Герта вспыхнула.

— Не смущайтесь, дорогая фрейленъ,—продолжалъ Семенъ Гаврилычъ:—ей-Богу, вы сегодня героиня. О васъ уже извѣстно королю, и, знаете, ей-Богу, это правда, изъ вашихъ волосъ плетутъ уже кольца и браслеты и продаютъ въ ратушѣ. А, вѣдь, прошло только нѣсколько часовъ!

— Что ты говоришь!—воскликнулъ Новиковъ.

— Вотъ тебѣ крестъ,—быстро крестясь, отвѣтилъ Зарницынъ:—я самъ слышалъ разговоръ двухъ ополченцевъ.

Герта закрыла лицо руками.

— Ура, дорогая фрейлинъ,—подбѣжалъ къ ней Зарницынъ:—а вы, ей-Богу, стали лучше прежняго! Какой изъ васъ вышелъ бы теперь дивный кавалеристъ.

Онъ безцеремонно отвелъ отъ лица ея руки и горячо пожалъ ихъ.

— А теперь, дорогая фрейлинъ, ради Бога, помогите.

Весело улыбаясь, Герта кинула на него вопросительный взглядъ.

— Въ чемъ дѣло?

— Сейчасъ съ партизанскимъ отрядомъ я отбилъ обозъ одного изъ маршаловъ,—балагурилъ Зарницынъ,—и не знаю, куда дѣть провіантъ. А такъ какъ мы завтра уѣзжаемъ, то имѣемъ честь пригласить васъ сегодня на ужинъ или, какъ говоримъ мы, русскіе, на отвальную. Помогите же мнѣ распорядиться.

Герта, смѣясь, послѣдовала за нимъ. Въ сѣняхъ стояли два солдата съ большими корзинами.

Герта даже всплеснула руками.

— Да, тутъ, дѣйствительно, цѣлый транспортъ,—воскликнула она.

Рыцарь уже суетился около корзинъ, жадно обнюхивая ихъ.

— Погоди, пріятель,—смѣялся Зарницынъ, лаская собаку,—и ты покушаешь сегодня не хуже французскаго маршала.

Корзины были перенесены въ кухню, и Герта только ахала, вынимая ихъ содержимое. Представлялось прямо удивительнымъ, гдѣ и какъ могъ добыть Зарницынъ эти коньякъ, рейнскія вина, ликеры, паштеты, страсбургскіе пироги, дичь и Богъ знаетъ, что еще! Онъ только посмѣивался, но своей тайны не открылъ.

Оба солдата были оставлены на помощь Гертѣ и со свойственной русскимъ солдатамъ расторопностью и дѣловитостью принялись за работу.

Когда Зарницынъ вернулся въ столовую, онъ не засталъ Новикова. Не было его и наверху; Данила Иванычъ куда-то исчезъ.

Между княземъ и Готлибомъ опять возобновился разговоръ на прежнюю тему.

— Повѣрьте,—говорилъ Гардеръ:—народъ цѣнитъ и любитъ русскихъ освободителей. Недоброжелательство администраціи исходитъ отъ придворной партіи...

Веселое лицо Зарницына приняло серьезное выраженіе.

— Къ сожалѣнію, г. Гардеръ,—вмѣшался онъ въ разговоръ:—не всѣ похожи на васъ. Я имѣю и другія свѣдѣнія.

Гардеръ насторожился.

— Что такое?—спросилъ князь.—Я не замѣчалъ со стороны населенія дурного отношенія къ намъ.

— Это потому,—отвѣтилъ Зарницынъ:—что ты не шелъ вмѣстѣ съ арміей. Конечно, пока мы гдѣ-нибудь были, населеніе показывало намъ расположеніе, можетъ быть, изъ боязни, а, можетъ

быть, и въ искреннемъ порывѣ. Но стоило уйти съ мѣста, какъ вслѣдъ за нами летѣли жалобы и требованія вознагражденія за убытки, яко бы причиненные нами.

— Не можетъ быть!—воскликнулъ Гардеръ:—это единичные случаи.

Зарницынъ покачалъ головой.

— Да, бѣднѣйшее населеніе,—сказалъ онъ,—было искренно и радушно. Но тотъ, у кого хоть что-нибудь было, спѣшили съ жалобами. Всѣ убытки, что понесли они во время прохожденія въ прошломъ году французскихъ войскъ, они старались возмѣстить за счетъ русскихъ. Это печальная правда, г. Гардеръ. Наши штабы завалены жалобами и исками. Ваши бюргеры безсовѣстно лгали, обманывали, приписывали намъ то, что сдѣлали французскія войска. Я сейчасъ изъ полка. Тамъ уже образовали комиссію для разсмотрѣнія этихъ жалобъ...

— О, Боже мой,—прошепталъ Гардеръ:—это выродки!

— Ты увидишь,—быстро произнесъ Зарницынъ по-русски, обращаясь къ князю:—что будетъ дальше...

— Нѣтъ,—воскликнулъ Гардеръ:—это не будетъ такъ продолжаться. Клянусь вамъ, что лучшая часть народа презираетъ этихъ мирныхъ мародеровъ. Вы увидите, что чѣмъ дальше вы будете подвигаться, тѣмъ больше васъ будутъ цѣнить. Правительство старается внушить недовѣріе къ вамъ, распускаются слухи, что вы хотите оставить навсегда за собой Силезію и Померанію, пользуясь нашей слабостью... Нѣтъ, нѣтъ, этого не можетъ быть! Вы увидите...

— Да, мы увидимъ,—отвѣтилъ Зарницынъ.

Князь слушалъ, опустивъ голову. Что же происходитъ на самомъ дѣлѣ? Или этотъ старый идеалистъ увлекается, или Зарницынъ преувеличиваетъ.

— Увидимъ,—тихо повторилъ онъ.—Можетъ быть, прусскій народъ повѣритъ въ наше безкорыстіе, когда пойметъ, что мы идемъ за его свободу, гремя собственными цѣпями...

— Одно я могу сказать,—началъ Зарницынъ:—только ратники ландвера видятъ въ насъ братьевъ по оружію. Но они сами въ пренебреженіи у регулярной арміи. Ихъ чуть не открыто называютъ сбродомъ и бродягами. Ни одинъ послѣдній волонтеръ-солдатъ королевской арміи не согласится пойти въ ландверъ даже офицеромъ. Но, г. Гардеръ,—добавилъ Зарницынъ, видя искреннее огорченіе старика,—вѣдь походъ только что начался, вы правы, мы еще недостаточно знакомы другъ съ другомъ. Можетъ быть, всѣ эти углы сгладятся. Я хотѣлъ бы вѣрить этому для васъ самихъ...

Лицо стараго мечтателя просіяло. Онъ горячо пожалъ руку Зарницыну.

— И вѣрьте, вѣрьте,—съ жаромъ сказалъ онъ:—я знаю мой народъ.

«По Шиллеру и Гете, пожалуй», съ невольной насмѣшкой подумалъ князь.

И князь, и Зарницынъ, оба почувствовали неловкость такого разговора, тѣмъ болѣе, что они не хотѣли огорчать старика. Они постарались перевести разговоръ на другія темы, и старикъ скоро повеселѣлъ и оживился.

IX.

Шумъ города замиралъ, сливаясь въ одинъ неопредѣленный гулъ... Гдѣ-то далеко прозвучалъ и замеръ призывъ трубъ на вечернюю молитву. Донесся рокотъ барабановъ. Тишина опускалась на шумный городъ, и, казалось, съ этой благоуханной тишиной весенней ночи слетали блаженныя грезы и мирные сны на грозные полки, готовящіеся къ кровавымъ боямъ, и на жителей города, обреченнаго невѣдомой судьбѣ въ ужасахъ войны.

Столовая была ярко освѣщена и столъ убранъ по праздничному. Никогда на скромномъ столѣ стараго музыканта не было такого разнообразія винъ и всякой ѣды. Старикъ только покачивалъ головой.

Герта была лихорадочно оживлена и безъ умолку говорила, словно не хотѣла дать себѣ возможности задуматься. Въ такомъ же настроеніи былъ и Новиковъ. Князь старался тоже быть веселымъ, но ему это плохо удавалось. Его сердце болѣло все той же неперестающей тупой болью, которая почти ни на минуту не оставляла его съ самаго выѣзда изъ Петербурга. Одинъ только Зарницынъ былъ искренне и неподдѣльно веселъ. Онъ чувствовалъ себя свободнымъ, какъ птица. Онъ былъ молодъ, здоровъ. Война была его стихіей, и судьба, казалось, берегла его среди самыхъ отчаянныхъ предпріятій. Онъ шутилъ, смѣялся, подливалъ вина то Гертѣ, то Гардеру, выдумывалъ всевозможныя здравицы. Когда онъ провозгласилъ здравицу за Герту, то всѣ трое крикнули ура.

Новиковъ подошелъ чокнуться съ молодой дѣвушкой. Когда онъ протянулъ бокалъ, чтобы чокнуться, Герта чуть не выронила своего бокала. Она увидѣла на мизинцѣ правой руки Данилы Ивановича искусно сплетенное изъ золотистыхъ волосъ кольцо. Она сильно поблѣднѣла и расширенными глазами взглянула прямо въ глаза Новикова. Онъ отвѣтилъ ей глубокимъ взглядомъ, полнымъ тайнаго ожиданія.

Она чокнулась, и ихъ пальцы на мгновеніе соприкоснулись.

Окна въ садъ были открыты, и широкая, благоухающая волна вливалась въ нихъ. Озаренный луною, садъ походилъ на сказочную декорацію. Городъ совсѣмъ затихъ.

— Боже, какая ночь!—вздохнулъ старикъ.—Развѣ въ такую ночь не наполняется душа ужасомъ при мысли о моряхъ крови, проливаемыхъ въ братоубійственной рѣзнѣ. Вѣдь міръ Божій такъ прекрасенъ...

— Онъ отвратителенъ,—рѣзко произнесъ князь:—человѣкъ въ этомъ мірѣ—игралище чуждыхъ враждебныхъ силъ. Позоръ, нищета, болѣзни, предательство, разочарованія, безсмысленныя мечты и кровь,—вотъ изъ чего сплетается жизнь человѣка!

Новиковъ съ удивленіемъ взглянулъ на князя. Онъ не ожидалъ отъ своего всегда сдержаннаго товарища такой вспышки.

— Грустно, если человѣкъ въ вашемъ возрастѣ можетъ такъ думать,—тихо сказалъ Гардеръ.

— Оставимъ этотъ разговоръ,—сухо сказалъ князь.—Зачѣмъ портить настроеніе другимъ?

Онъ всталъ и подошелъ къ окну. Эта ночь раздражала его и томила его душу... Безконечная жажда любви наполняла его сердце. Все его существо рвалось и тянулось къ далекому сѣверу, гдѣ теперь бѣлыя ночи, гдѣ золотая заря, не померкая, дробится на гладкой поверхности Невы, гдѣ оставилъ онъ то, что было единственно дорого ему въ жизни и отъ чего онъ долженъ былъ отречься.

Послышался отдаленный топотъ. Все ближе.

— Кавалерійскій отрядъ!—крикнулъ Зарницынъ. Всѣ бросились къ окнамъ.

Теперь уже ясно слышался мѣрный стукъ копытъ на улицѣ за садомъ.

Прошло нѣсколько мгновеній, и вотъ, заглушая шумъ копытъ, вдругъ раздались звуки воинственной пѣсни.

Чей-то мужественный голосъ пѣлъ:

«Живѣе, друзья! На коня, на коня!
На поле, на волю честную!
На полѣ, на волѣ ждетъ доля меня,
И сердце подъ грудью я чую!
Мнѣ въ полѣ защитниковъ нѣтъ никого;
Одинъ я стою за себя одного» [1]).

При первыхъ звукахъ пѣсни Герта насторожилась.

— Это ландверъ!—воскликнула она и бросилась изъ комнаты.

Черезъ минуту ея свѣтлая фигура промелькнула въ саду, въ полосѣ луннаго свѣта.

Не долго думая, Новиковъ въ одно мгновеніе былъ уже въ окнѣ и, спрыгнувъ въ садъ, побѣжалъ за ней.

Онъ нашелъ Герту тамъ же, гдѣ и утромъ, на заборѣ и примо-

---

[1]) «Военная пѣсня» Шиллера, переводъ Л. Мея.

стился рядомъ съ ней. Вся блѣдная, она взглянула на него блестящими глазами, съ легкой улыбкой.

Озаренные луной, медленно подвигались по улицѣ всадники.

А голосъ крѣпнулъ, ширился и звучалъ, какъ вызовъ.

«Нѣтъ воли на свѣтѣ! Владыки казнятъ
Рабовъ безотвѣтно послушныхъ...
Притворство, обманъ и коварство царятъ
Надъ сонмомъ людей малодушныхъ!
Кто смерти безтрепетно выдержитъ взглядъ,
Одинъ только воленъ... А кто онъ?—солдатъ!
Житейскія дрязги съ души онъ долой;
Нѣтъ страха ему и заботы!
Онъ смѣло судьбу вызываетъ на бой—
Не нынче, такъ завтра съ ней счеты.
А завтра—такъ что же! Вѣдь чаша полна!
Сегодня жъ ее мы осушимъ до дна!

Всадники уже проѣхали, и издали донесся, какъ боевой кличъ, послѣдній аккордъ напѣва:

«Живѣй же, друзья, вороного сѣдлай;
Бой жаркую грудь расхолодитъ!
И юность, и жизнь такъ и бьютъ черезъ край...»

. . . .

Послѣдніе звуки замерли вдали, а Герта все еще смотрѣла вслѣдъ темнымъ силуэтамъ всадниковъ.

— О чемъ вы думаете, Герта?—тихо спросилъ ее Новиковъ, какъ-то невольно называя ее просто Гертой.

Она медленно повернула къ нему блѣдное лицо и отвѣтила:

— Я завидую имъ.

И она тихо повторила напѣвъ:

«А завтра... Такъ что же! Вѣдь чаша полна!
Сегодня же ее мы осушимъ до дна!»

Герта легко спрыгнула и медленно пошла по дорожкѣ къ дому.

Новиковъ догналъ ее.

— Да, сегодня, Герта,—началъ онъ, осторожно беря ее за руку:—завтра уже не принадлежитъ намъ. Завтра мы разстанемся надолго, можетъ быть, навсегда.

Онъ почувствовалъ легкое пожатіе ея руки и поднесъ ее къ своимъ губамъ.

Она не отняла руки и все такъ же медленно шла съ опущенной головой.

— Будете ли вы вспоминать обо мнѣ, Герта?—спросилъ онъ.

— Я не забуду васъ,—услышалъ онъ тихій отвѣтъ.

Она освободила свою руку. Лицо ея приняло строгое, печальное выраженіе.

— Я не забуду васъ,—продолжала она:—но, можетъ быть, мы увидимся съ вами скоро... Кто знаетъ!

Новикову безумно хотѣлось схватить въ объятья эту блѣдную, такую прекрасную дѣвушку и цѣловать ея печальные глаза, ея золотые кудри. На мгновенная мысль обожгла его. Зачѣмъ? И что будетъ дальше? Какое право имѣетъ онъ возмущать ея покой, онъ, идущій на невѣдомую судьбу? Развѣ можетъ связать онъ теперь свою жизнь, ему не принадлежащую, съ чужой, едва расцвѣтающей жизнью? Онъ сдержалъ свой порывъ.

— Герта,—началъ онъ:—эти немногіе дни, которые я провелъ здѣсь, останутся моимъ лучшимъ воспоминаніемъ. И если я останусь живъ, я вернусь къ вамъ, я вернусь сюда...

Его голосъ прервался. Онъ удержалъ готовое сорваться признаніе...

Она вдругъ остановилась и словно ждала. Она казалась свѣтлымъ видѣніемъ въ своемъ бѣломъ платьѣ, въ лунномъ мягкомъ сіяніи.

Нѣсколько мгновеній длилось молчаніе. Она первая нарушила его.

— Прощайте,—печально сказала она:—но только помните всегда, въ минуты опасности, въ бою, что вы дороги мнѣ, что моя мысль, моя душа неотступно будетъ съ вами, и если небо не остается глухимъ къ нашимъ молитвамъ,—Богъ сохранитъ васъ.

Она подняла на звѣздное небо вдохновенный взоръ.

— Прощайте же! Здѣсь ли, тамъ ли,—она подняла руку къ далекому небу:—но мы еще встрѣтимся.

И прежде, чѣмъ Новиковъ успѣлъ сдѣлать движеніе, она повернулась и побѣжала къ дому.

Онъ долго стоялъ и смотрѣлъ ей вслѣдъ. Страшная тоска, словно сознаніе безвозвратной потери, наполнила его душу. Развѣ онъ не безуменъ! Отчего не взялъ онъ счастья, которое такъ неожиданно встрѣтило его на пути? Отчего не обогатилъ своей пустынной жизни хоть одной минутой счастья? Этихъ минутъ такъ мало, такъ безконечно мало, и онѣ не повторяются!..

Онъ вернулся домой. Его друзья уже прощались съ Гардеромъ.

— Мы еще увидимся, увидимся завтра,—твердилъ растроганный старикъ.—Мы проводимъ васъ...

Окончивъ послѣднія приготовленія, друзья рѣшили отправиться изъ дому на разсвѣтѣ прямо въ легкій кирасирскій полкъ, гдѣ служилъ Зарницынъ, устроившій для Новикова и князя лошадей изъ числа заводныхъ, и продолжать путь уже вмѣстѣ съ полкомъ.

Зарницынъ и Бахтѣевъ скоро заснули. Но Новиковъ заснуть не могъ.

Онъ сидѣлъ у открытаго окна, и сладкія и печальныя мысли овладѣли имъ. Непробудная тишина царила вокругъ. Но вдругъ онъ вздрогнулъ и прислушался. Снизу послышались тихіе, печальные звуки какой-то незнакомой мелодіи. Сперва тихіе, словно издалека доносившіеся звуки стали громче, отчетливѣе и, казалось, наполняли собой весь дремлющій садъ и страстной тоскою и безконечнымъ восторгомъ дрожали въ воздухѣ.

Новиковъ узналъ скрипку. Звуки лились, какъ слезы. Словно чье-то сердце плакало о чудной несбыточной мечтѣ и молило и ждало чуда—вернуть невозвратное, сдѣлать доступнымъ недостижимое. Блаженныя воспоминанія минувшаго, горечь настоящаго, страхъ темнаго будущаго, минутный крикъ торжества сливались въ одну молитву, возносящуюся къ безстрастнымъ звѣздамъ, къ безотвѣтному небу. Невысказанное и несказуемое, все, что таится въ душѣ человѣка, въ ея тайникахъ, все, чему нѣтъ выраженія на человѣческомъ языкѣ, изливалось въ этихъ звукахъ. Скрипка пѣла... Она пѣла о блаженныхъ страданіяхъ любви, о радости перваго свиданія, о горѣ разлуки, о счастьи, котораго нѣтъ, но которое могло бы быть... Скрипка рыдала, ликовала, молилась и плакала...

Новиковъ чувствовалъ, какъ непривычныя, незнакомыя съ дѣтства слезы закипали въ его душѣ, какъ сердце его переполнялось любовью, нѣжностью, отчаяніемъ... Волшебныя дали раскинулись передъ нимъ, иной міръ рисовался обманчивымъ миражемъ передъ его внутреннимъ взоромъ, міръ недостижимый, какъ потерянный рай.

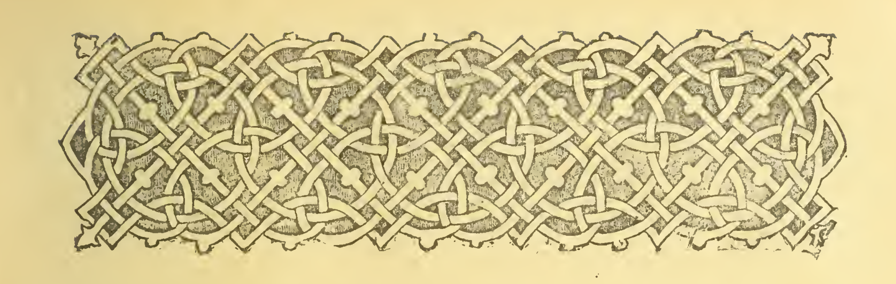
Судороги сдавили его горло, онъ опустилъ на руки голову и уже не могъ сдержать слезъ.

А внизу, у окна, блѣдный, какъ мраморъ, стоялъ старый Готлибъ со своей волшебной скрипкой; его горящіе глаза были устремлены въ садъ и, казалось, созерцали чудныя видѣнья, рѣявшія въ лунномъ сіяніи, и въ морщинахъ его стараго лица застыли слезы. А на полу у его ногъ, на колѣняхъ, сложивъ молитвенно руки, стояла Герта...

Ф. Заринъ-Несвицкій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

САНЪ-СТЕФАНО[1].

(Записки графа Н. П. Игнатьева съ примѣчаніями А. А. Башмакова и К. А. Губастова).

XIII.

СЪ ВОЗОБНОВЛЕНІЕМЪ переговоровъ въ Санъ-Стефано явился на засѣданіе и второй турецкій уполномоченный Садуллахъ-бей. Онъ не скрывалъ своего крайняго неудовольствія быть вынужденнымъ на такую «непріятность» и горько сѣтовалъ на свою судьбу. Личность его давно была извѣстна русскому посольству въ Константинополѣ съ неблагопріятной стороны. Несимпатична была роль, которую онъ игралъ не только въ Константинополѣ и въ Берлинѣ въ послѣдніе два года, но и въ Болгаріи, гдѣ онъ дѣйствовалъ въ качествѣ предсѣдателя знаменитой слѣдственной комиссіи, посланной на мѣста произведенныхъ мусульманами звѣрствъ и выбивавшейся изъ силъ, чтобы обѣлить своихъ единовѣрцевъ и очернить болгаръ предъ Европою. Членъ «Молодой Турціи» и единомышленникъ Митхада-паши, онъ въ продолженіе своей службы въ Портѣ всегда былъ болѣе склоненъ къ Англіи, нежели къ Россіи, и лишь честолюбіе заставило его не увлекаться вполнѣ конституціонными бреднями передовыхъ турокъ, желавшихъ подъ симпатичнымъ Англіи и либеральной Европѣ флагомъ искоренить національныя стремленія хри-

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXL, стр. 772.

стіанскихъ народностей Турціи и удовлетворить вожделѣнія панисламизма униженіемъ Россіи на Востокѣ. Направленіе его мыслей не предвѣщало русскимъ уполномоченнымъ ничего благопріятнаго: ни облегченія въ ходѣ переговоровъ, ни благоразумной уступчивости предъ заявленными нами требованіями, въ особенности относительно Болгаріи, ни искренности въ желаніи установить прочное согласіе съ Россіею.

Въ послѣдней инструкціи, данной Ону, которую онъ уполномоченъ былъ показать, въ случаѣ надобности, турецкимъ министрамъ, заключалось, между прочимъ, слѣдующее: «Оттоманское правительство, повидимому, потеряло изъ виду важность и опасность нынѣшней минуты и взаимное наше положеніе, а равно совершенную неотложную необходимость прійти безотлагательно къ ясному и окончательному рѣшенію. Неопредѣленность, которой мы подверглись, не можетъ продолжаться. Продлить это состояніе неосновательными предложеніями поведетъ лишь къ умноженію жертвъ, весьма чувствительныхъ для обѣихъ странъ. Казалось бы, что Порта болѣе всѣхъ заинтересована замѣнить нынѣшнее временное, военное по существу, положеніе дѣйствительнымъ миромъ, откровеннымъ, прочнымъ и разсчитаннымъ на продолжительность, которая обезпечила бы существованіе и безопасность Турецкой имперіи, принявъ въ основательное соображеніе происшедшія событія и совершившіеся факты, измѣнить которые уже невозможно. Постарайтесь сговориться съ турецкими государственными людьми, выяснивъ имъ хорошенько вышеуказанную точку зрѣнія и обративъ ихъ вниманіе въ особенности на неминуемую опасность, которой подвергнется Турція, если вмѣсто быстраго и яснаго рѣшенія намъ будутъ предъявлены недостаточныя и ложныя уступки, не отвѣчающія ни требованіямъ минуты, ни правильно понятымъ интересамъ обоихъ государствъ, призванныхъ отнынѣ жить въ дружбѣ, не подвергаясь недоразумѣніямъ, могущимъ нарушить ихъ добрыя отношенія и взаимное спокойствіе.

«Мы предпочитаемъ дружелюбное соглашеніе необходимости, въ которую мы будемъ поставлены, вопреки нашимъ желаніямъ, въ случаѣ, если бы переговоры затянулись: или принять, по волѣ турецкихъ уполномоченныхъ или Порты, такое направленіе, которому мы не имѣемъ права послѣдовать, или же прибѣгнуть къ средствамъ, которыя мы желали бы впредь исключить совершенно изъ отношеній нашихъ съ Портою. Но мы, однакоже, поставлены въ невозможность поступить иначе, какъ назначить послѣдній и неизмѣнный срокъ для принятія или категорическаго отклоненія нашихъ предложеній, какъ только убѣдимся въ намѣреніи затягивать безконечно переговоры и отложить рѣшеніе существенныхъ вопросовъ, требующихъ прежде всего яснаго и точнаго опредѣленія, до будущихъ соглашеній».

Нѣтъ сомнѣнія, что такое сообщеніе Портѣ не заключало еще ультиматума, не желаемаго княземъ Горчаковымъ, но оно было весьма серьезнымъ и знаменательнымъ предостереженіемъ, значеніе котораго не ускользнуло отъ вниманія турецкаго правительства, которое, по долголѣтнему опыту, знало, что шутить съ бывшимъ русскимъ посломъ нельзя.

Такое рѣшительное предостереженіе тѣмъ болѣе должно было произвести на Порту впечатлѣніе, что оно было заявлено русскимъ уполномоченнымъ до истеченія двадцати четырехъ часовъ послѣ приближенія главной квартиры и значительнаго русскаго отряда къ стѣнамъ Стамбула.

Хотя Ону сообщилъ самыя успокоительныя свѣдѣнія послѣ бесѣды съ турецкими министрами, но, когда во время конференціи пришлось назначить окончательныя границы княжества Болгарскаго и Сербіи, Савфетъ-паша опять оказался безъ инструкцій и сталъ просить отсрочки на двадцать четыре часа, такъ что въ теченіе 13-го февраля уполномоченные успѣли скрѣпить своими подписями лишь статьи о Румыніи и торговлѣ. При этомъ случаѣ русскіе уполномоченные успѣли убѣдиться, что, какъ предвидѣлъ Игнатьевъ, участіе въ конференціяхъ Садуллахъ-бея не будетъ способствовать облегченію и ускоренію хода переговоровъ. Вотъ почему уполномоченные были вынуждены потребовать, чтобы дополнительныя инструкціи Порты были доставлены Савфету до полудня 14-го, и выказать холодность верховному визирю, въ отвѣтъ на желаніе его явиться въ Санъ-Стефано, давъ ему понять, что его считаютъ за приверженца Англіи и личнаго друга Лайярда.

14-го числа, вечеромъ, послѣ двухъ продолжавшихся нѣсколько часовъ утомительныхъ конференцій, убѣдившись еще разъ, что дѣло не двигается, Игнатьевъ былъ вынужденъ снова телеграфировать Ону: «Порта не прислала письменнаго разрѣшенія, необходимаго турецкимъ уполномоченнымъ для того, чтобы подписать предложенныя имъ нами условія: Ахметъ-Вефикъ, очевидно, насъ обманываетъ. Шесть часовъ спорили, не разрѣшивъ граничнаго болгарскаго вопроса, ни сербскаго, ни военнаго вознагражденія». Шифрованная телеграмма эта кончалась выраженіемъ не шифрованнымъ, для того, чтобы визирь могъ прочесть: «Положеніе становится невыносимымъ».

Такъ какъ Игнатьеву было тяжело разстаться съ мыслью взять у турокъ нѣсколько броненосцевъ съ тѣмъ, чтобы положить начало созданію нашего черноморскаго броненоснаго флота, то уполномоченные послали канцлеру слѣдующую телеграмму въ отвѣтъ на его приказаніе не настаивать на сдачѣ намъ броненосцевъ:

«Просимъ сохранить это рѣшеніе въ совершенной тайнѣ, такъ какъ мы намѣрены воспользоваться имъ лишь въ самую послѣднюю минуту», т.-е. тогда, когда получится полное удостовѣреніе въ со-

вершенной невозможности убѣдить турокъ согласиться на миролюбивую уступку намъ броненосцевъ.

Вечеромъ 14-го уполномоченные послали слѣдующую телеграмму канцлеру: «Уладили съ турецкими уполномоченными вопросъ Босніи и Герцеговины, острова Крита и остальныхъ христіанскихъ областей Балканскаго полуострова, аѳонскихъ монастырей, духовенства и русскихъ паломниковъ, торговыхъ сношеній и юрисдикціи. размѣна военно-плѣнныхъ [1]). Остались только на завтра границы Болгаріи и Сербіи и военное вознагражденіе. Въ виду непрочности положенія вещей въ Стамбулѣ и мѣстныхъ иностранныхъ интригъ, считаемъ необходимымъ достигнуть Высочайшихъ ратификацій договора, имѣющаго быть заключеннымъ, ибо отсутствіе султанскаго утвержденія можетъ оставить спорнымъ то, что будетъ здѣсь оговорено. Гдѣ хотите установить обмѣнъ ратификацій—въ Стамбулѣ или въ Петербургѣ? Казалось бы, что послѣдній надо бы предпочесть, какъ представляющій болѣе безопасности. Мы могли бы внушить мысль объ отправленіи чрезвычайнаго турецкаго посла, который бы отправился въ Петербургъ одновременно со мною и привезъ ратификацію султана».

Уполномоченные отправили вторую телеграмму канцлеру 15-го вечеромъ:

«Мы никакъ не могли сговориться съ турецкими уполномоченными касательно границъ Сербіи. Турки не хотятъ никакъ допустить, чтобы Черногорія сдѣлалась пограничною съ Сербіею».

Далѣе уполномоченные телеграфировали 15-го вечеромъ:

«Мы не могли рѣшить ни вопроса о границахъ Болгаріи, ни въ особенности предложеннаго распространенія границъ Сербіи къ р. Лиму. Очевидно, что хотятъ оттягивать переговоры. Предупредите турокъ, что это кончится для нихъ весьма плачевно».

Въ этотъ день верховный визирь явился съ визитомъ въ Санъ-Стефано къ главнокомандующему и разсыпался въ любезностяхъ и увѣреніяхъ въ искренности своей и въ желаніи доставить намъ полное удовлетвореніе. Онъ привѣтствовалъ великаго князя отъ имени султана и слезно просилъ о смягченіи нашихъ требованій. Визирь употребилъ все свое вкрадчивое краснорѣчіе, чтобы себя обѣлить въ глазахъ его высочества и увѣрить великаго князя, что султанъ жаждетъ съ нимъ лично познакомиться, свидѣться и сблизиться. При этомъ, сознавая, что могутъ возникнуть большія затрудненія въ способѣ отданія султаномъ главнокомандующему визита, хитрый визирь старался подготовить почву и устранить излишнюю, по турецкимъ понятіямъ, требовательность нашу,

---

[1]) Въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ къ Босно-Герцеговинѣ относится статья 14; о Критѣ говоритъ ст. 15; объ Аѳонѣ и православныхъ паломникахъ ст. 22; о торговлѣ—ст. 24; о военно-плѣнныхъ—ст. 28. А. Б.

распространяясь о мнимомъ страхѣ султана выходить изъ ограды своего дворца, о личныхъ опасностяхъ, ему угрожающихъ отъ фанатичныхъ мусульманъ, приписывающихъ ему всѣ бѣдствія, ихъ постигшія, о нерасположеніи султана принимать много людей за разъ, утверждая, что онъ стѣсняется говорить иначе, какъ съ глазу на глазъ съ лицомъ, имъ принимаемымъ, и проч.

Игнатьевъ, присутствовавшій при свиданіи и довѣрительномъ разговорѣ главнокомандующаго съ верховнымъ визиремъ, понявъ, что рѣчь Ахметъ-Вефика клонится къ тому, чтобы убѣдить великаго князя не требовать пріѣзда султана въ Санъ-Стефано и уменьшить свою свиту, когда его высочество поѣдетъ въ Ильдизъ-Кіоскъ, прервалъ визиря и прекратилъ его разспросы о способѣ свиданія султана съ великимъ княземъ замѣчаніемъ, что преждевременно толковать объ обмѣнѣ визитами и о церемоніалѣ, который будетъ установленъ, когда мирный договоръ еще не заключенъ и не подписанъ: мирныя отношенія еще не установлены между Россіею и Турціею, заключилъ Игнатьевъ, и, слѣдовательно, верховный визирь напрасно возбуждаетъ праздные вопросы тѣмъ болѣе, что касательно обмѣна визитовъ между султаномъ и нашими великими князьями уже существуютъ примѣры, отъ которыхъ нѣтъ причины уклоняться. Игнатьевъ напомнилъ верховному визирю, что во время его посольства Константинополь посѣщали нѣсколько разъ русскіе великіе князья и самъ Николай Николаевичъ и что при этомъ султанъ Абдулъ-Азисъ каждый разъ отдавалъ имъ визиты на русской почвѣ, т.-е. въ посольскихъ домахъ въ Перѣ и Буюкъ-дере и даже на частномъ пароходѣ русскаго общества пароходства и торговли, на которомъ плавалъ великій князь Алексѣй Александровичъ. Ахметъ-Вефикъ понялъ данный ему урокъ и тотчасъ перемѣнилъ разговоръ, утверждая, что договоръ будетъ скоро подписанъ, и умоляя уменьшить «жестокія требованія наши».

Послѣ посѣщенія великаго князя визирь посѣтилъ Игнатьева въ занимаемомъ имъ домѣ, въ которомъ нашелъ еще собранными всѣхъ уполномоченныхъ, такъ какъ Игнатьевъ вышелъ изъ конференціи только для того, чтобы быть свидѣтелемъ разговора Ахметъ-Вефика съ главнокомандующимъ. Игнатьевъ воспользовался прибытіемъ визиря, чтобы сдѣлать очную ставку между нимъ и Савфетомъ, сказавъ послѣднему, въ присутствіи Ахметъ-Вефика, что сей послѣдній далъ удостовѣреніе, что полное полномочіе дано представителямъ Порты на конференціи и что, слѣдовательно, затрудненія нынѣ должны быть немедленно устранены принятіемъ нашихъ требованій. Несмотря на свое благодушіе и обычную у турокъ податливость передъ верховнымъ визиремъ, въ особенности такимъ самовластнымъ, какъ Вефикъ, Савфетъ не могъ скрыть, даже въ присутствіи русскихъ уполномоченныхъ, свое раздраженіе противъ Порты, въ виду расточаемыхъ намъ

визиремъ увѣреній въ ея сговорчивости, тогда какъ медлили снабдить его положительнымъ разрѣшеніемъ подписать наши условія, принятыя имъ ad referendum, съ оговоркою, что они будутъ представлены на предварительное одобреніе Порты. Савфетъ усматривалъ въ этомъ двуличномъ поведеніи Вефика желаніе свалить лично на него исключительную отвѣтственность предъ мусульманскимъ міромъ за принятіе тягостныхъ для Турціи условій.

Дѣйствительно, поставленный лицомъ къ лицу съ Савфетомъ, Ахметъ-Вефикъ уклонялся отъ положительнаго утвердительнаго отвѣта на заданные вопросы и распространялся лишь въ жалобахъ на «жестокость» нашихъ настояній, на невозможность для Турціи уплатить требуемую контрибуцію и согласиться на тѣ границы, которыя мы желаемъ дать Болгаріи и Сербіи. Въ заключеніе завязавшагося разговора визирь наконецъ формально обѣщалъ, что всѣ затрудненія будутъ устранены и что договоръ будетъ подписанъ чрезъ нѣсколько дней. Тутъ русскіе уполномоченные впервые заявили пашамъ, что самый послѣдній срокъ для подписанія мира истечетъ, несомнѣнно, 19-го февраля—въ день восшествія на престолъ государя. Игнатьеву показалось, по впечатлѣнію, произведенному на пашей этимъ заявленіемъ, и ихъ отзывамъ, что оно не было для нихъ неожиданностью и что они ожидали, что днемъ подписанія мирнаго договора будетъ назначено 19-е февраля. Это должно приписать болтливости чиновъ главной квартиры или ближайшей свиты великаго князя, знавшихъ, что его высочество не скрывалъ своего желанія, чтобы миръ былъ объявленъ на парадѣ, который предполагалъ сдѣлать 19-го февраля. Замѣчательно, что самыя большія затрудненія встрѣчены были русскими уполномоченными при опредѣленіи границъ не только Болгаріи, но и Черногоріи и въ особенности Сербіи, противъ которой турки были преимущественно озлоблены, считая, что бѣдствія, постигшія Турцію, произошли отъ вступленія въ борьбу Сербіи и вмѣшательства ея въ возстаніе герцеговинцевъ. Въ сопротивленіи своемъ увеличенію Черногоріи и Сербіи Порта была поддерживаема внушеніями Австро-Венгріи, заявлявшей не только Россіи, но и Турціи, что она не можетъ потерпѣть образованія въ своемъ сосѣдствѣ опаснаго для внутренняго спокойствія Венгріи сильнаго Сербскаго княжества. Такимъ образомъ, когда рѣчь шла о Черногоріи, турецкіе уполномоченные, согласно секретному внушенію и требованію Австро-Венгріи, ни за что не хотѣли допустить присоединенія къ Черногоріи морского побережья, чтобы не доставить княжеству выхода къ морю и порта.

Сверхъ того они долго не соглашались на уступку Подгорицы, для сохраненія обаянія Турціи между албанцами. Для Босніи и Герцеговины турецкіе уполномоченные пытались ограничить требуемую нами автономію введеніемъ реформъ, предложенныхъ

Портою на константинопольской конференціи и затѣмъ упомянутыхъ въ лондонскомъ протоколѣ. Болгаріи турецкіе уполномоченные никакъ не хотѣли уступить Салоникъ и вообще дать выходъ княжеству на морское побережье. Относительно Сербіи сопротивленіе Порты было самое упорное и повело было къ полному разрыву переговоровъ. Въ особенности противились турецкіе уполномоченные территоріальному увеличенію Сербіи и вообще выказывали самое дурное расположеніе къ удовлетворенію Сербіи. Нельзя не замѣтить при этомъ, что тогда какъ требованія наши въ пользу Сербіи встрѣтили непреодолимое сопротивленіе Порты и не могли бы быть проведены безъ новаго разрыва съ турками и возобновленія военныхъ дѣйствій, добытое русскими уполномоченными послѣ крайнихъ усилій не только не удовлетворило сербовъ, но и въ Россіи не было одобрено общественнымъ мнѣніемъ, ожидавшимъ большаго. Сербы, не давая себѣ отчета въ тайныхъ проискахъ Австро-Венгріи, поддерживавшихъ упорство турокъ, чтобы подготовить почву для посѣянныхъ недоразумѣній между Россіею, Сербіею и Болгаріею, и не вѣдая встрѣченнаго русскими уполномоченными сопротивленія въ Санъ-Стефано, предполагали, что Россія можетъ [1]) доставить Сербіи не меньшее приращеніе, чѣмъ Болгаріи; поэтому они обвиняли впослѣдствіи самымъ несправедливымъ образомъ Игнатьева въ равнодушіи къ интересамъ нашихъ союзниковъ-сербовъ и въ предпочтеніи, оказанномъ якобы болгарамъ, тогда какъ изъ-за Сербіи Игнатьевъ едва было не прекратилъ совершенно переговоровъ съ турками, отказавшись отъ добытыхъ уже результатовъ. Сербы забывали, что конференція константинопольская была созвана по почину Англіи, не по сербскимъ дѣламъ, а именно для устройства Болгаріи, что русскому послу въ Константинополѣ съ величайшимъ трудомъ удалось завлечь конференцію въ обсужденіе дѣлъ черногорскихъ и сербскихъ, что Австро-Венгрія ревниво ограждала свои интересы въ сербскихъ земляхъ въ ущербъ Черногоріи и Сербіи, что манифестомъ государя, передъ переходомъ черезъ Дунай, было объявлено освобожденіе болгаръ отъ турецкаго ига, а не сербовъ, которые тогда и не участвовали въ военныхъ дѣйствіяхъ, и, наконецъ, что позднія, вялыя военныя дѣйствія Милана, двинувшаго свои войска не туда, куда слѣдовало, и не занявшаго Старой Сербіи, лишали русскихъ уполномоченныхъ возможности опереться, въ

---

[1]) Россія была связана своимъ соглашеніемъ съ Австро-Венгріею и неоднократными офиціальными заявленіями графа Андраши, что вѣнское правительство не можетъ допустить созданія значительнаго славянскаго государства на своей границѣ и что опасность внутренняя для Австро-Венгріи отъ существованія сильнаго сербскаго княжества, могущаго вліять на австрійскихъ сербовъ, такъ велика, что Австро-Венгрія готова пожертвовать своимъ послѣднимъ солдатомъ, чтобы не допустить созданія такой опасности на своей границѣ, и не остановится предъ войною. Авт.

переговорахъ съ турками, на совершившіеся факты въ пользу Сербіи. Главное затрудненіе, встрѣченное русскими уполномоченными при переговорахъ о Сербіи, произошло оттого, что при заключеніи перемирія въ Адріанополѣ въ протоколѣ основаній мира было оставлено неудовлетворительное и несоотвѣтствующее дѣйствительнымъ намѣреніямъ императорскаго правительства выраженіе: «исправленіе границъ Сербіи». Это выраженіе было употреблено въ первоначальномъ проектѣ, составленномъ въ Порадимѣ, прежде перехода нашего черезъ Балканы и выступленія сербскихъ войскъ за границы Сербскаго княжества. Очевидно, что съ открытіемъ военныхъ дѣйствій сербами, въ особенности послѣ взятія ими Ниша и занятія турецкой территоріи, а равно и побѣдоносцаго движенія нашей арміи до Адріанополя, предварительныя условія перемирія должны были быть болѣе тяжкими для турокъ и благопріятными для нашихъ союзниковъ, нежели тотчасъ послѣ взятія Плевны, но главная квартира, къ сожалѣнію, потеряла это изъ виду и, несомнѣнно, сдѣлала крупную и непоправимую ошибку, оговоривъ не увеличеніе Сербіи, а лишь исправленіе границъ. Турки не преминули симъ воспользоваться и, опираясь на тайную поддержку Австро-Венгріи и извѣстное Портѣ рѣшеніе послѣдней не потерпѣть образованія Великой Сербіи, даже цѣною войны съ Россіею, упорно противились увеличенію Сербскаго княжества. Разъ, что непосредственная опасность, грозившая султану и его столицѣ, миновала и что союзныя войска, распространявшіяся по турецкимъ владѣніямъ въ видѣ неудержимаго и всесокрушающаго потока, были остановлены въ своемъ дальнѣйшемъ наступленіи, турки уже не сознавали надобности уступать болѣе, нежели они были вынуждены согласиться въ минуту чрезвычайной опасности, казавшейся неотвратимою. Турецкіе уполномоченные постоянно ссылались на выраженіе адріанопольскаго протокола, чтобы отклонить предложенія о распространеніи владѣній княжества по Старой Сербіи.

Вотъ что доносилъ Игнатьевъ канцлеру (№ 15): «Въ теченіе нѣсколькихъ дней мы спорили съ Савфетомъ и Садуллахъ-беемъ по поводу толкованія, нами придаваемаго, неудачной статьѣ адріанопольскаго протокола о Сербіи. Турецкіе уполномоченные горячо отказываютъ въ территоріальномъ увеличеніи княжества, утверждая, что рѣчь можетъ быть лишь о незначительномъ исправленіи существующихъ границъ. Не стану утруждать ваше сіятельство изложеніемъ пропитанныхъ горечью и рѣзкихъ обвиненій, взводимыхъ уполномоченными султана на вассальное княжество, поступившее съ Турціею, по мнѣнію ихъ, нечестно и измѣннически. Такъ какъ я требовалъ уступки сербамъ Новаго Базара, то они объявили мнѣ, что нельзя принудить турецкія войска очистить Новый Базаръ и нѣсколько другихъ укрѣпленныхъ пунктовъ, которые не были заняты сербскими войсками, что они

согласились передать побѣдоноснымъ русскимъ войскамъ нѣсколько важныхъ крѣпостей, но что народная гордость не дозволяетъ имъ отступить передъ сербами, которые были *спасены* въ 1876 году отъ справедливаго наказанія, ими вполнѣ заслуженнаго, единственно русскимъ ультиматумомъ, *спасшимъ* Сербію отъ гибели. Я заставилъ турецкихъ уполномоченныхъ оставить воспоминанія о прошломъ и вернуться на почву практическаго разрѣшенія настоящаго. Уполномоченные заявили мнѣ тогда самымъ категорическимъ образомъ, что они находятся въ совершенной невозможности принять предъявленный мною проектъ разграниченія, такъ какъ владѣнія черногорскія и сербскія до того сблизятся между собою, что Боснія и Герцеговина будутъ совершенно отдѣлены отъ остальной Оттоманской имперіи. Чтобы устранить это затрудненіе, я былъ вынужденъ предложить туркамъ сохранить военную дорогу черезъ мѣстность, уступаемую Сербіи, для безпрепятственнаго сообщенія Константинополя съ Босніею и Герцеговиною. Но турки отвергли и это предложеніе, заявивъ притомъ, что имъ невозможно уступить, согласно нашему требованію, Сербіи Митровицу—головной пунктъ желѣзной дороги, ведущей въ Салоники и Новый-Базаръ—стратегическій ключъ всей Босніи».

Очевидно было, что упорство турокъ основано было преимущественно на внушеніяхъ Австро-Венгріи, давно мѣтившей на захватъ ключа къ Босніи и желѣзнаго пути на Салоники и убѣдившей турокъ, что они, противясь уступкѣ этихъ пунктовъ Сербіи, могутъ смѣло разсчитывать на поддержку вѣнскаго кабинета. Въ то же время турецкіе уполномоченные настаивали на включеніи въ договоръ обезпеченія для мусульманскаго населенія, обитающаго въ мѣстности, присоединяемой къ княжеству, желая сохранить такимъ образомъ возможность продолженія вліянія Порты на внутреннія дѣла княжества и явить доказательство предъ мусульманскимъ міромъ заботливости султана о своихъ единовѣрцахъ.

Исчерпавъ всѣ усилія, чтобы убѣдить турецкихъ уполномоченныхъ принять нашъ первоначальный проектъ, и убѣдившись въ совершенной невозможности пріобрѣсти для Сербіи то увеличеніе территоріи, которое было Игнатьевымъ предположено, русскіе уполномоченные, воспользовавшись прибытіемъ Боголюбова, провели ночь въ составленіи новаго проекта разграниченія, по которому прирѣзка Сербіи была значительно уменьшена и во владѣніи Турціи оставлена между будущими границами Черногоріи и Сербіи полоса земли, шириною отъ пятнадцати до двадцати пяти верстъ, по направленію отъ Митровицы къ Сараеву, для обезпеченія военнаго сообщенія между Босніею и столицею. Правда, что полоса эта окружена во многихъ пунктахъ командующими высотами, предназначаемыми частью Черногоріи и частью Сербіи,

такъ что сербскія княжества господствовали бы надъ турецкимъ путемъ сообщенія и имѣли бы полную возможность со временемъ подготовить отпаденіе Босніи и Герцеговины отъ Оттоманской имперіи. Одно препятствіе могло помѣшать осуществленію затаенныхъ сербскихъ надеждъ, это вмѣшательство Австро-Венгріи, давно не спускающей глазъ съ этихъ областей, которыя она считаетъ тыломъ (Hinterländer) Далмаціи. То, что пришлось отнять къ сторонѣ Сѣницы и Новаго-Базара, было возмѣщено русскими уполномоченными въ новомъ проектѣ мѣстностью въ долинѣ рѣки Моравы и участкомъ, предназначавшимся первоначально Болгаріи, но въ которыхъ обитаетъ смѣшанное населеніе, состоящее изъ болгаръ, сербовъ и отчасти албанцевъ.

Когда на другой день русскіе уполномоченные предъявили новое свое предположеніе турецкимъ уполномоченнымъ, то, по настоянію сихъ послѣднихъ, пришлось опять сдѣлать нѣсколько измѣненій, но затѣмъ Игнатьевъ заявилъ, что болѣе никакой уступки не сдѣлаетъ и что это послѣднее его слово.

Турки льстили еще себя надеждою сохранить въ своемъ непосредственномъ владѣніи Боснію и Герцеговину, не предвидя, что старый ихъ союзникъ—Австро-Венгрія, ободрявшая ихъ въ противодѣйствіи Россіи, не участвовавшая въ войнѣ и не имѣвшая никакого *законнаго* основанія для завладѣнія турецко-сербскими областями, захочетъ ихъ захватить предательскимъ образомъ.

Главная причина, рѣшившая Игнатьева измѣнить очертаніе предположенныхъ къ сторонѣ р. Лима и въ Старой Сербіи границъ Черногоріи и Сербіи и образовать между ними промежуточную турецкую полосу, было намѣреніе употребить всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы воспрепятствовать захвату Босніи и Герцеговины Австро-Венгріею. Такъ какъ въ соглашеніи, существовавшемъ между Петербургомъ и Вѣною, формально обусловленномъ въ договорѣ 3-го января 1877 года, предвидѣлись только два случая занятія австрійцами означенныхъ двухъ сербско-турецкихъ областей: 1) взятіе русскими Константинополя и 2) если Сербія сдѣлается пограничною съ Черногоріею и султанская власть, такимъ образомъ, фактически, по выраженію графа Андраши, исчезнетъ въ Босніи и Герцеговинѣ, отдѣленныхъ сербскими владѣніями отъ Оттоманской имперіи, то, сохраняя турецкую полосу владѣнія, отдѣляющую Черногорію отъ Сербіи, мы лишали Австро-Венгрію выставленнаго ею повода къ занятію Босніи и Герцеговины [1]). Графъ Андраши возненавидѣлъ Игнатьева и вознегодовалъ на

[1]) Странное притязаніе австро-венгерскаго министра иностранныхъ дѣлъ, считавшаго себя въ правѣ ожидать отъ русскаго уполномоченнаго потворства вожделѣніямъ Австро-Венгріи, въ ущербъ вліянію Россіи на Востокѣ, и забвенія ея историческихъ преданій, во вредъ нашимъ союзникамъ и единокровнымъ и единовѣрнымъ братьямъ-черногорцамъ и сербамъ. Авт.

него именно потому, что русскій уполномоченный провелъ въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ какъ разъ то, что единственно и не было предположено и предвидѣно въ вѣнскомъ договорѣ, въ которомъ графъ Андраши озаботился, какъ ему казалось, предусмотрѣть всѣ случайности результатовъ предстоявшей войны между Россіею и Турціею, не исключая даже полнаго распаденія Оттоманской имперіи и взятія Россіею Константинополя. Обличенный въ недостаточной предусмотрительности, графъ Андраши не могъ, на основаніи Санъ-Стефанскаго договора, требовать для Австро-Венгріи права вступить въ Боснію и Герцеговину, ибо связь между ними и Константинополемъ не нарушалась и сообщеніе сухопутное было сохранено, а потому онъ озлился до чрезвычайности на этотъ трактатъ и на его автора, обвиняя его въ пренебреженіи къ заявленнымъ требованіямъ и интересамъ Австро-Венгріи [1]).

Къ сожалѣнію, посланный княземъ Миланомъ въ главную квартиру командующій моравскимъ корпусомъ полковникъ Лешанинъ съ письмами сербскаго князя къ главнокомандующему и Игнатьеву, для представительства сербскихъ интересовъ при переговорахъ съ турками, опоздалъ прибытіемъ своимъ въ Адріанополь. Онъ туда прибылъ наканунѣ выѣзда главной квартиры и когда проектъ договорныхъ условій, касающихся Сербіи, вмѣстѣ съ очеркомъ предположенной границы уже былъ переданъ турецкимъ уполномоченнымъ. Въ письмѣ своемъ князь Миланъ горячо настаивалъ на необходимости присоединить къ Сербіи весь Коссовскій вилайетъ, включая Призрѣнъ, Приштину и проч., и протестовалъ противъ присоединенія къ Болгаріи гор. Ниша и ближайшей къ нему мѣстности. Оказалось изъ объясненій Лешанина, что сербы стремились присоединить къ княжеству всѣ пограничные болгарскіе участки къ сторонѣ Виддина, Софіи, Враньи и Куманова. Князь Миланъ писалъ Игнатьеву, что, по убѣжденію сербовъ, все, что ими было занято къ сторонѣ Болгаріи, въ тылу нашихъ войскъ, должно остаться за княжествомъ, «которое не намѣрено служить болгарскимъ интересамъ». Полковникъ Лешанинъ развивалъ пространно ту же мысль, въ которой отражались соперничество и зависть, всегда существовавшія, къ сожалѣнію, между сербами и болгарами; враждебное чувство это между соплеменниками не исчезло ни среди несчастій, совмѣстно претерпѣнныхъ, ни среди торжества побѣдъ, обезпечивающихъ будущее существованіе Сербіи и Болгаріи, которыя должны бы жить въ мирѣ и искренней дружбѣ, чтобы имѣть возможность противостать иноплеменнымъ врагамъ, ихъ окружающимъ.

Игнатьевъ писалъ 14-го февраля (№ 12) канцлеру: «Я объяснилъ посланному князя Милана ходъ переговоровъ, дѣйствительное по-

---

[1]) Ср. у С. Горяинова: «Босфоръ и Дарданеллы», стр. 302—308. А. Б.

ложеніе дѣлъ и развитіе, приданное мною по возможности выраженію: «исправленіе границъ Сербіи», которое, въ дѣйствительности, имѣло весьма ограничительное значеніе, но должно было обязательно служить единственнымъ основаніемъ для нашихъ требованій. Я старался ему растолковать, что мы въ настоящее время уже не въ состояніи осуществить всѣ вожделѣнія сербовъ, ни поддержать требованій присоединенія къ княжеству всего обширнаго Коссовскаго вилайета, который и не занятъ ни сербскими, ни нашими войсками. Такъ какъ теперь нѣтъ рѣчи о распаденіи Оттоманской имперіи, то можно добиваться лишь территоріальнаго вознагражденія за жертвы, понесенныя Сербіей лишь въ войну нынѣшняго года, и признанія Портою ея совершенной независимости, т.-е. выключенія Сербіи изъ состава Оттоманской имперіи и изъ числа вассальныхъ владѣній. Такимъ образомъ, сдѣланъ будетъ первый и значительный шагъ для созданія въ будущемъ «Великой Сербіи», осуществленіе котораго я, съ своей стороны, желалъ бы видѣть впослѣдствіи. Но надо дать время княжеству сплотиться съ тѣми землями, которыя теперь къ нему присоединяются, и подготовиться систематически, обдуманно къ дальнѣйшему распространенію границъ Сербіи воздѣйствіемъ на албанское населеніе, захватившее всю южную часть Старой Сербіи и подвинувшееся на сѣверъ, даже къ предѣламъ княжества».

Въ этомъ отношеніи сербы были крайне непредусмотрительны и пренебрегли совѣтами, которые давалъ Игнатьевъ, въ томъ же смыслѣ, еще князю Михаилу. Русскій посолъ не разъ напоминалъ сербскимъ агентамъ въ Константинополѣ о необходимости привязать къ Сербіи мусульманъ Босніи, Герцеговины и албанцевъ Старой Сербіи, стараясь прекратить раздоры религіозные и взаимную вражду мѣстныхъ партій. Игнатьевъ, конечно, не ожидалъ, что на Берлинскомъ конгрессѣ будутъ преслѣдовать совершенно иную цѣль, чѣмъ полную независимость Сербіи, возложивъ на княжество обязательства финансовыя, торговыя и судебныя, чтобы облегчить Австро-Венгріи достиженіе всегдашней цѣли ея политики: поставить Сербію въ матеріальную и политическую отъ себя зависимость. Императорское правительство,—говорилъ Игнатьевъ Лешанину (донесеніе № 12),—всегда неизмѣнно отечески покровительствовало княжеству и никогда не предастъ забвенію дѣйствительные интересы сербскаго населенія [1]). Что же касается

[1]) Въ 1879 году сербы (Ристичъ, Бѣло-Марковичъ и друг.), ссылаясь на эти искреннія завѣренія Игнатьева, съ горечью передавали ему, что, основываясь на этихъ вѣковыхъ преданіяхъ, явились они къ нашимъ уполномоченнымъ въ Берлинѣ, при началѣ конгресса, отдавая себя въ ихъ распоряженіе, прося указаній и увеличенія Сербіи или къ сторонѣ Старой Сербіи, или пограничными участками Болгаріи. Принятые съ холодною надменностью, они получили отвѣтъ, что наши уполномоченные не имѣютъ ничего сообщить или указать имъ. А графъ Шуваловъ добавилъ къ сему со-

мѣстностей, оспариваемыхъ сербами у болгаръ, то окончательная развязка этого спорнаго вопроса можетъ быть сдѣлана только впослѣдствіи, миролюбивымъ соглашеніемъ между обѣими сторонами, подъ руководствомъ Россіи. Это распря семейная, въ которую не слѣдовало мѣшать ни турокъ, ни европейцевъ. Трудно было присоединить къ Сербіи эти пограничные участки въ нашемъ договорѣ съ турками потому, что мы, такимъ образомъ, должны бы значительно уклониться, въ ущербъ княжеству Болгарскому, отъ границъ, предначертанныхъ константинопольскою конференціею болгарскому племени [1]) что создало бы опасный прецедентъ для всевозможныхъ требованій. Мы, впрочемъ, уже предъявили туркамъ очертаніе новой граничной линіи для Сербіи, и намъ было бы затруднительно заявлять еще большія требованія въ ту минуту, когда заявленныя нами уже уступки Сербіи считаются турками громадными, несоразмѣрными и противными ихъ военной чести».

Чего сербы не хотѣли понять и чего не могли понять тѣ, которые впослѣдствіи критиковали постановленія Санъ-Стефанскаго договора относительно границъ Болгаріи, это то, что при заключеніи договора съ турками русскимъ уполномоченнымъ надо было имѣть въ виду, а именно: Порта скорѣе могла согласиться на уступку территоріи вассальному княжеству, не выходящему изъ состава имперіи, чѣмъ независимой Сербіи, на которую была обращена вся злоба турокъ, какъ на виновницу всѣхъ золъ, обрушившихся на османлисовъ. «Если бы Сербія не взбунтовалась,—говорили турки,—въ 1876 году и не начала войны, то и разрыва съ Россіею не послѣдовало бы».

«Чтобы успокоить и убѣдить полковника Лешанина,—писалъ канцлеру Игнатьевъ,—я ему сообщилъ всѣ статистическія и этно-

---

вѣтъ отправиться къ графу Андраши, такъ какъ отнынѣ будущность маленькой Сербіи зависитъ вполнѣ отъ Австро-Венгріи, и потому онъ даетъ Ристичу дружескій совѣтъ сговориться съ графомъ Андраши и удовлетворить его, чтобы заручиться его поддержкою. Это было отрицаніе всѣхъ нашихъ дипломатическихъ преданій и отказъ отъ историческихъ завѣтовъ Россіи. Передавая это, Ристичъ замѣтилъ, что если русскіе уполномоченные и были не въ состояніи что-либо для Сербіи сдѣлать, то не слѣдовало имъ открыто бросать Сербію на произволъ Австро-Венгріи. Авт.

[1]) Внѣшнее очертаніе Болгаріи, раздѣленной на двѣ области (подобно тому, какъ сдѣлано было съ Румыніей въ 1856 году), было тщательно проведено на картѣ и обозначено въ текстѣ требованій, предъявленныхъ Портѣ представителями великихъ державъ. Нельзя было отрицать, что русское правительство, опиравшееся въ своихъ предложеніяхъ на этомъ фактѣ, дозволило уменьшить Болгарію послѣ кровопролитной войны и Адріанопольскаго протокола, въ которомъ было оговорено, что Болгарія не будетъ менѣе той, которая предполагалась конференціею. Наше дипломатическое положеніе передъ Европою на конгрессѣ было бы ослаблено и мы потеряли бы твердую почву въ созданіи Болгаріи, если бы произвольно, съ глазу на глазъ съ турками, расчленили бы Болгарію, которую намъ было такъ трудно провести на константинопольской конференціи, въ согласіи со всею Европою. Авт.

графическія данныя, у насъ имѣющіяся о спорныхъ мѣстностяхъ, чтобы доказать ему, что въ тѣхъ земельныхъ участкахъ,о которыхъ идетъ рѣчь въ письмѣ князя Милана, большинство населенія признаетъ себя болгарами и входило въ составъ экзархата болгарскаго и потому заявленіе князя Милана, что оные исторически и этнографически совершенно принадлежали Сербіи, могло бы быть оспариваемо».

Игнатьевъ оканчивалъ свое письмо канцлеру слѣдующимъ образомъ: «Вполнѣ даю себѣ отчетъ въ тѣхъ затрудненіяхъ, которыя испытаемъ мы и оба славянскихъ княжества при разрѣшеніи этого щекотливаго вопроса, который будетъ еще долго служить яблокомъ раздора между нашими единоплеменниками».

Русскій уполномоченный имѣлъ въ виду, что, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, всего важнѣе было заставить Порту уступить создаваемой Болгаріи какъ можно большее пространство, обитаемое христіанскимъ населеніемъ, чтобы избавить его отъ турецкаго ига, согласно обѣщанію царскаго манифеста, предоставляя будущимъ заботамъ нашимъ произвести основательное и этнографически справедливое для всѣхъ единовѣрныхъ съ нами народностей разграниченіе не только между болгарами и сербами, но и съ греками, обитающими въ нѣкоторыхъ приморскихъ частяхъ Македоніи. Это разграниченіе можетъ быть произведено только исподволь на мѣстѣ и потребуетъ безпристрастнаго и глубокаго изученія лишь смѣшанною комиссіею, состоящею изъ делегатовъ всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ, подъ предсѣдательствомъ и высшимъ руководствомъ русскаго комиссара, который одинъ можетъ, и то съ трудомъ, примирить народныя страсти.

Сейчасъ послѣ войны и при возбужденныхъ, чрезмѣрныхъ надеждахъ всѣхъ народностей на Балканскомъ полуостровѣ, невозможно, по мнѣнію русскаго уполномоченнаго, изыскать такое разрѣшеніе племенныхъ соискательствъ, которое удовлетворило бы всѣ противоположныя домогательства двухъ славянскихъ племенъ и соперничествующихъ грековъ и покончило бы миролюбиво ихъ споры объ обладаніи тою или другою мѣстностью, въ особенности въ Македоніи.

«Наше будущее вліяніе на оба славянскія государства должно быть направлено къ тому, чтобы сгладить шероховатости и облегчить сближеніе противоположныхъ интересовъ»,—писалъ Игнатьевъ канцлеру. Дѣйствительно, вліяніе Россіи, примѣненное въ этомъ направленіи, могло бы быть благодѣтельно, и наши единовѣрцы сознали бы необходимость и пользу онаго. Утвердивши прочно свое правственное значеніе среди христіанскаго населенія Балканскаго полуострова, Россія, по мысли Игнатьева, могла постепенно подготовить созданіе оборонительнаго Восточнаго союза, подъ своимъ руководствомъ и главенствомъ, въ противовѣсъ

нѣмецко-мадьярскому стремленію къ захвату и уничтоженію самобытной самостоятельности нашихъ единоплеменниковъ. Осуществленіе этой мысли составляло конечную цѣль политическихъ дѣйствій Игнатьева въ Константинополѣ. Интересы какъ Черногоріи, Сербіи, Болгаріи, Румыніи и Греціи, такъ и Россіи были бы обезпечены оборонительнымъ союзомъ, который охранилъ бы взаимную ихъ безопасность отъ наступательныхъ поползновеній враждебной намъ европейской политики [1]).

Оттоманскіе уполномоченные съ самаго начала переговоровъ и до конца до того были предубѣждены и озлоблены противъ сербовъ, что, теряя изъ виду странность и неумѣстность, съ ихъ стороны, упрека сербамъ, что они запоздали открытіемъ военныхъ дѣйствій въ 1877 году, всячески старались уменьшить рвеніе русскихъ уполномоченныхъ къ защитѣ интересовъ княжества и выставляли для сего мнимое «коварство» Сербіи, которая, несмотря на то, что была облагодѣтельствована Россіею, колебалась вступить въ борьбу въ первый періодъ кампаніи, когда положеніе русскихъ войскъ было затруднительное, и рѣшилась предпринять военныя дѣйствія и перейти границу только тогда, когда сдѣлалась очевидною невозможность для Турціи сопротивляться нашему наступленію. «Мы простили бы,—говорили турки,—Сербіи патріотическое увлеченіе, безразсудный порывъ отваги, но отказываемся вознаградить ихъ за вѣроломное нашествіе, хладнокровно разсчитанное на безопасность».

Такъ какъ турецкіе уполномоченные упорно стояли на своемъ, напирая въ своихъ отвѣтахъ на предложенія русскихъ уполномоченныхъ, главнѣйше на невозможность уступить Сербіи укрѣпленные города, какъ Новый-Базаръ, Сѣнницу и Митровицу, и отдать часть существующаго желѣзнаго пути между Митровицами и Салониками, приписывая всей этой мѣстности громадное стратегическое значеніе, то явно было, что ихъ поддерживали въ ихъ противодѣйствіи внушенія Австро-Венгріи. Такъ какъ Игнатьева озабочивало преимущественно опасеніе создать благопріятную почву на Балканскомъ полуостровѣ для традиціонной враждебной намъ политики Австро-Венгріи, которая могла бы легко привлечь не только

---

[1]) При соглашеніи съ Франціею, о которомъ всегда заботился Игнатьевъ, миръ въ Европѣ былъ бы надолго обезпеченъ и Россія пріобрѣла бы безспорное первенствующее значеніе при рѣшеніи міровыхъ задачъ, а положеніе наше въ черноморскомъ бассейнѣ, съ свободнымъ проходомъ флота въ Средиземное море, было бы вполнѣ упрочено. Не могъ предвидѣть патріотически настроенный дѣятель, что послѣ кровопролитной, но побѣдоносной войны, понесенныхъ долголѣтнихъ трудовъ и громадныхъ жертвъ министерство иностранныхъ дѣлъ хладнокровно и беззаботно предастъ созданныя кровью русскихъ воиновъ единовѣрныя государства на Балканскомъ полуостровѣ въ руки Австро-Венгріи, поддержанной Германіею и Англіею, и предоставитъ этимъ державамъ водворить враждебную намъ политику и безжалостно экономически эксплоатировать населеніе, уродуя его нравственно. Авт.

Турцію, но и Англію къ союзу для охраны общаго ихъ интереса противъ нашего намѣренія выдѣлить Боснію и Герцеговину изъ Турецкой имперіи, предоставивъ участь этихъ областей въ будущемъ на произволъ Сербіи и Черногоріи, то это опасеніе побудило русскаго уполномоченнаго отказаться отъ первоначальныхъ своихъ предложеній, смягчить ихъ и предложить новое очертаніе границъ, дозволяющее туркамъ сохранить непосредственное, хотя и стѣсненное сухопутное сообщеніе между Константинополемъ и Босніею. Если это отчасти удовлетворяло Порту, то оно было неблагопріятно для Австро-Венгріи, заставивъ графа Андраши раскрыть свою заднюю мысль, прикрытую дотолѣ въ глазахъ равнодушной Европы и недогадливой Порты заботою о благосостояніи населенія пограничныхъ съ Далмаціею турецкихъ владѣній.

XIV.

Пребываніе въ Санъ-Стефано облегчало русскимъ уполномоченнымъ сношенія съ Портою и способы воздѣйствія на ея сановниковъ, которыми пользоваться изъ Адріанополя не было возможности. Оживившіяся сношенія съ Константинополемъ увеличили значительно труды Игнатьева; сверхъ ежедневныхъ двухъ конференцій, продолжавшихся не менѣе шести часовъ, и частныхъ свиданій съ турецкими уполномоченными и чиновниками, онъ былъ цѣлый день осаждаемъ посѣтителями, пріѣзжавшими во множествѣ изъ Константинополя. Знакомые туземцы всѣхъ народностей, кто только могъ что-либо ожидать для себя лично или надѣяться для своихъ земляковъ отъ хода переговоровъ, представители различныхъ народностей и вѣроисповѣданій явились въ Санъ-Стефано, въ ожиданіи измѣненія своего положенія къ лучшему и для того, чтобы изложить свои притязанія, надежды и жалобы и сдѣлать внушеніе послу для будущаго. Всѣ эти люди старались сблизиться съ представителемъ Россіи, въ наивной увѣренности, что онъ останется въ Константинополѣ послѣ войны и будетъ, уже неоспоримо, еще несравненно болѣе прежняго, вліять на Порту и на султана, который не забудетъ, что отъ Россіи зависѣло выгнать его въ Азію, или сохранить его на оттоманскомъ престолѣ и на берегахъ Босфора [1]).

Корреспонденты европейскихъ газетъ, слѣдовавшіе за арміею и присланные спеціально въ Константинополь, агенты Порты и раз-

---

[1]) Никто изъ туземцевъ не ожидалъ, что тотчасъ по заключеніи мира Россія добровольно, въ угоду своимъ противникамъ и вслѣдствіе личныхъ интригъ, откажется отъ выгоднаго положенія, пріобрѣтеннаго ею, благодаря дѣятельности прежняго представителя на Босфорѣ, и согласится удалить его, да еще по инціативѣ главнокомандующаго. Оказалось, что личное значеніе Игнатьева въ Константинополѣ стѣсняло главную квартиру и нѣкоторыхъ, желавшихъ извлечь выгоду личную, не обращая вниманія на существенную пользу русской политики. Авт.

личныхъ посольствъ сновали постоянно около дома, въ которомъ жилъ Игнатьевъ и гдѣ происходили конференціи. Русскіе уполномоченные ощущали большое неудобство отъ этого осаднаго положенія, но Игнатьевъ не могъ уклониться вполнѣ отъ пріема различныхъ лицъ, могущихъ доставить ему свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Стамбулѣ, о настроеніи жителей и объ интригахъ посольствъ, а равно средство контролировать отчасти дѣйствія турецкихъ властей и ихъ европейскихъ совѣтниковъ. Вотъ что писалъ Игнатьевъ объ этомъ канцлеру (14-го февраля), чтобы предостеречь его относительно фальшивыхъ извѣстій, сообщаемыхъ изъ Константинополя въ Европу кабинетамъ и въ особенности въ газеты:

«Константинопольская публика, весьма естественно, старается всячески уловить свѣдѣнія о ходѣ переговоровъ, происходящихъ въ Санъ-Стефано. Совмѣстно съ Ахметъ-Вефикомъ посольства англійское и австро-венгерское пользуются общимъ любопытствомъ и напряженностью общественнаго вниманія, чтобы подъ рукою распространять по городу извѣстія о нашихъ требованіяхъ, предъявленныхъ Савфету и Портѣ двѣ недѣли тому назадъ, преувеличивая ихъ тягость и жестокость и стараясь придать имъ характеръ враждебный разнороднымъ интересамъ, сталкивающимся на константинопольской почвѣ. Такимъ образомъ распространяютъ въ публикѣ перской [1]) и въ населеніи константинопольскомъ слухи, приближающіеся болѣе или менѣе къ правдѣ, но которые были всегда умышленно преувеличены. Печать мѣстная воспроизводитъ эти слухи, а корреспонденты иностранныхъ газетъ передаютъ ихъ по телеграфу, какъ извѣстія, полученныя изъ вѣрныхъ источниковъ. Не только оттоманская столица, но и Европа занимаются разборомъ животрепещущихъ вѣстей о происходящихъ переговорахъ, тогда какъ Савфетъ и я, мы взаимно обязались сохранить полнѣйшую тайну нашихъ работъ.

«На замѣчанія, сдѣланныя мною по этому случаю турецкимъ уполномоченнымъ, они отвѣтили, что еще болѣе меня негодуютъ на эти нескромности, тѣмъ болѣе, что оныя ставятъ ихъ въ столь же фальшивое положеніе въ отношеніи ко мнѣ, сколько и въ трудное въ Стамбулѣ, вслѣдствіе возбужденнаго со всѣхъ сторонъ противъ уполномоченныхъ неудовольствія. Савфетъ не отвергалъ, что распространенные слухи не могли имѣть другого источника, какъ тѣ донесенія, которыя онъ послалъ верховному визирю изъ Адріанополя, несмотря на убѣдительную просьбу, съ которою онъ обратился къ Ахметъ-Вефику, сохранять въ совершенной тайнѣ все, что касается нашихъ переговоровъ. Онъ обѣщался возобновить эту просьбу, но предупредилъ меня, что не надѣется на успѣхъ стараній нашихъ

---

[1]) Т. е. среди европейской публики квартала «Пера» въ Константинополѣ.
А. Б.

положить конецъ нескромностямъ и слухамъ, потому что въ большомъ совѣтѣ министровъ, въ которомъ разсматриваются такого рода вопросы, какъ тѣ, которые возбуждены нашими требованіями, засѣдаютъ до 42 сановниковъ, за сдержанность которыхъ ручаться нельзя. Я долженъ, къ сожалѣнію, замѣтить, что вновь назначенный французскій посолъ въ Константинополѣ Фурнье (бывшій совѣтникомъ французскаго посольства въ Петербургѣ) [1]), совсѣмъ незнакомый съ мѣстными условіями, подпалъ тотчасъ подъ вліяніе посольствъ англійскаго и австро-венгерскаго и потому поддается враждебнымъ намъ внушеніямъ, принимая на вѣру распространяемые лживые слухи. Хотя онъ гласно и утверждаетъ, что правительство его не намѣрено офиціально вмѣшиваться въ нынѣшнія усложненія, но не стѣсняется громко выражать, что требованія наши чрезмѣрны и несравненно тягостнѣе для Турціи—въ особенности въ финансовомъ отношеніи—нежели требованія, предъявленныя Франціи побѣдносною Германіею въ 1871 году [2])».

Игнатьевъ, привыкшій встрѣчать, въ особенности въ 1870 году, доброе расположеніе со стороны французскихъ пословъ и всегда поддерживавшій хорошія отношенія съ французскими агентами на Дальнемъ и Европейскомъ Востокѣ, приписывалъ это поведеніе Фурнье его неопытности въ восточной [обстановкѣ, окружающей посольство въ Константинополѣ совершеннымъ невѣдѣніемъ свойствъ всегдашнихъ интригъ агентовъ англійскаго и австро-венгерскаго правительствъ въ Турціи, и желанію расположить къ себѣ лично съ первой минуты начала своей дѣятельности на новомъ посту турецкихъ сановниковъ и перскую публику. А потому, желая тотчасъ же прекратить источникъ недоразумѣній въ будущемъ, могущихъ повліять на отношенія Россіи и Франціи, которыя онъ всегда старался улучшить, уничтоживъ безцѣльное и вредное для обѣихъ сторонъ соперничество, укоренившееся въ Турціи, счелъ долгомъ предупредить канцлера о странномъ поведеніи французскаго представителя въ вопросѣ, не затрагивающемъ никакого дѣйствительно французскаго интереса. Въ то же время

---

[1]) Фурнье, человѣкъ образованный, любезный, сильно былъ обласканъ въ петербургскомъ обществѣ во время своего долгаго пребыванія въ Россіи. Игнатьевъ его часто встрѣчалъ у графа и графини Блудовыхъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Затѣмъ онъ былъ посланникомъ въ Швеціи. Игнатьевъ тѣмъ болѣе негодовалъ на поведеніе Фурнье въ Константинополѣ, что считалъ его лично расположеннымъ къ Россіи.
Авт.

[2]) До чего невѣрно было сравненіе г. Фурнье, видно изъ того, что Франція выплатила въ дѣйствительности пять милліардовъ франковъ, а турки почти ничего не выплатили единовременно, и уменьшенная Россіею донельзя сумма денежнаго вознагражденія выплачивается съ задержками сравнительно ничтожными ежегодными взносами. Даже расходы на содержаніе и водвореніе плѣнныхъ турокъ были не вполнѣ выплачены, и то съ проволочкою времени. Авт.

Игнатьевъ телеграфировалъ князю Орлову, 15-го февраля, въ Парижъ, слѣдующее:

«Мнѣ извѣстно, что Фурнье волнуется противъ насъ и поджигаетъ турокъ и графа Зичи противъ мнимыхъ нашихъ требованій, обзываемыхъ имъ чрезвычайными, о которыхъ онъ не можетъ быть освѣдомленъ удовлетворительно. Нѣтъ ли возможности вывести его на правильный путь?»

Отвѣта отъ князя Орлова по телеграфу Игнатьевъ не получилъ, и ему было неизвѣстно, сдѣлало ли наше парижское посольство попытку указать г. Фурнье болѣе соотвѣтствующій интересамъ обоихъ государствъ образъ дѣйствій въ Турціи.

Въ то же время Игнатьевъ объяснился дружескимъ образомъ съ французскимъ военнымъ агентомъ, состоявшимъ при главнокомандующемъ, симпатичнымъ, доброжелательнымъ и умнымъ полковникомъ Галльяромъ, по поводу поведенія г. Фурнье, замѣтивъ, что объясняетъ его лишь совершеннымъ незнаніемъ мѣстныхъ интригъ и обстоятельствъ, а равно новизною восточной обстановки для человѣка, проведшаго всю свою жизнь въ Европѣ.

Галльяръ съѣздилъ въ Перу къ французскому послу и передалъ ему поклонъ Игнатьева. Съ этого времени Фурнье сталъ сдержаннѣе.

Когда повѣренный въ дѣлахъ Греціи въ Петербургѣ заявилъ канцлеру, что король Георгъ послѣдовалъ совѣту державъ и, въ виду прекращенія нашихъ военныхъ дѣйствій, повелѣлъ греческимъ отрядамъ, перешедшимъ турецкую границу какъ разъ въ день заключенія въ Адріанополѣ перемирія, остановиться и вернуться въ Грецію, но что баши-бузуки и албанцы продолжаютъ грабить и умерщвлять христіанъ въ Эпирѣ и Θессаліи, то Игнатьевъ, не удовольствовавшись передачею Савфету предостереженій, присланныхъ изъ Петербурга по телеграфу, заявилъ туркамъ, что если турки нападутъ на грековъ, пользуясь нашимъ перемиріемъ, то военныя дѣйствія нашихъ войскъ къ сторонѣ Константинополя тотчасъ же возобновятся. Такая энергичная и благопріятная Греціи демонстрація не прекратила, однакоже, взаимныхъ обвиненій между турками и греками. Греческій посланникъ Кундоріотти не переставалъ жаловаться Игнатьеву, чрезъ посредство г. Ону, на разбои албанцевъ въ то время, какъ Ахметъ-Вефикъ безпрестанно телеграфировалъ Савфету, упрекая грековъ въ томъ, что они, вступивъ на турецкую территорію безъ объявленія войны, распространили свои грабительскія шайки до Нарты. Желая понудить насъ подѣйствовать на аθинское правительство, Порта пыталась насъ увѣрить, что если бы Россія не остановила своимъ категорическимъ заявленіемъ турецкія войска, они могли бы жестоко наказать грековъ за ихъ попытки противъ Турціи. Ахметъ добавлялъ, что довѣренность, оказанная Портою сооб-

щенію русскаго правительства о прекращеніи набѣговъ грековъ, возложила на Порту отвѣтственность въ непринятіи надлежащихъ мѣръ для безопасности мусульманскаго населенія на греческой границѣ. Съ трудомъ, наконецъ, успокоили обѣ стороны. Но греки продолжали жалѣть, что послушались внушеній и совѣтовъ агентовъ западныхъ державъ и стали въ оппозиціи не только славянамъ вообще, но русской политикѣ передъ войною и затѣмъ не приняли своевременно участія въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Турціи. Тѣмъ не менѣе, мечтанія многихъ изъ константинопольскихъ грековъ простирались до надежды возстановленія Святого Креста на Св. Софіи и изгнанія турокъ на азіатскій берегъ Босфора. До какой степени мечты эти были несбыточны, лучше всего доказываетъ происшедшее объясненіе между русскими уполномоченными и Савфетомъ въ одно изъ засѣданій конференціи еще въ Адріанополѣ, когда отношенія временно обострились при неподатливости Порты, о каковомъ засѣданіи русскіе уполномоченные донесли князю Горчакову 14-го февраля (№ 1) изъ Санъ-Стефано. Чтобы выставить умѣренность нашихъ требованій сравнительно съ ожиданіями русскаго общественнаго мнѣнія и естественными послѣдствіями разгрома турецкой арміи, Игнатьевъ упомянулъ, что въ Россіи ожидали, въ числѣ результатовъ войны, по крайней мѣрѣ возстановленія креста на Св. Софіи, обращенной мусульманами въ мечеть, что до сихъ поръ огорчаетъ и волнуетъ всѣхъ православныхъ. Игнатьевъ при этомъ замѣтилъ, что султану слѣдовало бы, по собственной иниціативѣ, отстранить эту вѣчную причину раздраженія христіанъ противъ мусульманъ передачею древняго храма Св. Софіи патріарху, съ разрѣшеніемъ водрузить на ея куполѣ Св. Крестъ. Обычно спокойный, вѣжливый и благоразумный, Савфетъ, въ отвѣтъ на это замѣчаніе, горячо возразилъ: «Гораздо лучше и проще, чтобы мы взорвали Св. Софію динамитомъ и такимъ образомъ прекратили существованіе такого жгучаго вопроса». Если объевропеившійся Сафветъ, бывшій посломъ въ Парижѣ, замѣчательный по своему такту, благодушію и хладнокровію, бывшій неоднократно министромъ иностранныхъ дѣлъ и въ постоянныхъ сношеніяхъ съ посольствами, такъ вышелъ изъ себя при осторожномъ намекѣ русскаго посла о возвратѣ православной церкви Св. Софіи, то можно себѣ представить взрывъ негодованія и послѣдствія онаго въ Стамбулѣ, среди нафанатизированной толпы муллъ, софтъ и бѣженцевъ изъ Румеліи, если бы вопросъ о возстановленіи креста на Св. Софіи былъ круто поставленъ русскимъ уполномоченнымъ, безъ твердаго рѣшенія императорскаго правительства энергично поддержать силою такое требованіе.

Греческое посольство въ Перѣ приняло Ону съ распростертыми объятіями, упрашивая его убѣдить Игнатьева принять къ сердцу участь грековъ, предавъ забвенію ихъ прежнюю неблаго-

дарность, оскорбительныя клеветы и непріятности, которыя они ему причиняли изъ-за церковнаго вопроса и болгаръ, и припомнивъ лишь ту общую симпатію и преданность, которую греческое населеніе повсемѣстно выказывало ему лично во время критскаго возстанія. Нѣсколько архіереевъ обратились къ Игнатьеву письменно въ этомъ же смыслѣ. Въ бесѣдахъ съ греками Игнатьевъ постоянно имъ напоминалъ, что имъ всегда совѣтовалъ не ссориться съ болгарами, не отталкивать ихъ отъ патріархіи, а удовлетворить ихъ справедливыя требованія и жить съ ними по-братски въ смѣшанныхъ епархіяхъ; онъ говорилъ, что не русскіе агенты виноваты, что произошелъ легкомысленный и вредный для православія разрывъ, который повредилъ грекамъ, и въ особенности Великой церкви, гораздо болѣе, нежели болгарскому населенію. Вмѣстѣ съ тѣмъ Игнатьевъ напоминалъ грекамъ и греческому посольству, что послѣ выѣзда своего изъ Константинополя, въ началѣ 1877 года, онъ заѣзжалъ въ Аѳины и предупредилъ правительство и предводителей эллинскихъ партій—Комундуроса, Заимиса, Делигіорги, Трикупи и проч., собранныхъ у русскаго посланника Сабурова, о вѣроятности войны, совѣтуя не отдѣляться отъ славянъ, не слушаться внушеній англійскихъ и совѣтовъ западныхъ державъ; онъ убѣждалъ ихъ, не компрометируя преждевременно положенія короля Георга, приготовиться захватить острова и ближайшія области, какъ только наши войска перейдутъ Балканы и турки потеряютъ голову.

— Я сказалъ вашимъ вождямъ,—говорилъ имъ Игнатьевъ:—что вся та мѣстность, которая будетъ захвачена греками до прекращенія нами военныхъ дѣйствій, присоединится къ Греціи, потому что Россія, на требованіе Порты возвратить ей занятые русскими и ихъ союзниками пункты, можетъ отвѣтить, что ей нельзя выгнать своихъ единовѣрцевъ изъ освобожденныхъ отъ мусульманскаго ига пунктовъ. Вмѣсто того, чтобы покрыть себя, въ союзѣ съ нами, дешевыми лаврами и легко сдѣлать территоріальныя пріобрѣтенія, вы предпочли послушаться совѣтовъ Англіи и Австро-Венгріи и должны пенять на самихъ себя, что пропустили благопріятный случай изъ недовѣрія къ Россіи. Да послужитъ вамъ это урокомъ въ будущемъ.

Хоть греки ничего не сдѣлали, чтобы заслужить великодушіе Россіи, которой они въ послѣдніе годы выказывали недовѣріе и даже вражду, но, тѣмъ не менѣе, они не могли жаловаться основательно на Санъ-Стефанскій договоръ, выговорившій у Порты не только значительное улучшеніе положенія населенія острова Крита, но и тѣ же льготы для пограничныхъ съ Греціею областей, что въ Босніи и Герцеговинѣ [1]).

---

[1]) Къ урегулированію интересовъ грековъ относится ст. 15 Санъ-Стефанскаго договора. А. Б.

Что касается армянъ, то, при совершенной невозможности удовлетворить ихъ мечтанія касательно автономныхъ правъ для армянскаго населенія въ Азіи, Игнатьевъ, стремившійся уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ привлечь ихъ къ Россіи, уменьшивъ западное на нихъ вліяніе, направленное противъ насъ, и заставить ихъ признать надъ собою авторитетъ власти эчміадзинскаго патріарха (католикоса), предложилъ Савфету включить въ договоръ слѣдующую статью[1]):

«Чтобы предупредить повтореніе тѣхъ же затрудненій, которыя проявились въ нѣкоторыхъ областяхъ Европейской Турціи, Блистательная Порта войдетъ въ соглашеніе съ русскимъ правительствомъ, чтобы преобразовать въ анатолійскихъ областяхъ, пограничныхъ Закавказью, законъ мѣстнаго управленія (такъ называемый «законъ о вилайетахъ» [2]), а именно въ Сивасѣ, Эрзерумѣ, Ванѣ и Мушѣ, гдѣ большинство христіанскаго населенія находится въ зависимости отъ верховнаго пастыря, начальника армяно-грегоріанской церкви, эчміадзинскаго католикоса [3]) и утвердить въ оныхъ общественную безопасность обезпеченіемъ достаточнаго административнаго самоуправленія».

Донося о томъ канцлеру, Игнатьевъ выразился слѣдующимъ образомъ: «Когда я заговорилъ съ Савфетомъ объ этой статьѣ, я встрѣтилъ самое горячее сопротивленіе съ его стороны, тогда какъ чиновники армянскаго происхожденія, которымъ я довѣрительно сообщилъ мои предположенія, отозвались, что я требую слишкомъ недостаточно для ихъ народности».

Посѣтившимъ Игнатьева депутатамъ армянъ, духовнымъ и свѣтскимъ, русскій уполномоченный сказалъ, въ общихъ выраженіяхъ, что государь оказываетъ свое покровительство всѣмъ христіанамъ въ Турціи безразлично и преисполненъ благорасло-

---

[1]) Указаніе, относящееся къ Болгаріи и которое должно было возбудить въ туркахъ желаніе принять мѣры для избѣжанія повторенія событій, приведшихъ къ войнѣ 1877—78 гг. Авт.

[2]) Порта, по наущенію западныхъ агентовъ, стремилась удалить армянъ-грегоріанъ, живущихъ въ Турціи, отъ эчміадзинскаго центра, создавъ въ самомъ Константинополѣ самостоятельное народное и духовное главенство въ лицѣ патріарха и народнаго совѣта ,основанное на уставѣ конституціоннаго пошиба (сахманатріютюнъ), стѣсняя, затрудняя всѣми зависящими отъ ней способами сношенія католикоса со своею турецкою паствою и отказывая въ признаніи католикоса главою армянской церкви, для чего пытались ему противопоставить въ Сизѣ католикоса. Если бы Россія была вооружена договорною статьею, предложенною Игнатьевымъ, значеніе католикоса эчміадзинскаго въ Турціи было бы обезпечено, и она получила бы возможность въ дѣйствительности покровительствовать армянскому населенію въ Турціи, какъ это признаютъ теперь и англичане. Авт.

[3]) Законъ о вилайетахъ изданъ былъ въ 1870 г., подъ названіемъ: «Loi sur l'administration générale des vilayets» du 29 sewal 1287 (1870 г.). Ср. книгу Шопова: (A. Schopoff—«Les Réformes et la Protection des Chrétiens en Turquie». Paris. 1904, стр. 137). А. Б.

ложенія къ армянскому населенію, но что систематическое противодѣйствіе Европы его благимъ намѣреніямъ вынуждаетъ Россію, несмотря на ея побѣды и могущество, считаться съ непріязненностью европейскихъ державъ на Востокѣ и потому армяне не должны домогаться отъ насъ большаго, нежели то, что мы можемъ нынѣ достигнуть въ дѣйствительности. Но, во всякомъ случаѣ, если намъ удастся достигнуть соглашенія съ Портою въ смыслѣ предложенной ей статьи договора, то право офиціальнаго покровительства Россіи будетъ имъ обезпечено и на пути улучшенія ихъ будущности будетъ сдѣланъ важный шагъ [1]).

Игнатьевъ употребилъ всѣ возможныя усилія, чтобы включить вопросъ объ армянахъ, о которомъ ничего не было упомянуто въ основаніяхъ мира, подписанныхъ турками въ Адріанополѣ, въ переговоры мирнаго договора. Происходили нескончаемые споры съ турецкими уполномоченными, которые отказывались съ особеннымъ упорствомъ принять предложенія, касавшіяся армянъ говоря: «Вы насъ уже почти лишили европейскихъ областей, оставьте насъ въ покоѣ по крайней мѣрѣ въ Азіи». Подъ конецъ русскіе уполномоченные успѣли уговорить турецкихъ уполномоченныхъ, подписать хотя не то условіе, которое было редактировано первыми, но удовлетворительное лишь въ томъ отношеніи, что впервые возлагалась обязанность на Порту безотлагательно улучшить положеніе армянъ, ввести тѣ реформы, которыя требуются мѣстными обстоятельствами, и обезпечить армянское населеніе отъ своевольства курдовъ и черкесовъ. Редакція этой статьи [2]) давала возможность Россіи придать ей растяжимое значеніе, смотря по обстоятельствамъ и, во всякомъ случаѣ, официально вмѣшиваться въ способъ выполненія обязательствъ Порты, ссылаясь на мѣстныя нужды. Торжественное признаніе въ международномъ договорѣ, что безопасности христіанскаго населенія угрожали курды и черкесы, заключало публичный приговоръ существующей турецкой администраціи, признанный съ согласія уполномоченныхъ султана. Вооруженный этою договорною статьею, русскій посолъ въ Константинополѣ получилъ полную возможность значительно вліять на улучшеніе положенія армянскаго населенія и,

---

[1]) На армянофильскихъ митингахъ въ Лондонѣ англійскіе либералы-филантропы гласно признали этотъ фактъ, сознавшись, что Великобританія, слѣдуя политикѣ Биконсфильда, помѣшала Россіи улучшить положеніе армянъ въ Азіатской Турціи, подвергнувъ искалѣченію Санъ-Стефанскій договоръ. Авт.

[2]) Къ армянскимъ дѣламъ относится ст. 16 Санъ-Стефанскаго договора, гласящая слѣдующее: «Такъ какъ эвакуація русскими войсками занимаемыхъ ими территорій, съ возвращеніемъ таковыхъ Турціи, можетъ подать поводъ къ столкновеніямъ и къ осложненіямъ, способнымъ вредно отразиться на добрыхъ отношеніяхъ обѣихъ странъ, то Блистательная Порта обязуется осуществить безъ дальнѣйшаго замедленія улучшенія и реформы, необходимыя ради мѣстныхъ нуждъ областей, населяемыхъ армянами, и для обезпеченія ихъ безопасности отъ курдовъ и черкесовъ». А. Б.

сообразуясь, разумѣется, съ интересами Россіи, придать соотвѣтствующее обстоятельствамъ развитіе армянскому вопросу въ Турціи. Для этого, конечно, нужно было дѣйствовать осмотрительно, настойчиво, съ совершеннымъ знаніемъ мѣстныхъ обстоятельствъ и не терять изъ виду конечныхъ цѣлей нашей политики. Для армянъ было весьма многозначительно, что въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ Оттоманская имперія, упомянуто было въ международномъ договорѣ объ армянахъ, а Портою признано публично существованіе армянской народности въ Азіатской Турціи.

«Я добивался,—писалъ Игнатьевъ канцлеру,—помѣстить въ текстѣ статьи, послѣ слова: «армяне», фразу: «духовно зависящіе отъ верховнаго главы армянской церкви, эчміадзинскаго католикоса», въ смыслѣ того, что было сообщено мнѣ Н. К. Гирсомъ, съ приложеніемъ записки министерства внутреннихъ дѣлъ, но Савфетъ-паша тотчасъ смекнулъ значеніе этой вставки и упорно воспротивился допустить оную, подъ предлогомъ, что формальное признаніе главенства католикоса могло поставить Порту въ затруднительное положеніе относительно турецкихъ армянъ, въ числѣ которыхъ многіе не признаютъ этого главенства. Безполезное обязательство Порты могло бы, по предположенію Савфета, вызвать между армянами-грегоріанами такіе же раздоры, смятенія и недоразумѣнія, какіе произвели въ армяно-католической общинѣ тѣ права, которыя присвоилъ себѣ патріархъ Хассунъ [1])».

Удостовѣрившись, что дальнѣйшія настоянія, чтобы побороть упорство и опасенія турокъ, будутъ безплодны, Игнатьевъ отказался отъ первоначально предложеннаго упоминанія о духовной власти католикоса надъ всѣми армянами безъ различія государствъ, признавая, что съ исключительно русской точки зрѣнія это—безразлично и что намъ выгоднѣе, чтобы турецкіе армяне разсчитывали болѣе на покровительство русскаго царя, чѣмъ на заступничество своего духовнаго вождя, политическое значеніе котораго намъ нѣтъ никакой надобности преувеличивать.

Извѣстія, которыя русскіе уполномоченные получили изъ Румыніи, были тревожны и противорѣчили тѣмъ дружественнымъ отношеніямъ, которыя желательно было бы сохранить съ сосѣдями единовѣрцами и союзниками, участвовавшими вмѣстѣ съ нами въ первоначальныхъ военныхъ дѣйствіяхъ, приведшихъ насъ впослѣдствіи къ стѣнамъ Константинополя. Наши противники и недоброжелатели въ Румыніи воспользовались сдѣланными ошиб-

[1]) Часть армянъ-католиковъ не признала самовластія Хассуна, поддержаннаго папою и римскимъ духовенствомъ, и образовала отдѣльную церковную общину, названную анти-хассунитами. Упорная борьба между этими двумя партіями, изъ которыхъ послѣдняя пользовалась нѣкоторое время сочувствіемъ Порты, породила турецкимъ сановникамъ затрудненія и вызвала присылку папскаго нунція Франки въ Константинополь. Авт.

камп, о которыхъ выше было упомянуто, и тѣмъ, что возникшія недоразумѣнія не были своевременно отстранены, когда мы имѣли къ тому полную возможность. Теперь эти недоразумѣнія были раздуты австрійцами и англичанами, и страсти румынъ расходились и воспламенились противъ Россіи. Легкомысленное тщеславіе румынъ было задѣто за живое, и наши враги всѣми средствами старались увеличить разладъ, ими подмѣченный между Россіею и отпрыскомъ латинскаго племени на Дунаѣ. 3-го февраля румынское правительство, не ожидая результата нашихъ переговоровъ и чтобы придать себѣ видъ самостоятельной державы, ведущей переговоры съ Турціею независимо отъ Россіи, обратилось къ Серверу-пашѣ, бывшему еще министромъ иностранныхъ дѣлъ, съ офиціальнымъ письменнымъ требованіемъ признанія султаномъ независимости Румыніи. Ослѣпленные тщеславнымъ самомнѣніемъ и интригами иностранными, румыны потеряли изъ виду, что ихъ интересы были бы гораздо тверже ограждены, если бы согласіе и взаимное довѣріе между Россіею и Румыніею не утратилось въ самую критическую минуту развязки войны, но что и на будущее время Румынія выиграла бы значительно, не допуская, чтобы между ею и нами были раздуты недоразумѣнія до взаимнаго охлажденія и искусственнаго созданія противоположности политическихъ стремленій.

Въ то время, какъ румыны обвиняли русскихъ уполномоченныхъ, что объ нихъ забыли въ Санъ-Стефано, Игнатьеву пришлось вести настойчивый споръ съ турецкими уполномоченными, чтобы заставить ихъ принять редакцію тѣхъ условій касательно Румыніи, которыя имъ были предложены Портѣ. Въ Бухарестѣ считали самымъ легкимъ и первымъ условіемъ замиренія получить руками русскихъ уполномоченныхъ отъ турокъ большое денежное вознагражденіе, а между тѣмъ вотъ что писали канцлеру Игнатьевъ и Нелидовъ въ своемъ коллективномъ донесеніи:

«Что всего болѣе затрудняло турецкихъ уполномоченныхъ,— это опасеніе требованія денежнаго вознагражденія со стороны Румыніи. Турки стояли на томъ, что Румынія не войну объявила, а взбунтовалась противъ султана и потому не имѣетъ никакого права требовать военнаго вознагражденія отъ своего верховнаго главы (Gouvernment Suzerain). Во всякомъ случаѣ, турки выставляли въ противовѣсъ праву на вознагражденіе убытковъ Румыніи, на которомъ настаивали русскіе уполномоченные, право Порты требовать отъ Румыніи вознагражденіе за захваченныя ею произвольно имѣнія, преклоненныя къ святымъ православнымъ мѣстамъ, находящимся въ предѣлахъ имперіи».

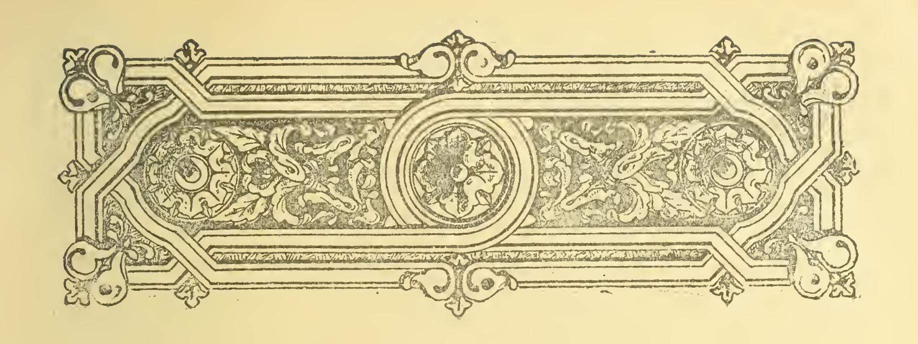
Савфетъ-паша, какъ бывшій давно министромъ иностранныхъ дѣлъ, отлично зналъ исторически ходъ вопроса о церковныхъ и монастырскихъ имѣніяхъ въ Румыніи, который такъ часто и

долго, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, обсуждался между Портою, Россіею и Европою. Не безъ лукавства возбудилъ Савфетъ этотъ сданный въ архивъ въ 1865 году вопросъ, щекотливый для Россіи, бывшей энергичною защитницею—какъ разъ въ лицѣ Игнатьева—въ Константинополѣ правъ греческихъ монастырей, очевидно, съ заднею мыслью поставить русскихъ уполномоченныхъ въ противорѣчіе съ ихъ прежнею политикою, съ греческимъ духовенствомъ и румынами. Порта посредствомъ этого пріема, не принося никакой жертвы, льстила такимъ образомъ патріархамъ и грекамъ и мстила румынамъ, напомнивъ имъ, что они не должны слишкомъ отворачиваться отъ султана, въ покровительствѣ котораго принцъ Карлъ можетъ еще встрѣтить надобность при разрѣшеніи забытаго въ Бухарестѣ монастырскаго вопроса, могущаго надѣлать много хлопотъ и затрудненій Румыніи, если удастся его возбудить.

Русскимъ уполномоченнымъ стоило не мало труда, чтобы избѣгнуть упоминанія о заявленіи Савфета въ документѣ договора, тѣмъ болѣе, что они получили официальную ноту сего послѣдняго по этому предмету. Имъ пришлось отвѣтить официально же, предоставляя Портѣ вѣдаться непосредственно съ Румыніею по монастырскому вопросу, «не входившему въ программу переговоровъ». Принимая во вниманіе прежнія дѣйствія русскаго правительства въ монастырскомъ вопросѣ, русскіе уполномоченные сознавали необходимость не раздражать понапрасну греческое духовенство, которому могло показаться, что Порта желаетъ предоставить ему большія денежныя средства, а Россія этому какъ будто противится, хотя прежде сама добивалась того же. При такихъ обстоятельствахъ нельзя было изыскать лучшаго исхода изъ созданнаго Савфетомъ-пашою положенія, какъ предоставить Портѣ вѣдаться непосредственно съ Румыніею, не высказываясь противъ вознагражденія греческаго духовенства и напомнивъ лишь о всегдашнемъ мнѣніи по этому вопросу русскаго правительства. Обвиненія, взведенныя на нашихъ уполномоченныхъ румынами въ преднамѣренномъ возбужденіи вопроса, непріятнаго для нашихъ союзниковъ, лишены, такимъ образомъ, всякаго основанія. Обмѣнъ нотъ по этому предмету между уполномоченными оставлялъ лишь за Россіею право, при случаѣ, впослѣдствіи, по соглашенію съ Портою, изыскать миролюбивый и благоразумный способъ окончательнаго разрѣшенія спора между греческимъ духовенствомъ и Румыніею, выгодный для обѣихъ сторонъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Гр. Н. П. Игнатьевъ.

ДОМЪ НА КОСТЯХЪ.

(Семейная хроника середины XIX вѣка).

I.

АКЪ И ЗВАЛИ всѣ въ городѣ наше обширное, старинное обиталище «домъ на костяхъ». Страшнымъ казалось это названіе, угрюмымъ и пугающимъ; страшнымъ казался всѣмъ и нашъ домъ. Да и мы всѣ, обитатели его, жили въ какомъ-то постоянномъ страхѣ передъ жизнью, какъ будто проклятіе какое-то висѣло надъ всѣмъ нашимъ родомъ. И дѣдъ мой, и бабушка, и отецъ съ матерью, и всѣ дяди и тети мои,—всѣ мы были несчастны, хотя и богаты... Я говорю—«мы», потому что и я, одинъ изъ послѣднихъ обитателей дома на костяхъ, тоже несчастный, къ тому же еще и бѣдный, бездомный, безсемейный. Мнѣ уже пятьдесятъ восемь лѣтъ, а я все еще не женатъ, да и смѣшно теперь объ этомъ говорить...

Служу я писцомъ въ городской управѣ и вотъ уже тридцать лѣтъ получаю всего лишь тридцать пять рублей въ мѣсяцъ. Когда лѣтъ пятнадцать тому назадъ я возбудилъ было вопросъ о прибавкѣ жалованья, городской голова, купецъ Ахунинъ, посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Для чего вамъ, Леонидъ Александрычъ, жалованья прибавлять, человѣкъ вы одинокій, неужто вамъ не хватаетъ тридцати пяти?

Врать я не умѣлъ съ роду и говорю купцу: «хватаетъ».

— Ну, такъ чего же вамъ!.. А у насъ есть служащіе семейные, имъ и прибавляемъ по мѣрѣ лѣтъ службы.

Послѣ этого я уже и не возбуждалъ вопроса о прибавкѣ жалованья: тридцать пять, такъ тридцать пять... Богъ съ вами!.. И только сказалъ городскому головѣ:

— Обидно больно, Артамонъ Игнатьичъ, другимъ прибавляете, а я какъ оглашенный какой...

— Что говорить объ обидахъ!.. Я вонъ, можетъ, министромъ бы долженъ быть по своимъ понятіямъ, а вонъ наши глоты въ прошлый годъ чуть меня и въ городскія головы не забаллотировали... Вотъ оно какое дѣло-то!.. Обижайся не обижайся, а живи, какъ Богъ приказалъ...

И вотъ живу я, какъ Богъ приказалъ, и мучаюсь всю мою жизнь. А все оттого, что надъ родомъ нашимъ повисло вѣковое проклятіе. Прогнѣвили Господа наши дѣды и отцы, а мы отвѣчай за нихъ...

Люди распространили о нашемъ родѣ страшную легенду, но это все вздоръ. Говорятъ, что всѣ несчастія обрушились на нашу семью только потому, что домъ нашъ построенъ на человѣческихъ костяхъ. И, помнится, въ дѣтствѣ я вѣрилъ въ эту страшную легенду, и радости и счастье моего дѣтства отравлялись этой вѣрой въ то, чего не было и не могло быть.

Вздорная легенда создалась благодаря слѣдующимъ обстоятельствамъ.

Въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія появился въ нашемъ городѣ купецъ Власъ Артамоновичъ Дулинъ. Пріѣхалъ онъ богачомъ откуда-то съ Урала и привезъ съ собою дурную молву: о немъ говорили, что онъ разбогатѣлъ, распространяя фальшивыя ассигнаціи. Пріѣхалъ къ намъ въ городъ купецъ Дулинъ, купилъ въ пригородной Овражной слободкѣ пустырь и построилъ химическій заводъ: варилъ мыло, выгонялъ изъ костей клей, обдѣлывалъ кожи, занимался и выгонкой скипидара. Дѣло пошло, и скоро онъ задѣлался виднымъ купцомъ не только въ нашемъ прикамскомъ городѣ, но и по всей округѣ и даже на той сторонѣ рѣки Камы. А лѣтъ черезъ пять женился на богатой купеческой дочкѣ и соорудилъ диковинный для нашихъ мѣстъ домъ, тотъ самый проклятый домъ на костяхъ, въ которомъ и мнѣ суждено было родиться.

Въ началѣ домъ былъ одноэтажный, съ обширнымъ мезониномъ, съ балконами и разными галлереями и свѣтелками. Потомъ, по мѣрѣ роста семьи моего прадѣда, вокругъ дома возникали все новые и новые пристройки и корпуса. По фасаду улицы онъ такимъ и остался, какимъ его соорудили въ началѣ, а во дворъ шли все при-

стройки, клѣтушки и галлереи и кладовыя для склада имущества и товаровъ. Домъ былъ обнесенъ высокимъ дубовымъ частоколомъ, и только ворота и калитка соединяли обширный прадѣдушкинъ дворъ съ улицей и съ остальнымъ живымъ міромъ. Заводскіе корпуса помѣщались въ глубинѣ двора, а между ними и домомъ, какъ предохраненіе отъ пожара, былъ выращенъ тѣнистый садъ.

Исторія постройки дома на костяхъ долго еще передавалась изъ устъ въ уста, какъ лѣтопись начала нашего рода. Разсказывали, напримѣръ, о томъ, какъ съ верховьевъ Камы гнали къ усадьбѣ прадѣда громадные «грузовые» плоты изъ толстыхъ «въ обхватъ» елей и сосенъ. Бревна эти десятокъ лошадей втаскивали въ гору отъ берега, здѣсь они распиливались, и изъ толстыхъ бревенъ возникали срубы. И для фундамента прадѣдъ мой выписалъ съ Урала какой-то особенный бѣлый и крѣпкій камень, ноздреватый, какъ морская пѣна, но крѣпкій камень, такъ что и желѣзнымъ молотомъ его не возьмешь. Разсказываютъ и о томъ, какъ прадѣдъ мой извелъ прекрасную дубовую рощу, скупивши ее за безцѣнокъ у какого-то разорившагося помѣщика. Роща эта была вырублена, а дубовыя бревна въ два и три обхвата были пригнаны въ усадьбу плотами по той же Камѣ. Изъ толстыхъ дубовыхъ досокъ купецъ Дулинъ соорудилъ въ своемъ домѣ полы и потолки, косяки дверей и оконъ. И рамы были сдѣланы изъ дуба, и колонны балконовъ съ полами и потолками, и крыльца всѣ и свѣтелки. Разсказываютъ, что и кровля дома была покрыта дубомъ, но потомъ дубъ прадѣдъ мой замѣнилъ черепицей, а дубовыя доски съ кровли были проданы какимъ-то иностранцамъ за дорогую цѣну.

И вотъ прошло теперь уже больше ста лѣтъ, а домъ этотъ до сихъ поръ стоитъ на берегу Камы, и ничего ему не дѣлается. Перешелъ онъ уже въ третьи руки, а все стоитъ. Теперь онъ уже оштукатуренъ и покрытъ желѣзомъ, и неопытные люди бывшій домъ нашъ считаютъ каменнымъ, а на самомъ дѣлѣ подъ бѣлой штукатуркой все тѣ же еловыя и сосновыя стѣны. Тѣ же и полы въ домѣ и потолки, только уже иначе размалеванные новыми владѣльцами. И дубовый частоколъ вокругъ двора замѣненъ невысокой каменной оградой, а на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ когда-то заводъ прадѣда, выстроены теперь каменные конюшни, каретники и амбары.

Въ настоящее время домомъ моего прадѣда владѣетъ купецъ Куркинъ, а купилъ онъ его у нашего предводителя дворянства Слуцкаго, который покончилъ жизнь свою самоубійствомъ въ одной изъ свѣтелокъ, сооруженныхъ покойнымъ моимъ прадѣдомъ.

На несчастномъ мѣстѣ построилъ мой прадѣдъ свой домъ. Какіе-то, должно быть, грѣшные люди по рѣкѣ гнали плоты, сооружали стѣны и двери, и окна. И до сихъ поръ мнѣ кажется, что легенда о томъ, что нашъ домъ былъ выстроенъ на костяхъ человѣческихъ, сама жизненная правда. Богъ мститъ намъ всѣмъ, жившимъ

или живущимъ въ домѣ, за то, что онъ построенъ на костяхъ человѣческихъ.

Помню эпизоды изъ своего дѣтства. Когда я былъ гимназистомъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то былъ заводъ, лежали бугры земли, битаго кирпича и камни. А кое-гдѣ сохранялся еще старый фундаментъ дома, стѣны подваловъ, засоренныхъ обсыпавшейся землею.

По обширному заводскому пустырю росла крапива, репьи, чертополохъ, бѣлена, лебеда и какая-то особенно красивая зелено-желтая, нѣжная травка, названія которой я до сихъ поръ не знаю. Но зелено-желтая травка эта была у насъ, малышей, въ особомъ почетѣ.

Конюхъ, старикъ Евдокимъ, вселилъ въ насъ особенное представленіе объ этой зелено-желтой травкѣ. Играли мы какъ-то съ братомъ на пустырѣ въ воровъ и разбойниковъ (это любимая почему-то была у насъ игра), а старикъ Евдокимъ собиралъ на ямахъ молодую крапиву для щей. Валялись мы на зелено-желтой травкѣ, а онъ все смотрѣлъ на насъ да что-то бурчалъ себѣ подъ носъ. А когда мы съ братомъ, поссорившись, начали горстями рвать зелено-желтую травку и пучками ея бросаться другъ въ друга, Евдокимъ, точно змѣей ужаленный, заоралъ и подбѣжалъ къ намъ.

— Барчуки, что вы дѣлаете!.. Барчуки!.. Нельзя рвать эту травку!..

— Почему?—заинтересовались мы и забыли о своей ссорѣ и дракѣ.

— Да какъ же жъ можно рвать эту травку: святая она!.. Кровь это человѣчья...

Мы оба съ братомъ расхохотались надъ непросвѣщеннымъ старикомъ, а братъ мой даже и такую штуку отмочилъ:

— Евдокимъ,—говоритъ,—трава эта по-латыни называется «Duramentum», что значитъ по-русски прочная...

Я расхохотался надъ шуткой брата, а онъ продолжалъ увѣрять старика, что трава эта дѣйствительно называется прочной травой, и говорилъ:

— Ты пощупай, какая она мягкая, а твердая... Посмотри!..

И братъ сорвалъ новую горсть травы, которая дѣйствительно была хотя и нѣжная наощупь, но страшно твердая, и оторвать ее отъ земли не легко было.

Кинулъ горсть травы братъ въ лицо Евдокима, а онъ даже отшатнулся и лицо прикрылъ руками и застоналъ. А потомъ поднялъ лицо, осмотрѣлъ бѣлыя облака, бѣжавшія по вешнему небу, и сказалъ:

— Потому она, барчуки, твердая, что Господь Богъ не приказалъ ее рвать и мять... Послухайте-ка вы меня, нехристи... Бога-то не боитесь...

Присѣлъ на обрубокъ гнилого дерева Евдокимъ, и мы усѣлись съ нимъ рядомъ на тотъ же обрубокъ.

И сказалъ Евдокимъ съ тоской въ голосѣ:

—Изъ человѣческой крови выросла эта трава... изъ человѣчьей...

II.

Что-то таинственное и интригующее насъ съ братомъ послышалось въ особенномъ голосѣ Евдокима, и мы оба обратились въ закаменѣвшее вниманіе.

А Евдокимъ продолжалъ свой разсказъ:

— Было это давно... пожалуй, и никто не скажетъ, когда это было... А только ходили по Волгѣ и по нашей матушкѣ-Камѣ разбойничьи шайки, грабили и убивали людей по дорогамъ и на рѣкѣ шкодили: то барку изловятъ съ товарами да ограбятъ, а людей-то всѣхъ либо на висѣлицу, либо ножъ въ горло да и въ рѣку... И вотъ были въ тѣ времена на горѣ нашей, гдѣ вотъ городъ-то нашъ построенъ, лѣса дремучіе-предремучіе. А въ тѣхъ лѣсахъ вырыты были пещеры да ямы, въ которыхъ и укрывались разбойники отъ войскъ царскихъ. А людей, что побогаче да познатнѣй, люди тѣ разбойные не убивали, а въ свои пещеры затаскивали да и держали до той поры, пока сродственники ихъ не выкупали ихъ у разбойниковъ. А выкупъ разбойники назначали большущій, у кого и денегъ-то такихъ не найдется... И вотъ выходило такъ, что, кого сродственники не выкупятъ, разбойники съ такимъ горемычнымъ человѣкомъ, не говоря ни слова, по-свойски приканчивали— душили, али вѣшали, а чтобы не быть въ отвѣтѣ, тутъ же въ лѣсу около своего проклятаго логова и въ землю закапывали... Мотри-ка, весь-то нашъ городъ, а не то что только это мѣсто, и весь городъ на человѣческихъ костяхъ построенъ...

— Ну, ужъ это ты вздоръ мелешь,—возразилъ братъ, но, какъ мнѣ показалось, и возразилъ-то онъ только для того, чтобы еще сильнѣе раззадорить разсказчика и заставить его говорить и говорить о старыхъ временахъ нашихъ прикамскихъ лѣсовъ...

— А ты постой, барчукъ, помолчи!.. Люди старые, братъ, не врали, не то, что понѣшніе... А старые люди эти все доподлинно знали и все разсказывали... Я тоже вонъ помню своего прадѣда, а онъ говорилъ, что на мѣстѣ города-то нашего, когда онъ мальчонкой былъ, всего и была махонькая деревушка на этомъ мѣстѣ, а гдѣ домъ-то вашъ, тутъ еще лѣсъ росъ. И вашъ-то старый родитель, купецъ Власъ Артамонычъ, когда домъ-то тутъ строилъ, по два обхвата сосны валилъ... Посмотри-ка стѣны-то какія у вашего дома...

— Ты, братъ, врешь, Евдокимъ!—снова возразилъ братъ мой Женя.—Бревна на домъ съ верховьевъ Камы пригонялись, папа говорилъ...

— А ты, барчукъ, погоди, погоди, не сучи языкомъ-то!.. Отецъ-то твой годковъ на тридцать помоложе меня будетъ и ничего онъ не знаетъ, а у меня отецъ и домъ-то вашъ строилъ, наблюдателемъ, значитъ, былъ и за порядками наблюдалъ.

Мы немного сбили наладившійся разсказъ Евдокима, уличивъ разсказчика въ томъ, что по расчету лѣтъ никакъ не выйдетъ, чтобы отецъ Евдокима могъ быть наблюдателемъ при постройкѣ дома прадѣда.

— А развѣ я сказалъ, что отецъ?—переспросилъ Евдокимъ, немного смущенный.

— Ну, конечно, сказалъ, что отецъ твой былъ наблюдателемъ...

— Ахъ ты, Господи!—немного повеселѣвшимъ тономъ продолжалъ Евдокимъ:—не отецъ, а само-настоящій доподлинный дѣдъ мой Василій Петровъ... Ну, такъ вотъ... Когда дѣдъ-то мой мальчонкомъ былъ, на этомъ мѣстѣ, гдѣ городъ теперь, была простая деревушка... Почнутъ мужики колодецъ рыть или столбъ какой врывать, а тутъ тебѣ въ землѣ-то все косточки и косточки, да не какія-нибудь косточки, а все человѣчьи... Прошлый годъ вонъ... а можетъ два года назадъ... батюшка-то нашъ соборный домъ новый клалъ изъ кирпича и тоже, какъ почали канаву для фундамента рыть, то и вырыли цѣлыхъ пять лукошекъ человѣческихъ костей... Ты тоже скажешь—не человѣчьи это кости, а батюшка-то знаетъ: кости вырыли и на кладбище снесли, и въ землю ихъ зарыли, и панихиду надъ ними батюшка пропѣлъ... Сталъ бы онъ панихиду пѣть, коли это были бы не человѣчьи кости... Тоже, сказалъ!.. А я те вотъ что скажу, барчукъ мой милый, домъ-то вашъ на самыхъ главныхъ костяхъ и построенъ... Порой-ка-сь гдѣ, тутъ вотъ хошь, и непремѣнно ты человѣчьи кости найдешь...

— И это все вздоръ!—снова не утерпѣлъ и возразилъ братъ:— на этомъ мѣстѣ у нашего прадѣда былъ заводъ клеевой, а клей изъ кости гонится... вотъ тебѣ и кости!.. Воловьи, коровьи, лошадиныя, можетъ, собачьи и кошачьи кости въ землѣ, а ты свое мелешь— человѣчьи!.. Папа лучше тебя знаетъ...

— А ты постой... посто-о-ой, барчукъ... не сучи языкомъ-то!.. Батюшка не сталъ бы надъ собачьими костями панихидку пѣть.

— Да, вѣдь, онъ надъ тѣми костями пѣлъ, что нашли у него въ усадьбѣ. А у насъ здѣсь никакой панихиды попы не пѣли...

— Вотъ то-то и плохо, что никогда тутъ никакой панихидки не пѣли, оно и выходитъ—мѣсто страшное, потому кости человѣчьи вопіютъ... вопіютъ онѣ... Сколько тутъ на этомъ мѣстѣ крови пролито, можетъ, ручьи лились, а опять кости... вонъ онѣ наружи лежатъ... вонъ!.. вонъ!..

Евдокимъ поводилъ по сторонамъ своимъ толстымъ закорузлымъ пальцемъ и показывалъ намъ на кости, которыя мы давно уже ви-

дѣли и на ямахъ и въ саду, когда чуть копнешь землю вершка на два, и во дворѣ.

Нельзя было отрицать, что старый домъ нашъ былъ построенъ на костяхъ, но мы всѣ, семейные, такъ легко объясняли это, памятуя, что у нашего дѣла былъ клеевой заводъ. Но устами Евдокима говорила сама народная молва. Изъ далекихъ временъ, когда на Волгѣ и Камѣ водились разбойники, пришла эта молва къ намъ и до насъ, правнуковъ, докатилась.

— Почему же ты не соберешь эти косточки да не позовешь отца Игнатія, чтобы онъ въ могилку ихъ закопалъ и панихиду отслужилъ?—не унимался братъ и оспаривалъ разсказъ Евдокима.

— Побольше меня люди есть... имъ бы это и сдѣлать, папа вонъ вашъ, мама, дѣдушка, бабушка...—немного смущенный, говорилъ Евдокимъ.—А я вамъ говорю, что другіе говорятъ... да!.. А отчего всѣ несчастія на роду вашемъ... Отчего?.. Живете богато, а счастья нѣтъ: смута одна въ семьѣ, болѣзни да смерти... Вонъ прадѣдушка-то вашъ... вонъ могилка-то... вонъ часовенка-то стоитъ... На томъ самомъ мѣстѣ и поставлена, гдѣ его громомъ-молніей убило...

Мы съ братомъ посмотрѣли черезъ заборъ на высокій холмъ за садомъ. На этомъ холмѣ, гдѣ и теперь проходитъ гладко наѣзженная дорога, стоитъ старинная кирпичная часовенка, поставленная на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ дѣдъ мой былъ убитъ громомъ.

А Евдокимъ продолжалъ свой разсказъ:

— Вотъ съ него всѣ несчастія и начались... А какой онъ, царство ему небесное былъ (Евдокимъ три раза перекрестился). И папаша-то вашъ, небось, знаетъ, какой крутой старикъ былъ: сколько людей намучалъ... А еще и вонъ что говорятъ, будто прадѣдъ-то вашъ изъ человѣчьихъ костей клей-то гналъ... тотъ клей, что получше сортомъ...

— Фу! какой ты взоръ говоришь!—воскликнулъ братъ.

— Можетъ, и вздоръ, а, можетъ, и вправду это было... Лѣсъ тутъ въ тѣ поры былъ, а начальства никакого, что хошь, то и дѣлай...

— Да вздоръ ты говоришь!—воскликнули уже мы съ братомъ вмѣстѣ.

И было страшно какъ-то заступаться за нашего прадѣда и было еще страшнѣе слушать вздорный разсказъ Евдокима и не опровергать его.

Разсказы о томъ, будто прадѣдъ нашъ, дѣйствительно, выгонялъ клей изъ костей человѣчьихъ, смущали и дѣда моего, какъ онъ разсказывалъ, и отца. Да и бабушка не разъ бранила «непутевыхъ» разсказчиковъ, но что же мы всѣ могли сдѣлать въ оправданіе прадѣда нашего? Что домъ нашъ построенъ на костяхъ, это—фактъ. А на чьихъ костяхъ?.. Можетъ быть, и вправду нужно было бы изслѣдовать всѣ эти кости и или опровергнуть страшную легенду,

или молча признать истину и отслужить панихиду на ямахъ, оставшихся отъ разрушеннаго завода прадѣда.

А Евдокимъ, подогрѣтый нашимъ вниманіемъ и тѣмъ, что мы не на шутку огорчены его разсказомъ, продолжалъ свое страшное повѣствованіе:

— А развѣ не правда, что прадѣдъ вашъ имѣлъ до десятка женъ... А?.. а деревенскихъ мужиковъ, парней молодыхъ, кто на хутора на Уралъ отправлялъ, да тамъ ихъ, какъ каторжниковъ, держалъ... А?.. Не прадѣдъ вашъ? Парней на хутора отправитъ, а самъ съ ихъ женами безчинствуетъ да мучаетъ ту, которая не захочетъ быть его полюбовницей... А?.. Скажете, и это все неправда?.. А кто надъ рабочими своими измывался да работать заставлялъ ихъ цѣлыми сутками, а кто ослабнетъ—въ Каму тащили да тамъ въ водѣ надъ ними надругивались... А кормили какъ! чѣмъ кормили?.. А какъ прадѣдъ вашъ, какъ всамдѣлишный баринъ, людей на собакъ мѣнялъ, а собакъ на людей... А?.. Тоже скажете—неправда... Нѣтъ, все это правда... Правда истинная!.. Какъ передъ Богомъ говорю вамъ, барчуки... Прадѣдъ-то вашъ, хоть и не изъ господъ былъ, а у него на заводѣ да и такъ-то на усадьбѣ людямъ жилось хуже, чѣмъ на барскомъ дворѣ гдѣ-нибудь... Ужъ на что были злы помѣщики Скавронскіе, а у нихъ того звѣрства не было, что у васъ вотъ тутъ на этомъ проклятомъ мѣстѣ...

Евдокимъ смолкъ, и мы съ братомъ молчали. Голосъ его, какъ голосъ съ неба, былъ такой властный, гремучій, что казалось, что голосомъ этимъ заговорили всѣ тѣ люди, которыхъ, дѣйствительно, замучилъ нашъ прадѣдъ. И сидѣли мы, подавленные разсказомъ Евдокима, хотя этотъ разсказъ и не былъ для насъ новостью. Мы давно уже и отъ дѣда, и отъ отца слышали разсказы о жестокостяхъ нашего прадѣда. И онъ вставалъ въ этихъ разсказахъ какой-то легендарной, таинственной личностью, пугающей своими жестокостями, и вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ всегда представлялось, что человѣкъ этотъ былъ человѣкомъ большой кипучей энергіи, смѣлыхъ замысловъ и не менѣе смѣлыхъ ихъ выполненій. На Камѣ есть перекатъ, и онъ до сихъ поръ называется именемъ моего дѣда. Когда-то на собственныя средства онъ расчистилъ русло и не мало людей перетонуло на этой работѣ и не мало людей умерло отъ холода и морозовъ. Для своихъ торговыхъ цѣлей расчищалъ старикъ Каму, но и до сихъ поръ въ этомъ мѣстѣ суда проходятъ безпрепятственно даже въ самое сухое лѣто. А въ городѣ имѣются богадѣльня и школа имени моего прадѣда. Можно бы было назвать и церковь Покрова его именемъ, потому что и эта церковь цѣликомъ воздвигнута на средства моего прадѣда, страшнаго бѣлаго старика, какъ его когда-то звали всѣ, кому приходилось встрѣчаться съ нимъ на пути жизни.

Въ тѣ времена, когда былъ живъ мой прадѣдъ, все чиновничество

поголовно брало взятки. Кажется, ни одного дѣла не сдѣлаешь безъ того, чтобы не отблагодарить и маленькихъ чиновниковъ, и покрупнѣе.

Помимо того, чиновники чванились и другихъ людей, а особенно людей податного сословія и купцовъ даже и за людей-то не считали. И случилось такъ, что въ нашъ городъ по какимъ-то дѣламъ пріѣхалъ одинъ *нàбольшій* чиновникъ, какъ говорили въ то время. Пріѣхалъ чиновникъ въ нашъ городъ, разнесъ за непорядки всѣхъ своихъ подчиненныхъ да и другимъ людямъ—купцамъ, попамъ, мѣщанамъ—досталось отъ него. А недоволенъ былъ *нàбольшій* чиновникъ горожанами только потому, что плохо его встрѣтили, не сладко угощали, а главное потому, что мало выказали предъ нимъ раболѣпства и повиновенія.

И вотъ какъ-то къ вечеру прискакалъ въ усадьбу купца Дулина гонецъ отъ *нàбольшаго* чиновника съ криками и бранью. Какъ оказалось, мой прадѣдъ только одинъ изъ всѣхъ купцовъ не подчинился приказанію чиновника и не пріѣхалъ къ нему съ поклономъ и подаркомъ. Подарокъ-то купецъ Дулинъ послалъ чиновнику, и подарокъ этотъ былъ всѣхъ цѣннѣе, но самъ-то онъ не пожелалъ пріѣхать къ чиновнику. Возмутился чиновникъ и послалъ гонца съ приказомъ живымъ или мертвымъ, но доставить купца Дулина предъ свѣтлыя очи начальника. Какъ въ сказкѣ хотѣли сдѣлать, а вышло по иному, какъ въ жизни, особенно, если дѣло касалось такого упрямаго и честолюбиваго человѣка, какимъ былъ мой прадѣдъ.

— Скажи ты своему начальнику,—сказалъ купецъ Дулинъ гонцу:—что подарокъ я ему послалъ, а самъ я—подарокъ не по зубамъ ему... Пшелъ сейчасъ же отъ воротъ моихъ!.. Да такъ и скажи, молъ, тяжелъ подарокъ Власъ Артамонычъ Дулинъ и никакъ онъ себя не можетъ доставить господину начальнику на поклонъ.

Вернулся гонецъ къ начальнику и разсказалъ, какъ было. А начальникъ въ гнѣвъ вошелъ, послалъ десять своихъ гонцовъ и приказалъ имъ насильно притащить къ себѣ купца Дулина. И на этотъ разъ ослушался купецъ Дулинъ и еще больше разсердилъ начальника. Тогда начальникъ послалъ въ усадьбу прадѣда моего два взвода солдатъ, а наступила уже ночь, и всѣ огни въ усадьбѣ прадѣда моего были потушены. Какъ въ непріятельскую крѣпость, ворвались солдаты къ купцу Дулину, связали его и въ такомъ видѣ доставили къ начальнику. Прикинулся тутъ прадѣдъ мой покореннымъ и говоритъ начальнику:

— Твое взяло, ваше превосходительство... Я думалъ что сильнѣе всѣхъ на свѣтѣ, анъ выходитъ и посильнѣе меня есть люди...

Понравилось ли это признаніе его превосходительству, или же понравился самъ старикъ ему,—а прадѣдъ мой даже своимъ внѣш-

нимъ видомъ могъ обворожить кого угодно,—но только видятъ всѣ чиновники, что между начальникомъ и купцомъ плѣннымъ завязалась самая близкая дружба. Привели къ чиновнику купца связаннымъ, а онъ уже противъ него сидитъ въ креслѣ, какъ равный съ равнымъ, и пьетъ съ генераломъ чай съ дорогимъ заморскимъ виномъ.

Подивились люди странному событію и никакъ не могли его объяснить, да никто и не узналъ, какъ же это такъ вышло, что ослушникъ купецъ вдругъ сталъ пріятелемъ грознаго начальства. А къ половинѣ ночи изъ усадьбы купца Дулина прикатили тройки вороныхъ, сивыхъ и сѣрыхъ лошадей, впряженныхъ въ красивые тарантасы. И покатили охмелѣвшіе начальники во главѣ съ купцомъ Дулинымъ въ лѣсъ на гулянку, а въ лѣсу уже и костры горятъ и послушные слову купца Дулина слуги его вина разныя да закуски на коврахъ разставляютъ, а въ лѣсочкѣ уже и хоръ пѣвцовъ приготовился, и музыканты ждутъ пріѣзда дорогихъ гостей въ заповѣдную дубовую рощу купца Дулина. Показались на дорогѣ быстро несущіяся въ темнотѣ тройки, вынеслись на полянку, озаренную племенемъ костровъ, и запѣли тутъ люди въ прославленіе *набольшаго* начальника, а музыканты заиграли что-то веселое и хвалебное.

Тутъ и начался лѣсной пиръ до утра. Вѣрные холопы купца Дулина срубали въ лѣсу деревья, разжигали костры, а чиновники съ купцомъ пировали: пили да ѣли, кто чего хочетъ и кто сколько хочетъ. А къ утру и вышла такая оказія, что всѣ гости купца Дулина оказались пьяными настолько, что какъ сидѣли на коврахъ, такъ и повалились, и самый главный начальникъ ослабѣлъ и тоже свалился у костра на коверъ.

Тутъ купецъ Дулинъ и началъ настоящую свою забаву. Приказалъ холопамъ своимъ раздѣть догола всѣхъ своихъ охмелѣвшихъ гостей, какъ говорили, одурманенныхъ какимъ-то дурманомъ вмѣсто вина. Раздѣлъ купецъ Дулинъ своихъ гостей догола, приказалъ потушить костры, забралъ всю чиновничью одежду, сѣлъ на тройку и холопамъ своимъ приказалъ наложить въ экипажи остатки закусокъ да и самимъ сѣсть, да такъ подъ общій хохотъ всѣ и выѣхали изъ лѣса. Къ утру костры окончательно потухли, и напали на голыхъ спящихъ чиновниковъ комары да мошка разная, а тутъ и солнце встало изъ-за лѣсовъ, и какъ проснулись гости купца голые, такъ и обмерли и не знали, что же дѣлать. Итти въ городъ въ голомъ видѣ очень ужъ зазорно было, а послать за одеждой некого—всѣ какъ Адамы какіе-нибудь, да и холодъ утренній пробиралъ, а на траву выпала роса, и туманы еще бродили у подножія вѣковыхъ дубовъ.

Какъ пробрались въ городъ одурманенные и одураченные чиновники, никто не знаетъ, и такъ эта исторія и заглохла. Говорятъ, что *набольшій-то* чиновникъ вмѣсто того, чтобы жаловаться на купца-

озорника, приказалъ своимъ подчиненнымъ молчать да и въ городѣ-то долго еще преслѣдовали тѣхъ, кто проговорится и разскажетъ о томъ, какъ купецъ Дулинъ угощалъ въ своей заповѣдной рощѣ чиновниковъ.

III

Кончилъ жизнь свою купецъ Дулинъ въ лѣтнюю пору, когда особенно много было у него разныхъ дѣлъ. Случилась на Камѣ буря и просвирѣпствовала дня два. Много плотовъ разметало той бурей, много судовъ сорвало съ цѣпей и якорей. Не пощадила буря и барокъ прадѣда моего. А въ какой-то баркѣ были разные дорогіе товары, накупленные купцомъ Дулинымъ для своего пользованія. Были тутъ и матеріи разныя, и вина и вещи разныя, и закуски, и одежда дорогая для всѣхъ домочадцевъ богатаго купца. И вотъ выгналъ купецъ Дулинъ всѣхъ своихъ слугъ на берегъ, чтобы спасти товаръ, а буря отнесла барку на середину рѣки, пробила у барки бортъ, и барка накренилась на правую сторону. Погналъ купецъ лодки съ людьми къ тонувшей баркѣ, а волны рѣки свое дѣло дѣлали: качали на сѣдыхъ гребняхъ утлыя суденышки, заливали ихъ водой да захлестывали. А вотъ одну лодку и опрокинуло, и выпали люди за бортъ и начали тонуть. Выбрался ли кто изъ воды, нѣтъ ли— никто не знаетъ, а только и остальные люди струсили да въ лодкахъ своихъ къ берегу поплыли. Разсердился купецъ Дулинъ, приказываетъ людямъ садиться въ лодки, а тѣ, какъ ни покорны были, не рѣшались губить своей жизни. Купецъ Дулинъ изъ себя выходитъ, кулаками людей бьетъ и приказываетъ въ лодки садиться, а тѣ, какъ вкопанные въ землю, ни съ мѣста. Пригрозилъ купецъ Дулинъ людямъ своимъ перестрѣлять всѣхъ и, какъ паренекъ молодой, побѣжалъ въ гору, чтобы ружье и пули принести изъ дому. И до дому добѣжалъ, и ружье съ пулями схватилъ изъ спальни своей, а какъ выбѣжалъ вновь изъ усадьбы, новая страшная туча надвинулась на Каму, надъ усадьбой старика темное крыло тучи простерлось. А громъ несмолкаемо гудитъ и обрушивается на землю гулкими раскатами, и молніи слѣпятъ глаза.

Выбѣжалъ купецъ Дулинъ на пригорокъ, что на самомъ берегу рѣки, тутъ его и ударило въ голову стрѣлой небесной, молніей слѣпящей, и упалъ онъ мертвымъ, а около него ружье лежитъ, то самое ружье, изъ котораго онъ хотѣлъ перестрѣлять другихъ людей.

Такъ и закончилась эта бурная жизнь человѣка, который всю свою жизнь хотѣлъ только повелѣвать. О послѣднихъ годахъ жизни прадѣда моего разсказывала мнѣ моя бабушка. Какъ ни любила она отца, а все же и по ея разсказамъ выходило такъ, что страшнѣе этого человѣка во всемъ округѣ не водилось. Бабушка такъ именно и сказала: «не водилось», какъ будто рѣчь шла о какомъ-то лѣсномъ звѣрѣ.

За годъ до смерти надъ домомъ прадѣда моего стряслась другая бѣда. Еще задолго передъ тѣмъ, какъ только разбогатѣлъ онъ, то и выписалъ съ Урала двухъ братьевъ своихъ—Митрофана и Луку—и поручилъ имъ слѣдить за хозяйствомъ да наблюдать за рабочими завода. Оба брата, какъ и самъ купецъ Дулинъ, были такіе же, какъ и онъ, энергичные, смышленые да отважные. Дѣла брата они развернули на всю губернію, и сталъ купецъ Дулинъ довѣрять имъ и деньги большія и дѣла важныя. А тутъ вышло такъ, что вмѣсто самого Дулина на ярмарки сталъ ѣздить Лука, да и братъ Митрофанъ помогалъ ему въ дѣлахъ продажи. И вотъ когда двумъ братьямъ попало въ руки нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, тутъ они и измѣнили своему довѣрителю. Забрали денежки да и уѣхали куда-то по Камѣ, а потомъ и внизъ по Волгѣ да до самаго Каспійскаго моря. А въ добавленіе къ этому братъ Лука увезъ у купца Дулина самую красивую и самую любимую его Наденьку-монашку, какъ звали одну дѣвицу изъ духовныхъ, которая жила въ городѣ, отбившись отъ семьи кладбищенскаго батюшки.

Чуть отходили купца Дулина отъ удара, когда онъ прочелъ насмѣшливое письмо брата Луки, а Лука писалъ, что, молъ, вотъ что, братецъ, «служили мы тебѣ хорошо и денегъ нажили немало, а жалованье ты намъ платилъ плохое да и такъ-то держалъ насъ, какъ слугъ своихъ. Теперь мы и сами себѣ торговлю откроемъ и будемъ всегда тебѣ благодарны. А что касается Наденьки, которую вы прозвали въ насмѣшку монашенкой, такъ мы съ Наденькой давно другъ друга любимъ и, какъ пріѣдемъ въ такое мѣсто, гдѣ вамъ, братецъ родной, насъ не достать, тутъ мы и обвѣнчаемся».

Что потомъ стало съ двумя братьями Дулиными, бѣжавшими отъ родного брата, никто не зналъ. Говорили люди, что оба они разжились гдѣ-то на рыбныхъ промыслахъ на морѣ, а другіе говорили, будто они погибли въ водахъ морскихъ вмѣстѣ съ Наденькой-монашкой.

И погоню устраивалъ купецъ Дулинъ за братьями, и разныхъ людей нанималъ и посылалъ ихъ на розыски, но такъ изъ этого ничего и не вышло: какъ въ воду канули и Лука, и Митрофанъ. А потомъ люди вѣрные говорили, что оба они живы и богато живутъ, а насчетъ гибели въ волнахъ моря сами слухи эти распускали, чтобы братъ не искалъ ихъ.

А о себѣ бабушка моя говорила:

— А я была любимой дочкой отца покойнаго. Было насъ, ребятъ, пятеро—три брата да двѣ сестры. Сестра моя, Дашенька, умерла въ дѣтскихъ годахъ. Обварили ее изъ самовара кипяткомъ, помаялась и умерла, а черезъ годъ братъ Саша умеръ. Пошелъ рыбу ловить, кувыркнулся съ берега и утонулъ... Тутъ и съ матерью моей случилась бѣда, стала она винцо попивать, чтобы горе свое отъ потери сына и дочери размыкать. Сначала тайно у себя въ

горенкѣ попивала, а какъ отецъ прозналъ да избилъ ее за это баловство, тутъ она ужъ въ открытую пошла и пила и день, и ночь... Сколько отецъ ни билъ ее, ни сажалъ въ темный чуланъ, ничего не добился... Выйдетъ изъ чулана и ну опять пить... Такъ вотъ и жили мы, а отецъ съ каждымъ годомъ становился лютымъ... Два брата мои, Гриша и Ѳедя, боялись его, какъ огня. Изъ послушанья не выходили, а тоже, глядючи на мать, стали винцо попивать да баловаться табачкомъ. Узналъ и про это отецъ и тоже билъ ихъ и въ темный чуланъ сажалъ... Бывало, маму мою и Гришу съ Ѳедей поколотитъ и въ темный чуланъ посадитъ. Такъ, бывало, мать съ сыновьями и сидятъ въ чуланѣ. Сперва плачутъ-плачутъ, а потомъ начнутъ стихиры духовныя пѣть, а то перейдутъ на пѣсни, хохочутъ!.. И вышло тутъ такъ, что горничная одна подкуплена была матерью и носила имъ въ чуланъ водочку съ закусочкой да винцо разное. А то и такъ дѣлала: запрячетъ раньше времени гдѣ-нибудь бутылочку, а то и двѣ, а какъ придутъ узники въ тюрьму, то тутъ имъ и выпивка приготовлена. Дознался и объ этомъ отецъ и сослалъ ту горничную Палашу въ самый дальній хуторъ на Уралъ. А когда лѣтомъ поѣхалъ на хуторъ, то и отдалъ ее насильно замужъ за курносаго и плюгаваго сторожа, изъ башкиръ крещенаго. А сторожа уволилъ, и поселилась Палаша въ башкирской деревнѣ, гдѣ на половину магометане жили, а на половину—крещеные... Да какіе, прости Богъ, эти самые крещеные христіане! Въ церковь не ходятъ да и молиться-то не умѣютъ... И случилось тутъ такъ, что мужъ Палаши умеръ и осталась она въ деревнѣ съ башкирами, а тутъ и сама въ магометанство перешла и за башкирца замужъ вышла. Тутъ и осудили Палашу и сослали въ Сибирь... Что сталось съ нею, не знаю... А братья мои попрежнему куролесили. Совсѣмъ отбились отъ рукъ. Парни были большіе, одного ужъ и рекрутской квитанціей отъ солдатчины откупили, а другому было лѣтъ двадцать пять. И вышло такъ, что отецъ и Гришу съ Ѳедей въ тотъ же дальній хуторъ сослалъ за ослушаніе, а маму мою приковалъ на цѣпь въ своей спальной... И жила я одна въ домѣ съ отцомъ-извергомъ, и ничего не могла сдѣлать... Бывало, мамѣ моей облегченіе какое хочу сдѣлать, а отецъ грозитъ, что и меня въ дальній хуторъ сошлетъ на поселеніе. А вышло такъ въ скорости, что на этомъ самомъ хуторѣ оба брата мои въ одночасье умерли... Затопили печь на ночь и спать легли, а по утру обоихъ ихъ нашли мертвыми—угорѣли. Узнала объ этомъ мама и тоже вскорѣ умерла, руки на себя наложила и удавилась... Такъ на цѣпи прикованной и умерла. Рука была къ кольцу въ стѣнѣ прикована, а голову просунула въ петлю, а веревку-то къ рамѣ дубовой привязала, да такъ и заглохла, родная моя... Всѣ эти смерти вытрезвили отца, и сталъ онъ кротче, молился по ночамъ, а потомъ и церковь Покрова Пресвятыя Богородицы на город-

ской площади выстроилъ на свои деньги и все въ эту свою церковь молиться ходилъ...

Страшнымъ, загадочнымъ призракомъ вставала предо мною фигура моего прадѣда, и я часто боялся думать о томъ, что живу въ домѣ, свидѣтелѣ такихъ страшныхъ подробностей жизни моихъ предковъ. И молва горожанъ по-своему отмѣчала эту страшную жизнь. Съ какимъ-то злорадствомъ мѣщане, мелкіе купцы и вѣчно нуждающіеся чиновники говорили о страданіяхъ нашего рода, какъ будто эти страданія доставляли имъ всѣмъ какую-то радость. Да какъ и не радоваться! Стоитъ въ пригородѣ особнякомъ роскошный и богатый домъ, гдѣ въ довольствѣ живутъ люди. Все какъ-то по особенному, все не похоже на остальную жизнь въ этомъ домѣ, и вдругъ въ этотъ же заколдованный и сказочный замокъ роскоши и довольства смѣло входятъ тѣ же самыя муки и страданія, которыя такъ повседневно, такъ непрестанно живутъ среди бѣднаго и обиженнаго жизнью люда.

— Послѣ смерти отца,—говорила бабушка,—осталась я одна въ этомъ страшномъ домѣ на костяхъ. Все хозяйство взвалилось на меня, всѣ хлопоты заставили меня проснуться къ жизни. Что же я дѣлала при жизни отца: пила, ѣла, красиво наряжалась, играла на клавикордахъ. Были у меня и подруги изъ купеческихъ и дворянскихъ семей, но между ними и мною всегда жила зависть самая черная. Съ виду хорошо относились мои подруги ко мнѣ, а въ душѣ это были змѣи подколодныя. И вотъ, замкнулась я отъ всѣхъ и начала свою жизнь по дому. Торговля и заводъ замерли, оставила я это дѣло и думала о томъ, какъ бы выйти замужъ да и сдать всѣ дѣла мужу. А свататься за меня боялись, потому считали, что кто поселится въ нашемъ домѣ, все равно счастливъ не будетъ. Такъ и намекали мнѣ женихи: молъ, распродай ты все это чудовище, а тогда можно и свадьбу сыграть, а я думаю: берите, какая есть, а съ трусами мнѣ и жить не захочется. И вотъ случилось такъ, пріѣхалъ къ намъ въ городъ ученый человѣкъ Александръ Ивановичъ Дроздовскій, дѣдушка вашъ. Гдѣ-то въ Москвѣ онъ жилъ и былъ профессоромъ, а вотъ пріѣхалъ къ намъ въ городъ и заинтересовался моимъ стоящимъ безъ дѣла заводомъ. Много расхваливали нашъ заводъ люди, вотъ и онъ заинтересовался. Пришелъ, «покажите,—говоритъ,—мнѣ ваше заведеніе». Повела его я по заводу, а онъ красивый такой, вѣжливый да обходительный, какихъ мужчинъ у насъ въ городѣ отродясь и не бывало. Ну, разъ пришелъ, другой разъ пришелъ, а тутъ ужъ, прямо скажу, и ухаживать за мой сталъ, да и мнѣ онъ нравился. А когда дѣло дошло до настоящаго объясненія и говорю я ему: «Какъ же,—говорю,—Александръ Иванычъ, вы войдете въ нашъ домъ, если его всѣ боятся?» Посмотрѣлъ на меня Александръ Иванычъ, улыбнулся и говоритъ: «Я безъ предразсудковъ и смерти

не боюсь, потому знаю, что такое смерть, и рано или поздно она придетъ». И вышла я замужъ за моего героя. Сейчасъ же мужъ открылъ заводъ, нанялъ рабочихъ и повелъ дѣло по-своему. А только вижу я, что не съ того конца началъ дѣло, потому все въ теоріи разныя отвлекался, химію онъ изучалъ и самъ химикъ былъ. Теорія его одно, а жизнь—другое. И дѣло-то, вижу, не по настоящему сталъ вести: съ рабочими какъ равный, а какое же равенство между тѣми, кто на тебя работаетъ. Бывало, захотятъ рабочіе отдохнуть—отдыхай. Захотятъ рабочіе прибавки за работу, онъ и прибавку дѣлаетъ. Глядѣла, глядѣла я на его порядки и говорю: «Саша, да тебя бы у покойнаго моего отца поучиться, какъ надо дѣла торговыя и промышленныя вести». А онъ мнѣ въ отвѣтъ: «Веду дѣла по совѣсти». И только. А порядки на заводѣ старые. А люди рабочіе увидѣли, что за птица у нихъ новый хозяинъ, и пошли ему на шею садиться. И вышло такъ, что какъ-то разъ приходитъ ко мнѣ въ комнату муженекъ мой и говоритъ: «Ну,—говоритъ,—заводъ надо закрывать, потому не могу я дѣлами заниматься. Если дѣлать такъ, какъ я дѣлаю, то отъ нашего имущества въ пять лѣтъ ничего не останется, а вести дѣло такъ, какъ велъ отецъ твой, я не могу, это не въ моихъ принципахъ...» Такъ онъ съ своими принципами и порѣшилъ остаться, а заводъ свой мы со всѣми машинами и стѣнами продали купцу Вашину, тотъ его и увезъ къ себѣ въ усадьбу. Съ тѣхъ поръ вотъ этотъ пустырь-то во дворѣ и стоитъ.

IV.

Я помню время, когда покойный братъ мой называлъ дѣда Александра Иваныча святымъ человѣкомъ. Конечно, онъ преувеличивалъ, называя его такъ, но, несомнѣнно, дѣдъ мой—человѣкъ незаурядный. Черезъ всю свою жизнь онъ, не погрѣшая предъ совѣстью, пронесъ что-то свое. Жизнь заставляла его дѣлать такъ, какъ она хочетъ, а онъ дѣлалъ такъ, какъ подсказывала ему совѣсть. Потому онъ и пострадалъ, побѣжденный. Я называлъ его Донъ-Кихотомъ, и мнѣ казалось, что мое опредѣленіе вѣрнѣе опредѣленія брата. Да и братъ соглашался съ этимъ...

Милый братъ мой Женя! И онъ умеръ Донъ-Кихотомъ. Въ бурю тонули на Камѣ люди, а онъ въ крошечной лодочкѣ бросился спасать ихъ и утонулъ... Я долженъ разсказать объ этомъ эпизодѣ въ нашей общей съ нимъ жизни. Онъ умеръ Донъ-Кихотомъ, а я остался жить себялюбивымъ эгоистомъ.

Въ тотъ роковой вечеръ мы вмѣстѣ съ нимъ были на берегу рѣки. Вышли изъ усадьбы посмотрѣть, что дѣлается на Камѣ въ бурю. Любили мы оба грозы и бури и, какъ только поднимался сильный вѣтеръ, тепло одѣвались и шли на берегъ. Такъ случилось и въ этотъ вечеръ. Стояли на берегу и любовались бурей. А вѣтеръ

вздымалъ волны, и бѣлые гребни ихъ наскакивали на помостъ пристани и заливали мокрыя доски. А посмотришь вдаль, и всюду, пока видѣли глаза, неслись по рѣкѣ страшныя волны и гудѣли и бросали въ насъ брызги. У берега поскрипывали на якоряхъ барки, а дальше къ стержню рѣки колыхались громадные плоты, и волны расшатывали крѣпы, а кое-гдѣ отъ плотовъ уже отдѣлялись оторванныя бревна и неслись по водѣ внизъ по теченію.

И вотъ, слышимъ мы, донесся съ рѣки вопль о помощи. Насторожились мы, заволновались, а братъ уже бѣжитъ къ лодкѣ. А съ рѣки еще отчаяннѣе доносятся вопли: увидѣли погибающіе людей на берегу и въ отчаяніи и съ надеждой на спасеніе еще громче взмолились о помощи. А на черныхъ волнахъ съ бѣлыми гребнями темнѣетъ чья-то лодка и трое людей въ ней. И вотъ вижу я, сбрасываетъ съ себя братъ теплую куртку и остается въ одной гимназической коломянковой блузѣ.

— Скорѣе!.. Скорѣе!—кричалъ онъ мнѣ, развязавъ причалы и двигая къ водѣ нашу маленькую лодку, на борту которой было выведено краской имя «Отважный».—Скорѣе, Леня! Садись въ руль, а я на распашныхъ.

Я бросился къ лодкѣ и сталъ около нея, какъ вкопанный.

— Мы утонемъ!.. куда мы поплывемъ!—вдругъ неожиданно для себя воскликнулъ я.

— Садись, садись скорѣе!—кричалъ братъ, а я стоялъ у лодки съ весломъ и колебался.

— Скорѣе!.. Что ты за мямля!..

И братъ выругался, какъ ругаются работники и кучера.

— Если не хочешь... я одинъ!..—крикнулъ онъ и началъ грести къ серединѣ рѣки.

— Женя, вернись!.. ты утонешь!..—кричалъ я брату, а онъ уже далеко отплылъ отъ берега.

Черныя волны качали его лодку на бѣлыхъ гребняхъ, и то вправо, то влѣво повертывался носъ лодки, но сильныя руки брата слились воедино съ веслами, окрашенными въ бѣлую краску, и лодка держалась намѣченнаго пути.

И было мгновеніе, когда я разомъ и во всю ясность сознанія, по настоящему оцѣнилъ мерзостность своего поведенія. Мнѣ было и больно и стыдно, и хотѣлось мнѣ броситься въ рѣку и догнать брата и вмѣстѣ съ нимъ пуститься на отважный поступокъ помощи погибающимъ.

Но было уже поздно. Лодка брата чуть замѣтной точкой темнѣла на фонѣ волнъ. Я искалъ на волнахъ лодку тѣхъ, кто погибалъ, и не видѣлъ этой лодки. Спустился съ неба мелкій и частый дождь и сплошной мглой застлалъ и воду, и противоположные берега, и лодку съ погибающими, и лодку моего брата.

Обѣ лодки погибли въ этотъ страшный часъ дня, погибли и тѣ,

кто жаждалъ спасенія, погибъ и тотъ, кто хотѣлъ спасти погибающихъ.

Брата своего я увидѣлъ только мертвымъ дня черезъ три. Его выбросила рѣка верстахъ въ пяти отъ усадьбы и прибила къ прибрежнымъ кустамъ лозняка.

Помню и этотъ печальный вечеръ. Рѣка попрежнему волновалась, спускалась съ неба тонкая и нѣжная пелена мелкаго дождя. Рыдала надъ трупомъ мать моя, а отецъ стоялъ спокойный и тихій въ своемъ странномъ размышленіи о жизни и смерти. Я не сомнѣвался, что онъ объ этомъ думалъ, потому что онъ сказалъ, ни къ кому не обращаясь:

— Вотъ живъ былъ Женя, и въ день смерти мы съ нимъ поспорили... и нѣтъ Жени...

Мнѣ показалось, что онъ заплакалъ, потому что отвернулъ лицо, отошелъ къ обрыву берега и долго смотрѣлъ въ красную глину.

Когда трупъ брата, завернутый въ простыни, былъ уложенъ на телѣгу и сивая лошадка вывозила громоздкій и тяжелый экипажъ въ гору, мы съ отцомъ помогали лошади и упирались руками въ задокъ телѣги.

Онъ шелъ со мной рядомъ, тяжело дышалъ и говорилъ:

— Вотъ ты благоразумнѣе Жени... Какъ же можно спасать людей на нашей душегубкѣ... Вотъ и онъ сгубилъ свою душу...

Поздно ночью, когда трупъ брата, обмытый и обряженный въ гимназическій мундирчикъ, лежалъ въ залѣ на столѣ, я вышелъ на террасу.

Тамъ въ темнотѣ сидѣлъ мой дѣдъ, слѣпой старикъ, и красно-оранжевой точкой свѣтился въ его рукѣ кончикъ раскуренной папиросы.

— Это ты, Леня?—окрикнулъ онъ меня.

Слѣпой дѣдъ до изумленія угадывалъ по шагамъ, кто вошелъ въ комнату.

— Да... я...—отвѣтилъ я.

— Разскажи мнѣ, какъ все это несчастіе случилось?

И я разсказалъ дѣду все, что видѣлъ. И онъ долго молчалъ, попыхивая папиросой, и мучительнымъ показалось мнѣ это молчаніе. Потомъ дѣдъ обернулъ ко мнѣ свое «невидное» лицо и негромко сказалъ:

— Какой же ты, братъ, пакостникъ!.. А?.. За шкуру свою испугался!.. А?.. Женя, какъ герой, бросился спасать и не разсуждалъ, и забылъ о своемъ существованіи... А ты... ты за себя испугался!.. Вѣдь, если бы вы вмѣстѣ поплыли, быть можетъ, и Женя остался бы живъ... Вы вмѣстѣ вдвоемъ побороли бы волны и спасли и тѣхъ, и сами уцѣлѣли... А теперь что же?.. За что погибла эта хорошая молодая жизнь?.. А?.. Эхъ, ты—трусъ!.. Уйди отсюда!.. уйди!..

Я не двигался и мнѣ хотѣлось подбѣжать къ дѣду, броситься къ его ногамъ и выплакать у него прощеніе за попранную мною справедливость...

— Уйди же отъ меня, я говорю тебѣ!—рѣзко выкрикнулъ дѣдъ и палкой ударилъ въ полъ.—Уйди отъ меня, трусъ несчастный!.. Уйди!..

Я уходилъ съ террасы и слышалъ слова дѣда:

— Трусъ!.. пакостникъ!.. пакостникъ!..

И съ этого мгновенія, я знаю это, я сталъ для всей своей жизни трусомъ и пакостникомъ... Роковую печать наложилъ на себя самъ и вотъ живу съ этой печатью до сегодня...

Въ тоскѣ и одиночествѣ всю ночь я пробродилъ по берегу и мнѣ хотѣлось умереть. Мнѣ хотѣлось броситься въ волны Камы, чтобы не чувствовать стыда и своего позора...

Но я не умеръ, не покончилъ самоубійствомъ... Развѣ способны на это пакостники жизни!..

Когда я вспоминаю теперь жизнь моихъ близкихъ, преждевременно умершихъ, я прихожу къ выводу, что всѣ тѣ изъ нихъ, которые были хорошими, нужными жизни, тѣ умерли, а мы, ненужные люди, живы... Для чего эта странная несправедливость?.. И правду народъ говоритъ, что Богу нужны лучшіе, а вся человѣческая пакость долго остается жить и коптить небо...

Ха-ха-ха!..

Это я смѣюсь не надъ однимъ собой, а надъ всѣми нашими, оставшимися коптить небо...

Если прослѣдить всю жизнь моего дѣда, позволительно спросить: А для чего жилъ ты, мой судья? Что вышло изъ тебя? Для чего ты служилъ наукѣ, а потомъ убѣжалъ отъ нея?

А бабушка моя?.. Для чего она дожила до глубокой старости? Народила дѣтей, выростила ихъ, а отъ нихъ отъ пятерыхъ остался только одинъ мой отецъ.

Дѣдушка ослѣпъ, и въ этомъ, какъ оказалось, его, такъ сказать, провиденціальное назначеніе. Бабушка моя цѣлыми днями стоитъ у образовъ, молится, ѣздитъ по святымъ мѣстамъ, кормитъ голодныхъ... И въ этомъ ея, такъ сказать, провиденціальное назначеніе, Но вѣдь въ этомъ во всемъ что-то пассивное жизни. Поддерживать тѣхъ, кто умираетъ, развѣ въ этомъ цѣль и задачи жизни?..

Ха-ха-ха!..

Это я и надъ собой смѣюсь, и надъ матерью моей, и надъ отцомъ... Въ чемъ смыслъ ихъ жизни? Выродили они двухъ сыновей, и одинъ изъ нихъ умеръ Донъ-Кихотомъ, а другой—я—живу никому ненужнымъ пакостникомъ, служу въ городской управѣ за тридцать пять рублей въ мѣсяцъ. Живу и не знаю, для чего я жилъ?.. Развѣ кто-нибудь другой вмѣсто меня не смогъ бы исполнять мои обязанности писца?..

— Ха-ха-ха!..

А ты, отецъ, скажи: для чего ты жилъ?.. Лечилъ другихъ и не вѣрилъ въ медицину. Любилъ жену и въ гробъ ее загналъ. Любилъ меня и оставилъ меня въ жизни никчемнымъ человѣкомъ. Ну, скажи же, что ты сдѣлалъ?..

Я разскажу вамъ и о дѣдушкѣ, о бабушкѣ, объ отцѣ и матери моей и вы увидите, что я правъ: никому они ненужные люди были, и міръ ничего не потерялъ, когда они умерли.

И я ничего не сдѣлалъ, недаромъ мнѣ хотятъ отказать отъ мѣста и устроить въ богадѣльню. И буду я жить и доживать послѣдніе свои, но никому ненужные годы въ богадѣльнѣ имени моего прадѣда купца Власа Артамоныча Дулина... Въ этомъ есть что-то символическое! Нашъ прадѣдъ построилъ богадѣльню, и въ ней будетъ обитать его послѣдній потомокъ, рожденный въ домѣ на костяхъ. Я послѣдній въ родѣ Дулиныхъ и въ родѣ Дроздовскихъ. Жилъ холостякомъ, умру бездѣтнымъ... Даже незаконныхъ дѣтей не оставлю послѣ себя, а вѣдь въ нихъ была бы кровь моего рода въ тайномъ состояніи... И этого я не оставлю!..

V.

Послѣ покойной бабушки остался саванъ... Какъ это странно, бабушка умерла, а саванъ ея остался...

Я помню, еще давно, когда я былъ въ первомъ классѣ гимназіи, она говорила, что у нея въ сундукѣ хранится саванъ.

— Помните всѣ: умру—въ немъ непремѣнно положите,—говорила она, поименно перечисляя дѣдушку, отца и мать, тетку и всѣхъ насъ, внуковъ.—А не исполните моего предсмертнаго завѣщанія, Богъ васъ всѣхъ накажетъ.

И мы не исполнили ея завѣщанія, и Богъ насъ наказалъ. И вотъ и теперь Богъ наказываетъ всѣхъ насъ, живущихъ въ старомъ домѣ на костяхъ.

Надъ нашимъ старымъ домомъ виситъ возмездіе Бога, и мы всѣ страждемъ, и всѣ, кто поселится въ нашемъ домѣ, и тѣ страдаютъ. Могила человѣческаго счастья—нашъ старый домъ!

Передъ кѣмъ мы виноваты?.. Какъ имя тому существу, которое простерло надъ нашимъ старымъ домомъ свою тяжелую, карающую руку?..

Развѣ мы не исполнили бы завѣта старой бабушки Маремьяны, если бы она умерла въ нашемъ домѣ? Случилось такъ, что она умерла на чужбинѣ. Поѣхала на богомолье въ Кіевъ, заболѣла холерой и умерла. Вѣсть о ея смерти мы получили спустя недѣлю послѣ кончины. Развѣ начальство позволило бы разрыть могилу бабушки, чтобы одѣть ее въ саванъ и снова похоронить?

— Разумѣется, не позволятъ, что же объ этомъ и толковать,— говорилъ дѣдушка и плакалъ.

И падали изъ его «невишныхъ» глазъ крупныя слезы, прозрачныя, хрустальныя слезы.

— А какъ же быть: бабушка говорила, если мы не исполнимъ ея завѣщанія, Богъ насъ накажетъ?..

Это спрашивалъ я, студентъ перваго курса. Можетъ быть, мнѣ слѣдовало бы стыдиться этихъ словъ? Но мнѣ казалось, что слова покойной бабушки—непоборимый законъ, и какъ бы по-своему я ни вѣрилъ въ Бога, все же я долженъ бояться и того Бога, въ котораго вѣрила бабушка.

— И тебѣ не стыдно говорить такъ? Вѣдь ты—студентъ!.. Какой же ты студентъ послѣ этого?..—посмѣялся надо мною дѣдушка.

Дѣдушка часто упрекалъ меня и говорилъ, что я попалъ въ студенты по недоразумѣнію.

Я смутился. Въ самомъ дѣлѣ, какой же я студентъ, если вѣрую въ бабушкина Бога? Въ того именно Бога, которому она поѣхала поклониться.

Бабушка уѣхала поклониться своему Богу. Въ тотъ день у насъ въ городѣ умерло отъ холеры десять человѣкъ. А передъ этимъ въ теченіе нѣсколькихъ дней мы только и говорили о холерѣ.

И бабушка сказала:

— Грѣшны стали люди, Богъ и послалъ моръ... Всегда такъ бываетъ, какъ люди забудутъ о Богѣ, такъ онъ и пошлетъ имъ моръ, или гладъ, или нашествіе иноплеменниковъ...

— Племянниковъ... При чемъ тутъ племянники?—спросилъ дѣдъ, немного тугой на ухо.

— Иноплеменниковъ, говорю я... И-но-пле-мен-ни-ковъ, а не племянниковъ!—разсердившись, выкрикнула бабушка.

— Ха-ха-ха!—разсмѣялся дѣдушка.—А мнѣ послышалось—племянниковъ...

Бабушка сидѣла насупившись, а черезъ минуту сказала:

— Ты во всемъ себѣ усмѣшку найдешь!.. Постыдился бы на старости лѣтъ...

И еще черезъ минуту добавила:

— Поѣду въ Кіевъ молить Бога за всѣхъ васъ... Выпрошу у него милости и вернусь.

И она сказала это такимъ тономъ и съ такой вѣрой въ силу своихъ словъ, что и мы всѣ повѣрили, что вотъ попроситъ бабушка Бога, чтобы онъ смилостивился, и онъ смилостивится...

И она поѣхала въ Кіевъ замаливать Бога, но умерла отъ холеры и не вернулась. Бѣдная бабушка! Какъ жестоко расправился съ нею ея Богъ! Она ѣхала просить его за другихъ, а онъ и ее самое не пощадилъ.

Недаромъ при жизни она часто говорила:

— Неудачливая я какая-то... Если это Богъ испытуетъ меня... ну... Его святая воля... А если это мои человѣческіе грѣхи заводятъ меня на край бездны, что же мнѣ тогда дѣлать, окаянной?..

— Голубчикъ мой, всѣ неудачи отъ несовершенства общественной жизни,—наставительно и безапелляціонно заявлялъ дѣдушка, всегда вольнодумничавшій.

— А несовершенства отчего?

— Ну, этого, другъ мой, тебѣ не понять,—заявлялъ дѣдъ. А потомъ долго говорилъ о несовершенствахъ общественной жизни и пугалъ бабушку уже новымъ страхомъ. Слушаетъ она, бывало, дѣдушкину вольнодумную проповѣдь, а сама осматривается и все шепчетъ:

— Да потише ты... неравно жандармы подслушаютъ...

И потомъ еще громче добавитъ:

— Вольнодумецъ ты, старикъ... вотъ что!..

И бабушка уходила къ себѣ, въ угловую комнату. И мы всѣ догадывались, что она тамъ у себя дѣлаетъ: зажжетъ передъ образомъ свѣчку и молится о томъ, чтобы Богъ избавилъ дѣдушку отъ вольнодумства. Этихъ молитвъ она не скрывала и отъ самого дѣдушки, который въ такихъ случаяхъ всегда провожалъ бабушку насмѣшливой фразой:

— Ну, пошла молиться, чтобы Богъ избавилъ меня отъ вольнодумства. Странно устроены люди! Почему они никогда не попросятъ Бога, чтобы Онъ избавилъ ихъ отъ глупости или тупоумія?.. Ха-ха-ха!..

До послѣднихъ лѣтъ жизни дѣдушка смѣялся звонкимъ, раскатистымъ смѣхомъ. Голосъ у него былъ низкій и слабый, и говорилъ онъ не громко, а смѣялся зычно, раскатисто, такъ что его смѣхъ слышенъ былъ за двѣ-три комнаты. Какъ будто и рожденъ былъ дѣдушка только для того, чтобы смѣяться надъ другими. Ничего святого не было для него—ни въ немъ самомъ, ни въ другихъ.

Мнѣ всегда казалось, что за этимъ смѣхомъ дѣда скрывается нѣчто очень важное и таинственное. Мнѣ всегда кажется, что громко смѣющіеся люди силятся заглушить въ себѣ какія-то внутреннія, таинственныя силы, которымъ нельзя дать власти.

Бабушка всегда говорила:

— Это въ тебѣ, старикъ, дьяволъ такъ громко смѣется... Ты думаешь, это душа въ тебѣ радуется?.. Нѣтъ, это дьяволъ сучитъ языкомъ...

— Знаю я, старушенція моя праведная,—отвѣчалъ обыкновенно дѣдушка:—знаю, что дьяволъ, но что мнѣ съ нимъ дѣлать?.. Вынашиваю я его въ себѣ съ дѣтства... Еще покойный отецъ мой называлъ меня чертенкомъ. И знаешь, что я тебѣ скажу: живи во мнѣ ан-

гелъ или самъ Богъ, я только бы нылъ, а вотъ я и смѣяться хочу... Ха-ха-ха!..

И онъ опять смѣялся по-своему, страшно и удручающе...

— Тьфу!.. Пошелъ опять сучить языкомъ!...Не люблю я этихъ словъ твоихъ!—выкрикнетъ бабушка.

И они разойдутся по своимъ комнатамъ, какъ будто поссорившись, а минутъ пять спустя слышу, какъ они бесѣдуютъ или въ угловой комнатѣ бабушки, или въ кабинетѣ дѣдушки. Какъ бы ничтожна ни была между ними размолвка, они скоро обязательно сходятся, мирятся и цѣлыми часами сидятъ на диванѣ въ комнатѣ бабушки или на оттоманкѣ въ кабинетѣ дѣда и все говорятъ и говорятъ о чемъ-то. Тетя Анна разсказывала, что будто бы дѣдушка всю жизнь старался совратить бабушку на путь вольнодумства и невѣрія, но ничего не достигъ. И съ какой-то упорной настойчивостью продолжаетъ свою пропаганду, хотя бабушкѣ уже семьдесятъ два года, дѣду семьдесятъ семь... И какимъ-то скованнымъ изъ желѣза представляется мнѣ мой сѣдой, чудный дѣдъ. Отлила его жизнь въ опредѣленныя формы и сама, даже при содѣйствіи старости и болѣзней, не можетъ побороть бодраго, стойкаго духа моего дѣда...

Если бы мнѣ быть такимъ...

А какъ они любятъ другъ друга... И часто я думаю, отчего мы, молодые, не умѣемъ любить такъ?.. Отчего мой суровый отецъ не любитъ меня такъ? Отчего моя молчаливая и вѣчно скучающая мама не любитъ меня такъ же, какъ бабушка любитъ моего отца?

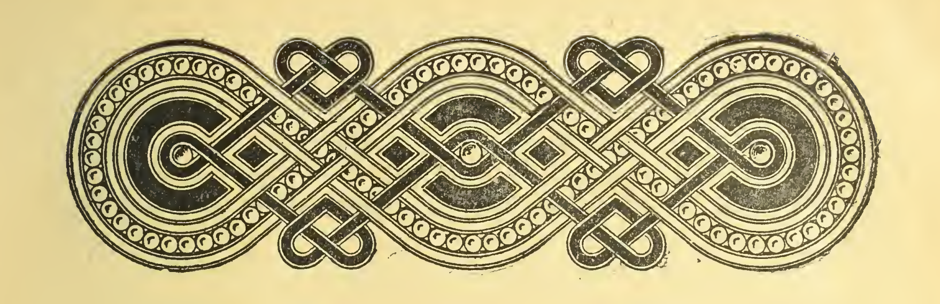
Помнится, когда потомъ я впервые полюбилъ одну женщину, я сталъ понимать силу любви бабушки къ дѣдушкѣ. Говорятъ, они всю жизнь любили другъ друга такъ. У нихъ хватило любви и для отца, и для дяди Коли, и для тети Клавдіи, которые давно уже умерли... Они любили своихъ дѣтей, отчего же меня не любитъ моя мама?.. Звѣри и птицы любятъ своихъ дѣтенышей, отчего же меня не любятъ мои родные, вѣдь я тоже дѣтенышъ ихъ?

Рожденное въ нашемъ старомъ домѣ все обречено на отчужденность. Въ нашемъ старомъ домѣ на костяхъ только умирать умѣютъ люди и умираютъ хорошо.

В. Брусянинъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ Н. В. ИСАКОВА.

I.

Командировка въ Кіевъ.—Начальникомъ штаба въ Кронштадтѣ.—Назначеніе въ Грецію.

Въ январѣ 1854 года я былъ посланъ въ Кіевъ для осмотра саперныхъ батальоновъ и инженерныхъ парковъ, расположенныхъ въ Ржищевѣ и Бѣлой Церкви. Общая война была, такъ сказать, на носу. Князь Михаилъ Горчаковъ былъ уже на Дунаѣ и просилъ кіевскаго генералъ-губернатора князя Иларіона Иларіоновича Васильчикова содѣйствовать подвозу провіанта и снабженію арміи перевозочными средствами. Юго-Западный край отвѣчалъ на это большою готовностью. Князь Васильчиковъ, пользуясь моимъ присутствіемъ на мѣстѣ, испросилъ разрѣшенія государя поручить мнѣ быть посредникомъ при пріемѣ этихъ транспортовъ назначенными для того военными чиновниками. Передача ихъ совершилась въ Балтѣ. Транспорты воловьи и конные считались тысячами повозокъ, и волы и лошади были очень хороши; большія имѣнія хвастались ими какъ на выставкѣ, уѣзды соперничали съ уѣздами. Намъ самимъ въ имѣніи жены, въ Кіевской губерніи, слѣдовало поставить воловьи повозки и, чтобы не отстать отъ другихъ, пришлось купить воловъ, ибо находившіеся въ хозяйствѣ не подходили. Большая часть повозокъ была нагружена подарками отъ

помѣщиковъ войскамъ водкою и сухарями. Я никогда не видалъ такого великолѣпія, какъ эти транспорты. Нужно было при сдачѣ оберечь дворянство отъ придирокъ, да и правительство отъ стыда, такъ какъ большая часть пріемщиковъ, будущихъ начальниковъ этихъ транспортовъ, взятыхъ изъ отставныхъ военныхъ, была большая дрянь, очевидно, шедшая на это дѣло съ цѣлью нажиться. Я предупредилъ ихъ безъ обиняковъ, что если кто осмѣлится взять или попытается только, будетъ сейчасъ же отстраненъ, а дворянскихъ предводителей, которыхъ близко зналъ, какъ Звенигородскаго уѣзда—Протопопова, Таращанскаго уѣзда—графа Владислава Браницкаго, просто упросилъ уговорить своихъ товарищей запретить ихъ сдатчикамъ что-либо давать пріемщикамъ и не вводить послѣднихъ въ грѣхъ. Съ этою стороною было, однакожъ, гораздо труднѣе уладить. Они сознались, что деньги приготовлены, что никакъ нельзя не дать. «Это все хорошо, пока вы здѣсь,—они говорили.—Завтра вы уѣдете, а у насъ еще есть сухари и водка, пожертвованные и свезенные въ разныя мѣста. Они ихъ браковать не будутъ, а только подъ предлогомъ, что некуда сложить, продержатъ наши подводы столько, что намъ будетъ стоить втрое дороже того, что мы дадимъ теперь». Я здѣсь былъ безсиленъ. Написалъ генералъ-губернатору, но развѣ можно было прекратить взяточничество. Поляки съ нѣкоторой усмѣшкой говорили, что не стоитъ хлопотать изъ-за такихъ пустяковъ. «Дадимъ,—и дѣло кончено». Я отъ стыда не спасъ русскую администрацію въ этомъ случаѣ, и наивное побужденіе мое, навѣрно, осталось безъ результатовъ.

Возвратясь въ Петербургъ Великимъ постомъ (мы жили тогда на Сергіевской, въ единственномъ деревянномъ домѣ Всеволожскаго), я получилъ высочайшее повелѣніе быть начальникомъ штаба кронштадтскаго гарнизона, коего начальникомъ былъ назначенъ генералъ Павелъ Христофоровичъ Граббе, главный же начальникъ города Кронштадта былъ генералъ Денъ, а при немъ его начальникъ штаба Владиміръ Политковскій, родной братъ того несчастнаго, который растратилъ капиталъ инвалидовъ и испортилъ служебное положеніе старыхъ и заслуженныхъ генераловъ, въ томъ числѣ и Павла Христофоровича Граббе. На Страстной недѣлѣ кое-какъ по таявшему льду я проѣхалъ изъ Ораніенбаума въ Кронштадтъ. Свѣтлое Воскресенье встрѣтили въ церкви морского училища. Плохо—негдѣ помѣститься, негдѣ ѣсть, нечего дѣлать. Иногда поутру отправлялись мы съ Граббе верхомъ на кронштадтскую косу, разсуждать, какъ защитить отъ высадки, ожидавшейся со вскрытіемъ льда, англичанъ. На концѣ косы верстъ въ семь длиною находится редутъ очень большой съ профиля, названный Петровскимъ, очень хорошая точка опоры для высадившагося непріятеля и плохая для обороняющихся, но срыть его было не-

возможно по недостатку рукъ. Генералъ Швебсъ командовалъ дивизіей, составлявшей гарнизонъ.

Генералъ Граббе перевезъ къ себѣ своихъ дочерей, проводилъ время съ ними и въ начинавшейся ссорѣ съ Деномъ; послѣднее потому, что Денъ былъ его начальникомъ. Этотъ послѣдній зналъ свое дѣло. Укрѣплялъ Кронштадтъ на всѣ лады, работая усиленно надъ Павловскими и Константиновскими батареями, заваливая проходы къ финляндскому берегу барками, нагруженными камнями, устраивая мины по фарватеру. Войска были размѣщены по батареямъ. Государь пріѣхалъ осмотрѣть и объѣхалъ все на катерѣ, мы слѣдовали за нимъ. На одномъ изъ фортовъ солдатъ пожаловался на дурную пищу генералу Философову, который былъ въ свитѣ государя, какъ воспитатель великихъ князей. Онъ попробовалъ пищу и энергическими словами остановилъ претензію, которая была несправедлива. Въ концѣ мая непріятельскаго флота еще не было видно. Скука страшная меня одолѣвала. Граббе наконецъ поссорился совершенно съ Деномъ, вписалъ это въ свой журналъ, который велъ ежедневно въ большой книгѣ, всегда лежавшей у него на письменномъ столѣ (онъ писалъ четко, красиво и начисто), прочелъ мнѣ эту запись, полную фразъ, какъ всегда, и успокоился, какъ будто для него дѣло было сдѣлано.

5-го іюня я получилъ телеграмму: «Государь императоръ приказать соизволилъ флигель-адъютанту Исакову прибыть завтра 6-го числа послѣ обѣдни къ его величеству въ Петергофъ». Я былъ радъ всякой перемѣнѣ. Къ Граббе я попалъ потому, что былъ съ нимъ вмѣстѣ въ Константинополѣ, былъ при немъ всю венгерскую кампанію, и государь Николай Павловичъ считалъ, что я съ нимъ сжился и довольно его знаю. Я его дѣйствительно очень любилъ и уважалъ, но въ Кронштадтѣ было тошно. Это было поздно вечеромъ, когда я пришелъ къ нему. Онъ читалъ библію и нахмурился на обезпокоившее его посѣщеніе. Я объяснилъ ему спѣшность дѣла, онъ пожалѣлъ искренно, что мы должны разстаться, и просилъ указать на графа Бориса Перовскаго, для замѣны меня, котораго онъ зналъ еще съ экспедиціи на Кавказъ подъ Ахульго въ 1839 году и очень любилъ. На другой день я былъ въ Петербургѣ и, съѣзжая съ парохода, увидалъ государя съ императрицею въ коляскѣ, которые обогнали меня, не замѣтивъ. Военный министръ князь Долгорукій по своему обыкновенію отказался мнѣ сказать, что меня ожидаетъ. Государь, однакожъ, меня принялъ въ Зимнемъ дворцѣ, внизу, въ своемъ маленькомъ кабинетѣ. Я очень живо помню эту маленькую тѣсную комнатку, гдѣ жилъ, такъ сказать, постоянно государь. Камердинеръ, который сидѣлъ въ предыдущей комнатѣ, съ лѣстницею, ввелъ меня къ государю.

Прежде всего государь меня спросилъ: сказалъ ли мнѣ князь Долгорукій, зачѣмъ я вызванъ. Я отвѣчалъ отрицательно. Можетъ

быть, князь Долгорукій зналъ, что такъ лучше. «Вотъ въ чемъ дѣло,—сказалъ государь:—греческій король, весьма стѣсненный въ своемъ положеніи, но рѣшившійся оружіемъ отстаивать права христіанъ, пишетъ мнѣ, что онъ становится во главѣ своей арміи и выступаетъ съ нею на границы Турціи. Онъ проситъ у меня денегъ, оружія и офицеровъ. Къ сожалѣнію, наша собственная война лишаетъ меня возможности помочь ему въ такомъ размѣрѣ, какъ бы я самъ того желалъ. Средиземное море и Дарданеллы полны крейсирующими судами Англіи и Франціи. Офицеры намъ самимъ нужны въ войскахъ, оружіе провести нельзя теперь, остаются деньги; что могу въ этомъ отношеніи, то сдѣлаю. Я хочу, чтобы ты состоялъ при греческомъ королѣ на все время военныхъ дѣйствій. Ты знаешь горную войну, которая имъ предстоитъ, ты можешь быть ему полезенъ, но никакого командованія на себя ты принимать не долженъ. Если счастіе ему послужитъ, то всѣ провинціи, которыя онъ успѣетъ присоединить силою оружія къ своему королевству, я заранѣе признаю и подтверждаю. Но что касается до мысли, если бы онъ таковую возымѣлъ, о возстановленіи Византійской имперіи, то я тебя уполномачиваю ему сказать, во̀-время и у мѣста, что на это я никогда не соглашусь и чтобы онъ не питалъ напрасно этой фантазіи. Мы ожидаемъ курьера изъ Аѳинъ, ожидаемъ болѣе свѣжія свѣдѣнія, и тогда ты поѣдешь. Не знаю, удастся ли тебѣ пробраться между крейсерами и провезти деньги для короля. Мы еще увидимся. Пойди къ графу Нессельроде, онъ тебя ознакомитъ съ подробностями». Когда я уже былъ въ концѣ коридора, камердинеръ меня опять позвалъ къ государю. Когда я вошелъ, государь улыбаясь сказалъ: «Я позабылъ тебѣ сказать «que c'est la reine qui porte le pantalon là bas et pas le roi» [1]).

Являюсь къ графу Нессельроде прямо отъ государя. Маленькій человѣчекъ съ носомъ копчика, въ длинномъ сюртукѣ, съ большими очками и взглядомъ поверхъ очковъ, принимаетъ меня весьма любезно. Даетъ мнѣ послѣднія свѣдѣнія изъ Греціи и сажаетъ меня въ пустую залу, чтобы я ихъ прочелъ. Чрезъ нѣсколько времени меня зовутъ къ нему. Я нахожу въ кабинетѣ невзрачную фигуру съ крашенными волосами, видимо, не русскаго происхожденія. Графъ представляетъ меня господину Катакази (нашъ бывшій посланникъ въ Греціи) и передаетъ меня ему, чтобы до пріѣзда курьера, ожидаемаго изъ Аѳинъ, онъ меня ознакомилъ съ положеніемъ дѣлъ въ Греціи. Мы тутъ же условились, когда и какъ видѣться. Я началъ ходить къ нему въ разное время, иногда обѣдалъ даже у него. Онъ долго жилъ въ Аѳинахъ, самъ былъ грекъ и зналъ всю тамошнюю подноготную. Онъ далъ мнѣ читать французскій журналъ,

---

[1]) «Что тамъ носитъ панталоны королева, а не король» (т.-е. что распоряжается королева).

издаваемый въ Аѳинахъ, разсказывалъ, но поучительнаго собственно для меня было весьма мало въ этомъ. Я самъ слишкомъ былъ неопытенъ въ дѣлѣ дипломатическомъ, чтобы систематически ставить вопросы, а Катакази, повидимому, догадывался, что моя миссія не состоится, и потому не очень обременялъ себя трудомъ назиданія.

Такъ прошло дней десять. Ожидаемый курьеръ, секретарь посольства Неклюдовъ [1]), привезъ извѣстіе, что въ Пирей вошли англійскій и французскій флоты и адмиралы ихъ предложили королю подчиниться обстоятельствомъ во избѣжаніе для самой Греціи бѣдственныхъ послѣдствій. Король, скрѣпя сердце, уступилъ и остался спокойно въ Аѳинахъ, слѣдовательно, ему болѣе было не нужно ни денегъ, ни оружія, ни офицеровъ. Моя миссія, какъ безполезная, канула въ воду.

II.

Командировка съ особымъ порученіемъ въ Мюнхенъ, Штутгартъ и Дрезденъ.

Чрезъ нѣсколько дней я получилъ записку отъ графа Нессельроде, извѣщавшую меня о томъ, что государь меня приметъ на другой день въ Петергофѣ. Товарищъ его Левъ Григорьевичъ Сенявинъ объяснилъ мнѣ, что предстоитъ посылка въ Германію. Являюсь къ государю. «Я желаю,—сказалъ государь:—чтобы ты отправился въ Мюнхенъ и объяснилъ баварскому королю, что именно я намѣренъ былъ сдѣлать для его брата и чему помѣшали обстоятельства, уже отъ меня не зависѣвшія. Оттуда ты проѣдешь въ Штутгартъ и передашь все это Олѣ (великой княгинѣ Ольгѣ Николаевнѣ), а по пути заѣдешь къ королю саксонскому. Нужно, чтобы они не обманывались въ моихъ намѣреніяхъ. Бумаги нужныя ты получишь отъ графа Нессельроде и возьмешь письмо отъ насъ къ дочери. Скажи фонъ-деръ-Пфортену (баварскій первый министръ), что я сожалѣю, что не знаю его лично, но своимъ образомъ мыслей и прямотою дѣйствій онъ заслуживаетъ полное мое уваженіе; я однако ничего не буду въ состояніи сдѣлать теперь, чтобы потушить пожаръ, если загорится. Они помогаютъ (разумѣя германское правительство) революціонной партіи, которой только одного и хотѣлось: поссорить насъ, чтобы тѣмъ отнять единственный оплотъ порядка у Германіи и обезсилить Россію. Они мнѣ не вѣрили, когда я помогалъ имъ искренно. Королевѣ Маріи баварской отъ всѣхъ искренній поклонъ. Короля Максимиліана баварскаго не только благодарю, но поздравляю, пусть продолжаетъ такъ же, никогда не будетъ раскаиваться. Мы ничего

---

[1]) Василій Сергѣевичъ Неклюдовъ—отецъ нашего посланника въ Софіи Анатолія Васильевича Неклюдова.

не уступимъ въ убѣжденiяхъ и en principe [1]). Въ военномъ отношенiи можно занять позицiи какiя угодно до Камчатки, оттуда все-таки пойдемъ впередъ. Какiя надежды они имѣютъ въ будущемъ, чтобы помочь Грецiи? Бейсту въ Дрезденѣ повтори то же, что и фонъ-деръ-Пфортену. Ольгѣ Николаевнѣ—пусть не унываетъ, мы крѣпко вѣримъ въ Бога. Мужу ея поклонъ. Старому королю виртембергскому скажи, сколько я благодаренъ ему за его поведенiе въ Бамбергѣ (на конференцiи), виртембергскому принцу Фридриху—передай, что я благодаренъ ему и поздравляю его за всегдашнее поведенiе». Затѣмъ, по всегдашней привычкѣ, государь обнялъ и, поцѣловавъ, отпустилъ.

Когда я откланивался всѣмъ членамъ императорской фамилiи, порученiй и поклоновъ разнымъ родственникамъ накопилось у меня цѣлый коробъ. Натурально, великой княгинѣ Ольгѣ Николаевнѣ больше всего. Къ нимъ присоединились и ея великiе почитатели: князь Василiй Андреевичъ Долгорукiй, баронъ Ливенъ, Гриммъ, принцъ Ольденбургскiй, князь Горчаковъ [2]). Этотъ послѣднiй поручилъ передать королю баварскому, что, такъ какъ всѣ на насъ, то мы останемся въ оборонительномъ положенiи, но не уступимъ, что союзъ Пруссiи съ Австрiей безсмысленъ, что Sommation [3]) дерзка и безсмысленна, ибо онъ не вѣритъ заступничеству Германiи за насъ передъ Западомъ послѣ очищенiя нами княжествъ, а принцу Фридриху Виртембергскому, женатому на сестрѣ герцога Максимилiана Лейхтенбергскаго, que le prince Gortchacoff sait combien il est utile à notre cause [4]).

Князь Горчаковъ жилъ тогда на Каменномъ островѣ, на дачѣ у Бобринскихъ, въ ожиданiи своего отъѣзда въ Вѣну на конференцiю. Вышелъ онъ ко мнѣ въ длинномъ сюртукѣ, что у многихъ дипломатовъ замѣняло утреннiй шлафрокъ. Написавъ письмо къ Северину въ Мюнхенъ, онъ прочелъ фразу обо мнѣ: «Un homme qui pense bien et voit bien les choses» [5]). Я рѣшительно еще ничего не вѣдалъ въ вещахъ, которыя мнѣ предстояло видѣть. Въ сущности это было первое заграничное порученiе, да еще не военное. Во время венгерской войны я Европу видѣлъ очень мало.

10-го iюня я выѣхалъ изъ Петербурга, а 17-го вечеромъ былъ въ Мюнхенѣ. Разбудилъ перваго секретаря миссiи Ферзена, и, объяснивъ ему, въ чемъ дѣло, и передавъ бумаги, предложилъ ѣхать самъ къ посланнику Северину, который былъ на дачѣ. Онъ удержалъ меня, говоря, что пошлетъ ему всѣ бумаги, а мнѣ слѣдуетъ

---

[1]) Въ принципѣ.

[2]) Князь Ал. Мих.—посланникъ при германскомъ союзѣ, впослѣдствiи государственный канцлеръ.

[3]) Требованiе.

[4]) Что князь Горчаковъ знаетъ, какъ онъ полезенъ нашему дѣлу.

[5]) Человѣкъ, который правильно мыслитъ и смотритъ на вещи.

ожидать его пріѣзда. На другой день члены нашей миссіи по обыкновенію собрались обѣдать въ «Bairischer Hof». Явился Николай Кочубей, старый сотоварищъ мой по посольству въ Константинополѣ въ 1849 году. Съ тѣхъ поръ онъ женился на милой Екатеринѣ Столыпиной, сестрѣ княгини Вяземской, и уже успѣлъ овдовѣть. Въ Мюнхенѣ онъ пѣлъ дуэты съ графиней Аппоньи (урожденной Бенкендорфъ), женой австрійскаго посланника. Съ нимъ пришелъ его пріятель Даміани, прошедшій огонь, воду и мѣдныя трубы, завѣдующій дѣлами всей фамиліи Лейхтенбергскихъ, нѣчто среднее между банкиромъ и бандитомъ, женатый на красивой женщинѣ, мать которой была чѣмъ-то въ домѣ королевы Гортензіи. Умный разсказчикъ, много знавшій, многому бывшій свидѣтелемъ. Кажется, вмѣстѣ съ тѣмъ нашъ камергеръ и съ лентою.

Къ концу обѣда подъѣхалъ кабріолетъ парою, правилъ самъ Северинъ въ шинели со стоячимъ воротникомъ и въ форменной фуражкѣ, какъ носили еще въ двадцатыхъ годахъ. Нѣсколько въ дурномъ настроеніи за то, что его потревожили. Однакожъ все приняло благодушный видъ. Послѣ обѣда мы пошли къ нему. Я разсказалъ ему все, что зналъ, условились, какъ и что дѣлать, онъ показывалъ свой домъ, въ которомъ никто никогда не выпилъ чашки чаю. Кабинетомъ ему служила большая библіотека со шкапами до потолка. Въ комнатѣ рядомъ былъ особый шкапъ, который онъ не преминулъ мнѣ отворить. На четырехъ его полкахъ стояло рядами огромное число ботинокъ, между ними были даже розовыя. Это была обувь русскаго посланника при баварскомъ дворѣ. Онъ хвастался формою своей ноги, и дѣйствительно она была красива и мала. Не скрылъ онъ при этомъ отъ меня и извѣстнаго въ свое время анекдота: «Когда я былъ принятъ разъ императрицею Александрою Өеодоровною, пріѣхала великая княгиня Марія Николаевна. Шутя императрица Александра Өеодоровна мнѣ приказала стать за ширмы и приказала дочери угадать, кто у нея. Марья Николаевна увидѣла ноги изъ-подъ ширмъ и тотчасъ назвала Северина, хотя не знала, что я въ Петербургѣ, потому что другой пары ногъ такихъ же нѣтъ, ошибиться было нельзя». Этотъ милѣйшій старикъ былъ такъ занятъ этимъ, что, обходя со мною разъ выставку въ отдѣлѣ обуви, онъ не могъ удержаться, чтобы не сказать: «Здѣсь для моей ноженьки нѣтъ ничего въ пору». Товарищъ Нессельроде и участникъ Вѣнскаго конгресса, какъ одинъ изъ секретарей, Северинъ пользовался мюнхенскою синекурою въ тридцать тысячъ рублей въ годъ, и, конечно, ничего не дѣлалъ и никого не принималъ.

Прежде всего онъ меня познакомилъ съ фонъ-деръ-Пфортеномъ, который въ частномъ со мною разговорѣ потомъ, на мой вопросъ о причинахъ раздраженія общественнаго мнѣнія противъ Россіи, сказалъ: «Общественное мнѣніе теперь въ рукахъ демократиче-

скихъ, оно невѣжественно во всемъ, что касается Россіи. Народъ думаетъ, какъ бы это сказать въ двухъ словахъ, онъ думаетъ, ну, просто, что русскому царю ежедневно на ужинъ подаютъ маленькаго ребенка зажареннаго, это грубо, но зато близко подходитъ къ выраженію дѣйствительности. Народъ думаетъ, что всѣ революціонныя движенія въ Германіи для добытія себѣ большихъ политическихъ правъ были подавляемы правительствомъ посредствомъ вооруженной силы, всегда опиравшейся на силы Россіи, которая въ венгерскую революцію показала, что не остановится и внесетъ оружіе въ Германію. Слѣдовательно, народъ доволенъ, что теперь Европа ополчается на такого явнаго ея врага».

Северинъ познакомилъ меня съ графомъ Аппоньи, австрійскимъ посланникомъ, очень милымъ и добрымъ, но не совѣтовалъ мнѣ пускаться съ нимъ въ политическій разговоръ, такъ какъ Австрія вела себя отвратительно.

21-го іюня мнѣ назначено было представляться королю въ его замкѣ Гогеншвангау. Частью по желѣзной дорогѣ, частью въ экипажѣ, имѣя случайнаго спутника изъ друзей короля, его библіотекаря, я добрался до границы баварскаго Тироля, остановился внизу замка въ мѣстечкѣ и послалъ о себѣ сказать гофмаршалу. Онъ пришелъ мнѣ объявить, что въ настоящую минуту король находится въ гротѣ Тита Ливія и приглашаетъ меня въ замокъ къ обѣду. Король имѣлъ, какъ я узналъ, привычку читать латинскихъ и греческихъ авторовъ въ спеціально для каждаго изъ нихъ назначенномъ мѣстѣ, отчего послѣднее и носитъ имя того или другого изъ его излюбленныхъ писателей.

Въ полной формѣ я отправился въ присланномъ экипажѣ на гору въ замокъ, который построенъ на скалѣ, окруженной лѣсами и озерами, на узенькомъ пространствѣ, гдѣ нельзя было помѣстить даже много службъ. Мѣсто восхитительное. Встрѣченный адъютантомъ короля, полковникомъ фонъ-деръ-Танномъ[1]), во фракѣ, съ безчисленнымъ количествомъ орденовъ на шеѣ, въ разноцвѣтныхъ лентахъ, я былъ введенъ имъ въ кабинетъ короля. Максимиліанъ стоялъ посреди кабинета, опершись рукою на письменный столъ, какъ обыкновенно рисуютъ портреты во весь ростъ; онъ былъ во фракѣ съ андреевской лентой. Онъ разспрашивалъ меня и вые ражалъ искреннюю благодарность государю за все расположені къ брату его Оттону греческому. Максимиліанъ былъ средняго роста, въ парикѣ, съ какимъ-то зеленоватымъ лицомъ, видимо, какая-то болѣзнь оставила слѣды на немъ.

Затѣмъ представленіе въ залѣ у королевы. Королева Марія была небольшого роста, нѣсколько полная, съ большою просѣдью въ волосахъ, чрезвычайно привлекательной наружности. Около

---

[1]) Главнокомандующій баварскими войсками въ войну 1870 года.

нея стояла фрейлина графиня Фугеръ, лѣтъ двадцати пяти красавица-брюнетка. Затѣмъ знакомство съ дворомъ: баронъ Циллучъ, Занцгеймъ.

Обѣдъ въ небольшой столовой, но съ восхитительными видами вокругъ въ большія окна. Здѣсь я ближе познакомился съ королевой и разговорился до того, что въ разсѣянности налилъ ей пива въ стаканъ. Она очень мила, а ея фрейлина очаровательна. Послѣ обѣда придворные господа Таннъ и Циллучъ зашли за мною въ гостиницу, чтобы вмѣстѣ гулять въ горахъ. Королева сказала мнѣ, что если я встрѣчу двухъ мальчиковъ съ гувернеромъ съ зелеными сумками для гербаризаціи, чтобы я ихъ приласкалъ,—это ея дѣти. Я ихъ встрѣтилъ, оба были красивые (одинъ теперь царствуетъ) [1]. Вечеромъ уже во фракѣ мы пили чай у королевы; какъ водится, я немного опоздалъ. Послѣ чая королева непремѣнно хотѣла играть въ воланъ. Низенькія комнаты, люстра, зажженные канделябры, т.-е. рядъ препятствій, и мое совершенное неумѣніе доставляли ей большое удовольствіе. Кончилось тѣмъ, что я разъ ударилъ ее ракетой по рукѣ и разъ мой воланъ попалъ въ короля, разговаривавшаго съ кѣмъ-то, стоя.

Разставаясь, король пригласилъ меня участвовать въ открытіи всемірной выставки въ Мюнхенѣ черезъ нѣсколько дней.

Я отправился въ Штутгартъ и не зналъ, что меня тамъ ожидаетъ послѣ такого любезнаго пріема въ Мюнхенѣ. Великая княгиня Ольга Николаевна никогда никакого милостиваго вниманія мнѣ не оказывала, даже болѣе. Разъ въ свой пріѣздъ въ Петербургъ я пришелъ представиться. Камердинеръ мнѣ принесъ отвѣтъ, что великая княгиня выѣзжаетъ. Я не успѣлъ уйти изъ пріемной, какъ великая княгиня вышла въ шубѣ, чтобы ѣхать. Казалось, разъ уже тутъ, не много стоило труда остановиться на два слова съ представляющимся, хоть и не въ пору. Причины невниманія я не зналъ никакой. Теперь оба, она и ея мужъ, встрѣтили меня благосклонно, и съ каждымъ днемъ вниманіе дѣлалось замѣтнѣе. Княгиня Любовь Голицына (рожденная графиня Апраксина), первая моя знакомая въ свѣтѣ въ Москвѣ въ концѣ тридцатыхъ годовъ, жила въ Штутгартѣ по болѣзненному своему положенію, и королева часто отдыхала въ ея сообществѣ. Мужъ ея, князь Сергѣй, былъ главнымъ фактотумомъ у великой княгини. Миссія наша состояла изъ Титова, какъ посланника, котораго я близко зналъ въ Константинополѣ, князя Владиміра Щербатова (женатаго на Марьѣ Аѳанасьевнѣ Столыпиной), секретаря Муханова, а изъ путешественниковъ были графъ Петръ Шуваловъ съ женой (Нарышкиной). Катанье и обѣды вмѣстѣ у великой княгини были пріятнымъ препровожденіемъ времени, оба были чрезвычайно любезны

---

[1]) Людовикъ II, столь трагически погибшій.

ко мнѣ. Старикъ-король былъ въ Баденъ-Баденѣ. Я отправился къ нему. Онъ въ разговорѣ сказалъ мнѣ: «Нужно выждать поздняго времени года и перевести все на зеленый столъ конгресса,—я совершенно преданъ императору и буду дѣйствовать, онъ можетъ разсчитывать на меня. Нужно дать успокоиться страстямъ и самое важное притянуть къ себѣ Австрію. Тогда Англіи и Франціи однѣмъ будетъ трудно. На конгрессѣ интересы ихъ тотчасъ обозначатся различными для каждой изъ этихъ державъ, и союзъ между ними не удержится. Много повредило Россіи на Вѣнскомъ совѣщаніи неимѣніе человѣка сильнаго, такъ что противовѣса не существовало. И потомъ: «La poltronnerie conduit tout le monde. Un avanturier comme Napoléon III peut entreprendre des choses inanies et réussir dans quelques années. On craint que l'existance des petits royaumes ne soit mise en question dans le cas surtout, que la guerre prenne des dimensions considérables, et on se tient tranquille chacun dans son coin. Les révolutionnaires se taisent aussi, parce qu'ils attendent le mot d'ordre et savent qu'on travaille dans leur sens, mais que la révolution couve sans tout cela, c'est très sûr. Bach avec l'Archiduchesse Sophie (la mère de l'Empereur) agit dans ce sens là, l'Empereur est jeune et peu capable. Hess (le maréchal) veut se faire un nom, sur le roi de Prusse il nous est impossible de compter, car il est vacillant, le prince de Prusse, sa femme et son parti sont révolutionnaires et peu capables. Nous autres nous pouvons toujours dire où nous nous arretons, mais on ne sait jamais ou peut s'arreter un homme comme Napoléon et on ne peut jamais savoir au juste ce qu'il veut» [1]).

Принцъ Карлъ Прусскій, братъ короля, былъ тоже въ Баденѣ. Озеровъ, Александръ Петровичъ, меня ему представилъ; онъ тоже высказалъ мнѣніе, что конгрессъ былъ бы лучшей комбинаціей, ибо союзъ не устоитъ предъ различіемъ интересовъ Англіи и Франціи, когда послѣднія выскажутся.

Принцъ Карлъ считается умнымъ человѣкомъ, похожъ на

---

[1]) Трусость руководитъ всѣми. Такой авантюристъ, какъ Наполеонъ, можетъ пуститься въ самыя невѣроятныя предпріятія и черезъ нѣсколько лѣтъ добиться успѣха. Существуетъ общая боязнь, что маленькимъ государствамъ грозитъ опасность, въ особенности, если предстоящая война приметъ большіе размѣры, а потому каждый изъ насъ старается тихо сидѣть въ своемъ углу. Революціонеры тоже пока молчатъ, ожидая указаній и зная, что для нихъ работаютъ, но несомнѣнно, что подо всѣмъ этимъ революціонная подкладка. Бахъ (австрійскій министръ) вмѣстѣ съ эрцгерцогиней Софіей (матерью императора Франца-Іосифа) работаютъ въ этомъ направленіи, самъ императоръ молодъ и мало способенъ, фельдмаршалъ Гессъ стремится къ славѣ. На короля прусскаго разсчитывать нельзя, вслѣдствіе его постоянныхъ колебаній, принцъ Прусскій (впослѣдствіи императоръ Вильгельмъ. *Прим. изд.*), его жена и его—революціонеры и мало талантливы. Всѣ мы можемъ сказать, гдѣ мы остановимся, но никто не знаетъ, гдѣ остановится такой человѣкъ, какъ Наполеонъ, и никому неизвѣстно, чего онъ въ сущности хочетъ.

сатира, ничего обыкновенно не дѣлаетъ и политическаго значенія не имѣетъ.

Въ Баденѣ я пробылъ дня три. Дочери графа Нессельроде, графиня Хрептовичъ и графиня Зеебахъ, ввели меня въ cercle, гдѣ русскія дамы принимали и иностранныхъ принцевъ и болѣе выдающихся простыхъ смертныхъ. Обыкновенно собирались вечеромъ въ отдѣльномъ аппартаментѣ общаго казино, съ отдѣльнымъ входомъ. Тамъ я видѣлъ разныхъ герцоговъ и принцевъ, которые всѣ поручили передать государю Николаю Павловичу болѣе или менѣе прочувствованныя слова, искреннія пожеланія и даже личную преданность отъ многихъ изъ нихъ. Здѣсь я нашелъ и Титова, котораго жена была очень мила. Разъ какъ-то было устроено катанье. La Duchesse d'Istrie была съ нами, пожилая красавица, очень любезная.

Отъ принца Гессенскаго я долженъ былъ передать государю «все его уваженіе и преданность, и сколько онъ желаетъ, чтобы настоящее положеніе дѣлъ окончилось счастливо для Россіи». Это совершенно порядочный, умный и любезный старикъ. Герцогъ Мекленбургскій благодарилъ графа Нессельроде за его ласки къ брату его Жоржу.

Графъ Вильгельмъ Виртембергскій получилъ отъ своего зятя короля шведскаго извѣщеніе, что къ концу іюня онъ будетъ имѣть до 130.000 арміи, восемь линейныхъ кораблей, восемь фрегатовъ и 128 канонерскихъ лодокъ, 38 батарей артиллеріи. Все это имъ дѣлается для сохраненія нейтралитета, согласно со своимъ союзникомъ королемъ датскимъ; оба убѣждены, что все будетъ зависѣть отъ положенія, которое приметъ Германія въ этомъ вопросѣ.

Я возвратился въ Штутгартъ. Тамъ меня пригласили остаться на нѣсколько дней и не ѣздить на открытіе выставки въ Мюнхенѣ, и въ самомъ дѣлѣ,—зачѣмъ я буду торчать въ свитѣ чужого короля на чужомъ празднествѣ. Великой княгинѣ Ольгѣ Николаевнѣ хотѣлось, чтобы я переговорилъ съ австрійскимъ агентомъ Ревертерра (потомъ былъ посланникомъ въ Петербургѣ). Вотъ его претензіи: «Россія ни въ грошъ не ставила Австрію съ самаго начала этого вопроса. Австрія боялась за свои слабѣйшія провинціи, Россія уступила, но уступила въ планѣ войны, и Австрія не можетъ найти это достаточнымъ обезпеченіемъ и потому вооружилась, чтобы занять ближайшія провинціи. Никто ей не препятствуетъ занять теперь посредническую роль. Австрія хочетъ, чтобы въ знакъ довѣрія къ ней мы уступили ей занятіе княжествъ, и она предложитъ Англіи и Франціи равносильную уступку въ нашу пользу». Я отвѣчалъ, что мы не можемъ уступить нашей бывшей операціонной линіи и что послѣдствія этого желанія со стороны Австріи сблизиться съ Западною Европою не будутъ для нея счастливыми. Ревертерра признавалъ, что любовь между ни-

ператорами скрѣпляла политическій союзъ, но что, однакожъ, министръ Буоль сильно вліяетъ на императора въ смыслѣ сближенія съ Западомъ, чрезъ мать его эрцгерцогиню Софію, что императоръ молодъ, что ему нужно вновь подать братскую руку помощи и спасти еще разъ, отнявъ у него тѣ причины, которыя его толкаютъ теперь въ объятія Англіи и Франціи. Хороша была казуистика уланскаго офицера и, какъ видно, не безъ дипломатической подкладки!

Король возвратился изъ Бадена и далъ намъ 1-го іюля, въ день рожденія императрицы, обѣдъ въ своей виллѣ, называемой «Wilhelma», построенной въ мавританскомъ стилѣ, съ большою выдержкою въ деталяхъ и во всей обстановкѣ. Мы съ Титовымъ чуть не опоздали. Великая княгиня всѣми силами старалась заговорить короля, чтобы промедлить до обѣда, такъ какъ мы не явились. На обѣдѣ и потомъ на танцовальномъ вечерѣ, данномъ великой княгиней на своей виллѣ, были всѣ ихъ и короля окружавшіе люди. Я зналъ нѣкоторыхъ весьма почтенныхъ по характеру и умѣнію быть полезными кронпринцу и великой княгинѣ предъ королемъ, какъ, напримѣръ, графъ Таубенгеймъ (женатый на графинѣ Виртембергской), оберъ-шталмейстеръ Моклеръ, мадамъ Штурмфедеръ, мадемуазель Массенбахъ. Изъ русскихъ были Титовъ, графъ Хрептовичъ съ женою, графиня Гурьева (дочь Марьи Антоновны Нарышкиной), Шуваловы, Николай Столыпинъ съ женою (Сверчковой), Владиміръ Щербатовъ, Аделунгъ, секретарь великой княгини Ольги Николаевны. Танцуя или сидя скорѣе со мной на своемъ вечерѣ, великая княгиня, вспомнивъ нашу встрѣчу во дворцѣ, откровенно сказала: «Я виновата передъ вами».

3-го іюля мы катались, пили чай на пивномъ заводѣ короля и разстались на полдорогѣ. Оба отпустили меня со знаками благорасположенія, прислали мнѣ свои портреты на дорогу и письмо къ государю. Потомъ я узналъ, что въ немъ было высказано много благопріятнаго для меня.

Кронпринцъ поручилъ передать государю: «Я теперь хорошъ съ отцомъ, и связью намъ служитъ Россія. Personne ne se mêle de notre bonheur domestique» [1]). Король съ нѣкоторыхъ поръ сталъ чрезвычайно любезенъ ко всѣмъ русскимъ.

Великая княгиня Ольга Николаевна представила меня у себя на вечерѣ графинѣ Красицкой, урожденной графинѣ Браницкой, красивой женщинѣ, натурально очень любезной, зная, что черезъ меня пойдетъ отъ Ольги Николаевны записка насчетъ ея въ Петербургъ. Дѣло въ томъ, что мужъ ея сосланъ, но очень богатъ, дѣти ихъ въ Варшавѣ, она бы не хотѣла покинуть совсѣмъ оте-

---

[1]) Никто не вмѣшивается въ наше семейное счастье.

чество, а потому проситъ отпустить мужа и дать ему возможность жить за границей.

5-го іюля откланивался въ Мюнхенѣ королю баварскому, благодаря за орденъ, а потомъ королевѣ. Она мнѣ высказала упреки, очень любезные, за то, что я не пріѣхалъ на открытіе выставки. На этотъ разъ все было офиціально, сухо. Король просилъ государя вѣрить въ его искреннія пожеланія благополучнаго конца настоящему положенію, и еще просилъ о согласіи на признаніе какого-то article additionnel au traité de l'année 1832 [1]).

Королева и графиня Фугеръ не разстаются и обѣ чрезвычайно симпатичны, жаль, что онѣ нѣмки. Но любопытнѣе ихъ фонъ-деръ-Пфортенъ. Онъ говоритъ: «Германія одушевлена чувствомъ единства прежде всего, стало быть, если бы Австрія начала войну противъ Россіи, можетъ быть, Пруссія и союзъ другихъ государствъ остались бы спокойны до тѣхъ поръ, пока Австрія не была бы побита, а какъ только это случится, Германія пойдетъ на васъ, она не можетъ позволить ослабить Австрію, очень хорошо чувствуя, что ея сила состоитъ въ союзѣ съ ней.

Противъ Россіи общественное мнѣніе въ Германіи враждебно, какъ противъ прямого препятствія къ развитію либеральныхъ началъ и учрежденій. Русскій варварскій деспотизмъ обвиняется въ этомъ, а Австрія популярна потому, что она первая выступила въ защиту отъ Россіи германскихъ правъ, и въ этомъ случаѣ для германскаго союза будетъ лучше Австрія, нежели Пруссія, такъ какъ союзъ не боится Австріи такъ, какъ онъ боится Пруссіи». При этомъ онъ лично думаетъ, что будетъ неизбѣжна война между Германіей и Франціей, но только не теперь. Россія, по его мнѣнію, могла бы продолжать дѣлать свои дѣла въ Азіатской Турціи, и Австрія ничего бы не сказала на это, но здѣсь въ Европѣ она не можетъ допустить протектората Россіи ни отдѣльно, ни даже совмѣстно съ нею, потому что Россія будетъ имѣть всегда и во всякомъ случаѣ преобладающую роль.

«Австрія, вѣроятно, потребуетъ обязательства ничего не предпринимать противъ Турціи, ибо она всякій разъ подвергается опасности возстанія въ ея провинціяхъ, гдѣ населеніе по вѣрѣ болѣе греческое, нежели католическое, и даже національности болѣе славянскія, нежели нѣмецкія, а потому она не согласится и на общій протекторатъ, ибо всякій разъ результаты будутъ русскіе, а не австрійскіе. Кто глядитъ впередъ на одинъ годъ, тому лучше война съ Россіей, ибо вся Европа въ союзѣ противъ нея; кто смотритъ далѣе, тому союзъ съ Россіей кажется предпочтительнымъ, ибо Франція не надежна, на Людовика Наполеона положиться нельзя. Теперь Франція почти достигла своихъ цѣлей, Англія,

[1]) Дополнительной статьи къ договору 1832 г.

видя пріостановку въ пользу Россіи, пріостановится сама, ибо лично она одна не въ состояніи сдѣлать ничего. Австрія же должна предвидѣть, что не сегодня—завтра будетъ имѣть дѣло съ Франціей, а потому лучше въ Россіи пріобрѣсти союзника на черный день. Впрочемъ, повсюду Австрія теперь популярна за то, что первая остановила ходъ Россіи, владычества которой боятся извѣстныя партіи въ Германіи; хотя мелкія государства не желали бы давать преобладающей роли и Пруссіи, но война Германіи вообще не нужна, такъ какъ у нея нѣтъ особыхъ интересовъ на Востокѣ».

Этотъ разговоръ я повезъ въ Петербургъ. Фонъ-деръ-Пфортенъ считался главною силою въ королевствѣ, которое само считалось сильнѣйшимъ въ германскомъ союзѣ. Важно было, чтобы Баварія не поддерживала затѣй австрійскихъ, но она, видимо, желая Австрію поставить во главѣ союза, а не Пруссію, пойдетъ за нее, если послѣдней придется плохо. Ознакомившись за это время со всѣмъ, что послѣдній предшествующій король сдѣлалъ для Мюнхена по отношенію къ искусствамъ, я удивлялся не только собраннымъ предметамъ, но еще болѣе удивлялся одаренности старика и его энергіи. Нужно же было Лоллѣ Монтесъ подвернуться не въ пору и поссорить короля съ народомъ. Северинъ на прощанье далъ мнѣ депеши, въ которыхъ писалъ, какъ баварскій король доволенъ былъ меня видѣть, и вполнѣ опредѣлилъ правильность моего взгляда на вещи, который и самъ Северинъ вполнѣ подтверждалъ. Мнѣ казалось это страннымъ, но у нихъ такъ принято переписываться, и, вѣрно, на ихъ языкѣ это ничего не выражаетъ.

По дорогѣ остановился въ Нюрнбергѣ. Этотъ городъ даетъ наиболѣе полное понятіе о старинномъ нѣмецкомъ городѣ. Въ Лейпцигѣ переночевалъ, посмотрѣлъ городъ, и 9-го утромъ былъ въ Дрезденѣ.

Пріѣхавъ въ Дрезденъ, я прежде всего отправился къ нашему посланнику Шредеру, такъ какъ я былъ за границей съ официальнымъ порученіемъ. Хорошенькій небольшой домикъ съ садомъ на тихой улицѣ. Ко мнѣ вышелъ старикъ съ бѣлой головой, въ туфляхъ изъ суконной разноцвѣтной покрышки. Шредеръ, старый товарищъ Нессельроде, двадцать лѣтъ живетъ въ Дрезденѣ, у него хорошій поваръ и отличный погребъ, дѣла никакого. Одинъ секретарь Веліо умный и пріятный человѣкъ, не знаю, что онъ обязанъ дѣлать утромъ, но обязанъ обѣдать непремѣнно съ посланникомъ, который одинокъ и брюзжитъ. Разсказалъ ему, въ чемъ дѣло, и такъ какъ у меня не было депешъ, то Шредеръ просилъ не настаивать на свиданіи съ королемъ. Кажется, Бейстъ вообще не желалъ бы впутываться въ этотъ вопросъ. Я кое-что успѣлъ въ Дрезденѣ видѣть до обѣда. Обѣдъ у Шредера дѣйствительно хорошъ и вино хорошее. Послѣ обѣда Веліо, обрадовавшись, что есть у хозяина другая жертва, исчезаетъ, одѣвается во флигелѣ

и катаетъ въ лодкѣ по Эльбѣ какихъ-то знакомыхъ дамъ. Мы же ѣдемъ кататься въ коляскѣ, въ которой насъ ждутъ нѣсколько различной степени теплоты пальто и пледовъ. Въ разныхъ мѣстахъ и проѣздомъ черезъ мосты Шредеръ перемѣняетъ пальто и при всякомъ случаѣ кричитъ немилосердно на лакеевъ своихъ. Прогулка вдоль Эльбы и дачъ на ней прекрасна. Заѣзжали съ визитомъ къ различнымъ посланникамъ и наконецъ пріѣзжаемъ къ Бейсту, первому министру. Находимъ на террасѣ небольшого сада графиню Бейстъ, еще съ остатками прежней красоты и какъ бы молодости передъ зеленымъ садовымъ столикомъ, на которомъ стоитъ угощеніе; просто крошечный подносъ, на немъ бутылка мѣстнаго бѣлаго вина и кувшинъ пильзенской воды. Нѣсколько дипломатовъ ее окружаютъ: Редерeръ, пруссакъ, весьма любезный (впослѣдствіи былъ въ Петербургѣ), баварскій посланникъ графъ Гизъ, женатый на Tacher de la Pagerie [1]). Отецъ ея былъ адъютантомъ при Евгеніи Богарнэ. Оба очень пріятные и порядочные люди, она умна, дурна и кругомъ француженка. Французскій посланникъ Mercier, qui a toujours la parole en avant an fréluquet [2]). Австрійскій графъ Куфштейнъ большая не молодая, но приличная личность. Хозяйка, и теперь исключительно преданная религіи послѣ очень свѣтской жизни, не представляетъ собою ничего интереснаго. Явился и самъ Бейстъ изъ города, усталый, разсѣянный, небольшого роста, очень красивый лицомъ. Я сказалъ, что намѣренъ ѣхать завтра. Бейстъ былъ того мнѣнія, что король бы желалъ видѣть меня. Я буду ждать. Мы съ Шредеромъ пошли назадъ пѣшкомъ, мимо садовъ и различныхъ кабачковъ съ музыкой, все было оживленно вечеромъ. Посидѣли на Брюлевской террасѣ, при лунномъ свѣтѣ очень красивой, и засимъ спать.

На другой день я усердно осматривалъ достопримѣчательности Дрездена, долго любовался галлерей квартинъ. За обѣдомъ у Шредера пришла записка отъ Бейста о томъ, что король приглашаетъ меня обѣдать на завтра въ Пильницѣ. Шредеръ совѣтуетъ послѣ обѣда зайти къ Бейсту и предложить ему заѣхать за нимъ въ моемъ экипажѣ, чтобы ѣхать обѣдать вмѣстѣ къ королю. На мое удивленіе Шредеръ лаконически отвѣчаетъ, что Бейстъ получаетъ четыре тысячи талеровъ и будетъ очень радъ моему приглашенію. Ѣду къ Бейсту, дѣлаю приглашеніе, онъ съ радостью принимаетъ, затѣмъ разговоръ не вяжется. Бейстъ, видимо, желаетъ ограничиться однѣми любезностями и общими мѣстами. Вечеръ—музыка на Брюлевской террасѣ и лунная ночь. На другой день обѣдня въ придворной церкви, музыка и пѣніе великолѣпны. Потомъ въ протестантской церкви, замѣчательная архитектура. Въ часъ

---

[1]) Въ родствѣ съ императрицей Жозефиной.

[2]) Болтунъ и франтикъ.

съ половиною заѣзжаю за Бейстомъ. До Пильница ѣзды добрый часъ, разговоръ въ каретѣ не интересный. Бейстъ разсѣянъ всегда, а здѣсь, я думаю, и нарочно. Паромъ на Эльбѣ предъ Пильницемъ собралъ цѣлую компанію приглашенныхъ. Бейстъ очнулся, увидавъ другихъ въ орденахъ и перчаткахъ, оказалось, что онъ забылъ и то и другое.

Въ большой аванзалѣ собралось все общество: Герздорфъ, церемоніймейстеръ королевы, очень красивое лицо, Гедрицъ— оберъ-камергеръ эрцгерцогини Софіи, матери австрійскаго императора. Сначала пришелъ братъ короля принцъ Іоганнъ, съ виду профессоръ, да еще не бритый. За нимъ двѣ дочери. Одна, Сидонія, очень расположенная къ поэтамъ, съ красивымъ лицомъ, обѣ очень застѣнчивыя. Вся семья слыла за очень образованныхъ людей. Наконецъ король и королева. Всѣ представленія всегда очень пошлы, о разговорѣ передъ обѣдомъ и рѣчи быть не можетъ. За обѣдомъ я сидѣлъ между прусскимъ посланникомъ Редереромъ и графомъ Гизомъ противъ короля. Разговоръ съ сосѣдями весьма пріятный. Эрцгерцогиня Софія, очень умная и хитрая, черная, высокая, еще не старая, поручила мнѣ сказать государю, что она молится за него. Въ сущности она враждебно относилась къ нему и, говорятъ, характера невозможнаго.

Возвратясь въ Дрезденъ, зашелъ къ Шредеру разсказать все, какъ было. Веліо пришелъ въ десять часовъ, затѣмъ Шредеръ пріѣхалъ, и я отправился въ обратный путь.

12-го былъ въ Варшавѣ, навѣстилъ бывшаго моего командира графа Ридигера, разсказалъ ему, что видѣлъ, посидѣлъ съ всегда любезной графиней и въ экипажѣ направился на Москву, оттуда по желѣзной дорогѣ 19-го пріѣхалъ въ Петербургъ.

Въ четыре часа въ тотъ же день я былъ у Нессельроде, передалъ ему депеши и разсказалъ ему все, что слышалъ. Потомъ отправился въ Петергофъ, гдѣ жилъ государь. Вхожу на крыльцо Александріи и вижу изъ аллеи пару сѣрыхъ рысаковъ и высокую бѣлую фуражку: «А, это уже ты!» Видимо, что я могъ бы еще погулять за границей. Отдаю письмо великой княгини Ольги Николаевны, сообщаю о ней первыя свѣдѣнія, иду за государемъ наверхъ по маленькой лѣстницѣ въ его кабинетъ. Я невольно пріостановился: огромное зеркальное окно на море и на Кронштадтъ представляли собою удивительно освѣщенную картину. Государь сѣлъ за письменный большой столъ у этого окна, указавъ мнѣ стулъ по другую сторону его. «Садись и разсказывай».— Я старался въ нѣкоторомъ порядкѣ передать, что я слышалъ отъ разныхъ лицъ, достойныхъ вниманія, чтобы не запутаться и не пропустить чего-либо серьезнаго. Государь сначала пробѣжалъ мелькомъ письмо великой княгини Ольги Николаевны, когда я разсказывалъ, что именно тамъ видѣлъ и слышалъ, потомъ дѣ-

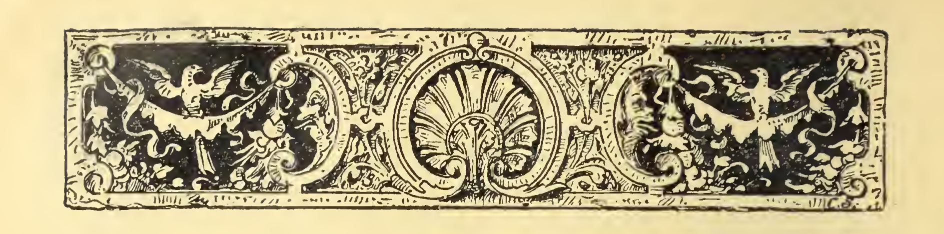
лалъ замѣчанія. Я разсказалъ, какъ фонъ-деръ-Пфортенъ выразился. Государь засмѣялся и сказалъ: «Да, я потушилъ сальныя свѣчи». На опасенія Австріи о своихъ славянскихъ земляхъ онъ замѣтилъ: «Къ сожалѣнію, мы сами возбуждаемъ напрасно эти опасенія, у насъ есть панслависты, нашъ почтенный Сергѣй Семенычъ (Уваровъ), но я этого не потерпѣлъ, я ему такъ сжалъ носъ, что онъ потерялъ охоту». На поклонъ эрцгерцогини Софіи онъ сказалъ: «Покорнѣйше благодарю за такія молитвы, нечего сказать». Въ это время вошелъ камердинеръ сказать, что императрица ожидаетъ въ шарабанѣ. Государь продолжалъ еще нѣкоторое время разговоръ и затѣмъ отпустилъ меня. Когда я сошелъ внизъ, шарабанъ стоялъ у крыльца, императрица и все общество сидѣло въ экипажѣ. Я подошелъ къ императрицѣ, передалъ ей поклонъ отъ великой княгини Ольги Николаевны, получилъ приглашеніе на вечеръ. Государь вышелъ, экипажъ тронулся, а я поѣхалъ переодѣваться. Въ девять часовъ я былъ опять въ Александріи, меня позвали къ государю наверхъ, гдѣ я оставался до десяти часовъ, разсказывая то, что еще ранѣе не успѣлъ. Затѣмъ внизу на вечерѣ много было разсказовъ императрицѣ о томъ, что я нашелъ въ Штутгартѣ. По благосклонности государя и императрицы видимо было, что письмо великой княгини Ольги Николаевны говорило въ мою пользу. Вскорѣ послѣ того я обѣдалъ у великой княгини Елены Павловны. Она мнѣ сказала, что государь былъ у нея на дняхъ, говорилъ о привезенныхъ мною свѣдѣніяхъ изъ Германіи и прибавилъ: «Issakoff est très employable» [1]). Великая княгиня Елена Павловна повторяла это мнѣ съ видимымъ удовольствіемъ. Это былъ первый личный отзывъ государя обо мнѣ, дошедшій до моего слуха, и я былъ доволенъ, узнавъ, что онъ не упрекаетъ себя въ выборѣ меня въ флигель-адъютанты.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Н. В. Исаковъ.

[1]) Исаковъ весьма исполнителенъ.

МОЗАИКА[1].

(Изъ старыхъ записныхъ книжекъ).

VII.

Съ Сергѣемъ Николаевичемъ Шубинскимъ я познакомился въ 1888 году, еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, принеся ему для «Историческаго Вѣстника» статейку «Героини Калидасы и Шекспира», которая ему понравилась и которую онъ охотно вскорѣ напечаталъ. Съ тѣхъ поръ наши добрыя отношенія не прерывались до самаго послѣдняго дня жизни покойнаго редактора, оставивъ въ моей душѣ неизгладимо свѣтлый слѣдъ объ этомъ рѣдкомъ у насъ на землѣ, идеально прекрасномъ человѣкѣ.

Это совсѣмъ не комплиментъ, который нерѣдко слышится по адресу сошедшихъ въ могилу извѣстныхъ дѣятелей, и я отнюдь не руководствовался латинскимъ парадоксомъ, требующимъ отъ живыхъ или похвалы мертвецу, или же молчанья. Вовсе нѣтъ, и я увѣренъ, что всѣ, знавшіе Сергѣя Николаевича, согласятся со мной въ этой немногословной, но, кажется, вполнѣ правдивой оцѣнкѣ его личности, какъ идеально прекраснаго человѣка.

Необычайное благородство характера было его отличительнымъ качествомъ, а также незлобивость и неослабное желаніе сдѣлать каждому добро, помочь, поддержать, выручить изъ бѣды. Часто

---

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ», декабрь 1912 г.

ли встрѣчаются подобные люди, одаренные такими чисто евангельскими чертами личности?

Внѣшній видъ у С. Н. Шубинскаго былъ, однако, подчасъ вовсе даже не любезный, особенно въ послѣдніе годы, когда Сергѣй Николаевичъ началъ поддаваться постоянно мучившимъ его недугамъ и очень утомлялся редакторскими обязанностями, которыя не хотѣлъ оставить до самой смерти.

Когда вы скромно входили въ его совсѣмъ не уютный кабинетъ, съ письменнымъ столомъ у оконъ и книжными шкапами, закрывающими стѣны, и подходили къ серьезному господину, сидѣвшему за этимъ столомъ въ военной тужуркѣ отставного генерала или въ халатѣ, то васъ не встрѣчали сладкими рѣчами.

Совсѣмъ напротивъ. Вамъ протягивали суховато руку, и серьезный господинъ, какъ бы очень не въ духѣ, ронялъ, полусмотря на васъ, что-нибудь мало для васъ ободрительное въ такомъ родѣ:

— А! Рукопись опять принесли! Боже мой! Куда дѣваться отъ этихъ рукописей?!. Теперь рѣшительно всѣ пишутъ, чуть ли не съ пеленокъ... И откуда берется! Ну, что же вы принесли? Что-нибудь слабое? Отнесите въ другой журналъ. Я заваленъ рукописями,—у меня ихъ цѣлыя груды...

Но вы этимъ не должны были вовсе смущаться и, давши минутку добрѣйшему редактору излить свое справедливое неудовольствіе на дѣйствительно вороха бездарныхъ вещей, которыя ему ежедневно таскали, начать говорить, какъ ни въ чемъ не бывало, о своемъ дѣлѣ.

Перуны понемногу стихали, появлялся радушный тонъ, вашу рукопись брали, перелистывали, обѣщались вскорѣ прочесть и, если можно, напечатать, и вы разставались уже друзьями...

Нужно правду сказать, Сергѣй Николаевичъ, который былъ единственный хозяинъ журнала и всю работу по чтенію рукописей (только сравнительно недавно до кончины ему въ этомъ стали помогать) и перепискѣ онъ несъ самъ на своихъ плечахъ, имѣлъ, въ сущности, полное право иной разъ посердиться и покапризничать. Редакторскіе нервы не веревки и, разумѣется, когда-нибудь ослабнутъ отъ той галиматьи, которую поневолѣ приходится читать редакторскому глазу и переправлять редакторской рукѣ.

Бывало прежде, когда Сергѣй Николаевичъ былъ еще сравнительно крѣпокъ и хворалъ главнымъ образомъ только подагрой, у него былъ пріемъ ежедневный, и сколько интересныхъ людей можно было здѣсь у него встрѣтить, сколько любопытнаго услышать. Сергѣй Николаевичъ и самъ умѣлъ преинтересно иногда разсказывать изъ видѣннаго имъ въ теченіе своей долгой жизни и необыкновенно вѣрно подмѣчалъ главнѣйшія черты человѣческихъ типовъ и психологію людскихъ отношеній,

Я твердо помню его разсказъ, въ присутствіи его ближайшихъ сотрудниковъ, о его сношеніяхъ съ бывшимъ начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати Е. М. Ѳеоктистовымъ.

— Наши съ нимъ отношенія дѣлятся, по существу,—разсказывалъ Сергѣй Николаевичъ,—на три стадіи, являясь какъ бы комедіей въ трехъ дѣйствіяхъ. Они довольно курьезны... Я познакомился съ Евгеніемъ Михайловичемъ Ѳеоктистовымъ, еще когда онъ былъ только профессоромъ университета и очень простымъ и обходительнымъ въ общеніи человѣкомъ... Ставши «персоной», онъ началъ намъ показывать рядъ метаморфозъ, и прежній Ѳеоктистовъ совсѣмъ исчезъ... Дѣйствіе первое. Я являюсь, вскорѣ послѣ назначенія Евгенія Михайловича, въ пріемную главнаго управленія по дѣламъ печати, смотрюсь въ висящее тамъ старомодное зеркало, въ которое никогда никто себя не узнавалъ, поправляю прическу и прошу курьера о себѣ доложить... Чрезъ минуту не въ чередъ слышу «пожалуйте-съ!» Вхожу. Ко мнѣ навстрѣчу радостно двигается грузная фигура Евгенія Михайловича. Онъ дружески улыбается, крѣпко жметъ мою руку. «Какъ я радъ васъ видѣть! Садитесь, курите! Вы мнѣ что-то принесли? По журналу?»—«Да, вотъ тутъ въ одной статьѣ цензурный комитетъ встрѣтилъ вдругъ затрудненье...»—«Затрудненье? Въ такомъ журналѣ?!. Покажите! (беретъ книжку, быстро просматриваетъ отмѣченное улыбается, качаетъ головой) Конечно, все, все можно! Не вижу препятствій. Скажите Кожухову, что я разрѣшилъ. Подите къ нему сейчасъ же, онъ теперь въ комитетѣ. До свиданья!» Дѣйствіе второе (нѣсколько мѣсяцевъ спустя).—Прошу о себѣ доложить. Жду полчаса. Наконецъ просятъ. Евгеній Михайловичъ слегка приподымается, кряхтя, съ кресла. Рукопожатіе холодное, улыбка дѣланная.—«Чѣмъ могу служить? Садитесь». — «Да вотъ это мѣсто комитетъ не разрѣшаетъ...»—«Мнѣ сейчасъ некогда, простите, оставьте мнѣ, я скажу, комитетъ, вѣроятно, разрѣшитъ, если есть малѣйшая возможность... Простите, очень занятъ»... Кивокъ головы и полупожатіе руки. Дѣйствіе третье и послѣднее.—Прошу доложить. Жду битый часъ, если не больше, и ужъ хочу вернуться, какъ просятъ войти... Евгеній Михайловичъ на ногахъ и садиться не проситъ. Рукопожатіе наскоро, взглядъ усталый, безучастный.—«Что вамъ угодно? Я страшно занятъ (наклоняется надъ письменнымъ столомъ и что-то будто ищетъ между бумагами, папками и брошюрами).—Пожалуйста, поскорѣй, не задерживайте, я очень занятъ».—«Да вотъ комитетъ...»—«Ахъ, Боже мой, опять тамъ у васъ недоразумѣніе!.. Оставьте здѣсь! Васъ увѣдомятъ... Прощайте». Занавѣсъ падаетъ... Вотъ какъ положеніе мѣняетъ людей!—говаривалъ Сергѣй Николаевичъ съ иронической улыбкой, покуривая свою неизмѣнную папироску.

Довольно часто сталкивался я здѣсь съ нашимъ извѣстнымъ археологомъ, симпатичнѣйшимъ В. А. Дашковымъ и нашимъ талантливымъ писателемъ С. Н. Терпигоревымъ (Сергѣй Атава). Съ этомъ послѣднимъ Сергѣй Николаевичъ былъ лично друженъ, очень его любилъ и всегда горячо заступался за него, когда его недоброжелатели распускали про него разныя злыя и грязныя сплетни, что, къ великому сожалѣнію, такъ принято именно у насъ въ Петроградѣ, гдѣ отнюдь не церемонятся съ репутаціями и говорятъ другъ про друга гораздо больше разнаго вздора, чѣмъ въ провинціи, которую, оказывается, совсѣмъ несправедливо считаютъ за величайшую сплетницу.

Сергѣй Атава много лѣтъ сряду жилъ, какъ извѣстно, круглый годъ, и зиму и лѣто, внѣ городского шума, въ уединеніи—на Черной рѣчкѣ, у Строганова моста, нанимая цѣлый особнякъ въ саду, и вотъ стали вдругъ ходить слухи о какихъ-то ночныхъ собраніяхъ у него и оргіяхъ во вкусѣ аѳинскихъ ночей.

Съ репутаціями у насъ, какъ сказано, совсѣмъ не церемонятся и при этомъ бываетъ совершенно невозможно возстановлять свою «честь» и спасать ее отъ нападенія разныхъ хулигановъ: отъ соприкосновенія съ ними еще больше замараешься и лучше ужъ молчать и только слушать разныя небылицы, которыя про васъ сочиняютъ, помня при этомъ басню Крылова о собакахъ, которая кончается словами: «полаютъ и отстанутъ».

С. Н. Терпигоревъ, какъ истый русскій «баринъ» и помѣщикъ, любилъ, конечно, плотно покушать и изрядно выпить, посидѣть за стаканомъ добраго вина и пробесѣдовать до третьихъ пѣтуховъ (а разсказывать онъ умѣлъ мастерски), но отъ всего этого до аѳинскихъ ночей очень далеко.

Конечно, все оказалось вздоромъ... и собачки полаяли и отстали.

Репутацію С. Атавы, кстати сказать, вообще изрядно чернили. Его несомнѣнная склонность «покутить» во многомъ тому помогала, но изъ того, что было писано о немъ послѣ его смерти, его личность представляется совсѣмъ, въ сущности, въ иномъ свѣтѣ.

Особой правдивостью и теплотой дышатъ воспоминанія о немъ, написанныя тотчасъ послѣ его кончины І. І. Ясинскимъ и напечатанныя на страницахъ «Историческаго Вѣстника». Передъ нами знакомый намъ всѣмъ и близкій типъ безхарактернаго русскаго «барина», выросшаго въ богатой обстановкѣ помѣщичьей среды своеобразной эпохи крѣпостничества и всю жизнь не научившагося жить...

Прибавьте къ этому очень крупный литературный талантъ, и предъ вами—симпатичный, добродушный и остроумный Сергѣй Атава.

Любопытный бытъ оскудѣвшаго послѣ «эмансипаціи» нашего земельнаго дворянства онъ зналъ на зубокъ, и его «Узорчатая пе-

стряды» является въ этомъ отношеніи художественной фотографіей, А его маленькіе разсказы того же типа, постоянно много лѣтъ сряду печатавшіеся среди фельетоновъ «Новаго Времени» и въ «Нивѣ» А. Ф. Маркса, прямо несравненные шедевры.

Когда на столбцахъ «Новаго Времени» былъ напечатанъ фельетонъ Атавы «Три княгини» (съ игривымъ эпиграфомъ: «Три княгини спорить стали на Аничкиномъ мосту»), обратившій на себя вообще вниманіе своей ѣдкой ироніей и ужасающей правдой, то одинъ мой свѣтскій пріятель сразу узналъ въ «княгинѣ Турусовой» свою какую-то боковую тетушку и вдругъ возмнилъ себя такъ оскорбленнымъ въ своихъ «аристократическихъ» чувствахъ,—хотя всѣ три изображенныя С. Атавой «княгини» (Турусова, Ундалычева и Ухнемъ) были изъ самыхъ низкородныхъ искательницъ приключеній,—что хотѣлъ вызвать за оскорбленіе знаменитаго рода князей Турусовыхъ С. Н. Терпигорева на дуэль.

— Ко мнѣ даже и секунданты ужъ отъ князя Турусова пріѣзжали,—весело разсказывалъ С. Атава про этотъ случай у С. Н. Шубинскаго:—я ихъ любезно принялъ, заявивъ, что все разсказанное мной про княгиню одна правда и я не могу взять обратно ни одного слова, а что, если угодно, я буду стрѣляться, но что у меня глазъ и рука хорошіе и мнѣ въ дуэляхъ везетъ... А я и на дуэли-то только разъ всего былъ въ годы юности,—смѣялся Атава.

— Ну, и что же?—полюбопытствовали мы.

— Да такъ ничего и не вышло—дуэли не было: князь заявилъ, что отъ поединка отказывается... А то вотъ какой со мной былъ удивительный случай,—продолжалъ С. Атава:—напечаталъ я какъ-то въ «Новомъ Времени» маленькій разсказецъ «Господинъ Челюскинъ». Я описалъ тамъ противный мнѣ типъ сторонника входящихъ у насъ въ моду «однополыхъ» вкусовъ и изобразилъ его портретъ прямо изъ головы: худой, высокій, неопредѣленнаго возраста, на головѣ ни одного волоска,—совсѣмъ голый черепъ! Проходитъ день или два, и вотъ въ редакцію «Новаго Времени» является господинъ—высокій, худой, совершенно неопредѣленныхъ лѣтъ и заявляетъ: я—Челюскинъ и мнѣ крайне обидно, что С. Атава написалъ про меня столь зазорныя вещи... Но самое для меня ужасное,—такъ это вотъ что,—и нервнымъ движеніемъ руки онъ, снявъ фуражку съ кокардой, обнажилъ предъ присутствовавшими свою голову... Представьте себѣ: это былъ совершенно голый, безъ единаго волоска черепъ, точь-въ-точь такой же, какъ у моего вымышленнаго героя въ упомянутомъ фельетонѣ!

«— Даю вамъ слова,—сказалъ я Челюскину, случайно зайдя въ редакцію въ это самое время, что я не имѣлъ ни возможности, ни намѣренья рисовать вашъ портретъ и искренно огорченъ, что такъ все это вышло... Дѣйствительно, рѣдкое, странное, изумительное по неожиданности совпаденіе: та же фамилія и такая же

голова!.. Мы съ нимъ долго разсуждали, нельзя ли чѣмъ-либо помочь горю и ничего не придумали, такъ какъ печатать различныя разъясненія и заявленія значило бы еще больше обращать вниманіе на этотъ мой злополучный фельетонъ и г. Челюскина».

Съ умершимъ ранней весной прошлаго года графомъ Арсеніемъ Аркадьевичемъ Голенищевымъ-Кутузовымъ я познакомился также очень давно, въ исходѣ восьмидесятыхъ годовъ.

Онъ былъ тогда, между прочимъ, товарищемъ предсѣдателя существовавшаго въ то время въ Петроградѣ «русскаго литературнаго общества», соединявшяго тогда въ себѣ весь цвѣтъ тогдашней литературы.

Графъ былъ надѣленъ очень крупнымъ поэтическимъ талантомъ, гораздо болѣе мягкимъ и тонкимъ, чѣмъ у А. Н. Майкова, съ которымъ былъ въ тѣсной дружбѣ, болѣе подходя по нѣжности колорита къ музѣ Я. П. Полонскаго, которому всегда очень симпатизировалъ и у котораго часто бывалъ.

Въ поэзіи графа Кутузова, между прочимъ, преобладаетъ одна совершенно ему только одному свойственная черта, вовсе не встрѣчающаяся ни у Полонскаго, ни у Майкова и тѣмъ болѣе странная и неожиданная, что она, повидимому, совершенно не гармонировала внѣшнему облику и складу характера покойнаго поэта.

Обыкновенно съ виду жизнерадостный, плотнаго, съ большой склонностью къ излишней полнотѣ, тѣлосложенія, принуждавшей графа усердно лечиться отъ ожирѣнія печени въ Карлсбадѣ, нашъ поэтъ, казалось бы, всего менѣе былъ склоненъ къ меланхоліи. Между тѣмъ на всей его симпатичной поэзіи лежитъ именно налетъ грусти. Но этого мало: графъ А. А. Кутузовъ, какъ это ни странно для тонкаго цѣнителя гастрономической кухни и старыхъ рѣдкихъ винъ, является въ нашей литературѣ своеобразнымъ пѣвцомъ... смерти и восхваляетъ ее, какъ властную избавительницу отъ всѣхъ горестей земного бытія.

Прочтите внимательно его поэмы: съ какой любовью описываются тамъ сцены смерти героевъ, какъ будто вся цѣль энергіи жизни—бездыханность и разрушеніе смерти, какъ будто надо было родиться только для того, чтобы какъ можно скорѣе скрыться подъ землей и потерять свой тѣлесный образъ... Эта любовь къ смерти, къ безличной нирванѣ до такой степени владѣла поэтомъ, что, напримѣръ, въ одномъ своемъ прелестномъ стихотвореніи, гдѣ описывается веселый пиръ, онъ говоритъ, что вдругъ увидѣлъ издали, за шумной толпой пирующихъ съ бокалами въ рукахъ и улыбкою во взорахъ, еще одну нежданную, незамѣтно вошедшую съ другими гостью... Графъ ее сейчасъ же узнаетъ, а она ему издали дружески киваетъ головой:—это—смерть...

Кто объяснитъ это странное противорѣчіе: какъ могъ поклонникъ Эпикура такъ любить идею небытія?

Въ своихъ отношеніяхъ съ людьми графъ былъ хотя и довольно, вообще, доброжелательнымъ, никогда, конечно, не желая и не ища зла ближнему,—что, безспорно, довольно цѣнно,—однако повсюду приходилось слышать постоянно горькіе упреки по адресу графу за его «забывчивость» въ исполненіи своихъ обѣщаній...

Къ величайшему сожалѣнію, это правда, составляющая исключительную особенность характера графа... Онъ всегда всѣмъ и все обѣщаетъ, о чемъ бы его ни попросили, и будучи скромнымъ директоромъ Дворянскаго банка и занимая потомъ видный придворный постъ секретаря вдовствующей государыни. Врядъ ли кто, однако, когда-либо получилъ то, что обѣщалъ ему графъ съ чарующей улыбкой? Какъ только проситель выходилъ за порогъ графскаго кабинета въ одномъ изъ дворцовыхъ корпусовъ на Фонтанкѣ, такъ у графа мгновенно навсегда исчезало изъ памяти все то, что онъ за минуту предъ тѣмъ обѣщалъ просителю.

Слѣдуетъ по справедливости прибавить, что графъ Кутузовъ былъ очень образованнымъ и начитаннымъ человѣкомъ и живо интересовался философіей и религіозными вопросами, на почвѣ которыхъ у него завязалась одно время тѣсная дружба съ Вл. Соловьевымъ. Также графа весьма привлекалъ Востокъ съ его мистикой.

С. У.

ДѢДУШКА РУССКИХЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

(«Отечественныя Записки» П. П. Свиньина).

НЕДАВНО могила унесла двухъ патріарховъ русской исторической журналистики: П. И. Бартенева и С. Н. Шубинскаго. При несходствѣ натуръ того и другого, они въ культурномъ отношеніи представляются совершенно одинаковыми типами: исключительно любившіе русскую старину во всѣхъ ея проявленіяхъ, собиратели книгъ и писемъ, поощрявшіе историческую изыскательность въ другихъ,—вотъ черты общности покойныхъ.

Говоря о нихъ, вспоминаешь ихъ прототипъ—человѣка, также любившаго русскую старину и самобытность и оставившаго цѣлую библіотеку свѣдѣній, касающихся Россіи, ея исторіи, быта, промышленности. Это — Павелъ Петровичъ Свиньинъ, издатель «Отечественныхъ Записокъ».

Обстоятельства жизни содѣйствовали въ немъ любви къ наблюденіямъ надъ жизнью и бытомъ; несомнѣнная одаренность помогала этому. П. П. Свиньинъ родился въ 1788 году. Воспитывался онъ въ московскомъ благородномъ пансіонѣ, съ памятью о которомъ навсегда связано имя Жуковскаго. Это учебное заведеніе было сильно литературнымъ вліяніемъ на учениковъ, которое сказалось и на Свиньинѣ. Онъ участвовалъ въ литературномъ обществѣ, собиравшемся въ квартирѣ директора Прокоповича-Антонскаго черезъ каждыя двѣ недѣли по средамъ. «Здѣсь,—вспоминаетъ впослѣдствіи Свиньинъ,—увидѣлъ я И. И. Дмитріева и Н. М.

Карамзина—и день сей былъ для насъ величайшимъ торжествомъ!» Съ особенною благодарностью Свиньинъ вспоминалъ одного изъ своихъ учителей Баккаревича: «Не могу не вспомнить, сколь много я собственно обязанъ покойному Михаилу Никитичу Баккаревичу, не мало содѣйствовавшему къ славѣ университетскаго пансіона. Баккаревичъ былъ здѣсь главнымъ инспекторомъ до 1804 года и обучалъ подвышній классъ россійской словесности. Онъ одаренъ былъ убѣдительнѣйшимъ краснорѣчіемъ и рѣдкою способностью преподавать самую сухую, важную матерію въ столь занимательномъ видѣ, столь пріятнымъ образомъ, что тупыхъ дѣлалъ понятливыми, нерадивыхъ—прилежными. Онъ обладалъ несравненною проницательностью—угадывать наклонности ребенка, умѣлъ раскрывать ихъ, давать имъ вѣрное направленіе и весть природныя дарованія къ предназначенной имъ цѣли». Таковъ отзывъ самого Свиньина. Если къ этому мы припомнимъ, что Баккаревичъ былъ авторомъ плана обширнаго періодическаго изданія, которое должно было бы называться «Правительственнымъ журналомъ» и представлять «обширное хранилище, богатый запасъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ» для будущихъ «россійскихъ Тацитовъ и Робертсоновъ», то съ большою долею вѣроятности можно сказать, что подъ вліяніемъ мыслей Баккаревича у Свиньина впослѣдствіи явилась мысль о такомъ же хранилищѣ матеріаловъ, именно объ «Отечественныхъ Запискахъ».

Кромѣ благороднаго пансіона, Свиньинъ учился въ академіи художествъ и былъ хорошимъ рисовальщикомъ, что для его путешествій по Россіи было очень цѣннымъ дѣломъ: въ «Отечественныхъ Запискахъ» виды мѣстностей всѣ рисованы и гравированы самимъ издателемъ. Съ 1806 по 1824 годъ Свиньинъ служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Въ началѣ службы въ качествѣ дипломатическаго чиновника совершилъ онъ морское путешествіе на кораблѣ «Рафаилъ», который долженъ былъ присоединиться къ эскадрѣ въ Средиземномъ морѣ. Результатомъ этой поѣздки были «Воспоминанія на флотѣ», въ которыхъ В. Б. Броневскій, авторъ «Записокъ морского офицера», видѣлъ заимствованія изъ своего труда, взятыя будто бы Свиньинымъ еще изъ рукописи «Записокъ». Въ 1808 году Свиньинъ вернулся въ Петербургъ, послѣ чего былъ прикомандированъ къ русской сѣверо-американской миссіи. Съ 1811 по 1813 годъ состоялъ секретаремъ русскаго генеральнаго консула въ Филадельфіи. Въ послѣдній годъ сопровождалъ въ Европу врага Наполеона генерала директоріи Моро и былъ при его смерти, послѣдовавшей отъ раны, полученной подъ Дрезденомъ. Это путешествіе было сопряжено съ большою опасностью, такъ какъ недалеко отъ береговъ Европы корабль былъ настигнутъ жестокимъ шкваломъ, унесшимъ его далеко въ океанъ, при чемъ молнія ударила въ мачту, и на кораблѣ произошелъ пожаръ. Въ 1813 году

Свиньинъ былъ отправленъ съ донесеніями въ Лондонъ. Эта дипломатическая служба Свиньина вызвала рядъ его литературныхъ трудовъ. Для ознакомленія американцевъ съ нашими столицами онъ издалъ въ 1813 году въ Филадельфіи книгу «Sketches of Moskow and St.-Petersbourg», съ рисунками; въ 1815 году вышелъ его «Опытъ живописнаго путешествія по Сѣверной Америкѣ», а въ 1817 году «Ежедневныя записки въ Лондонѣ».

Во время путешествій Свиньинъ ознакомился съ большею частью европейскихъ столицъ и осмотрѣлъ древности: «Созерцаніе, —вспоминаетъ онъ впослѣдствіи,—развалинъ римскихъ, генуэзскихъ, мавританскихъ рождало пріятную меланхолію, перенося воображеніе мое за множество вѣковъ назадъ, представляя мнѣ бореніе природы съ человѣческимъ искусствомъ, повергая меня, такъ сказать, въ безконечность». Въ 1818 году Свиньинъ возвратился въ Россію. Эта «кочевая жизнь Свиньина,—говоритъ авторъ его біографіи въ «Русскомъ Біографическомъ Словарѣ»,—въ эпоху, столь богатую выдающимися событіями и для Россіи, и для всего образованнаго человѣчества, оказала на него сильное вліяніе. Англоманъ, онъ высоко ставитъ обычай и традицію; у южно-европейскихъ народовъ и въ Америкѣ онъ наблюдаетъ яркія проявленія мѣстныхъ и національныхъ особенностей въ общественной жизни. Онъ видитъ то выдающееся положеніе, какое заняла въ Европѣ Россія послѣ 1812 года; онъ свидѣтель того интереса, какой возбуждаетъ къ себѣ его отечество въ такой уважаемой имъ странѣ, какъ Англія. Но самъ онъ не знаетъ Россіи. Послѣ возвращенія домой въ немъ все сильнѣе и сильнѣе развивается интересъ къ своему національному, прошлому русскаго народа, къ современному положенію различныхъ русскихъ областей». Поэтому, по выходѣ въ отставку въ 1824 году, Свиньинъ предпринимаетъ долгое путешествіе по Россіи: по Волгѣ, Каспійскому морю, Уралу, Западной Сибири и сѣверо-восточной части Европейской Россіи. Еще раньше Свиньинъ побывалъ на Кавказѣ, въ Крыму, Молдавіи, не считая городовъ центральной Россіи. Это было послѣднее путешествіе Свиньина: «Съ окончаніемъ,—писалъ онъ по этому поводу въ своемъ журналѣ,—нынѣшняго путешествія моего по Россіи я надѣюсь оставить страннической посохъ, и, воздавъ благодареніе Провидѣнію, допустившему меня выполнить обѣтъ, возложенный мною на себя по возвращеніи изъ чужихъ краевъ, обѣтъ— узнать, сколь возможно короче, мое отечество, повторю съ удовольствіемъ не піитическій, но справедливый эпиграфъ «Отечественныхъ Записокъ»:

«Любить отечество велитъ природа, Богъ,
А знать его—вотъ честь, достоинство и долгъ».

Если принять во вниманіе ужасные пути сообщенія тогдашняго времени и баснословную для насъ дороговизну передвиженія,

то, безусловно, на долю Свиньина много должно быть отнесено чести и достоинства за его странствованія. Вѣдь, когда въ 1820 году между Москвою и Петербургомъ было установлено движеніе почтовыхъ экипажей, съ платою по 95 и 55 рублей за проѣздъ, причемъ продолжительность пути была четыре или четыре съ половиной сутокъ, исключая распутицъ, то Свиньинъ восторгался въ «Отечественныхъ Запискахъ»: «Подобныя предпріятія всего лучше показываютъ успѣхи народной образованности,—писалъ онъ:—потому что раньше этого переѣзжать изъ столицы въ столицу было только удѣломъ однихъ богатыхъ людей; ибо кто не въ состояніи имѣть своей коляски, тотъ долженъ трястись на телѣгѣ; а переѣздъ черезъ Валдайскія горы и для самаго крѣпкаго экипажа бываетъ часто скалою кораблекрушенія. Сверхъ того, хлопоты, издержки, досады при починкѣ, при мазаніи, при задержкѣ въ лошадяхъ, при худыхъ лошадяхъ».

Если такъ обстояло дѣло съ переѣздомъ изъ одной столицы въ другую, то что же было въ тѣхъ захолустьяхъ, которыя посѣтилъ Свиньинъ! И, однако, онъ прямо удивлялся людямъ, которые сидятъ по своимъ мѣстамъ и не интересуются родиной: «Я удивляюсь холодности или странности людей, оставляющихъ безъ вниманія достопамятности, находящіяся, такъ сказать, передъ глазами ихъ; тогда какъ я пускаюсь ежегодно за нѣсколько тысячъ верстъ для удовлетворенія моего любопытства, для обозрѣнія или изученія малѣйшей отечественной древности».

Во время странствованій Свиньину приходилось подвергаться всякимъ случайностямъ. «Жилищемъ мнѣ,—говоритъ онъ,—служили всѣ возможныя крайности: царскіе дворцы и шалашъ дикаго, обширное поле бивуакъ и тѣсная каюта корабельная и, наконецъ, балаганъ на ярмаркѣ». Бывали и опасности, какъ, напримѣръ, на Волгѣ во время плаванія къ развалинамъ Болгаръ, когда буря бросила корабль сначала на мель, а потомъ, сорвавши, понесла къ скаламъ.

Плодомъ путешествій Свиньина по Россіи были «Картины Россіи и бытъ разноплеменныхъ ея народовъ» (1839 г.) и многочисленныя статьи въ «Отечественныхъ Запискахъ», какъ, напримѣръ: «Ипатьевскій монастырь», «Крещатикъ въ Кіевѣ», «Поѣздка на Нижегородскую ярмарку», «Воспоминанія въ степяхъ Бессарабіи», «Ропша», «Странствія въ окрестностяхъ Москвы», «Прогулка въ Шлиссельбургъ», «Плаваніе по Волгѣ», «Посѣщеніе Илецкой Защиты», «Празднованіе Байрама въ черкесскомъ аулѣ», «Кавказскія воды», «Обозрѣніе путешествія издателя «Отечественныхъ Записокъ» по Россіи въ 1825 году относительно археологіи», «Бахчисарайскій дворецъ», «Взглядъ на Одессу», «Полтава» и многія другія.

По своему общественно-литературному направленію, Свиньинъ былъ представителемъ лучшихъ традицій въ русской литературѣ,

которыя ведутъ свое начало отъ Н. И. Новикова. Какъ и послѣдняго, его прежде всего характеризуетъ возмущеніе «пустымъ, рабскимъ, слѣпымъ подражаніемъ» французамъ, доходившимъ до забвенія своего родного языка. «Неужели,—негодуетъ Свиньинъ,—стремленіе сравняться въ умѣньѣ говорить по-французски, какъ французскій парикмахеръ, должно составлять преимущество рос-

Павелъ Петровичъ Свиньинъ.

сійскаго воспитанія, должно доставлять преимущества и въ обществѣ, и въ службѣ россіянину? Изученіе бѣгло говорить на иностранныхъ языкахъ натурально отнимаетъ время и способность умствовать и разсуждать. Если непремѣнно хотимъ мы подражать французамъ, если почитаемъ славою быть на нихъ похожими, то для чего не переймемъ у нихъ достохвальнаго уваженія къ языку своему, сей почтенной національной гордости, возвышающей народы паче побѣдъ и завоеваній!» И Свиньинъ указываетъ на не-

вѣжество самихъ тогдашнихъ французовъ, на которыхъ такъ хотятъ походить русскіе, сообщая, какъ одинъ дивизіонный французскій адъютантъ утверждалъ, что казаки живутъ на границѣ Аравіи, а тридцать семь плѣнныхъ офицеровъ, проживавшихъ послѣ походовъ двѣнадцатаго года въ одномъ уѣздномъ городкѣ, «бывъ приняты въ россійскія общества, устыдились невѣжества своего и учились у русскаго географіи».

Въ противоположность подражательнымъ стремленіямъ, сказывавшимся въ обществѣ, Свиньинъ выдвигаетъ принципъ культурной самостоятельности и художественной самобытности Россіи. Отсюда его увлеченія русскими самоучками, о которыхъ онъ съ радостью всегда извѣщалъ читателей «Отечественныхъ Записокъ», отсюда же его проповѣдь народности въ литературѣ и искусствѣ. «Изображеніе,—пишетъ Свиньинъ,—однихъ забавъ, трудовъ и заботъ, свойственныхъ разнымъ возрастамъ поселянина,—достаточно для эпопеи! Одна печь дымной избы его можетъ составить поэму». На томъ же основаніи Свиньинъ привѣтствуетъ картины Венеціанова, который «прекрасный талантъ свой обратилъ на изображеніе одного отечественнаго».

Но въ Свиньинѣ не было того непродуманнаго патріотизма который наложилъ свой отпечатокъ, напримѣръ, на Карамзинѣ въ Александровскую эпоху его жизни. Тогда какъ нѣкоторыя лица представляли новгородцевъ только мятежниками, дерзавшими возставать противъ законной власти московскаго царя, Свиньинъ смотрѣлъ на дѣло иначе. Въ статьѣ: «Нѣсколько дней въ Новгородѣ Великомъ» онъ пишетъ, что съ особеннымъ чувствомъ приближался къ дому Марѳы Посадницы: «Здѣсь жила знаменитая Борецкая, имѣющая право на исторію, право блистать въ числѣ немногихъ россіянокъ. Безпристрастный чтитель достоинствъ смотритъ не на послѣдствія, не на успѣхъ предпріятій человѣческихъ, но на способы, имъ къ тому избранные, на пружины его дѣйствій,—остальное зависитъ отъ случая, отъ обстоятельствъ».

Какъ разумный патріотъ, Свиньинъ былъ способенъ видѣть недостатки своихъ соотечественниковъ и говорить о нихъ. Такъ, онъ задается вопросомъ о русскомъ пьянствѣ и ищетъ причинъ этого «вреднаго и унизительнаго для человѣчества порока».

По мнѣнію Свиньина, пьянство среди русскаго народа происходитъ отъ бѣдности и униженнаго состоянія. Въ доказательство этого онъ приводитъ въ примѣръ извѣстнаго карикатуриста Теребенева, который пилъ до тѣхъ поръ, пока былъ въ бѣдности и пока его не устроилъ графъ А. С. Строгановъ,—Теребеневъ почувствовалъ тогда «совершенное отвращеніе къ прежней своей страсти»; говоритъ о томъ, какъ на екатеринбургскихъ заводахъ англичанинъ-инженеръ, убѣдившись на примѣрѣ одного рабочаго, что матеріальный достатокъ отвращаетъ отъ пьянства, удвоилъ жалованье всѣмъ

рабочимъ, улучшивъ ихъ положеніе, и «такими простыми средствами водворилъ онъ благонравіе въ цѣломъ заводѣ, такъ что наконецъ не было у него ни одного пьяницы». Разсказываетъ еще Свиньинъ объ одномъ столярѣ, который женился, убѣдивъ свою невѣсту, что онъ вольный человѣкъ, такъ какъ баринъ обѣщалъ отпустить его на волю. Но баринъ умеръ, а наслѣдники и не думаютъ давать столяру вольную. «Жена столяра страдаетъ, заставляетъ страдать его и мучиться, и онъ предается пьянству, какъ единственной отрадѣ въ своемъ несчастіи».

«Изъ сего я заключаю,—говоритъ Свиньинъ:—что пьянство не есть врожденный порокъ, а, напротивъ, признакъ пылкой души. Сіе заставляетъ насъ вывесть еще заключеніе, что помѣщики не только въ состояніи искоренить сіе зло, но могутъ даже предупредить оное. Не строгость, не запрещенія, а тѣмъ менѣе наказанія и даже увѣщанія суть мѣры противу сей слабости—нѣтъ! онѣ не дѣйствительны. Съ пьяницею должно поступать, какъ съ злополучнымъ или безумнымъ: узнавъ причину его несчастія или заблужденія—стараться оную исправить, облегчить, отвратить!» Какъ это непохоже на «неумытое рыло», ругательство, которое Гоголь считалъ такимъ цѣлебнымъ лекарствомъ для пьяницъ!

Большой любитель старины и художественныхъ произведеній, Свиньинъ всю жизнь собиралъ всякія рѣдкости и составилъ большой и интересный музей, гдѣ были картины русскихъ художниковъ, произведенія скульптуры, портреты замѣчательныхъ дѣятелей, старинныя серебряныя издѣлія, коллекція медалей, монетъ, минераловъ и библіотека, въ которой было много рукописей. Въ 1834 году, однако, весь музей былъ проданъ Свиньинымъ по частямъ.

Нельзя не отмѣтить также одной важной черты личности Свиньина: онъ былъ большой филантропъ, и въ значительной степени на этомъ было основано его пристрастіе къ русскимъ самоучкамъ, въ большинствѣ случаевъ неудачникамъ. Благодаря статьямъ Свиньина о поэтѣ-крестьянинѣ Ив. Сем. Сибиряковѣ, въ судьбѣ послѣдняго приняли участіе Жуковскій, князь Вяземскій, Ѳ. Н. Глинка, графъ М. А. Милорадовичъ и выкупили Сибирякова за десять тысячъ рублей. Статья Свиньина о плѣнителѣ Костюшки Ѳеодорѣ Ильичѣ Лысенкѣ, бѣдствовавшемъ въ Петербургѣ, вызвала пожертвованія «почтенныхъ патріотовъ, избавившихъ его пособіями своими отъ многихъ нуждъ»; среди этихъ пожертвованій одно было въ двѣсти рублей. Вообще, въ «Отечественныхъ Запискахъ» Свиньинъ помѣщалъ публикаціи о бѣдственномъ состояніи тѣхъ или другихъ лицъ, а также отмѣчалъ дѣла благотворительности и подвиги гуманности, какъ, напримѣръ, пермскаго врача Ѳеодора Христофоровича Граля, который съ 5 до 8 часовъ утра, принималъ безплатно больныхъ, такъ какъ

цѣлый день долженъ былъ разъѣзжать по городскимъ больницамъ.

Филантропическое настроеніе Свиньина подавало поводъ къ нѣсколько наивному отношенію къ нему читателей «Отечественныхъ Записокъ». Такъ, одинъ изъ нихъ сообщилъ о гробовщикѣ Моисеѣ Изотовѣ, который, вмѣсто гроба, обитаго левантиномъ, какой былъ заказанъ ему для одного покойника—коллежскаго совѣтника, принесъ гробъ, обитый бархатомъ съ галунами, сказавъ: «Допущу ли, я, чтобы Петръ Ивановичъ положенъ былъ не въ бархатномъ гробѣ?» но не взялъ за такой гробъ ни копейки сверхъ уговоренной цѣны. Сообщеніе заканчивается такимъ обращеніемъ къ Свиньину: «Павелъ Петровичъ! Вы любите людей добрыхъ: познакомьтесь съ Моисеемъ Изотовымъ!»

Вотъ какимъ представляется Свиньинъ по объективнымъ даннымъ.

Но литературныя традиціи рисуютъ его не съ этихъ сторонъ, а какъ лгуна, главнымъ образомъ, и вообще человѣка невысокихъ качествъ.

Такъ, напримѣръ, Свиньинъ напечаталъ въ «Сынѣ Отечества» въ 1818 году стихи по поводу своего посѣщенія Аракчеева въ подаренномъ ему императоромъ Павломъ селѣ Грузинѣ Новгородской губерніи:

Я весь объѣхалъ бѣлый свѣтъ:
Зрѣлъ Лондонъ, Лиссабонъ, Римъ, Трою,
Дивился многому умомъ,
Но только въ Грузинѣ одномъ
Былъ счастливъ сердцемъ и душою
И сожалѣлъ, что не поэтъ!

Князь П. А. Вяземскій такъ «перевелъ», какъ онъ выразился, эти стихи въ письмѣ къ А. И. Тургеневу:

Что пользы,—говоритъ расчетливый Свиньинъ,—
Мнѣ кланяться развалинамъ безплоднымъ
Пальмиры, Рима иль Аѳинъ!
Пусть дорожитъ Парнаса гражданинъ
Воспоминаньемъ благороднымъ:
Я не поэтъ, а дворянинъ,
И лучше въ Грузино пойду путемъ доходнымъ:
Тамъ кланяясь, могу я выкланяться въ чинъ.

«Свиньинъ,—прибавляетъ князь Вяземскій,—полоскается въ грязи и пишетъ стихи». А. Е. Измайловъ написалъ на Свиньина басню «Лгунъ», начинающуюся стихами:

Павлушка—мѣдный лобъ (приличное названье!)
Имѣлъ ко лжи большое дарованье.
Мнѣ кажется, еще онъ въ колыбели лгалъ;
Когда же съ бариномъ въ Парижѣ побывалъ
И черезъ Лондонъ съ нимъ въ Россію возвратился,
Вотъ тутъ-то лгать пустился!

Пушкинъ изображаетъ Свиньина въ дѣтской сказочкѣ «Маленькій лжецъ»: «Павлуша былъ опрятный, добрый, примѣрный мальчикъ, но имѣлъ большой порокъ: онъ не могъ сказать трехъ словъ, чтобы не солгать». Пушкинъ высмѣиваетъ также пристрастіе Свиньина къ русскимъ самородкамъ: «Павлуша увѣрялъ, что въ домѣ его родителей находится поваренокъ-астрономъ, форейторъ-историкъ, и что птичникъ Прошка сочиняетъ стихи лучше Ломоносова».

Въ «Дамскомъ Журналѣ» князя Шаликова (1825 г., № 22, ноябрь) Свиньинъ высмѣивается, какъ художникъ. Здѣсь помѣщенъ діалогъ подъ заглавіемъ «Нормандскій Всезнай, или приключенія маркиза N*** (Переводъ съ французскаго)»; подписано: «А—инъ. Моздокъ, 1-го октября». Маркизъ въ разговорѣ съ графомъ сообщаетъ, что онъ занятъ «трудомъ важнымъ».—«Какимъ это?—спрашиваетъ графъ,—или оканчиваете археологію? Или отыскалъ въ какой-нибудь корчмѣ генія-математика?» Маркизъ говоритъ, что онъ для двора оканчиваетъ большую картину—судъ Соломона. Во время разговора «кто-то застучалъ у наружной двери. Вѣрная ньюфаундланская собака маркиза залаяла изъ-за ширмъ, бросилась и уронила ихъ». За ширмами оказывается картина—судъ Соломона: «искусный, но бѣдный художникъ трудится надъ нею. Маркизъ и не закраснѣлся». Этимъ заканчивается первое приключеніе. Второе—состоитъ изъ разговора двухъ академиковъ живописи А. и Б. Маркизъ пишетъ картину: на фонѣ пейзажа человѣческія фигуры. Въ разговорѣ А. и Б. выясняютъ, что одинъ изъ нихъ написалъ для маркиза пейзажъ, а другой—фигуры, при чемъ пейзажисту маркизъ и денегъ не заплатилъ.

Въ сочиненіи этихъ приключеній самъ Свиньинъ подозрѣвалъ И. М. Снегирева, какъ объ этомъ говоритъ послѣдній въ своемъ дневникѣ.

Недавно въ Пушкинской литературѣ образъ Свиньина, какъ лжеца, снова всплылъ въ связи съ открытіемъ листочка бумаги со слѣдующими строками Пушкина: «Свиньинъ (это имя зачеркнуто) Криспинъ пріѣзжаетъ въ губернію (N. на ярмонку)—его принимаютъ за Audazz (?). Губерн(аторъ) честной дуракъ, губ(ернаторша) съ нимъ проказитъ—Криспинъ сватается за дочь». Въ этомъ отрывкѣ видятъ программу «Ревизора», идею котораго, какъ извѣстно, Гоголю далъ Пушкинъ. Это утверждалъ, по словамъ профессора О. М. Бодянскаго, самъ Гоголь, опредѣленно называвшій Свиньина прототипомъ Хлестакова» [1]).

Но тѣ свойства Свиньина, которыя Измайлову, Пушкину и Гоголю казались просто страстью ко лжи, освѣщены Н. Ѳ. Гречемъ совершенно иначе: «Будемъ откровенны,—говоритъ послѣдній,—недостатокъ ученаго образованія, иногда поспѣшность, иногда

[1]) Н. Лернеръ, «Пушкинскій замыселъ «Ревизора». Газета «Рѣчь», 1913 г. № 128.

добродушіе, иногда даже и излишняя ревность къ предмету увлекали Павла Петровича въ ошибки».

Чтобы по достоинству оцѣнить всѣ указанные отрицательные отзывы о Свиньинѣ, необходимо принять во вниманіе отношенія другъ къ другу современныхъ литературныхъ приходовъ, которые и въ то время, когда число литераторовъ было невелико, давали, однако, чувствовать себя. Плодомъ этихъ отношеній были статьи Пушкина: «О неблаговидности нападокъ на дворянство», «О выходкахъ противъ литературной аристократіи» и «Разговоръ». «Литературная аристократія» была представлена крупными именами, которыя не умрутъ въ литературной памяти уже потому, что на нихъ падаетъ свѣтъ генія Пушкина. Но, кромѣ этой «литературной аристократіи», былъ болѣе широкій кругъ писательской братіи, принадлежащія которой имена, за нѣсколькими исключеніями, извѣстны только записнымъ историкамъ литературы. Конечно, и среди писателей, не принадлежавшихъ къ «литературной аристократіи», были дворяне, но ихъ дворянство было уже поблекшимъ, увядающимъ цвѣткомъ. Здѣсь были, кромѣ того, и лица купеческаго происхожденія (Полевые), и крестьянскаго (Погодинъ), и люди служилые, но не дошедшіе «до степеней извѣстныхъ», какимъ былъ Свиньинъ.

Это различіе между «аристократіею» и «не-аристократіею» было не принципіальное, а только бытовое, и потому, если люди разныхъ круговъ сталкивались на одномъ и томъ же литературномъ дѣлѣ, они, однако, никогда не сходились. Такъ было, напримѣръ, съ Орестомъ Сомовымъ, который игралъ главную роль въ редактированіи альманаха «Сѣверные Цвѣты», издававшагося Дельвигомъ и Пушкинымъ. Но ни тотъ, ни другой не были съ нимъ близки. Боратынскій смѣялся надъ нимъ, называя «безмундирнымъ»; а когда Сомовъ умеръ, никто изъ «литературной аристократіи» не обратилъ на это вниманія. По причинамъ же бытового характера Н. А. Полевой, послѣ закрытія «Московскаго Телеграфа», примкнулъ къ Булгарину и Гречу, хотя по направленію былъ гораздо ближе къ «литературной аристократіи»; но раньше онъ высмѣивалъ ее въ своемъ «Новомъ Живописцѣ».

Лучше всего отношеніе литературнаго дворянства къ нарождавшейся разночинской литературѣ выразилось въ одномъ письмѣ извѣстнаго эпиграммиста С. А. Соболевскаго къ профессору Шевыреву, написанномъ изъ Турина въ 1830 году: «Кабы нынѣ быть вмѣстѣ въ Москвѣ?—пишетъ Соболевскій.—Н. Полевой ревётъ, Ксенофонтъ (Полевой) рветъ, Погодинъ вретъ, Максимовичъ блюетъ; все гадости, а нашихъ задушевныхъ ни одного. Да, теперь ни одного ужъ нѣтъ въ Москвѣ, ибо Александръ Сергѣевичъ женящійся и Боратынскій женившійся—ужъ не люди».

На фонѣ этихъ литературныхъ отношеній значительно осла-

бляется рѣзкость отзывовъ о Свиньинѣ чуждаго ему литературнаго круга, и становится понятнымъ, почему у Греча нашлись для него извинительныя слова.

Гоголь не принадлежалъ въ бытовомъ отношеніи къ «литературной аристократіи», хотя и примкнулъ къ ней; однако онъ также относился отрицательно къ Свиньину; но тутъ были личныя причины. Первая повѣсть Гоголя «Бисаврюкъ» («Вечеръ наканунѣ Ивана Купала») была напечатана Свиньинымъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1830 г.), но съ большими редакторскими измѣненіями, что очень раздосадовало молодого автора. Гоголь не могъ забыть этой первой литературной непріятности и отплатилъ Свиньину тѣмъ, что поставилъ его фамилію въ «Мертвыхъ душахъ» въ рядъ именъ самыхъ захудалыхъ и захолустныхъ помѣщиковъ. Именно, когда Чичиковъ спросилъ Коробочку, какіе въ окрестности есть помѣщики, послѣдняя перечисляетъ: «Бобровъ, Свиньинъ, Канапатьевъ, Харпакинъ, Трепакинъ, Плѣшаковъ». Правда, когда «Мертвыя души» вышли изъ печати, Свиньина уже не было на свѣтѣ; но писалось это еще за четыре года до его смерти.

Въ 1818 и 1819 годахъ Свиньинъ издалъ по одному сборнику своихъ статей подъ названіемъ «Отечественныя Записки». Съ 1820 года онъ превращаетъ ихъ въ періодическое изданіе. Н. Ѳ. Гречъ пишетъ по этому поводу: «Бывши тогда въ силѣ жизни, находясь въ обществѣ литераторовъ, увлекаемый желаніемъ составить русскій музеумъ, ободряемый многими, возбудившій общее вниманіе своимъ патріотическимъ предпріятіемъ, Павелъ Петровичъ рѣшился издавать журналъ, посвященный единственно русскому и Россіи. Такъ основалъ онъ свои «Отечественныя Записки». Онѣ давали ему средства собирать любопытный музеумъ свой и ежегодно путешествовать по Россіи, обогащая альбомъ свой рисунками, а журналъ фактами и замѣтками».

Программа «Отечественныхъ Записокъ» такъ изложена Свиньинымъ въ объявленіи объ изданіи журнала на 1822 годъ: «Одно отечественное, оригинальное будетъ въ немъ помѣщаемо и состоять изъ слѣдующихъ предметовъ: 1) Журналы многихъ никому неизвѣстныхъ русскихъ путешественниковъ по Россіи, Бухаріи, Кавказу, Киргизской степи и чужимъ краямъ; 2) записки отличныхъ воиновъ-литераторовъ; 3) наблюденія издателемъ Москвы, Кіева, Новгорода и другихъ классическихъ отечественныхъ городовъ и мѣстъ; 4) жизнеописанія знаменитыхъ россіянъ и достойныхъ извѣстности гражданъ и художниковъ; 5) с.-петербургскія современныя лѣтописи; 6) разборъ новыхъ любопытныхъ произведеній словесности и науки; 7) описаніе сибирскихъ рудниковъ и заводовъ; 8) отечественныя открытія и историческія разысканія; 9) смѣсь: переписка, русскіе анекдоты, летучіе листки и проч.».

Журналъ по подпискѣ стоилъ двадцать пять рублей въ годъ за восемь книжекъ, съ пересылкою тридцать рублей. Редакціей служила квартира Свиньина на Садовой улицѣ, въ домѣ Фролова, подъ № 9, противъ Михайловскаго замка. Жилъ онъ въ третьемъ этажѣ, въ «поднебесьѣ», какъ писалъ самъ, гдѣ «бываетъ грустно мнѣ, а скучно никогда».

Свиньинъ все время самъ редактировалъ журналъ и только въ 1824 году разъ передалъ редакторство современному литератору Борису Михайловичу Федорову, который, въ отсутствіе издателя, завелъ полемику съ Булгаринымъ, за что получилъ отъ Свиньина печатное замѣчаніе; послѣдній прислалъ изъ Вятки слѣдующее письмо Б. Федорову: «Не могу не признаться, что, къ крайнему сожалѣнію моему, я нашелъ въ послѣднемъ номерѣ обѣщаніе ваше отвѣчать на критику г. Булгарина, которая, право, умѣреннѣе прочихъ его критикъ на «Отечественныя Записки». Но что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ, говоритъ пословица: по крайней мѣрѣ, я увѣренъ, что отвѣтъ вашъ не оскорбитъ, но убѣдитъ издателя «Сѣвернаго Архива», что въ «Отечественныхъ Запискахъ» онъ не найдетъ личностей, хотя, не могши три года вывесть изъ терпѣнія издателя «Отечественныхъ Записокъ», успѣлъ въ томъ съ редакторомъ. При томъ, кажется, у васъ оставлено достаточно матеріаловъ для замѣщенія журнала моего статьями въ томъ духѣ, коимъ я руководствуюсь съ самаго начала твердо и постоянно, и отъ котораго не отступлю».

Кромѣ многочисленныхъ статей самого Свиньина, «Отечественныя Записки» наполнялись статьями столичныхъ и провинціальныхъ авторовъ, среди которыхъ были видныя имена. Назовемъ, напримѣръ, А. И. Данилевскаго-Михайловскаго («Разборъ россійскихъ сочиненій, касающихся до исторіи 1812 года», «Черты изъ жизни князя Кутузова-Смоленскаго»), митрополита Евгенія («О слѣдахъ древняго греческаго города Херсонеса», «Слово передъ избраніемъ судей», «Планъ первобытной кіевской Десятинной Богородичной церкви», «Лѣтопись древняго словено-русскаго княжескаго города Изборска»), гр. Е. Ф. Канкрина («Монограммы или родъ гербовыхъ знаковъ на стѣнахъ Изборскаго замка»), Корниловича («Нѣчто о ратномъ искусствѣ древнихъ россіянъ»), вице-адмирала Крейца («Разысканія о Донѣ, Азовскомъ морѣ, Воронежѣ и Азовѣ»), М. П. Погодина («О Ярославовой Правдѣ», «Нѣчто о родѣ великой княгини Ольги»), Н. А. Полевого («О мѣдныхъ капищахъ и мѣдныхъ коняхъ, упоминаемыхъ въ лѣтописи Нестора», «Ѳ. А. Семеновъ» и др.), И. М. Снигирева («О Семикѣ», «Украинскій философъ Г. С. Сковорода»), Строева («О вліяніи римскаго права на законодательство, какъ Россійскаго государства, такъ и цѣлой Европы»), П. И. Сумарокова («О россійскомъ театрѣ отъ начала онаго»), А. С. Шишкова («Дѣйствія рос. корабельнаго флота во время кампаніи противъ шведовъ») и много другихъ.

Указанныя статьи даютъ понятіе о научномъ содержаніи «Отечественныхъ Записокъ». Кромѣ самостоятельныхъ изслѣдованій, печатались въ нихъ также сырые матеріалы въ видѣ воспоминаній, писемъ, дневниковъ и проч. Такъ, были здѣсь напечатаны отрывки изъ дневника Д. В. Давыдова, письмо Миниха къ Екатеринѣ II о Балтійскомъ портѣ, журналъ путешествія Петра I во Францію, дневникъ путешествія по сѣверу Россіи Никонова, автобіографія И. И. Неплюева, отрывки изъ Хронографа, переписка Суворова, записка Екатерины II о лѣсоводствѣ въ Россіи, записки графа Сегюра о путешествіи Екатерины II, письмо Д. И. Фонвизина, записки В. А. Нащонина и проч.

Одной изъ характерныхъ сторонъ содержанія «Отечественныхъ Записокъ» являются статьи, посвященныя русскимъ самоучкамъ и самородкамъ, къ которымъ Свиньинъ питалъ сильное пристрастіе. Хотя его осмѣивали за это, но Свиньинъ не смущался и видѣлъ въ этихъ насмѣшкахъ недостатокъ уваженія къ родному народу. Такъ, статью о московскомъ изобрѣтателѣ купцѣ Гребенщиковѣ, начавшемъ печатать рисунки на ситцахъ цилиндрами, Свиньинъ начинаетъ словами: «Какъ!—закричатъ въ одинъ голосъ тысячи голосовъ,—какъ? Свиньинъ еще выкопалъ русскаго съ талантами, еще десятаго русскаго изъ сорока милліоновъ могъ найти достойнымъ уваженія и извѣстности! Нѣтъ! Онъ мечтатель! Онъ слишкомъ поспѣшенъ въ раздаваніи похвалъ соотечественникамъ своимъ!»

Но если Свиньинъ и слишкомъ увлекался открываемыми имъ талантами, изъ которыхъ никто все равно пороху не выдумалъ, то все же это говоритъ объ его добротѣ и гуманности, которая могла снисходить къ простымъ людямъ и оказывать имъ нѣкоторую поддержку. Для насъ статьи о самоучкахъ интересны въ бытовомъ отношеніи.

Первая изъ такихъ статей посвящена костромскому оптику-механику и архитектору Красильникову. «Изобрѣтеніе,—такъ начинаетъ Свиньинъ разсказъ о немъ,—удивившее Парижъ, превознесенное прошлаго 1819 года во всѣхъ иностранныхъ газетахъ и признанное чудомъ оптики и механики, однимъ словомъ, хронометръ, выдуманный г. Пешо и показываемый имъ въ просвѣщенной столицѣ за деньги,—уже давно смиренно обращается на бѣлокаменной стѣнѣ уютнаго домика купца Красильникова въ Костромѣ, столицѣ глубокихъ снѣговъ, дремучихъ лѣсовъ и, вѣроятно, по мнѣнію чтителей Парижа, невѣжества и варварства! И безызвѣстный нашъ изобрѣтатель Красильниковъ не только не беретъ пошлины съ любопытства соотечественниковъ, но удивляется еще, что изобрѣтеніе его находятъ любопытнымъ! Вотъ черта, которая безпристрастному наблюдателю показываетъ весьма счастливое различіе духа двухъ націй».

Тонъ идеализаціи, съ которымъ все это говорится, можетъ дать нѣкоторое понятіе о мѣрѣ объективности Свиньина въ оцѣнкѣ подобныхъ Красильникову самоучекъ. Послѣдній изобрѣлъ какой-то приборъ, который Свиньинъ называетъ хронометромъ, дѣлалъ электрическія машины, электрофоры, микроскопы, камеры-обскуры, гидрометры, компасы, астролябіи, но насколько всѣ эти вещи отвѣчали своей идеѣ, въ этомъ вся суть вопроса оцѣнки такихъ самоучекъ.

Что таланты, открывавшіеся Свиньинымъ, были очень легковѣсными, ярко обнаруживается на примѣрѣ нѣкоего Ершова, который, будучи воспитанъ на псалтыри, часовникѣ и сказкахъ, уже на двадцатомъ году жизни сталъ «замѣчать ошибки въ умозрѣніяхъ Бюффоновыхъ». Ариѳметику онъ зналъ вплоть до тройного правила, совершенно не зналъ химіи, но тѣмъ не менѣе написалъ «Исторію о происхожденіи вселенной», «Мысли о происхожденіи и образованіи міровъ» и другія сочиненія въ томъ же родѣ. Результатомъ подобныхъ занятій наукою внѣ науки было то, что Ершовъ, «сдѣлался задумчивъ, бросилъ наслѣдственные по купечеству промыслы», а въ концѣ концовъ сошелъ съ ума.

Часто открытые Свиньинымъ таланты были просто хорошими ремесленниками, которыхъ онъ, однако, съ присущимъ ему увлеченіемъ возводилъ въ степень художниковъ. Такъ, одна изъ статей «Отечественныхъ Записокъ» носитъ громкое названіе: «Шубинъ, Казамановъ и Немиловъ, художники, достойные покровительства». Но Шубинъ былъ искусный мастеръ по выдѣлкѣ вещей изъ малахита, яшмы, лапись-лазури, которыя въ магазинахъ продавались, какъ иностранныя; Казамановъ былъ живописецъ по жести и, кромѣ того, изобрѣлъ пожарный насосъ ѳ шести рукавахъ да машину для подъема тяжестей; а Немиловъ занимался устройствомъ плотинъ на деревенскихъ рѣчонкахъ. И вотъ, вообразивъ, что устроить мостъ черезъ Неву—то же, что плотину черезъ болото, онъ пришелъ изъ Ржева въ Петербургъ съ предложеніемъ устроить мостъ на Невѣ, Въ Петербургѣ онъ заболѣлъ. Свиньинъ, случайно узнавъ о Немиловѣ, при посредствѣ статсъ-секретаря Кикина представилъ проектъ моста, задуманный Немиловымъ, государю. Но, къ счастью для Немилова, истекъ срокъ его паспорта, и онъ отправился обратно въ Ржевскій уѣздъ устраивать плотины; иначе, навѣрное, погибъ бы въ Петербургѣ, такъ какъ еще носился съ мыслью объ открытіи perpetuum mobile.

Таковы были эти таланты, шагавшіе отъ земляной плотины на стоячей водѣ прямо къ perpetuum mobile!

Изъ открытыхъ Свиньинымъ литературныхъ талантовъ оставившимъ нѣкоторый слѣдъ въ исторіи русской литературы, является поэтъ-крестьянинъ изъ подпетроградскаго села Рыбацкаго Слѣпушкинъ—предшественникъ Кольцова по изображенію крестьян-

ской жизни, которому, какъ признаютъ изслѣдователи русской литературы, Кольцовъ даже подражалъ, напримѣръ, въ «Крестьянской пирушкѣ». Изъ его же поэмы «Четыре времени года русскаго поселянина» Д. В. Григоровичъ взялъ сюжетъ для своего «Прохожаго».

Это былъ очень зажиточный крестьянинъ, который, по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Свиньинымъ и Борисомъ Федоровымъ, представляется человѣкомъ большого для крестьянина образованія, умѣвшимъ писать изысканно-вѣжливыя письма и пользовавшимся уваженіемъ не только среди русскихъ, но и нѣмцевъ, жившихъ въ Рыбацкомъ, такъ что его приглашали разбирать семейные споры.

Вотъ что говоритъ Свиньинъ о томъ вліяніи, которое онъ оказалъ на Слѣпушкина: «Слѣпушкина я нашелъ сочиняющимъ оды, басни, баллады. Къ счастью, онъ внялъ моимъ убѣжденіямъ; понялъ, что послѣ Ломоносова и Державина мудрено рѣшиться писать первыя, такъ, какъ басни послѣ Дмитріева и Крылова, а баллады послѣ Жуковскаго и Пушкина... Я ознакомилъ Слѣпушкина съ Блумфильдомъ, съ англійскимъ крестьяниномъ-поэтомъ; совѣтовалъ ему писать только съ натуры, изображать одни только предметы, представляющіеся его глазамъ... Я надѣюсь, что по выходѣ его сочиненій публика съ удовольствіемъ увидитъ въ немъ русскаго Блумфильда или Борнса».

Однако, Свиньинъ и въ Слѣпушкинѣ ошибся. Правда, благодаря покровителямъ, послѣдній былъ представленъ императрицѣ:

Туда вельможей я введенъ,
Куда мнѣ не было дороги,—

пишетъ онъ по этому поводу; былъ также награжденъ россійскою академіею золотою медалью «средней величины въ пятьдесятъ червонныхъ»,—но такъ какъ даже избраніе въ академики не знаменуетъ выдающейся учености, то и награды ея не говорили о выдающихся талантахъ: «Награждены медалями,—писалъ объ этомъ Бѣлинскій,—стихотворцы-крестьяне: Слѣпушкинъ, Сухановъ и Алипановъ, и не награжденъ поэтъ-мѣщанинъ Кольцовъ; это, вѣроятно, потому, что послѣдняго можетъ наградить публика, тогда какъ первые никакъ не могутъ положиться на ея вниманіе».

Слѣпушкинъ былъ совершенно лишенъ поэтическаго живого и непосредственнаго дарованія. Стихи его грамматически правильны, версификація соблюдена, риомы есть, но въ произведеніяхъ не найдется ни одного яркаго образа, ни одного свѣжаго проблеска чувства, читать ихъ—скучно до утомительности. «Его поэзія,—говоритъ Бѣлинскій,—не даръ природы, а плодъ образованности выше его состоянія». И Слѣпушкинъ такъ же былъ далекъ отъ истинной поэзіи, какъ ржевскій строитель плотинъ Немиловъ былъ далекъ отъ осуществленія perpetuum mobile.

Интересною стороною «Отечественныхъ Записокъ» является также современная петербургская хроника, дающая картину жизни Петербурга двадцатыхъ годовъ, его увеселеній, интересовъ и внѣшняго вида.

«Нѣтъ ничего лучше Невскаго проспекта, —писалъ Гоголь,— по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ: для него онъ составляетъ все. Чѣмъ не блеститъ эта улица—красавица нашей столицы? Я знаю, что ни одинъ изъ блѣдныхъ и чиновныхъ ея жителей не промѣняетъ на всѣ блага Невскаго проспекта». Это было написано Гоголемъ въ 1834 году. Но Невскій, конечно, не сразу дошелъ до того великолѣпія, которое восхищало автора «Невскаго проспекта» и которое, если бы его можно было возстановить въ прежнемъ видѣ, навѣрное, померкнетъ не только передъ видомъ Гороховой улицы, но даже и Большого проспекта Петроградской стороны, въ ихъ настоящемъ состояніи.

«Коренная реформа» Невскаго проспекта «временъ очаковскихъ и покоренья Крыма» была произведена въ 1820 году, первомъ году періодическаго изданія «Отечественныхъ Записокъ». «Въ прошедшемъ маѣ мѣсяцѣ,—писалъ по этому поводу Свиньинъ,—Невскій проспектъ, какъ нѣкіимъ очарованіемъ, принялъ новый, несравненно лучшій видъ, явился прекраснѣйшею улицею въ свѣтѣ, въ коей единственно нуждалась великолѣпная столица для торжественныхъ случаевъ и выѣздовъ. Какъ будто по мановенію волшебнаго жезла, исчезъ высокій бульваръ, раздѣлявшій его на двѣ равныя половины, и теперь уже на мѣстѣ семъ разъѣзжаютъ экипажи по гладкой мостовой. Съ булеваромъ исчезнетъ любопытная отличительность сей улицы, нерѣдко случавшаяся весною, т. е., что по одной сторонѣ катались еще въ саняхъ, а по другой неслась пыль столбомъ отъ каретъ и дрожекъ. Но главная цѣль, для коей, вѣроятно, былъ онъ устроенъ, чтобы пѣшеходецъ во всякое время могъ найти здѣсь пріятное и покойное гулянье—оставалась невыполненною ни весною, ни осенью, когда всего болѣе нужно удобство уклониться отъ грязи—нельзя было почти ходить по булевару».

Этотъ-то «бульваръ» увѣковѣченъ Пушкинымъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ» въ стихахъ:

Надѣвъ широкій боливаръ,
Онѣгинъ ѣдетъ на бульваръ;

но герой пушкинскаго романа дѣлалъ это зимою.

Въ 1825 году Невскій проспектъ былъ замощенъ деревянными брусьями отъ Адмиралтейства до Знаменья: до Полицейскаго моста въ двѣ дороги, а отсюда въ четыре. Когда Свиньинъ, отсутствовавшій во время перемощенія изъ столицы, увидѣлъ это, по своему обыкновенію онъ пришелъ въ восторгъ: «Скажу признательно,

что я былъ очарованъ тишиною и спокойствіемъ ѣзды по Невскому проспекту, бывшему прежде мѣстомъ безпрерывнаго грому отъ колесъ: я не вѣрилъ ни глазамъ, ни ушамъ своимъ—экипажи летятъ, какъ стрѣлы, а не слышно ни малѣйшаго шуму, и только отдается знакомый отголосокъ мостовой, когда заворачиваешься въ другую улицу, или одинъ экипажъ объѣзжаетъ другой». Теперь въ Петроградѣ совсѣмъ «не слышно шуму городского», такъ какъ всѣ экипажи на резиновыхъ шинахъ, а ломовики не имѣютъ права ѣздить рысью; но, очевидно, съ ростомъ культуры журналисты становятся бранчливѣе и бранятъ въ фельетонахъ и бѣдныхъ ванекъ и петроградскую мостовую.

Мы часто недовольны современными намъ условіями жизни, а какъ же приходилось жить нашимъ предкамъ, когда устройство тротуаровъ въ столицѣ и тогдашней императорской резиденціи казалось совершенствомъ жизни. По поводу нихъ Свиньинъ писалъ въ 1820 году: «Бѣдные люди, не могущіе имѣть экипажей, совершаютъ свои переходы по надобностямъ несравненно скорѣе и легче по гладкимъ тротуарамъ, чѣмъ напредь того по острымъ камнямъ мостовой. Люди избыточные не имѣютъ теперь надобности ѣхать на набережную за версту и болѣе для прогулки; всякая улица представляетъ имъ нынѣ всѣ пріятности и удобства оной. Многіе посредственнаго состоянія чиновники распродали свои экипажи или убавили лошадей, ибо не находятъ надобности столь часто ѣздить. Хотя хозяева домовъ разложили сію повинность на жильцовъ, но и сіи послѣдніе съ удовольствіемъ ее несутъ и платятъ прибавку на свои квартиры». Вотъ, стало быть, когда у петроградскихъ домохозяевъ появились аппетиты, растущіе съ тѣхъ поръ неумѣренно и безпрерывно.

Къ описываемымъ Свиньинымъ явленіямъ Петербурга его времени, которыя чужды понятіямъ современнаго петроградца, относится пожарная команда. Лазить и прыгать пожарные умѣли и въ то время очень искусно, но средствъ къ тушенію почти совсѣмъ не имѣли,—«ибо бочка, сообщаетъ Свиньинъ, выкачивается заливною трубою обыкновенно въ двѣ минуты; а какъ таковыхъ бочекъ при каждой заливной трубѣ имѣется только три, то воды достаетъ только на шесть минутъ. Подвозка оной, со всѣми поворотами и наливкою, смотря по разстоянію, требуетъ иногда 25 минутъ и болѣе; а по сему расчисленію пламя заливается только двѣ минуты, а усиливается и свирѣпствуетъ 23 минуты».

Нѣкоторыя сооруженія, которыми обладаетъ нынѣшній Петроградъ, тогда только строились, и Свиньинъ передаетъ любопытныя объ нихъ подробности.

Такъ, онъ сообщаетъ, что по первоначальной модели архитектора Монферана Исаакіевскій соборъ предполагался изъ бѣлаго мрамора. Когда стали привозить колонны для собора, Свиньинъ

сравнилъ ихъ размѣры съ самыми большими колоннами въ мірѣ. Самая большая—Помпеева колонна въ Александріи равна 63 футамъ 1 вершку, за нею слѣдуютъ наши Исаакіевскія—56 футовъ; далѣе идутъ—римская колонна подлѣ Monte-Cirio—52 фута 4 вершка, римскаго Пантеона—46 футовъ 9 вершк. 11 линій, и колонны Казанскаго собора—42 фута.

Много отводится мѣста въ «Отечественныхъ Запискахъ» также петербургскихъ обычаямъ и развлеченіямъ. Такъ, напримѣръ, въ нихъ изображается традиціонное вербное гулянье, существующее въ Петроградѣ до сихъ поръ; смотръ невѣстъ 23-го мая въ Лѣтнемъ саду, который Свиньинъ описываетъ такимъ образомъ: «23-го мая обыкновенно собираются всѣ русскія дѣвушки изъ купечества и мѣщанства, придерживающіяся еще русскихъ старинныхъ обычаевъ, и становятся съ матерями своими по обѣимъ сторонамъ большой аллеи въ шеренгу; а молодые женихи ходятъ по аллеямъ для выбора суженой. Съ прискорбіемъ замѣтили мы, что прекрасный русскій нарядъ часъ отъ часу измѣняется; кокошники и повязки, унизанные жемчугами, замѣняются соломенными шляпками и лоскутками кисеи; бархатныя и парчевыя ферези — перкалевыми, тафтяными и камлотовыми капотами, кои вамъ, прекрасныя мои русскія дѣвицы и молодицы, право, вовсе не пристали, васъ безобразятъ!»!

Любопытныя свѣдѣнія приводитъ также Свиньинъ изъ области умственной жизни современнаго общества. Теперь объявленіями о публичныхъ лекціяхъ пестрятъ въ Петроградѣ столбы для афишъ и зеркальныя стекла трамваевъ, въ двадцатыхъ годахъ лекціи были рѣдкостью и доступны были только избраннымъ, такъ какъ лекторы брали куда дороже, чѣмъ барышники за билеты на Шаляпина! Напримѣръ, какой-то французъ Сенъ-Моро за двѣнадцать лекцій по французской литературѣ бралъ сто рублей съ одного слушателя; академикъ Шереръ, читавшій, конечно, по-нѣмецки, за двадцать пять лекцій по физикѣ и химіи бралъ тоже по ста рублей; при чемъ любопытно замѣчаніе Свиньина объ этихъ лекціяхъ: «Даже многія дамы со вниманіемъ ихъ слушали».

Вообще, для любителей стараго быта и его мелочей «Отечественныя Записки»—большой кладъ свѣдѣній изъ области всякихъ старинныхъ курьезовъ, раритетовъ и проч., сообщенія о которыхъ не ограничиваются однимъ Петербургомъ.

Въ «Московскомъ Вѣстникѣ» Погодина (1830 г., ч. I, стр. 294) какой-то псевдонимъ Пиладъ Бѣлугинъ полемизировалъ съ Орестомъ Сомовымъ по поводу того, что онъ назвалъ мнѣнія Полевого односторонними, такимъ образомъ: «Не грѣхъ ли вамъ? Хотя бы сказали, что сужденія г. Полевого шарообразны. Это было бы и оригинально, и вѣрно: именно, онѣ настоящія жемчужины Зосимины,—не остановятся на точкѣ и, ко всему соприкасаясь, по вы-

раженію нашего новаго историка (Полевого), ко всему прилагаются». Объ этихъ жемчужинахъ московскаго купца Зосимы въ «Отечественныхъ Запискахъ» найдемъ подробныя свѣдѣнія. Одна изъ нихъ—перегрина, т. е. странница, была въ особомъ почетѣ у Зосимы и хранилась, «какъ первая одалиска турецкаго султана»: «Зосима хранитъ свое сокровище въ трехъ ящикахъ, помѣщенныхъ одинъ въ другомъ. Первый украшенъ драгоцѣнными каменьями, другой—серебряный, а третій, въ которомъ она лежитъ, есть уже сама по себѣ дорогая морская діадема, оправленная въ золото съ выпуклыми стеклами. Жемчужина сія представляется во всей красотѣ своей, когда, бывъ освобождена изъ своего заключенія, катается по листу веленевой бумаги, не останавливаясь нигдѣ отъ чрезвычайной своей круглости».

Изъ интересныхъ московскихъ легендъ находимъ извѣстіе о трагической судьбѣ лицъ, желавшихъ припаять отбитый кусокъ къ Царю-Колоколу. Въ 1770 году взялся сдѣлать это сенатскій архитекторъ Фростенбергъ, но вскорѣ умеръ отъ чумы. Впослѣдствіи съ этою мыслью носился одинъ математикъ, ходившій на свиданіе съ Царемъ-Колоколомъ каждый день, но, когда онъ открылъ способъ вставить отбитый кусокъ, упалъ на набережной Москвы-рѣки и умеръ.

Изъ свѣдѣній о прошломъ провинціальной жизни отмѣтимъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» описаніе Свиньинымъ Арзамаса, по имени котораго было названо знаменитое литературное общество. Поводомъ къ послѣднему послужило слѣдующее обстоятельство. Одинъ изъ будущихъ арзамасцевъ, Блудовъ, проѣздомъ въ Оренбургскую губернію, остановился по дорогѣ въ Арзамасѣ, въ какомъ-то трактирѣ. Въ сосѣдней комнатѣ собралось нѣсколько мѣстныхъ обывателей, которые разсуждали о литературѣ. Это было такъ забавно для Блудова, что мѣстомъ дѣйствія своего литературнаго памфлета «Видѣніе во градѣ», направленнаго противъ сторонниковъ «Бесѣды любителей россійской словесности», онъ избралъ именно Арзамасъ, который звучалъ для автора такъ же, какъ для насъ Пошехонье.

Однако Свиньинъ сообщаетъ, что Арзамасъ не былъ ужъ такимъ медвѣжьимъ угломъ, какъ это представлялось Блудову. Въ немъ была трудовая женская община, основанная Протасьевой, воспитательный домъ и... академія художествъ, основанная Ступинымъ, окончившимъ столичную академію художествъ. Наконецъ нѣкто Аксіевъ, прочитавъ статью Свиньина о бояринѣ Ртищевѣ, пожертвовавшемъ арзамасцамъ свои владѣнія, носился съ мыслью объ открытіи послѣднему памятника въ Арзамасѣ. Особенно любопытно описаніе Свиньинымъ гусиныхъ боевъ: «Гуси здѣшніе необыкновенной величины и силы и вообще славные бойцы. Арзамаскіе жители страстно любятъ сію забаву и платятъ по сто и болѣе

рублей за отличнаго гуся-рыцаря. Я видѣлъ бой ихъ и, хотя небольшой охотникъ до всякаго рода звѣриныхъ поединковъ, но смотрѣлъ на него съ большимъ удовольствіемъ и любопытствомъ, чѣмъ въ Англіи на пѣтушій, въ Португаліи на бычачій, въ Москвѣ на медвѣжью травлю. Гуси сражаются крыльями, стараясь сопротивника своего схватить за ногу. Побѣжденный послѣ нѣсколькихъ стычекъ, почувствовавъ свою слабость, ретируется, и ни за что не заставишь его послѣ сразиться съ побѣдителемъ. Къ тому же поле сраженія покрывается не кровію, а пухомъ и перьями».

Кромѣ статей по исторіи, этнографіи и пр., помѣщались въ «Отечественныхъ Запискахъ» и беллетристическія произведенія.

Самому Свиньину здѣсь принадлежитъ повѣсть въ письмахъ «Торжество воспитанія», сюжетъ которой нѣсколько напоминаетъ извѣстную «Монастырку» Антона Погорѣльскаго, появившуюся позже, и заключается въ изображеніи добродѣтелей Елизаветы Миловидовой, окончившей Смольный институтъ и выданной замужъ за развратнаго помѣщика Егуба Скупалова. Миловидова любитъ нравственнаго молодого человѣка Любосердова, но остается вѣрна своему дикому и пьяному нелюбимому мужу, въ чемъ Свиньинъ и видитъ «пользу образованія дѣвицъ, получаемаго ими въ институтахъ». Повѣсть написана тѣмъ дѣланнымъ псевдо-народнымъ русскимъ языкомъ, изъ-за котораго Сенковскій разсказы Даля называлъ «литературой въ присядку». Вотъ какъ мать героини Федора Анкудиновна Миловидова описываетъ свое посѣщеніе Смольнаго института: «А у дверей толстой мужикъ въ балахонѣ, а бритой, лента черезъ плечо, и дубина съ мѣдною шишкой въ рукѣ. Подумала себѣ, какъ дастъ тѣ треуха, незваной гостьѣ, такъ и поминай, какъ звали. А какъ вошла въ покои, анъ сидятъ господа въ тонкихъ суконныхъ кафтанахъ и въ шелковыхъ чулкахъ; а я имъ и чуфисъ. Анъ все челядинцы! А что жъ тебѣ, моя матушка, надобно? А я имъ и сказала: «Я ди за Лизкой Миловидовой пріѣхала».—А кто ди вы такая?—«А я ди ей мать».

Борисъ Федоровъ напечаталъ здѣсь сатирическую повѣсть «Путешествіе Ванюши въ Парижъ», съ истрепанною въ русской литературѣ темою о русскихъ французоманахъ, историческую драму «Бояринъ Матвѣевъ или даръ отъ народа» и повѣсть «Князь Курбскій».

Провинціальный писатель Петръ Михайловичъ Кудряшевъ, бригадный писарь, подъ вліяніемъ Свиньина написалъ нѣсколько повѣстей романтическаго характера, изъ жизни инородцевъ, напечатанныхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ»,—какъ-то: «Киргизскій плѣнникъ, быль Оренбургской линіи», сюжетъ котораго взятъ изъ «Кавказскаго плѣнника» Пушкина, «Абдряшъ, башкирская повѣсть», «Сокрушитель Пугачева илецкій казакъ Иванъ», «Искакъ, татарская повѣсть». Провинціальный же сотрудникъ «Отечественныхъ

Записокъ» Илья Радожицкій написалъ въ такомъ же родѣ «Кызъ-Брунъ, черкесскую повѣсть». Въ ряду съ этими произведеніями становится понятнымъ появленіе первой повѣсти Гоголя изъ малорусскаго быта—«Бисаврюка» именно въ «Отечественныхъ Запискахъ».

Въ предпослѣдній годъ существованія «Отечественныхъ Записокъ» въ нихъ появилась еще «Русская умористика», собраніе провинціальныхъ анекдотовъ. Изобрѣтеніе слова «умористика» объяснялось такимъ образомъ: «Зачѣмъ вводить иностранное слово, когда у насъ есть свое собственное, равносильное? Умора, уморушка выражаетъ вполнѣ значеніе англійскаго моднаго словечка».

«Отечественныя Записки» и тутъ были вѣрны своему русскому направленію.

Въ 1830 году онѣ прекратились. Гречъ глухо говоритъ о причинахъ этого, указывая на «встрѣченныя издателемъ неудачи, неблагопріятный взглядъ нѣкоторыхъ людей и разныя другія отношенія». Въ чемъ тутъ было дѣло, не знаемъ. Вѣроятнѣе всего, что изданіе не окупалось подпискою, такъ какъ трудно было найти достаточно лицъ, которыхъ интересовало бы содержаніе журнала, если даже и позже, и въ настоящее время подобныя «Отечественнымъ Запискамъ» изданія обречены на «равнодушіе публики» и безъ поддержки свыше должны гибнуть.

Послѣ прекращенія «Отечественныхъ Записокъ» Свиньинъ жилъ въ своей деревнѣ возлѣ Галича Костромской губерніи и занимался составленіемъ исторіи Петра Великаго. «Думаю, налгалъ въ ней до-нельзя!» сорвалось по этому поводу у Ор. Сомова въ одномъ письмѣ къ московскому знакомому, вѣроятно, больше для краснаго словца, потому что раньше онъ хвалилъ Свиньина и самъ писалъ въ «Отечественныхъ Запискахъ».

И. И. Дмитріевъ утѣшалъ Свиньина въ его одиночествѣ и одобрялъ труды: «Наслаждайтесь,—писалъ онъ,—любезный Павелъ Петровичъ, пріятностью авторской и поселянской жизни; забудьте зоиловъ и съ бодрымъ духомъ стремитесь къ вашей цѣли». Это было сказано въ 1834 году. Но Свиньинъ не достигъ больше никакой цѣли, кромѣ конечной цѣли всякой человѣческой жизни. Онъ умеръ 9-го апрѣля 1839 года.

Въ экземплярѣ «Отечественныхъ Записокъ», которымъ мы пользовались для данной статьи, въ концѣ очерка генералъ-лейтенанта барона Толя: «Описаніе битвы, при селѣ Бородинѣ происходившей», сдѣлана приписка выцвѣтшими чернилами: «Прекрасная, прекрасная статья и прекраснымъ перомъ описана!!! Ура!!!» Если «Отечественныя Записки» Свиньина доставляли такое удовольствіе хотя немногимъ изъ своихъ читателей, то и за это только мы «не упрекнемъ памяти его», какъ сказалъ въ его некрологѣ Гречъ.

В. Даниловъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО ПЕТРОГРАДА.

I.

Заклинанія отъ зубной боли.—Отношеніе власти къ этимъ заговорамъ.—Случай съ петербургскимъ солдатомъ Иваномъ Красковымъ въ 1722 г.—Криксрехтъ и церковное покаяніе.—Любовь Петра I къ медицинскимъ операціямъ.—Случай съ купчихою Борсте.—Берхгольцъ и денщикъ Петра Василій Петровичъ.—Зубная операція Петра Великаго надъ женою Полубоярова.—Первый петербургскій дантистъ Фридрихъ Гофманъ.—Дантистъ Бирона и императрицы Анны Іоанновны французъ Жеродли.—Его гонораръ.—Количество дантистовъ въ первые годы жизни Петербурга.—Зубной лекарь 1757 года.—Способъ леченія Ле-Ноара.—Свинцовыя и золотыя пломбы.—Натуральные и искусственные вставные зубы.—Врачъ Д. Валленштейнъ и похвала ему «Сѣверной Пчелы».

ГОСПОДЕ Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй меня грѣшнаго! Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Стану я, рабъ Божій, благословясь, пойду перекрестясь изъ избы въ двери; со двора воротми, въ чисто поле; въ восточной сторонѣ святая гора; на той святой горѣ стоитъ святая церковь; въ той святой церкви лежитъ гробъ; въ томъ гробѣ лежитъ мертвецъ; кругъ того гроба ходитъ попъ съ кадиломъ и говоритъ такія рѣчи: «Какъ у этого мертвеца не болятъ зубы, не опухаютъ чирки, не отекаютъ десны, не бьетъ червь коренновая и верьховая въ день при солнцѣ, въ ночи при мисяцѣ, на ветху и на молоду, о полномъ перекроѣ, о изошлихъ дияхъ, о полночь пробужаючи,—такъ у этого раба Божія (имя рекъ) не болѣли бы зубы, не отекали бы десны, не била бы червь коренновая и верьховая въ день при солнцѣ, въ ночи при мисяцѣ, на ветху

и на молоду, о полномъ перекроѣ, о изошлихъ дняхъ, о полночь пробужаючи. Сколь порна небесная высота, и сколь порна зеленая широта, и сколь порна морская глубина, столь бы у этого раба Божія (имя рекъ) зубы порны, столь бы крѣпки, столь бы лѣпки. Который мастеръ меня переучилъ, не обучилъ, и будьте мои слова на передь поставлены. Аминь».

Шепоткомъ, съ какими-то особенными удареніемъ и разстановкою произносилъ эти слова знахарь или знахарка и, съ невольнымъ трепетомъ, корчась отъ боли, повторялъ ихъ страждущій зубами—и въ громадномъ большинствѣ случаевъ боль утихала.

Если же этотъ заговоръ былъ не въ силахъ унять зубную боль, то надо было налить воды въ кружку и выпить эту воду, наговоривъ ее слѣдующимъ образомъ: «Четыре сестрицы, Захарій да Макарій, сестра Дарья да Марья, да сестра Ульяна, сами говорили, чтобы у раба Божія (имя рекъ) щеки не пухли, зубы не болѣли, вѣкъ отъ вѣку, отнынѣ до вѣку; тѣмъ моимъ словамъ ключъ и замокъ; ключъ въ воду, а замокъ въ гору».

Можно было заговаривать три вечернія зори на воскъ и положить его на больной зубъ; было и еще заклинанье, которое нужно было говорить три раза во время новолунія, прижавъ больной зубъ указательнымъ пальцемъ; а то помогало подойти къ рябинѣ и погрызть ее нѣсколько разъ, приговаривая: «рябина, рябина, вылечи мои зубы, а не вылечишь—всю тебя изгрызу [1])...»

Много было вообще средствъ, и знали ихъ старые люди, и за посильное подношеніе снабжали ими болящихъ, но дѣлалось это тайкомъ, съ большою опасностью—за такіе заговоры да за такое леченіе по головкѣ не гладили.

Прошлаго 722 года іюня 19 дня, въ Колтовской, по дорогѣ на Васильевскій островъ былъ задержанъ дозоромъ отставной солдатъ Иванъ Красковъ съ плахою дровъ—его заподозрѣли въ воровствѣ этихъ дровъ. А когда его стали обыскивать, то нашли при немъ платокъ. Развязали платокъ: изъ него посыпались травы, корешки, сдѣланныя изъ дерева жеребейки и какія-то непотребныя письма.

Разобрали прежде всего эти письма, оказалось, что они «до тайной канцеляріи не косны», «еретичества и важнаго непотребства не содержатъ, а всего на всего заговорныя: призываемо въ нихъ имя Божіе и его угодниковъ всуе», и содержатъ они только кощунство и обманъ.

Поэтому солдатъ Красковъ попалъ не въ тайную канцелярію, а на криксрехтъ. Презусъ преміоръ-майоръ Василій Аничковъ и ассесоры допросили солдата сперва «просто», а потомъ, получивъ отъ господина генерала и кавалера князя Михаила Михай-

[1]) Л. Майковъ. Великорусскія заклинанія. Записки императорскаго русскаго географическаго общества по отдѣлу этнографіи 1869 г. II. Стр. 450—455.

ловича Голицына «ордеръ», и «съ пристрастіемъ, подъ батагами, въ застѣнкѣ, на вискѣ».

Но солдатъ говорилъ тѣ же рѣчи, что и при первыхъ допросахъ: «за нимъ идолопоклонства, чернокнижества, богохуленія, ружья заговариванія, чародѣйства нѣтъ, и никакого съ діаволомъ обязательства не имѣетъ, а принесенными съ ними жеребейками онъ ворожитъ про себя, а именно о здоровьѣ и о смерти, тако же и о другихъ домашнихъ нуждахъ, а людемъ никому не вораживалъ. А травы-де, которыя съ нимъ принесены, хотѣлъ онъ топить въ печи и пить отъ грыжи, и отъ ломоты, и отъ животной болѣзни, и отъ вередовъ, и отъ другихъ тому подобныхъ болѣзней, и другимъ ихъ хотѣлъ давать для таковаго пользованія».

Вышеозначенные травы и коренья при присутствіи презуса и ассесоровъ свидѣтельствовали штабъ и полковые лекари, и, по свидѣтельству, сказали и подписали, что-де во оныхъ травахъ и кореньяхъ и въ прочемъ во всемъ, кромѣ пользы отъ разныхъ болѣзней, никакова худа къ порчѣ и погубленію человѣческому не касается, понеже де оное употребляется въ лекарствѣ къ пользѣ человѣческой отъ разныхъ болѣзней.

И на криксрехтѣ приговорили солдата Краскова—хотя-де въ военномъ артикулѣ напечатано: «ежели кто изъ воинскихъ людей найдется идолопоклонникъ, чернокнижецъ, ружья заговоритель, суевѣрный и богохулительный чародѣй, оный, по состоянію дѣла, въ жестокомъ заключеніи и въ желѣзахъ, гоняніемъ шпицъ-рутеномъ, наказанъ сожженъ имѣетъ быть», но въ толкованіи того артикула пояснено: «наказаніе сожженіе есть обыкновенная казнь чернокнижца, ежели онъ своимъ чародѣйствомъ вредъ кому учинилъ или, дѣйствительно, съ діаволомъ обязательство имѣетъ. А ежели онъ чародѣйствомъ своимъ никому никакова вреда не учинилъ и обязательства съ сатаною никакова не имѣетъ, то надлежитъ, по изобрѣтенію дѣла, того другими высокопомянутыми наказаніями и притомъ церковнымъ публичнымъ покояніемъ, а по сему, означеннаго Краскова, прогнать шпицъ рутеномъ чрезъ баталіонъ шесть разъ и послать въ святѣйшій правительствующій синодъ».

Прогнали Краскова черезъ батальонъ шесть разъ,—ничего, отставной солдатъ вынесъ наказаніе и былъ доставленъ въ синодъ, гдѣ вторую сентенцію учинили: «непотребные присланные съ нимъ письма и жеребейки сжечь, чтобъ впредь таковыя непотребства въ простонародствіи ни отъ кого употреблятися и размножатися могли, а Краскова послать Его Императорскаго Величества при указѣ церкви успѣнія Богородицы къ оберъ-протопопу Степану Ярмѣрковскому на публичное покаяніе [1]).

[1]) «Историко-статистическія свѣдѣнія о С.-Петербургской епархіи». Выпускъ 5. Стр. 78—81. Въ архивѣ артиллерійскаго музея хранится цѣлый рядъ характерныхъ дѣлъ криксрехта, содержащихъ очень любопытныя бытовыя подробности.

Получивъ указъ, оберъ-протопопъ распорядился широко оповѣстить свою паству о предстоящемъ публичномъ покаяніи, и маленькая деревянная церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, носящая народное названіе «Николы на Мокрушахъ»,—мѣсто это было низкое, при каждомъ морскомъ вѣтрѣ заливаемое Невою,—была биткомъ набита, прихожане толпились даже въ оградѣ. А посреди церкви, понуривъ голову, окруженный еще стражею, стоялъ Иванъ Красковъ. Отошли часы. Изъ алтаря вышелъ дьяконъ и, громогласно, на всю церковь прочитавъ указъ Святѣйшаго Синода, прибавилъ, указывая на Краскова: «И нынѣ онъ, Красковъ, ту свою вину исповѣдуя, приноситъ покаяніе и проситъ отъ Всемилостиваго Бога отпущенія. Того ради, извольте вси православніи, слышавъ оное его покаяніе, отъ такихъ и подобныхъ тому причинъ остерегаться, а о немъ, кающемся, дабы сподобился онъ отъ Господа Бога пріяти прощеніе, помолитеся».

Послѣ этого слова дьякона Красковъ подошелъ къ амвону, сдѣлалъ три земные поклона и, обратившись лицомъ къ народу, повторялъ за дьякономъ слѣдующія слова: «Я, нижайшій и всѣхъ грѣшнѣйшій рабъ, предъ Господомъ Богомъ и предъ вами, православные христіане, за предъявленное мое согрѣшеніе, со сокрушеніемъ сердца и со осужденіемъ того грѣха, прошу прощенія предъ всѣми и молю ради человѣколюбія вашего помолитеся о мнѣ, грѣшномъ, чтобы оный мой грѣхъ отъ Господа Бога мнѣ оставился въ жизни сей и въ будущемъ вѣцѣ. Аминь».

Послѣ совершенія божественной литургіи оберъ-протопопъ Ярмѣрковскій составилъ надлежащій актъ, который былъ подписанъ всѣмъ причтомъ и къ которому Красковъ «по безграмотѣ своей» приложилъ крестъ [1]).

Правосудіе было удовлетворено, и Красковъ, послѣ почти годовой волокиты, былъ отпущенъ къ себѣ домой, въ Колтовскую и, надо думать, пересталъ собирать и травы и коренья и хранить заговорныя письма и отъ грыжи, и ломоты, и отъ зубной боли.

«Болѣть зубами» въ то время, въ дни Петра Великаго, было вообще очень непріятно и могло привести къ совсѣмъ нежелательнымъ послѣдствіямъ. При Петрѣ Великомъ постоянно были два набора хирургическихъ инструментовъ, и самъ императоръ не разъ дѣлалъ операціи. «Проѣзжая мимо дома купца Борсте,—писалъ въ своемъ дневникѣ Ф. В. Берхгольцъ [2])—герцогъ Голштинскій увидѣлъ стоявшій тамъ передъ крыльцомъ кабріолетъ императора и послѣ узналъ, что его величество уговорилъ, наконецъ, г-жу Борсте, одержимую водяною болѣзнію, позволить ему въ этотъ день выпустить изъ нея воду. Государь будто бы употребилъ для этого

---

[1]) Тамъ же. Выпускъ 1. Стр. 140 и 141.

[2]) Дневникъ камеръ-юнкера Ф. В. Берхгольца. Ч. III. Стр. 60.

родѣ насилія и не мало гордился, что ему посчастливилось выпустить изъ больной болѣе двадцати фунтовъ воды, тогда какъ при попыткѣ какого-то англійскаго оператора показалась только кровь. Императрица, говорятъ, сказала въ шутку его величеству, что его за эту операцію слѣдовало бы сдѣлать докторомъ, на что онъ отвѣчалъ: «нѣтъ, не докторомъ, а хирургомъ, пожалуй».

Тотъ же самый Берхгольцъ повѣствовалъ, что «мнѣ не мало было хлопотъ съ денщикомъ и фаворитомъ императора Васильемъ Петровичемъ, который въ присутствіи императорскихъ принцессъ и его королевскаго величества схватилъ меня за руку и потащилъ въ другую комнату, гдѣ я долженъ былъ съ нимъ пить. Онъ страшно приставалъ, чтобы я рѣшился позволить императору вырвать мнѣ мои больные зубы» [1]).

Но если Берхгольцу, видимо, удалось избѣгнуть операціи, то не такъ счастлива была жена камердинера Полубоярова, о которой разсказываетъ Штелинъ [2]).«Это жена была великая щеголиха, и Петръ I вырвалъ весьма искусно одинъ совсѣмъ здоровый зубъ, къ чему приведенъ былъ ея мужемъ, которой крайне досадовалъ на ея распутство. А сіе случилось такимъ образомъ. Государь, нечаянно заставъ своего камердинера въ передней погруженнаго въ великую задумчивость, спросилъ его, что съ нимъ сдѣлалось, что онъ такъ печалится. «Ничего,—отвѣтствовалъ онъ,—а печалюся я о своей бѣдной женѣ, которая отъ безпрестанной зубной болѣзни совсѣмъ почти изнемогаетъ; однакожъ никакъ не допускаетъ вырвать у себя зубъ». «Я ее тотчасъ къ сему уговорю,—сказалъ государь,—и скоро возстановлю ея покой».—И въ самомъ дѣлѣ его величество немедленно пошелъ съ мужемъ къ его женѣ, у которой ни одинъ зубъ не болѣлъ. Она должна была сѣсть и дать осмотрѣть свои зубы; однакоже всѣми силами отрекалась, что они совсѣмъ у ней не болятъ.—«Это-то и несчастье,—сказалъ камердинеръ государю,—что она всегда утаиваетъ боль, а коль скоро уйдетъ лекарь, то тотчасъ начинаетъ стонать».—Хорошо, хорошо,—продолжалъ государь,—скоро она перестанетъ стонать, держи только крѣпче ей голову и руки». Тогда его величество, сколько она ни плакала, зубными своими клещами съ великою осторожностью и чрезвычайнымъ проворствомъ выдернулъ ей мнимый больной зубъ».

Обманъ черезъ нѣсколько дней открылся, и камердинеръ Полубояровъ поплатился за свою шутку.

Первый дантистъ, или зубной лекарь, практиковавшій въ Петербургѣ и оставившій послѣ себя слѣдъ, былъ выходецъ изъ Лиф-

---

[1]) Тамъ же. Стр. 94.

[2]) Любопытныя и достопамятныя сказанія о императорѣ Петрѣ Великомъ. Я. Штелинъ. Второе изданіе. 1787. Стр. 227—231.

ляндіи, нѣкто Фридрихъ Гофманъ. Онъ дѣйствовалъ въ Петербургѣ довольно значительный промежутокъ времени, по нашимъ даннымъ, съ 1732 до 1744 года. Можно думать, что Гофманъ былъ выписанъ въ Петербургъ другою медицинскою извѣстностью того времени, докторомъ Краузе, родственникомъ знаменитаго Бургава, по крайней мѣрѣ въ первый свой пріѣздъ Гофманъ остановился у Краузе. Первое время Гофманъ именуетъ себя «операторомъ», но вскорѣ замѣняетъ это названіе—зубнымъ лекаремъ. Такимъ образомъ, можно предположить, что Гофманъ былъ всего на всего нѣмецкимъ фельдшеромъ и только въ Россіи превратился въ зубнаго лекаря. Въ началѣ своей дѣятельности онъ предполагалъ болѣе обширную практику. «Его операціи,—писалъ онъ въ своемъ объявленіи 1732 года,—особливо въ семъ состоятъ, а именно бѣльма снимать, зубы вынимать и вставлять, всякія мозоли и бородавки сгонять. У него имѣется также зело изрядное лекарство отъ глазъ и зубовъ, въ чемъ онъ каждому по достоинству услужить потщится» [1].

Неудачны ли были его первые опыты сниманія бѣльма, или была какая-нибудь другая причина,—но въ дальнѣйшей своей практикѣ Гофманъ не упоминаетъ о глазныхъ операціяхъ, также онъ не указываетъ на себя какъ на мозольнаго оператора. Но вѣдь въ первомъ своемъ объявленіи Гофманъ обѣщалъ «каждому по достоинству услужить потщиться», онъ заискиваетъ передъ публикою, онъ приглашаетъ ее къ себѣ—и, очевидно, публика пошла къ «зубному лекарю», такъ какъ въ дальнѣйшихъ своихъ извѣщеніяхъ Гофманъ только упоминаетъ, что онъ пріѣхалъ въ Россію, въ Петербургъ, и остановился тамъ-то и тамъ-то. «Зубной лекарь Фридрикъ Гофманъ объявляетъ чрезъ сіе, что онъ нынѣ живетъ на переведенской улицѣ, на дворѣ у Петра Алексѣевича сына Волкова во второй улицѣ на правой рукѣ за рогаткою, перешедши синій мостъ» [2]. Или «о зубномъ лекарѣ Фридрикѣ Гофманѣ объявляется, что онъ въ непродолжительномъ времени отсюда отъѣзжаетъ, и ежели кто до него какую нужду имѣетъ, тотъ бы оного искалъ въ квартирѣ его на большой улицѣ въ домѣ Ѳеодора Степанова сына Журовскаго, противъ самаго зимняго дворца» [3].

Лечилъ Гофманъ зубную боль, какъ видно, «ваннами и парами»— «у него въ домѣ можно въ ваннѣ мыться и употреблять пары изъ лекарственныхъ травъ здѣланные, но сіе надобно у него напередъ заказать» [4]—и «припарками»—«зубной лѣкарь Фридрихъ Гофманъ для охотниковъ дѣлаетъ припарки изъ травъ и муравьевыхъ яицъ» [5].

---

[1]) «Санктепетербургскія Вѣдомости» 1732 года, отъ 4-го мая, стр. 156.

[2]) Тамъ же, 1736, г., отъ 30-го сентября. Стр. 634.

[3]) Тамъ же, 1737 г., отъ 11-го іюля, Стр. 434.

[4]) Тамъ же 1736 г. отъ 19-го апрѣля.

[5]) Тамъ же 1743 г. отъ іюня 2-го. Стр. 363.

Очевидно, пользуясь извѣстностью среди петербуржцевъ, Фридрихъ Гофманъ не могъ заслужить благорасположенія «сильныхъ міра сего», не могъ проникнуть ко двору. Это обстоятельство подтверждаетъ косвенно высказанное нами предположеніе о недостаточности образованія Гофмана, о неимѣніи у него докторскаго свидѣтельства. И слава перваго (намъ извѣстнаго) придворнаго зубнаго врача принадлежитъ французскому доктору Жеродли.

«Для услугъ Его Высококняжеской Свѣтлости Герцога Курляндскаго, изъ Франціи призванной сюда зубной лекарь Г. Жеродлі, уже свое лѣченіе окончалъ. А Его Высококняжеская Свѣтлость въ изрядное и совершенное состояніе здравія своего приведенъ. Помянутой лѣкарь имѣлъ предъ не давнымъ временемъ высочайшую честь, Ея Императорскому Величеству зубы чистить и за оныя труды получилъ въ награжденіе 600 рублевъ. Отъ Ея Свѣтлости Герцогініи Курляндской за то же подарено ему 200 рублевъ. А отъ Его Высокоупомянутой Княжеской Свѣтлости Герцога прислана ему предъ нѣсколько днями въ подарокъ, золотымъ позументомъ обложенная, и преизряднымъ рысьимъ черевьимъ мѣхомъ, подбитая епанча» [1]).

Мы нарочно привели это извѣстіе цѣликомъ, такъ какъ оно очень характерно для столь отдаленной отъ насъ эпохи: у Бирона— высококняжеской свѣтлости—болятъ зубы, выписывается, конечно, на государственныя средства, докторъ; когда леченіе оказалось успѣшнымъ, то ему подвергается и императрица; а за этими двумя высокими особами слѣдуютъ, безъ сомнѣнія, всѣ придворныя лица и, надо думать, что на куртагахъ и званыхъ балахъ 1737 года не было видно испорченныхъ зубовъ—всѣ они были вычищены французскимъ лекаремъ Жеродли.

Интересенъ также и гонораръ, полученный этимъ французомъ. Принимая во вниманіе, что деньги того времени около восьми разъ дороже настоящихъ, мы видимъ, что чистка зубовъ императрицы обошлась почти въ пять тысячъ рублей на современныя деньги. Слѣдуетъ также обратить вниманіе и на то обстоятельство, что Биронъ заплатилъ не деньгами, а епанчою,—до извѣстной степени подтверждается извѣстіе о скупости и скаредности Бирона.

Докторъ Жеродли пробылъ въ Петербургѣ недолго, до конца весны 1738 года [2]): «понеже французской зубной лекарь г. Жеродлі свой въ публичныхъ вѣдомостяхъ отъѣздъ долѣе отсрочилъ, того ради всѣмъ въ его пользованіи нужду имѣющимъ, чрезъ сіе объявляется, что онъ еще нѣсколько времени здѣсь пробавиться, и прежде будущей весны въ Парижъ не поѣдетъ».

И лекарь Гофманъ снова возобновилъ печатаніе своихъ объявленій, снова началъ свою практику среди петербуржцевъ. Вообще

---

[1]) Тамъ же 1737 года отъ 23-го октября. Стр. 695.
[2]) Тамъ же, 1738 г. отъ 20-го февраля, стр. 110.

надо замѣтить, что чуть ли не до конца семидесятыхъ годовъ XVIII столѣтія Петербургъ довольствовался однимъ зубнымъ врачомъ, сперва дѣйствовалъ Гофманъ, его смѣнилъ «зубной лекарь Теппе», далѣе въ шестидесятыхъ годахъ сначала дѣйствовалъ врачъ изъ Лифляндіи Янъ, а потомъ парижскій врачъ Ле-Ноаръ, и только къ концу XVIII вѣка столбцы «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», единственной петербургской газеты того времени, печатавшей «частныя извѣстія», что соотвѣтствуетъ нынѣшнимъ объявленіямъ, запестрѣли отъ объявленій парижскихъ, берлинскихъ и англійскихъ зубныхъ врачей.

Съ однимъ изъ такихъ врачей, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ XVIII вѣка, случился довольно-таки любопытный инцидентъ. Этотъ врачъ, къ сожалѣнію, мы не знаемъ его фамиліи, пріѣхалъ въ Петербургъ изъ-за границы по зимнему пути, что уже одно является необычайнымъ. Чающіе прибыли иностранцы пріѣзжали обыкновенно осенью, съ послѣдними пароходами, пробывали въ Петербургѣ зиму и весною отъѣзжали обратно домой. Но этотъ зубной врачъ пріѣхалъ 4-го февраля 1757 года и остановился въ лучшей мѣстности Петербурга въ домѣ купца Меера въ Милліонной улицѣ [1]).

Домъ купца Меера уже не существуетъ, но онъ занималъ часть участка, нынѣ принадлежащаго архиву Государственнаго Совѣта, и былъ на углу, къ Зимней канавкѣ, рядомъ съ нимъ былъ «почтовый дворъ», и у Меера останавливались обыкновенное знатные иностранцы.

Остановившись въ домѣ Меера, этотъ зубной лекарь, «искусной и при многихъ дворахъ апробованной», помѣстилъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» объявленіе, изъ котораго было видно, что этотъ лекарь «весьма искусно вынимаетъ зубы и опять вставливаетъ», причемъ этими «опять вставленными зубами можно дѣйствовать такъ, какъ родными», кромѣ того, «очищаетъ ихъ отъ всякой нечистоты и имѣетъ надежное средство зубную болѣзнь утолять въ моментъ и зубы хранить»—объявленіе было заманчиво, и «апробованной зубной лекарь» уже заранѣе предвкушалъ обильную жатву съ довѣрчивыхъ петербуржцевъ.

Но въ защиту петербуржцевъ выступила уже образованная и дѣйствующая медицинская канцелярія, которая черезъ недѣлю послѣ объявленія дантиста помѣстила слѣдующее разъясненіе [2]):

«Изъ Медицинской Канцеляріи симъ объявляется, чтобъ пріѣхавшаго сюда не давно зубнаго лѣкаря и объявленнаго въ прошедшихъ вѣдомостяхъ подъ № 10 отъ 4-го февраля, котораго помянутая канцелярія не знаетъ и не экзаменованъ и къ лѣченію зубныхъ

---

[1]) Тамъ же, 1757 г., отъ 4-го февраля, № 10.
[2]) Тамъ же, 1757 года, отъ 11-го февраля, № 12.

болѣзней позволенія она ему не давала, никто къ себѣ въ силу указовъ прежде публикованныхъ о неэкзаменованныхъ лѣкаряхъ не призывали, дабы вмѣсто желаемой пользы не получить какого вреда».

Такимъ образомъ «апробованной лекарь» долженъ былъ отправиться въ медицинскую канцелярію, выдержать тамъ экзаменъ, получить разрѣшеніе и тогда только начать практику. Надо думать, что этотъ случай произвелъ сильное впечатлѣніе, такъ какъ послѣдующіе врачи въ своихъ объявленіяхъ усиленно подчеркивали, что «по хорошему знанію въ пользованіи страждущихъ зубною болѣзнею людей»—имъ дано отъ государственной медицинской колегіи позволеніе лечить зубныя болѣзни.

Первымъ изъ зубныхъ врачей, болѣе подробно изъяснившимъ свои пріемы леченія, былъ парижскій врачъ Ле-Ноаръ, прибывшій въ Петербургъ въ 1775 году. Оказывается, что Ле-Ноаръ «имѣетъ способъ испорченные зубы сохранять; онъ можетъ жестокую ихъ боль чрезъ минуту укротить. Вырываетъ оные съ особливымъ искусствомъ, также и сломанные зубы и коренные. Онъ очищаетъ ротъ, такъ искусно, что ни малѣйшей боли не чувствительно. Укрѣпляетъ шатающіеся зубы, приводитъ ихъ въ порядокъ, наполняетъ пустые зубы свинцомъ, разставляетъ тѣ, кои плотно стѣснены, при надлежащемъ порядкѣ, вставляетъ также поддѣланные зубы, которые никогда не перемѣняются и съ натуральными такъ сходны, что они и отъ большихъ знатоковъ не иначе могутъ быть признаны: «словомъ, онъ знаетъ отъ всякой зубной нечести хорошіе способы» [1]).

Изъ способовъ Ле-Ноара противъ «всякой зубной нечести» заслуживаетъ вниманіе способъ заливанія пустыхъ зубовъ свинцомъ. Такимъ образомъ, первыя пломбы, которыя начали дѣлать въ Петербургѣ, были свинцовыя, искусство дѣлать золотыя пломбы, какъ кажется, привезъ въ Петербургъ Самуэль Берндъ, который въ 1821 году получилъ разрѣшеніе отъ дерптскаго университета на практику зубнаго врача,—по крайней мѣрѣ, этотъ дантистъ заявлялъ: «пустые зубы наполняетъ золотомъ, такъ что въ оные не можетъ проникнуть воздухъ и произойти дурной запахъ или гниль» [2]).

Уже Ле-Ноаръ указывалъ, что онъ вставляетъ поддѣльные зубы, которые даже и знатоки не смогутъ отличить отъ настоящихъ, но какъ Ле-Ноаръ, такъ и большинство врачей XVIII вѣка не поясняли публикѣ, какъ и изъ чего дѣлаются эти искусственные зубы, по крайней мѣрѣ мы нашли только одного врача изъ Парижа Шоберта [3]), который въ 1778 году предлагалъ вставлять «натураль-

---

[1]) Тамъ же, 1775 г. отъ 25-го іюля, № 59.

[2]) Тамъ же, 1821 г., отъ 11-го марта, Стр. 245.

[3]) Тамъ же, 1778 г. отъ 9-го октября, № 81.

ные» и «искусно поддѣланные» зубы, подъ словомъ натуральные онъ, конечно, подразумѣвалъ здоровые человѣческіе зубы. Дантисты начала XIX вѣка, наоборотъ, усиленно подчеркивали, что они вставляютъ «искусственные» зубы, причемъ эти зубы дѣлаются не изъ кости, «но изъ изготовленныхъ въ чужихъ краяхъ изъ самой крѣпкой массы», причемъ подчеркивалось, что эти зубы «имѣютъ весьма искусно шлифованную тонкую эмаль, которой цвѣтъ никогда не перемѣняется [1]). Вскорѣ эта «крѣпкая масса» перестала выписываться изъ-за границы,—два зубныхъ врача Фонси и Гамъ, привилегированный врачъ ихъ королевскихъ высочествъ герцоговъ Ангулемскаго и Беррійскаго, вступили въ компанію и стали на Екатерининскомъ каналѣ въ домѣ Гауха противъ государственнаго банка дѣлать «землено-металлическіе непортящіеся зубы» [2]).

Первое время зубные врачи рисковали вставлять зубы по одиночкѣ, затѣмъ они указывали, что для нихъ безразлично, какъ вставлять: по одиночкѣ или цѣлыми рядами, наконецъ, въ 1822 году [3]) «иностранецъ А. Розенталь, россійско-императорскій экзаменованный зубной врачъ», извѣщалъ почтенную публику, что онъ «вставляетъ одинакіе и цѣлые ряды зубовъ, приготовленныхъ изъ разныхъ массъ, кои у него получать можно даже въ такомъ случаѣ, если у кого нѣтъ ни одного зуба. Сіи весьма искусственные зубы не подвержены ни перемѣнѣ цвѣта, ниже дурному запаху».

Въ 1824 году[4]), въ январѣ мѣсяцѣ изъ Берлина пріѣхалъ еще одинъ зубной врачъ, который поселился у Полицейскаго моста, на углу Морской и Невскаго, въ домѣ Котомина (на правой сторонѣ Невскаго проспекта, если итти къ Адмиралтейству). Фамилія этого врача была Д. Валленштейнъ. Очевидно, этотъ врачъ пріѣхалъ въ счастливую минуту, такъ какъ онъ пришелся по вкусу петербургскимъ обывателямъ и навсегда обосновался здѣсь и, кажется, прожилъ всю свою жизнь на одной и той же квартирѣ. Объ этомъ врачѣ написалъ нѣсколько строкъ въ своей «Сѣверной Пчелѣ» Ѳ. Булгаринъ. Началъ свою замѣтку Ѳ. Булгаринъ, по обыкновенію, издалека [5]).

«У испанцевъ есть пословица: «не пускайся въ путь съ злымъ человѣкомъ и съ больнымъ зубомъ». Зубная боль въ дорогѣ и походѣ—бѣда! Если умный и осторожный человѣкъ осматриваетъ передъ путешествіемъ экипажъ, всѣ ли винты на мѣстѣ и исправны ли рессоры, то гораздо умнѣе и осторожнѣе поступитъ тотъ, ко-

---

[1]) Тамъ же 1821 г. отъ 11-го марта. Стр. 245.
[2]) Тамъ же, 1821 г. отъ 26-го августа. Стр. 858.
[3]) Тамъ же, 1822 г. отъ 31-го октября, стр. 1126.
[4]) Тамъ же, 1824 г. отъ 15-го января, стр. 57.
[5]) «Сѣверная Пчела», 1849 г., № 103, отъ 11-го мая, стр. 409—410.

торый запломбируетъ или вырветъ испорченный зубъ передъ путешествіемъ!»

Послѣ такого вступленія, которое должно было, по мнѣнію Ѳ. Булгарина, заинтересовать читателя, слѣдовало указаніе, что «въ Петербургѣ есть столько зубныхъ врачей, сколько здоровыхъ зубовъ у жителей столицы». Эти строки были написаны въ 1849 г., можно почти безошибочно утверждать, что эта статистика вполнѣ подходитъ и къ нашимъ днямъ—число дантистовъ такъ же велико, если еще не больше, принимая во вниманіе приростъ населенія за эти шестьдесятъ пять протекшихъ лѣтъ. Итакъ, указавъ на громадное количество зубныхъ врачей, Булгаринъ восклицалъ: «всѣмъ этимъ господамъ мы свидѣтельствуемъ свое почтеніе, не оскорбляемъ ихъ ни словомъ ни намекомъ и рекомендуемъ зубного врача Давида Валленштейна (отца), живущаго у Полицейскаго моста въ домѣ Котомина». Оказывалось, что для такой рекомендаціи у Ѳ. Булгарина были вѣскія основанія: «г. Валленштейнъ уже болѣе двадцати лѣтъ печется о зубахъ всѣхъ лицъ, составляющихъ редакцію «Сѣверной Пчелы» съ ихъ чадами и домочадцами»—подчеркивалъ Ѳ. Булгаринъ—«кажется, нельзя сказать, чтобъ редакція «Сѣверной Пчелы» была беззубая. *На зубокъ* (курсивъ подлинника, кромѣ того, была сноска слѣдующаго содержанія: «въ просторѣчіи взять или правильнѣе поднять кого-либо на зубокъ значитъ осмѣять») мы никого не беремъ, а раскусимъ, что слѣдуетъ раскусить».

Какъ характерна эта выписка для прошлаго русской жизни! Не забудемъ, что эти строки появились на столбцахъ самой распространенной и большой газеты того времени. Послѣ такого намека на достоинство «Сѣверной Пчелы» шло описаніе достоинства и самого Валленштейна: «Г. Валленштейнъ весьма скупъ на чужіе зубы и говоритъ: вырвать легко, но вырастить зуба нельзя; а потому вырываетъ въ крайней необходимости. Пломбируетъ онъ удивительно золотомъ и разными массами и вставляетъ весьма ловко искусственные зубы превосходной парижской работы, которые замѣняютъ естественные съ тою разницею, что не вросли въ челюсть, хотя держатся столь крѣпко, какъ натуральные».

Послѣ такого восхваленія Ѳ. Булгаринъ заканчивалъ свою замѣтку обычною для него фразою: «говоримъ истину, побуждаемые чувствомъ признательности къ г. Валленштейну и по непоколебимому нашему правилу извѣщать нашихъ читателей обо всемъ полезномъ». Далѣе слѣдовало: «Кстати о зубной боли скажемъ, что Калифорнія, оправдавшая собою старинныя мечты о золотоносномъ эльдорадо, въ испанскомъ языкѣ имѣетъ прилагательное, котораго нельзя передать по-русски иначе, какъ перифразой. Нижнюю Калифорнію называютъ *строною безъ зубной боли*. Это то же, что сказать: страна, пользующаяся самымъ луч-

шимъ климатомъ. Быстрыя перемѣны температуры и сырость главные источники зубной боли. Споспѣшествуютъ развитію и усиленію этого недуга излишнее куреніе табаку, употребленіе въ пищу большого количества пряностей, лекарствъ и т. п.».

II.

Медицинскія понятія въ XVIII в.—Окаменѣлый младенецъ.—Случай необычайной беременности шестью мертвыми младенцами.—Новые зубы у старухъ и стариковъ.—Піявица въ желудкѣ сына испанскаго консула.—Докторъ Самойловичъ, нашедшій лягушки у крестьянской женки.—Парижскій хирургъ Ришерань, извлекшій изъ желудка больного живую змѣю.—Излеченіе падучей болѣзни помощью собаки.—Врачъ Бахерахтъ и его способъ леченія зубной болѣзни магнитомъ.—Лаборантъ Андрей и его способъ симпатіи.—Поручикъ Бородинъ, зубной врачъ пятидесятыхъ годовъ въ Петербургѣ.

Медицинскія понятія XVIII вѣка, на нашъ современный взглядъ, отличаются большими странностями и могутъ показаться только «курьезами». Въ самомъ дѣлѣ, въ 1775 году [1]) въ берлинскомъ госпиталѣ, напримѣръ, умерла «шестидесятилѣтняя женщина, которая по смерти своей весьма достопамятною учинилась» и вотъ по какому случаю: когда произвели вскрытіе этой женщины, то «нашли въ ея утробѣ совсѣмъ окаменѣлаго младенца, которымъ она по точному изысканію обрюхатѣла еще на сороковомъ году своей жизни». Не говоря уже о томъ, что на «сіе чрезвычайно достопамятное приключеніе» пріѣзжали смотрѣть «многія знатныя особы», что «какъ женщину, такъ и младенца велѣно наиточнѣйше срисовать славнѣйшему живописцу»—нашелся врачъ, который положилъ этотъ случай въ основаніе своей многотомной ученой диссертаціи. Но такіе случаи «достопамятной беременности» были вовсе не исключеніемъ. Въ одномъ маленькомъ мѣстечкѣ Германіи жена драгунскаго солдата родила здороваго и живого сына, чѣмъ, должно быть, обрадовала своего мужа. Прошло семь недѣль послѣ рожденія сына, и у этой женщины появился еще младенецъ, но уже мертвый, а затѣмъ: «и такъ сія женщина чрезъ каждые восемь дней народила шестерыхъ мертвыхъ младенцевъ, но теперь она уже истощивши всѣ силы лежитъ при смерти и чаятельно скоро умретъ» [2]).

Но въ то отдаленное отъ насъ время бывали и не такія диковинки: «у нѣкоторой голландской женщины на шестьдесятъ восьмомъ году отъ рожденія послѣ сильной лихорадки выросло три зуба новыхъ, а послѣ того въ нѣсколько мѣсяцевъ мало-по-малу выросло до двадцати четырехъ, кои у нея и нынѣ на восемьдесятъ седьмомъ году

---

[1]) «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1775 г., отъ 27-го января, № 8, корреспонденція изъ Берлина.

[2]) Тамъ же, 1775 г., отъ 3-го апрѣля, № 27.

еще крѣпки и здоровы» [1]). Однако старикъ англичанинъ Вилльямъ Нобль перещеголялъ эту голландскую женщину. Ему было отъ роду болѣе ста лѣтъ и онъ былъ нѣсколько лѣтъ слѣпъ, но незадолго до смерти своей началъ паки видѣть, притомъ выросли у него новые зубы и новые ногти на рукахъ и на ногахъ. «Онъ при всѣхъ чувствахъ и душевныхъ силахъ незапно кончилъ жизнь, которая, казалось, какъ будто бы въ немъ возобновлялась» [2]).

Съ другой же стороны людей преслѣдовали такія болѣзни, о которыхъ мы уже перестали слышать. Такъ, въ 1777 году въ Римѣ [3]) умеръ сынъ испанскаго консула странной болѣзнью, а именно: «сперва сдѣлалась у него въ животѣ боль, потомъ кровотеченіе гортанью, напослѣдокъ со рвотою вышла изъ нутренности его піявица, которая, когда ее разрѣзали, преисполнена была кровью, изъ чего заключили лекари, что, конечно, сія піявица причинила ему смерть своими угрызеніями. Думаютъ, что онъ проглотилъ ее съ салатомъ». Въ 1784 году русскій врачъ Самойловичъ вылечилъ [4]) «Смоленскаго намѣстничества Дорогобужской округи села Николы Погорѣлаго крестьянскую жену Аграфену Бересневу» отъ неизвѣстной болѣзни, которая заключалась въ томъ, что отъ данныхъ Самойловичемъ «лекарствъ у крестьянской женки вышло черезъ гортань въ разные дни нѣсколько живыхъ лягушекъ». Лечилъ отъ этихъ лягушекъ врачъ Самойловичъ въ присутствіи благородныхъ свидѣтелей артиллеріи капитана Ивана Барышникова, секундъ-майора Андрея Лыкошина, лейбъ-гвардіи подпоручика Николая Лыкошина, Смоленскаго намѣстничества верхней расправы стряпчаго Антона Чигиринскаго и коллежскаго совѣтника Германа Гинцеля, а нѣсколько лягушекъ были представлены въ медицинскую коллегію въ налитыхъ спиртомъ банкахъ».

Сей казусный случай Самойловичъ описывалъ такимъ образомъ: «Сія больная отъ роду не болѣе двадцати лѣтъ, замужняя, бездѣтная, сложенія холерико-сангвиническаго и росту средняго. Сія больная по ея и родственниковъ ея предсказанію будто бы была очарована на свадьбѣ у своей невѣстки потчиваніемъ за шесть лѣтъ до сего и съ онаго времени страдала частыми обмороками, всегдашнею тоскливостью, изчагою (изжогою), ворчаніемъ въ брюхѣ, щемленіемъ и чувствованіемъ какъ будто у нея что въ желудкѣ движется, царапаетъ, сосетъ и квохчетъ; лицо имѣла блѣдное и обрюзглое, сны безпокойные». Описавъ такъ больную, Самойловичъ поставилъ діагнозъ: глисты, и предпринялъ соотвѣтственно этому діагнозу леченіе. Когда больная приняла пропи-

---

[1]) Тамъ же, 1778 г., отъ 23-го октября, № 84.
[2]) Тамъ же, 1778 г., отъ 27-го апрѣля, № 34.
[3]) Тамъ же, 1777 г. отъ 7-го февраля, № 11.
[4]) Тамъ же, 1784 года отъ 9-го апрѣля, № 28.

санные Самойловичемъ порошки, то «послѣ пріему спустя нѣсколько времени показалась рвота и при каждомъ позываніи на рвоту выблевала по одной лягушкѣ. Бывшіе при семъ случаѣ достовѣрно увѣряютъ, что одна изъ нихъ была большая темно-сѣраго цвѣта, а двѣ маленькія сѣрыя. Оныя лягушки всѣ были живыя, но бывшими при томъ убиты и выброшены».

«Признаюсь чистосердечно,—писалъ Самойловичъ въ своемъ доношеніи медицинской коллегіи, что я, сему происшествію не повѣря, велѣлъ ее, т.-е. больную, оставить у себя, дабы достовѣрно узнать истину; а потомъ послѣ полудня въ шесть часовъ 17-го іюля 1783 года далъ ей пріемъ въ полтора унца главберовой соли, разведенной въ водѣ, и до утра не велѣлъ ей ничего ѣсть. Она чувствовала во всю ночь тоску, сильное давленіе и сосаніе въ желудкѣ и томилась безсонницею; а 18-го числа по утру, въ восемь часовъ, далъ ей принять порошку изъ корня ипекакуана и тартари эметици составленному. По пріемѣ онаго спустя не больше осьми минутъ сдѣлалась отрыжка, тоскливость, и больная, находясь въ такомъ изнеможеніи, чувствовала, какъ будто бы нѣчто ее задушиваетъ, въ гортани же ощущала тяжелое и сильное препятствіе къ глотанію и сильнымъ понужденіемъ на рвоту изблевала лягушку вѣсомъ болѣе двухъ унцовъ, живую и ползающую, темно-сѣраго цвѣту, сходственную съ обыкновенною лягушкою къ удивленію всѣхъ при ней бывшихъ. Лягушка сія и понынѣ хранится у меня въ спирту. Затѣмъ 19-го іюля вышло два зародыша маленькихъ лягушекъ мертвые...»

Все это видѣли и самъ докторъ и вышеуказанные свидѣтели. Положимъ, піявки, лягушки, различные черви находились у людей не только въ XVIII вѣкѣ. 21-го іюля 1822 года въ парижской больницѣ была сдѣлана весьма важная операція одному крестьянину, который увѣрялъ, что онъ проглотилъ за обѣдомъ по неосторожности червяка. «Сіе животное,—читаемъ мы,—не только поселилось въ нижней части его желудка, но и безпрестанно разрасталось и причиняло ему жестокую боль. Всѣ средства, употребленныя врачами для изгнанія онаго, были безуспѣшны. Наконецъ хирургъ г. Ришерань сдѣлалъ ему операцію въ лѣвомъ боку. Животное тотчасъ выставило свою голову и вскорѣ опять спрятало оную. Операторъ однакожъ нашелъ способъ схватить его и вытащить изъ тѣла. Это была змѣя (s. Coluber) длиною въ $2^1/_2$ фута, а толщиною въ полтора дюйма. Крестьянинъ вскорѣ послѣ сего выздоровѣлъ. Змѣя, по извлеченіи изъ тѣла, была жива шестьдесятъ часовъ» [1]).

Понятно, что и отъ многихъ болѣзней люди излечивались совсѣмъ особымъ образомъ. Особенно интересенъ случай излеченія

[1]) Тамъ же, 1822 года, отъ 21-го іюля.

отъ падучей болѣзни. Произошелъ этотъ случай въ Парижѣ, и петербургскимъ читателямъ о немъ повѣдала петербургская газета слѣдующимъ образомъ [1]): «Недавно здѣсь на улицѣ схватила нѣкоего человѣка падучая, отъ чего онъ упалъ на землю. Видя сіе, другой, которому случилось тогда итти мимо съ своею собакою, подбѣжалъ къ нему на помощь и въ то самое время, какъ онъ, подпимая ему голову, старался его поправить, собака вскочила недужному на голову, но вдругъ, отскочивъ на нѣсколько шаговъ отъ того мѣста, упала какъ бы молніею пораженная и черезъ три четверти часа послѣ того околѣла. Напротивъ того, пораженный падучею болѣзнею всталъ совершенно здоровъ». Этотъ случай комментировался слѣдующимъ образомъ: «Сіе приключеніе, которое достовѣрными свидѣтелями подтверждается, можетъ подать случай къ важнымъ испытаніямъ, дабы узнать, отъ прикосновенія ли къ пораженному падучею болѣзнью человѣку получила собака оную болѣзнь, отъ которой умерла, или одержимый сею болѣзнью человѣкъ чрезъ такое сообщеніе своей болѣзни собакѣ почувствовалъ облегченіе? и можно ли чрезъ повтореніе такихъ испытаній дойти до того, чтобы хотя не совсѣмъ излечить ужасную сію болѣзнь, а по крайней мѣрѣ облегчить оную...»

Вопросъ такъ и остался вопросомъ,—кажется, опытомъ излеченія падучей болѣзни прикладываніемъ къ головѣ больного собакъ никто не занимался. Но не только отъ падучей искали такихъ необычайныхъ способовъ леченія—извѣстный петербургскій врачъ XVIII вѣка Бахерахтъ примѣнилъ и къ зубной болѣзни нѣчто совершенно особенное—онъ сталъ лечить зубы помощью магнита. Предоставимъ слова самому творцу этого оригинальнаго способа леченія [2]):

«Магнитную силу отъ зубной болѣзни нашелъ я чрезъ многіе опыты столь надежною, что мнѣ объ оной не осталось уже никакого сомнѣнія. Сіе средство показалось мнѣ сперва весьма слабымъ, потому что я дѣйствія онаго понять не могъ; чего ради не намѣренъ я былъ чинить онымъ и опытовъ; однакожъ къ тому почти былъ принужденъ, будучи позванъ къ нѣкоторой женщинѣ, одержимой жестокою зубною болѣзнью. У ней гнилъ попорченный зубъ; ничто муки ея не облегчало и я не зналъ ей дать другого совѣта, какъ чтобъ она тотъ зубъ велѣла у себя вырвать; токмо упомянутая женщина, несмотря на жестокость болѣзни, на то не склонялась. Я взялъ наконецъ здѣланной искусствомъ магнитъ и оной, приложа къ больному ея зубу, держалъ нѣсколько минутъ; послѣ чего къ крайнему моему удивленію боль ея менѣе нежели въ полчаса миновалась. Сей опытъ чинилъ я и надъ другими людьми и на-

[1]) Тамъ же, 1775 г. августа 21-го, № 67.
[2]) Тамъ же, 1765 г. отъ 27-го мая, № 42.

шелъ, что во всѣхъ родахъ зубной болѣзни магнитъ совершенное имѣетъ дѣйствіе».

Какъ видимъ, Бахерахтъ указываетъ, что онъ нашелъ способъ леченія зубной боли магнитомъ совершенно случайно, даже болѣе того, онъ не хотѣлъ и пробовать этотъ способъ леченія, такъ какъ «дѣйствія онаго понять не могъ»—но обстоятельства заставили его примѣнить магнитъ, и результаты получились блестящіе. Но, достигнувъ такихъ результатовъ и принимая во вниманіе, что, во-первыхъ, «не всякій можетъ примѣнять сіе средство», а, во-вторыхъ, «что весьма многіе страждутъ оною болѣзнію», Бахерахтъ открылъ у себя пріемъ безплатнаго леченія зубной болѣзни магнитомъ. Для этого больные должны были приходить къ нему на квартиру, по утрамъ въ восьмомъ часу.

Бахератъ при этомъ указывалъ, что сперва «больные чувствовали при томъ небольшую боль, послѣ великій холодъ и стукъ въ зубѣ, а, наконецъ, зубъ совсѣмъ онѣмѣлъ и боль вдругъ прекращалась. По сіе время я ни одного еще не видалъ больного,—добавлялъ въ заключеніе Бахерахтъ,—у котораго бы послѣ того зубъ опять заболѣлъ».

Почти одновременно съ Бахератомъ дѣйствовалъ императорскаго московскаго университета лаборантъ Іоганъ-Адольфъ Андрей [1]). Правда, этотъ лаборантъ жилъ въ Москвѣ, но онъ помѣщалъ о себѣ извѣстія въ петербургскихъ газетахъ, и, по всей вѣроятности, нѣкоторые «страждущіе зубною болью петербуржцы» рисковали поѣздкою въ Москву. Этотъ г. Андрей лечилъ «всѣ зубныя болѣзни посредствомъ симпатіи, не вытаскивая зубовъ». «Кому сіе невѣроятнымъ кажется,—добавлялъ лаборантъ московскаго университета,—тотъ можетъ на самомъ дѣлѣ испытать у него, а онъ живетъ въ собственномъ своемъ домѣ, стоящемъ въ Благовѣщенской, что на Берешкахъ».

Почти черезъ сто лѣтъ «магнитъ Бахерахта» и «симпатія лаборанта Андрея» замѣнились въ Петербургѣ «способомъ порутчика Бородина» [2]).

Когда врачебная управа требовала у Бородина докторскій дипломъ, то отставной поручикъ показывалъ на богатѣйшій перстень, который блестѣлъ у него на рукѣ—перстень былъ подарокъ великаго князя, супругу котораго Бородинъ вылечилъ отъ зубной боли. И врачебная управа примирялась съ такою аргументаціею, а отставной поручикъ продолжалъ свое леченіе.

Паціентовъ у него было видимо-невидимо, бралъ онъ за леченіе громадныя деньги и наносилъ большой ущербъ практикѣ дантистовъ того времени, такъ что одинъ изъ нихъ, знаменитый дан-

---

[1]) «Русскій Архивъ» 1907 г., № 6, стр. 287 и слѣд.

[2]) Тамъ же, 1775 г. отъ 6-го января, № 2.

тистъ 50-хъ—60-хъ годовъ прошлаго столѣтія Вангенгеймъ предложилъ Бородину двадцать пять тысячъ рублей, чтобы онъ прекратилъ свою практику. Поручикъ Бородинъ только разсмѣялся въ отвѣтъ на такое предложеніе, указавъ, что онъ зарабатываетъ въ мѣсяцъ не менѣе семи тысячъ рублей.

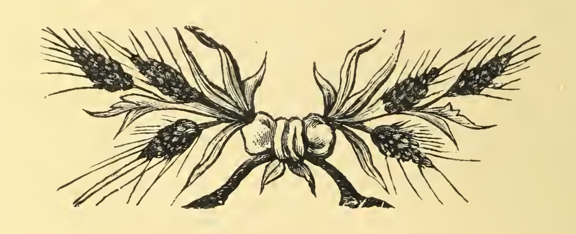
Вотъ какъ одинъ изъ паціентовъ Бородина описываетъ способъ леченія: «велѣлъ мнѣ раздѣться и лечь въ постель, затѣмъ поданъ былъ кипящій самоваръ, жаровня съ угольемъ и порожняя кадушка. Кадушкой этой онъ накрылъ жаровню, насыпавъ на нее предварительно какого-то порошку, издававшаго неимовѣрно противную угарную вонь, и, накрывъ меня съ головою ватнымъ одѣяломъ, велѣлъ дышать надъ кадушкой, наполненной дымомъ и кипящей водой. Я полагалъ, что задохнусь на смерть, и черезъ полчаса меня раскрыли...»

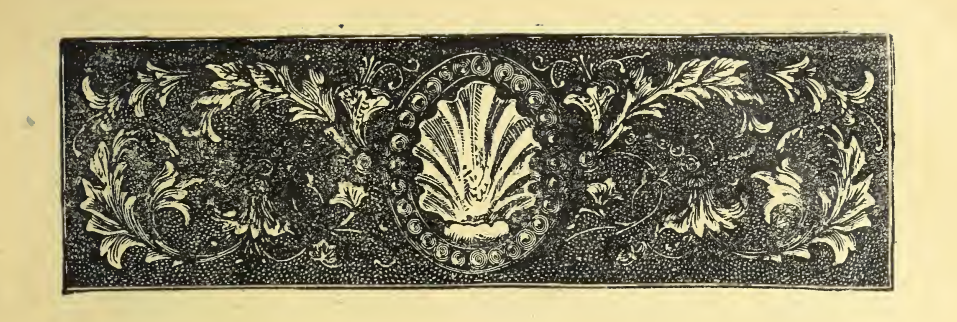
Неизмѣнно послѣ леченія Бородинъ разсматривалъ воду въ кадушкѣ и прибавлялъ:

«Ая вотъ посмотримъ, сколько червячковъ вышло изъ больног зуба».

Поручикъ Бородинъ всего находилъ чуть ли не десятки червячковъ, а большинство его паціентовъ уходили отъ него безъ зубнойо боли...

П. Столпянскій.

ПАМЯТИ КНЯЗЯ А. А. ПРОЗОРОВСКАГО-ГОЛИЦЫНА.

ЧЕТВЕРТАГО іюля, годъ назадъ, въ своемъ имѣніи при селѣ Раменскомъ скончался послѣдній представитель рода князей Прозоровскихъ, шталмейстеръ высочайшаго двора князь Александръ Александровичъ Прозоровскій-Голицынъ. Окончивъ въ 1880 году петроградскій университетъ по естественному отдѣленію, князь большею частью проживалъ въ своемъ саратовскомъ имѣніи Зубриловкѣ, Балашовскаго уѣзда. Здѣсь покойный принималъ самое горячее участіе въ распространеніи просвѣщенія среди крестьянскаго населенія. Благодаря его трудамъ и широкой матеріальной поддержкѣ, въ уѣздѣ были сооружены двѣ школы (одна изъ нихъ двухклассная министерская), переданныя впослѣдствіи земству. Независимо отъ сего, княземъ было сдѣлано предложеніе министерству земледѣлія соорудить сельскохозяйственный институтъ въ Зубриловкѣ, при чемъ имъ жертвовалась для этой цѣли вся усадьба, дворецъ и необходимое количество земли. По неизвѣстнымъ соображеніямъ, министръ отклонилъ это предложеніе князя. Во время своего пребыванія въ Зубриловкѣ князь А. А. Прозоровскій-Голицынъ былъ избранъ въ 1881 году почетнымъ мировымъ судьей по Балашовскому уѣзду, при чемъ во все время исполнялъ обязанности предсѣдателя мирового съѣзда.

Въ слѣдующемъ году князь былъ избранъ въ уѣздные предводители дворянства по тому же уѣзду. Широкая благотворительность

Князь А. А. Прозоровскій-Голицынъ.

и гуманное отношеніе князя ко всѣмъ, обращавшимъ къ нему за поддержкой, сдѣлали его однимъ изъ популярнѣйшихъ дѣятелей Балашовскаго уѣзда.

Съ девятидесятыхъ годовъ князь Прозоровскій-Голицынъ больше проживалъ въ другомъ своемъ имѣніи при селѣ Раменскомъ, Бронницкаго уѣзда Московской губерніи. И здѣсь князь проводилъ все время въ неустанномъ трудѣ по распространенію тѣхъ же широко-просвѣтительныхъ цѣлей. Исключительно на его средства было

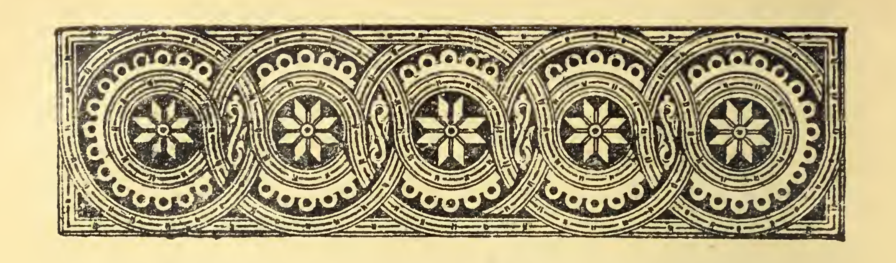
сооружено въ указанномъ уѣздѣ шесть начальныхъ школъ, переданныхъ въ распоряженіе бронницкаго земства. Благодаря его поддержкѣ и личному участію, было открыто въ селѣ Раменскомъ двухклассное церковно-приходское училище съ ремесленными классами.

Впослѣдствіи князь пожертвовалъ землю и на собственныя средства соорудилъ въ этомъ же селѣ женскую восьмиклассную гимназію, получившую, благодаря его хлопотамъ, полныя права правительственныхъ гимназій. Въ цѣляхъ распространенія среди крестьянъ высшаго начальнаго образованія княземъ было пожертвовано подъ школу такого типа двѣ съ половиною десятины земли, благодаря чему въ селѣ Раменскомъ и было выстроено высшее начальное училище.

Принималъ покойный князь участіе и въ жизни бронницкаго земства, въ которомъ въ теченіе тридцати лѣтъ былъ избираемъ въ уѣздные гласные и переизбираемъ въ гласные московскаго губернскаго земства.

Дѣятельность князя А. А. Прозоровскаго-Голицына, направленная въ сторону самаго широкаго распространенія среди населенія просвѣщенія, сердечное отношеніе къ крестьянамъ и постоянная забота о ихъ благосостояніи, его исключительно мягкое отношеніе къ обращающимся къ нему—дѣлали покойнаго князя центральнымъ лицомъ во всемъ уѣздѣ, и имя его пользуется заслуженнымъ уваженіемъ всего населенія. Хочется пожелать, чтобы въ пору нашей грозной дѣйствительности появилось еще много такихъ же искреннихъ поборниковъ свѣта, какимъ былъ покойный князь А. А. Прозоровскій-Голицынъ.

„ДРУГЪ РОССІИ".

(Очеркъ).

Въ ЧИСЛѢ «безкровныхъ жертвъ войны», людей, которые въ походахъ и сраженіяхъ не участвовали, но, тѣмъ не менѣе, «убиты» великою войною, сгорѣли въ огнѣ грандіозныхъ событій,—находится одинъ изъ «князей церкви», кардиналъ Альярди, скончавшійся въ концѣ марта мѣсяца 1915 года.

Надо сказать правду: среди высшихъ сановниковъ римской церкви, среди тѣхъ, кто «дѣлаетъ» ватиканскую политику,—нашихъ, русскихъ доброжелателей очень мало, вѣрнѣе сказать, почти и вовсе нѣтъ. Людей же, которые не скрываютъ своихъ враждебныхъ по отношенію къ Россіи чувствъ,—столько, что ихъ и не перечтешь...

Поэтому о каждомъ рѣшительно кардиналѣ, который относится къ Россіи не только дружественно, но хотя бы просто терпимо, уже приходится говорить, какъ о «другѣ Россіи».

Покойный кардиналъ Альярди, человѣкъ, который въ жизни Ватикана періодами игралъ огромную роль и на двухъ конклавахъ являлся однимъ изъ популярнѣйшихъ «papabile», то есть кандидатовъ въ папы, являлся именно рѣдчайшимъ исключеніемъ изъ общаго правила: онъ былъ человѣкомъ, по-своему расположеннымъ къ Россіи, и не скрывалъ этого въ Ватиканѣ,—быть можетъ, по духу противорѣчія, какъ говорится, «въ пику» завладѣвшимъ Ватиканомъ группамъ изувѣрныхъ кардиналовъ испанцевъ и злѣйшихъ ненавистниковъ Россіи кардиналовъ австрійско-баварскаго толка.

Настоящій коротенькій и лишенный всякихъ претензій очеркъ, «письмо изъ Рима», мнѣ и хочется посвятить именно памяти этой оригинальнѣйшей личности.

Мнѣ, въ качествѣ русскаго журналиста, нѣсколько разъ приходилось сталкиваться съ покойнымъ кардиналомъ и бесѣдовать съ нимъ по разнымъ вопросамъ, касающимся Россіи. При первомъ же знакомствѣ, относящемся къ 1908 году, кардиналъ Альярди заговорилъ со мною о своей поѣздкѣ въ Россію въ качествѣ папскаго нунція для присутствованія на коронаціи Государя Императора Николая Александровича.

Старикъ, и уже достаточно глубокій старикъ, кардиналъ Альярди, говоря о своихъ «русскихъ впечатлѣніяхъ», какъ говорится, «разошелся». Въ его памяти засѣла прочно пышность коронаціонныхъ торжествъ, блескъ императорскаго двора и оригинальность строя русской жизни. Въ частности, отъ Москвы онъ былъ въ восторгѣ и въ разговорѣ не разъ возвращался къ этой темѣ, твердя оживленно:

— Какая красота эта ваша Москва! Какіе храмы! И какъ религіозенъ вашъ народъ!

Но тутъ же не удержался и совершилъ маленькую экскурсію въ ту сторону, куда непремѣнно попадаетъ любой современный итальянецъ, свои свѣдѣнія о Россіи черпающій изъ весьма сомнительныхъ французскихъ источниковъ.

— Я думалъ,—признавался онъ,—что въ Россіи уже всѣ классы населенія подверглись развращающему вліянію этихъ вашихъ революціонеровъ, которые называются «нигилистами», и что религія въ Россіи умерла,—осталась одна декорація. Но когда я увидѣлъ ваши храмы, переполненные несмѣтными толпами молящихся,—я понялъ, какъ сильна въ народныхъ массахъ искренняя вѣра, способная дѣлать чудеса!

Впечатлѣнія отъ оказаннаго кардиналу Альярди въ Россіи пріема, были, по всѣмъ признакамъ, очень сильными.

— Къ сожалѣнію,—говорилъ онъ,—моя поѣздка имѣла чисто офиціальный характеръ, имѣла строго опредѣленную цѣль. Время моего пребыванія въ Россіи было крайне ограниченнымъ: все разсчитано чуть ли не по часамъ. Я былъ связанъ по рукамъ и ногамъ строжайшими инструкціями, данными мнѣ при отправленіи. Вѣдь его святѣйшество Левъ XIII былъ человѣкомъ исключительно властнымъ и въ дѣлахъ внѣшней политики считалъ себя виртуозомъ.

Слабая лукавая улыбка фіолетовыхъ губъ, мгновенная искорка въ юношески-живыхъ глазахъ кардинала. Какая-то странная нотка въ голосѣ. Какъ будто капелька ироніи по отношеніи къ «виртуозу» внѣшней политики папства, давно уже спящему въ своей пышной гробницѣ папѣ Льву XIII...

Изъ своей русской поѣздки кардиналъ Альярди, кромѣ впечатлѣній, вывезъ богатѣйшіе дары двора, знаки отличія, которыми очень дорожилъ, и... и коллекцію русскихъ иконъ въ богатѣйшихъ ризахъ.

По поводу этой коллекціи онъ признавался мнѣ, опять-таки съ оттѣнкомъ ироніи, что коллегія римскихъ кардиналовъ была шокирована, и нѣкоторые кардиналы, кажется, даже наушничали, развивая тему:

— Не приличествуетъ-де одному изъ высшихъ сановниковъ римской единоспасающей церкви обзаводиться иконами издѣлія «схизматиковъ».

И тутъ же ужъ совсѣмъ лукавый блескъ живыхъ глазъ и заявленіе:

— Но я имъ отпѣлъ хорошо! Будутъ помнить!

Надо замѣтить, что кардиналъ Альярди, въ мірѣ—графъ Альярди, изъ очень стараго и буйнаго аристократическаго рода, дававшаго въ прошломъ и прелатовъ, и кондотьеровъ, былъ чистокровнымъ римляниномъ по психологіи, то есть человѣкомъ вспыльчивымъ и рѣзкимъ на языкъ. У него до глубокой старости и до высокихъ постовъ сохранился боевой темпераментъ и способность рѣшительно ни передъ чѣмъ не останавливаться. Въ памяти римлянъ сохранился характернѣйшій эпизодъ: однажды кардиналъ Альярди отправлялъ въ одной изъ главнѣйшихъ церквей Рима мессу въ сослуженіи съ другими кардиналами. Храмъ былъ переполненъ молящимися: весь цвѣтъ римской аристократіи присутствовалъ на церковномъ торжествѣ.

Одинъ изъ участвовавшихъ въ мессѣ кардиналовъ чѣмъ-то навлекъ на себѣ недовольство Альярди, и тотъ, во время служенія, сталъ бросать на кардинала гнѣвные взоры. Кардиналъ смутился и что-то напуталъ. И тогда Альярди на всю церковь пустилъ ему словечко:

— L'Asino! (оселъ).

Инцидентъ былъ доведенъ до свѣдѣнія папы. При слѣдующей аудіенціи папа сталъ выговаривать Альярди. И воинственный потомокъ кондотьеровъ отвѣтилъ самому папѣ:

— Ну, да! Грѣхъ мой! Обозвалъ-таки этого... человѣка... осломъ! Ошибся, ошибся! Его надо было обозвать не осломъ, а... бараномъ! Mea culpa, mea maxima culpa!

Бесѣдуя со мною, кардиналъ неизмѣнно возвращался къ очень интересовавшей его темѣ—о сближеніи церквей западной и восточной. Здѣсь не мѣсто и не время распространяться на эту тему огромнаго значенія, но позволяю себѣ вкратцѣ изложить любопытные тезисы кардинала Альярди. Кажется, эти тезисы являются въ Ватиканѣ общепринятыми, по крайней мѣрѣ они выставляются вліятельнѣйшими группами кардиналовъ и раздѣлялись покойнымъ папою Піемъ X.

— Ваши теологи,—заявлялъ кардиналъ Альярди,—смотрятъ на католицизмъ односторонне, узко. Они въ католицизмѣ видятъ только одинъ его, правда, очень существенный элементъ: латинство. На самомъ же дѣлѣ, это только входящій элементъ. Церковь святого Петра объемлетъ собою и латинство, и другіе элементы. Католицизмъ—онъ универсаленъ. Въ немъ найдется мѣсто не для одного элемента, а для многихъ, для всѣхъ.

По духу и по традиціямъ ваше православіе является, несомнѣнно, самымъ близкимъ къ ортодоксальному католицизму исповѣданіемъ. Непроходимой пропасти между нами и вами нѣтъ. Есть расхожденія, но они по существу являются расхожденіями бытового и политическаго характера, а не касаются святаго святыхъ религіи. Словомъ,—католицизмъ и православіе могутъ примириться. И рано или поздно должны примириться.

Любопытна политическая сторона того же тезиса кардинала Альярди по вопросу о возможномъ сближеніи и примиреніи католицизма и православія. Самъ Альярди являлся по убѣжденіямъ монархистомъ чистѣйшей воды. Въ этомъ-то и лежитъ, надо полагать, объясненіе слѣдующимъ его словамъ:

— Католицизмъ вообще, папство въ частности—являются силою консервативною, но въ лучшемъ, гуманномъ смыслѣ этого слова. Поэтому католицизмъ является вѣрнѣйшею опорою всякой монархической идеи въ ея борьбѣ съ революціонными теченіями, всегда включающими въ себя идеи атеистическія и идеи анархическія. Поэтому-то папа римскій могъ бы, при извѣстныхъ условіяхъ, явиться самымъ вѣрнымъ союзникомъ русской монархіи.

Выше я сказалъ, что покойный «другъ Россіи» дважды являлся весьма сильнымъ кандидатомъ на постъ папы. Послѣ смерти Льва XIII избраніе Альярди въ папы считалось почти обезпеченнымъ. Единственными его серьезными противниками являлись знаменитый Рамполла и истый римлянинъ кардиналъ Готти. Кандидатура Рамполлы была погублена пресловутымъ «veto», наложеннымъ на избраніе австрійскимъ императоромъ, представитель котораго, кардиналъ Пузына, предъявилъ при открытіи конклава соотвѣтствующее письмо Франца-Іосифа. Противъ кандидатуры Альярди всѣми силами выступили іезуиты. Въ страстной борьбѣ, завязавшейся изъ-за различныхъ кандидатовъ, мало-по-малу силы опредѣлились такимъ образомъ, что избраніе какого-либо «большого человѣка» сдѣлалось немыслимымъ. Надо было примириться съ выборомъ человѣка, который считался бы безличнымъ и потому безразличнымъ. Таковой и былъ подставленъ іезуитами въ лицѣ монсиньора Джузеппе Сарто, патріарха Венеціи. Онъ и прошелъ въ папы.

По смерти Джузеппе Сарто, то есть Пія X,—на конклавѣ 1914 года кандидатура Альярди выплывала снова. Но самъ Альярди чувствовалъ себя утомленнымъ, повидимому, предчувствовалъ близость смерти и не старался завербовать себѣ сторонниковъ. Говорятъ, до конклава кардиналъ Альярди говорилъ о своихъ непримиримыхъ противникахъ, кардиналахъ австрійско-баварской группы:

— Эти скорѣе загрызутъ меня на смерть, чѣмъ пропустятъ въ папы...

Но почему же кандидатура Альярди встрѣчала такую страстную оппозицію?

Причинъ этому—много. Одною изъ главныхъ является неукротимый характеръ Альярди. Въ тѣхъ кругахъ, отъ которыхъ главнымъ образомъ зависитъ избраніе въ папы, давнымъ-давно примѣняется принципъ:

— Und der Kaiser absolut, wenn er unser Willen thut.

Папы типа Григорія VII Гильдебранда—они теперь не нужны католической церкви: опасный народъ!

А затѣмъ у Альярди было не мало противниковъ изъ-за его такъ называемаго «модернизма»: онъ полагалъ, что въ интересахъ самого папства—ликвидировать «старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою», о правахъ на Римъ, отказаться отъ мечты о возстановленіи свѣтскаго государства съ папами-монархами во главѣ, примириться съ тѣмъ, что Италія объединилась и ея сердцемъ сталъ не папскій, а королевскій Римъ.

Въ частности Альярди ставились въ упрекъ и его симпатіи по отношенію къ Россіи. Вѣдь, съ точки зрѣнія ватиканской камарильи, всякая вообще симпатія къ Россіи является ересью и... нигилизмомъ.

Не мнѣ судить, насколько симпатіи кардинала Альярди къ Россіи могли имѣть политическое значеніе. Въ одной изъ бесѣдъ со мною, относящейся, сколько помню, къ веснѣ 1911 года, кардиналъ Альярди, правда, очень осторожно и дипломатично затронулъ этотъ вопросъ. Но только въ общихъ, весьма неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Говорилъ онъ главнымъ образомъ о томъ, что Ватиканъ взволнованъ и недоволенъ тѣмъ толкованіемъ, какое дается русскою администраціею подъ вліяніемъ правыхъ круговъ указу о вѣротерпимости.

— Это надо, непремѣнно надо уладить!—твердилъ онъ.—Его святѣйшество очень, очень огорченъ стѣсненіями, примѣняемыми по отношенію къ уніатамъ, желающимъ вернуться въ католичество!

И какъ бы вскользь замѣчаніе:

— Съ одной стороны—надо уладить это, а съ другой—необходимо пересмотрѣть ватиканско-польскія отношенія. Тамъ тоже накопилось не мало отжившаго. Ремонтъ нуженъ! Старые счеты

пора въ архивъ сдать. А то изъ-за «историческихъ» ссоръ страдаетъ огромное живое дѣло.

Изъ русскихъ вопросовъ кардиналъ Альярди очень интересовался вопросомъ, связаннымъ съ маріавитствомъ. Это оригинальное движеніе среди поляковъ-католиковъ было для Альярди тѣмъ, что по-итальянски называется «la bestia nera».

Покровительство, оказываемое маріавитамъ русскими правящими сферами, казалось кардиналу глубокою ошибкою. Въ своемъ осужденіи всего маріавитскаго движенія онъ доходилъ до крайностей.

— Кто такіе маріавиты?—говорилъ онъ запальчиво, дѣлая размашистые жесты.—Три истерическія бабы да два спятившихъ ксенза, да ошалѣвшее стадо...

Почему маріавиты существуютъ? Потому что имъ даютъ деньги. Но это—какъ швейцарскіе ландскнехты старыхъ временъ:

— Деньги есть—швейцарцы есть. Денегъ нѣтъ—швейцарцевъ нѣтъ!

Зимою 1914—1915 года престарѣлый кардиналъ Альярди сталъ явно недомогать. Великія и грозныя событія волновали его, и онъ, какъ говорится, «горѣлъ».

Этому «горѣнью» способствовали слѣдующія обстоятельства: сторонникъ сближенія папства съ Франціею, Альярди откровенно ненавидѣлъ нѣмцевъ. А Ватиканъ и при Бенедиктѣ XV, увы, слишкомъ явно гнулъ въ сторону Германіи, чего Альярди новому папѣ простить не могъ.

Мнѣ пришлось встрѣтиться съ «другомъ Россіи» въ одинъ изъ тѣхъ періодовъ, когда, казалось, близится моментъ разгрома нѣмцевъ на восточномъ театрѣ войны.

Кардиналъ, узнавши меня, оживился и, наклонившись ко мнѣ, сверкая глазами, шепотомъ освѣдомился:

— Ну, что? Бьете вы, русскіе, тедесковъ? Браво, браво, сыночекъ! Бейте, бейте ихъ! За Лувенъ бейте! За Реймсъ бейте!

А въ концѣ марта по «Вѣчному городу» разнеслась вѣсть:

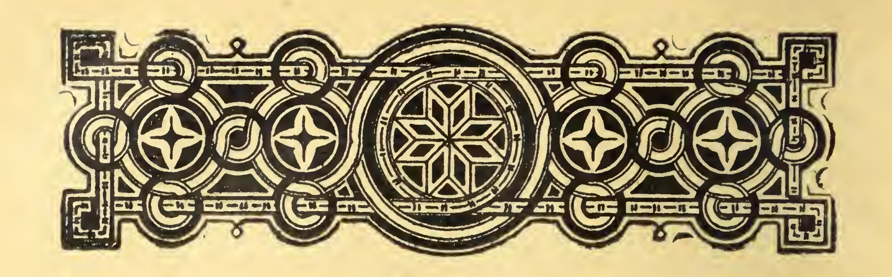
— Кардиналъ Альярди умеръ.

И, услышавъ эту вѣсть, я подумалъ:

— У счастливаго—недруги мрутъ. У несчастнаго—другъ умираетъ...

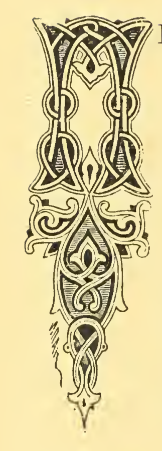
У Россіи, вообще говоря, въ великомъ католическомъ мірѣ друзей очень мало. Однимъ изъ нихъ и былъ покойный «дважды кандидатъ въ папы» кардиналъ Альярди. Миръ же праху его!

М. Первухинъ.

ИЗЪ ВЕТЛУЖСКИХЪ ВПЕЧАТЛѢНІЙ.

I.

РИВЕТЛУЖЬЕ до сихъ поръ сохраняетъ своеобразную прелесть старорусскаго захолустья, туго поддающагося всякимъ «новымъ вѣяніямъ». Этотъ край заселенъ русскимъ племенемъ съ незапамятныхъ временъ. Инородцевъ давно уже здѣсь нѣтъ, и объ нихъ напоминаютъ только немногія инородческія названія рѣкъ, урочищъ, селеній.

Заселялся этотъ лѣсной край, какъ и все верховое Заволжье, вольной колонизаціей. Въ здѣшніе вѣковые лѣса укрывались всѣ, искавшіе воли и свободы отъ тяжелой жизни въ московской Руси. Бѣжали сюда крестьяне, холопы, казаки, стрѣльцы и другіе служилые и жилецкіе люди. Въ дремучихъ лѣсахъ по рѣкамъ Упжѣ, Керженцу, Ветлугѣ селились бѣглецы, устраиваясь по-своему и долгіе годы не зная «государевыхъ» властей.

Съ конца XVII вѣка къ этимъ вольнымъ насельникамъ Приветлужья потянулась масса старовѣровъ, уходившихъ отъ преслѣдованій господствующей церкви. Они основали много поселковъ и иноческихъ скитовъ, сдѣлавшихся значительными центрами «старой вѣры». Скиты были уничтожены правительствомъ въ половинѣ прошлаго вѣка, но старообрядчество оттого не ослабѣло, даже напротивъ. Какъ раньше оно давало тонъ всему Приветлужью, такъ и доселѣ традиціи старой вѣры живучи даже среди «православнаго» населенія края.

Приверженность православныхъ ветлужанъ ко всякаго рода «старинкѣ» проглядываетъ на каждомъ шагу—въ обрядахъ, обычаяхъ, костюмахъ и проч., какъ и во многихъ воззрѣніяхъ народа. Такъ, большинство крестьянъ употребляютъ и дома, и въ церкви, и вездѣ не православное троеперстное крестное знаменіе, а старообрядческое двуперстіе. Духовенство тактично поступаетъ, не придираясь къ этому пережитку старины, какъ и къ другимъ проявленіямъ ея, напримѣръ, къ строго установленному старообрядческому порядку, чтобы въ церкви женщины стояли отдѣльно отъ мужчинъ, налѣво отъ входа.

Ветлужанки доселѣ носятъ красивые старинные сарафаны, отрицательно относясь къ безвкуснымъ «городскимъ» платьямъ, надѣваютъ головные платки на старообрядческій манеръ—«въ роспускъ», предпочитаютъ въ одеждѣ темные цвѣта и проч. Мужчины больше придерживаются длиннополыхъ кафтановъ, и рѣдкіе носятъ «спинжаки», въ которыхъ, видимо, чувствуютъ себя неловко.

Рѣдкіе изъ мужчинъ курятъ (нюхающихъ больше), хотя къ куренью относятся снисходительно, чего нельзя сказать о женщинахъ, особенно пожилыхъ, неодобрительно отзывающихся о курильщикахъ: «набаловались-де на сторонѣ»... Многія женщины не пьютъ чаю, скрывая мотивы отказа, но, очевидно, придерживаясь старообрядческаго взгляда на эту «отчаянную траву», которая-де «отъ Бога отчаеваетъ», какъ «кофій строитъ ковъ на Христа»... Рѣдко кто изъ ветлужанъ употребляетъ такую «нечисть», какъ зайцы, раки, дичь, ссылаясь на примѣръ «отцовъ-дѣдовъ». Нѣкоторыя женщины, даже не старыя, совсѣмъ не ѣдятъ «убоинки» (всякаго мяса).

До сихъ поръ нѣкоторые ветлужане избѣгаютъ ѣздить на пароходахъ, считая ихъ «чортовыми машинами», съ которыми грѣхъ связываться... Спрашиваю одного старика изъ деревни Прудовки (Варнавинскаго уѣзда):

— Бывали вы въ Нижнемъ?

— Въ Бору былъ, Нижній издали поглядѣлъ...

— Что такъ?

— Да такъ... не довелось...—замялся старикъ, скрывая правду.

Человѣкъ дошелъ до села Бора, лежащаго напротивъ Нижняго, но переѣхать Волгу не рѣшился: его смутили «чортовы машины», въ изобиліи бороздящія рѣку, да и переправляться черезъ нее надо на паровомъ паромѣ, а въ лодкѣ страшновато...

Точно такъ же относятся многіе ветлужане къ желѣзнымъ дорогамъ, видя въ нихъ «огненныхъ зміевъ», о появленіи которыхъ много лѣтъ назадъ прорицала-де какая-то мѣстная «пророчица»...

Еще недавно браки православныхъ сопровождались, подобно старообрядческимъ, фиктивнымъ увозомъ невѣсты, т. е. съ согласія ея и родителей продѣлывался обрядъ увоза. Но и теперь еще практи-

куется «выкупъ» невѣсты, цѣна котораго колеблется между пятьюдесятью и полутораста рублями и выше. Выкупъ взимается въ пользу родителей невѣсты во время привоза сундука съ ея приданымъ—платьемъ, бѣльемъ и т. п. (деньги не даются въ приданое). Родня невѣсты привозитъ сундукъ на другой день свадьбы, ставитъ его на дворѣ, усаживается на сундукѣ и ждетъ выкупа, не отдавая безъ него сундука. Не желающіе или не могущіе платить выкупа прибѣгаютъ къ разнымъ уловкамъ, чтобы овладѣть приданымъ. Родня одного молодожена, спрятавшись на сѣновалѣ, подъ которымъ расположились на сундукѣ родные молодой въ ожиданіи выкупа, неожиданно сбросила сѣно на разряженныхъ поѣзжанъ. Тѣ съ перепугу разбѣжались, а противная сторона быстро втащила сундукъ въ избу, отдѣлавшись такимъ образомъ отъ выкупа.

Нерѣдко завязываются родственныя связи между православными и старовѣрами. Смѣшанные браки вѣнчаются въ «великороссійскихъ» церквахъ. Разсказывали про одно вѣнчанье, какъ женихъ-старовѣръ стоялъ въ «никоніанской» церкви блѣдный, дрожа всѣмъ тѣломъ, съ растеряннымъ взглядомъ и пропавшимъ голосомъ... А поѣзжане жениха всю службу хохотали, издѣваясь надъ своимъ товарищемъ, «попавшимъ въ бѣду»...

Старики и старухи, родившіеся въ господствующей церкви и всю жизнь къ ней принадлежавшіе, передъ смертью нерѣдко переходятъ вдругъ въ старую вѣру, говоря: «теперь пришла пора спасаться»... Церковь ихъ не удовлетворяетъ, а нелюбовь къ духовенству, слишкомъ по-чиновничьи относящемуся къ пастырскимъ обязанностямъ облегчаетъ полный разрывъ съ церковью въ рѣшительный моментъ. Наталкиваясь на поповъ-бюрократовъ, ведущихъ нерѣдко безобразную жизнь, колеблющіеся резонно говорятъ: «Какъ къ такому попу итти на исповѣдь?!. лучше снесу свои грѣхи благочестивой старухѣ»... И идутъ «спасаться» передъ смертью къ старообрядческимъ «наставникамъ» и «наставницамъ»...

Всего ярче старообрядческія настроенія православныхъ ветлужанъ сказываются въ томъ піэтетѣ, съ какимъ они относятся къ чисто старообрядческой святынѣ—къ извѣстному озеру Свѣтлояру (въ Макарьевскомъ уѣздѣ Нижегород. губ.). Подобно старовѣрамъ, и православные называютъ озеро «Святымъ» или «Свѣтлымъ», имя же «Яръ» отбрасывается, какъ непонятное теперь народу. Давнымъ-давно уже позабыто, какъ въ незапамятныя времена на берегахъ озера происходили веселыя празднества въ честь старорусскаго бога жизни—«Свѣтлаго Яра, Ярилы».

Все это быльемъ поросло, и уже болѣе двухсотъ лѣтъ озеро Свѣтлояръ привлекаетъ народныя толпы для другихъ цѣлей: веселые Ярилины праздники смѣнились скорбными моленіями старовѣровъ, создавшихъ поэтическое сказаніе «о великомъ градѣ Китежѣ», который былъ «на горахъ» озера, но исчезъ въ стародавнія

времена, продолжая незримо жить «до послѣднихъ временъ», когда снова появится... Но и теперь разъ въ году, именно въ ночь на 23-е іюня (на «Аграфену-Купальницу», за сутки до «Ивана-Купала»), градъ Китежъ можетъ обнаружить свою таинственную жизнь оку и уху самыхъ «избранныхъ сосудовъ» изъ «людей древляго благочестія»... Но, кромѣ послѣднихъ, на собранія у озера 22—24-го іюня издавна направляется и масса православныхъ.

Въ извѣстномъ романѣ Мельникова-Печерскаго «Въ лѣсахъ» даны картины свѣтлоярскихъ сборищъ 1840—50-хъ годовъ [1]), когда озеро было исключительнымъ достояніемъ старовѣровъ. Но въ позднѣйшее время православіе рѣшительно вторглось въ предѣлы Свѣтлояра и дало ему новую окраску: построили православную часовню, завели миссіонерскія пренія и проч. Въ сосѣднемъ селѣ Владимирскомъ (Люнда тожъ) открыли ярмарку въ наиболѣе чтимые дни 22—24-го іюня. Ярмарочные элементы значительно умалили стародавнюю святость и чистоту озера [2]).

Больно все это сердцу старообрядцевъ, не узнающихъ теперь «своего» озера... Но они не въ силахъ совсѣмъ отказаться отъ него и цѣликомъ уступить «никоніанамъ». Старовѣры продолжаютъ собираться здѣсь 22—24-го іюня, но уже не въ прежнемъ подавляющемъ количествѣ, уступая первое мѣсто православнымъ. Вмѣсто этихъ шумныхъ дней старовѣры собираются на Свѣтлоярѣ 29-го іюня и въ другіе праздничные дни.

Что именно тянетъ сюда православныхъ—сами ветлужане не даютъ на это опредѣленнаго отвѣта. Спрашиваю какъ-то прудовянокъ, очень богомольныхъ женщинъ:

— Почему православные собираются на Свѣтлоярѣ?

— Да тамъ часовня... служатъ молебствія, читаютъ акаѳисты... Ну, и ярмарка тоже привлекаетъ...

— А раньше, пока часовни не было, не собирались православные?

— Мы не помнимъ, когда часовня поставлена, а старики сказывали, что они и безъ часовни ходили на Святое озеро...

— Да зачѣмъ же ходили?.. У старовѣровъ есть преданіе о градѣ Китежѣ, когда-то стоявшемъ на озерѣ... Для нихъ это мѣсто святое... А чѣмъ оно свято для васъ?

— Да ужъ такъ... привыкли туда ходить... и отцы-дѣды всегда ходили...

И больше ничего не могъ добиться... Очевидно, въ глубинѣ души православнымъ ветлужанамъ не чужды старообрядческія преданія о «великомъ градѣ Китежѣ» и связанныя съ нимъ вѣрованія и чаянія...

---

[1]) Полн. собр. сочин., изд. Вольфа, т. VI, стр. 15—52.

[2]) Картины современнаго Свѣтлояра см. въ моихъ очеркахъ «На озерѣ Свѣтлоярѣ» («Русское Богатство», 1905, № 6, стр. 131—158), куда не вошли свѣдѣнія настоящей статьи.

Православная старушка, жившая въ богадѣленной избѣ при свѣтлоярской часовнѣ, была откровеннѣе прудовянокъ и съ восторгомъ говорила мнѣ, когда я осматривалъ озеро:

— Много лѣтъ я тута живу, на нашемъ Святомъ озерѣ, и не упомню, сколь много лѣтъ... И никуды-то меня не тянетъ отселева: больно у насъ хорошо!.. Тута и помру... Иные этто побывали и въ старомъ Ерусалимѣ, и на Соловкахъ, и въ Кіевѣ, и въ прочіихъ святыхъ мѣстахъ... А пошто мнѣ туды ходить?! и тута мѣсто больно свято!.. посвятѣй будетъ иныхъ прочіихъ мѣстовъ...

Такой откровенный взглядъ православныхъ на святость озера Свѣтлояра далеко не исключительный и зародился, несомнѣнно, подъ вліяніемъ старообрядческихъ легендъ о Китежѣ. Такимъ образомъ, всѣ усилія православнаго духовенства, направленныя къ умаленію старообрядческаго значенія Свѣтлояра, только сыграли въ руку послѣдняго и посодѣйствовали распространенію его среди православныхъ ветлужанъ...

Рѣдкій православный изъ сосѣднихъ уѣздовъ (Макарьевскаго, Семеновскаго, Варнавинскаго, Ветлужскаго и др.) не побываетъ нѣсколько разъ въ жизни на Свѣтлоярѣ, а многіе обязательно ходятъ туда каждое лѣто. Всѣ волею-неволею прислушиваются къ старообрядческимъ толкамъ объ озерѣ и болѣе или менѣе проникаются ими. Равнодушные раньше къ Свѣтлояру, православные смотрятъ теперь на озеро, какъ на святыню, но святость его понятна только изъ старобрядческихъ легендъ о Китежѣ... И православные идутъ туда такими же массами (въ дни 22—24-го іюня), какъ и старовѣры.

Въ первый разъ мнѣ пришлось быть на Свѣтлоярѣ въ началѣ іюня, въ воскресный день, но и тогда я встрѣтилъ на озерѣ нѣсколько десятковъ богомольцевъ и богомолокъ (послѣднихъ больше), какъ старовѣровъ, такъ и православныхъ. Тѣ и другіе чинно ходили, съ благоговѣніемъ осматривая озеро и «горы» (западный возвышенный берегъ), или сидѣли на зеленыхъ берегахъ, въ тѣни вѣковыхъ дубовъ, мирно бесѣдуя объ озерѣ, или читая вслухъ рукописныя «сказанія о великомъ градѣ Китежѣ». Но больше попадались молчаливыя группы людей, углубленныхъ въ свои думы и не сводившихъ съ Святого озера глазъ, затуманенныхъ слезою... Многіе были съ котомками на плечахъ и съ посошками въ рукахъ, такъ какъ пришли издалека, можетъ быть, за сотни верстъ.

Всѣ толпились по берегамъ озера, а около неуклюжей православной часовни, построенной въ чисто сарайномъ «стилѣ», не было ни души... Къ часовнѣ даже не проторена тропа и взбираться къ ней приходится по очень крутому зеленому скату высокаго холма.

Лѣтъ тридцать назадъ «на горахъ» виднѣлись въ одномъ мѣстѣ слѣды фундаментовъ какой-то большой постройки. Камень частью растащили жители села Владимирскаго, а остальные фундаменты

затянуло землею и лѣсною порослью. Слѣдовало бы археологамъ порыться тутъ, чтобы рѣшить вопросъ о древности фундаментовъ: можетъ быть, это остатки дѣйствительнаго Китежа, нѣкогда разрушеннаго татарами.

Аналогичныя легенды объ исчезнувшихъ городахъ, монастыряхъ, церквахъ пріурочиваются ко многимъ озерамъ Поволжья и Приветлужья. Подобную легенду пришлось слышать о маленькомъ озеркѣ, лежащемъ на лугахъ деревни Асташихи, на правомъ берегу Ветлуги, въ двухъ верстахъ ниже села Благовѣщенскаго. Озеро почти круглой формы и имѣетъ до шестидесяти саженъ въ окружности. Оно очень глубоко, какъ говорятъ асташихинцы: «четыре вожжи связывали и опускали камень, а дна не достали»... Въ озеркѣ не купаются, вслѣдствіе глубины и еще потому, что въ немъ «гулятъ большуща рыбина и пужатъ народъ»...

Объ этомъ-то озеркѣ мѣстные жители говорятъ: «слыхали-де отъ своихъ стариковъ, что тута былъ городъ, который прозывался Монастыремъ, и тотъ-де старинный городъ не вѣсть когда провалился въ озеро»... Не было ли тутъ какого монасыря, исчезновеніе котораго подало поводъ къ возникновенію асташихинской легенды объ исчезнувшемъ «городѣ»?..

III.

Въ послѣднее время въ Приветлужьѣ явился довольно неожиданный, но очень сильный противовѣсъ вліяніямъ сухого, книжнаго, формалистическаго старообрядчества, въ лицѣ чисто раціоналистической секты «немоляковъ», идущихъ много дальше южно-русскаго штундизма.

Немолячество, все болѣе и болѣе распространяющееся въ разныхъ мѣстахъ Россіи, то какъ опредѣленная секта, то въ зародышномъ состояніи протеста противъ формализма господствующей церкви, на Ветлугу занесено изъ Макарьевскаго (Нижегородской губ.) уѣзда, гдѣ центрами его считаются село Шалдежъ и деревня Малиновка. Сюда же оно проникло изъ села Покровскаго Семеновскаго уѣзда. Въ Варнавинскомъ уѣздѣ [1]) ученіе немоляковъ распространилось главнымъ образомъ въ Благовѣщенской и Овсяновской волостяхъ. Отсюда оно перешло въ Заветлужье—въ Воздвиженскую волость (Макарьевскаго уѣзда) и др. Главнымъ центромъ ветлужскихъ немоляковъ считается деревня Шурговашъ Благовѣщенской волости.

Офиціальныя данныя насчитываютъ на Ветлугѣ немоляковъ черезчуръ скромно—всего нѣсколько десятковъ дворовъ. Въ

[1]) Упоминаніе о варнавинскихъ немолякахъ см. въ «Религіозныхъ отщепенцахъ» А. С. Пругавина, II, 22.

дѣйствительности же количество ихъ надо исчислять сотнями, и то, если имѣть въ виду только явныхъ немоляковъ, совсѣмъ порвавшихъ съ православною церковью. А сколько же найдется тайныхъ немоляковъ, скрывающихся «страха ради іудейска»?.. Не нужно также забывать, что немолячество привлекаетъ не однихъ православныхъ, но и старовѣровъ.

Ветлужскіе послѣдователи этой сравнительно новой секты безусловно отвергаютъ не только всѣ таинства и всю обрядовую сторону православной церкви (храмы, иконы, священство и т. д.), но и всякую словесную молитву, допуская одну «умную» (умственную), безъ словъ, поклоновъ и крестнаго знаменія. Словомъ, наружно они не молятся (отсюда и взято названіе секты), а только «вздыхаютъ», размышляя о своихъ грѣхахъ. Священное писаніе немоляки читаютъ и любимою книгою у нихъ является псалтырь. Вообще, они предпочитаютъ книги Ветхаго Завѣта, а Новый Завѣтъ у нихъ на второмъ планѣ, нѣкоторые же немоляки даже совсѣмъ «не признаютъ» послѣднихъ книгъ, какъ и твореній св. отцовъ и вообще богословской литературы христіанскаго періода.

По словамъ православныхъ сосѣдей, немоляки «не вѣруютъ ни въ Христа, ни въ Богородицу, но въ Бога вѣруютъ»... Догматическая сторона ихъ вѣроученія еще не сформировалась (какъ у донскихъ и др. немоляковъ), находясь пока въ первой стадіи развитія. Вообще, они отличаются вѣротерпимостью—«всякую вѣру уважаютъ», нѣкоторые даже имѣютъ иконы въ своихъ домахъ, но не для себя, а «для приходящихъ» православныхъ и старовѣровъ.

Въ началѣ 1900-хъ годовъ въ селѣ Шалдежѣ жила богатая старуха-немолячка, много помогавшая своимъ единовѣрцамъ. Въ ея домѣ было главное мѣсто собранія немоляковъ для чтенія св. писанія и собесѣдованій. Особыхъ наставниковъ у нихъ нѣтъ, и каждый глава семьи является таковымъ для своихъ домочадцевъ, какъ и для стороннихъ добровольныхъ слушателей.

Немоляки не занимаются нарочитой пропагандой своего ученія, а между тѣмъ оно быстро распространяется, всюду находя благодарную почву и усердныхъ адептовъ. Главное условіе несомнѣнныхъ успѣховъ немолячества—отрицательныя явленія въ жизни господствующей церкви и ея духовенства, относящагося къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ то совершенно индифферентно, то чисто бюрократически...

Вмѣсто сердечнаго и проникновеннаго отношенія къ духовной жизни пасомыхъ духовенство интересуется только обрядовой стороной религіи, взимая тутъ приличную мзду. Какъ горячо, напримѣръ, поддерживаетъ оно столь выгодные для него, но вредные для народа безчисленные праздники. Помимо общихъ церковныхъ праздниковъ, каждая деревня на Ветлугѣ имѣетъ свой частный праздникъ, напримѣръ, деревня Прудовка празднуетъ «Ивановъ

день» (24-го іюня), деревня Гришунина — «Тихонову годину» (16-го іюня), другія селенія—«Варнавину годину» (11-го іюня) «Ѳеклинъ день», «Филиппы» (sic), «Нефедову годину» и т. д. И все это празднуется въ самый разгаръ лѣтней страды, когда дорогъ каждый день и часъ...

Эти «праздники» начинаются обѣдней, послѣ которой въ деревню-именинницу направляется крестный ходъ, а затѣмъ наступаетъ главная суть торжества—«пиры», продолжающіеся по три дня и больше, съ наѣздами родныхъ и гостей, коихъ полагается накормить до отвалу и напоить до положенія ризъ... На обѣдню собираются изъ празднующей деревни, если она далека отъ храма, только старухи и дѣти. Обратно тащатъ изъ деревни иконы и хоругви одни ребята, бѣгущіе на рысяхъ, чтобы поскорѣе сдать въ церковь «боговъ» и поспѣшить домой на пиршество. Если такую галопирующую процессію прохватитъ еще дождикъ, получается совсѣмъ комическая картинка...

Тысячи случаевъ, одинъ возмутительнѣе другого, разсказываютъ негодующіе ветлужане о томъ, какъ ихъ «духовные отцы» торгуютъ таинствами и обрядами. Сплошь и рядомъ обнаруживаются такіе факты: одинъ попъ отказывался хоронить привезенную издалека въ жаркій лѣтній день убогую старуху, находя недостаточною платою тѣ семьдесятъ копеекъ, какія могъ предложить нищій мальчикъ, сынъ покойной... Дѣло уладилось только благодаря сердечности и порядочности старика-псаломщика, который «поручился» за мальчика, что онъ доставитъ недостающія по расчету попа восемьдесятъ копеекъ...

Вообще, этотъ попъ всюду на первомъ планѣ и самымъ наглымъ образомъ ставитъ свою корысть. Входя съ крестомъ въ избу, онъ первымъ дѣломъ говоритъ хозяйкѣ: «А деньги приготовила?.. а коровай есть?.. маловатъ твой коровай!».. Потомъ уже начинаетъ попъ молитвословить, торопясь, кое-какъ, размышляя о «коровaѣ» въ слѣдующей избѣ...

А если появится идейный священникъ, всю душу вкладывающій въ дѣло руководительства народомъ, его живо «сократитъ» своя же братія—заурядные попы, не переваривающіе живого укора собственной апатіи, недобросовѣстности, лицемѣрію. Такой идеальный священникъ былъ въ одномъ большомъ торговомъ селѣ на Ветлугѣ. Живой проповѣдникъ, серьезно относившійся къ пастырскимъ обязанностямъ, онъ пользовался громаднымъ авторитетомъ среди населенія, для котораго сдѣлалъ много добра: организовалъ дѣятельное приходское попечительство, хорошую школу, образцовое пчеловодство, обслуживавшее всю округу. Много другихъ добрыхъ плановъ на общую потребу роилось въ его умной головѣ, но его скоро оборвали...

Идейный пастырь не пришелся ко двору его коллегамъ, кото-

рымъ онъ мѣшалъ спать, опускаться, бездѣльничать. И они выжили его изъ села гдѣ онъ пустилъ глубокіе корни, откуда и самъ не хотѣлъ уходить и не отпускали его горячо привязавшіеся къ нему прихожане. И все-таки почтеннаго батюшку перевели въ глухой приходъ гдѣ нельзя развернуться его богатымъ силамъ, рвущимся къ широкой общественной дѣятельности.

Рядовое же духовенство, для котораго этотъ рѣдкій священникъ былъ бѣльмомъ на глазу, предпочитаетъ заниматься чѣмъ угодно, но только не пастырскими обязанностями. Про одного попа разсказывали, что онъ страстный механикъ и хорошій часовщикъ. Другой извѣстенъ «изобрѣтеніями» того, что давнымъ-давно изобрѣтено: онъ соорудилъ деревянный трехколесный велосипедъ и т. п. Третій спеціально хлопочетъ надъ округленіемъ церковныхъ земель и собственныхъ достатковъ. Тотъ занятъ пчеловодствомъ, иной хлѣбной торговлей и т. д. Всѣ они скучаютъ отъ бездѣлья и хватаются за что попало, лишь бы расшевелить свою сонную жизнь, забывая, сколько нашлось бы продуктивной работы на той бѣдной нивѣ, жаждущей свѣта и знанія, которая ввѣрена ихъ недобросовѣстному попеченію...

Нечего уже говорить о некрасивой личной жизни нѣкоторыхъ представителей мѣстнаго духовенства, иногда доходящей до степени громкаго скандала... Мыслимо ли для глубоко вѣрующаго человѣка «нести свои грѣхи» къ попу-скандалисту, пьяницѣ и т. п. Естественно, что охотнѣе обращаются къ старовѣрскому начетчику, начетчицѣ, или превращаются въ немоляковъ, отвергающихъ всякую церковь, со всею ея обрядностію, священствомъ и проч. При индифферентизмѣ и бюрократизмѣ православнаго духовенства немолячество будетъ все болѣе и болѣе распространяться въ народѣ.

IV.

Насколько православное духовенство на Ветлугѣ далеко отъ исполненія своихъ пастырскихъ обязанностей, доказываетъ еще сильное распространеніе среди ветлужанъ всякаго рода суевѣрій. Напримѣръ, трудно повѣрить, что на Ветлугѣ въ XX вѣкѣ занимаются добываніемъ «*живого огня*», какъ лечебнаго средства... Недавно этотъ рѣдкій старинный обрядъ былъ совершенъ въ дер. Карасихѣ Варнавинскаго уѣзда.

«Живой огонь» добывали въ Карасихѣ, чтобы избавиться отъ разразившейся эпидеміи брюшного тифа. Въ назначенный день всѣ огни въ деревнѣ были потушены. Крестьяне собрались у околицы, запасшись двумя брусьями изъ можжевеловаго дерева, самаго пригоднаго въ данномъ случаѣ. Одинъ брусъ былъ укрѣпленъ у столба воротъ, а другимъ брусомъ стали натирать первый. Послѣ долгаго и усерднаго тренія брусья задымились, потомъ вспыхнулъ огонекъ,

его раздули и зажгли отъ него свѣчи. Добытый такимъ путемъ «живой огонь» торжественно разнесли по избамъ Карасихи.

Мужики торжествовали, но недолго... Разумѣется, эпидемія не прекратилась отъ «живого огня». Волею-неволею пришлось обратиться къ санитарной и медицинской помощи, которой удалось справиться съ болѣзнью.

Много тогда досталось «старикамъ» Карасихи, заправлявшимъ совершеніемъ обряда, задуманнаго по ихъ же иниціативѣ. Но старики и тутъ нашлись, увѣряя, что они «маленечко ошиблись: живой огонь пользителенъ-де не противъ людскихъ, а противъ скотскихъ болѣзней»...

Противъ скотскаго падежа доселѣ въ ходу на Ветлугѣ стародавнія «опахиванія» деревень: глубокою ночью собираются дѣвушки въ однѣхъ рубахахъ, съ распущенными волосами, запрягаются въ соху и прокладываютъ борозду вокругъ селенія...

Много всякихъ суевѣрій поддерживается, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, доморощенными «колдунами», величающими, однако, себя уже въ духѣ времени—«дохторами», Два такихъ «дохтора» жили недавно въ дер. Соловьихѣ (подлѣ с. Благовѣщенскаго).

Встрѣчаю раннимъ утромъ на берегу Ветлуги высокаго худощаваго старика, вдрызгъ пьянаго, съ трудомъ выписывающаго ногами отчаянные вензеля на очень крутомъ склонѣ горы у Соловьихинскаго переката. Яростно размахивая пустой посудиной изъ-подъ водки, тщательно завернутой въ цвѣтной платокъ, старикъ вдругъ растянулся на травѣ. Онъ тревожно развернулъ грязную тряпицу, осмотрѣлъ уцѣлѣвшую посудину, аппетитно понюхалъ изъ горлышка и такъ же старательно сталъ заворачивать бутылку въ платокъ. Спрашиваю его:

— Откуда бредешь?

— Я бродяга... изъ кабака... А я все могу: я дохторъ... Слыхалъ, чай?..

— Слыхалъ, что у васъ въ Соловьихѣ два доктора...

— Во-во! и я дохторъ... Айда ко мнѣ чай пить!.. Все разскажу тебѣ... А ужъ энтому фершалу...—и старикъ погрозилъ кулакомъ по направленію с. Благовѣщенскаго, гдѣ живетъ земскій фельдшеръ,—ужо покажу Кузьмину мать!!!

— За что такъ?

— Больно мѣшаетъ мнѣ!.. и грозится къ суду притянуть: лечишь, говоритъ, не по закону... А што за законъ такой?! и дѣды-прадѣды мои лечили, и я буду лечить!.. Ужо докажу ему!.. попомнитъ меня!.. И лекарствъ не отпущаетъ, каки мнѣ требуются... Чай, аптека-то земска: долженъ завсегда даромъ давать всѣ лекарства...

— Вотъ какъ самъ ты заболѣешь, фельдшеръ тебя полечитъ и лекарства тогда дастъ...

— Чего?!. штобы я пошелъ къ нему лечиться?!. а николи энтого не будетъ!.. помирать стану, а не позову его!.. тоже ученый!.. сами мы учены предостаточно... поболѣ его знамъ!.. Ну его къ лѣшему!.. Ай-да чай пить!.. все тебѣ разскажу... я все могу!..

Насилу отдѣлался отъ вѣчно хмельного «дохтора», имѣвшаго, однако, немалую практику въ округѣ, какъ и другіе колдуны, знахари, «пророчицы» и т. п. субъекты, кормящіеся отъ народныхъ суевѣрій и страсти ко всему таинственному.

Суевѣріями одержимы не одни старики, но и молодежь, побывавшая въ школѣ. Двое юношей, помощниковъ волостного писаря, окончившихъ земское училище, оказались настоящими дѣтьми, когда съ полною вѣрою и съ благоговѣйнымъ трепетомъ разсказывали мнѣ о таинственной «чудной птицѣ *выпъ*»... Появилась-де она лѣтъ 60 назадъ и поселилась въ болотѣ, лежащемъ недалеко отъ церкви с. Медвѣдокъ (Варнавинскаго уѣзда). Никто-де не видѣлъ выпи, но всѣ слышатъ, какъ она «жалостливо стонетъ надъ чьими-то костями, схороненными въ томъ болотѣ... А повстрѣчаться съ выпью бѣда!... Сама невеличка—будетъ съ ворону, но, встрѣчаясь съ человѣкомъ, выпь вытягивается въ палку, бросается на него и душитъ до смерти!...»

Юноши разсказывали мнѣ все это, понизивши голосъ до шопота и робко озираясь по сторонамъ, словно опасась, что вотъ-вотъ прилетитъ страшная выпь, «вытянется въ палку» и набросится на насъ... Были свѣтлыя іюльскія сумерки, и мы стояли на берегу полноводной Ветлуги, разыгравшейся отъ продолжительнаго паводка. Заря такъ ярко горѣла и рѣка такъ бодро играла, что тутъ не было мѣста никакимъ страхамъ. Но за рѣкою грозно закричала какая-то лѣсная птица—и мои собесѣдники вздрогнули и заторопились уходить домой...

V.

Въ характерѣ жителей Средняго Приветлужья кроется много странностей и противорѣчій, давно подмѣченныхъ В. Г. Короленкомъ и описанныхъ въ его извѣстномъ разсказѣ «Рѣка играетъ», дѣйствіе котораго происходитъ на пресловутомъ перевозѣ въ с. Благовѣщенскомъ, а героемъ является знаменитый перевозчикъ Василій *Тюлинъ* (нынѣ покойный), увѣковѣченный талантливымъ беллетристомъ, какъ литературный типъ истаго ветлужанина.

По традиціи, вѣроятно, тѣ же «порядки» и такіе же перевозчики наблюдались на Благовѣщенскомъ перевозѣ и послѣ Тюлина. Все это крайне поражаетъ свѣжаго человѣка, а сами ветлужане, сильно страдающіе отъ такихъ безпорядковъ, только посмѣиваются надъ ними весьма добродушно, но палецъ о палецъ не ударятъ, чтобы завести настоящіе порядки.

Одинъ изъ преемниковъ Тюлина, подслѣповатый (sic) перевозчикъ, не имѣлъ ни капли «талантовъ» своего знаменитаго предшественника, ни его смѣлости и находчивости. Чуть поднимался на рѣкѣ малѣйшій вѣтеръ, онъ ни за что и никому не подастъ парома, будь хотя самъ становой приставъ...

Но и при зеркальной поверхности рѣки переправа изъ с. Благовѣщенскаго—дѣло мудреное. Перевозчикъ живетъ на томъ берегу и приходится или часами драть горло, чтобы вызвать его, или садиться въ лодку и ѣхать за паромомъ. При такихъ задержкахъ ветлужане всласть ругаются съ перевозчикомъ, но довольно добродушно, будучи убѣждены, что такіе «порядки» на перевозѣ вполнѣ естественны и не устранимы, какъ нѣчто стихійное...

Когда паромъ поданъ къ селу, надо спуститься къ рѣкѣ по такому головоломному спуску крутой горы, что бѣдная лошаденка дрожитъ отъ натуги и испуга, телѣги трещатъ, люди изнемогаютъ отъ усилій поддержать то возъ, то лошадь, отводя душу руганью и проклятіями, сыплющимися и на село, и на перевозъ, и на Ветлугу, и на всѣхъ въ свѣтѣ...

Кое-какъ телѣги сползли къ парому, но тутъ новая задача: съ берега на паромъ положены четыре узенькія, разъѣзжающіяся, не сбитыя вмѣстѣ доски, изображающія якобы сходню. Уже напуганная и измученная спускомъ лошадь упирается, но ее хлещутъ, понукаютъ, и она съ отчаяніемъ бросается на животрепещущія доски и проваливается въ воду. Съ трудомъ ее вытаскиваютъ, распрягаютъ и втаскиваютъ на паромъ, а потомъ и телѣгу. Вся эта мучительная сутолока повторяется несчетное число разъ, подъ аккомпанементъ неистовой брани и проклятій ветлужанъ, не находящихъ самаго простого выхода изъ труднаго положенія...

Разъ переправлялись телѣги съ мужиками и бабами изъ дер. Песочной. Когда черезъ добрый часъ пришелъ за ними паромъ и еще черезъ часъ, послѣ неимовѣрной сутолоки, телѣги очутились на паромѣ, бабы поблѣднѣли и заголосили:

— Мать Пресвятая Богородица! Господи Исусе!.. и каково этто мы переѣдемъ рѣку... Ишь-ишь! каково она разыгралася!.. ай! бѣды-бѣды!..

А рѣка была какъ зеркало и песочинцы, живя въ двухъ верстахъ отъ нея, видѣли ее не впервые... Мужики успокаивали бабъ, но довольно нерѣшительно, видимо, и сами волнуясь. Устроившись на паромѣ, песочинцы истово перекрестились, а достигнувъ благополучно лѣваго берега, долго молились на церкви с. Благовѣщенскаго, благодаря небеса за счастливую переправу чрезъ разыгравшуюся Ветлугу.

Благодаря большимъ дождямъ, рѣка и въ серединѣ лѣта «играла», какъ весною, выходя даже изъ береговъ и заливая луга и низины. На узкой косѣ подлѣ моста черезъ ручей, отдѣляющій с. Бла-

говѣщенское отъ дер. Соловьихи, лежали бревна одного сельчанина. Каждый день онъ приходилъ смотрѣть, какъ вода ближе и ближе подходила къ бревнамъ, наконецъ стала заливать ихъ. Хозяинъ громогласно разсуждалъ такъ:

— Перетаскивать ли бревна повыше, али такъ обойдется?.. Ежели рѣка пуще разыграется, лѣсъ безпремѣнно размететъ и унесетъ... Лучше переташшить!.. надо людей наймовать, денегъ потратить уйму... Ну, ладно! станемъ перетаскивать, а тутъ тебѣ Ветлуга и перестанетъ играть... На што тады и трогать бревна?!. Ну, а ежели унесетъ!?.

Такъ и не могъ ветлужанинъ рѣшить этого вопроса... Когда я уѣзжалъ въ концѣ іюня, нижній рядъ бревенъ былъ уже въ водѣ, но хозяинъ ихъ все еще колебался и такъ, и этакъ, а бревенъ не трогалъ. Не знаю уже, кто кого одолѣлъ: Ветлуга ли похитила бревна, или ветлужанинъ перехитрилъ свою рѣку, понадѣявшись на излюбленное «авось да небось»...

Разсказывали объ одномъ пожиломъ ветлужанинѣ-бобылѣ, извѣстномъ подъ названіемъ «вѣчнаго жениха»... Много лѣтъ онъ нищенствовалъ, потомъ сталъ наниматься въ пастухи и ночные сторожа. Очень невзрачный, нескладный, пожилой, придурковатый пастухъ вообразилъ себя выгоднымъ женихомъ и сталъ свататься ко всѣмъ богатымъ невѣстамъ, въ возрастѣ отъ 15 до 60 лѣтъ. Вездѣ онъ высматриваетъ только богатыхъ невѣстъ и ко всѣмъ поголовно сватается самымъ серьезнымъ образомъ. Его гонятъ, смѣются надъ нимъ, но онъ не унываетъ и старательно разыскиваетъ новыхъ, обязательно богатыхъ невѣстъ. Не думайте, что это сумасшедшій: нѣтъ, это всего только истый ветлужанинъ, серьезно относящійся къ своей нелѣпой задачѣ...

Или вотъ—почтенный крестьянинъ дер. Прудовки, домовитый, хорошій семьянинъ, мирно крестьянствуетъ, но вдругъ его укуситъ какая-то ветлужская муха—и онъ неожиданно превращается въ вертопраха... Тогда любимая его забава: соберетъ кучу самой маленькой дѣтворы отъ 5 до 10 лѣтъ, усядется въ телѣгу и заставляетъ ребятъ возить себя по улицѣ. Дѣти охотно идутъ на это, такъ какъ «чудакъ» платитъ имъ тою же монетою: набьетъ дѣтьми телѣгу и бѣшено таскаетъ ихъ по улицѣ. Всѣ весело гогочутъ—и ребята, и зрители, почтенные отцы и матери, вышедшіе полюбоваться на затѣю «чудака» [1]).

Въ противоположность почтеннымъ мужамъ и отцамъ, ветлужская дѣтвора часто поражаетъ необычною, совсѣмъ не дѣтскою серьезностью и дѣловитостью. Какъ-то разговорился съ группою

---

[1]) О другихъ ветлужскихъ чудакахъ см. мои очерки «Прудовскіе раритеты» («Ист. Вѣстн.», 1909, № 8).

ребятъ 8—10 лѣтъ (изъ дер. Соловьихи) объ ихъ играхъ и забавахъ. Самыми любимыми играми оказались «козны» (бабки) и карты, но играютъ они «обязательно на деньги».

— А безъ денегъ не играете?—спрашиваю ихъ.

— Пошто играть-то безъ денегъ?!—съ удивленіемъ и даже обидчиво отвѣтили мальчуганы:—энто ужъ развѣ самые малые ребята игратъ безъ денегъ... а мы завсегды на чисты деньги!..

— Ишь вы какіе богатѣи!.. А гдѣ же вы деньги добываете?

— А разно бываетъ: коли мамка дастъ... А то грибовъ, ягодъ наберемъ, въ селѣ продадимъ... А то... може ты дашь намъ денегъ на игру?—неожиданно и находчиво выпалилъ старшій мальчикъ.

— Нѣтъ, на такое пустое дѣло не дамъ вамъ денегъ...

— А то далъ бы?!. сичасъ бы зачали въ козны играть и тебя бы научили...

— Давайте безъ денегъ играть...

— Во неволя!.. ступай тады съ малышами играть, а намъ съ тобой не водиться... што за игра впустую?!.

VI.

Живымъ воплощеніемъ истаго ветлужанина слѣдуетъ признать извѣстнаго Василія Тюлина, съ которымъ пришлось и мнѣ встрѣчаться нѣсколько лѣтъ спустя послѣ знакомства съ нимъ В. Г. Короленка. Извѣстный мнѣ Тюлинъ далеко не тотъ, что былой: въ послѣдніе годы онъ выбрался на стезю довольно «справнаго мужика» и старался держаться новаго курса. Въ своемъ новомъ видѣ Тюлинъ самъ по себѣ мало интересенъ, но онъ заслуживаетъ вниманія благодаря его художественному портрету («Рѣка играетъ»), увѣковѣчившему имя его въ русской литературѣ.

О первомъ знакомствѣ съ Тюлинымъ и его отношеніяхъ къ разсказу о немъ В. Г. Короленка уже изложено мною въ печати [1]). Здѣсь же я говорю о послѣднихъ встрѣчахъ съ нимъ на Ветлугѣ.

Когда въ то лѣто я поселился въ с. Благовѣщенскомъ, первымъ визитеромъ явился уже знакомый Василій Андреевичъ Тюлинъ, жившій въ этомъ же селѣ, въ своей избѣ, занимаясь плотничными работами, распилкою лѣса и проч. Былъ онъ нѣсколько выпивши и шумно поздоровался, говоря:

— Съ пріѣздомъ, Н. Н.! слышу энто, што ты пріѣхалъ, и сичасъ къ тебѣ...

---

[1]) См. очеркъ «Василій Тюлинъ» («Вѣстникъ Знанія», 1904, № 12). Кстати исправляю вкравшуюся въ очеркъ ошибку: В. Г. Короленко жилъ въ с. Благовѣщенскомъ и наблюдалъ Тюлина не «цѣлый мѣсяцъ», а всего 2—3 дня.

— Спасибо, В. А.! садись... Какъ поживаешь?

— Да што!.. вотъ выпилъ баночку...

— Съ какой радости?

— Взялъ у племянницы дощаникъ и сдалъ одному мужику, ну, и выпили съ нимъ малость... А и ты бы поднесъ винца, знашь—для свиданья!..

— Не держу вина... Да вѣдь ты уже выпилъ?..

— Што ты?! всего одну баночку и раздавилъ... Какъ хошь, а для нашего свиданья требуется выпить...

— И самъ не пью, и гостей не угощаю...

— Эко добро и не пьешь?!.

— Выпилъ уже раньше свою долю...

— Ну, а я не зарекаюсь..

— Вотъ лучше выпьемъ чайку.

Тюлинъ недовольно поморщился, но скоро утѣшился, когда я пообѣщалъ дать денегъ «на баночку» при его уходѣ.

Началась бесѣда о его житьѣ-бытьѣ. Слухъ, что онъ снова берется за перевозъ, не вполнѣ оправдался. Онъ весьма не прочь вернуться къ старому излюбленному занятію, но «не желаетъ вредить» теперешнему перевозчику, которому остался еще годъ аренды. Затрудняло Тюлина и отсутствіе средствъ на оборудованіе перевоза. Спрашиваю его:

— Что выгоднѣе: плотничать или паромъ держать?

— Лѣто можно покормиться на перевозѣ, а на зиму съ него не хватитъ... тады за топоръ али что другое...

— А не сопьешься за лѣто на перевозѣ?

— Пошто?! Вѣдь я не то што запоемъ, а испиваю по малости... Мнѣ нельзя не пить: раны на тѣлѣ открываются, коли не пью... И николи я не пилъ такъ, штобы валяться, али какъ безобразничать... И Короленко не видалъ меня такимъ безобразникомъ... Да кого хошь поспрошай: никто того про меня не скажетъ... Я не Иванка! Какъ выпьетъ, такъ не глядѣлъ бы на него: таково безобразника поищи-ка другово!.. И въ кого онъ уродился?! Ни въ меня, ни въ мать...

Тюлинъ распространился о самомъ больномъ своемъ мѣстѣ— о единственномъ сынѣ, безпутномъ Иванкѣ. Большой мотъ, гуляка, плохой работникъ, Иванка жилъ, съ женой и ребенкомъ, то у отца, то на квартирѣ. Въ послѣдній разъ отецъ прогналъ сына за такой проступокъ: Иванка ударилъ своего ребенка, а когда бабушка вступилась за внучка, сынъ скверно выругалъ мать... Тюлинъ тотчасъ прогналъ сына изъ своей избы на квартиру.

Разсказывая, какъ жена удерживала его отъ пьянства, заставляя работать, Тюлинъ замѣтилъ:

— Правду сказать, кабы не жена моя, быть мнѣ пропащимъ человѣкомъ... А она все понуждаетъ меня къ работѣ: одно дѣло не

пойдетъ, другимъ займаюся... А безъ дѣловъ николи не сижу... И жена моя завсегда въ работѣ...

Дѣйствительно, кромѣ сына, остальная семья его—жена и двѣ дочери—такая же работящая, какъ самъ Тюлинъ. Кромѣ плотничества, онъ занимался выдѣлкою овчинъ, починкою обуви, постройкой лодокъ, парикмахерскимъ искусствомъ и. пр. и пр. Ремесло «овчинника» онъ перенялъ отъ своего отца, который проживалъ въ дер. Левихѣ, близъ с. Благовѣщенскаго. Здѣсь именно родился и Василія Тюлинъ, а не въ той дер. Левихѣ, что подъ с. Воскресенскимъ (какъ ошибочно сказано въ очеркѣ «Вас. Тюлинъ»).

Собираясь переселиться на рѣку Бѣлую, отецъ Тюлина бросилъ крестьянство и приписался съ дѣтьми въ мѣщане. Онъ звалъ съ собою на Бѣлую и Василія Андреевича, но тотъ наотрѣзъ отказался. При разставаньѣ была такая сцена, описанная Тюлинымъ:

«— И говоритъ мнѣ отецъ: пойдешь со мною, Василій, на Бѣлую?

«— Нѣтъ, говорю, не пойду!.. Благослови, батюшка, здѣсь мнѣ остаться.

«— Не дамъ тебѣ моего родительскаго благословенія!

«— Ну, хоть подари мнѣ, для разлуки, значитъ, овчинную шубу своей работы...

«— Нѣтъ тебѣ ни шубы, ни моего благословенія!..

«— Одначе передъ уходомъ батюшка смилостивился: благословилъ-таки... Ну, а шубы не далъ... Крѣпкій былъ старикъ!... А какъ прощались—и онъ заревѣлъ, и я поревѣлъ»...

Не устроившись на Бѣлой, отецъ вернулся и нашелъ Василія на плотничной работѣ въ с. Юринѣ (на Волгѣ, Васильскаго уѣзда). Свиданіе такъ описано Тюлинымъ:

— Какъ увидѣлъ меня отецъ, такъ и взревѣли мы оба... Ну, поревѣли какъ слѣдъ, а потомъ родитель говоритъ: «Умная твоя голова, Василій! Хорошо сдѣлалъ, что не пошелъ со мною... Пропадай она пропадомъ проклятая рѣка Бѣлая!.. Никакихъ дѣловъ тамъ нѣтъ». Пожилъ отецъ со мною, а потомъ пошелъ къ замужней дочери, у ней и померъ... Не довелось мнѣ похоронить сердечнаго: былъ я въ тѣ поры далече на работѣ...

Переходя къ позднѣйшей жизни, Тюлинъ откровенно разсказывалъ, противорѣча своимъ же словамъ (въ началѣ бесѣды), какъ его служба въ должности сотскаго прошла въ такомъ «безмѣрномъ пьянствѣ», что когда наѣзжали въ волость становой и другія власти, то товарищи сотскаго обязательно припрятывали его подальше. «Нельзя было показать меня начальству!.. Така ужъ служба!!.»— наивно заключилъ Тюлинъ...

Уходя отъ меня, Тюлинъ повстрѣчался съ общимъ знакомымъ и, отчаянно махнувъ рукою, крикнулъ по моему адресу:

— Пропечататъ!.

Слѣдующая встрѣча произошла на берегу Ветлуги, подлѣ лодчонки Тюлина, наполненной собранными имъ по рѣкѣ дровами изъ разбросавшихся отъ паводка плотовъ. Спрашиваю его:

— Когда идешь въ Баки—строить лодки?

— Дѣло-то не выгорѣло... Вотъ буду ремонтировать лодку Поливанова.

— Да, вѣдь, она прошлое лѣто построена тобой, и такъ скоро потребовала ремонта?!.

— Чай, знашь, каки они всѣ жирны да толсты?.. Тутъ люба посудина долго не выдержитъ!..—иронизировалъ Тюлинъ. Затѣмъ сталъ жаловаться.—Совсѣмъ дѣловъ нѣтъ!.. впору хошь на плоты итти, въ бурлаки...

— А приходилось когда бурлачить?

— Однова ходилъ на плотахъ... И каторжная же работа!.. Лучше на сушѣ сидѣть безъ хлѣба... Сичасъ вотъ зовутъ на тотъ плотъ, што зачалился подъ Соловьихой: даютъ 3½ рубля до Кудемьянска. Да больно ужъ плотъ отчаянный—изъ однѣхъ жердей, вода вездѣ проступаетъ... Народу у нихъ мало, и очепно зовутъ меня, да неохота итти: долго проплавашь, много исхарчишься, а для дома и гроша не добудешь... плевое дѣло!..

Черезъ день встрѣчаю Тюлина около бульварчика с. Благовѣщенскаго, на распилкѣ чьихъ-то бревенъ. Онъ сидѣлъ наверху бревна, покуривая и мирно бесѣдуя съ подвыпившими благовѣщенцами. Поздоровавшись, Тюлинъ спросилъ меня:

— Далеко гуляли?

— На Чеканихѣ былъ... А что же не пошелъ на плоту?

— Не пошелъ... на сушѣ лучше... Вотъ и дома работа нашлась!..

Въ послѣднiй разъ мелькомъ видѣлъ В. А. Тюлина въ моментъ своего отъѣзда, когда торопился сѣсть въ лодку, чтобы захватить пароходъ, бравшiй на томъ берегу древа. Больше ужъ не пришлось встрѣчаться съ нимъ.

Какъ-то встрѣтилъ жену Тюлина на берегу Ветлуги, гдѣ эта пожилая женщина усердно колола дрова, собранныя мужемъ. Степенная, разсудительная, съ правильными и прiятными чертами лица, одѣтая чистенько, жена Тюлина производила хорошее впечатлѣнiе. Именно такая женщина могла благотворно влiять на своего «стихiйнаго» по-ветлужски супруга, въ чемъ онъ самъ благодарно сознавался, когда говорилъ, что безъ жены былъ бы «пропащимъ человѣкомъ». Изъ разговора съ нею я узналъ, что именно она отговорила мужа отъ рискованной для него попытки превратиться хотя бы на время въ бурлака...

Позже знакомый благовѣщенецъ писалъ мнѣ, что Тюлинъ попалъ въ десятскiе и довольно благополучно справлялся съ этой должностью. Несмотря на всѣ ея соблазны, весьма располагающiе къ

неумѣренному потребленію «винища», онъ бодро преодолѣвалъ всѣ искушенія. И только въ рѣдкихъ случаяхъ десятскій Тюлинъ напоминалъ того давняго сотскаго Тюлина, котораго цѣлый годъ «нельзя было показывать начальству»...

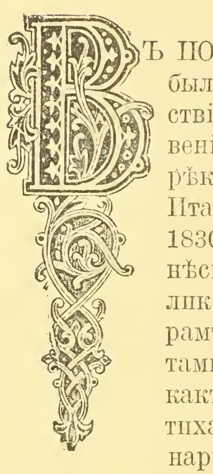
Это было послѣднее общественное служеніе Тюлина, и вскорѣ онъ умеръ еще не старымъ человѣкомъ (около 50 лѣтъ). Очевидно, слабость къ «винищу» преждевременно расшатала его крѣпкій отъ природы организмъ.

Н. Н. Оглоблинъ.

РУССКІЕ ВЪ ШВЕЙЦАРІИ НАКАНУНѢ ВОЙНЫ.

Ъ ІЮЛѢ 1914 года и я, какъ многіе соотечественники, былъ застигнутъ врасплохъ началомъ военныхъ дѣйствій, находясь за границей, въ Швейцаріи. По обыкновенію, я искалъ отдыха въ бодрящемъ воздухѣ долины рѣки Инна, въ Энгадинѣ, близъ границъ Австріи и Италіи. Мѣстечко Сильваплана, на высотѣ около 1830 метровъ надъ уровнемъ моря, пріютило и меня и нѣсколькихъ соотечественниковъ. Совершали мы великолѣпныя прогулки по долинамъ, къ горнымъ озерамъ и водопадамъ, наслаждаясь суровыми красотами величавыхъ ледниковъ и снѣжныхъ вершинъ, какъ вдругъ мирное созерцаніе мѣстности и спокойная тихая жизнь въ интернаціональномъ курортѣ были нарушены появившимся неожиданно, какъ бомба, австрійскимъ ультиматумомъ, направленнымъ противъ Сербіи. На слѣдующій же день уѣхали самые дальновидные и осторожные посѣтители долины: изъ сосѣдняго Санъ-Морица уѣхало въ одинъ день изъ числа около четырехъ тысячъ посѣтителей болѣе трехсотъ банкировъ, фабрикантовъ и коммерсантовъ. И въ нашей гостиницѣ многіе собирались уѣзжать; полагая, что при всемъ необходимо соблюдать спокойствіе и хладнокровіе и не допуская мысли о томъ, чтобы въ нашъ интернаціональный и миролюбивый вѣкъ легко могла вспыхнуть большая война, я старался всѣхъ успокаивать, особенно нѣмцевъ, которые, казалось, рѣшительно не имѣли причинъ такъ быстро пуститься въ путь, такъ какъ они черезъ восемь-десять часовъ могли быть у границы. Но все-таки и они

были увлечены общимъ потокомъ уѣзжающихъ, а потомъ, конечно, жалѣли объ этомъ, такъ какъ въ пограничныхъ городахъ приходилось имъ ждать очереди по цѣлымъ днямъ, платя иногда необычайныя цѣны за комнаты и ѣду, между тѣмъ какъ цѣлыя горы чемодановъ, не имѣвшихъ мѣста на вокзалахъ, были сложены подъ открытымъ небомъ и не могли быть отправлены за недостаткомъ вагоновъ. По всему Энгадину тянулись экипажи съ уѣзжающими къ ближайшей желѣзнодорожной станціи, чередуясь съ высоко нагруженными телѣгами для багажа,—не хватало лошадей для того, чтобы удовлетворить всѣхъ. Тогда и я, желая выяснить положеніе, обратился къ одному изъ нашихъ дипломатовъ съ просьбою дать совѣтъ: не уѣхать ли мнѣ? Отвѣтъ былъ такой, что съ каждымъ днемъ европейская война становится менѣе вѣроятной, что русско-подданные могутъ спокойно остаться въ Швейцаріи и что проѣздъ ихъ черезъ Германію открытъ да, вѣроятно, такимъ и останется. Этотъ успокоительный отвѣтъ, доказывающій мирное настроеніе нашей дипломатіи, былъ полученъ мною наканунѣ объявленія войны Германіею.

Тѣмъ временемъ положеніе дѣлъ въ Энгадинѣ становилось съ каждымъ днемъ болѣе непріятнымъ и тяжелымъ: одна гостиница закрывалась за другой и, навѣрное, многія изъ нихъ въ текущемъ году не откроются, потому что онѣ потеряли половину сезона, да и въ будущемъ году едва ли можно будетъ говорить о нормальномъ сезонѣ для гостиницъ. Несмотря на то, что все это должно было ложиться тяжелымъ гнетомъ не только на владѣльцевъ гостиницъ, но и вообще на все населеніе Швейцаріи, живущее преимущественно на средства, добываемыя непосредственно отъ иностранцевъ, я долженъ сказать, что я не слыхалъ со стороны швейцарцевъ особыхъ жалобъ: они сознавали, что и имъ приходится нести свой крестъ въ это серьезное время. Печально было видѣть эти громадныя гостиницы съ закрытыми окнами, и, гдѣ незадолго до этого по горнымъ тропинкамъ двигались сотни веселыхъ туристовъ, рѣдко попадались иностранцы, чаще всего какой-нибудь пастухъ или другой мѣстный житель. Весьма непріятно было почти полное отсутствіе кредита и мелкихъ денегъ; прямо отказывались размѣнять стофранковый билетъ; золото совершенно исчезло; даже желѣзнодорожныя кассы не мѣняли крупныхъ билетовъ, и нерѣдко приходилось переплачивать, не получая сдачи. Тогда, около 3-го августа новаго стиля, были выпущены новые билеты въ двадцать, десять и пять франковъ, которые въ значительной мѣрѣ облегчали денежныя дѣла; однако банки отказывались обмѣнять эти билеты на золото. Въ первые дни послѣ начала военныхъ дѣйствій почти всѣ—какъ туземцы, такъ и пріѣзжіе — потеряли головы. Туземцы опасались за то, что въ Швейцаріи не хватитъ хлѣба для прокормленія коренныхъ жителей, уже не говоря о пріѣзжихъ, и требовали удаленія иностранцевъ; время было критическое, и мы боялись одно время,

что насъ заставятъ покинуть страну. Но скоро выяснилось, что пищевые продукты будутъ пропущены черезъ границы и въ особенности съ юга, изъ Италіи. Тогда населеніе стало успокаиваться, не послѣдовало уже никакихъ возраженій противъ присутствія иностранцевъ. Наоборотъ, насколько я это самъ испыталъ и насколько слышалъ отъ другихъ, швейцарцы стали помогать намъ во всемъ, и не только во французской, но и въ нѣмецкой Швейцаріи, относясь къ русскимъ съ полной предупредительностью. Напримѣръ, хозяйка нашей маленькой, уютной гостиницы въ Сильвапланѣ, которая на всѣхъ сразу производила впечатлѣніе, что вопросъ о выгодѣ у нея на второмъ планѣ, и что она главнымъ образомъ озабочена тѣмъ, чтобы каждый пріѣзжій чувствовалъ себя у нея, какъ дома, не только ничего не взяла отъ насъ по счетамъ при нашемъ отъѣздѣ (а насъ было шесть человѣкъ), но еще дала денегъ на дорогу. Она же была готова давать намъ полный пансіонъ безвозмездно и впредь, хотя бы до зимы. Далѣе, одна семья въ Базелѣ дала намъ взаймы небольшую сумму, а затѣмъ предложила намъ свою прекрасно устроенную дачу близъ Базеля, гдѣ мы могли сами хозяйничать, получая отъ арендатора молочные продукты и овощи даромъ, покупая лишь въ сосѣднемъ селѣ мясо и хлѣбъ, пользуясь безвозмездно также услугами людей собственницы дачи, которая позволила намъ пригласить къ себѣ еще нѣсколько соотечественниковъ, до двѣнадцати. Эта дама мнѣ лично была знакома, но моя семья давно потеряла съ нею связь, которую и возобновила лишь въ этомъ году. Кстати сказать, мы этимъ любезнымъ приглашеніемъ не воспользовались, потому что для возможности полученія денегъ и отъѣзда черезъ Францію надо было жить между Берномъ и Женевой, почему мы и выбрали, какъ дальнѣйшее мѣстожительство, Лозанну. И тутъ намъ всячески помогали. Одна изъ дамъ нашей компаніи обратилась къ директрисѣ одного пансіона для дѣвицъ, предлагая свои услуги, какъ учительница. Не только сейчасъ же директриса предложила ей работу, но пригласила ее со всей нашей компаніей поселиться у нея въ гимнастическомъ залѣ, который ей не былъ нуженъ, въ виду того, что многія барышни покинули ея пансіонъ вслѣдствіе военнаго времени. Этотъ залъ былъ расположенъ особнякомъ въ прекрасномъ паркѣ; раздѣлили его на дамскую и мужскую половины и поставили намъ кровати съ постельнымъ бѣльемъ и прочею обстановкою, все это безвозмездно. При этихъ условіяхъ можно было жить уютно и дешево, находясь въ полной независимости отъ гостиницъ и живя своею замкнутою, оригинальною жизнью. Такъ же симпатично относились и представители властей.

Въ Лозаннѣ находилось большое число русскихъ, которыхъ надо было пріютить безвозмездно. Это были лица, которыя привыкли платить ежедневно за ночлегъ и пищу не болѣе одного—

двухъ франковъ. Понятно, что ихъ хозяева, тоже весьма бѣдные обыватели, не могли ихъ держать, когда дальнѣйшая уплата денегъ стала сомнительной. До какой степени временной нужды были доведены нѣкоторыя лица, видно изъ того, что дочь весьма извѣстнаго сановника въ Петроградѣ обратилась въ нашъ комитетъ для оказанія помощи нуждающимся русскимъ съ просьбою указать ей какой-нибудь способъ добыванія себѣ хлѣба, хотя бы въ качествѣ горничной. Члены нашего комитета [1]) обратились къ городскому управленію. Городской голова сказалъ имъ знаменательныя слова: «Мы любили и уважали русскихъ въ свѣтлые дни и теперь, во время захватившаго ихъ ненастья, мы имъ въ нашей помощи не откажемъ». Онъ передалъ президіуму нашего комитета шесть пустыхъ квартиръ, которыя получили необходимѣйшую мебель и гдѣ бѣднѣйшіе изъ нашихъ соотечественниковъ находили необходимое убѣжище. Всѣ русскіе, съ которыми я встрѣчался, съ своей стороны подтверждаютъ, что въ общемъ отношеніе швейцарцевъ къ нимъ было дружественное или, по крайней мѣрѣ, корректное. Почти во всей Швейцаріи, особенно въ Бернѣ, владѣльцы гостиницъ, собравшись для обсужденія положенія дѣла, постановили никоимъ образомъ не стѣснять русскихъ и другихъ иностранцевъ, не повышать цѣнъ, давать всякій возможный кредитъ, по возможности и по выгодному курсу мѣнять иностранныя деньги. Эти постановленія были вывѣшены на улицахъ въ видѣ особыхъ объявленій. Многіе изъ числа моихъ знакомыхъ подтверждаютъ, что гостиницы не только не увеличивали плату за пансіонъ, но даже сбавляли, при отъѣздѣ ограничивались полученіемъ части суммы по счету, довѣряя обѣщанію, что по пріѣздѣ въ Россію недостающая часть будетъ уплачена, и даже давали денегъ въ ссуду. Такъ было въ Бернскомъ Оберландѣ, въ Бернѣ, Лозаннѣ и др. мѣстахъ. Въ мѣстечкѣ Мюлененъ, неподалеку отъ Тунскаго озера, владѣлецъ пансіона д-ръ Л. предложилъ нѣсколькимъ моимъ знакомымъ выслать плату за пансіонъ послѣ окончанія войны, отказавшись даже отъ частичнаго покрытія долга, а дочь его, хозяйка пансіона, растрогала всѣхъ предложеніемъ ссудить отъѣзжающихъ своими личными сбереженіями. Несмотря на неожиданную полную ликвидацію сезона и на большіе убытки, несмотря на слухи о запрещеніи подвоза съѣстныхъ припасовъ въ Швейцарію, хозяева пансіона въ Мюлененѣ, гостепріимно оставляли своихъ постояльцевъ пережидать событія у нихъ или вернуться къ нимъ, если не удастся пробраться окружнымъ путемъ въ Россію. Въ одномъ изъ извѣстныхъ пансіоновъ въ Эши (Aeschi), также около Тунскаго озера, знакомые жили на осо-

[1]) Особенно трудилась энергичная и преданная дѣлу докторъ медицины г-жа Е. К. Оливье, дочь весьма извѣстнаго въ свое время доктора К. Майера въ Петроградѣ. Авт.

бенно льготныхъ условіяхъ, и когда они собирались уѣхать, то владѣлецъ пансіона настаивалъ на томъ, чтобы они взяли у него деньги на дорогу.

И не въ однихъ зажиточныхъ и интеллигентныхъ швейцарцахъ встрѣчали мы участіе и готовность оказать намъ существенную помощь.

Иллюстраціей отношенія населенія къ застрявшимъ въ Швейцаріи туристамъ можетъ служить слѣдующій случай. Въ желѣзнодорожной кассѣ города Шпица (Spiez) на Тунскомъ озерѣ чиновникъ отказался, за неимѣніемъ мелкой монеты, размѣнять одной дамѣ билетъ въ пятьдесятъ франковъ. До отхода поѣзда оставалось минутъ двадцать, а отказаться отъ поѣздки было невозможно. Дама попробовала размѣнять деньги въ одномъ магазинѣ, въ другомъ,— вездѣ отказъ; пошла на почту,—тотъ же отвѣтъ. Въ одной лавочкѣ приказчица объяснила, что не можетъ размѣнять, такъ какъ вся выручка въ кассѣ составляетъ въ суммѣ не больше пятидесяти франковъ, и она не сможетъ дальше торговать, если отдастъ серебро. Когда же послѣдняя попытка дамы размѣнять деньги на почтѣ кончилась неудачей, приказчица, слѣдившая за дамой изъ окна, выбѣжала на улицу, догнала даму и, вручивъ ей деньги, сказала: «Мнѣ такъ васъ жаль, вы, вѣдь, въ чужой странѣ!» И этотъ случай не единичный.

Особенно много симпатіи и ласки встрѣчали русскіе во французской Швейцаріи: въ Лозаннѣ садовникъ-рабочій, подносящій русскимъ газету, потому что «имъ нельзя даромъ деньги тратить», прачка, берущая съ русскихъ дешевле и готовящая бѣлье къ отъѣзду, сапожникъ, соглашающійся чинить совсѣмъ ветхіе сапоги и отказывающійся отъ денегъ за работу, и цѣлая вереница другихъ лицъ, такихъ же трогательно-внимательныхъ.

Повторяю, повсюду въ Швейцаріи мы отмѣчали одну доброжелательность и желаніе облегчить наше затруднительное положеніе.

Еще примѣры. Одна русская барышня случайно зашла въ больницу въ Лозаннѣ; сестры милосердія реформатскія діакониссы, узнавъ, что у нея рѣшительно нѣтъ денегъ, пріютили ее у себя и кормили, а вмѣстѣ съ тѣмъ поручили ей легкую работу, чтобы щадить ея самолюбіе. Затѣмъ доставили ей деньги, чтобы она могла поѣхать къ своимъ сестрамъ, которыя были въ Бернскихъ Альпахъ, и привезти ихъ въ Лозанну. И ихъ пріютили добрыя діакониссы.

Трогательный примѣръ сочувствія къ русскимъ разсказала намъ одна учительница изъ Рыбинска, застрявшая въ Лозаннѣ. Ея хозяйки, бывшія прачки, достали ей изъ банка двѣсти франковъ (больше имъ не выдали изъ ихъ вклада, вслѣдствіе военнаго времени). Но этихъ денегъ было мало для поѣздки домой: тогда добрыя старушки поѣхали въ горы къ знакомому крестьянину и отъ него получили еще двѣсти франковъ золотомъ для русской барышни.

Другая русская дама заплатила въ гостиницѣ восемьсотъ франковъ по счету, сказавъ, что она должна выѣхать въ болѣе дешевое помѣщеніе по недостатку средствъ. Тогда владѣлецъ гостиницы, расписавшись въ полученіи денегъ, просилъ даму принять 800 фр. обратно и сохранить ихъ до того времени, когда она будетъ болѣе обезпечена! Двѣ русскія дамы тщетно искали въ Базелѣ помѣщенія; всѣ гостиницы были заполнены. Это происходило сейчасъ послѣ начала военныхъ дѣйствій, когда во всѣ пограничные города Швейцаріи хлынула масса иностранцевъ на пути на родину. Въ дамахъ приняла участіе добродушная швейцарка, хозяйка табачнаго магазина. Она пригласила ихъ къ себѣ, накормила, напоила ихъ и отпустила лишь на слѣдующее утро, причемъ ни за что не хотѣла принять предложенное вознагражденіе.

Интересенъ разсказъ одного знакомаго, жившаго въ Цюрихѣ въ германской семьѣ, отдававшей комнаты. Въ день объявленія войны онъ расплатился съ хозяйкой, но заявилъ, что у него остался лишь одинъ французскій билетъ въ тысячу франковъ. Вообще было трудно размѣнять французскіе билеты, тѣмъ болѣе столь крупные. Хозяйка предложила ему переѣхать въ чердачное помѣщеніе и, вообще, измѣнила хорошія отношенія, установившіяся между нею и его семьею. Недѣли черезъ двѣ отношенія эти возстановились, и такъ какъ, вмѣсто обѣщанныхъ побѣдъ, оказались въ общемъ лишь неудачи для нѣмцевъ, то хозяйка совершенно отказалась отъ своего воинственнаго патріотизма, наоборотъ, ругала германское правительство, и русскіе опять переѣхали въ старую квартиру. А знакомые мои, жившіе въ Бернѣ у хозяйки-нѣмки, даже въ первые дни высокаго полета германскаго патріотизма не подвергались съ ея стороны никакимъ непріятностямъ. Въ Люцернѣ отношеніе владѣльцевъ гостиницъ къ русскимъ въ общемъ было самое лучшее; въ одной гостиницѣ даже цѣны были сбавлены спеціально для русскихъ; въ кантональномъ банкѣ мѣняли русскіе кредитные билеты. Одной знакомой дамѣ предложили даромъ двѣ комнаты и дали денегъ на жизнь. Правда, было нѣсколько случаевъ, что немедленно послѣ начала военныхъ дѣйствій, когда, вообще, всѣ растерялись, нѣкоторые изъ бѣднѣйшихъ русскихъ были выставлены изъ своихъ комнатъ. Но объ этомъ сейчасъ же было донесено предсѣдателю общества владѣльцевъ гостиницъ и городскому управленію; сейчасъ же запретили въ дальнѣйшемъ подобный образъ дѣйствій и предписали въ такихъ случаяхъ заявлять полиціи, которая приметъ мѣры для обезпеченія бѣдныхъ иностранцевъ помѣщеніемъ и продовольствіемъ, никоимъ образомъ не увеличивая цѣнъ и не выставляя никого. Въ школѣ поварского искусства, предоставленной безвозмездно, была устроена столовая, гдѣ, при содѣйствіи нашихъ земляковъ, кормились сотни иностранцевъ. Я знаю нѣкоторыхъ русскихъ барышень, которыя тамъ сами готовили кушанья и затѣмъ

обслуживали своихъ кліентовъ, находя, конечно, полное удовлетвореніе въ своей безкорыстной дѣятельности. Точно такъ же дѣйствовалъ и упомянутый комптетъ въ Лозаннѣ, который кормилъ ежедневно около шестисотъ русскихъ, итальянцевъ и мѣстныхъ жителей въ народномъ домѣ.

На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ, что приходилось оказывать помощь и мѣстному населенію; но не надо забывать, что время, о которомъ я говорю, было крайне тяжелое и для обывателей-швейцарцевъ. Вѣдь, на всѣхъ границахъ и по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ были расположены швейцарскія войска для охраны своего отечества; маленькая страна, содержащая не болѣе четырехъ милліоновъ жителей, выставила около 500.000 солдатъ; а такъ какъ въ Швейцаріи нѣтъ постояннаго войска, то пришлось пригласить на военную службу почти всѣхъ способныхъ для нея мужчинъ и юношей. Поэтому, конечно, страдало и сельское хозяйство отъ недостатка рабочей силы; закрывались заводы, фабрики и магазины, банки и конторы работали лишь часа два въ день, и всюду стѣснялась промышленность и торговля. Уже упомянуто, что главный источникъ дохода—иностранцы—уѣзжали, или сами стѣснялись въ платежахъ; сосѣднія государства прекратили торговыя сношенія. Вотъ почему очень многіе туземцы оказались въ критическомъ положеніи. Администрація вела себя въ высшей степени корректно. Было запрещено музыкѣ играть гимны враждующихъ странъ, чтобы никого не обидѣть, о чемъ были расклеены на улицахъ объявленія. Затѣмъ появилось воззваніе ко всѣмъ швейцарскимъ гражданамъ съ просьбой сохранять во всемъ самый строгій нейтралитетъ, особенно въ томъ, чтобы публично не выяснять своихъ политическихъ убѣжденій, чтобы никто изъ иностранцевъ не могъ себя считать обиженнымъ.

При всѣхъ непріятностяхъ, которыя приходилось испытать, нельзя не упомянуть, кромѣ содѣйствія мѣстныхъ жителей, еще о другой свѣтлой полосѣ на темномъ фонѣ,—это о хорошей организаціи русскихъ колоній въ разныхъ городахъ Швейцаріи. Всюду образовались русскіе комитеты, русскія бюро, въ которыхъ члены комитета принимали всѣхъ русскихъ, давали совѣты, объясняли положеніе дѣлъ и съ большимъ терпѣніемъ слушали всѣ тѣ же жалобы и вопросы. Особенно хорошо, какъ мнѣ кажется, работалъ лозанскій комитетъ, во главѣ котораго стоялъ почтенный и энергичный артиллеристъ-полковникъ въ отставкѣ Константинъ Михайловичъ Оберучевъ, который все свое время и всѣ свои силы безкорыстно посвящалъ пользѣ соотечественниковъ. Появилась во многихъ мѣстахъ мысль о зафрахтованіи парохода на общія средства для эвакуаціи русскихъ черезъ Геную въ Одессу. Лозанскій комитетъ особенно муссировалъ этотъ вопросъ и взялъ его, наконецъ, въ свои руки на пользу русскихъ во всей Швейцаріи. Изъ

предварительныхъ переговоровъ съ итальянскими пароходными компаніями выяснилось, что можно зафрахтовать пароходъ при условіи уплаты десяти процентовъ стоимости при отъѣздѣ и остальной суммы въ Одессѣ. Нашъ предсѣдатель обратился въ русское посольство въ Бернѣ съ просьбою оказать помощь. Нашъ посолъ, г. Бахарахтъ, весьма заинтересовавшись нашимъ проектомъ, оказалъ ему полное содѣйствіе и въ самое короткое время путемъ сношеній по телеграфу получилъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ необходимое согласіе на то, чтобы консулы дѣлали на паспортахъ всѣхъ русскихъ, желающихъ ѣхать на «общественномъ» пароходѣ, какъ мы его называли, помѣтку о томъ, что они обязаны внести девять десятыхъ стоимости билета въ одно изъ казначействъ въ теченіе извѣстнаго времени по возвращеніи въ Россію; далѣе было предписано одесскому градоначальнику передать капитану парохода слѣдуемыя ему деньги. Одну десятую стоимости билета каждый пассажиръ долженъ былъ уплатить при подпискѣ на билетъ. Казалось, что все въ порядкѣ. Меня избрали представителемъ лозанскаго комитета для окончательныхъ переговоровъ, и я получилъ отъ русскаго посла въ Бернѣ открытый листъ, подтверждающій мои полномочія. Затрудняясь поѣхать безъ юридическаго совѣтника, я былъ очень радъ, что согласились ѣхать со мною на отвѣтственные переговоры присяжный повѣренный А. Г. Бать изъ Казани и оберъ-секретарь кассаціоннаго департамента правительствующаго сената Р. А. Орбели. Пріѣхавъ въ Геную, мы побывали въ семи разныхъ пароходныхъ компаніяхъ и, къ сожалѣнію, замѣтили, что въ теченіе послѣдняго времени политическая конъюнктюра, по мнѣнію итальянцевъ, измѣнилась: уже не было прежней увѣренности въ безопасномъ проѣздѣ черезъ Дарданеллы, и итальянцы потребовали для хорошо устроенныхъ судовъ громадныя суммы, съ непремѣннымъ условіемъ уплаты полностью передъ отъѣздомъ изъ Генуи; они готовы были предложить лишь одно судно, назначенное, собственно, для эмигрантовъ и войскъ и потому оборудованное весьма примитивно. Поѣхали мы на катерѣ въ портъ и осмотрѣли это судно «Maria VI». Оно имѣло четыре большихъ помѣщеній, каждое на двѣсти пятьдесятъ пассажировъ, но безъ раздѣленія на каюты; кухни очень маленькія, удобствъ почти никакихъ. Для устройства коекъ потребовалось бы около 10.000 франковъ, на страховку противъ аварій отъ военныхъ дѣйствій 20.000, итого пароходъ вмѣстѣ съ платою за проѣздъ обошелся бы въ 120.000 франковъ. Такимъ образомъ, при тысячѣ пассажировъ проѣздъ стоилъ бы очень дешево и, главное, продолжался бы только пять дней, такъ какъ угля имѣлось достаточно, чтобы ѣхать безъ остановки. Вернувшись въ Лозанну съ этими данными, я пригласилъ къ себѣ комитетъ, который, по обсужденіи, нашелъ, что едва ли большинство нашихъ соотечественниковъ согласилось бы на такую поѣздку безъ

всякаго комфорта, и предложеніе итальянской компаніи было отклонено. Такъ кончился этотъ интересный эпизодъ изъ дѣятельности русскихъ временныхъ организацій за границей, интересный потому, что онъ касался весьма крупнаго дѣла и былъ проведенъ съ большою энергіею и съ полнымъ единодушіемъ.

Послѣ этой неудачи положеніе русскихъ въ Швейцаріи стало особенно критическимъ. На поѣздку, которая должна была совершиться лишь въ пять дней, было легко согласиться, но на участіе въ обычныхъ рейсахъ генуэзскихъ судовъ, которые ѣдутъ девятнадцать дней до Одессы, уже было рискованно. Мало ли какія политическія осложненія могли возникнуть въ теченіе полумѣсяца! Поѣздка изъ Бриндизи моремъ до Салоникъ на отвратительно грязныхъ и неудобныхъ греческихъ пароходикахъ и затѣмъ по желѣзной дорогѣ черезъ Балканскій полуостровъ въ поѣздахъ, ѣдущихъ со скоростью двадцать верстъ въ часъ, причемъ въ любой моментъ могла и тамъ вспыхнуть война, тоже казалась мало привлекательной. Въ то время существовалъ еще проектъ поѣздки изъ одного изъ портовъ Средиземнаго моря на русскомъ суднѣ въ Архангельскъ, предложенный чуть ли не нашимъ весьма дѣятельнымъ женевскимъ консуломъ О. О. Визелемъ, но о возможности осуществленія его въ недалекомъ будущемъ тогда ничего не было извѣстно. Итакъ, остался намъ лишь послѣдній путь: Парижъ, Лондонъ, Ньюкэстль, оттуда моремъ въ Бергенъ и черезъ Торнео въ Петроградъ. Имъ мы и воспользовались, несмотря на извѣстную опасность, вслѣдствіе минъ, разбросанныхъ у береговъ Англіи. Въ самомъ дѣлѣ, эта опасность намъ была прямо продемонстрирована: въ моментъ, когда мы сѣли въ Ньюкэстлѣ на пароходъ «Гаконъ VII», намъ сообщилъ русскій консулъ, что только что получено извѣстіе о гибели парохода «Руно», ушедшаго наканунѣ изъ Англіи, и когда мы вышли на берегъ Норвегіи, мы прочли въ первой купленной тутъ же газетѣ, что сейчасъ послѣ нашего выѣзда изъ Ньюкэстля погибъ англійскій крейсеръ «Пасфайндеръ» на той же рѣкѣ Тайнъ, по которой и мы направлялись къ морю!

Поѣздка продолжалась ровно двѣ недѣли. Описаніе ея уже не входитъ въ рамку этой статьи.

Еще вопросъ, который мнѣ многіе задавали: какъ относились къ своимъ соотечественникамъ русскія власти за границей? Разъ всѣ, и туземцы, и пріѣзжіе, въ первые дни послѣ начала политическихъ осложненій потеряли голову, и разъ обстоятельства мѣнялись съ необычайной быстротой, то совершенно понятно, что въ первое время растерялись и наши офиціальные представители, особенно по вопросамъ объ оказаніи матеріальной помощи. Ко всѣмъ консуламъ и посланникамъ шло безконечное множество просителей. Были такіе, у которыхъ не было ни русскихъ, ни швейцарскихъ денегъ; были и такіе, у которыхъ въ портфелѣ лежали аккредитивы

на десятки тысячъ франковъ, но которые никѣмъ не оплачивались. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ первое время не было никакой возможности перевода денегъ изъ Россіи, и наши представители, не зная, когда можно будетъ вновь надѣяться на полученіе новыхъ кредитовъ, были въ недоумѣніи, какъ имъ поступить. Повидимому, просители все-таки въ большинствѣ случаевъ получали нѣкоторыя субсидіи изъ средствъ консульствъ и миссій. Впослѣдствіи посольства брали на себя посредничество въ передачѣ денегъ, присылаемыхъ на имя русскихъ подданныхъ изъ Россіи черезъ министерство иностранныхъ дѣлъ, но эти деньги доставлялись часто съ неимовѣрнымъ запозданіемъ, что свидѣтельствуетъ о неправильной организаціи дѣла. Кромѣ того, странно, что выдавалось лишь по триста франковъ на паспортъ (хотя бы на цѣлую семью) и въ мѣсяцъ. Деньги эти нужны были главнымъ образомъ для того, чтобы выбраться домой, но вернуться на триста франковъ возможно съ трудомъ, развѣ въ обычное время, но никакъ не при условіяхъ прошлаго лѣта. Намъ, напримѣръ, наша поѣздка обошлась каждому въ 650 франковъ (билеты, гостиницы, ѣда). Правильнѣе было бы отпускать за первый мѣсяцъ около тысячи франковъ, а за послѣдующіе хотя бы двѣсти франковъ. Первоначальная растерянность сказалась также въ недостаточной организаціи дѣла. Бернское посольство, напримѣръ, имѣетъ помѣщеніе, которое, вѣроятно, въ обычное время вполнѣ удовлетворительно по числу и величинѣ комнатъ. Вѣдь, обычный проѣзжій при нормальныхъ условіяхъ старается не обременять нашихъ консуловъ своими вопросами. Но въ этомъ году пріемъ у нихъ былъ удивительный. Когда я спросилъ въ Бернѣ, гдѣ русское посольство, мнѣ отвѣтили: «тамъ, гдѣ вы увидите наибольшее количество зонтиковъ». Отправился я по направленію къ посольству,—день былъ дождливый,—и вдругъ замѣтилъ передъ однимъ домомъ съ полсотни зонтиковъ. Подхожу къ двери, звоню. Открывается окошечко, и служитель протягиваетъ мнѣ номерокъ. Номеръ былъ 68. Я спрашиваю, когда меня примутъ. Отвѣтъ: «вѣроятно, завтра». Такъ и случилось. Но сколько неудовольствія, сколько нареканій можно было слышать въ этой толпѣ, хотя бы со стороны тѣхъ, которые должны были уѣхать въ тотъ же день. Когда я, наконецъ, попалъ въ святыню посольства, и тамъ оказалась большая толпа ожидающихъ отвѣта, въ особенности въ комнатѣ, на которой красовалась надпись: «Входъ запрещенъ». Всѣ чиновники сидѣли за столиками, рылись въ книгахъ, писали, давали отвѣты на вопросы, но толпа все росла и росла... Въ виду явнаго недостатка въ персоналѣ, на счастье, появились добровольцы изъ числа русскихъ, задержанныхъ въ Бернѣ. Съ тѣхъ поръ работа какъ будто шла успѣшнѣе. Слѣдовало бы или нанять временное большое помѣщеніе, въ которомъ просители могли ожидать очереди, не рискуя простудиться подъ дождемъ, или же сортировать просителей

по тѣмъ вопросамъ, которые они предлагали, направляя ихъ изъ вестибюля лѣстницы или къ военному атташе, по вопросамъ объ отбываніи воинской повинности, или въ комитетъ для оказанія помощи, который имѣлъ рядомъ свое помѣщеніе, предоставленное городомъ для безплатныхъ или дешевыхъ обѣдовъ, причемъ для распредѣленія публики долженъ былъ бы въ вестибюлѣ дежурить чиновникъ, говорящій по-русски, а не простой консьержъ, совершенно не знающій русскаго языка.

Я считаю прямо долгомъ, совмѣстно съ моими знакомыми, съ которыми меня связала судьба въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, засвидѣтельствовать передъ русскою публикою тѣ чувства благодарности, которыя мы испытываемъ къ нашимъ швейцарскимъ знакомымъ, которые намъ помогали въ трудную минуту и относились къ намъ съ полнымъ сочувствіемъ, а также вообще къ швейцарскому народу и къ швейцарскимъ властямъ, оказавшимъ намъ содѣйствіе и покровительство. Не могу не вспомнить съ благодарностью и о симпатичномъ пріемѣ, оказанномъ намъ въ Англіи и особенно въ Швеціи со стороны населенія. Съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю часы, проведенные въ бесѣдѣ съ нашими соотечественниками, особенно въ Лозаннѣ, такъ много трудившимися надъ рѣшеніемъ важныхъ, интересовавшихъ насъ тогда вопросовъ, и, если кто-нибудь изъ нихъ случайно увидитъ эти строки, то пускай приметъ отъ насъ низкій поклонъ и выраженіе нашего высокаго уваженія и нашей сердечной благодарности!

Профессоръ Г. Ф. Деппъ.

РУССКІЕ ПОЭТЫ О СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНѢ.

ПОЛГОДА назадъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (январь 1915 г.) мы сдѣлали попытку прослѣдить, какіе мотивы вызвала вспыхнувшая война на лирѣ русскихъ поэтовъ, какъ отразился историческій переворотъ въ зеркалѣ ихъ творчества, какіе пробудилъ онъ помыслы, надежды и стремленія и какъ отозвался народъ на надвинувшуюся военную грозу. Въ настоящей замѣткѣ мы попытаемся продолжить этотъ просмотръ и прослѣдить то новое, что появилось среди поэтическихъ произведеній въ связи съ постепеннымъ развертываніемъ событій. Какъ и прежде, для этой цѣли мы воспользуемся новымъ вторымъ выпускомъ составленнаго Б. Б. Глинскимъ сборника «Современная война въ русской поэзіи» [1]), чистый доходъ съ котораго предназначается составителемъ въ пользу нашихъ доблестныхъ соплеменниковъ и союзниковъ—сербовъ и черногорцевъ, первыхъ, испытавшихъ на себѣ тяжесть «бронированнаго кулака» Австро-Германіи.

Открывается новый сборникъ отдѣломъ «Сказанія и думы». Кромѣ побѣды надъ германизмомъ, въ чемъ, конечно, всѣ изъ насъ глубоко убѣждены, въ сердцахъ русскихъ людей въ связи съ выступленіемъ Турціи вновь пробудилась давно таившаяся увѣренность, что приходитъ время, когда на древній соборъ святой Софіи

---

[1]) «Современная война въ русской поэзіи». Вып. II. Составилъ Б. Б. Глинскій. Петроградъ. 1915. Стр. XIV+252. Ц. 2 р.

будетъ водруженъ крестъ вмѣсто магометанскаго полумѣсяца. Въ обществѣ вновь ярко вспыхнули свѣтлыя надежды славянофиловъ, вспомнились проникновенныя пророчественныя слова Хомякова, Аксаковыхъ, Тютчева, родилась непоколебимая вѣра, что скоро

«... своды древніе Софіи
Въ возобновленной Византіи
Вновь осѣнятъ Христовъ алтарь!»

Георгій Ивановъ увѣренно повторяетъ:

Надежды не обманутъ насъ,
Не минетъ вѣщая награда,
Когда въ обѣтованный часъ
Падутъ твердыни Цареграда,

И будетъ въ нашихъ онъ рукахъ,
Услышитъ славы гулъ побѣдный,
И въ озаренныхъ облакахъ
Потонетъ полумѣсяцъ мѣдный.

Евангельскихъ садовъ цвѣты,
Нетлѣнные и золотые,
Вы снова вспыхнете, кресты,
На древнемъ небѣ Византіи.

Съ тою же вѣрою, что «свершатся радостные сны», и съ тѣмъ же воодушевленіемъ написаны звучные стихи Ѳедора Сологуба:

Грохочутъ пушки у Босфора,
И ужъ свободны станутъ скоро
Пути для нашихъ кораблей—
На дали вольныя простора,
На голубую ширь морей...

На то раздолье золотое,
Полдневнымъ солнцемъ залитое,
Вдали отъ сѣверной зимы,
Гдѣ прежде было все чужое,
Гдѣ только гости были мы,—

И наши станутъ шири, дали,
И средиземный гулъ волны,
О чемъ такъ долго мы мечтали,
О чемъ намъ снились только сны.

Нѣтъ, пятому не быть столѣтью
Съ тѣхъ поръ, когда, на горе намъ,
Магометанской сталъ мечетью
Царьградскій и вселенскій храмъ.

Тебѣ, тебѣ, моя Россія,
Въ мечтѣ мерцая ярче звѣздъ,
Юстиніанова Софія
Опять святой подниметъ крестъ,

И древнія воскреснутъ фрески,
Свой свергнувъ известковый плѣнъ,
И расточатся арабески
Въ таинственномъ и ясномъ блескѣ
Съ софійскихъ озаренныхъ стѣнъ.

Опять святой надеждой полны,
Опять мы вѣрою сильны.
Плещитесь, голубыя волны!
Свершайтесь, радостные сны!

Валерій Брюсовъ въ своемъ стихотвореніи «Туркамъ» подходитъ къ тому же вопросу съ нѣсколько иной стороны. У него нѣтъ мѣста стариннымъ историческимъ традиціямъ и преданіямъ, нѣтъ религіознаго элемента; онъ просто заявляетъ, повидимому, подъ впечатлѣніемъ быстраго наступленія нашихъ войскъ кавказской арміи, что мы давно «трудомъ и горемъ пріобрѣли права надъ моремъ, чей брегъ—Таврида и Кавказъ», и поэтъ, увѣренный въ нашей силѣ, гордо спрашиваетъ:

Кто вы, что пятый вѣкъ надменно
Держать хотите эту дверь?
Мы гнули васъ грозой военной,
Вы мстили хитростью презрѣнной,
Но хитростямъ—конецъ теперь!

Довольно! Грудью исполинской
Вздыхаетъ русскій богатырь.
Ступивъ ногой на камень финскій,
Онъ сталъ другой на Понтъ Эвксинскій
И грозно озираетъ ширь.

Эти надежды на скорое возстановленіе христіанскаго алтаря въ Царьградѣ и на наше обладаніе имъ не могли не вызвать на память тѣхъ трагическихъ моментовъ исторіи, когда подъ напоромъ могучей орды османовъ рухнули древнія стѣны Византіи и мусульманскій полумѣсяцъ, свергнувъ съ купола святой Софіи крестъ, воцарился и до сихъ поръ еще царитъ на его мѣстѣ. Трогательную и глубокосимволическую легенду изъ той поры воспроизводитъ Аполлонъ Коринфскій въ стихотвореніи «Гибель Царьграда». Въ 1453 году турки послѣ долгой и упорной осады, наконецъ, проникнули въ городъ, и народъ, съ дѣтьми и женщинами, заполнилъ софійскій храмъ, гдѣ служилъ патріархъ. Ворвавшись въ соборъ, турки безъ пощады стали рубить молящихся и уже приблизились къ алтарю, гдѣ съ святой чашей стоялъ служитель Христа, какъ вдругъ свершилось чудо: между озвѣрѣлыми турками и патріархомъ съ высоты межъ вратами воздвиглась непроницаемая стѣна, за которую съ тѣхъ поръ и скрылся священнослужитель.

Но живо въ тѣхъ народахъ
Преданье до сихъ поръ:
Что грянетъ громъ возмездья
Со всѣхъ Балканскихъ горъ,

Что минутъ годы рабства,
Что крестъ вновь осѣнитъ
Святой Софіи куполъ
Надъ бездною обидъ,

Что въ этотъ день въ соборѣ
Раздвинется стѣна,
И будетъ патріархомъ
Мольба довершена,

И снова отъ Царьграда
Христовъ польется свѣтъ,
И сгинетъ за Босфоромъ
Послѣдній Магометъ.

Другой героическій эпизодъ изъ борьбы Византіи съ мусульманами разсказываетъ Вл. Лебедевъ въ стихотвореніи «Щитъ христіанства», а именно о побѣдѣ знаменитаго византійскаго полководца Никифора Фоки надъ турками и о взятіи имъ неприступной твердыни Ханданка, богатѣйшаго и многолюднаго города на Критѣ.

Далѣе изъ сказаній нужно отмѣтить стильное стихотвореніе И. Пересвѣтова изъ эпохи XIII вѣка «Забытый урокъ». Здѣсь содержаніе почерпается уже изъ русской исторіи. Новгородцы поссорились со своимъ княземъ Ярославомъ. Провѣдавъ объ этомъ, литовскій посолъ предложилъ нѣмцамъ воспользоваться междоусобицей и разбить новгородцевъ. Нѣмцы дѣйствительно двинулись на Новгородскую землю, но Ярославъ и новгородцы позабыли въ этотъ опасный для государства моментъ свои ссоры, и сынъ Ярослава, ставъ во главѣ новгородскаго войска, далъ дружный и жестокій отпоръ врагу.

Какъ гармонично сливается этотъ древній историческій эпизодъ съ тѣмъ, что намъ всѣмъ сейчасъ приходится наблюдать, когда Россія, забывъ свои внутренніе споры, разногласія и неурядицы, въ единодушномъ порывѣ дать надлежащій отпоръ старинному врагу стремится обратиться какъ бы въ одинъ организмъ, въ одно цѣлое и, соединясь безъ различія племенной, партійной или классовой окраски, помочь роднѣ всѣмъ въ годину ея тяжелаго испытанія.

Это чувство нашло вѣрный поэтическій откликъ въ слѣдующихъ словахъ стихотворенія «Симъ побѣдиши».

Всѣ до единаго услышали призывъ;
Всѣ до единаго откликнулись, какъ эхо.
Всѣ до единаго,—и мальчикъ и старикъ,—
Отдать готовы жизнь, восторгомъ пламенѣя,
И тѣмъ наставшій часъ особенно великъ,
Что нѣсть ни эллина средь насъ, ни іудея.

Не съ нами совладать тевтонскому мечу:
Мы не разсѣялись, мы сердцемъ не упали,—
Мы сильны и бодры,—и вѣрить я хочу,
Что мощь духовная сильнѣй бездушной стали.
(Юр. В.).

Забыть теперь прошлыя историческія прегрѣшенія, забыть племенныя разногласія и старые раздоры и дружно сплотиться въ этотъ часъ для пользы общаго дѣла призываетъ насъ и поляковъ К. Бальмонтъ въ прелестномъ по своей музыкальности и ритму стихотвореніи «Гербъ затаеннаго мѣсяца».

Не пора ли намъ, славянамъ,
Древнимъ вѣря талисманамъ,
Всѣмъ полянамъ, всѣмъ древлянамъ,
Дружно встать за общій край?

Рыцарь польскій, въ жизнь влюбленный,
Гербъ твой—Мѣсяцъ затаенный,
Встань, насъ часъ зоветъ, звеня.
О, простимъ, при грозной сшибкѣ,
Наши общія ошибки,
Будемъ сильны, будемъ гибки
Чрезъ Причастіе Огня!

Въ связи съ печальной участью, постигшей Польшу въ эти дни военныхъ бѣдствій, въ русскомъ обществѣ теперь, какъ никогда, кажется, раньше, замѣчается чувство искренняго соболѣзнованія къ несчастному польскому народу, слышатся горячія завѣренія въ своей дружбѣ, любви и не перестаютъ высказываться надежды, что скоро осуществятся предначертанія, высказанныя верховнымъ главнокомандующимъ въ его извѣстномъ обращеніи къ полякамъ, что близится заря будущаго воскресенія свободной Польши. Въ стихотвореніи Н. Грушко бабушка-полька, много претерпѣвшая за свою долгую жизнь, видавшая тундры, тайгу и Сибирь, говоритъ внучкѣ:

— Дитя, не погибла Варшава...
Воспрянетъ родная страна,
Оружію русскому славу!—
Съ улыбкой шептала она.
— Мы, старые рыцари, больше
Не будемъ въ гробахъ тосковать,—
Воскреснетъ единая Польша—
Моя истомленная мать.

Печальной участи сыновъ растерзанной на части Польши посвящены стихи Анатолія Доброхотова (варіація на мотивъ польскаго поэта Слонскаго). Два родныхъ брата призваны на войну; одинъ идетъ въ рядахъ германскихъ войскъ въ Познани, другой—

въ Россіи. Какъ враги, должны встрѣтиться они въ бою, но въ сердцѣ каждаго изъ нихъ горитъ надежда, что Богъ не допуститъ умереть отъ руки брата.

Я вѣрю: пуля брата
Тебя минуетъ, братъ,
Въ другого пусть солдата
Мой попадетъ зарядъ.

Враждебная граната
Пускай меня сразитъ—
Я буду вѣрить свято:
Не братомъ я убитъ.

Характеристику общественнаго настроенія въ эти дни всеобщаго подъема, чувства, наполняющія сердца оставшихся здѣсь дома, ихъ мысли, переживанія, надежды высказываетъ въ «Стансахъ о войнѣ» Дмитрій Цензоръ, чутко выразившій тонъ общаго душевнаго настроенія:

Мой стихъ воинственно-мятеженъ,
Его напѣвъ призывно-грубъ.
Но развѣ сладокъ, развѣ нѣженъ
Тревожный вой военныхъ трубъ?
И развѣ красные кошмары,
Встающіе въ поляхъ войны,
Не гонятъ прочь отъ сердца чары
И обольстительные сны?
Да,—стыдно жить, прокравшись мимо
Сурово вѣющихъ знаменъ,
Когда надъ родиной любимой
Булатъ враждебный занесенъ;
Когда безумный вождь повсюду
Посѣялъ смерть, и злобно смятъ
Въ кровосочащуюся груду
Женихъ и мужъ, и другъ, и братъ...
Пока одинъ хоть врагъ возможенъ
У окровавленныхъ границъ,
Дотолѣ въ ножны мечъ не вложимъ,
Не отвратимъ отъ смерти лицъ.
Мы побѣдимъ, сомкнувшись грозно
Въ единый каменный оплотъ.
Мы будемъ пѣть, кричать безслезно,
Будить отвагу, звать впередъ!

Взоры и мысли всѣхъ русскихъ людей устремлены сейчасъ на нашихъ доблестныхъ защитниковъ, во главѣ съ верховнымъ главнокомандующимъ, которымъ и посвящено много стихотвореній. Доказательствомъ того восхищенія и благодарности, какія мы питаемъ къ нашей арміи, могутъ служить, напримѣръ, прочувствованные стихи М. Г. Веселковой-Кильштетъ:

Спасибо! Спасибо, родные герои,
За вашъ многотрудный походъ!
За подвиги ваши, безстрашные бои,
Поклонъ отдаетъ вамъ народъ.
Спасибо Тому, Кто предъ силою вражьей
Свой мечъ обнажилъ и на брань васъ повелъ,
Надъ чьею главою, съ короною княжьей,
Побѣдно паритъ нашъ орелъ.
Спасибо на русскомъ завѣтѣ великомъ!
И знайте,—кто былъ лишь ребенкомъ вчера,
Сегодня ужъ рвется на помощь вамъ съ кликомъ:
Ура!..

Близкій къ этому мотивъ звучитъ и въ стихотвореніи Н. Б. Хвостова «Сѣрому витязю». В. П. Опочининъ въ стихотвореніи «Русской вольницѣ», восхищаясь стойкостью, закаломъ и прирожденною ихъ удалью, говоритъ, что, подобно древней вольницѣ, наши полки въ своемъ наступленіи безъ колебаній смѣло идутъ все впередъ, что спускаются уже съ отроговъ Карпатъ въ равнины Дуная, что горизонтъ все ширится и что видно уже, какъ «дальнее море—усталыхъ отрада—синѣетъ Босфоръ у стѣнъ Цареграда»... «Героямъ Кавказа» посвящены стихи г. Пэге. Много чувства слышится въ стихотвореніи Ю. Зубовскаго «Солдаты»:

Сѣрыя шинели, лица темныя
Предо мной проходятъ безъ конца.
Но какія яркія, огромныя
Души ихъ и добрыя сердца!
И подъ этой маскою унылою,
Какъ поля родныя, хороша
Безконечной красотой и силою
Дышитъ ихъ смиренная душа.
И невольно чувствуешь, какъ дорого
Ихъ смиренье мудрое тебѣ.
Сохрани ихъ, Господи, отъ ворога,
Сбереги ихъ въ тягостной борьбѣ,
Чтобъ, вернувшись бодрыми, счастливыми
Съ поля брани на просторъ родной,
Они жили бы опять надъ нивами
Трудовой, великою семьей.

У Ѳ. Сологуба воинъ, прощаясь съ невѣстой, въ твердыхъ словахъ, не поддаваясь чувству робости передъ неизвѣстнымъ будущимъ, утѣшаетъ ее: «Лишь одну прожить подъ небесами намъ жизнь дано»... И ея ласковыя руки не удержатъ его въ тяжелый часъ общаго бѣдствія. Удивительной крѣпостью и силой души вѣетъ отъ этихъ стиховъ. Хороши заключительныя слова:

Когда къ тебѣ вернусь, меня героемъ
Ты не зови:
Исполнилъ я, стремясь къ жестокимъ боямъ,
Завѣтъ любви.

А если я паду за синей далью
Въ чужомъ краю,
Ты говори, горда своей печалью:
Сраженъ въ бою.

Событія на полѣ брани, картинки боевой и походной жизни также нашли себѣ поэтическое отраженіе.

Красивое описаніе отправленія на войну отряда войскъ, проводы его толпою народа, съ горячими молитвами въ сердцѣ смотрѣвшаго вслѣдъ удаляющимся загорѣлымъ и пыльнымъ солдатамъ дано въ стихотвореніи «Шли войска на войну» Вл. Краковецкаго, поэта, который замѣтно выдвинулся въ послѣднее время.

Участникъ нынѣшней кампаніи, талантливый Н. Гумилевъ такъ рисуетъ «дѣло величавое войны» и душевное состояніе на полѣ битвы:

Какъ собака на цѣпи тяжелой,
Тявкаетъ за лѣсомъ пулеметъ,
И жужжатъ шрапнели, словно пчелы,
Собирая ярко-красный медъ.

А вдали «ура»—какъ будто пѣнье
Трудъ дневной окончившихъ косцовъ...
Скажешь—это мирное селенье
Въ самый благостный изъ вечеровъ.

И поистинѣ свѣтло и свято
Дѣло величавое войны;
Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воиновъ видны.

Расцвѣтаетъ духъ, какъ роза мая,
Какъ огонь, онъ разрываетъ тьму,
Тѣло, ничего не понимая,
Слѣпо повинуется ему.

Сквозь лѣса глухіе и окопы
Цѣпью славы связывая насъ,
Онъ идетъ по пажитямъ Европы
Какъ женихъ къ невѣстѣ въ дивный часъ.
. . . .

Цѣлый рядъ поэтическихъ картинокъ боевой жизни далъ другой талантливый участникъ этой войны князь Өедоръ Касаткинъ-Ростовскій. Такъ, напримѣръ, съ глубокимъ интересомъ читаются его стихотворенія «У Вислы», «Трое», «Плѣнные» или «Елка» (окопная сказка). Яркую картину упорной атаки «подъ звенящій вой шрапнели», въ которую смѣло идутъ наши сѣрые мужички, даетъ также участвовавшій въ настоящей войнѣ Ф. Е. Заринъ-Несвицкій въ стихотвореніи «Вы далеки, какъ сонъ забытый»... Сергѣй Михѣевъ, чутко отражающій въ своихъ стихахъ различные моменты и эпизоды войны, воспроизводитъ картину общей вечерней молитвы

на позиціяхъ. В. Жуковскій старается передать ту возвышенность чувствъ и то душевное просвѣтлѣніе, которыя охватываютъ участника передъ боемъ. Человѣкъ становится какъ-то ближе къ природѣ, воспріимчивѣе къ ея премудрой сущности, болѣе начинаетъ понимать ее, его прозрѣвшая отъ новаго таинственнаго откровенія душа далека отъ земли...

О, ночь предсмертная! Твоею чарой звѣздной
Мнѣ грезъ пережитыхъ краса возвращена..
Я жду, я слушаю, не призывая сна.
Къ чему забвеніе, когда стоишь надъ бездной,
Когда земная жизнь, быть можетъ, сочтена,
И Промысломъ святымъ ликуетъ тишина!

Образъ печальной безвѣстной могилы убитаго на чужой сторонѣ воина или братской могилы привлекъ вниманіе многихъ поэтовъ. Такъ, В. В. Умановъ-Каплуновскій, Яковъ Годинъ, Донъ-Аминадо въ своихъ стихахъ разработали этотъ сюжетъ, поклонившись земно праху схороненныхъ героевъ. Звѣрства нѣмецкихъ сестеръ милосердія, добивающихъ нашихъ раненыхъ на полѣ послѣ битвы, продолжаетъ до глубины души возмущать нашихъ поэтовъ, одинъ изъ которыхъ (А. Мейснеръ), изображаетъ эту гнусную картину въ стихотвореніи «Съ крестомъ».

Отмѣтимъ также слѣдующее явленіе изъ жизни нашихъ солдатъ на войнѣ. Люди, которые почти каждую минуту отъ какой-нибудь случайной шальной пули могутъ покончить всѣ расчеты съ жизнью, которые, можетъ быть, ужъ не разъ видѣли передъ собою страшное лицо смерти,—эти люди становятся чувствительнѣе и воспріимчивѣе къ тѣмъ таинственнымъ явленіямъ потусторонняго міра, къ которымъ мы, трезвые матеріалисты въ спокойной мирной обстановкѣ, относимся съ недовѣріемъ и скептицизмомъ. Въ напряженности боевой дѣйствительности, въ ожиданіи опасности и близости смерти у многихъ, даже изъ невѣрующихъ интеллигентовъ, а у простого народа въ особенности, всегда пробуждается чувство вѣры. Война очищаетъ душу, у человѣка является способность осмысленія многаго изъ того, о чемъ прежде мало кто задумывался, и вмѣстѣ съ тѣмъ повышенная душевная чувствительность, нервность и воспріимчивость даетъ возможность созданія всякихъ предзнаменованій, вѣрованій, таинственныхъ легендъ, чудесныхъ видѣній. Создала такія легенды о видѣніяхъ, предзнаменованіяхъ и пр. и настоящая война. Одну изъ этихъ легендъ о знаменитомъ генералѣ Скобелевѣ воспроизводитъ И. Тимковскій. Глубокой ночью ѣдетъ по окопамъ Бѣлый генералъ, ѣдетъ онъ «по горамъ, по долинамъ, по низинамъ рѣчнымъ, по тропинкамъ, стремнинамъ, по болотамъ гнилымъ, ѣдетъ вдоль эскадроновъ и стрѣлковыхъ цѣпей, крѣпостныхъ батальоновъ и лихихъ батарей»...

И кому улыбнется,
На кого поглядитъ,
Смерть того не коснется,—
Мимо пуля летитъ.

Если жъ взоръ свой потупитъ,
И глаза отведетъ,—
Будь готовъ,—часъ наступитъ,
Смерть повсюду найдетъ.

Это повѣрье о Бѣломъ генералѣ очень распространено среди нашихъ солдатъ.

Какъ же отразилась война здѣсь, «въ глубинѣ Россіи», въ мирныхъ городахъ и селеніяхъ, до которыхъ не доносится грозный гулъ орудій, гдѣ не слышна адская канонада? Какія чувства, какія мысли живутъ въ душѣ оставшихся? Каково ихъ отношеніе къ ушедшимъ?

Эти мотивы широко использованы нашими поэтами. Образы матери, которая молитъ Всевышняго о своемъ сынѣ, сестры, невѣсты, ожидающихъ и тоскующихъ по ушедшимъ храбрецамъ, наконецъ, чувства всѣхъ насъ, видящихъ отправляющіеся «туда» отряды или просто думающихъ время отъ времени о той безыменной сѣрой массѣ нашихъ защитниковъ,—все это звучно отразилось въ стихахъ нашихъ поэтовъ, которые нашли достаточно сердечной теплоты, искренняго участія передъ этой печальной обыденностью нашихъ дней.

Сергѣй Городецкій описываетъ горячія мольбы женъ, матерей и дочерей Казанской Божьей Матери. Тихо теплятся благоговѣйные огни, цвѣты положены кѣмъ-то къ подножію ея образа, и изъ всѣхъ устъ выливается одна единодушная горячая мольба:

— Матерь-Дѣва, силой Божьею
Охрани ушедшихъ въ бой!
Надъ врагомъ побѣду правую
Дай защитникамъ Руси,
Дай сразиться имъ со славою
И отъ смерти ихъ спаси!
На Крестѣ Твой Сынъ Единственный
За любовь Свою страдалъ,
И Его Глаголъ таинственный
Къ этимъ битвамъ Русь позвалъ.
Мы воюемъ за спасеніе
Братьевъ, страждущихъ славянъ,
Мы свершимъ освобожденіе
Подъяремныхъ русскихъ странъ.
Съ кѣмъ враждуетъ Русь лучистая—
Врагъ и Сына Твоего.
Дай же, Дѣва, дай, Пречистая,
Нашей силѣ торжество!...
У Казанской Божьей Матери
Дивно-свѣтелъ вѣчный взглядъ.
Жены, дочери и матери
Передъ Ней съ мольбой стоятъ.

Въ Великомъ посту, въ дни молитвы и покаянія, «полна любви, смиренія и вѣры», женщина молитъ Всевышняго за тѣхъ, кто на войнѣ.

Молюсь Тебѣ за тѣхъ, кто тамъ, на бранномъ полѣ
Льетъ кровь свою за насъ... Храни ихъ, Боже мой!..
За тѣхъ молюся, кто уже не дышитъ болѣ,
Кто палъ въ бою и спитъ въ землѣ сырой...

За матерей молюсь... Ты слышишь ихъ рыданья?
Онѣ душою тамъ, гдѣ льется милыхъ кровь...
Храни ихъ, Господи, отъ новаго страданья,
Верни имъ сыновей, пусть ихъ обнимутъ вновь!..

Молюсь тебѣ за всѣхъ томящихся въ разлукѣ,
За женъ покинутыхъ, измученныхъ тоской;
Онѣ не ропщутъ, нѣтъ, но Ты ихъ знаешь муки,
Дай силъ имъ, Господи, и сердцу дай покой!..

Молюсь и за дѣтей, оставленныхъ отцами,
Ихъ ручки слабыя протянуты къ Тебѣ,
Вѣдь ихъ отцы ушли за родину борцами...
Храни, Господь, дѣтей, внемли моей мольбѣ!..

(Евгенія Дроздовская).

Много искренности, сердечности и непосредственнаго чувства вложено въ трогательное стихотвореніе Т. Л. Щепкиной-Куперникъ «Передъ исповѣдью». Поэтесса молитъ Бога простить ее за то, что она сыта, когда у столькихъ нѣту хлѣба, за то, что не всегда думаетъ о тѣхъ, кто за нашу безопасность жертвуетъ «тамъ» своей жизнью, за то, что не все даетъ тѣмъ, чьи отцы лежатъ теперь въ могилахъ...

Прости меня! И, какъ чудесный знакъ,
Какъ вѣрный знакъ великаго прощенья,
О Господи, молю я, сдѣлай такъ,
Чтобъ тамъ окончились мученья!

Чтобъ не было позора и стыда
Счастливымъ быть въ часы войны кровавой.
О, Господи, дай миръ намъ навсегда
И насъ покрой своей святой державой.

Поэты А. Мейснеръ и Донъ-Аминадо воспроизводятъ въ своихъ стихотвореніяхъ образъ несчастной матери, гадающей о своемъ сынѣ, оплакивающей тихими старческими слезами его безвременную смерть или гордо въ своемъ великомъ горѣ замкнувшейся въ себѣ и твердыми, по возможности, шагами слѣдующей за гробомъ, гдѣ поблекли звѣздочки новыхъ погоновъ, сомкнулись навѣки родные глаза... Особенно выразительно стихотвореніе Донъ-Аминадо «Сѣдая дама».

Ярко высказана въ небольшомъ стихотвореніи неизвѣстной провинціальной поэтессы, скрывающейся подъ псевдонимомъ «Кира», та просвѣтленная горячимъ участіемъ грусть, которой полно истрадавшееся по близкомъ ушедшемъ на войну человѣкѣ женское сердце.

Ты тамъ... А я въ тиши ночей
Сшиваю бѣлыя одежды,
И скорбь души больной моей
Ласкаетъ тихо лучъ надежды...

Быть можетъ, тамъ одна изъ нихъ
Осенней, грустною порою
Коснется мягче ранъ твоихъ,
Любимой сшитая рукою.

До нѣкоторой степени здѣсь слышатся мотивы, уже затронутые Т. Щепкиной-Куперникъ въ ея извѣстной «Пѣснѣ о рубашкѣ», но и приведенные стихи захватываютъ своей трогательною простотою и нѣжнымъ лиризмомъ.

Попрежнему всеобщее восхищеніе возбуждаетъ неустанная, самоотверженная работа нашихъ сестеръ милосердія, которыя въ тяжелую годину народнаго бѣдствія откликнулись со всѣмъ пыломъ нѣжнаго, любвеобильнаго женскаго сердца, чтобы помочь раненымъ страдальцамъ, чтобы женскою ласкою и заботою смягчить ихъ мученія, облегчить и разсѣять ихъ тоску. На это служеніе Вѣра Рудичъ призываетъ смотрѣть женщинъ, какъ на святой подвигъ, какъ на необходимую отплату за защиту этими ранеными цѣною своей жизни нашего мира.

Охраняйте ночами неслышной заботой постели,
На которыхъ страданье забыто въ лелѣющемъ снѣ.
Подходите къ страданью, какъ къ нѣкой священной купели,
Въ одѣяніи своихъ бѣлизнѣ.
Какъ лампаду, любовью зажженное сердце несите,
Чтобъ оно озаряло мученія скорбные дни,
Какъ угодниковъ Божьихъ, страдальцевъ просите,
Чтобы приняли ваше служенье они.

О сестрахъ милосердія пишутъ Т. Берхманъ, Л. Афанасьевъ, С. Городецкій, В. Лебедевъ, В. Жуковскій, С. Касаткинъ, Е. Эдварсъ А. Доброхотовъ и др. У одной сестры убили жениха, и она, забывъ свое личное горе, всей душой предалась лазаретной работѣ; другая «въ полѣ средь труповъ хладныхъ» подобрала тяжело раненаго; третья, оставивъ роскошь и богатство родного дома, съ утра до глубокой ночи трудится въ лазаретѣ среди стоновъ и страданій, сидитъ у постели умирающаго, и «въ рукахъ заботливыхъ сестры больныя руки холодѣютъ»... У всѣхъ поэтовъ находятся сердечныя слова и слышны нѣжные прочувствованные тона, когда они говорятъ о высокомъ подвигѣ нашихъ сестеръ милосердія.

По адресу нашихъ союзниковъ продолжаютъ появляться поэтическія обращенія. Стойкая борьба сербовъ и черногорцевъ, противопоставившихъ много сильнѣйшему врагу должный отпоръ, могучихъ силою духа и единеніемъ, даетъ поводъ Михаилу Гальперину посвятить этимъ героямъ свою «Пѣснь сербовъ». Ихъ не много,—говоритъ поэтъ:—но у нихъ въ сердцѣ много силы, и этого страшится врагъ. Онъ чуетъ свой неизбѣжный часъ, и хотя надъ родной Сербіей дрожатъ, какъ стонъ, только звуки горя, хотя «въ очахъ печаль, въ оковахъ братьевъ руки, но въ сердцѣ—месть и лозунгъ боевой»...

Красиво переложеніе черногорскаго гимна Леонида Афанасьева; съ воодушевленіемъ составлена «Боевая пѣснь славянина» Вл. Овчаренка. А. С. Гринъ въ стихотвореніи «Король на войнѣ» передаетъ эпизодъ изъ жизни стараго сербскаго короля Петра, который, обходя на позиціяхъ свои войска, взялъ у одного изъ молодыхъ солдатъ ружье, легъ въ окопѣ и принялся стрѣлять по австрійцамъ.

Съ глубокимъ настроеніемъ написано стихотвореніе А. Радакова «Души домовъ», гдѣ авторъ скорбитъ надъ грудами развалинъ стариннаго Лувена, который нѣмцы подвергли ожесточенной бомбардировкѣ. Вл. Краковецкій въ стихотвореніи «Стальныя крылья» красочно описываетъ Парижъ и изображаетъ душевное состояніе и настроеніе сторожевого авіатора, летающаго ночью надъ Парижемъ. Съ интересомъ читается «Жанна д'Аркъ» Л. Никулина. Нѣмецкіе дозорные видѣли ночью съ холма страшный призракъ дѣвы Іоанны, которая прошла въ разрушенный Реймсскій соборъ... Потрясенные неожиданнымъ страннымъ видѣніемъ, солдаты разсказали о случившемся товарищамъ...

Былъ въ станѣ трепетъ... Скоро слухи эти
Достигли ставки злобнаго вождя.
Въ разсказѣ стражей робость прослѣдя,
Держа слова ихъ въ тайнѣ и секретѣ,
Онъ приказалъ казнить ихъ на разсвѣтѣ.

Съ воодушевленіемъ написано В. Опочининымъ обращеніе къ британцамъ.

Выступленіе противъ общихъ враговъ нашей новой союзницы—Италіи—вызвало также не мало стихотворныхъ откликовъ. Такъ, напримѣръ, С. Копыткинъ говоритъ: Римъ «мечъ свой обнажилъ за истину и право на полчище чудовищныхъ химеръ», «Онъ всталъ за красоту, за торжество закона противу торжества германскихъ минъ и бомбъ»... «За вѣчное право свободы поднялся разгнѣванный Римъ»...

Отмщенье за злое коварство!
Наемники подняли бунтъ!
Рабы захотѣли на царство,
Germani, qui barbari sunt!

Къ оружію! Варвары встали!
Такъ пусть же погибнутъ они:
Земля не поклонится стали!
Судьба сосчитала ихъ дни.

(С. Городецкій).

А. Колтоновскій перевелъ «Гимнъ гарибальдійцевъ», популярнѣйшій изъ итальянскихъ гимновъ, извѣстный даже въ самыхъ захудалыхъ и глухихъ деревушкахъ Италіи. Этотъ гимнъ былъ написанъ по просьбѣ самого Гарибальди для его добровольцевъ поэтомъ-патріотомъ Луиджи Меркантини.

Въ новомъ выпускѣ сборника «Современная война въ русской поэзіи», какъ и въ первомъ, обильно представлены сатиры и юморъ относительно нашихъ враговъ, причемъ главнымъ объектомъ является, конечно, «кайзеръ» Вильгельмъ. Талантливый сатирикъ, еще въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка зло вышучивавшій пышно распускавшійся тогда прусскій милитаризмъ, берлинское юнкерство и солдафонство съ Бисмаркомъ и Мольтке во главѣ, В. П. Буренинъ написалъ ядовитую, полную острыхъ сарказмовъ сатиру на главу Германіи въ формѣ діалога Мефистофеля съ Вильгельмомъ II. Соль этого произведенія много увеличивается еще и тѣмъ, что въ основу всѣхъ тирадъ Вильгельма авторъ положилъ сущность его же собственныхъ рѣчей, произнесенныхъ имъ по тому или иному поводу. Пьеса В. П. Буренина съ большимъ успѣхомъ шла на сценѣ петроградскаго Малаго (Суворинскаго) театра. Не проигрываетъ она и въ чтеніи. Много смѣха возбуждаетъ и трагикомическое положеніе Турціи, которую нѣмцы совершенно прибрали къ рукамъ. Остроумный Донъ-Аминадо, устами разсказчицы 1002-й и послѣдней сказки Шехеразады, говоритъ повелителю правовѣрныхъ:

— Вмѣсто фесокъ стали каски
Роль играть въ твоей судьбѣ!
Вмѣсто лампы Алладина
Электричество горитъ,
Но въ странѣ безъ господина
Злой слуга его царитъ!
Ай-софійскія колонны
Продалъ нѣмцамъ за гроши.
Всѣ пашами стали фоны,
Стали фонами паши!
Вотъ примѣръ: въ Ильдызъ-Кіоскѣ
Былъ Абдулъ—и нѣтъ его!
Двѣ дырявыхъ миноноски
Не измѣнятъ ничего.
И тебя они надули—
И тебѣ не сдобровать!
Вспомни, бѣдный, объ Абдулѣ,
Когда станешь воевать!..

Смѣшнымъ и жалкимъ представляютъ наши юмористы образъ и другого союзника Германіи—дряхлаго Франца-Іосифа, всѣми дѣлами котораго, точно въ Турціи, увѣренно верховодитъ все тотъ же Вильгельмъ. Нашли себѣ сатирическое отраженіе и характеръ нѣмцевъ, внутреннее положеніе ихъ государства, поведеніе на полѣ битвы и т. п. Описаны въ юмористическихъ стихотвореніяхъ и отравленіе германскими санитарами раненыхъ разными ядовитыми кислотами, и употребленіе удушливыхъ газовъ, и германскій военный хлѣбъ «кака», и геройскіе подвиги кронпринца, который привезъ въ Берлинъ трофеи съ поля битвы въ видѣ ковровъ, роялей, бронзы, перинъ, мебели, зеркалъ и т. п. Хороша баллада А. Измайлова «Два поцѣлуя»; стильна пародія Бенедикта на популярную народную пѣсню съ припѣвомъ «батюшки, матушки»—«Пѣсня про Василія Өеодоровича»; остроумно «подражаніе Пушкину» д-ра Фрикена въ стихотвореніи «Современный Будрысъ»; съ большимъ интересомъ читаются «Нео-русскіе классики» В. Барятинскаго, который очень удачно пародируетъ всѣмъ извѣстныя стихотворенія русскихъ классическихъ поэтовъ.

Частушки даютъ возможность прослѣдить, какъ относится къ совершающимся событіямъ самъ народъ, какимъ представляются ему наши враги, каково народное самочувствіе, каково отношеніе солдата къ своимъ товарищамъ, начальству, оставшимся на родинѣ близкимъ, вообще какъ отразилась война въ народномъ сознаніи и въ какой формѣ, въ какихъ выраженіяхъ вылились народные надежды и взгляды на современное положеніе дѣлъ.

Въ частушкахъ говорится, что изъ-за нѣмцевъ «занялся большой пожаръ», что «нѣмецъ бельгійца изобидѣлъ» и «французу насолилъ», что мы не можемъ «дать славянъ въ обиду», а также французовъ и англичанъ, что «приказалъ намъ царь россійскій сестру Сербію спасать»; не рекомендуется врагу обижать зарубежныхъ русскихъ и «ихнихъ братей и сестеръ», такъ какъ «не дастъ русскій ихъ въ обиду, и тесакъ его остеръ». Много смѣются частушки, что не удалось до сихъ поръ хвастливымъ нѣмцамъ добраться ни до Парижа, ни до Варшавы, что «показалъ австріецъ пятки»; воспѣваются наши успѣхи въ Галиціи, что мы «свободили галичанъ», а нѣмца «присмолили» къ рѣкѣ Санъ. Большую похвалу въ частушкахъ заслужили «генералъ Брусиловъ бравый», «молодчина Радко-Дмитревъ», Рузскій. Очень мѣтка характеристика австрійцевъ въ такихъ, напримѣръ, словахъ:

Австріяки—россомахи,
А ихъ царь-то старый хрѣнъ.
Налетятъ на нихъ казаки,—
И сдаются гуртомъ въ плѣнъ.

Тамъ Брусиловъ ихъ колотитъ,
Въ Перемышлѣ Рузскій бьетъ.
Гдѣ ихъ мелютъ, гдѣ молотятъ,
А гдѣ вѣетъ пулеметъ.

Ну какіе съ нихъ вояки,
Щей да каши не признаютъ,
А замѣсто нашей каши
У накладку кофей пьютъ.

Нѣмцы, по словамъ частушки, большіе хваты, но и русскіе не дураки, нѣмцы заняли одно мѣсто, русскіе занимаютъ у нихъ другія, и наши солдаты не унываютъ и очень бодро разсуждаютъ о стратегическомъ положеніи въ разные моменты войны, о занятіи той или иной стороной разныхъ городовъ и т. п. Вильгельму предупредительно совѣтуется:

Какъ оставимъ безъ портовъ,
Вотъ тогда и миръ готовъ.
Ты смирись-ка, другъ Вильгельмъ,
Не таращь ослиныхъ бѣльмъ.

Очень хороши артиллерійскія частушки на мотивъ популярной «Дубинушки»:

Окопался нѣмчинъ, позарылъ сотни минъ,
Волчьихъ ямъ, загражденій, фугасовъ.
А нашъ бравый солдатъ не боится машинъ,
Бьетъ штыками съ плеча дуроплясовъ.

Эхъ ты, «бабушка», ухнемъ,
Дальнобойная сама пальнетъ:
Клацъ-пли, клацъ-пли, бумъ!..

Дѣвичьи фабричныя частушки выражаютъ грусть по ушедшемъ на войну миломъ:

Онъ уѣхалъ въ городъ Галичъ
На сраженье съ нѣмчурой
И не шлетъ, не шлетъ мнѣ вѣсти,
Не уважитъ мой спокой.

Дѣвушка собирается послать милому рубашку съ письмомъ, а сама все думаетъ, не случилось ли съ нимъ чего, можетъ быть, раненъ или томится въ плѣну, а «можетъ, съ нѣмкой обвѣнчался и не думаетъ о мнѣ». Во всякомъ случаѣ она рѣшаетъ:

Напишу я письмо Мишѣ
Во нѣмецкую страну,
Вспомни, Миша, свою Варю,
Что любилъ ты до войны.

Другая гадаетъ на воскѣ о своемъ миломъ. «Вотъ на стѣнкѣ башни вышли», значитъ милый въ Перемышлѣ и она на бѣленькомъ листочкѣ пишетъ ему три строчки: «Ты скорѣе воротись, на Аленѣ оженись».

Изображаютъ также частушки картины мобилизаціи, ухода на войну, прощанія съ родными и т. д., но большая часть ихъ рисуетъ боевую жизнь, войну, враговъ, военные эпизоды.

Въ новомъ разсматриваемомъ нами сборникѣ нужно отмѣтить слѣдующее характерное явленіе современности: кромѣ произведеній профессіональныхъ поэтовъ и народа, какъ массы, какъ коллектива, выражающаго свои настроенія и переживанія въ поэтической формѣ безыменныхъ пѣсенъ или частушекъ, народился новый особый видъ поэзіи, которую нѣкоторые называютъ «воинскою поэзіею». Она создается самими участниками войны среди военной обстановки и выражаетъ чувства, которыя дѣйствительно охватываютъ ихъ въ самомъ походѣ. Къ этимъ стихотвореніямъ, конечно, нельзя относиться съ строго литературной критикой. Въ нихъ много стилистическихъ погрѣшностей, лишняго «высокаго штиля», форма рѣдко безукоризненна, но зато всегда безукоризненно то, чѣмъ именно полна душа пишущаго, его чувства, настроенія, переживанія, жизнеощущеніе. Въ мотивахъ, затронутыхъ этими поэтами, слышится такая бодрость, такая незыблемая увѣренность въ нашей конечной побѣдѣ надъ врагомъ, какой могутъ позавидовать многіе представители интеллигентнаго общества, которые въ уютныхъ гостиныхъ и кабинетахъ глубокомысленно вздыхаютъ о тяжести нашего военнаго положенія и говорятъ: «Конечно, вы можете называть меня пессимистомъ, но нельзя закрывать глаза на то-то и то-то, критика также помогаетъ въ созданіи дѣла» и т. д. и т. д. Такимъ каркающимъ воронамъ (а ихъ, къ сожалѣнію, немало) весьма полезно познакомиться съ тѣмъ бодрымъ и свѣтлымъ взглядомъ на будущее, который царитъ среди самихъ участниковъ войны.

Образцами этой «воинской поэзіи» могутъ служить, напримѣръ, стихи военнаго писаря Петра Иванова «Побѣдные слышатся клики», «Пѣсня стрѣлковъ 1-го сибирскаго корпуса», сочиненная фельдфебелемъ Тучинымъ, или «Боевая пѣснь» Крымскаго коннаго Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны полка, написанная въ походѣ прапорщикомъ Шене и вольноопредѣляющимся Марковымъ. Это стихотвореніе можетъ выдержать любую литературную критику. Его языкъ сочёнъ, стихъ звученъ, а образы ярки, красочны и поэтичны. Здѣсь, между прочимъ, говорится:

Когда у насъ подъ небомъ Крыма
Гдѣ горизонтъ зеркальныхъ водъ
Съ лазурной далью слитъ незримо,
«Штандартъ» у мола пристаетъ,—

Тогда на радость саклямъ знойнымъ
Навстрѣчу ялтинской волнѣ
Татары грянутъ хоромъ стройнымъ
«Селямъ алейкумъ, Валиде!» [1]).

Когда дорогой у откоса
Унылый слышенъ скрипъ можаръ,
Идущихъ въ зелени Фороса
Изъ Симеиза и Байдаръ;

Когда уснетъ Алупка въ лѣни
Въ цвѣтахъ глициніи густой
И спитъ на мраморной ступени
У моря левъ сторожевой;

И въ душной нѣгѣ аромата,
Гдѣ розы пышно расцвѣли,
При свѣтѣ розовомъ заката
Дюльберъ бѣлѣется вдали;

Когда на берегъ полусонный
Лѣниво смотритъ лунный взоръ,
И свѣтитъ вдаль неугомонный
Своей лампадой Ай-Тодоръ;

И не играютъ зыби даже
На морѣ Черномъ безъ конца,—
Тогда не дремлетъ только стража
У Ливадійскаго дворца.

Но вотъ мирную жизнь полка всколыхнулъ набатъ войны, «нежданно грянулъ громъ», и полкъ на войнѣ:

Стучатъ лихихъ коней подковы,
Трубитъ атаку Ибрагимъ,
Мы до послѣдняго готовы
Костьми полечь... Но побѣдимъ!

Жаль только, что въ настоящій сборникъ не вошли изъ этой «воинской поэзіи» образцы другого рода, болѣе личнаго, интимнаго характера, гдѣ поэты въ сѣрыхъ шинеляхъ, забываясь въ мечтахъ отъ сутолоки напряженной боевой дѣйствительности, въ трогательно простыхъ стихахъ, идущихъ прямо отъ сердца, грезятъ о покинутомъ домѣ, о шорохѣ ржи въ лѣтнюю ночь, о полевыхъ работахъ, о далекихъ черноземныхъ равнинахъ, объ оставленной семьѣ, дѣтяхъ, вспоминаютъ послѣдніе моменты прощанія и т. д. Подобныя стихотворенія бывали печатаемы большей частью на столбцахъ провинціальной прессы въ видѣ выдержекъ въ разныхъ фельетонахъ и корреспонденціяхъ съ театра войны, а потому понятна вся трудность ихъ литературной регистраціи.

---

[1]) Валиде—мать народовъ. Этимъ же именемъ крымскіе татары называютъ Государыню Императрицу.

Какъ видятъ читатели, второй выпускъ сборника «Современная война въ русской поэзіи» даетъ довольно полную и отчетливую картину того, какъ отразилась война въ ея второмъ періодѣ въ творчествѣ поэтовъ и русскаго народа. Въ особое достоинство новой книги нужно поставить и то обстоятельство, что въ ней нашли себѣ пріютъ выдающіяся произведенія независимо отъ того, къ какому бы лагерю ни принадлежалъ ихъ авторъ, а также, равнымъ образомъ, помѣщены отмѣченныя печатью талантливости стихотворенія не только уже признанныхъ извѣстныхъ поэтовъ, но и неизвѣстныхъ, молодыхъ, только что вступающихъ на широкій литературный путь.

Какъ и первый, второй выпускъ «Современной войны въ русской поэзіи» изданъ очень изящно, отпечатанъ на хорошей бумагѣ и украшенъ отличной обложкой, исполненной художникомъ С. Плошинскимъ.

Дм. Масляненко.

ГРАФЪ СЕРГѢЙ ЮЛЬЕВИЧЪ ВИТТЕ.

(Матеріалы для біографіи).

X.

СЛИ покойный С. Ю. Витте на посту министра финансовъ и вызывалъ порою противъ себя нападки и подвергался жестокой критикѣ, то и эти нападки, и эта критика исходили изъ среды лицъ, не сочувствовавшихъ тѣмъ новшествамъ, которыя сказывались въ его реформаторской дѣятельности. Но, можно сказать, общій голосъ страны скорѣе былъ на его сторонѣ, такъ какъ результаты его финансовой политики вели государственное казначейство къ обогащенію и государство освобождалось отъ тѣхъ дефицитныхъ бюджетовъ, которые дотолѣ висѣли черною тучею надъ нашей родиной. Побѣдителя не судятъ, а Витте въ роли министра финансовъ былъ именно тѣмъ побѣдителемъ, который со славою сокрушалъ отечественный промышленный застой и выводилъ страну на широкую дорогу торгово-промышленнаго прогресса. Его необыкновенная энергія, работоспособность и смѣлая инціатива ставили его на цѣлую голову выше прочихъ современныхъ ему министровъ и создавали изъ него тотъ центръ, къ которому стягивались нити управленія большинствомъ отраслей отечественной жизни. Отсюда неудивительно, что его личность находила себѣ отраженіе во всѣхъ тѣхъ или, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ тѣхъ явленій государственной жизни, коими наполнена

была Россія въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка. Отсюда является необходимость въ постановкѣ вопроса: каково же было государственное credo всевластнаго министра? и отвѣтъ на этотъ вопросъ, отвѣтъ наиболѣе рѣшительный, можетъ быть усмотрѣнъ въ отношеніяхъ Витте къ дѣламъ нашей внутренней политики, получившей къ исходу девятидесятыхъ годовъ особенную остроту. Отношенія эти наглядно проявились по вопросамъ крестьянскому и о земствѣ, по коимъ министръ финансовъ имѣлъ случай очень опредѣленно высказаться.

Оставляя въ сторонѣ разсмотрѣніе и изображеніе общей картины внутренняго состоянія Россіи за отмѣченный періодъ и тѣхъ теченій, которыя здѣсь сказывались, какъ со стороны сферъ правительственныхъ, такъ и общественныхъ, отмѣтимъ лишь тѣ выступленія, которыя были сдѣланы С. Ю. Витте и которыя создали изъ его личности якобы противника нашего земскаго самоуправленія и политическаго его значенія въ системѣ нашего государственнаго управленія.

Такъ, въ 1899 году имъ былъ представленъ всеподданнѣйшій докладъ по вопросу о расходѣ на народныя училища, гдѣ онъ писалъ:

«Рядъ мѣропріятій, предпринятыхъ по Высочайшимъ указаніямъ въ Бозѣ почивающаго государя императора Александра III и Вашего Императорскаго Величества, несомнѣнно, упрочилъ наше финансовое положеніе. На ряду съ этимъ, относительно наиболѣе обременительныхъ для государственнаго казначейства расходовъ военнаго и морского вѣдомствъ можно имѣть увѣренность, что расходы эти не превысятъ въ теченіе ближайшихъ лѣтъ тѣхъ предѣловъ, которые опредѣлены для нихъ установленными съ Высочайшаго Вашего Величества соизволенія нормальными бюджетами. Все это даетъ министру финансовъ возможность,—если сказанная увѣренность не окажется тщетною,—озаботиться обращеніемъ средствъ, которыми можетъ располагать государственное казначейство, на другія, наиболѣе назрѣвшія государственныя потребности. Въ этомъ отношеніи, слѣдуя Высочайшимъ указаніямъ Вашего Величества, министръ финансовъ не можетъ не поставить на первую очередь потребностей народнаго образованія и, въ частности, наиболѣе нуждающагося въ распространеніи начальнаго обученія.

«Дѣло начальнаго народнаго образованія находится у насъ на попеченіи собственно двухъ вѣдомствъ: Святѣйшаго Синода и министерства народнаго просвѣщенія, такъ какъ состоящія въ распоряженіи другихъ вѣдомствъ спеціальныя низшія училища весьма немногочисленны и въ смыслѣ общаго начальнаго образованія народа не имѣютъ серьезнаго значенія.

«Въ дополненіе къ пожертвованіямъ и другимъ частнымъ источникамъ, изъ суммъ государственнаго казначейства ассигнуется по смѣтѣ Святѣйшаго Синода на содержаніе церковно-приходскихъ

школъ и школъ грамоты, а равно и на надзоръ за этими школами, 4.953,841 руб. Къ этой суммѣ, по моему предварительному соглашенію съ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода, предположено добавить съ 1-го января 1900 года 1.800,000 руб. По смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія на приходскія и начальныя народныя училища, на учительскія семинаріи, приготовляющія учителей для народныхъ школъ, и на надзоръ за народными училищами ассигнуется 4.402,836 руб. Къ этимъ же ассигнованіямъ нужно причислить около 1.200,000 руб., которые расходуются на начальныя народныя училища изъ состоящихъ въ непосредственномъ распоряженіи правительства земскихъ сборовъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ не введены земскія учрежденія. Но, кромѣ всѣхъ этихъ суммъ, расходуемыхъ по непосредственнымъ распоряженіямъ правительственныхъ учрежденій, начальныя народныя училища содержатся также и на земскія средства. На этотъ предметъ изъ земскихъ сборовъ расходуется около семи милліоновъ рублей. Суммы эти расходуются по распоряженіямъ земскихъ учрежденій, но такъ какъ всѣ земскіе расходы производятся на счетъ сборовъ, взимаемыхъ съ того же населенія, то всякое излишнее земское обложеніе настолько же лишаетъ правительство возможности пользоваться платежными силами населенія, какъ источникомъ государственныхъ доходовъ. Въ виду этого нѣтъ основанія полагать, что обращеніе на дѣло начальнаго образованія взимаемыхъ земскими учрежденіями сборовъ въ чемъ-либо облегчаетъ задачи правительства, такъ какъ, будучи взимаемы съ одного и того же населенія, суммы, расходуемыя по смѣтамъ Святѣйшаго Синода и министерства народнаго просвѣщенія, по существу не отличаются отъ суммъ, расходуемыхъ по распоряженіямъ земскихъ учрежденій.

«При существующемъ строѣ земскаго хозяйства, со стороны земскихъ учрежденій вполнѣ понятно желаніе перелагать на государственное казначейство тѣ или другіе изъ лежащихъ на нихъ обязательныхъ расходовъ. Но такое переложеніе, какъ показываетъ практика, не бываетъ сопряжено съ облегченіемъ населенія, такъ какъ, освободившись отъ извѣстныхъ расходовъ, земскія учрежденія тотчасъ же обращаютъ оставшіяся свободными суммы на другія потребности, а въ томъ числѣ и на открытіе новыхъ училищъ. Въ примѣненіи къ земскимъ расходамъ на содержаніе учебныхъ заведеній, не разъ возникавшій вопросъ, не слѣдуетъ ли принять на государственное казначейство всѣ эти расходы, конечно, безъ особаго затрудненія могъ бы быть разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, но лишь при условіи или передачи соотвѣтствующихъ сборовъ въ пользу казны, или обязательнаго снятія соотвѣтствующей суммы съ населенія, такъ какъ въ противномъ случаѣ правительство, въ концѣ концовъ, было бы вынуждено прибѣгнуть къ дополнительному обложенію того же населенія.

«Такимъ образомъ, упадая въ сущности на одни и тѣ же платежные источники, расходы по содержанію начальныхъ народныхъ училищъ распредѣляются по тремъ категоріямъ. Раздѣленіе расходовъ по смѣтамъ Святѣйшаго Синода и министерства народнаго просвѣщенія не представляетъ ни по существу дѣла, ни въ финансовомъ отношеніи никакихъ затрудненій, такъ какъ и тѣ, и другіе расходы находятся по общему порядку на попеченіи министерства финансовъ и подчиняются общей системѣ испрошенія и разрѣшенія. Въ иномъ положеніи оказываются расходы третьей категоріи. Находясь въ зависимости отъ земскихъ учрежденій, расходы эти являются какъ бы самостоятельными и не связанными съ правительственными мѣропріятіями по развитію народнаго образованія, а при такой неопредѣленности границъ дѣятельности на одномъ и томъ же поприщѣ—съ одной стороны, земскихъ учрежденій, а, съ другой, вѣдомствъ Святѣйшаго Синода и народнаго просвѣщенія—затрудняется и выработка опредѣленнаго плана дѣйствій по распоряженію народныхъ училищъ.

«Полагая со своей стороны полезнымъ совмѣстное обсужденіе возникающихъ по этому дѣлу вопросовъ со стороны высшихъ представителей заинтересованныхъ вѣдомствъ, пріемлю долгъ всеподданнѣйше испрашивать: не благоугодно ли будетъ Вашему Императорскому Величеству возложить на особое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода изъ министровъ—внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и народнаго просвѣщенія—обсужденіе вопросовъ о томъ, слѣдуетъ ли оставить безъ измѣненія существующій порядокъ открытія начальныхъ народныхъ училищъ и производства расходовъ на ихъ содержаніе, или же слѣдуетъ принять надлежащія мѣры для установленія въ этомъ дѣлѣ болѣе опредѣленнаго положенія и въ такомъ случаѣ, въ чемъ мѣры сіи должны заключаться».

Этотъ докладъ получилъ широкое распространеніе въ публикѣ и далъ поводъ къ отнесенію С. Ю. Витте къ разряду противниковъ земскаго народнаго образованія и земскихъ школъ и сторонниковъ бюрократическаго режима. Такая репутація еще болѣе утвердилась за нимъ, когда въ министерство И. Л. Горемыкина былъ поставленъ на очередь вопросъ о введеніи земства на тѣхъ окраинахъ, гдѣ дотолѣ оно не было введено. По этому вопросу между министромъ внутреннихъ дѣлъ и министромъ финансовъ родился обмѣнъ мнѣніями, гдѣ С. Ю. Витте въ конфиденціальной запискѣ очень опредѣленно высказался, каково его государственное profession de foi. Записка эта въ 1901 году была опубликована П. Б. Струве въ Штутгартѣ подъ заглавіемъ «Самодержавіе и земство», засимъ въ 1908 г. подъ тѣмъ же наименованіемъ переиздана въ Петроградѣ съ предисловіемъ Череванина, а потому стала достояніемъ широкаго круга людей и послужила отправною точкою для сужденія о графѣ Витте

подъ угломъ зрѣнія его политическихъ убѣжденій. Черезъ шесть лѣтъ самъ авторъ записки въ книжкѣ «По поводу непреложности законовъ государственной жизни» опубликовалъ свою записку въ исправленномъ и дополненномъ видѣ и такимъ образомъ офиціально расписался въ томъ документѣ, который ему его обвинители предъявляли съ нѣкоторой оговоркой, что они не ручаются за исправный текстъ обвинительнаго акта.

Въ интересахъ по возможности полной обрисовки личности покойнаго графа приводимъ этотъ документъ большой важности, какъ онъ изложенъ въ заключительной главѣ вышеназваннаго труда. Здѣсь мы читаемъ: [1]).

XI.

«Я искренно и глубоко вѣрю,—говоритъ С. Ю. Витте,—что «основа дѣйствительной силы всякаго государства, какова бы ни была его форма, есть развитая и окрѣпшая къ самодѣятельности личность». И для меня безспорной представляется та истина, что степень развитія личной самодѣятельности народа опредѣляетъ собою степень могущества государства и его положеніе среди сосѣднихъ. Чѣмъ болѣе развита личность, чѣмъ прочнѣе укоренились въ ней привычки самостоятельно, безъ посторонней помощи, устраивать свое благосостояніе, тѣмъ болѣе устойчивости имѣетъ весь общественный, а за нимъ и государственный строй.

«По моему мнѣнію, не могутъ быть избираемы такія средства, которыя, по ихъ свойству и направленію, находятся между собою въ отношеніяхъ взаимнаго исключенія. Въ развитіе этой мысли я и позволяю себѣ представить въ заключеніе излагаемыя ниже соображенія.

«Мысль о значеніи самодѣятельности личности—мысль, безспорно, глубокая. Она руководила и долго будетъ руководящимъ правиломъ для всякаго государственнаго человѣка. Но, съ своей стороны, я полагалъ и полагаю, что для развитія личной и общественной самодѣятельности формы правленія и тѣсно связанныя съ ними формы управленія сами по себѣ рѣшающаго значенія не имѣютъ. Въ предѣлахъ европейской цивилизаціи исторія и современность показываютъ, что личная свобода, общественная самодѣятельность, экономическое и вообще культурное преуспѣяніе народа, всѣ эти блага бываютъ и не бываютъ, одинаково достигаются и теряются при различныхъ формахъ правленія и управленія. Формы эти не заказываются и не сочиняются, а въ тѣхъ случаяхъ, когда навязываются странѣ,—не служатъ къ добру для страны. Какъ

[1]) Сдѣланы сокращенія только постольку, поскольку необходимо для приданія запискѣ послѣдовательности изложенія. Всѣ примѣчанія къ запискѣ принадлежатъ самому автору. Б. Г.

республиканскій, такъ и монархическій режимъ, какъ правительственная администрація, такъ и органы самоуправленія могутъ быть и хорошимъ, и плохимъ средствомъ управленія. Каждый изъ нихъ можетъ обезпечить личную свободу, общественную самодѣятельность, способствовать экономическому и культурному преуспѣянію народа, можетъ и обратно—давить какъ отдѣльную личность, такъ и цѣлый народъ, одинаково покровительствовать только нѣкоторой части населенія и держать народъ въ нищетѣ, полной экономической зависимости и умственномъ невѣжествѣ. Существенны не форма, а ея внутреннее содержаніе, не то, какая форма, а какъ она осуществляется, насколько соотвѣтствуетъ она духу и характеру народа, его политическому развитію, географическимъ и этнографическимъ условіямъ страны.

«Воздерживаясь отъ экскурсій въ исторію другихъ странъ и отъ сопоставленій изъ современной дѣйствительности Европы и Америки [1]), для поясненія сейчасъ сказаннаго я воспользуюсь развѣ нѣкоторыми фактами русской исторіи.

«Въ земскихъ выборныхъ, губныхъ учрежденіяхъ Ивана IV, въ которыхъ такъ широко развились присущія народу русскому начала самоуправленія, личность человѣка не ставилась ни во что, широко процвѣтала групповая отвѣтственность, личныя и имущественныя взысканія за вину другого. Послѣдующая же наша исторія знаетъ даже примѣры, когда само населеніе просило освободить его отъ предоставленнаго ему права самоуправленія, чтобы «отъ такого великаго разоренія не стояти на правежѣ съ голоду и стужи и достальнымъ не погибнути и розно не разбрестися», а въ исторіи городскихъ учрежденій императрицы Екатерины II былъ даже случай, когда правительству при помощи военныхъ пикетовъ пришлось защищать населеніе отъ безчинства его собственныхъ выборныхъ органовъ.

«Господство закона и права, свобода и самодѣятельность личности и вытекающая изъ этого источника самодѣятельность общества въ ея разнообразныхъ примѣненіяхъ и направленіяхъ,—все это можетъ быть задачею государства при всякой формѣ его правленія и управленія. Каждое правовое государство, будетъ ли то самодержавная имперія, конституціонная монархія или любой видъ республики, можетъ и обязано установить государственный бытъ, обезпечивающій личную безопасность и развитіе общественной самодѣятельности.

«Каковы же тѣ общія условія, какія необходимы для достиженія такой задачи?

«Первое условіе отрицательнаго свойства: безъ серьезныхъ къ тому поводовъ государство не должно вооружать себя ни правомъ

[1]) Поучительно, напримѣръ, сопоставить конституціи Голландіи и Сербіи.

произвольныхъ арестовъ, ни учрежденіемъ исключительныхъ судовъ, ни стѣсненіями свободы передвиженія, а также свободы труда, совѣсти и мысли.

«Для выполненія этого отрицательнаго условія необходимо второе положительное: государству надо имѣть твердую опору и вполнѣ надежное орудіе въ своей администраціи. А такая администрація возможна лишь при послѣдовательномъ проведеніи одного и того же принципа во всѣхъ учрежденіяхъ, т. е. при однородности устройства во всѣхъ частяхъ государственнаго и административнаго строя. Отступленія отъ этого однообразія могутъ допускаться только при необходимости и, притомъ, когда они не противны духу всего государственнаго порядка. «Кто хозяинъ въ государствѣ, тотъ необходимо долженъ быть хозяиномъ и въ администраціи» [1]).

«Только при условіи однородности началъ въ устройствѣ высшихъ и низшихъ инстанцій, центральныхъ и мѣстныхъ органовъ, получается дѣйствительное единство управленія; государство является дѣйствительнымъ хозяиномъ въ дѣлѣ этого послѣдняго, только при этомъ условіи мѣстные органы могутъ быть надежными исполнителями предначертаній властей центральныхъ и, въ свою очередь, являются для этихъ послѣднихъ «своими», а не чужими. Разъ правительство увѣрено во всѣхъ частяхъ своей администраціи, разъ эта послѣдняя составляетъ надежную для него опору, исключительныя мѣры являются излишними, онѣ становятся удѣломъ развѣ исключительныхъ случаевъ. Правительство, установивъ твердыя, опредѣленныя рамки закона, можетъ спокойно относиться къ проявленіямъ личной и общественной самодѣятельности, къ свободѣ слова и мысли, наблюдая лишь за тѣмъ, чтобы никто, до администраціи включительно, не выступалъ изъ рамокъ этого закона, и требуя отъ всѣхъ неуклоннаго его исполненія и безпрекословнаго ему повиновенія.

«Этимъ-то требованіямъ единства въ управленіи и не могутъ удовлетворить земскія учрежденія въ самодержавномъ строѣ государства.

«Каждое учрежденіе хорошо въ строѣ, ему соотвѣтствующемъ, и непригодно въ строѣ, ему не отвѣчающемъ. Въ конституціонномъ государствѣ земства могутъ быть прекраснымъ средствомъ управленія: тамъ они составляютъ одно звено въ цѣпи, скованной изъ одного металла; тамъ ихъ положеніе вполнѣ опредѣленно, они будутъ дѣлать свое дѣло, не забѣгая впередъ и не опасаясь ежеминутно за прочность своего существованія. Тамъ впереди ихъ, въ центральныхъ органахъ, есть ихъ же представители, и потому къ предначертаніямъ этихъ органовъ они всегда будутъ относиться съ полнымъ довѣріемъ, будутъ усердными исполнителями ихъ распоряже-

[1]) Чичеринъ, «О народномъ представительствѣ», стр. 760.

ній; въ свою очередь, центральныя представительныя учрежденія будутъ всегда чутко прислушиваться къ желаніямъ органовъ мѣстныхъ. Совершенно въ иномъ положеніи стоитъ и всегда будетъ стоять земство въ государствѣ самодержавномъ. Здѣсь по своему строю такія учрежденія, какъ земства, рѣзко отличаются отъ всего, что кругомъ ихъ и что выше ихъ; здѣсь они олицетворяютъ иное начало, отсюда и безконечныя недоразумѣнія, предупрежденія, пресѣченія, пререканія, столкновенія, исключительныя и репрессивныя мѣры и т. д. Правительство не довѣряетъ земству, земство правительству. Земство весьма естественно желаетъ оказать вліяніе на дѣятельность законодательную, которая такъ тѣсно связана съ дѣятельностью мѣстной, правительство видитъ въ этомъ поползновеніе на свои прерогативы. Правительство желаетъ осуществить на мѣстахъ то или другое мѣропріятіе, земство усматриваетъ посягательство на свои права, на свою самостоятельность: въ результатѣ—обостренныя отношенія. Земства ходатайствуютъ, правительство видитъ предвзятую мысль и отказываетъ. Правительство даетъ распоряженія, земства становятся ему въ оппозицію (скрытую или открытую). Вслѣдъ за оппозиціей и взаимнымъ недовѣріемъ являются репрессивныя мѣры, стѣсненія и регламентація земской дѣятельности, ограниченіе земской компетенціи, усиленіе правительственной опеки, съ одной стороны, съ другой—охлажденіе къ земскому дѣлу, отказъ отъ участія въ немъ лучшихъ людей и, какъ неизбѣжное слѣдствіе, его полный упадокъ.

«Всю эту картину, всю длинную лѣтопись пререканій, стѣсненій, противодѣйствій и, въ заключеніе, упадка, легко прослѣдить по изложеннымъ выше даннымъ изъ исторіи нашихъ земствъ; легко подмѣтить, насколько земство по существу своему конституціонное, народовластное учрежденіе и насколько плохое оно средство управленія въ строѣ монархическомъ абсолютномъ.

«Созданныя для служенія иной государственной идеѣ, введенныя въ систему нашего управленія, какъ «первый шагъ» на пути къ конституціонализму, какъ «школа представительныхъ учрежденій», земства немедленно же стали развивать начала, положенныя въ ихъ основаніе, да и трудно было бы ожидать отъ ихъ естественнаго роста иныхъ результатовъ. Но такъ какъ вслѣдствіе измѣнившихся вѣяній перемѣна государственнаго строя не входила въ дальнѣйшіе виды правительства, то и вся послѣдующая исторія земствъ, за исключеніемъ краткаго промежутка времени управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ графа Лорисъ-Меликова, есть исторія ограничительныхъ мѣръ правительства по отношенію къ земству, съ одной стороны, а съ другой—исторія протеста земцевъ, попытокъ ихъ добиться участія въ центральномъ управленіи, въ законодательной дѣятельности. Въ результатѣ—подавленіе начала земскаго началомъ правительственнымъ и полный упадокъ земскаго дѣла.

«При введеніи земскихъ учрежденій общество смотрѣло на нихъ, какъ на начало «новой эры», и тогда, говоритъ Скалонъ, «лучшіе земскіе люди, давно уже мечтавшіе о свободномъ развитіи общественныхъ силъ, съ вѣрой, надеждой и любовью бросились въ земскую дѣятельность, усматривая въ ней начало, зарю новаго, свѣтлаго, давно желаннаго и ожиданнаго будущаго» [1]. И дѣйствительно, на первыхъ порахъ земское дѣло пошло успѣшно, земство принялось за удовлетвореніе мѣстныхъ потребностей, въ особенности тѣхъ, на которыя до него не обращалось вниманія; оно возбудило вопросы объ устройствѣ народной школы, больницы, о приведеніи въ извѣстность мѣстныхъ платежныхъ силъ и пр. Вообще, безъ преувеличенія можно сказать, что все то улучшеніе въ хозяйствѣ губерній земскихъ, на которое теперь указывается, какъ на основаніе къ дальнѣйшему территоріальному расширенію ихъ дѣятельности, было достигнуто, главнымъ образомъ, благодаря тому импульсу, который данъ былъ земскимъ учрежденіямъ въ самое первое время ихъ существованія. Но вмѣстѣ съ этимъ оживленіемъ дѣятельности немедленно же проявилось, да и не могло не проявиться, стремленіе земцевъ расширить эту дѣятельность. Говоря словами того же Скалона, «имъ казалось, что въ всесословныхъ земскихъ собраніяхъ земля получаетъ возможность прямо и открыто высказываться о своихъ нуждахъ, что земскіе представители, находясь подъ постояннымъ контролемъ избравшаго ихъ общества и дѣйствуя на глазахъ его, являются выразителями истиннаго общественнаго мнѣнія». Вслѣдствіе этого земскія собранія на первыхъ же порахъ поспѣшили выдвинуть на очередь много важныхъ вопросовъ, вопросовъ широкихъ, далеко выходящихъ изъ тѣснаго круга мѣстнаго самоуправленія. Въ цѣломъ рядѣ ходатайствъ поспѣшили они заявить правительству свои желанія. Въ этихъ ходатайствахъ высказалось и стремленіе земствъ пустить корни въ странѣ,—войти въ болѣе тѣсную связь съ крестьянскимъ самоуправленіемъ,—объединить свою дѣятельность и принять участіе въ дѣятельности законодательной; поставленъ былъ даже вопросъ о центральномъ общеземскомъ органѣ—о земскомъ соборѣ, поставленъ былъ неумышленно, не въ видѣ оппозиціи правительству, а въ полной увѣренности, что такое послѣдовательное развитіе земской дѣятельности входитъ въ его виды и намѣренія.

«Но какъ только проявилась такая тенденція земствъ, какъ только первый шагъ не оказался послѣднимъ, а вполнѣ естественно потребовалъ второго, такъ немедленно правительство приняло ограничительныя мѣры, имѣвшія цѣлью стѣснить земства, не допустить дальнѣйшаго ихъ развитія. Результатомъ этихъ мѣръ явились недоразумѣнія, пререканія, внушенія, упадокъ земской дѣя-

---

[1]) Скалонъ. Земскіе вопросы, стр. 2.

тельности, и параллельно съ тѣмъ—оппозиція земства правительству и настойчивыя требованія конституціи въ серьезныя для правительства минуты [1]).

«Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ снова появились въ воздухѣ конституціонныя вѣянія, земство почувствовало подъ ногами почву, и картина сразу мѣняется. Вмѣсто ограничительныхъ мѣръ, вмѣсто противодѣйствія и пререканій появляется взаимное довѣріе; правительство спѣшитъ итти навстрѣчу желаніямъ земствъ; земства, въ свою очередь, не забѣгаютъ впередъ, ограничиваются лишь подачею благодарственныхъ адресовъ. Вмѣсто протестовъ и запрещеній, губернаторы говорятъ о необходимомъ для правительства содѣйствіи земствъ въ разрѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ и т. под.; вмѣстѣ съ тѣмъ немедленно же проявляется и оживленіе. «Новыя вѣянія оказали на земскую дѣятельность рѣшительное вліяніе; стоитъ сравнить очередныя сессіи земскихъ собраній конца 1880 года и начала 1881 года съ прежними сессіями, чтобы замѣтить неизмѣримую разницу между тѣми и другими. Какая масса новыхъ вопросовъ была возбуждена въ этой сессіи, какой живой интересъ къ дѣлу обнаружили въ большинствѣ и земскіе гласные, и публика. И это не было пустое либеральничанье, это не была безплодная болтовня: вопросы ставились и разрабатывались серьезно» [2]).

«Вѣянія» миновали, правительство вступило на путь укрѣпленія самодержавія,—и новая перемѣна картины. Повторяется старая исторія пререканій, противодѣйствій, стѣсненій, репрессій, а со стороны земства идетъ глухая оппозиція, а при первой неувѣренности правительства, при первомъ благопріятномъ моментѣ, открытыя, болѣе или менѣе настойчивыя требованія земскаго собора. Вся послѣдующая политика министерства внутреннихъ дѣлъ—это политика постепеннаго уничтоженія всесословнаго самоуправленія. Проектъ графа Толстого былъ въ сущности проектомъ объ окончательномъ упраздненіи земскихъ учрежденій. Полнаго осуществленія проектъ этотъ не получилъ, но то, что не было достигнуто положеніемъ 1890 года, то мало-по-малу и по частямъ будетъ выполнено тѣми мѣропріятіями къ «окончательному упорядоченію земскаго дѣла», которыя намѣчены министромъ внутреннихъ дѣлъ. Земскія учрежденія лишены теперь почти всякой самостоятель-

---

[1]) «Думать, что земства могутъ у насъ стоять въ оппозиціи Высочайшей волѣ, значитъ утверждать, что образъ нашего правленія не есть образъ самодержавный», говоритъ записка министра внутреннихъ дѣлъ (стр. 11). Какъ ни убѣдительно, на первый взглядъ, это соображеніе, но къ нему необходима поправка: образъ правленія у насъ, безспорно, самодержавный, да земство-то учрежденіе конституціонное, отсюда та несомнѣнная оппозиція, которою отмѣчена вся исторія нашихъ земскихъ учрежденій, и о которой не только надо «думать», но съ которой надо считаться.

[2]) «Земство» за 1882 г., № 26.

ности и поставлены подъ строгую административную опеку; имъ придана сословная окраска; ихъ исполнительные органы получили бюрократическій оттѣнокъ и поставлены въ сильную зависимость отъ губернатора; въ недалекомъ времени предполагается самая строгая регламентація земской дѣятельности и сокращеніе ея до minimum'а; и тѣмъ не менѣе противодѣйствіе не уничтожено: глухое недовольство, молчаливая оппозиція живутъ, несомнѣнно, и будутъ жить до тѣхъ поръ, пока не умретъ всесословное земство. Въ то же время, параллельно съ этимъ весьма послѣдовательнымъ стѣсненіемъ и подтачиваніемъ земства, «упорядоченіемъ» его дѣятельности, наблюдается безспорный и быстрый упадокъ земскаго дѣла, получается такое его состояніе, которое, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, допускаетъ даже сравненіе дѣятельности обновленныхъ земскихъ учрежденій съ дѣятельностью обветшалыхъ, лишенныхъ всякой организаціи хозяйственныхъ органовъ губерній неземскихъ.

«Всю эту длинную лѣтопись пререканій, стѣсненій, противодѣйствій и упадка нельзя въ сущности ставить въ вину ни земскимъ дѣятелямъ, какъ это дѣлаютъ одни, ни мѣстнымъ органамъ администраціи, какъ дѣлаютъ другіе. Вся эта лѣтопись не есть особенность нашего провинціальнаго быта или обычное его явленіе, а составляетъ прямой результатъ неправильной постановки дѣла, неправильнаго совмѣщенія въ государственномъ строѣ двухъ противоположныхъ началъ. Борьба этихъ началъ стереотипно повторялась вездѣ, гдѣ земскія учрежденія вводились въ строй, имъ не соотвѣтствующій; вездѣ, гдѣ дѣлались попытки совмѣщенія ихъ съ органами бюрократическими. Даже привычность рутины, издавна установившіеся пріемы административной централизаціи не сразу и не легко мирятся съ системой простой децентрализаціи. Такъ, напримѣръ, во Франціи, при бюрократическомъ строѣ ея администраціи (строй унаслѣдованъ отъ дореволюціоннаго королевства [1]) и первой Имперіи), по словамъ Поля Леруа-Болье, «постоянной заботой центральнаго правительства до послѣдняго времени было, повидимому, связываніе рукъ департаментскимъ совѣтамъ. Вмѣсто того, чтобы видѣть въ нихъ помощника, оно усматривало въ нихъ какъ бы соперника, котораго невозможно уничтожить, но котораго надлежитъ ослаблять и связывать» [2]). Точно также въ Пруссіи, благодаря реформамъ Штейна, въ 1823 году введены были провинціальные и уѣздные чины (Provinzial und Kreis-Stände), которые собирались, чтобы выслушивать вопросы и давать свои мнѣнія, но отвѣты и мнѣнія эти администраціею прямо сдавались въ архивъ; выборныя учрежденія въ сущности оставались лишь формально присоединенными, приставленными къ бюрокра-

---

1) Tocqueville, L'Ancien régime, chap. III.

2) Paul Leroy-Beaulieu, L'administration locale en France et en Angleterre, p. 16.

тическимъ учрежденіямъ [1]). «Со введеніемъ конституціи,—говоритъ профессоръ Шульце,—неустраненное противорѣчіе между конституціоннымъ правовымъ порядкомъ въ центрѣ и полнымъ бюрократическимъ управленіемъ на периферіи давало себя знать самымъ опаснымъ образомъ въ постоянныхъ столкновеніяхъ между различными государственными факторами, сословіями и интересами [2]). Затѣмъ, когда введена была конституція, немедленно стало обнаруживаться несоотвѣтствіе между мѣстнымъ бюрократическимъ управленіемъ и правленіемъ верховнымъ. Kreisordnung 1872 г. своимъ прямымъ назначеніемъ имѣлъ устранить это несоотвѣтствіе. Но и этотъ законъ, организовавшій мѣстное самоуправленіе на довольно широкихъ началахъ, но оставившій за бюрократіей еще значительное вліяніе, въ полной мѣрѣ цѣли своей, повидимому, не достигъ: по крайней мѣрѣ, князь Бисмаркъ въ своихъ мемуарахъ признаетъ неудачною мѣрою назначеніе правительствомъ ландратовъ вмѣсто выбора ихъ самими собраніями. При чиновникѣ ландратѣ, по словамъ князя Бисмарка, получается чрезмѣрное вмѣшательство бюрократіи въ мѣстное самоуправленіе, плодится переписка, оказывается давленіе на волостныхъ старшинъ, и «самоуправленіе, такимъ образомъ, является усиленіемъ бюрократіи, увеличеніемъ числа чиновниковъ, ихъ власти и вмѣшательства въ частную жизнь» [3]). Но въ еще болѣе рѣзкихъ формахъ борьба двухъ указанныхъ началъ проявилась въ Венгріи; тамъ дѣло доходило до прямого и открытаго неповиновенія комитатовъ распоряженіямъ правительства.

«Это несоотвѣтствіе самоуправленія абсолютнымъ формамъ сэръ Моріеръ весьма удачно характеризуетъ библейскимъ выраженіемъ: «Голосъ Іакова, руки Исавовы». И дѣйствительно, какъ бы мы ни закрывали глаза, какое бы объясненіе ни давали прошлымъ и совершающимся фактамъ,—это несоотвѣтствіе при всякихъ «аберраціяхъ» всегда будетъ давать себя чувствовать, и для меня лично вполнѣ ясно, почему «такіе выдающіеся умы, какъ М. Н. Катковъ» (Записка, стр. 44), которые были убѣжденными сторонниками самодержавія, были въ то же время и противниками земства, и почему, съ другой стороны, тѣ государственные дѣятели всѣхъ странъ, которые были искренними сторонниками самоуправленія и считали его единственной цѣлесообразной формой администраціи (Тюрго во Франціи, Штейнъ въ Германіи, у насъ графъ Лорисъ-Меликовъ), сознавали невозможность остановиться на одномъ мѣстномъ самоуправленіи и стремились послѣдовательно развить его и примѣнить его начала ко всему государственному строю отъ низшихъ до высшихъ единицъ, до участія въ законодательствѣ включительно.

---

[1]) Morier, Selbstregierung, стр. 60 и слѣд.

[2]) Schultze, Das preussische Staatsrecht (1878), B. II, S. 72—73.

[3]) Gedanken und Errinnerungen von Otto Fürst von Bismark (1898), B. I. S. 10—13.

XII.

«Самоуправленіе, говоря словами профессора Градовскаго, есть «понятіе всецѣло политическое» [1]) и, когда оно перестаетъ быть таковымъ, то тѣмъ самымъ уничтожается вся его сущность, остается одна внѣшняя оболочка. Теряя политическое значеніе, оно вмѣстѣ съ тѣмъ теряетъ всякое значеніе и какъ средство управленія. И это вполнѣ понятно: когда участіе въ управленіи составляетъ дорогое для общества право, то общество, несомнѣнно, прилагаетъ все старанie къ наилучшему его осуществленію, но вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, не можетъ не пытаться и расширить этого права, выйти постепенно изъ узкой сферы мѣстныхъ дѣлъ, ибо въ сущности нѣтъ грани между мѣстными и общегосударственными интересами. Обратно, когда общество къ праву самоуправленія относится съ полнымъ безучастіемъ, оно не пытается расширить предоставленныхъ ему тѣсныхъ рамокъ мѣстнаго самоуправленія, не пытается перенести свою дѣятельность на политическую почву, но вмѣстѣ съ тѣмъ и и въ своей сферѣ не проявляетъ надлежащей дѣятельности; не имѣетъ необходимаго надзора за своими выборными органами, а эти послѣдніе, также вполнѣ безучастные къ благу общественному и преслѣдующіе свои личные виды, всецѣло подчиняются органамъ правительства, становятся заурядъ съ ними и, созданные для иной цѣли, имѣющіе несоотвѣтственную организацію, весьма скоро пріобрѣтаютъ всѣ недостатки бюрократіи, не обладая ни однимъ изъ ея достоинствъ.

«Въ самодержавномъ строѣ государства, съ неизбѣжнымъ при немъ бюрократическимъ центромъ, земство—непригодное средство управленія. Вотъ основная мысль.

«Противъ такого положенія обыкновенно возражаютъ, что бюрократія слишкомъ несовершенная форма управленія, что она препятствуетъ развитію общественной самодѣятельности, пригнетаетъ народъ, что практика не выработала еще сколько-нибудь удовлетворительныхъ способовъ веденія хозяйства посредствомъ чиновниковъ, и что поэтому даже въ самодержавномъ строѣ государства самоуправленіе представляется болѣе совершеннымъ, чѣмъ правительственная администрація, способомъ управленія. Тайные и явные конституціоналисты утверждаютъ, что злоупотребленіе властью неустранимо, пока послѣдняя сосредоточивается исключительно въ рукахъ правительства, понимая подъ послѣднимъ всѣ элементы, спеціально существующіе для осуществленія функцій государственнаго управленія, въ ихъ противоположности обществу, какъ совокупности лицъ, подчиненныхъ государственной власти и подлежащихъ воздѣйствію этой власти. Пріобщеніе общественныхъ клас-

---

[1]) Градовскій, «Начала русск. государ. права», т. III, стр. 22.

совъ къ властному участію въ управленіи мѣстномъ и центральномъ рекомендуется ими какъ единственное средство для того, чтобы законодательные акты и акты управленія соотвѣтствовали по своему содержанію интересамъ народа.

«Вмѣстѣ съ конституціоналистами обрушиваются на бюрократію и славянофилы, при чемъ изъ мѣстнаго управленія они желаютъ даже совершенно устранить «маленькихъ самодержцевъ на жалованьи», ибо не могутъ, говорятъ они, «всѣ мельчайшія проявленія жизненной дѣятельности такой громадной страны подлежатъ личному руководству самого монарха».

«Несовершенство бюрократіи, какъ средства управленія, стало ходячимъ афоризмомъ. Даже относительно такого исключительнаго по своему образцовому составу и своей строгой дисциплинѣ чиновничества, какъ чиновничество прусское, Штейнъ говорилъ: «они все пишутъ, пишутъ, пишутъ въ уединенныхъ, снабженныхъ хорошо запирающимися дверями канцеляріяхъ, неизвѣстные, незамѣченные, безславные, и воспитываютъ своихъ дѣтей такъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ такія же пишущія машины». Относительно же нашего чиновничества, повторяя слова Ю. Ѳ. Самарина, приходится сказать, что какъ «въ былыя времена во Франціи ни одно патріотическое воззваніе не обходилось безъ валовой анаѳемы на всѣхъ аристократовъ и всѣхъ священниковъ, такъ у насъ почти въ томъ же тонѣ кстати и некстати клянутъ бюрократовъ» [1]. Но вмѣстѣ съ Самаринымъ, который, какъ славянофилъ, едва ли можетъ быть заподозрѣнъ въ излишнемъ пристрастіи къ бюрократамъ, можно усомниться въ правильности такого огульнаго обвиненія. Возражая защитнику дворянскихъ привилегій, стороннику широкаго развитія дворянскаго сословнаго управленія, Р. А. Фадѣеву, Ю. Ѳ. Самаринъ справедливо говоритъ, что «когда такъ безпощадно наступаютъ на бѣдныхъ бюрократовъ, противопоставляя имъ дворянъ, какъ людей другой породы, то забываютъ, что у насъ бюрократъ есть тотъ же дворянинъ въ вицъ-мундирѣ, а дворянинъ тотъ же бюрократъ въ халатѣ» [2]. «Какъ неисправимый славянофилъ» [3], Самаринъ и дворянамъ и чиновникамъ противопоставляетъ всесословный народъ; но, въ свою очередь, забываетъ, что и дворяне, и бюрократы въ Россіи—лишь наиболѣе культурные слои все того же русскаго общества. Вѣдь всѣ чиновники отъ высшихъ до низшихъ, всѣ члены всевозможныхъ правительственныхъ комиссій, вырабатывавшихъ всевозможные законы,—члены русскаго общества; по нимъ, по ихъ дѣятельности можно судить о среднемъ уровнѣ общества, о степени развитія «общественныхъ силъ», «общественнаго ра-

---

[1]) Ю. Самаринъ и Ѳ. Дмитріевъ, Революціонный консерватизмъ. Берлинъ, 1875, стр. 3—4.

[2]) Ibid., стр. 49.

[3]) Ibid., стр. 72.

зума» и «зрѣлости общества». Каждое прогрессивное движеніе въ обществѣ отражается прогрессомъ въ бюрократіи; застой въ немъ— реакціей въ ней. Не слѣдуетъ забывать, что и крестьянская, и судебная реформы проведены были бюрократіей, что всѣ выдающіеся дѣятели великихъ реформъ были чиновники. Нельзя же серьезно думать, что администрація представляетъ въ народѣ какую-то чуждую и враждебную ему силу, которая обрушивается на него бѣдами, если у него нѣтъ достаточно средствъ и умѣнья противостоять ей. Казалось бы, что тамъ, гдѣ нѣтъ ни политическихъ партій, ни революцій, гдѣ никто не оспариваетъ правъ верховной власти,— тамъ нельзя противопоставлять администрацію народу или обществу; тамъ, напротивъ, она есть одно изъ необходимыхъ условій общественной и государственной жизни, служащее вмѣстѣ съ другими къ общему благу, постепенному общественному и гражданскому воспитанію народа. Общество наше, включая сюда и часть чиновничества, дѣйствительно смотритъ на администрацію, какъ на своего прирожденнаго врага, отъ котораго нельзя ждать ничего лучшаго, кромѣ посягательствъ на права и законную свободу. Но въ какой мѣрѣ правиленъ этотъ взглядъ, нѣтъ ли въ немъ коренной ошибки?

«Произволъ, медленность, формализмъ, горы ненужной переписки, замѣченное еще великой императрицей «умноженіе правителей и канцелярій», которое «не только служитъ къ великому отягощенію штата, но и къ великой тягости народной—все это составляетъ безспорный и очевидный пассивъ бюрократіи. Но прежде, чѣмъ произносить окончательный приговоръ надъ этимъ неоплатнымъ, по мнѣнію большинства, должникомъ народнымъ, необходимо взглянуть и на его активъ, ибо только при перевѣсѣ пассива надъ активомъ можно объявлять учрежденіе несостоятельнымъ.

«Каковъ же активъ нашей бюрократіи? Въ этомъ отношеніи не худо спросить прежде всего иностранцевъ: имъ со стороны виднѣе.

«Въ настоящее время,—говоритъ Мэкензи Уоллесъ,—когда выгоды свободнаго и самостоятельнаго національнаго развитія вполнѣ признаны, централизованная бюрократія повсюду потеряла свой кредитъ. Въ Россіи это нерасположеніе особенно сильно, потому что оно имѣетъ здѣсь болѣе чѣмъ теоретическое основаніе. Но прежде, чѣмъ произнести приговоръ надъ этой системой, надо принять во вниманіе, что она имѣетъ, по крайней мѣрѣ, историческое оправданіе, и при нашей любви къ конституціонной свободѣ и мѣстному самоуправленію, мы не должны забывать различія между теоретическою и историческою возможностью. То, что философу представляется абстрактно, какъ лучшая форма правленія, можетъ быть, вовсе непримѣнимо въ извѣстныхъ конкретныхъ случаяхъ. Можно смѣло утверждать, что безъ строгаго централистическаго управленія Россія никогда не могла бы сдѣлаться великою

европейскою державою. Еще относительно недавно земли, вошедшія въ составъ Русскаго государства, представляли конгломератъ независимыхъ или полузависимыхъ политическихъ единицъ, которыя обладали въ одинаковой степени какъ центростремительною, такъ и центробѣжною силою, и даже теперь онѣ далеко еще не представляютъ вполнѣ однороднаго государственнаго цѣлаго. Въ нѣкоторомъ отношеніи государство это болѣе похоже на британскую Индію, чѣмъ на европейское государство, а кто знаетъ, что сдѣлалось бы съ Индіей, если бы тамъ не было твердой, объединяющей силы правительства. Только самодержавная власть и центральная система управленія создала Россію, спасла ее отъ раздробленія и политическаго паденія и обезпечила ей, наконецъ, мѣсто между европейскими народами введеніемъ западной цивилизаціи» [1]).

«Выше приведенъ былъ взглядъ Ан. Леруа-Болье. Этотъ изслѣдователь указываетъ на тѣ же заслуги нашей бюрократіи, признаетъ ее соотвѣтствующей и духу народному и принципамъ самодержавія, географическимъ и этнографическимъ условіямъ страны. Съ своей стороны, Леруа-Болье, правда, привѣтствуетъ вступленіе Россіи на новый путь развитія началъ самоуправленія, но при этомъ, *даже съ своей точки зрѣнія*, упускаетъ, повидимому, изъ виду, что время для такого вступленія едва ли наступило, такъ какъ Россія не представляетъ еще окончательно сложившагося государства, и цѣлость ея можетъ поддерживаться только сильной централизаціей и сильной самодержавною властью. Но особенно интересенъ взглядъ итальянца Карлетти. Установивъ, что самодержавная власть— единственный образъ правленія, примѣнимый въ Россіи, и что власть эта пока не должна быть ничѣмъ ослабляема, а должна сохраняться въ полной неприкосновенности, Карлетти даетъ слѣдующую оцѣнку бюрократическому строю, тѣсно связанному съ этой властью. «Леруа-Болье,—говоритъ онъ,—и многіе другіе нападаютъ на чины или раздѣленіе лицъ, состоящихъ на службѣ, на 14 классовъ по табели о рангахъ, заведенной Петромъ Великимъ; говорятъ, что это покровительствуетъ бюрократіи и централизаціи власти. Быть можетъ, это обвиненіе и справедливо, но надо все-таки признать, что чиноначаліе есть учрежденіе въ высшей степени демократическое, стремящееся образовать аристократію труда и образованности» [2]).

«Казалось бы, что приведенные взгляды «постороннихъ нашимъ порядкамъ изслѣдователей», смотрящихъ на правительственную администрацію черезъ «конституціонныя очки», довольно ясно говорятъ за то, что самодержавіе и тѣсно связанная съ нимъ административная централизація составляетъ въ настоящемъ основу на-

---

[1]) Russia (4 edit.), vol. I, pp. 308—309.

[2]) Карлетти, «Современная Россія» (перев. съ итальянск.), 1895 г., стр. 106, 173.

шего государственнаго строя и залогъ единства Россіи, и что поэтому отказаться отъ этого созданнаго нашей исторіей административнаго строя и рѣшительно вступить на путь развитія началъ ему противоположныхъ, т.-е. началъ самоуправленія, нельзя, не испытавъ, по крайней мѣрѣ, всѣхъ средствъ къ исправленію недостатковъ существующей административной системы.

«Съ своей стороны, я считаю устраненіе этихъ недостатковъ дѣломъ совершенно выполнимымъ. Прежде всего необходимо замѣтить, что и въ настоящее время, при всѣхъ своихъ несовершенствахъ, правительственная администрація во многихъ отношеніяхъ допускаетъ сравненіе съ органами самоуправленія. Несомнѣнно, что содержаніе личнаго состава этого послѣдняго обходится весьма не дешево, и еще вопросъ, кто стоитъ дороже—чиновникъ правительства или дѣятель самоуправленія. Если же принять во вниманіе что въ земствахъ нашихъ (какъ, напримѣръ, въ московскомъ) веденіе дѣла въ значительной мѣрѣ сосредоточено въ рукахъ лицъ, служащихъ по вольному найму, то можно утверждать даже, что правильно организованное правительственное хозяйство будетъ стоить дешевле. Не подсчитано также, какое хозяйство доходнѣе для подрядчиковъ,—казенное или общественное. Точно также еще вопросъ, какіе города пользуются большимъ благоустройствомъ, тѣ ли, въ которыхъ введено городское самоуправленіе, или тѣ, въ которыхъ его нѣтъ [1]). Правда, нѣкоторыя изъ возложенныхъ на нихъ обязанностей земства исполняютъ лучше, чѣмъ это дѣлаютъ чиновники, но зато и тяготы обложенія въ земскихъ губерніяхъ выше, чѣмъ въ губерніяхъ неземскихъ. (См. справку № 4).

«Извѣстныя преимущества органовъ правительственной администраціи въ дѣлѣ хозяйственнаго управленія признаютъ даже сами сторонники самоуправленія (какъ, напр., проф. Treitschke), которые сознаются, что преимущество этого послѣдняго заключается лишь въ дѣлѣ политическаго воспитанія народа [2]).

---

[1]) Изъ всѣхъ нашихъ большихъ городовъ едва ли не большимъ благоустройствомъ пользуется Варшава. По крайней мѣрѣ, на отчетѣ варшавскаго оберъ-полицеймейстера за 1897 г., послѣдовала Высочайшая отмѣтка: «Варшава находится въ отличномъ состояніи. Я это знаю и самъ видѣлъ».

[2]) «Недостатокъ самоуправленія,—говоритъ профессоръ Трейчке,—заключается въ опасности дилетантизма. Если отъ правительственныхъ чиновниковъ можно ожидать, по крайней мѣрѣ, теоретическаго знанія дѣла, то въ самоуправленіи, наоборотъ, всегда является опасность дилетантизма и грубаго натурализма. Этимъ объясняется, почему тѣ люди, которые всюду смотрятъ лишь на матеріальную сторону дѣла, такъ настроены противъ самоуправленія. Настоящій послѣдователь манчестерской школы, который думаетъ, что вся наша задача лишь въ томъ, чтобы дешево покупать и дорого продавать, разсуждаетъ съ этой точки зрѣнія совершенно правильно, что правительственные чиновники, благодаря раздѣленію труда, могли бы лучше заботиться о дѣлахъ мѣстнаго управленія, чѣмъ органы самоуправленія. Съ технической точки зрѣнія можно сказать кое-что въ пользу этого взгляда. Нельзя отрицать, что такой бюрократъ, какъ

«Съ своей стороны, я увѣренъ, что даже и въ дѣлѣ развитія общественной самодѣятельности преимущество органовъ самоуправленія предъ правильно поставленными органами правительства далеко не такъ велико, какъ на первый взглядъ кажется. Нельзя, конечно, отрицать, что въ исторіи бюрократіи не много насчитывается заслугъ въ дѣлѣ развитія общественной самодѣятельности, но нельзя не признать также и того факта, что мало дѣлалось до настоящаго времени попытокъ вдохнуть въ это учрежденіе новую жизнь. Созданная во времена стараго, полицейскаго государства, при отсутствіи всякой общественной самодѣятельности, для удовлетворенія инымъ требованіямъ и условіямъ жизни, бюрократія, особенно мѣстная, жила и развивалась на основаніи своихъ прежнихъ традицій. Жизнь уходила впередъ, а пріемы администраціи оставались старые, правительства же всѣхъ странъ мало заботились о приспособленіи этихъ пріемовъ къ новымъ традиціямъ развившагося общества. Когда же несоотвѣтствіе формъ управленія давало себя сильно чувствовать, когда старая административная машина совершенно изнашивалась, то обычно повторялось одно изъ двухъ: либо происходилъ взрывъ,—провозглашалась конституція, которая и водворяла затѣмъ на мѣстахъ соотвѣтственную ей систему самоуправленія,—либо правительство само отказывалось отъ бюрократической системы, вводило постепенно мѣстное самоуправленіе, которое въ правильномъ и послѣдовательномъ своемъ развитіи неизбѣжно приводило къ конституціи. Казалось бы, что Россіи, умудренной опытомъ народовъ Запада, не должно повторять ихъ ошибокъ, и слѣдуетъ найти третій путь—поставить правительственные органы въ тѣсную связь съ обществомъ. Сама по себѣ, при извѣстной правильной организаціи, бюрократія представляетъ далеко не мертвое начало. Лучшимъ тому доказательствомъ могутъ служить у насъ хотя бы результаты той же судебной реформы, благодаря которой наши общія судебныя установленія, органи-

---

баронъ Гаусманъ (префектъ при Наполеонѣ III), технически очень многое можетъ сдѣлать и что этотъ энергичный человѣкъ позаботился объ уличныхъ сооруженіяхъ въ Парижѣ съ такимъ искусствомъ и быстротой, какихъ сварливый парижскій муниципалитетъ самъ по себѣ никогда не проявилъ бы: но здѣсь дѣло идетъ прежде всего о великихъ нравственно-политическихъ вопросахъ, о политическомъ воспитаніи народа». (Treitschke, Politik, II B. (1898), Ss. 494—495).

Ту же мысль высказываетъ и Токвиль: «Я допускаю, если угодно,что селенія и графства Соединенныхъ Штатовъ будутъ съ большею пользою управляться въ административномъ порядкѣ центральною властью, находящеюся вдали отъ нихъ и остающеюся имъ чуждою, чѣмъ должностными лицами, взятыми изъ ихъ среды. Я признаю, если это потребуется, что въ Америкѣ было бы больше безопасности, что въ ней дѣлалось бы болѣе благоразумное и разсудительное употребленіе изъ общественныхъ средствъ, если бы администрація всей страны находилась въ однѣхъ рукахъ. И все же политическія преимущества, получаемыя американцами отъ ихъ системы децентрализаціи, заставляютъ меня предпочесть ее противоположной системѣ». («О демократіи въ Америкѣ», стр. 72).

зованныя на бюрократическомъ началѣ, но правильно поставленныя, едва ли не дали лучшихъ результатовъ, чѣмъ выборный мировой судъ.

«Для того, чтобы дѣятельность администраціи больше соотвѣтствовала нуждамъ и пользамъ населенія, для того, чтобы поставить ее въ болѣе тѣсную связь съ дѣятельностью общества, необходимо правильно организованное участіе общественныхъ элементовъ въ правительственныхъ установленіяхъ. Но это участіе должно быть построено не на томъ конституціонномъ принципѣ, который осуществленъ въ нашихъ земскихъ учрежденіяхъ, т.-е. на самостоятельной дѣятельности общества, въ лицѣ своихъ выборныхъ представителей, подъ надзоромъ правительства, а на преобладаніи правительственной власти надъ общественными элементами, при совмѣстной дѣятельности органовъ правительства съ привлекаемыми имъ самимъ людьми мѣстности.

«Правильно организованная, съ участіемъ мѣстныхъ людей, правительственная администрація будетъ вполнѣ удовлетворять своему назначенію и ни въ какой мѣрѣ не станетъ стѣснять развитія самодѣятельности общества. На возможность и цѣлесообразность такой ея организаціи указываетъ вся наша исторія борьбы общества съ правительствомъ,—той борьбы, которая опредѣлила собою всю исторію Запада и выработала тамъ конституціонный принципъ, т.-е. властное участіе общества въ законодательствѣ и управленіи,—наша исторія совершенно не знаетъ. Россія не знала того самоуправленія, которое возникло въ Англіи, въ началѣ XIX вѣка перенесено на континентъ, а со второй половины истекающаго столѣтія примѣнено въ нашихъ земскихъ учрежденіяхъ. И тѣмъ не менѣе въ русскомъ народѣ сложилась та самодѣятельность, которую нѣкоторые склонны считать особенностью русскаго народнаго духа,—это способность русскаго человѣка мыслить себя не иначе, какъ членомъ общественнаго союза, находящимся подъ властью міра, стремленіе русскаго человѣка всякое дѣло дѣлать сообща на артельныхъ основаніяхъ, съ удивительнымъ иногда умѣньемъ подчинять свои интересы интересамъ общественнымъ. Государство при самодержавной формѣ правленія, не становясь въ противорѣчіе съ своими основными принципами, можетъ поощрять развитіе такой общественной свободы, и всякое здоровое государство должно стать на этотъ путь.

«Развитіе общественныхъ силъ, полное и всестороннее, не только не противорѣчитъ принципамъ абсолютной монархіи, но, напротивъ, придаетъ имъ жизненность и крѣпость. Содѣйствуя развитію общественной самодѣятельности, прислушиваясь, такъ сказать, къ біенію общественнаго пульса, правительство не поступаетъ, однако, въ распоряженіе общества, остается разумною силою и послѣдовательною властью, постоянно понимаетъ свои

цѣли, непрерывно знаетъ и средства къ ихъ достиженію,—знаетъ, куда идетъ и ведетъ. Такое правительство не рискуетъ, что его мѣры, оторванныя отъ прошлаго, отъ народной почвы, окажутся не соотвѣтствующими общественному уровню, что общество будетъ развиваться внѣ его и помимо его, что государство перестанетъ быть высшимъ руководителемъ всей суммы общественнаго движенія.

«При такомъ правительствѣ работа общественныхъ силъ несравненно плодотворнѣе для страны и ея населенія, чѣмъ агитація промышляющаго политиканства, хроническій зудъ борьбы за власть и за мѣста, все равно, гдѣ происходитъ борьба,—въ парламентѣ или въ мѣстномъ самоуправленіи. 99% населенія къ борьбѣ этой непричастны: не имѣютъ ни времени, ни охоты, ни даже доступа къ участію въ этомъ состязаніи [1]).

«Ни упраздненія земскихъ учрежденій, ни какой-либо коренной ломки существующаго порядка я не предлагалъ и не предлагаю. На указываемомъ мною принципѣ совмѣстной дѣятельности органовъ правительства съ людьми мѣстности я предлагалъ реформировать лишь то, что признается устарѣвшимъ и предназначено къ реформѣ, именно нашу правительственную администрацію и управленіе хозяйственной частью въ губерніяхъ неземскихъ. Что же касается существующихъ земствъ, то объ упраздненіи ихъ при настоящихъ условіяхъ едва ли можетъ быть рѣчь; они стали совершившимся фактомъ русской жизни, и поэтому въ отношеніи ихъ приходится лишь вспомнить старую Л. Штейномъ высказанную истину: «трудно сказать, что опаснѣе: ограничивать ли свободу существующаго самоуправленія, или уничтожить таковое»[2]). Памятуя это, я, съ своей стороны, думаю, что съ созданіемъ на мѣстахъ сильной правительственной власти возможно будетъ съ большимъ довѣріемъ отнестись къ земствамъ, предоставить имъ большую свободу въ точно очерченномъ кругѣ ихъ дѣятельности, тѣмъ болѣе, что безъ этой свободы, безъ извѣстной самостоятельности, они не могутъ быть сколько-нибудь удовлетворительнымъ средствомъ управленія.

«Если же вообще я позволилъ себѣ возбудить настоящій принципіальный вопросъ, то, повторяю, только потому, что лично для

---

[1]) «Quand la loi apelle incéssament tous les citoyens a l'action politique quelques-uns seulement s'y adonnent. Dans cette oeuvre spéciale ceux-ci deviennent spéciaux par suite prépondérants. Mais en échange de leur peine il leur faut un salaire et l'élection leur donne les places parce qu'ils ont manipulé l'élection. Deux sortes d'hommes recrutent cette minorité dominante: d'une part les exaltés et de l'autre part les déclassés». (Taine, Révolution, I p. 271; ср. также vol., II p. 252, 267, 393, гдѣ обозначена професія политиканства и нарисованъ типъ политикана въ его полномъ выраженіи).

Stein, Vollziehende Gewalt, 2 Th. S. 129—130.

[2]) Stein. Vollziehende Gewalt. 2 Th. S. 29—130.

меня распространеніе земскаго самоуправленія на новыя мѣстности представляется мѣрою совершенно непонятной.

«Въ трудномъ и отвѣтственномъ дѣлѣ государственнаго правленія надо быть прежде всего искреннимъ. Правительству предъ собой и предъ лицомъ народа надо отдавать ясный отчетъ въ каждомъ мѣропріятіи, не закрывая глазъ на возможныя его послѣдствія и не обманывая ни себя, ни другихъ въ дѣйствительномъ его значеніи. И по моему искреннему, глубокому убѣжденію, если съ этой единственно правильной точки зрѣнія разсматривать политическое значеніе земскихъ учрежденій, если вполнѣ безпристрастно выяснить мысль законодателя, положенную въ 1864 году въ основу этихъ учрежденій, то двухъ отвѣтовъ на вопросъ о будущности ихъ въ системѣ нашего государственнаго строя быть не можетъ. Правильное и послѣдовательное развитіе всесословнаго представительства въ дѣлахъ мѣстнаго управленія неизбѣжно приведетъ къ народному представительству въ сферѣ управленія центральнаго, а затѣмъ и къ властному участію народа въ законодательствѣ и управленіи верховномъ.

«Если же это такъ, то въ отношеніяхъ правительства къ земствамъ, вѣрнѣе, въ направленіи всей нашей внутренней политики, быть можетъ только два вполнѣ ясныхъ и точныхъ пути.

«Можно вѣрить, что каждое государство въ своемъ политическомъ развитіи неизбѣжно должно прійти къ конституціи, какъ болѣе совершенной формѣ правленія. Можно считать, что правительственная администрація есть несовершенное, неспособное, къ улучшеніямъ, отживающее средство управленія, которое, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, должно уступить свое поприще другой, молодой, болѣе совершенной системѣ,—системѣ самоуправленія, и что возможно широкимъ послѣдовательнымъ и правильнымъ развитіемъ этой послѣдней системы единственно обезпечивается благо народа. Лично я не раздѣляю такой точки зрѣнія, но я ее понимаю. Если стоять на этой почвѣ, то, имѣя предъ собой примѣръ Запада, намъ слѣдуетъ прилагать всѣ усилія къ скорѣйшему и правильному развитію началъ самоуправленія. Ребенка, вставшаго на ноги, надо скорѣе учить ходить; надо дать земствамъ пустить корни во всей странѣ, надо отнестись къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ, дать возможную самостоятельность, ослабить административную опеку и затѣмъ на всѣ ихъ стремленія къ объединенію и участію въ законодательствѣ спокойно смотрѣть, какъ на естественный и здоровый ростъ того зерна, которое въ 1864 году брошено было на нашу политическую ниву.

«Можно имѣть и другую, противоположную точку зрѣнія. Можно вѣрить,—и лично я исповѣдую это убѣжденіе,—что конституція вообще «великая ложь нашего времени», и что, въ частности, къ Россіи, при ея разноязычности и разноплеменности,

эта форма правленія непримѣнима безъ разложенія государственнаго единства [1]). Съ этой точки зрѣнія, никакого дальнѣйшаго расширенія дѣятельности земству давать нельзя, надо провести для него ясную демаркаціонную линію, не позволять ни подъ какимъ видомъ переступать эту линію, но вмѣстѣ съ тѣмъ надо возможно скорѣе озаботиться правильной и соотвѣтствующей организаціей правительственной администраціи, твердо памятуя, что «кто хозяинъ въ странѣ, тотъ долженъ быть и хозяиномъ въ администраціи».

«Никакого средняго между этими двумя путями быть не можетъ. Правительству, говоря словами профессора Градовскаго, не слѣдуетъ ставить свою ставку одновременно на черный и красный квадратъ [2]),—не слѣдуетъ съ одной стороны говорить о развитіи самодѣятельности общества и началъ самоуправленія, проектировать территоріальное его расширеніе, а съ другой—подавлять всякую самодѣятельность ограничивать самоуправленіе, ставить его въ положеніе, при которомъ оно не можетъ быть даже удовлетворительнымъ средствомъ управленія. Результаты такой политики всегда будутъ отрицательны. «Ничто не разжигаетъ такъ революціонный духъ, какъ недостатокъ гармоніи въ учрежденіяхъ и разногласіе между законами или теоретическими началами управленія и практикою послѣдняго» [3]). Эту истину надо всегда помнить; нельзя создавать либеральныя формы, не наполняя ихъ соотвѣтствующимъ содержаніемъ. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ всякой неискренней, всякой двойственной политики являются разнаго рода запрещенія, ограниченія и стѣсненія, а ничто такъ не подавляетъ самодѣятельности общества и не подрываетъ въ такой мѣрѣ престижа власти, какъ частое и широкое примѣненіе репрессивныхъ мѣръ. Мѣры эти—мѣры опасныя, и продолжительное ихъ примѣненіе либо приводитъ ко взрыву, либо дѣйствительно обращаетъ все населеніе въ «безсвязныя толпы», въ «людскую пыль»...

XIII.

Выше было сказано, что «конфиденціальная» записка министра финансовъ, явившаяся полемическимъ отвѣтомъ на записку по тому же вопросу И. Л. Горемыкина, получила, невзирая

---

[1]) «Какой нестройный видъ получаетъ въ подобномъ (разноплеменномъ) составѣ народное представительство и парламентское правленіе, очевиднымъ тому примѣромъ служитъ въ наши дни австрійскій парламентъ. Провидѣніе сохранило нашу Россію отъ подобнаго бѣдствія, при ея разноплеменномъ составѣ. Страшно и подумать, что возникло бы у насъ, когда бы судьба послала намъ роковой даръ—всероссійскаго парламента! Да не будетъ!» (К. П. Побѣдоносцевъ, «Московскій Сборникъ», стр. 47).

[2]) «Сборникъ Государственныхъ Знаній», № 1, стр. 157.

[3]) «An. Leroy-Beaulieu, Etudes russes et européennes (1897), p. 17—18.

именно на свою конфиденціальность, оглашеніе въ публикѣ и дала представителямъ печати возможность судить такъ или иначе о политическомъ исповѣданіи вѣры ея авторомъ. Изъ числа этихъ сужденій заслуживаетъ вниманія мнѣніе о ней издателя «Новаго Времени» покойнаго А. С. Суворина, которое онъ высказалъ С. Ю. Витте въ частномъ адресованномъ къ нему письмѣ, нынѣ въ книжкѣ «По поводу непреложности законовъ государственной жизни» опубликованномъ, какъ мнѣніе талантливаго журналиста, отражающаго въ своихъ писаніяхъ событія, «точно въ зеркалѣ такъ, какъ они представляются въ данный моментъ значительной части общества». Письмо А. С. Суворина тоже очень любопытно для характеристики самого автора, а потому привожу его здѣсь, какъ интересный документъ, обрисовывающій политическіе взгляды издателя «Новаго Времени» до наступленія у насъ революціоннаго періода 1905 года и до обновленія нашего государственнаго строя. Вотъ что писалъ А. С. Суворинъ въ 1902 году по поводу конфиденціальной записки:

«Милостивый государь Сергѣй Юльевичъ!

«Записка» написана превосходно и спорить съ нею возможно развѣ только въ деталяхъ, но для этого надо входить въ такія историческія спеціальности, которыя съ своей стороны могутъ возбуждать споръ. Я смотрю на роль земства иначе, чѣмъ «Записка». Я журналистъ и смотрю на вопросъ, какъ журналистъ, съ точки зрѣнія сегодняшняго дня. Я былъ поклонникомъ земства съ момента его рожденія, хотя часто нападалъ на него. Въ идеѣ земства я поклонникъ самоуправленія, признанія личности подданныхъ Царя, которые, не состоя на государственной службѣ, а служа по выбору, занимаются общественными дѣлами на ряду съ государственными чиновниками и какъ бы составляютъ имъ конкуренцію.

«Это явленіе мнѣ глубоко симпатично. Ведетъ ли земство къ конституціи? Возможно, что ведетъ. Оно вотировало въ этомъ смыслѣ. Если не къ конституціи, то къ земскому собору ведетъ несомнѣнно, и я былъ и остался поклонникомъ этого стараго учрежденія, не многолюднаго, не толпы, но строго выбранныхъ людей. Конституціонистомъ я никогда не былъ и не состою имъ въ настоящее время. Я думаю, что конституціонизмъ намъ не присталъ, что если бы онъ у насъ ввелся, то мы, русскіе, очутились бы въ такихъ объятіяхъ поляковъ, остзейцевъ и евреевъ, что вымаливали бы себѣ у нихъ милости. Я болѣе всего боюсь распаденія Россіи, приниженія русской народности и потому, между прочимъ, остаюсь противникомъ равноправности евреевъ. Безъ нихъ мы создали и русскую исторію, и русскую литературу, и русскую науку, и я нимало не интересуюсь тѣмъ, что евреи стѣснены. Я въ этомъ отношеніи го-

раздо болѣе интересуюсь судьбою поляковъ, и они мнѣ гораздо симпатичнѣе во всѣхъ отношеніяхъ.

«Я думаю, что земскій соборъ укрѣпилъ бы самодержавіе и сдѣлалъ бы Царя истиннымъ самодержцемъ. Разумѣется, при этомъ я считаю необходимой хорошую администрацію, крѣпкую своею привязанностью къ родинѣ, Царю, не говоря уже о 20-мъ числѣ, которое изображаетъ собою важную экономическую сторону. Я желалъ бы видѣть администрацію, твердо знающую границы своихъ полномочій. Ни переходить ихъ, ни не доходить до нихъ,—что нерѣдко,—не слѣдуетъ. Если бы рядомъ съ этимъ существовало земство, тоже съ законными и твердыми предѣлами полномочій, то ничего другого, кромѣ хорошаго, какъ говорится, не было бы. Я не вижу никакой опасности въ земскомъ соборѣ или въ земскомъ совѣщаніи, тѣмъ болѣе, что это совѣщаніе можно устраивать съ разумной постепенностью и непремѣнно съ твердостью.

«Наконецъ, зачѣмъ намъ думать объ отдаленномъ и туманномъ будущемъ? Имѣемъ ли мы даже право думать за нашихъ дальнихъ потомковъ? Мы обязаны думать о настоящемъ, о томъ, чтобы теперь лучше жилось, чтобы теперь было какъ можно меньше неудовольствій. Всѣмъ угодить невозможно, всѣмъ не угодишь не только конституціей, но даже республикой. Русская натура необычайно широка, и гдѣ она въ состояніи остановиться, никто не предскажетъ. А потому ее надо воспитать и заставить полюбить законность и дорожить такимъ порядкомъ вещей, гдѣ была бы возможность проявлять свою дѣятельность и въ самоуправленіи.

«Намъ долженъ быть всего ближе настоящій день, конечно, не съ правиломъ: après nous le déluge, но такъ, чтобы зданіе постоянно и непрерывно строилось, а не такъ, какъ въ цѣлый рядъ послѣднихъ лѣтъ, когда правительство постоянно отвлекалось отъ существенныхъ вопросовъ всякими неважными вопросами, которые должны были составлять его дѣятельность побочную, дѣятельность особыхъ комиссій. Возиться три года со студенческими безпорядками, наступать и отступать, обѣщать и не исполнять, угождать дѣтямъ и ничего не дѣлать отцамъ, даже отнимать у нихъ данное, напримѣръ, затѣя отмѣнить городское самоуправленіе—это не политика, не система, не работа даже. Чтобъ построить домъ, я долженъ на зиму остановить работы. Но я эту зиму предвижу и знаю, когда она наступитъ. У правительства же зима появляется неожиданно, въ видѣ разныхъ вопросовъ, подобныхъ учебному. Поднимается шумъ и сутолока, и воображаютъ, что дѣлаютъ дѣло. А машина въ это время стоитъ или примѣняется къ случайнымъ обстоятельствамъ, и, дѣлая для этого огромныя усилія, сама портится.

«Зачѣмъ намъ думать о томъ, что будетъ когда-то? Говорятъ, что черезъ столько-то лѣтъ на земномъ шарѣ негдѣ будетъ жить

людямъ. Неужели ради этого надо заблаговременно истреблять человѣчество? Почему мы должны предупреждать характеры, желанія и волю будущихъ государей? Вѣдь можетъ явиться государь, который захочетъ дать конституцію или въ его умѣ созрѣетъ эта самая самодержавная система въ такомъ видѣ, въ какомъ она намъ теперь и не представляется. Я, можетъ быть, разсуждаю неправильно, но я излагаю вамъ свои мысли, какъ онѣ рождаются, совершенно искренно, не стѣсняясь никакими соображеніями. Намъ нуженъ порядокъ, намъ нужно возвысить престижъ твердой и нелицепріятной власти, но намъ нужна и свобода, законная свобода, съ которою я могъ бы жить на основаніи закона, а не на основаніи тѣхъ или другихъ соображеній администраціи. Вы мнѣ сами говорили, какъ мало у насъ свободы для промышленныхъ предпріятій, и въ «Запискѣ», по поводу которой я веду свою рѣчь, говорится о необходимости свободы для всякаго личнаго почина.

«Самодержавіе должно эволюціонировать, какъ эволюціонируетъ все въ мірѣ. Оно обязано примѣняться къ движенію жизни, къ новымъ потребностямъ, къ литературѣ, даже къ новымъ путямъ сообщенія, къ телеграфу, телефону и проч. И оно эволюціонируетъ. Вѣдь, несомнѣнно, что самодержавіе Николая I и Александра III далеко не одного характера. Надо сохранить корень, а не вѣтки. Вѣтки можно подрѣзывать, можно дать дереву иной видъ, но чтобы дерево росло. Въ этомъ вся важность. А можетъ ли оно расти на почвѣ, которая истощилась значительно и изборождена новыми наслоеніями? Въ самомъ дѣлѣ, въ какомъ смыслѣ повліяли реформы на самодержавіе? Всѣ онѣ, начиная съ крестьянской, невольно и по самой своей сущности предполагали эволюцію самодержавія и дѣйствительно тому способствовали. Въ сущности реформами совершался возвратъ къ старымъ формамъ государственной жизни, допетровскимъ, но при новыхъ людяхъ, при новыхъ условіяхъ культурной жизни, при новыхъ требованіяхъ и въ Европѣ совершенно новой, съ ея дорогами, телеграфами, печатью, съ ея конституціями, республиками и революціями. Освобожденіе крестьянъ лишило правительство нѣсколькихъ тысячъ полицеймейстеровъ, какъ называлъ, кажется, императоръ Николай I помѣщиковъ, и эти полицеймейстеры никѣмъ не замѣнены и не могутъ быть замѣнены. Судъ присяжныхъ значительно вышелъ изъ-подъ вліянія правительства и наказываетъ и прощаетъ по своему убѣжденію. Царское милосердіе не имѣетъ полной свободы, ибо судъ рѣшаетъ, что подсудимый заслуживаетъ царской милости, и опредѣляетъ степень этой милости. Кассаціонный департаментъ Сената объясняетъ законы, и, объясняя, нерѣдко даетъ имъ толкованіе въ зависимости отъ своего убѣжденія и измѣнившихся обстоятельствъ времени. Онъ почти, можно сказать, законодательствуетъ. Сепаратные доклады министровъ не усиливаютъ власть Государя,

а процѣживаютъ ее сквозь сито министерскихъ докладовъ. Совѣтъ министровъ, въ отдаленной степени напоминающій боярскую думу съ присутствіемъ царя, который зналъ дѣла въ критикѣ всего совѣщанія, существуетъ только на бумагѣ. Самодержавію приходится считаться не только со всѣмъ этимъ, но и съ результатами реформъ, съ ростомъ всѣхъ сословій, съ ихъ просвѣщеніемъ, съ ихъ критикою существующаго порядка. Согласитесь, что самодержавіе времени Николая I существовать не можетъ теперь. Оно эволюціонируетъ и нерѣдко чувствуетъ болѣзненность и даже свое безсиліе совершить то, что оно даже хотѣло бы сдѣлать добраго. Оно не можетъ даже видѣть Россію, не можетъ узнать всѣхъ ея полезныхъ и даровитыхъ людей, которые могли бы сослужить Государю и странѣ искреннюю и хорошую службу. Въ обществѣ сплошь и рядомъ слышишь, что каждый чиновникъ есть самодержецъ и что столоначальники управляютъ Россіей. Мнѣ кажется, что эта почва чиновничества стала столь зыбкою, что въ нее не вѣрятъ, т.-е. не вѣрятъ въ ея творчество, безъ котораго жизнь не можетъ итти правильно. А въ себя общество вѣритъ и вѣритъ въ земство, какъ въ творческую силу, гораздо больше, чѣмъ въ чиновничество. По моему мнѣнію, самодержавіе можетъ расти съ земствомъ, съ свободной помощью мѣстныхъ силъ.

«Могутъ быть тысячи случаевъ, когда министръ, губернаторъ, даже Государь ощущаетъ потребность поручить дѣло, узнать сущность какого-нибудь явленія именно черезъ мѣстныхъ людей, и надо, чтобы эти люди были выборные, самостоятельные въ извѣстной степени, а не приглашенные на извѣстный случай для совмѣстной работы съ чиновниками. Я три года помѣщикъ, но я вижу, что земство дѣлаетъ дѣло, практическое, полезное дѣло. Die Fühlung, какъ говорятъ нѣмцы, должна существовать между центрами администраціи и мѣстными жителями помимо чиновниковъ. Она должна существовать даже для контроля надъ ними. Говорятъ, что это можетъ сдѣлать печать. Не можетъ этого сдѣлать печать даже при полной свободѣ. Печать критикуетъ, кричитъ, смѣется, побуждаетъ, но не творитъ. Но хорошо поставленное земство можетъ явиться отличнымъ помощникомъ правительству въ его творчествѣ. Конечно, жизнь есть вещь очень сложная, и не такъ легко писать, какъ дѣлать жизнь или помогать ей дѣлаться. Но я не реформаторъ, а только журналистъ.

«Какъ журналистъ, я вижу множество людей, которые со мной совершенно откровенны. Ни съ министромъ, ни съ губернаторомъ они не станутъ говорить такъ, какъ говорятъ съ журналистомъ, который для нихъ свой братъ. Я въ послѣдніе годы не встрѣчаю людей довольныхъ. Всѣ недовольны, и все ихъ недовольство обращено исключительно на правительство. Я не хочу этимъ сказать, что недовольные всегда правы. Я указываю только на фактъ, на

направленіе общественной мысли. Люди осмѣлѣли—я сказалъ эту фразу на новый 1902 годъ въ фельетонѣ. Эта осмѣлѣлость, если можно составить такъ слово, результатъ того, во-первыхъ, что общество выросло даже численно и потому почувствовало себя сильнѣе,—во-вторыхъ, того, что правительство топчется на мѣстѣ и думаетъ, что оно можетъ что-нибудь сдѣлать, угождая то тому сословію, то другому, давая подачки то дворянству, то купечеству, то молодежи. Рядомъ съ этой личной и общественной осмѣлѣлостью идетъ пониженіе нравственной силы въ администраціи, которая не только ничему не научилась, но даже спуталась во многомъ. Въ общественномъ термометрѣ ртуть поднялась постепенно до двадцати градусовъ, а въ термометрѣ администраціи она не находитъ себѣ мѣста, прыгая то вверхъ, то спускаясь внизъ. Образовались какъ бы двѣ температуры въ русской атмосферѣ, и это мѣшаетъ установиться правильному порядку вещей. Каждое общественное явленіе ставитъ администрацію въ неловкое положеніе—не то либеральничать, не то укрощать. Въ Москвѣ выдумали же читать лекціи рабочимъ [1]) и приказывать фабрикантамъ черезъ полицію принимать требованія рабочихъ, и все съ тою цѣлью, чтобъ найти въ рабочихъ союзниковъ противъ студентовъ. Такимъ образомъ можно дойти до междоусобной войны. Вмѣсто того, чтобы создать законодательство, которое обезпечило бы рабочаго и фабриканта, сами слуги правительства ставятъ однѣ группы населенія противъ другихъ [2]) Все чиновничество вмѣстѣ съ земскими начальниками не предупредило безпорядковъ въ Полтавской губерніи. Очевидецъ-помѣщикъ разсказываетъ, что когда въ своей деревнѣ онъ сказалъ крестьянамъ, что если они не вытолкнутъ изъ своей головы идеи, что будто вся земля принадлежитъ имъ, то пріѣдетъ губернаторъ и ихъ перепоретъ,—они отвѣчали: «Неизвѣстно еще, кто кого выпоретъ, губернаторъ насъ или мы губернатора». Въ Двинскѣ онъ видѣлъ тысячную толпу евреевъ, которые шли съ красными знаменами и кричали: «Да здравствуетъ республика».—«Что это значитъ?» спросилъ онъ у хозяина гостиницы, еврея же. «Въ Петербургѣ провозглашена республика», отвѣчаетъ онъ спокойно. Я не ручаюсь, что это справедливо, но это одинъ изъ тѣхъ сотенъ разсказовъ, которые вращаются въ публикѣ въ теченіе этого полутора мѣсяца. Надо, чтобъ само населеніе не допускало этого безобразія, чтобъ и старые и молодые люди были на стражѣ закона и прониклись его пользою и необходимостью. А какая имъ охота, если ихъ пріучили къ тому, что это не ихъ дѣло. А вѣдь даже мужикъ развивается, читаетъ, начинаетъ знать Европу хоть по наслышкѣ и всегда въ завидномъ видѣ. Этого остановить невозможно, а потому со всѣмъ этимъ необходимо считаться.

---

[1]) Профессоръ Озеровъ.

[2]) Зубатовщина.

«Управлять становится очень трудно. Вы это сами отлично сознаете, какъ не могутъ не сознавать и другіе министры. Ни у одного европейскаго государя, ни у одного европейскаго министра нѣтъ такой массы работы, прямо изнурительной, какъ у Русскаго Царя и у русскаго министра. Я не хочу этимъ сказать льстивое слово, а хочу указать на то, что это мало нормально, что это дѣлаетъ Царя и министровъ такими работниками, что у нихъ нѣтъ ни отдыха, ни свободы, которые необходимы для руководящей работы.

«Я просматривалъ для «Русскаго Календаря» статистику населенія городовъ. Въ 1800 году въ Лондонѣ было 950 тысячъ, теперь 6½ милліоновъ, въ Парижѣ 650 тысячъ, теперь 2 милліона 900 тысячъ, въ Берлинѣ 170 тысячъ, теперь почти 2 милліона, въ Петербургѣ въ 1820 году было около 300 тысячъ, теперь до полутора милліона, въ Москвѣ около 250 тысячъ въ 1820 году, теперь за милліонъ. Какъ стало труднѣе управляться даже городамъ при такомъ населеніи, не только государствамъ! Но если Европа управляется, и намъ надо управляться и изыскивать къ тому всѣ способы и заимствовать все то, что необходимо и не противорѣчитъ нашей исторіи. А земство ей нисколько не противорѣчитъ. Намъ, конечно, труднѣе, ибо въ Европѣ много давно насаженнаго, окрѣпшаго, пустившаго глубокіе корни,—у насъ все ново или почти все ново, все не окрѣпло надлежащимъ образомъ. У насъ даже образованіе юношества виситъ на воздухѣ почти пятьдесятъ лѣтъ и все не знаютъ, какъ съ нимъ быть, и со всякимъ министромъ народнаго просвѣщенія начинаютъ новые или подновленные эксперименты, точно каждый министръ обязанъ имѣть свою систему и ею спасать Россію, точно образованіе есть нѣчто такое, что мы, русскіе, должны выдумывать и что Европѣ совсѣмъ неизвѣстно.

«Записка» какъ будто старается доказать, что если можно хорошо управлять посредствомъ чиновниковъ винной монополіей и казенными желѣзными дорогами, то можно управлять посредствомъ чиновниковъ и государствомъ. Я думаю, что сравненіе не отличается точностью, ибо оно приравниваетъ живой, вѣчно измѣняющійся народный организмъ къ чему-то механическому. Желѣзныя дороги и останутся желѣзными дорогами. А въ народѣ растетъ сознаніе, являются новыя потребности, новые факты и явленія. Притомъ народъ въ своемъ развитіи не поднимается правильной и ровной волной, а идетъ волной крайне извилистой, пѣнящейся, выбрасывающей вверхъ такіе фонтаны, что въ нихъ удобно воспитываются жестокіе нарушители порядка, прямо революціонеры. Развѣ ихъ не довольно теперь? Развѣ они исчезли въ эти пятьдесятъ лѣтъ? Они только видоизмѣнились. Балмашовъ [1]) воспользовался даже театроманіей, разыгравъ свое преступленіе, какъ актеръ, переодѣвающійся въ костюмъ своей роли.

[1]) Убійца Сипягина.

«Записка» соглашается, что къ администраціи у насъ относятся враждебно и ничего хорошаго отъ нея не ожидаютъ, и затѣмъ оспариваетъ этотъ взглядъ, говоря, что необходимо повѣрить активъ и пассивъ и что на сторонѣ чиновничества много истинныхъ заслугъ. Это совершенно вѣрно. Но общество невозможно въ этомъ убѣдить или возможно только рядомъ многихъ лѣтъ чудеснаго управленія. А развѣ можно сказать: погодите, черезъ столько-то лѣтъ все пойдетъ превосходно? Жизнь вѣдь не стоитъ, и предвидѣть ея теченіе никто не въ состояніи. Авторъ «Записки» справедливо видитъ большую опасность въ уничтоженіи земства: невозможно брать назадъ то, что разъ даровано. Поэтому онъ оставляетъ земство тамъ, гдѣ оно существуетъ, и такимъ образомъ противорѣчитъ всей своей задачѣ. Какъ бы ни была мудро преобразована администрація, даже до той степени, которая позволитъ правительству предоставить земствамъ «большую свободу въ точно очерченномъ кругѣ ихъ дѣятельности», какъ говоритъ авторъ «Записки», но если земство остается, остаются и всѣ его опасныя, по мнѣнію автора, стороны. Значитъ, авторъ не поворачиваетъ исторіи, а только ее задерживаетъ, то-есть не устраняетъ стремленій земства къ конституціи, а вѣдь къ этому устраненію направлена вся его «Записка». Не правъ ли я, говоря, что надо заботиться прежде всего о сегодняшнемъ днѣ? Завтрашній день самъ о себѣ печется, какъ сказано въ Евангеліи.

«Государственное строеніе, несомнѣнно, должно смотрѣть впередъ, несомнѣнно, должно знать, что оно строитъ и для чего, но оно не должно смотрѣть слишкомъ далеко, чтобъ не отнять энергію у работниковъ и не погнаться за двумя зайцами. Корреспондентъ «New-York Herald» говорилъ мнѣ на этихъ дняхъ: «Нѣмцамъ никогда не догнать насъ въ промышленности, потому что нашъ работникъ, получая много, имѣя отдыхъ для образованія, гораздо лучше работаетъ, чѣмъ нѣмецкій работникъ. Наши простые рабочіе годятся въ мастера на нѣмецкія фабрики». Я думаю, что для государственнаго строительства тоже необходимы такіе работники. Если самодержавіе станетъ искренно и настойчиво искать ихъ среди чиновниковъ и въ земствѣ, оно только будетъ дѣлать свою государственную работу чище и прочнѣе. Я знаю, что земскій соборъ или проще «земское совѣщаніе» критикуется учеными. Но мало ли что критикуется? Кто можетъ безошибочно сказать, что это прямой переходъ къ конституціи? А можетъ быть, что земское совѣщаніе есть барьеръ противъ конституціи. Можетъ быть, это наше родное дѣтище, незаимственное, выросшее на русской почвѣ, дающее самодержавію крѣпкій оплотъ. Тутъ главное, чтобы власть была тверда и чтобъ не было толпы, не было многочисленности, не было «улицы». Кстати или некстати, я укажу на то, что у насъ крестьянское самоуправленіе страдаетъ отъ толпы, страдаетъ

тѣмъ, что всѣ домохозяева составляютъ сходъ и сходъ тѣмъ безтолковѣе, чѣмъ онъ многочисленнѣе. У нашихъ нѣмецкихъ колонистовъ потому, между прочимъ, дѣла идутъ гораздо лучше, что у нихъ существуетъ «малый сходъ»—такъ онъ называется.

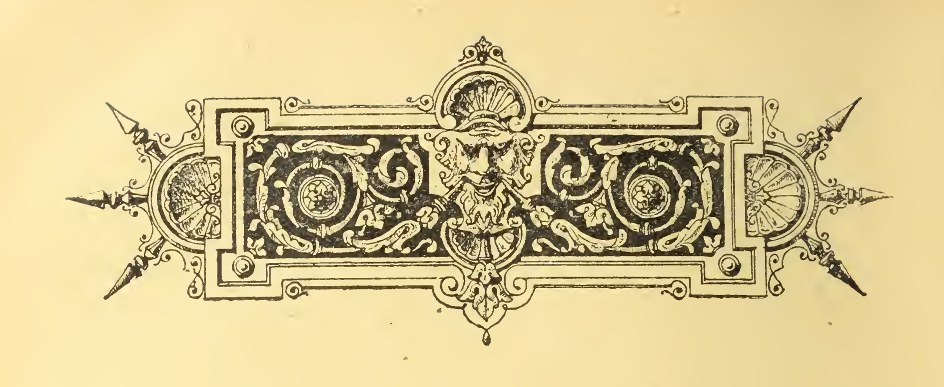
«Я всегда былъ очень далекъ отъ всякихъ «проектовъ реформъ» и терпѣть не могъ ихъ, когда съ ними выступали журналисты, облекая ихъ даже въ параграфы. Журналисту необходимо чувствовать жизнь и ея потребности, и мнѣ думается, что и старикомъ, а все еще ее чувствую хоть немного. Мнѣ кажется, что принципъ управленія заключается въ томъ, чтобъ поступать такъ, какъ будто весь народъ—отличный, здоровый, добрый и способный. Другими словами: все то, что готовъ я сдѣлать для хорошаго добраго и способнаго человѣка, все это я долженъ сдѣлать для всѣхъ. Кто не хочетъ или не можетъ этого принять, для тѣхъ существуютъ законы полицейскіе, гражданскіе и уголовные, и тутъ уже не должно быть никакихъ заигрываній, никакихъ исключеній, кромѣ той «милости», которая уживается съ «правдою» и передъ лицомъ закона. Вотъ весь мой проектъ реформы, намъ необходимой. Онъ уживается съ самодержавіемъ, потому что съ нимъ Россія сроднилась, и потому что оно дало Россіи очень много и по существу своему заключаетъ въ себѣ всѣ элементы добра и правды, и самодержавіе уживается съ земствомъ, если границы послѣдняго будутъ твердо опредѣлены и если администрація будетъ преобразована въ логическую и связную систему.

«Очень можетъ быть, что вы, прочтя все это, скажете, какъ Гамлетъ: «слова, слова, слова». Я не ссылаюсь на авторитеты, не цитирую ученыхъ, какъ авторъ «Записки». Я ему завидую, что онъ прочелъ такъ много и такъ послѣдовательно провелъ свою мысль. Я только высказалъ свое мнѣніе, не беря на себя непосильнаго для меня труда опровергать автора. Я вижу большую растерянность въ обществѣ спокойномъ, вижу большое шатаніе и ни отъ кого не слышу порицанія земства. Напротивъ, крестьянскіе бунты прямо приписываютъ тому, что у земства была отнята продовольственная часть. Итакъ, у меня только слова. Но они отъ искренняго сердца и отъ искренняго моего уваженія къ вамъ, къ вашему уму и вашимъ заслугамъ».

Если въ приведенныхъ выше взглядахъ С. Ю. Витте по вопросу о значеніи земскаго самоуправленія сказался человѣкъ очень опредѣленнаго склада ума, то не менѣе характерна и та позиція, которую ему пришлось вскорѣ занять при министрѣ внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве въ ходѣ работъ «Особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности», созваннаго по иниціативѣ именно С. Ю. Витте.

Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

КРЫМСКІЯ ЛЕГЕНДЫ.

НАСТУПАЕТЪ лѣто, каникулы, когда учащаяся молодежь и большая часть учащихъ стремится отдохнуть отъ зимнихъ занятій и при первой возможности мчится въ заранѣе намѣченныя мѣста, поближе къ природѣ: кто на Кавказъ, кто на Волгу, кто въ улыбающійся ласковый Крымъ.

Горные клубы уже разсылаютъ свои приглашенія записываться въ члены ихъ, предлагая самые разнообразные и удобные маршруты.

Тѣмъ, кто, будучи въ Крыму, разсчитываетъ посѣтить древнюю столицу крымскихъ хановъ Бахчисарай, небезынтересно будетъ заглянуть въ красивые, поэтическіе уголки, какіе представляютъ собою недалеко расположенные монастыри—Успенскій и св. Анастасіи. Относительно послѣдняго сохранилась поэтическая татарская легенда, съ которою я и хочу познакомить тѣхъ, кто будетъ въ этихъ мѣстахъ. Легенда эта записана отцомъ моимъ со словъ его друга, бывшаго старожила и крымскаго помѣщика В. Кондораки, въ свое время серьезно изучавшаго исторію Крыма, его легенды, языкъ и бытъ крымскихъ татаръ.

Привожу ее дословно.

I.

Вай-Анамъ-Хаясы.

(Крымская скала, извѣстная у татаръ подъ именемь «Ай, маменька!»).

Въ окрестностяхъ Бахчисарая, у подножья громадныхъ скалъ, испещренныхъ трущобами и пещерами, стоитъ не очень давно воздвигнутый храмъ во имя св. Анастасіи. Преданіе гласитъ, что здѣсь когда-то былъ монастырь во имя этой угодницы, а иноки скрывались въ одной изъ самыхъ высокихъ пещеръ, и именно въ той, гдѣ въ настоящее время съ благоговѣніемъ поклонники собираютъ зерна черной пшеницы, Богъ вѣсть кѣмъ и когда оставленной и Богъ вѣсть отчего почернѣвшей. Вблизи этихъ мѣстъ, по дорогѣ къ св. храму, путникъ встрѣчаетъ два колоссальныхъ, наподобіе человѣческаго корпуса, каменныхъ истукана (игра природы) отстоящихъ одинъ отъ другого саженъ на 200. Ближайшій къ храму выше и толще: его именуютъ «Хохрма баламъ» (т. е. не бойся, дитя мое), а послѣдній стоитъ у самой дороги, сливаясь съ сплошною скалою, на которой отпечатлѣлись виды разныхъ животныхъ.

Татары именуютъ этотъ колоссъ — Вай, анамъ-хаясы (т. е. ай, маменька!) Вотъ легенда, разсказанная мнѣ старикомъ-татариномъ, о происхожденіи этихъ странныхъ названій.

Въ глубокой древности недалеко отъ Бахчисарая, именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теперь возносятся къ небу эти чудовищные каменные великаны, обиталъ грозный царь Топалъ-бей. Его громадный сераль былъ построенъ въ видѣ крѣпости, и никто не имѣлъ права проникать за стѣны его. Между тѣмъ всѣ лучшія дѣвы Крыма непремѣнно попадали сюда обманомъ, силою или содѣйствіемъ золота, но куда онѣ дѣвались потомъ, когда сластолюбивый бей пресыщался ими, никто не вѣдалъ. По крайней мѣрѣ ни одна изъ красавицъ, попавшихъ сюда, не выходила больше на свѣтъ Божій. Сосѣдніе жители различно толковали объ этомъ страшномъ человѣкѣ. Одни признавали его злымъ джиномъ (духомъ) въ образѣ человѣка, другіе—людоѣдомъ.

Тѣмъ временемъ въ деревнѣ Топчи-кой жилъ Кемалъ-мурза, человѣкъ богатый, страшно преданный набѣгамъ на гяуровъ. Мурза этотъ имѣлъ молодую прекрасную жену и единственную дочь, красавицу, какихъ не бывало на свѣтѣ. Много важныхъ сановниковъ царства изъявляли желаніе жениться на этой очаровательной дѣвушкѣ, но отецъ никому изъ нихъ не давалъ рѣшительнаго отвѣта, пока Селиме-ханій не достигнетъ ровно 15-лѣтняго возраста. Слухи о красотѣ Селиме часто доходили до Топалъ-бея, но онъ не могъ отыскать такихъ людей, которые рѣшились бы привести къ нему въ гаремъ эту небывалую красавицу.

Однажды Топалъ-бей выѣхалъ на охоту травить зайцевъ. Не проѣхалъ они и тысячи шаговъ отъ своего жилища, какъ выскочилъ изъ куста большой заяцъ. Борзыя собаки бросились за нимъ; бей также поскакалъ. Долго, долго они гнались, но, увы, ни скакунъ бея, ни легкія собаки его не могли остановить интересной добычи. Озлобленный бей поминутно шпорилъ коня, но вдругъ лошадь остановилась, пошатнулась и упала мертвою. Собаки и добыча исчезли въ дали степной. Топалъ-бей ломалъ себѣ пальцы отъ негодованія и злобно продолжалъ смотрѣть за скрывшимися собаками, лаская себя надеждою, что онѣ возвратятся къ нему, но насталъ вечеръ, а собакъ не было. Бей, потерявъ терпѣніе, рѣшился зайти на ночлегъ въ первую хижину, которая встрѣтится ему. Нѣсколько минутъ спустя предъ нимъ показались постройки. Подошедъ къ дверямъ перваго зданія, Топалъ-бей постучалъ въ мѣдное кольцо.

— Кто тамъ?— спросилъ вышедшій слуга.

— Странникъ Божій проситъ ночлега,—отвѣчалъ бей.

Двери отворились, и странникъ введенъ былъ въ оду (комната), предназначенную для пріема гостей. Послѣ обыкновенныхъ разспросовъ и привѣтствій Топалъ-бей узналъ, что онъ случайно гоститъ въ домѣ Кемалъ-мурзы.

— Правда ли,—спросилъ онъ у слуги:—что у твоего хозяина дочь—первая красавица?

— Объ этомъ знаютъ всѣ,—былъ отвѣтъ.

— А нельзя ли, другъ мой, увидѣть мнѣ ее хоть въ щель дверную? Я очень богатъ, знатенъ и, слѣдовательно, могу быть приличнымъ женихомъ твоей госпожи; за одолженіе же я подарю тебѣ кошелекъ, набитый червонцами,—и онъ бросилъ къ ногамъ слуги обѣщанное золото.

Слуга, увидя такое богатство въ рукахъ своихъ, обѣщалъ исполнить просьбу гостя и исполнилъ ее въ минуту, когда прекрасная Селиме-ханій молилась Аллаху. Бей смотрѣлъ на нее во всѣ глаза, какъ могущественный левъ на слабую добычу. Подкупленный слуга съ трудомъ отвелъ его отъ мѣста. Топалъ не захотѣлъ болѣе оставаться въ гостяхъ и, несмотря на темную ночь, пѣшкомъ возвратился домой.

Нѣсколько дней спустя въ глухую ночь домъ Кемалъ-мурзы былъ разбитъ неизвѣстными злоумышленниками, и пропали безъ вѣсти мать и дочь. Когда сообщено было объ этомъ происшествіи Кемалъ-мурзѣ, онъ оставилъ свои набѣги и возвратился въ Крымъ, но, увы, тщетно онъ искалъ жену и дочь,—никто не могъ указать ему похитителя или разбойниковъ.

Между тѣмъ несчастныя женщины очутились въ гаремѣ страшнаго Топалъ-бея. Обѣ онѣ были одна красивѣе другой. Бей ежедневно посѣщалъ ихъ, упрашивая покориться его волѣ, но ни мать,

ни дочь не допускали его прикасаться къ нимъ. Такъ прошло 40 дней. Однажды разгнѣванный Топалъ-бей вошелъ къ нимъ и снова началъ просить ихъ сдѣлаться его одалисками добровольно, въ противномъ случаѣ грозилъ умертвить ихъ. Женщины изъявили согласіе умереть. Топалъ продолжалъ упрашивать; наконецъ вышелъ онъ изъ себя и позвалъ вѣрныхъ слугъ своихъ... Въ нѣсколько минутъ женщины были схвачены и замуравлены въ стѣнѣ, окружающей гаремъ. Съ тѣхъ поръ о несчастныхъ плѣнницахъ долго ничего не было слышно.

Годъ спустя до свѣдѣнія Топалъ-бея дошло, что на границѣ его земель внезапно появились два каменныхъ гиганта и что передъ свѣтомъ пастухъ всегда видитъ выходящую изъ одного изъ нихъ дѣвицу неестественной красоты съ золотою кружкою въ рукахъ. Слухъ этотъ встревожилъ бея, и онъ рѣшился лично убѣдиться въ справедливости. И что же оказалось? Выходящая изъ скалы была та самая Селиме-ханій, которую онъ замуровалъ живою въ стѣнѣ гарема. Топалъ-бей пришелъ въ страшное негодованіе и въ тотъ же день приказалъ впрячь въ исполинскій камень всѣхъ своихъ воловъ и лошадей, чтобы опрокинуть его.

Приказаніе было исполнено, но въ ту минуту когда все было готово и когда погонщикъ поднялъ кнутъ, чтобы тронуть съ мѣста впряженныхъ животныхъ, изъ колосса вылетѣлъ женскій голосъ:

—Ай, маменька!

На крикъ послѣдовалъ изъ дальняго истукана отвѣтъ:

— Не бойся, дитя мое!

Въ ту же минуту всѣ волы и лошади съ погонщиками и цѣпями превратились въ сплошную скалу. Съ того времени оба колосса сохранили за собою тѣ названія, которыя послышались изъ нихъ народу.

II.

Золотая руда въ Крыму.

Въ Крыму, между дряхлыми стариками, существуетъ преданіе, что генуэзцы добывали золото въ Палатъ-горѣ, что открытіе это было извѣстно ханамъ, которые впослѣдствіи не хотѣли даже пользоваться имъ изъ боязни возбудить алчность опекунствующихъ надъ ними турецкихъ султановъ. Приведемъ одну изъ легендъ, созданныхъ по этому предмету воображеніемъ татаръ.

Одинъ изъ могущественныхъ хановъ Крыма, мудрый въ дѣлахъ и кроткій въ душѣ, послѣ двадцатилѣтняго царствованія, не имѣя наслѣдника, началъ тосковать и нерѣдко впадалъ въ мрачное уныніе. Въ эти минуты онъ часто приходилъ въ такое неистовство, что приказывалъ рубить головы тѣмъ мурзамъ, которымъ судьбѣ угодно было даровать сына, или топить въ дворцовыхъ бассейнахъ

своихъ безплодныхъ одалисокъ; часто видѣли его рвавшимъ бороду и отчаянно молившимся пророку. Придворные были въ ужасѣ отъ страданій своего повелителя, и каждый день приводили ему со всѣхъ концовъ свѣта прославленныхъ медиковъ; но ни одинъ изъ нихъ не могъ оказать пользы. Въ одно время ханъ, обыкновенно печальный, при выходѣ изъ мечети былъ остановленъ человѣкомъ, похожимъ на дервиша, который сказалъ ему:

— Высокоименитый ханъ, никто, кромѣ меня, не въ состояніи исполнить твоего желанія.

Гирей грозно посмотрѣлъ на ничтожнаго смертнаго, осмѣлившагося остановить его; однако его гнѣвъ при мысли имѣть наслѣдника исчезъ, и онъ приказалъ дервишу явиться къ нему вечеромъ. Дервишъ въ урочное время введенъ былъ въ комнату Гирея.

Никто не знаетъ о содержаніи ихъ разговора наединѣ; только къ полуночи были приготовлены два осѣдланныхъ коня. Въ полночь дервишъ и ханъ вмѣстѣ выѣхали за городъ и помчались къ страшному ущелью, извѣстному подъ именемъ Сіахъ-дере.

Пріѣхавши къ этой мѣстности, таинственный дервишъ, сойдя съ коня, сказалъ:

— Свѣтлѣйшій Гирей, ты еще имѣешь время раздумать и возвратиться домой, не испытавъ тѣхъ ужасныхъ ощущеній, о которыхъ я тебѣ говорилъ, но помни только, что тогда ты умрешь безъ наслѣдника и оставишь народъ твой въ бѣдственномъ положеніи.

— Дѣлай со мною все, что хочешь,—отвѣчалъ ханъ.

Дервишъ предложилъ ему слѣдовать за нимъ въ темную пещеру... Нѣсколько минутъ спустя, ханъ выскочилъ изъ страшной трущобы испуганный, блѣдный, сопровождаемый дымомъ и пламенемъ. Не переводя духа, онъ вскочилъ на лошадь и что было силы поскакалъ.

Девять мѣсяцевъ спустя одна изъ женъ хана родила сына; лицо новорожденнаго какъ будто было опалено огнемъ. Ребенокъ съ дѣтскихъ лѣтъ выказывалъ ужасный характеръ. Любимое его развлеченіе на охотѣ было собственноручно добивать раненаго звѣря; если же желали унять его отъ капризовъ, то обыкновенно обѣщали доставить случай посмотрѣть на отсѣченіе головы у человѣка.

Наступило время умирать хану, и онъ, призвавъ къ себѣ сына, разсказалъ подробно исторію его рожденія, прибавивъ:

— Сынъ мой, я поклялся передъ дервишемъ, что ты, по восшествіи на престолъ, въ полночь отправишься въ пещеру Сіяхъ-дере, чтобы поблагодарить его. Кромѣ того, духи этой пещеры обязаны выполнить одно изъ твоихъ требованій; но только одно, какого бы рода оно ни было, а потому прошу тебя, проси у нихъ то, что составляетъ истинное счастіе.

Сказавъ это, ханъ испустилъ послѣднее дыханіе. Въ тотъ же день по требованію духовнаго дивана юноша вступилъ въ управленіе

царствомъ. По наступленіи полночи онъ вскочилъ на коня и поскакалъ къ ущелью Сіяхъ-дере. Привязавъ лошадь, онъ подошелъ къ пещерѣ, у входа въ которую сидѣлъ дервишъ. Ханъ поклонился ему и троекратно произнесъ благодарность за появленіе свое на свѣтъ.

— Сказалъ ли тебѣ покойный отецъ еще что-нибудь, кромѣ этого?—спросилъ дервишъ.

— Покойникъ говорилъ мнѣ, что я обязанъ требовать отъ здѣшнихъ джиновъ исполненія одного изъ моихъ желаній. Чтобы исполнить волю его, я объявляю, что желаю неисчерпаемаго источника золота.

Дервишъ поблѣднѣлъ отъ негодованія и долго молчалъ въ предположеніи, что юноша поправитъ свое безумное увлеченіе, но ханъ снова повторилъ то же самое. Тогда онъ мрачнымъ голосомъ произнесъ:

— Злой человѣкъ! Желаніе твое будетъ исполнено. Смотри, видишь трещину у подножія Чатыръ-дага (Палатъ-гора)? Отбрось нѣсколько горстей земли и увидишь неистощимую жилу золота; но помни, если хоть одна частичка этого металла послужитъ на дѣла, которыя называются добрыми, ты не только будешь лишенъ богатства, но и самъ погибнешь.

Сказавъ это, дервишъ исчезъ.

Убѣдившись, что желаніе его исполнено, ханъ возвратился домой.

Съ этого времени часто придворные служители видѣли выѣзды его изъ дворца и возвращеніе на другой день съ саками, наполненными доверху, но что въ нихъ было, и гдѣ онъ былъ, никто не могъ узнать.

Въ одно время ханъ положилъ распространить свои владѣнія. Желаніе его быстро было приведено въ исполненіе, и щедрыя награды достались только тѣмъ, которые болѣе прославились варварскими подвигами: кровожадный ханъ двинулъ войска свои противъ христіанъ. Въ числѣ несчастныхъ плѣнныхъ одинъ былъ старикъ. Ханъ, чрезвычайно довольный войсками своими, не замедлилъ поскакать къ золотому источнику, и набралъ золота столько, что едва могъ довезти его. Тѣмъ временемъ дочь стараго плѣнника, переодѣвшись въ греческій костюмъ, явилась въ Крымъ подъ видомъ константинопольскаго купца, чтобы выкупить отца, но, не зная языка и дорогъ, попала въ лѣса, гдѣ разбойники отняли у нея деньги, приготовленныя для выкупа; несчастная, оставшись безъ средствъ и боясь вторично попасть въ руки убійцъ, случайно подошла къ подножію Чатыръ-дага и расположилась на ночлегъ. На утро, когда она поднялась съ мѣста и думала, куда итти, взоры ея внезапно были поражены блескомъ чего-то лежащаго на дорогѣ. Дѣвушка сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ, и въ рукахъ ея очутился большой ку-

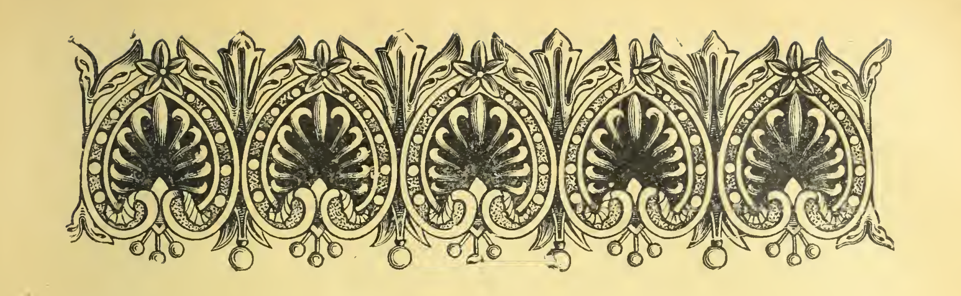
сокъ золота, потеряннаго наканунѣ ханомъ. Съ жадностью она прижала къ сердцу дорогой металлъ и пошла скорыми шагами по тропинкѣ, лежащей передъ нею. На слѣдующій день она допущена была къ владѣльцу ея отца, который не только отпустилъ за найденное золото отца ея, но приказалъ даже подъ конвоемъ вывести ихъ за границу Крымскаго царства.

Такимъ образомъ золото, предоставленное хану дервишемъ исключительно для злыхъ дѣлъ, случайно искупило отъ страданій отца и дочь.

Нѣсколько дней спустя, ханъ снова поѣхалъ къ Палатъ-горѣ за любимымъ своимъ металломъ. Онъ оставилъ по обыкновенію коня подъ скалою и, несмотря на ужасный вой вѣтра, громъ и молнію, подошелъ къ золотому источнику, но въ ту минуту, когда онъ протянулъ руку къ блестящимъ кускамъ золота, изъ мрачной трещины выдвинулись двѣ другія страшныя руки и схватили злодѣя, допустившаго совершиться доброму дѣлу. Въ этотъ моментъ молнія пересѣкла его пополамъ, и вслѣдъ за тѣмъ со страшнымъ трескомъ обрушилась часть горы и засыпала тѣло хана вмѣстѣ съ золотымъ источникомъ, указаннымъ таинственнымъ дервишемъ.

Н. П—я.

НАЛЕНЧОВЪ.

СЛУЖЕБНЫЯ обстоятельства лишили меня возможности предпринять въ позапрошломъ году обычную заграничную поѣздку, между тѣмъ необходимо было гдѣ-нибудь отдохнуть и посвятить свой кратковременный отпускъ леченію и вообще курортному режиму. По совѣту мѣстныхъ врачей я направился въ ближайшій къ моему мѣстожительству курортъ Наленчовъ, который настолько мало извѣстенъ широкой публикѣ, что считаю не лишнимъ подѣлиться тѣми впечатлѣніями, которыя я вынесъ послѣ четырехнедѣльнаго тамъ пребыванія.

Наленчовъ находится въ Люблинской губерніи, въ разстояніи двадцати одной версты отъ губернскаго города и расположенъ среди люблинской возвышенности (210 метровъ надъ уровнемъ моря) у верховьевъ рѣки Бохотницы, образующей здѣсь небольшой прудъ и направляющейся къ юго-западу по довольно глубокому оврагу до впаденія въ рѣку Вислу около мѣстности Казимѣржа. Оврагъ этотъ извѣстенъ живописными долинами, изобилующими ключами родниковой воды. Климатъ Наленчова занимаетъ среднее мѣсто между климатомъ морскимъ и континентальнымъ, хотя подходитъ болѣе къ послѣднему. Средняя температура 15 градусовъ (май—сентябрь).

Описываемая мѣстность, гдѣ расположены деревни Бохотница, Вонвольнице, Цинковъ и другія, относится къ древнимъ поселеніямъ, на что указываетъ время постройки костела въ Бохотницѣ— 1523 году. Въ 1751 году часть этихъ деревень перешла къ Стани-

славу Малаховскому, полковнику королевскихъ войскъ, имѣвшему гербъ рода Наленчъ, и съ этого же года въ документахъ впервые упоминается названіе Наленчовъ. Въ этотъ періодъ времени (1752—1773 гг.) построенъ дворецъ (палацъ), разбитъ паркъ и проведена липовая аллея къ костелу. Въ 1807 году цѣлебныя свойства мѣстныхъ источниковъ были уже извѣстны, и здѣсь лечились князь Адамъ Чарторыжскій и епископъ Цецишовскій, а въ 1817 году вода была химически изслѣдована профессоромъ варшавскаго университета Іосифомъ Целинскимъ; съ этого времени началось уже пользованіе наленчовскими водами, а въ 1821 году появилось вполнѣ оборудованное лечебное заведеніе съ кургаузомъ, ваннами, гостиницей и аптекой. Но этотъ цвѣтущій періодъ продолжался не долго; съ переходомъ имѣнія къ другимъ владѣльцамъ лечебное заведеніе, а вмѣстѣ съ нимъ паркъ и дворецъ стали приходить къ полному упадку; послѣдняя владѣлица Чимирлина, не будучи въ состояніи поддерживать постройки, рѣшилась отдать ихъ военному вѣдомству для помѣщенія артиллерійскаго парка за цѣну навоза, коимъ удобряла поля. Курортъ палъ и едва ли онъ снова возродился бы, если не случайное благопріятное для него обстоятельство; послѣ долгаго отсутствія возвратился на родину (1877 г.) докторъ Фортунатъ Новицкій изъ Липецка, гдѣ въ продолженіе многихъ лѣтъ занималъ постъ директора мѣстнаго лечебнаго заведенія. Изслѣдовавъ Наленчовскій источникъ и найдя воду, по свойствамъ своимъ, подходящею къ липецкимъ желѣзистымъ источникамъ, Новицкій, вмѣстѣ съ тремя товарищами-врачами, приступилъ къ возстановленію бывшаго лечебнаго заведенія, арендовавъ сначала мѣстность, гдѣ были ключи и постройки, а въ слѣдующемъ 1878 году образовалось товарищество на паяхъ съ капиталомъ въ 150.000 рублей, которое и пріобрѣло въ собственность этотъ участокъ.

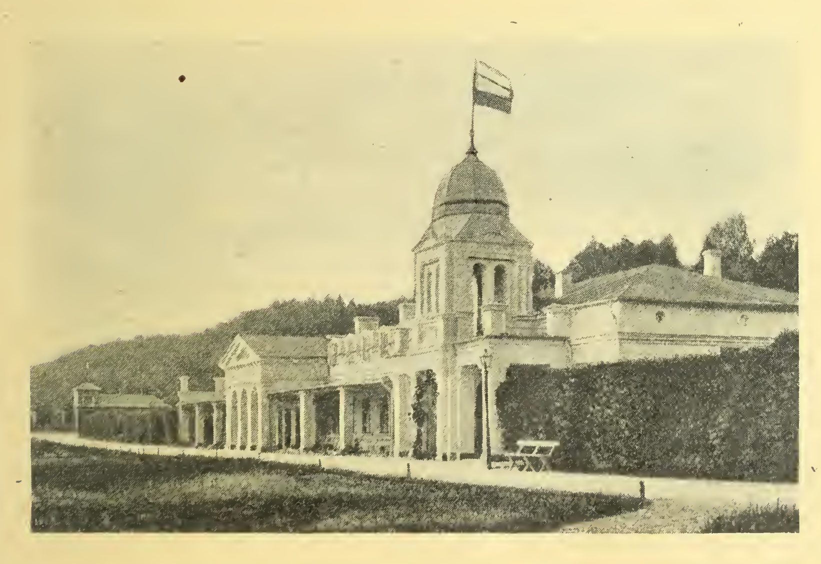
Такимъ образомъ, можно считать 1880 годъ началомъ непрерывнаго существованія курорта, и съ этого же времени цѣлебныя свойства Наленчовскихъ источниковъ становятся общеизвѣстными въ губерніяхъ Царства Польскаго и притокъ больныхъ съ года на годъ возрастаетъ.

Лечебное заведеніе или Наленчовскій курортъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: онъ занимаетъ площадь около шестидесяти десятинъ [1]) и расположенъ на двухъ покатостяхъ Бохотницкой долины, которая прорѣзывается рѣчкой того же названія, образующей довольно большой прудъ съ островомъ, на которомъ ежедневно играетъ струнный оркестръ. На лѣвой сторонѣ рѣчки имѣется роскошный старинный паркъ (1752 г.),

[1]) Паркъ, гдѣ расположены всѣ курортныя постройки, занимаетъ около пятнадцати десятинъ. Онъ освѣщается электричествомъ.

Закладъ. Лечебное заведеніе и гидропатія.

Видъ купаленъ и амбулаторіи.

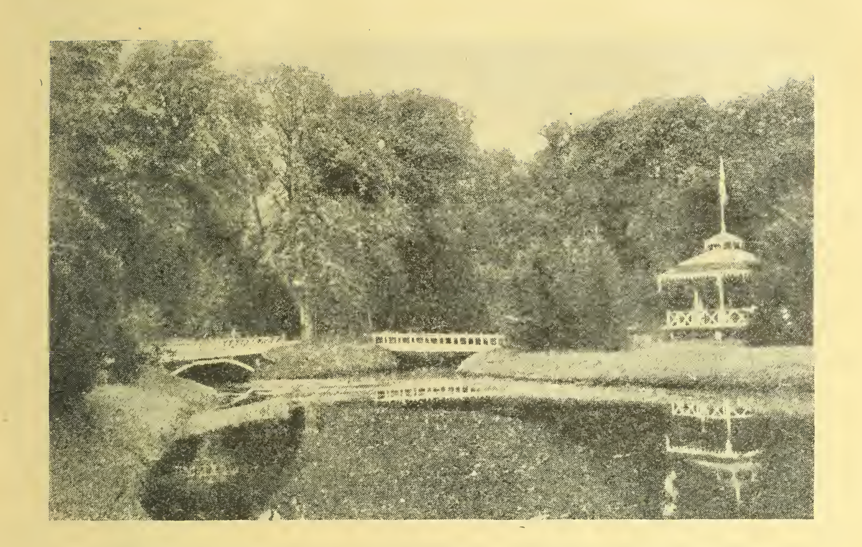
отличающійся богатствомъ и разнообразіемъ деревьевъ, среди которыхъ первое мѣсто занимаютъ вѣковыя липы. Здѣсь же находится и главное украшеніе всѣхъ курортныхъ построекъ—курзалъ, упомянутый уже выше палацъ Малаховскихъ—трехъэтажное зданіе съ башней (третій этажъ позднѣйшей постройки). въ немъ особое вниманіе обращаютъ комнаты бельэтажа, роскошно отдѣланныя въ строгомъ стилѣ Людовика XVI и обставленныя мебелью той же эпохи. Въ большомъ залѣ нерѣдко бываютъ танцовальные вечера и устраиваются концерты и спектакли; по правой сторонѣ названной рѣчки расположенъ новый паркъ (1788 г.), изобилующій всевозможными древесными породами, въ особенности хороши каштаны, коими обсажена большая аллея, пересѣкающая весь паркъ; на ней стоитъ зданіе, характерное по архитектурѣ, въ немъ устроены кабинеты врачей и нѣсколько меблированныхъ комнатъ. Преданіе гласитъ, что въ этомъ домѣ когда-то помѣщалась корчма и мимо нея проходила большая дорога. Оба парка очень хорошо распланированы и на каждомъ шагу гуляющимъ представляются живописныя картины, оживляемыя фонтанами, каскадами и художественно-исполненными цвѣточными клумбами. Долина же рѣчки занята лечебнымъ заведеніемъ въ собственномъ смыслѣ слова. Вдоль той же каштановой аллеи надъ самымъ прудомъ находятся двѣ самыя главныя постройки—трехъэтажный домъ въ англійскомъ стилѣ, называемый «Закладомъ», гдѣ имѣется до пятидесяти меблированныхъ комнатъ [1]), зимняя и лѣтняя (веранда) столовая, залъ, гостиная, бильярдная и другія помѣщенія, комфортабельно обставленныя, освѣщаемыя электричествомъ и приспособленныя для зимняго въ нихъ проживанія. Это зданіе имѣетъ внутреннее сообщеніе съ сосѣднимъ домомъ, извѣстнымъ подъ именемъ «Гидропатія», въ которой нижній этажъ почти весь занятъ гидропатической лечебницей и приспособленіями для леченія электричествомъ. Далѣе, саженяхъ въ ста отъ «Заклада», въ концѣ парка расположенъ длинный каменный корпусъ, въ которомъ устроено двадцать четыре кабинета для теплыхъ ваннъ. Здѣсь же желѣзная лѣстница ведетъ внизъ къ источнику желѣзистой воды.

Упоминая о нѣсколькихъ строеніяхъ курорта, не могу не коснуться небольшого домика, построеннаго въ началѣ минувшаго столѣтія, какъ говорятъ, старожилы, епископомъ Цециновскимъ, имѣвшимъ здѣсь пребываніе въ теченіе цѣлаго лѣта, о чемъ, впрочемъ, было уже указано выше; домъ этотъ находится нѣсколько выше ваннаго заведенія въ молодомъ сосновомъ бору.

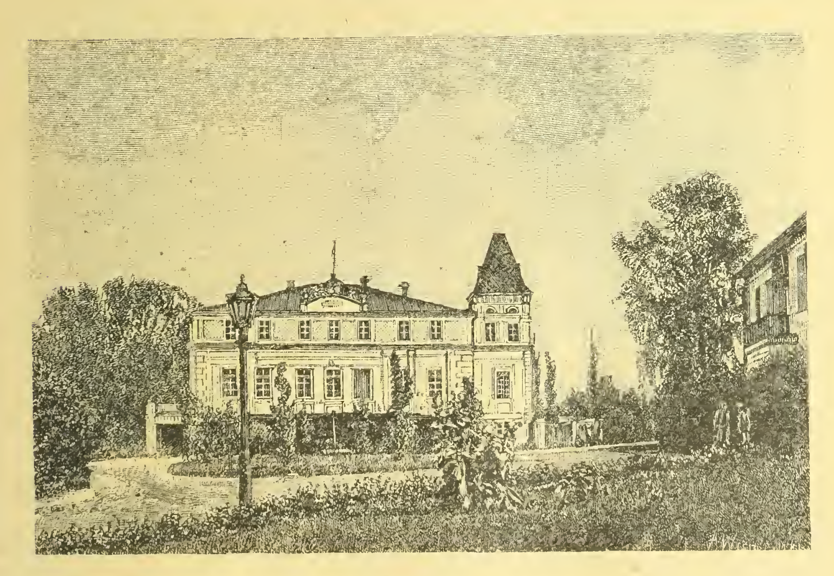
Анализъ наленчовской воды, какъ уже сказано выше, впервые

---

[1]) Всѣхъ же меблированныхъ комнатъ въ распоряженіи администраціи имѣется болѣе ста.

Прудъ.

Палацъ.

былъ произведенъ въ 1817 году профессоромъ Целинскимъ, затѣмъ въ 1878 г. химикомъ Матиженомъ (въ Петербургѣ) и затѣмъ въ 1879 г. химиками Вейнбергомъ и Милацеромъ (въ Варшавѣ). Источники даютъ ежедневно около 40.000 ведеръ. По свойству своему они подходятъ изъ заграничныхъ къ Криницкимъ, Спа и Рейнертцъ, а изъ русскихъ къ Липецкимъ (Тамбовской губерніи). Вода употребляется и вовнутрь и для ваннъ. Въ Наленчовѣ пользуются преимущественно отъ слѣдующихъ болѣзней: нервныя (60% всѣхъ паціентовъ)—неврастенія, истерія, нервная астма, невралгіи, мигрень, неврозы сердца, желудка и другія; внутреннія (25%)—анемія, ожирѣніе, ревматизмъ, желудочныя и кишечныя страданія и другія и женскія болѣзни (15%). Леченіе производится ваннами, водолеченіемъ, электричествомъ и другими средствами. Здѣсь имѣются ванны желѣзистыя наленчовской воды, грязевыя ванны (полныя и частичныя), грязь приготовляется въ теченіе двухъ лѣтъ, чѣмъ значительно увеличивается ея цѣлебное значеніе; ванны изъ лѣсного экстракта и искусственныя минерально газовыя, соленыя, миндальныя, цѣхоцинскія и другія; воздушныя и солнечныя; электрическое леченіе практикуется здѣсь во всѣхъ видахъ: свѣтовыя ванны обыкновенныя, ванны синимъ и краснымъ свѣтомъ; токъ Дарсонваля; четырехкамерныя ванны; рентгенизація; массажъ. Кромѣ поименованныхъ цѣлебныхъ средствъ, въ лечебномъ заведеніи пользуются лечебной гимнастикой, обыкновеннымъ массажемъ (не электрическимъ), лежаніемъ на свѣжемъ воздухѣ въ соотвѣтственно приспособленномъ помѣщеніи и діэтическимъ леченіемъ, при которомъ кухня находится надъ врачебнымъ надзоромъ.

Курортъ открытъ круглый годъ. Лѣтній сезонъ съ 19-го мая (1-го іюня новаго стиля) по 18-е сентября (1-го октября нов. ст.); въ зимнемъ сезонѣ [1]) вся курортная жизнь сосредоточивается въ лечебномъ заведеніи (двухъ зданіяхъ—гидропатія и помѣщеніе для больныхъ), гдѣ для пріѣзжихъ имѣется болѣе пятидесяти отапливаемыхъ комнатъ: всѣ лечебныя средства, за исключеніемъ желѣзистыхъ, грязевыхъ, воздушныхъ и солнечныхъ ваннъ, предоставляются больнымъ въ тѣхъ же двухъ зданіяхъ безъ риска простудиться въ ненастную погоду.

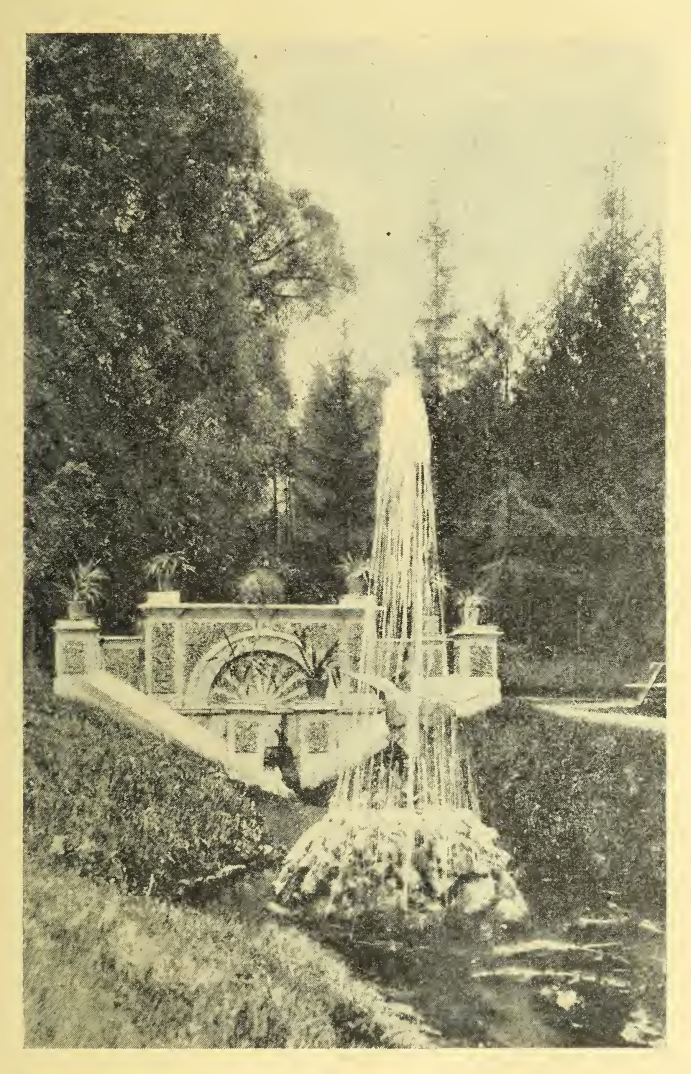
Не лишнимъ считаю остановиться на условіяхъ жизни въ Наленчовѣ.

Пріѣхавъ сюда (крытый экипажъ стоитъ 1 руб. 50 коп., а бричка 1 руб.), благоразумнѣе всего остановиться въ гостинницѣ Загаевскаго, гдѣ за 1 руб. 20 коп. можно имѣть вполнѣ приличную комнату и за 1 руб. 40 коп. полное содержаніе, а затѣмъ уже пере-

---

[1]) Въ зимнемъ сезонѣ дѣлается скидка въ двадцать пять процентовъ съ квартиры и леченія гидропатіей.

ѣхать въ заведеніе или на частную виллу. Въ заведеніи или палацѣ имѣются комнаты отъ 30 коп. въ сутки до трехъ рублей, причемъ за 1 рубль комната по размѣрамъ вполнѣ достаточна для одного, обставлены онѣ вполнѣ прилично: полное содержаніе

Видъ источника любви.

1 руб. 65 коп. въ сутки. Но возможно устроиться и дешевле—въ виллахъ, окружающихъ паркъ (до 60 виллъ), комнаты на двухъ лицъ обходятся 25 руб. въ мѣсяцъ, а для одного человѣка 15 руб., полное же содержаніе 1 руб.—1 руб. 20 коп., но надо прибавить, что живущимъ въ заведеніи дѣлается десять процентовъ скидки

съ цѣнъ за ванны. Куртакса довольно высокая—8 руб. съ человѣка. Изъ этого видно, что жизнь въ Наленчовѣ обходится очень не дорого и гораздо дешевле, чѣмъ гдѣ бы то ни было за границей и даже въ Россіи.

Не скажу этого о леченіи. Оно довольно дорого: на первыхъ порахъ мнѣ очень понравился установленный здѣсь порядокъ уплаты врачамъ за консультаціи по опредѣленной таксѣ, чего, къ сожалѣнію, почти нигдѣ не существуетъ, но на дѣлѣ кажущаяся невысокой такса въ концѣ концовъ, доходитъ до довольно крупной суммы—первая консультація 3 рубля, затѣмъ десятидневный врачебный надзоръ 3 руб. 75 коп., но послѣдній для большинства паціентовъ сводится къ одному визиту къ врачу въ теченіе десяти дней; въ этотъ надзоръ не входятъ суммы, особо уплачиваемыя другимъ врачамъ, напримѣръ, окулисту, хирургу, консиліумы, также посѣщенія больныхъ на квартирахъ, затѣмъ анализы и пр.

Кромѣ прелестнаго парка, Наленчовъ богатъ живописными окрестностями. Къ излюбленнымъ и ближайшимъ мѣстамъ для прогулокъ относится липовая аллея, идущая отъ парка къ костелу, по обѣимъ сторонамъ ея находятся дачи; по серединѣ пути часть пѣшеходной дорожки занята памятникомъ, вѣрнѣе, каплицею, вышиною въ $2^1/_2$ саж., со статуей св. Михаила Архангела, поражающаго сатану. Среди народа упорно держится преданіе, что на этомъ мѣстѣ въ то время еще, когда здѣсь находился непроходимый лѣсъ, происходила дуэль между двумя князьями, одинъ изъ нихъ былъ убитъ, въ память чего и поставлена эта каплица. Отъ липовой аллеи направо (идя къ костелу) по узкой тропинкѣ среди луговъ можно дойти до Крестовой горы, покрытой густымъ лѣсомъ—хвойнымъ и лиственнымъ. За палацемъ, въ недалекомъ разстояніи, расположена роща курорта, окаймляющая глубокій оврагъ; послѣдніе (овраги—вонвозы) представляютъ характерную особенность Наленчова и здѣсь они встрѣчаются на каждомъ шагу; живописность ихъ выражается въ причудливости формъ и богатой разнообразной растительности. Къ болѣе отдаленнымъ экскурсіямъ принадлежатъ: прогулка въ Вонвольницу—бывшій городъ, существовавшій еще въ 1384 году, что подтверждается тѣмъ, что въ это время онъ имѣлъ уже собственное управленіе, печать и нѣкоторыя привилегіи; Казимѣржъ—древній городъ по рѣкѣ Вислѣ, торговавшій нѣкогда хлѣбомъ съ Данцигомъ; до сего времени сохранились зданія и развалины—свидѣтели отдаленнаго блестящаго прошлаго. Поѣздку въ Казимѣржъ обыкновенно соединяютъ съ посѣщеніемъ города Новой Александріи, извѣстнаго нынѣ своимъ сельско-хозяйственнымъ институтомъ, а въ былое время здѣсь проживали князья Чарторыйскіе, которыми построенъ дворецъ и разбитъ чудный паркъ, сохранившіеся и до сего времени.

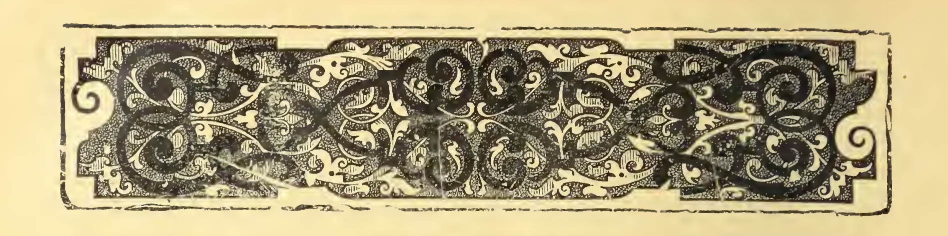
Въ заключеніе моего краткаго описанія Наленчова не могу не

подѣлиться выводами, сдѣланными мною послѣ четырехнедѣльнаго пребыванія, основанными какъ на личныхъ впечатлѣніяхъ, такъ и на отзывахъ другихъ лицъ. Воздухъ здѣсь безусловно здоровый, режимъ очень строгій, поддерживаемый врачами, что въ общемъ, конечно, благопріятно отражается на паціентахъ; жизнь не дорогая и удобная, а цѣлебность ваннъ и вообще лечебныхъ средствъ, здѣсь примѣняемыхъ, достигаетъ видимыхъ благопріятныхъ результатовъ, такъ какъ многихъ серьезныхъ больныхъ я видѣлъ въ концѣ ихъ леченія вполнѣ возстановившими силы и здоровье.

Но есть и отрицательныя условія—по количеству больныхъ число ванныхъ кабинетовъ совершенно достаточно, но никто не имѣетъ своего опредѣленнаго часа (какъ это всюду принято) и нерѣдко приходится ждать ванну по 40—50 минутъ; затѣмъ въ кабинетахъ деревянные диванчики не накрываются простыней, а въ гидропатіи (первый классъ) крайне неопрятно, отъ кабины, гдѣ раздѣваются, до ванны приходится итти по грязному бархатному ковру, который необходимо покрывать холщевымъ половикомъ или по крайней мѣрѣ завести плетеныя туфли для пользующихся этимъ леченіемъ, всѣ кабинеты теплыхъ ваннъ обслуживаются для мужчинъ однимъ человѣкомъ, который физической возможности не имѣетъ явиться своевременно на звонокъ, благодаря чему нерѣдко приходится самому итти по кафельному полу за простыней—все это, а равно и болѣе мелкія неисправности и безпорядки могли бы быть легко устранены при болѣе тщательномъ надзорѣ за ваннами. Эти недостатки возможно, думается мнѣ, объяснить отчасти и тѣмъ, что, когда я былъ тамъ, впервые вступила въ свои права новая администрація, которая не успѣла еще отрѣшиться отъ стараго рутиннаго порядка и отношенія къ дѣлу.

Не лишнимъ было бы вообще поднять культурность всей этой мѣстности, именно: провести шоссе отъ желѣзной дороги до курорта, исправить пѣшеходныя дорожки внѣ парка, сдѣлать болѣе удобнымъ подъемъ на Крестовую гору, освѣтить хотя бы главныя дороги, гдѣ расположены виллы, и проч. Эти усовершенствованія никоимъ образомъ не могутъ быть выполнены администраціей акціонернаго общества за полнымъ недостаткомъ свободныхъ средствъ, но эти производительные расходы должны взять на себя частью мѣстные дачевладѣльцы и крестьяне, частью правительство, въ лицѣ Привислинскихъ желѣзныхъ дорогъ, такъ какъ при усовершенствованіи и улучшеніи условій жизни Наленчовъ, какъ курортъ, займетъ одно изъ видныхъ мѣстъ среди многихъ лечебныхъ заведеній и неминуемый наплывъ больныхъ благопріятно отразится на тѣхъ, которые примутъ на себя матеріальную тяжесть по приведенію этого цѣннаго, по своимъ цѣлебнымъ условіямъ, мѣста на должную высоту.

В. П. М—нъ.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ИСТОРИКА.

Объединеніе земскихъ и хозяйственныхъ силъ Россіи и досрочный созывъ Государственной Думы.—Высочайшій рескриптъ И. Л. Горемыкину.—Нейтральныя державы и ихъ коммиссіонная дѣятельность.—Совѣщаніе объ университетской реформѣ.

«Встала вся Россія»—такими словами можно опредѣлить значеніе переживаемаго нами историческаго момента во внутренней жизни нашей родины. Затянувшаяся война съ австро-германцами, частныя неудачи на поляхъ брани властнымъ образомъ заставили встрепенуться русскій народъ, чтобы приготовить новыя средства изъ неизсякаемыхъ силъ своихъ для окончательнаго пораженія врага. Начинается въ полномъ смыслѣ слова *народная* война съ тевтонами, въ которой единодушно спѣшатъ на помощь правительству и нашей доблестной арміи всѣ общественныя организаціи, всѣ русскіе люди, забывъ всѣ внутреннія распри, по призыву своего Верховнаго Вождя. Дѣйствительно, программой нашей внутренней дѣятельности, ея конечной цѣлью можетъ быть въ настоящее время только побѣда надъ нашимъ историческимъ врагомъ, призвавшимъ себѣ на помощь всѣ возможныя для борьбы матеріальныя и техническія средства германскаго народа. И, разумѣется, мобилизація русской народной мощи докажетъ нашимъ врагамъ, что за нашей арміей стоитъ весь русскій народъ, для котораго временныя испытанія являются лишь новымъ стимуломъ для продолженія упорной борьбы съ ними и призывомъ къ новымъ пожертвованіямъ. Въ горнилѣ бѣдствій только закаляется русскій народный духъ.

«Такъ тяжкій млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ»...

Дѣйствіе всероссійскихъ земскаго и городского союзовъ, объединеніе русской промышленности и кооперативовъ на всемъ пространствѣ Россіи, дѣятельность военно-промышленныхъ комитетовъ,— все это имѣетъ своею цѣлью созданіе новыхъ средствъ для борьбы съ австро-германцами и полное оборудованіе нашихъ армій, противостоящихъ ихъ натиску. Даже люди, чуждавшіеся участія общественныхъ силъ Россіи въ борьбѣ съ нѣмцами, увидѣли, что безъ этого участія немыслима теперь надежда на побѣду, ибо въ войнѣ народовъ, вмѣстѣ съ арміями, принимаютъ участіе всѣ производительныя силы страны въ самомъ широкомъ масштабѣ: и духовныя, и матеріальныя, а не однѣ лишь войсковыя части.

Вотъ почему русское общество единодушно привѣтствуетъ вступленіе на министерскіе посты графа Н. П. Игнатьева, князя Н. Б. Щербатова и А. А. Поливанова, уже заявившихъ предыдущею своею дѣятельностью свое сочувствіе къ совмѣстной работѣ правительства и общества, къ уничтоженію той грани между «мы» и «они», о которой говорилъ не такъ еще давно главноуправляющій земледѣліемъ и землеустройствомъ А. В. Кривошеинъ въ своей кіевской рѣчи. Главная забота русскихъ людей на поприщѣ промышленности должна быть сосредоточена на снабженіи арміи всѣмъ необходимымъ, въ особенности артиллерійскими снарядами, количество которыхъ играетъ въ нынѣшней войнѣ внушительную роль. «Когда кончится война?»—спросили англійскаго главнокомандующаго Френча.—«Когда вы пришлете мнѣ достаточное количество снарядовъ», отвѣчалъ онъ. Дѣйствительно, въ этомъ отношеніи державы тройственнаго согласія оказались значительно менѣе подготовленными, чѣмъ Германія, копившая въ теченіе сорока лѣтъ неизмѣримое количество артиллерійскаго вооруженія въ ожиданіи подходящаго момента для нападенія на сосѣдей. Но это сознаніе превосходства германцевъ въ вооруженіи заставило нашихъ союзниковъ усилить производительность своихъ военныхъ заводовъ, не останавливаясь ни предъ какими затратами. Починъ взяла на себя Франція, гдѣ правительство въ тѣсномъ единеніи съ народомъ, не замалчивая факта своей отсталости, предусмотрительно приняло мѣры къ пополненію своихъ запасовъ чуть ли не съ начала войны. Всего нѣсколько дней тому назадъ военный министръ Мильеранъ заявилъ палатѣ депутатовъ: «Послѣ военной мобилизаціи мы объявили мобилизацію промышленную. Задача была трудна. Въ теченіе девяти мѣсяцевъ намъ удалось удесятерить производство въ дѣлѣ изготовленія нашихъ 75-миллиметровыхъ орудій, и кривая производства все продолжаетъ повышаться». Министръ далъ удовлетворительныя завѣренія относительно тяжелой артиллеріи и фабрикаціи ружей. Въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ 1815 года производство пулеметовъ удвоено. Та же пропорція, приблизительно, достигнута и для всѣхъ родовъ оружія, необходи-

мыхъ для боя. «Мы рѣшили,—сказалъ Мильеранъ,—слѣдовать за нашими врагами въ любой области, каковы бы ни были примѣняемыя ими орудія борьбы».

Въ Англіи уже второй мѣсяцъ, по иниціативѣ Ллойдъ-Джорджа, правительство мобилизовало промышленность для удовлетворенія нуждъ арміи и призвало къ себѣ на помощь общественныя силы. Представители профессіональныхъ союзовъ предложили въ недѣльный срокъ доставить правительству необходимое количество квалифицированныхъ рабочихъ для ускореннаго производства аммуниціи и снарядовъ, а муниципалитеты 180 городовъ Англіи предложили свои услуги образованному Ллойдъ-Джорджемъ комитету и обратились съ манифестами къ населенію, приглашая гражданъ въ качествѣ «добровольцевъ тыла» тотчасъ же начать работу вмѣстѣ съ комитетомъ. Ллойдъ-Джорджъ заявилъ, что въ случаѣ, если бы добровольная вербовка оказалась недостаточной, то правительство не откажется отъ примѣненія исключительныхъ мѣръ.

Что сдѣлали и дѣлаютъ наши энергическіе союзники, то вполнѣ возможно и у насъ. Военно-промышленный комитетъ, въ которомъ, подъ предсѣдательствомъ новаго военнаго министра А. А. Поливанова, принимаютъ участіе представители промышленности и законодательныхъ палатъ, безъ сомнѣнія, возьметъ лозунгомъ для себя слова, понятныя каждому русскому человѣку: «все для войны», и объединитъ для достиженія этой цѣли русскія промышленныя силы при горячемъ участіи всѣхъ общественныхъ организацій. Пусть до нѣкоторой степени будетъ стѣснено удовлетвореніе культурныхъ потребностей мирныхъ гражданъ, пусть хозяйственная жизнь Россіи получитъ исключительно военный характеръ, пусть даже нѣкоторыя производства временно прекратятъ свое существованіе. Развѣ вся Россія не представляетъ собою теперь сплошного военнаго лагеря по чувствамъ и настроенію своихъ гражданъ, стремящихся къ пораженію тевтонскихъ полчищъ, развѣ у насъ есть еще «мирные» граждане? Неизсякаемыя средства Россіи дадутъ ей возможность парализовать техническіе запасы германцевъ, ибо мы увѣрены, что слова Гостомысла: «Земля наша велика и обильна, а порядку въ ней нѣтъ», потеряютъ свой смыслъ съ уничтоженіемъ нѣмецкаго засилья и со вступленіемъ въ свои обязанности настоящаго хозяина русской земли—русскаго народа.

Опубликованный Высочайшій рескриптъ на имя И. Л. Горемыкина по своему содержанію вполнѣ отвѣчаетъ народнымъ чаяніямъ и освящаетъ его стремленія, связанныя съ нынѣшней войною. Въ немъ заключается залогъ будущей плодотворной совмѣстной работы правительства и общества. «Съ твердой вѣрой въ неизсякаемыя силы Россіи,—говоритъ Государь,—Я ожидаю отъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, отъ русской промышленности и отъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ родины, безъ различія

взглядовъ и положеній, сплоченной, дружной работы для нуждъ доблестной Нашей арміи. На этой, единой отнынѣ, всенародной задачѣ должны быть сосредоточены всѣ помыслы объединенной и неодолимой въ своемъ единствѣ Россіи». Вмѣстѣ съ тѣмъ. Верховный Вождь русскаго народа еще разъ выразилъ рѣшимость вести борьбу до «полнаго, съ Божіею помощью, торжества русскаго оружія». «Врагъ,—говорится въ рескриптѣ,—долженъ быть сломленъ. До того не можетъ быть мира». «Дабы услышать голосъ земли русской», Государь предрѣшаетъ, наконецъ, созывъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта не позднѣе августа сего года, поручивъ въ то же время совѣту министровъ разработать, по Его указаніямъ, законопроекты, вызванные потребностями военнаго времени. Безъ сомнѣнія, всѣ русскіе люди примутъ этотъ рескриптъ съ горячей любовью къ своему Царю и съ готовностію положить къ Его стопамъ свою жизнь и свои средства. Чѣмъ тѣснѣе будетъ связь Царя съ Его народомъ въ такой необъятный по своей важности историческій моментъ, тѣмъ крѣпче будетъ Россія и тѣмъ лучезарнѣе будетъ ея грядущая судьба.

Мѣры, принимаемыя Франціей, Англіей и Россіей для успѣшной борьбы съ германской военной техникой, невольно возбуждаютъ мысль о необходимости положить наконецъ предѣлъ посреднической дѣятельности такъ называемыхъ «нейтральныхъ державъ», направленной къ питанію и укрѣпленію нашего заклятаго врага, къ усиленію его хозяйственной дѣеспособности. До сихъ поръ державы тройственнаго согласія, отдаваясь всецѣло своимъ военнымъ задачамъ, мало обращали вниманія на поведеніе Швеціи, Даніи и Голландіи на сѣверѣ театра военныхъ дѣйствій и Румыніи съ Болгаріей и Греціей—на югѣ его. Между тѣмъ, уже обнаружилось немало фактовъ, выясняющихъ съ полной очевидностію, что эти государства пользуются географическимъ своимъ положеніемъ, чтобы снабжать Германію и Австрію разными продуктами, необходимыми для питанія голодающаго населенія и для военно-техническихъ цѣлей. За такой «нейтралитетъ», благожелательный Германіи, они взимаютъ съ нея, конечно, хорошій куртажъ. Въ Голландіи центромъ ввоза товаровъ для Германіи является городъ Роттердамъ, на что англичане обратили свое вниманіе лишь теперь, когда германцы использовали уже эту отдушину въ значительныхъ размѣрахъ. Такъ, по сообщенію газеты «Intrasigeant», Германія чрезъ Голландію пріобрѣла изъ Англіи за періодъ времени съ января по апрѣль одного льняного масла на 28 милліоновъ больше, чѣмъ въ прошломъ году, а изъ этого масла нѣмцы выдѣлываютъ продуктъ, необходимый для фабрикаціи динамита; въ огромномъ количествѣ шелъ также этимъ путемъ въ Германію и хлопокъ, пригодный для выдѣлки взрывчатыхъ веществъ. Данія не уступала Голландіи въ торговыхъ сношеніяхъ съ Германіей: по свидѣтельству члена палаты Дельзіеля,

цѣлыя улицы въ Копенгагенѣ завалены кипами хлопка, вывезеннаго изъ Англіи и направляемаго въ Германію, не говоря уже о продуктахъ питанія, доставляемыхъ съ востока. И Швеція не осталась въ сторонѣ отъ этихъ прибыльныхъ гешефтовъ: само шведское правительство вынуждено было зарегистрировать не одинъ случай провоза въ Германію контрабандныхъ товаровъ на шведскихъ судахъ. Теперь англичане взялись за умъ. Они не пожелали помогать нѣмцамъ ковать оружіе противъ себя. Англійское правительство, съ одобренія палаты общинъ, издало законъ объ ограниченіи вывоза товаровъ изъ Англіи въ «нейтральныя» государства и такимъ образомъ сразу пресѣкло зло. Шведы, впрочемъ, подъ вліяніемъ, вѣроятно, позднѣйшихъ германскихъ успѣховъ попробовали было протестовать довольно оригинальнымъ способомъ: они запретили, съ своей стороны, транзитъ изъ Россіи въ Англію чрезъ шведскія владѣнія, необходимый союзнымъ державамъ въ настоящее время. Россія, съ своей стороны, воспретила вывозъ въ Швецію хлѣба, безъ котораго шведамъ придется голодать такъ же, какъ и германцамъ. Англія вступила съ Швеціей въ переговоры, требуя отъ шведовъ существенныхъ гарантій прекращенія вывоза въ Германію. Болѣе чѣмъ ясно, что ради шведскихъ вожделѣній ни Англія, ни Россія не поступятся въ вопросѣ жизни и смерти. Мы можемъ только радоваться энергіи, проявленной англичанами, и пожелать и себѣ слѣдовать ихъ примѣру. А Швеціи придется въ концѣ концовъ уступить союзнымъ державамъ, если она не захочетъ обречь свое населеніе на продолжительную голодовку ради барышей торговаго класса.

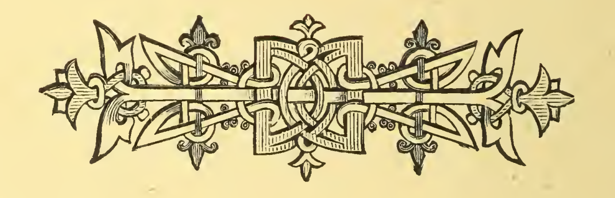
Мы подходимъ теперь къ роли православныхъ южныхъ государствъ: Румыніи, Болгаріи и Греціи. Увы, первыя двѣ также съ самаго начала войны не только свободно вывозили въ Австрію и Германію всѣ пищевые продукты (въ томъ числѣ и русскій хлѣбъ), но и допустили транзитъ изъ Германіи въ Турцію всякаго военнаго матеріала отъ германскихъ генераловъ до подводныхъ лодокъ въ разобранномъ видѣ включительно. Благодаря этому транзиту, турки имѣли возможность вступить въ борьбу съ державами тройственнаго согласія и до сихъ поръ защищать Дарданеллы отъ англо-французскаго флота. Нѣмецкія династіи царствующія въ Румыніи и Болгаріи, достаточно сильны, чтобы поддерживать этотъ своеобразный «нейтралитетъ» вопреки народнымъ симпатіямъ къ тройственному согласію. Неизвѣстно, когда истощится долготерпѣніе Россіи, Франціи и Англіи по отношенію къ этимъ правительствамъ «православныхъ» народовъ. Еще весьма недавно печать была стѣснена въ должной оцѣнкѣ положенія, занятаго болгарскимъ и румынскимъ правительствами. Нынѣ нашъ военный офиціозъ въ своей «Оцѣнкѣ военныхъ событій» сообщаетъ слѣдующее: «Закордонная печать (разумѣется, не самъ офиціозъ) говоритъ,

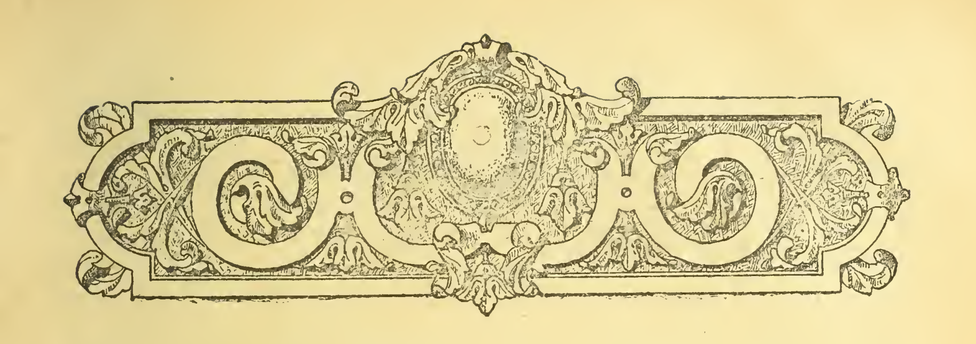
что пособничество румынъ бензиномъ, углемъ и прочимъ военно-контрабанднымъ товаромъ заслуживаетъ ультиматума. Болгарія упускаетъ случай заслужить славянское прощеніе выступленіемъ противъ такого вреднаго каботажа отъ имени союзниковъ, по ихъ порученію и при ихъ помощи. Румынія за такую помощь нѣмцамъ и туркамъ достойна быть лишенною выхода къ морю и своихъ надеждъ на полученіе Трансильваніи за «честный» нейтралитетъ». Россія пока что могла бы послѣдовать примѣру Англіи и принять нѣкоторыя торговыя мѣры на сухопутной своей границѣ съ Румыніей и военныя (осмотръ румынскихъ и болгарскихъ судовъ) на Черномъ морѣ.

Намъ не хотѣлось бы закончить своей бесѣды съ читателями, не упомянувъ, хотя бы въ краткихъ чертахъ, о готовящейся реформѣ университетовъ. Вѣрный принятому имъ правилу, графъ П. Н. Игнатьевъ созвалъ для разсмотрѣнія выработаннаго министерствомъ народнаго просвѣщенія проекта университетскаго устава особое совѣщаніе изъ представителей всѣхъ россійскихъ университетовъ, справедливо полагая, что мнѣнія гг. профессоровъ, какъ лицъ, близко стоящихъ къ дѣлу и имъ непосредственно заинтересованныхъ, заслуживаютъ вниманія. Но, конечно, не слѣдуетъ забывать, что гг. профессора, по самому роду своихъ занятій, прежде всего, люди доктрины, а какъ члены корпораціи склонны доводить до крайностей начала университетской автономіи, свободной отъ всякаго контроля государственной власти, закрывая глаза на многія нежелательныя явленія университетской жизни, при которыхъ свобода преподаванія вырождается въ свободу какъ можно болѣе сокращать лекціонные часы, а такъ называемая гонорарная система—въ подавленіе приватъ-доцентуры и созданіе среди профессуры лицъ, пользующихся особой, выгодной привилегіей—читать студентамъ обязательные курсы, хотя бы устарѣлые, временъ Очакова и покоренія Крыма. Можно сказать заранѣе, что двѣ здравыя мысли, положенныя въ основу реформы: сокращеніе университетскаго курса до трехъ лѣтъ (кромѣ медицинскаго факультета) и уничтоженіе дипломныхъ привилегій—также не найдутъ себѣ большого количества сторонниковъ въ средѣ совѣщанія, такъ какъ профессора, какъ и всѣ педагоги, съ одной стороны придаютъ особую важность расширенію курсовъ читаемыхъ ими предметовъ, съ одной стороны, а съ другой—забываютъ, что и нынѣ при «свободномъ чтеніи лекцій» учебный годъ для студентовъ продолжается maximum четыре съ половиною мѣсяца; лишеніе же привилегій, связанныхъ съ дипломами, отразится на количествѣ студентовъ, ищущихъ въ университетѣ не столько знаній, сколько преимуществъ, связанныхъ съ окончаніемъ университетскаго курса. Поэтому нельзя не сочувствовать заявленіямъ, сдѣланнымъ графомъ П. Н. Игнатьевымъ въ особой

рѣчи при открытіи совѣщанія. Онъ счелъ нужнымъ напомнить совѣщанію, что университеты—«императорскіе», являются государственными учрежденіями и получаютъ средства отъ государства. «Я,—говорилъ министръ,—какъ человѣкъ реальной политики, какъ сельскій хозяинъ, привыкъ итти за плугомъ, не отрываясь отъ почвы. Также желалъ бы, чтобы мы не отрывались отъ почвы при созданіи наиболѣе необходимыхъ условій университетской жизни. Это значитъ, что при обсужденіи важныхъ вопросовъ нужно держаться основныхъ условій дѣйствительности, не слишкомъ увлекаясь идеаломъ. Затѣмъ обращаю вниманіе, что университетъ прежде всего долженъ быть научнымъ учрежденіемъ, а потому всякія утилитарныя цѣли, всякое стремленіе къ аттестатамъ должно быть отдѣлено отъ его основной задачи». Какъ видно изъ работъ совѣщанія, по многимъ важнымъ вопросамъ профессора нѣкоторыхъ университетовъ сами не столковались между собою и не дали директивъ своимъ представителямъ. Надо, однако, надѣяться, что профессорскіе отзывы освѣтятъ во многомъ должнымъ образомъ современное хаотическое положеніе русскихъ университетовъ.

Е. Шумигорскій.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Великій князь Николай Михаиловичъ. Русскій некрополь въ чужихъ краяхъ. Выпускъ 1-й. Парижъ и его окрестности. Петроградъ. 1915. 8°. XXIII+101 стр.

ГРАНДІОЗНЫЙ и чрезвычайно важный трудъ по изданію надгробныхъ надписей русскаго некрополя, предпринятый августѣйшимъ историкомъ, великимъ княземъ Николаемъ Михаиловичемъ, и включившій въ себя уже полные некрополи Москвы (три тома) и Петербурга (четыре тома) и начало «Провинціальнаго Некрополя», нынѣ достигъ уже начала послѣдней, завершительной части, которая должна охватить нѣкоторые «пункты Западной Европы, издавна извѣстные колоніями нашихъ соотечественниковъ, часто находившихъ тамъ и свое послѣднее земное упокоеніе». Вполнѣ естественно было обслѣдованіе такихъ пунктовъ начать съ Парижа, къ которому издавна, съ самаго начала сношеній Россіи съ Западомъ, особенно тяготѣли русскіе люди. Осуществленіе этой части своего широкаго научнаго предпріятія великій князь возложилъ на г. Вл. Андерсона, который въ первомъ выпускѣ «Русскаго некрополя въ чужихъ краяхъ» собралъ и напечаталъ въ алфавитномъ порядкѣ свыше 2.000 именъ, изъ коихъ, однако, добрая половина приходится на представителей польскаго народа. Къ тому же просмотръ этихъ именъ, какъ справедливо пишетъ въ своемъ обширномъ историческомъ предисловіи составитель, вызываетъ «нѣкоторое недоумѣніе слабостью историческаго интереса къ большинству сообщаемыхъ некрополемъ русскихъ именъ, среди которыхъ далеко не видное мѣсто занимаютъ представители, напримѣръ, родовитыхъ и сановныхъ круговъ нашего

общества, хотя таковые, какъ извѣстно, всегда образовывали прочную, традиціонную группу русской колоніи въ Парижѣ». Причина такого «абсентеизма», по словамъ г. Андерсона, лежитъ въ томъ, что «смертные останки нашихъ соотечественниковъ, располагавшихъ достаточными средствами, сплошь и рядомъ, въ силу ли послѣдней воли покойныхъ, по желанію ли родственниковъ ихъ, перевозились на родину». Нельзя также не отмѣтить почти полнаго отсутствія въ некрополѣ надгробій старше первой четверти XIX вѣка,—что объясняется распоряженіями конца XVIII вѣка, уничтожившими всѣ старыя парижскія кладбища, оказавшіяся къ тому времени въ центрѣ города; въ началѣ XIX вѣка было открыто и начало заселяться извѣстное кладбище Père-Lachaise, (въ нѣдрахъ его къ 1898 году, какъ оказалось по переписи, нашли себѣ вѣчное упокоеніе 756 тысячъ человѣкъ), за которымъ послѣдовательно возникали и многочисленныя другія. Въ обширномъ введеніи авторъ знакомитъ насъ съ этими кладбищами, указывая ихъ географическое положеніе и характеризуя ихъ населеніе, а также съ тѣми печатными источниками, которые были привлечены имъ для его цѣли.

За исполненный нелегкій и сложный трудъ русскіе историки и генеалоги будутъ искренно благодарны г. Андерсону, съ любовью и добросовѣстностью собравшему и пустившему въ научный оборотъ большой и надежный эпиграфическій матеріалъ парижскихъ кладбищъ. Работу свою онъ исполнилъ съ несомнѣннымъ знаніемъ дѣла и столь необходимою въ подобнаго рода справочникахъ щепетильною аккуратностію. Тѣмъ досаднѣе было замѣтить въ его трудѣ нѣсколько недоразумѣній и опечатокъ, которыя хотѣлось бы видѣть оговоренными въ послѣднемъ выпускѣ изданія. Такъ, фамилія Р. Г. Бахерахта ошибочно напечатана Бахарахтъ; В. Н. Бредихинъ превратился въ Брецихина; М. Е. Меетманъ (старшая дочь убійцы Пушкина Дантеса-Геккерена и Е. Н. Гончаровой) дважды названа (стр. 26 и 56) Мельтманъ; вмѣсто Даспикъ-Дюкруасси (стр. 26) слѣдуетъ напечатать Даспикъ-Дюкруасси; А. И. Мансурова (стр. 55) ошибочно названа рожденною княжною Орловою, тогда какъ она была дочерью князя Трубецкого (какъ правильно указано на стр. 88, въ спискѣ князей Трубецкихъ); извѣстный парижскій протоіерей Прилежаевъ названъ Прилетаевымъ (стр. 72); польскій ученый Янъ Селецкій указанъ дважды: на стр. 80 и 86, при чемъ во второмъ случаѣ не указанъ день его кончины, приведенный при первомъ упоминаніи; М. А. Свистунова (мать декабриста) была дѣйствительно рожденная Ржевская, но не была княжною (такого княжескаго рода нѣтъ), какъ указано въ «Annuaire de la noblesse de France», на который ссылается г. Андерсонъ (ср. у кн. Лобанова-Ростовскаго, т. II, стр. 194); вызываютъ сомнѣніе и недоумѣніе: два Степана Власовы и два Михаила Васильевича Лебедева съ почти одинаковыми датами, но погребенные на разныхъ кладбищахъ; Теодоръ (почему не Өедоръ?) Ермоловъ (стр. 31 и 32) и Михалина Модзалевская (не Модзелевская ли?); пропущено на стр. 92 имя М. Хлюстиной, по мужу графини Сиркуръ, а при имени Мелании Новосильцовой (стр. 63)—указаніе на то, что она была по отчеству Александровна и была рожденная Тимашева (см. В. Руммель, т. II, стр. 473); наконецъ, не совсѣмъ понятнымъ является включеніе въ русскій некрополь нѣкоторыхъ именъ,—напримѣръ de-Mont baron d'Eaux, герцога Морни и др.

Очень желалось бы скорѣе видѣть продолженіе новаго предпріятія великаго князя Николая Михайловича, осуществленіе котораго, конечно, возможно лишь по окончаніи міровой войны; надо думать, что въ ближайшую очередь будетъ поставлено обслѣдованіе прочихъ городовъ Франціи (попытки В. И. Чернопятова не могутъ итти въ счетъ и требуютъ провѣрки), а также нынѣ союзной намъ Италіи. **Б. Модзалевскій.**

Арсеній, архіепископъ новгородскій. На духовной страдѣ. Слова и рѣчи. Петроградъ. 1914. Томъ I. Стр. 336. Томъ II. Стр. 304. Цѣна 1 р. 50 к. за томъ.

Слова и рѣчи преосвященнаго Арсенія представляютъ, какъ говоритъ самъ авторъ, «плодъ посильнаго служенія моего церкви живымъ словомъ на различныхъ поприщахъ дѣятельности—въ бытность ректоромъ московской духовной академіи, архипастыремъ псковской и новгородской епархій, а также предсѣдателемъ учебнаго комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, предсѣдателемъ V отдѣла предсоборнаго присутствія, предсѣдателемъ перваго противоалкогольнаго съѣзда и членомъ Государственнаго Совѣта». Этотъ перечень условій, въ которыхъ приходилось выступать автору, указываетъ не только на разнообразіе предметовъ его словъ и рѣчей, но и на ихъ несомнѣнное общественное значеніе.

Въ первомъ томѣ 55 словъ и рѣчей и во второмъ 60. Слова и рѣчи, произнесенныя въ храмахъ, обнимаютъ собою всѣ болѣе или менѣе сложные вопросы человѣческой жизни и морали. Въ нихъ выясняются не только такіе вопросы, какъ цѣли святительскаго служенія, благодатный союзъ пастыря и пасомыхъ, вѣра, какъ основа нашей жизни, цѣли жизни,—но и даются отвѣты на современныя обвиненія противъ церкви, выясняются причины религіознаго невѣдѣнія современнаго общества, вопросы счастья, возрожденія, обновленія, самоиспытанія и т. д. Всѣ эти слова и рѣчи полны интереса не только для духовнаго, но и для свѣтскаго читателя. Но мы не будемъ останавливаться на нихъ подробно въ свѣтскомъ журналѣ и перейдемъ къ тѣмъ рѣчамъ, въ которыхъ авторъ является общественнымъ дѣятелемъ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Таковы его рѣчи при открытіи противоалкогольнаго съѣзда въ Москвѣ и при открытіи съѣзда противоалкогольныхъ дѣятелей въ борьбѣ съ пьянствомъ—объ идейномъ значеніи противоалкогольнаго съѣзда, и произнесенныя въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта: 1) церковь въ борьбѣ съ пьянствомъ, 2) церковь, государство и расколъ старообрядчества, и затѣмъ 3) произнесенныя при обсужденіи законопроектовъ о всеобщемъ обученіи, 4) сокращеніи праздничныхъ дней и 5) о переходѣ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое.

«Принципъ господствующей церкви вовсе не сопровождался преслѣдованіемъ иныхъ вѣръ и нарушеніемъ свободы совѣсти,—поясняетъ авторъ во второй изъ указанныхъ рѣчей.—Онъ вытекаетъ изъ сознанія необходимости для государства нравственно-духовной основы и критерія въ области религіи. Такой основой является наша православная церковь, и она только одна, потому что государство можетъ вводить съ свой юридическій порядокъ только одну церковь, а не десять и не двѣ»...

Во второмъ томѣ, кромѣ рѣчей общественнаго характера и значенія и словъ чисто церковныхъ, обращаютъ особенное вниманіе 16 рѣчей, посвященныхъ монашеству и аскетизму. Эти рѣчи можно было бы сдѣлать настольными для нашихъ обителей. Осуществленіе въ жизни монастырей тѣхъ указаній, которыя дѣлаетъ преосвященный авторъ, сразу сняло бы съ нихъ всѣ тѣ упреки, которые справедливо обращаются къ нимъ со стороны общества. Архипастырь говоритъ, что «главное вниманіе настоятелей должно быть обращено на то, чтобы монашествующіе отнюдь не оставались безъ дѣла». При монастыряхъ должны быть школы, дома призрѣнія. Въ порядкѣ жизни—смиреніе, послушаніе, молитва и трудъ, какъ потребность души и тѣла. Трудъ составляетъ условіе подвижничества (стр. 199), которое является обязанностью всякаго христіанина, но преимущественно инока, какъ передового воина Христа...

Слова и рѣчи написаны не церковнымъ, а чисто литературнымъ языкомъ. Нѣкоторыя изъ нихъ захватываютъ читателя художественностью слова и вдохновеніемъ автора.

Все изданіе жертвуется въ пользу новгородскаго братства святой Софіи. Можно вдвойнѣ пожелать, чтобы эти труды выдающагося архипастыря получили широкое распространеніе. **Н. Г. Р.**

Матеріалы по этнографіи Россіи. Изданіе этнографическаго отдѣла Русскаго музея императора Александра III, подъ редакціей Ѳ. К. Волкова. Томъ II. Пгр. 1914. 4⁰, 1+196+4+1+1 стр. Ц. 5 руб.

Настоящее изданіе имѣетъ цѣлью ознакомленіе интересующихся этнографіей Россіи съ тѣми вещественными и письменными матеріалами, которые собраны и собираются этнографическимъ отдѣломъ Русскаго музея императора Александра III. Отражая собою жизнь этнографическаго отдѣла, изданіе это стремится создать связь между нимъ и учеными и общественными силами Россіи, безъ участія и поддержки которыхъ, конечно, немыслимо и дѣятельное существованіе самаго учрежденія.

Второй томъ «Матеріаловъ» открывается подробнымъ біографическимъ очеркомъ-некрологомъ извѣстнаго ревностнаго этнографа Д. А. Клеменца. Далѣе слѣдуетъ рядъ этнографическихъ очерковъ, изъ которыхъ надлежитъ отмѣтить такіе:

1. Л. В. Костикова «Изба семи государей». Очеркъ представляетъ собою подробное описаніе старинной курной избы, находящейся въ сел. Верховьѣ, за предѣлами Мардинской волости Онежскаго уѣзда Архангельской губерніи. Постройка эта представляетъ интересъ не только какъ единственная уцѣлѣвшая въ этомъ районѣ курная изба, но и по самому типу, характеру и древности сооруженія, тѣмъ болѣе, что вырѣзанное на слегѣ число «1765» точно указываетъ время ея основанія. 145-лѣтнее существованіе, естественно, создало ей своего рода извѣстность среди мѣстныхъ жителей, и крестьяне, гордясь своей курной избой, называютъ ее «Избой семи государей», указывая

тѣмъ на давность постройки, которая относится къ эпохѣ царствованія прежнихъ шести государей и седьмого Государя, нынѣ царствующаго.

2. Очеркъ А. К. Сержпутовскаго «Бортничество въ Бѣлоруссіи». Въ немъ авторъ дѣлаетъ попытку описать тѣ пріемы и орудія, къ какимъ прибѣгаютъ бѣлоруссы-полѣщуки при разведеніи дикихъ и домашнихъ пчелъ, и прослѣдить, какъ эти пріемы и орудія постепенно развивались и совершенствовались.

3. Въ статьѣ С. И. Руденко «Предметы изъ остяцкаго могильника возлѣ Обдорска» описаны тѣ предметы, которые были раскопаны авторомъ очерка въ девятнадцати могилахъ у с. Обдорска Березовскаго уѣзда Тобольской губерніи.

4. Въ высшей степени цѣнный матеріалъ представляетъ собою очеркъ А. А. Миллера «Черкесскія постройки». Въ настоящее время немногочисленные черкесскіе аулы, сохранившіеся на Кубани и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Черноморскаго побережья, находятся въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ казачьими станицами и русскими поселеніями. Это сосѣдство, постоянныя сношенія, а также и общія культурно-экономическія причины повлекли за собой значительныя измѣненія въ національномъ укладѣ жизни, а, слѣдовательно, и въ матеріальной культурѣ этого народа. Постепенно старыя традиціонныя формы замѣняются новыми, болѣе соотвѣтствующими и инымъ условіямъ. Вліяніе это коснулось уже не только костюма, построекъ и системы хозяйства, но даже такихъ стойкихъ чертъ быта черкесовъ, какъ ихъ семейныя и общественныя отношенія. Очеркъ иллюстрированъ массою чертежей и хорошихъ рисунковъ.

Изъ другихъ статей второго тома «Матеріаловъ» слѣдуетъ отмѣтить: очеркъ С. Ѳ. Ольденбурга «Матеріалы по буддійской иконографіи Хара-Хото», А. И. Иванова «Бумажное обращеніе въ Китаѣ до XV вѣка» и «Символическій орнаментъ въ Китаѣ», Ѳ. К. Волкова «Человѣческія кости изъ субургана въ Хара-Хото».

Въ концѣ тома приложены тщательно составленные указатели этнографическихъ предметовъ, личныхъ и географическихъ именъ. Большинство статей иллюстрированы отлично исполненными рисунками и чертежами. Томъ отпечатанъ роскошно. **Бор. Городецкій.**

Труды оренбургской ученой комиссіи. Выпускъ XXIX. Томъ XXIX. Оренбургъ. 1914. Стр. 239. Ц. 1 р.

Центральное мѣсто въ разсматриваемой нами книгѣ занимаетъ обстоятельная работа М. Л. Юдина «Начало сношеній съ туркменскимъ народомъ. (Матеріалы для исторіи присоединенія Закаспійской области)». Сдѣлавъ общій обзоръ нашихъ соприкосновеній съ туркменами съ древнѣйшихъ временъ, авторъ останавливается на выясненіи взгляда Петра Великаго на значеніе для Россіи этой мѣстности и ея обитателей. Петру I очень кстати пришлось возникшее въ это время намѣреніе мангышлакскихъ туркменъ искать непосредственнаго покровительства Россіи и ея помощи отъ сильныхъ воинственныхъ сосѣдей, грабившихъ и насильничавшихъ надъ туркменами, такъ какъ великій преобразователь давно задумалъ создать международныя сношенія Востока съ Западомъ черезъ Россію

посредствомъ возвращенія теченія большой средне-азіатской рѣки въ Каспійское море и образованія такимъ образомъ непрерывнаго безопаснаго воднаго пути съ крайняго Запада въ центръ Азіи и Индію. Преемники Петра не забывали его предначертаній и завѣтовъ въ этомъ отношеніи и хоть съ меньшей энергіею, но все же неизмѣнно подвигались впередъ къ достиженію предуказанныхъ цѣлей. Г. Юдинъ внимательно слѣдитъ за всѣми русскими экспедиціями, описываетъ весь дальнѣйшій ходъ нашихъ сношеній съ туркменскимъ народомъ и оканчиваетъ свое повѣствованіе на основаніи гор. Красноводска, откуда «начинается новый періодъ подчиненія русской власти туркменскихъ степей, закончившійся образованіемъ Закаспійской области и присоединеніемъ Мервскаго оазиса и поселеній по Мургабу и Кушкѣ въ 1885 году».

Далѣе обращаютъ вниманіе составленный г. Кастанье «Отчетъ о раскопкахъ двухъ кургановъ въ Уральскомъ уѣздѣ лѣтомъ 1911 года» и «Итоги опросныхъ листовъ, разосланныхъ въ 1907 году оренбургской ученой архивной комиссией причтамъ оренбургской епархіи». Цѣлью такого опроса было сохранить и собрать воедино церковно-археологическія древности этой мѣстности для помѣщенія ихъ въ церковно-археологическомъ отдѣлѣ при «Музеѣ Оренбургскаго края». Интересна статья священнника Н. Н. Модестова «Гдѣ казакъ— тамъ и маякъ»; въ связи съ выясненіемъ вопроса о происхожденіи названія оренбургской Маячной горы, авторъ разсказываетъ объ устройствѣ и стратегическомъ значеніи самыхъ маяковъ (сигнальные казачьи пункты) и сообщаетъ нѣсколько любопытныхъ черточекъ изъ прошлаго. Затѣмъ въ сборникѣ помѣщены отчетъ о дѣятельности комиссіи и протоколы засѣданій ея за 1911 и 1912 гг., отчетъ о дѣятельности строительной комиссіи музея Оренбургскаго края за 1911 и 1912 года, свѣдѣнія о находкахъ древностей и описаніе пожертвованнаго священникомъ Н. Н. Модестовымъ въ оренбургскую ученую архивную комиссію списка старинной рукописи неизвѣстнаго автора (вѣроятно, прот. Бѣлюстина), повѣствующаго о положеніи православной церкви и духовенства въ серединѣ XIX столѣтія. М. А. О.

С. Ф. Либровичъ. Исторія книги въ Россіи. Со снимками съ древнихъ рукописей, образцами первопечатныхъ книгъ и позднѣйшихъ рѣдкихъ изданій, портретами, копіями картинъ, гравюръ и проч. и проч. Часть первая. Съ древнѣйшихъ временъ и до конца XVII столѣтія. Часть вторая. Съ начала XVIII столѣтія и до конца царствованія императора Павла I. Изданіе второе. Петрогр.— Москва. Изданіе товарищества М. О. Вольфъ. 1914. Стр. 224+234. Ц. за обѣ части 2 р.—Его же. Гордость Гарлема. Эпизодъ изъ исторіи книгопечатанія. Съ 10 снимками со старинныхъ портретовъ, гравюръ, медалей, видовъ и проч. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. Петроградъ—Москва. Стр. 30.

«Исторія книги въ Россіи», составленная г. Либровичемъ, отличается многими достоинствами. Прежде всего автору удалось въ рѣдкой степени сочетать извѣстную научность изложенія съ полной общедоступностью, такъ что текстъ его труда понятенъ рѣшительно всѣмъ, начиная съ юношескаго воз-

раста. Затѣмъ это общедоступное изложеніе г. Либровичъ постарался сдѣлать занимательнымъ и интереснымъ. Далѣе, этотъ интересъ «Исторіи книги» авторъ усилилъ тщательнымъ подборомъ огромнаго количества иллюстрацій, имѣющихся почти на каждой страницѣ. Эти иллюстраціи, взятыя часто съ весьма рѣдкихъ и малодоступныхъ оригиналовъ, представляютъ какъ бы цѣлую энциклопедію исторіи возникновенія и развитія нашей книги. Если, наконецъ, принять во вниманіе, что г. Либровичъ впервые разработалъ «Исторію книги въ Россіи» въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, то нельзя не привѣтствовать его за столь успѣшное выполненіе своей задачи. Менѣе другихъ удалось автору начало его труда, гдѣ онъ разбираетъ исторію книги рукописной, и гдѣ ему, видимо, приходится по большей части говорить съ чужихъ словъ.

Въ брошюрѣ «Гордость Гарлема» г. Либровичъ подробно и интересно разбираетъ легенду о голландцѣ Костерѣ, который, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, изобрѣлъ печатаніе посредствомъ подвижныхъ буквъ на десять лѣтъ ранѣе Гутенберга. Взвѣсивъ доводы въ пользу и противъ этого мнѣнія, г. Либровичъ не высказывается опредѣленно ни въ ту, ни въ другую сторону, ожидая окончательнаго рѣшенія вопроса отъ соотвѣтствующихъ поисковъ въ голландскихъ архивахъ. Брошюра богато иллюстрирована.

Л. Л.

Труды рязанской ученой архивной комиссіи. Т. 26-ой. Вып. 1. Рязань. 1914. Стр. 126+32. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Профессоръ Д. В. Цвѣтаевъ далъ для названнаго выпуска «Трудовъ рязанской ученой архивной комиссіи» статью объ Ольговомъ монастырѣ, основанномъ предками князя Олега Ивановича въ 1319 году. Въ этой же книгѣ г. Кабановъ заканчиваетъ «Акты о назначеніи и смѣнѣ воеводъ въ Переяславлѣ Рязанскомъ».

Г. Бороздинъ «предлагаетъ—вниманію комиссіи» жалованную вотчинную грамоту эпохи смуты, данную за земскою печатью Кузьмѣ Борисову сыну Смагину, отъ «бояръ и воеводъ князя Д. Т. Трубецкаго и И. М. Заруцкаго 4-го января 1612 года». Къ двадцатипятилѣтію со дня кончины М. Е. Салтыкова-Щедрина г. Яхонтовъ сообщаетъ формулярный списокъ покойнаго писателя за 1858 годъ и «дополнительный списокъ» за 1867 г.т. Приложены сюда—рисунокъ дома въ гор. Рязани, гдѣ жилъ Щедринъ въ 1858—59 гг. и портретъ: Салтыковъ—рязанскій вице-губернаторъ. Въ современной губернаторской аттестаціи чиновника Салтыкова читаемъ между прочимъ: «въ настоящее время губернское правленіе и по составу чиновниковъ за немногими исключеніями и по законной благонадежности и скорости распоряженій можетъ по справедливости быть названо лучшимъ и внушающимъ наиболѣе довѣрія изъ всѣхъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ Рязанской губерніи».

Г. Любарскій въ этомъ выпускѣ «Трудовъ» печатаетъ первую часть «Рязанскаго Некрополя», однако не сообщая никакихъ свѣдѣній о погребенныхъ, въ надеждѣ, что со временемъ всѣ лица, располагающія таковыми, не откажутся сообщить, что знаютъ, для того, чтобы, приведя въ систему, можно было ихъ напечатать».

Мы, со своей стороны, заинтересовались такимъ мѣстомъ «Некрополя»: «Хвощинскіе, Софья Дмитріевна, 1828—1865 г., Дмитрій Кесаревичъ сконч. 1856 г.; Юлія Викентьевна, сконч. 1884 г.».

Это, надо быть, родные покойной видной нашей писательницы Н. Д. Хвощинской-Заіончковской—Крестовскаго-псевдонима (умершей въ 1889 г.).

Въ «приложеніи» находимъ «Вѣчный календарь православной церкви» г. Докукина.

А. Налимовъ.

Проф. А. Л. Катанскій. Воспоминанія стараго профессора (съ 1847 по 1913 гг.). Выпускъ первый (годы 1847—1867). Петроградъ. 1914. Стр. 224. Ц. 1 р.

Авторъ—маститый профессоръ петроградской духовной академіи, живущій нынѣ на покоѣ и отпраздновавшій въ 1913 году юбилей своей пятидесятилѣтней учено-педагогической дѣятельности. Просто и безыскусственно, прекраснымъ и чистымъ русскимъ языкомъ, какимъ—увы!—теперь умѣютъ писать только немногіе, разсказываетъ онъ свою жизнь, начиная съ ранняго дѣтства и кончая пока переходомъ въ петроградскую духовную академію изъ московской, куда авторъ былъ приглашенъ читать лекціи сряду по окончаніи курса въ Петроградѣ. Привыкнувъ за періодъ своего долголѣтняго профессорства къ строго-научной добросовѣстности, А. Л. Катанскій прилагаетъ всѣ зависящія отъ него усилія къ правдивости и достовѣрности своего разсказа. Духовная школа, которую онъ проходилъ во всѣхъ ея стадіяхъ, оставила въ немъ только пріятныя воспоминанія. Въ нижегородскихъ духовномъ училищѣ и семинаріи, гдѣ авторъ получилъ низшее и среднее образованіе, онъ учился подъ руководствомъ прекрасныхъ педагоговъ. Кстати, та безотрадная картина бурсы, которая извѣстна намъ изъ классическихъ очерковъ Помяловскаго и правдивость которой могъ провѣрить и А. Л. Катанскій по своемъ вступленіи въ петроградскую духовную академію, была, повидимому, къ счастію, рѣдкимъ явленіемъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленныя воспоминанія о той же эпохѣ питомцевъ провинціальныхъ духовныхъ школъ. Съ теплымъ чувствомъ вспоминаетъ авторъ и свою alma mater—петроградскую духовную академію. «Самое доброе въ ней было то, что она давала студентамъ прекрасное умственное развитіе и дѣлала ихъ способными ко всякой работѣ на всѣхъ возможныхъ поприщахъ служенія церкви, отечеству и просвѣщенію».

Воспоминанія профессора Катанскаго изобилуютъ любопытными бытовыми и характерными подробностями. Укажу для примѣра на двѣ. При назначеніи А. Л. Катанскаго въ духовную академію его товарищи-семинаристы говорили: «Всѣмъ бы хорошъ нашъ первакъ (первый ученикъ), да только отчего онъ не пьетъ?» Вотъ какъ представляли себѣ тогда идеальнаго семинариста. Другой случай. Митрополитъ Филаретъ назвалъ однажды на публичномъ экзаменѣ заслуженнаго профессора Голубинскаго дуракомъ (на подобные эпитеты владыка не скупился). Профессоръ пригорюнился, а старѣйшій коллега П. С. Делицынъ утѣшалъ его такъ: «Вѣдь владыка—такой великій, необыкновенный умъ, что, по правдѣ сказать, всѣ мы предъ нимъ въ сущности оказываемся дураками».

М.

Сношенія Россіи съ Бухарой и Хивой за послѣднее трехсотлѣтіе. С. В. Жуковскій. Труды общества русскихъ оріенталистовъ № 2. Петр. 1915.

Настоящій трудъ даетъ намъ впервые въ систематизированномъ порядкѣ и въ возможной полнотѣ обзоръ сношеній Россіи съ Бухарскимъ и Хивинскимъ ханствами за послѣднее трехсотлѣтіе и даже нѣсколько болѣе, именно начиная съ 1557 года, въ которомъ въ Россію пришли впервые хивинское и бухарское посольство и кончая 1873 г., когда были заключены мирные договоры съ Хивою и Бухарою, а послѣ этого упомянутъ и 1876 годъ, въ которомъ произошло присоединеніе Кокандскаго ханства.

Весь свой трудъ авторъ изложилъ по годамъ, вынеся на поля указанія года и краткое содержаніе происходившаго въ данный годъ историческаго событія. Такой порядокъ даетъ возможность сразу найти въ обширной исторіи сношеній Россіи съ Бухарой и Хивой то событіе, которое васъ интересуетъ. Въ изложеніи событій авторомъ точно указываются въ ссылкахъ матеріалы, на которыхъ онъ основывался, такъ что желающему ознакомиться болѣе подробно съ интересующимъ событіемъ остается лишь трудъ обратиться къ указаннымъ источникамъ. При этомъ важно отмѣтить, что авторомъ использованы не только имѣвшіяся уже литературныя свѣдѣнія, но еще и рукописные матеріалы, хранящіеся въ библіотекѣ бывшаго перваго департамента, нынѣ политическихъ отдѣловъ, министерства иностранныхъ дѣлъ. Наконецъ въ отношеніи тщательности составленія авторомъ своего историческаго труда нужно отмѣтить, что въ началѣ г. Жуковскій помѣстилъ указатель источниковъ, которыми онъ пользовался, и въ приложеніяхъ: важнѣйшіе документы, хронологическія данныя о правителяхъ въ Бухарѣ и Хивѣ, указатель собственныхъ именъ и географическихъ названій и хорошо выполненную карту разсматриваемыхъ государствъ. Но этотъ историческій трудъ не только является интереснымъ для спеціалиста, но и цѣненъ вообще для всякаго, кто пожелалъ бы ознакомиться съ исторіей сношеній Россіи съ Бухарой и Хивой и особенно для лицъ, живущихъ въ тѣхъ краяхъ, гдѣ эти ханства находятся, а также для жителей смежнаго съ этими ханствами Туркестана. Знакомясь съ исторіей сношеній Россіи съ Хивой и Бухарой, мы видимъ изъ этого документально обоснованнаго труда, что предметомъ ихъ со стороны Россіи были исключительно мирныя цѣли: торговля и выкупъ и освобожденіе дипломатическимъ путемъ томившихся въ плѣну у бухарцевъ и хивинцевъ русскихъ плѣнныхъ. Между тѣмъ Бухара и Хива смотрѣли на эти сношенія, главнымъ образомъ, съ корыстной точки зрѣнія чѣмъ-нибудь поживиться отъ могущественной Россіи, какъ-то: имѣть помощь въ борьбѣ этихъ ханствъ другъ съ другомъ, получать дорогіе подарки мѣхами и охотничьими птицами и т. д. И вотъ только вынужденная вѣроломными поступками Бухары и Хивы Россія въ концѣ концовъ рѣшила вооруженной силой усмирить эти ханства, хотя имѣла много разъ раньше удобные къ тому случаи. Однако, какъ справедливо говоритъ авторъ въ введеніи къ своему труду, Россія и въ этомъ случаѣ поступила иначе, чѣмъ могла, именно она великодушно отказалась отъ полнаго покоренія Бухары и Хивы и, завладѣвъ фактически ханствами, возстановила ихъ владѣтелей въ ихъ

правахъ и передала имъ въ управленіе большую часть ихъ владѣній. Не ограничившись этимъ, Россія, съ домомъ Романовыхъ во главѣ, признала для себя наиболѣе выгоднымъ поддерживать самихъ правителей названныхъ ханствъ и путемъ проведенія въ Бухарѣ и Хивѣ началъ русской гражданственности, по возможности, укрѣплять и развивать эти ханства, стоящія значительно ниже Россіи по своему культурному развитію.

Дѣйствительно, исторія этихъ ханствъ характерный примѣръ для всѣхъ кричащихъ о томъ, что Россія стремится къ насильственному обрусенію покоренныхъ ею или подчинившихся ей народовъ.

Б. Гурьевъ.

Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней). Второе, совершенно переработанное иллюстрированное изданіе профессора С. А. Венгерова. Т. I. (выпускъ 1—3). Предварительный списокъ русскихъ писателей и ученыхъ и первыя о нихъ справки (Ааронъ—Куликовъ). Съ 18 таблицами групповыхъ портретовъ. Петроградъ. 1915. Стр. 436. Ц. 6 р.

Передъ нами огромный компактный фоліантъ убористой печати, являющійся первымъ томомъ—всѣхъ томовъ будетъ три—«предварительнаго списка» русскихъ писателей и ученыхъ, имена которыхъ войдутъ въ обширный «критико-біографическій словарь» по всѣмъ отраслямъ литературы и науки, задуманный и предпринятый неутомимымъ историкомъ русской литературы и профессоромъ С. А. Венгеровымъ.

Это настоящій Сизифовъ трудъ, свидѣтельствующій о рѣдкой, почти безпримѣрной работоспособности и любви къ литературѣ редактора и главнаго составителя «Словаря». Этому поистинѣ національному дѣлу г. Венгеровъ посвятилъ тридцать лѣтъ своей жизни, отдавъ ему всѣ свои силы и ухлопавъ на него, по его словамъ, всѣ свои средства и значительную часть своихъ литературныхъ доходовъ и заработковъ.

Составитель монументальнаго изданія не ограничивается одними лишь «набольшими», такъ сказать, генералами и полковниками отъ литературы и науки, а регистрируетъ, судя по «предварительному списку», самыхъ скромныхъ дѣятелей печатнаго слова и научной мысли. Онъ придаетъ даже сугубое значеніе регистраціи менѣе или малоизвѣстныхъ тружениковъ печати и науки.

Значеніе именъ, содержащихся въ «Предварительномъ спискѣ» русскихъ писателей и ученыхъ, на нашъ взглядъ, обратно пропорціонально извѣстности ихъ. При каждомъ имени указаны родъ литературной и ученой дѣятельности, годъ и мѣсто рожденія и смерти и происхожденіе. Всякій, кто пожелалъ бы воспользоваться этими бѣглыми данными для выясненія, скажемъ, сословнаго состоянія русскихъ писателей и ученыхъ, мѣстностей, давшихъ родинѣ больше такихъ дѣятелей, или степени развитія у насъ той или другой отрасли литературы и науки, не станетъ искать въ «Предварительномъ спискѣ» именъ Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Толстого, Ломоносова, Лобачевскаго, Менделѣева и другихъ корифеевъ, свѣдѣнія о которыхъ имѣ-

ются въ хрестоматіяхъ, учебникахъ и такъ называемыхъ общераспространенныхъ изданіяхъ и которые—и безъ справочныхъ изданій—извѣстны каждому образованному человѣку. Болѣе цѣнна, поэтому, регистрація малоизвѣстныхъ писателей и ученыхъ.

Предпринятый г. Венгеровымъ «Критико-біографическій словарь», какъ видно изъ намѣченной имъ себѣ программы и изъ вышедшихъ шести томовъ перваго, незаконченнаго изданія,—первый опытъ такого рода не только у насъ, но и въ западно-европейской литературѣ. «Словарь» (перваго изданія) не ограничивается основными фактами жизни писателей и ученыхъ, перечисленіемъ ихъ произведеній, краткими отзывами о послѣднихъ и біографіями, но даетъ обстоятельныя оцѣнки авторовъ и ихъ трудовъ. Достаточно сказать, что въ первомъ изданіи «Словаря» г. Венгеровъ такъ увлекся подобными оцѣнками, что, напримѣръ, К. Аксакову посвятилъ цѣлыхъ 180 страницъ, что едва ли было умѣстно въ «словарѣ»—хотя бы и «критико-біографическомъ»...

Чтобы довести «Словарь» до конца, при первоначальной программѣ, г. Венгерову надо было бы прожить два Маѳусаиловыхъ вѣка, имѣть въ своемъ распоряженіи цѣлую армію сотрудниковъ, огромный техническій аппаратъ и вандербильдовскія средства. Но всѣмъ только-что перечисленнымъ онъ отнюдь не располагаетъ, а потому, дотянувъ до шестого тома и измѣнивъ обычному алфавитному порядку, составитель «Словаря» пріостановилъ свое изданіе, продолжая, однако, съ прежнимъ рвеніемъ собирать кирпичи для новаго зданія.

Второе изданіе словаря, вступительная часть котораго только что вышла, составляется на основаніи накопленныхъ въ теченіе многихъ лѣтъ записей, изложенныхъ на двухъ милліонахъ карточекъ, представляющихъ единственную въ своемъ родѣ «картотеку». И въ этомъ новомъ изданіи такимъ писателямъ, какъ К. Аксаковъ, не будетъ, разумѣется, отводиться такое обширное мѣсто, какъ въ прежнемъ. При соблюденіи большей экономіи мѣста въ изложеніи, второе изданіе будетъ подвигаться впередъ болѣе быстрымъ темпомъ, чего нельзя не пожелать.

Въ такомъ обширномъ, съ такимъ трудомъ составляемомъ изданіи, какъ «Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ отъ начала русской образованности вплоть до нашихъ дней», маленькіе промахи, недосмотры, пропуски и ошибки неизбѣжны. Самъ г. Венгеровъ признаетъ, что его трудъ не свободенъ отъ нихъ. Но справедливость требуетъ сказать, что въ бѣгло просмотрѣнномъ нами «Предварительномъ спискѣ» словаря намъ не бросались въ глаза сколько-нибудь существенные промахи и ошибки. Коегдѣ замѣтили двукратныя повторенія однихъ и тѣхъ же именъ (Н. Гельвихъ, М. Кауфманъ). Зато обойденъ молчаніемъ, напр., небезызвѣстный военный писатель Апушкинъ. Есть, безъ сомнѣнія, еще пропуски.

Вызываютъ недоумѣніе и имена докторовъ медицины и адвокатовъ, которыми пестрятъ страницы «Словаря», безъ обозначенія ихъ научныхъ и литературныхъ трудовъ, повидимому, за отсутствіемъ оныхъ. Такъ называемыя докторскія диссертаціи и кандидатскія сочиненія едва ли могутъ считаться учеными или литературными трудами.

Всего занесено въ первый томъ «Предварительнаго списка» словаря 38,761 имя. Въ распоряженіи составителя словаря, кромѣ двухмилліонной картотеки, имѣются свыше 3500 автобіографій, изданіе коихъ, по его словамъ, составило бы пятнадцать томовъ въ 500 страницъ каждый, обширная коллекція писемъ и автографовъ, портретовъ и иллюстрацій (около 35,000) и карикатуръ. Къ разсматриваемому нами первому тому «Предварительнаго списка» словаря приложены 28 хорошо воспроизведенныхъ фотографическихъ группъ и карикатуръ, изображающихъ писателей, редакторовъ и членовъ комитетовъ литературнаго фонда въ разное время.

Всѣ приведенныя цифры и данныя показываютъ намъ, какая колоссальная работа совершена и совершается С. А. Венгеровымъ. Можно смѣло сказать, что этой его работы хватило бы на заслуженную извѣстность для цѣлой дюжины историковъ литературы, біо- и библіографовъ.

Разумѣется, для одного г. Венгерова непосильно сдѣлать всеобщимъ достояніемъ содержимое его архива и богатѣйшихъ коллекцій. Изданія, въ родѣ предпринятаго имъ, не могутъ разсчитывать на широкое распространеніе и сбытъ и нуждаются въ матеріальной поддержкѣ со стороны надлежащаго научнаго учрежденія. Такимъ учрежденіемъ является наша академія наукъ, которая уже однажды субсидировала «Источники словаря русскихъ писателей и ученыхъ» того же г. Венгерова. Къ академіи послѣдній обращался съ ходатайствомъ о матеріальномъ содѣйствіи изданію, неразрывно связанному съ «Критико-біографическимъ словаремъ русскихъ писателей и ученыхъ» и долженствовавшему наглядно показать, что сдѣлано за два вѣка русскою литературою и наукою. Прежде, чѣмъ сообщать о литературной дѣятельности писателей и ученыхъ, надо было привести въ извѣстность книжныя богатства, созданныя ими. Академія постановила ходатайствовать объ отпускѣ 27,000 рублей на изданіе четырехъ томовъ «Русскихъ книгъ», но графъ С. Ю. Витте, отказалъ академіи въ ея ходатайствѣ. Изданіе «Русскихъ книгъ» заглохло, однако Г. Венгеровъ не упалъ духомъ и продолжалъ свое дѣло, доведши свою картотеку до 1912 г. Надо надѣяться, что ему предоставлена будетъ возможность обогатить нашу литературу столь необходимымъ изданіемъ, какъ «Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ».

А. Кауфманъ.

Д. К. Зеленинъ. Описаніе рукописей ученаго архива императорскаго русскаго географическаго общества. Вып. II. Петроградъ. 1915. Ц. 3 р. 50 к.

Недавно мы дали отзывъ о первомъ выпускѣ названнаго труда Д. К. Зеленина. Вслѣдъ за первымъ очень скоро появился второй, заключающій въ себѣ описаніе 619 рукописей, относящихся къ пятнадцати губерніямъ Европейской Россіи въ алфавитномъ порядкѣ, отъ Казанской до Пензенской включительно. Матеріалъ—этнографическій, лингвистическій, историко-литературный—описанный въ разсматриваемой книгѣ—чрезвычайно обиленъ. Особенно интересны записи сказокъ, преданій, повѣрій и пѣсенъ. Немало въ архивѣ и копій съ памятниковъ старинной русской литературы, опустившихся въ просто-

народную среду. Особенно богаты данными и притомъ воспроизведенныя съ особымъ вниманіемъ и любовью—старыя записи 1850 годовъ. Было бы желательно, чтобы эти матеріалы—разъ данъ ключъ къ нимъ въ видѣ незамѣнимаго труда г. Зеленина—вошли въ научный оборотъ, конечно, при содѣйствіи географическаго общества, которому слѣдуетъ возможно шире и гостепріимнѣе открыть двери своей библіотеки и архива для изучающихъ родную старину и народность. Г. Зеленинъ обѣщаетъ еще два выпуска описанія. Пожелаемъ ему благополучно довести до конца и отпечатать его капитальный трудъ. В. П.

Временникъ Пушкинскаго дома. 1915. Петроградъ. Стр. 139. Цѣна 1 р. 75 к.

Второй выпускъ «Временника» задуманъ и выполненъ столь же тщательно, какъ и вышедшій въ прошломъ году. Напомнимъ читателю, что «Временникъ» является органомъ Пушкинскаго дома, его повременнымъ изданіемъ, въ которомъ главное мѣсто занимаютъ описанія хранящихся въ музеѣ матеріаловъ. Въ этомъ году программа «Временника» расширена: редакція сочла возможнымъ дать не только описи, но и опубликовать нѣкоторые документы и присоединить къ нимъ ученый комментарій. Война, къ сожалѣнію, нѣсколько отразилась на дѣятельности музея: такъ, отложены заботы о возведеніи собственнаго зданія и закрыты залы, отведенныя Пушкинскому дому въ императорской академіи наукъ, но въ настоящее время занятыя подъ лазаретъ. Къ счастью, научная работа не была прекращена: «Временникъ» вышелъ.

Книга открывается описаніемъ рукописей, принадлежащихъ Пушкинскому дому—первоначальныхъ его пріобрѣтеній, а также документовъ изъ архивовъ П. А. Плетнева и П. А. Ефремова, всего 319 нумеровъ. Въ отдѣлѣ «Пушкинъ»—79 нумеровъ, причемъ 26 изъ нихъ собственноручныя рукописи и письма поэта. Въ слѣдующемъ отдѣлѣ рукописи и письма различныхъ русскихъ писателей и дѣятелей XIX вѣка. Назовемъ лишь нѣкоторыхъ, немногихъ: И. С. Аксаковъ, К. Н. Батюшковъ, Боратынскій, Боткинъ, Вяземскій, Гнѣдичъ, Гоголь (66 писемъ къ Плетневу и др.), Гончаровъ, Державинъ, Жуковскій, Загоскинъ, Карамзинъ, Козловъ, Курочкинъ, Плетневъ, Плещеевъ, Погодинъ, Ростопчина, Стасюлевичъ, графъ А. К. Толстой, Тургеневъ. Опись составлена гг. Модзалевскимъ и Казановичъ со всею той мѣрою добросовѣстности, которой требуетъ научный методъ. Въ послѣднемъ отдѣлѣ описи нѣсколько документовъ изъ «Архива Н. А. Добролюбова» (описаніе ихъ сдѣлано г. Княжнинымъ).

Вторую половину книги занимаютъ приложенія. На основаніи 24 неизвѣстныхъ до сихъ поръ записокъ Гоголя къ Погодину Е. Казановичъ, путемъ довольно сложнаго и даже черезчуръ кропотливаго анализа, пытается установить ихъ хронологическую послѣдовательность. Коснувшись этой работы, не можемъ не отмѣтить ,однако, что научная щепетильность требовала бы печатанія записочекъ Гоголя, не выгоняя ихъ во всю ширь страницы «Временника», а строка въ строку подлинниковъ (въ томъ родѣ, напр., какъ напечатано одно письмо Гоголя М. Н. Сперанскимъ въ журналѣ «Русская Мысль», 1911 г., № 2, стр. 176), не ради тупого гелертерства, а ради возможной наглядности и

приближенности къ рукописи. Не можемъ не указать на небрежность языка у автора замѣтки. Въ нѣкоторыхъ періодахъ у него иныя слова сочетаются совсѣмъ не такъ, какъ слѣдуетъ по смыслу. Нельзя также, на нашъ взглядъ, писать «порыжѣлыя чернила» или «кусокъ бумаги», потому что это прежде всего вызываетъ несоотвѣтствующую важности дѣла веселость. Чрезвычайно интересное письмо Гоголя удалось разыскать М. Гофману. Гоголь обращается въ немъ къ императору Николаю I. Письмо важно не столько содержаніемъ своимъ, сколько великолѣпною, лапидарною силою могучаго языка. Такое письмо-просьба должно было убѣдить самою властью внушающаго слова. Послѣднее въ книгѣ это переписка Гончарова съ семьей Языковыхъ, Горбуновымъ, Ю. Д. Ефремовой, Дружининымъ и А. В. Плетневой, прередактированная Б. Л. Модзалевскимъ и снабженная имъ вводною статьею и обстоятельными примѣчаніями. Письма Гончарова, этого мастера русской рѣчи, образцы эпистолярнаго стиля, и поэтому нельзя не оцѣнить по достоинству новаго опыта опубликованія ихъ.

Редакція «Временника» нашла возможность дать еще, кромѣ текста, 19 снимковъ съ портретовъ и рѣдкихъ рукописей. Не можемъ не отмѣтить особо воспроизведенія акварельнаго портрета Пушкина, работы П. Ѳ. Соколова, воспроизведенія поистинѣ художественнаго. **Евг. Павловъ.**

Письма А. П. Чехова. Подъ редакціей М. П. Чеховой. Томъ V. (1897—1899). Съ иллюстраціями. Книгоиздательство писателей въ Москвѣ. М. 1915. Стр. XV+511. Ц. 2 р.

Пятый томъ писемъ А. П. Чехова представляетъ, какъ и предыдущіе, громадный интересъ и для біографіи покойнаго писателя, и для характеристики его общественно-художественныхъ воззрѣній, и, наконецъ, какъ одно изъ лучшихъ, искреннѣйшихъ и блестящихъ по формѣ произведеній эпистолярной литературы послѣдняго времени. Новый томъ охватываетъ собою періодъ времени съ 1897—1899 г.г. Въ это время началась и постепенно развивалась болѣзнь, преждевременно сведшая Чехова въ могилу; осенью 1897 года онъ отправился за границу, до февраля 1898 года проживъ въ Инуцѣ, потомъ переѣхалъ въ Парижъ, на лѣто возвратился въ свое Мелихово, откуда къ зимѣ перебрался въ Ялту, гдѣ всей душой предался постройкѣ новой дачи на пріобрѣтенномъ имъ кускѣ земли. Въ январѣ 1899 года состоялась продажа А. П. Чеховымъ своихъ сочиненій извѣстному книгоиздателю Марксу. «Продалъ Марксу все—и прошедшее и будущее, и сталъ марксистомъ на всю жизнь», шутилъ А. П. въ письмѣ къ одному пріятелю. Въ августѣ 1899 года А. П., ликвидировавъ свои дѣла по имѣнію въ Миметовѣ, окончательно переселился въ Ялту, крѣпко обосновавшись въ своемъ новомъ домѣ. За этотъ періодъ времени Чеховымъ были написаны его знаменитые «Мужики», «Человѣкъ въ футлярѣ» и мн. др.

Писатель, несмотря на неудовлетворительное состояніе своего здоровья, литературныя работы, хлопоты по личнымъ хозяйственнымъ дѣламъ и путешествія, отдавался всей душой общественной работѣ: онъ участвуетъ въ народ-

ной переписи 1898 года, горячо отдается весь дѣлу постройки школъ, живо интересуется состояніемъ народнаго образованія, лично присутствуетъ, какъ попечитель, на экзаменахъ «въ качествѣ суроваго экзаминатора», очень сочувственно относится ко проекту постройки Народнаго дома и увлекается вмѣстѣ съ А. С. Суворинымъ будущимъ Малымъ театромъ, понукаетъ А. С. скорѣе приняться за постройку собственнаго театра, совѣтуетъ Суворину поѣздить по провинціи за молодыми талантливыми артистическими силами, рекомедуетъ актеровъ и т. д. Тогда-то началось близкое общеніе А. П. съ театромъ Станиславскаго и Немировича-Данченка. Въ этомъ же пятомъ томѣ читатели найдутъ любопытныя и прелестныя по какой-то особенно привлекательной интимной деликатности, проникнутыя удивительнымъ сочетаніемъ мягкой лиричности и юмора письма къ актрисѣ московскаго Художественнаго театра О. Л. Книпперъ. Письма въ новомъ томѣ охватываютъ собою первое время знакомства и начало тѣхъ отношеній, которыя привели впослѣдствіи къ свадьбѣ.

Замѣтно отразился въ новомъ томѣ писемъ и переломъ общественно-политическій; начинается близкое общеніе и непосредственное знакомство съ «лѣвымъ лагеремъ» нашей журналистики: съ В. А. Гольцевымъ, В. М. Соболевскимъ, М. М. Ковалевскимъ и постепенное отдаленіе отъ А. С. Суворина. Разногласіе въ знаменитомъ дѣлѣ Дрейфуса произвело окончательный разрывъ старыхъ отношеній между издателемъ «Новаго Времени» и Чеховымъ.

Письма А. П. Чехова проливаютъ яркій свѣтъ въ лабораторію его творчества, указываютъ его методы работы, его технику, пріемы и пути,—и здѣсь цѣлая школа для начинающихъ беллетристовъ, школа, руководитель которой не отвлеченный теоретикъ, а одинъ изъ лучшихъ писателей послѣдняго времени, дѣлящійся своими совѣтами съ друзьями, дѣлающій свои мѣткія указанія въ самой мягкой формѣ, гдѣ трудно замѣтить даже намекъ на менторскій тонъ по отношенію къ своимъ младшимъ сотоварищамъ по литературѣ. Особенно выдѣляются въ этомъ отношеніи письма къ Максиму Горькому, къ писательницѣ Л. А. Авиловой и др.

Очень важны для опредѣленія творческой мысли покойнаго писателя выясненіе его художественныхъ вкусовъ, влеченій, его литературныхъ симпатій, взглядовъ на искусство и т. п. И на эти вопросы новый томъ писемъ даетъ рядъ цѣнныхъ отвѣтовъ. Здѣсь найдутся характерныя признанія и свидѣтельства о впечатлѣніяхъ, оставленныхъ послѣ чтенія Метерлинка, Гауптмана, здѣсь высказаны мнѣнія о Золя, Додэ и цѣломъ рядѣ русскихъ писателей, объ извѣстной статьѣ Л. Н. Толстого объ искусствѣ и т. д.

Въ краткой рецензіи нѣтъ возможности подробно остановиться на многихъ чрезвычайно интересныхъ сторонахъ Чеховской переписки, нѣтъ возможности привести образцы его замѣчательнаго по силѣ выраженія языка, - сверкающихъ блестокъ юмора, непосредственнаго остроумія, его глубокихъ сужденій по различнымъ сторонамъ житейской мудрости. Отсылаемъ читателя, любящаго незабвеннаго творца «Вишневаго сада», непосредственно къ самой книгѣ; это чтеніе доставитъ не только наслажденіе, но и дастъ возможность лучше и глубже понять оставленное покойнымъ писателемъ его литературное наслѣдіе.

Попрежнему изданіе снабжено отчетливымъ біографическимъ очеркомъ за время 1897—1899 г.г., написаннымъ Мих. Чеховымъ, указателями и украшено многочисленными фотографическими снимками.

Д. М—ко.

Памятники міровой литературы. Античные писатели. Софоклъ. Драмы. Три тома. Переводъ съ введеніями и вступительнымъ очеркомъ Ѳ. Зѣлинскаго. Москва. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. 1914—1915 гг. Цѣна 1-го тома 3 руб., 2-го—3 руб., 3-го—3 руб.

Ученый, поэтъ и мыслитель, профессоръ Ѳ. Ф. Зѣлинскій обогатилъ русскую литературу переводомъ и научно-художественнымъ анализомъ всѣхъ твореній величайшаго драматурга, аттической пчелы—Софокла. Въ первый томъ вошли трагедіи троянскаго цикла: «Аянтъ биченосецъ», «Филоктетъ» и «Электра», во второй—трагедіи ѳиванскаго цикла: «Царь Эдипъ», «Эдипъ въ Колонѣ» и «Антигона», въ третій—«Трахинянки», «Слѣдопыты» (недавно найденная драма сатировъ) и уцѣлѣвшіе отрывки другихъ трагедій, съ возстановленіемъ, по мѣрѣ возможности, содержанія всего произведенія. Діалоги переведены бѣлымъ стихомъ, лирическія партіи переданы почти всѣ размѣромъ подлинника, причемъ во многихъ мѣстахъ извѣстныя стопы выдѣлены особыми интервалами между отдѣльными словами. Говорить о достоинствахъ перевода было бы излишне: по своей художественности, красотѣ и поэтичности онъ выше всякой похвалы. Переводъ трагедій авторъ обильно снабжаетъ ремарками, составляющими плодъ тщательнаго изученія текста и проникновенія идеей и чувствомъ автора; это, такъ сказать, переживаніе дѣйствія и мысли поэта. Конечно, въ данномъ случаѣ получается субъективизмъ, такъ какъ на каждаго читателя дѣйствуетъ та или другая апперцепція. Такъ, напримѣръ, всякому, кто находился бы подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ музыкальныхъ иллюстрацій «Царя Эдипа», хотѣлось бы гораздо богаче обставить первую пантомиму въ началѣ этой трагедіи и ввести вторую пантомиму во время молитвы и жертвоприношенія Іокасты. Профессоръ Зѣлинскій въ своихъ ремаркахъ часто говоритъ о музыкѣ къ извѣстному мѣсту трагедіи, ея мелодіи и характерѣ, но совершенно игнорируетъ танцы, которые служатъ такою же иллюстраціей, какъ и музыка: не подлежитъ сомнѣнію, что многіе пробѣлы между словами хора восполнялись музыкою и танцами. Каждой трагедіи предпосылается введеніе, съ разработкою нравственной идеи, историческаго развитія, драматическаго анализа и оцѣнки произведенія съ точки зрѣнія фабулы, характеровъ, условнаго и вѣчнаго элементовъ. Въ концѣ каждаго тома помѣщены примѣчанія къ отдѣльнымъ мѣстамъ трагедій; кромѣ того, въ началѣ перваго и второго томовъ переводчикъ даетъ пространный вступительный очеркъ—«Софоклъ и героическая трагедія», который вводитъ читателя въ сущность греческой драмы, ея построеніе, условія постановки и міровое значеніе. Въ этомъ отдѣлѣ, быть можетъ, слѣдовало бы ожидать болѣе тщательнаго отношенія въ тому археологическому матеріалу, который даютъ античные реальные памятники и древніе авторы: я имѣю въ виду особенно «Ономастиконъ», энциклопедическій словарь Полидевка, писателя IV вѣка по Р. Хр.

Книга украшена иллюстраціями, рисованными М. Вл. Фармаковскимъ, главнымъ образомъ—по древней вазовой живописи. У этого художника-филолога особый талантъ и умѣніе рисовать рельефно, воспроизводя вмѣстѣ съ тѣмъ характеръ и стиль древняго памятника. Его рисунки въ трудѣ Ѳ. Ф. Зѣлинскаго прямо великолѣпны.

Въ заключеніе останавливаюсь еще на одной особенности труда профессора Зѣлинскаго. У него хоровыя лирическія партіи, какъ я уже упомянулъ, переведены размѣромъ подлинника, чего мы не встрѣчаемъ до сихъ поръ ни у одного изъ переводчиковъ. Въ этомъ отношеніи работа Ѳ. Ф. Зѣлинскаго составитъ эпоху въ постановкѣ античныхъ трагедій. Что приходилось видѣть до сихъ поръ на сценѣ, это была одна пародія, такъ какъ предназначаемое для пѣнія, музыки и танцевъ исполнялось декламаціей, или даже принимало форму діалоговъ, русскаго перевода хоровыхъ пѣсенъ нельзя было примѣнить ни къ одной изъ музыкальныхъ композицій, которыя всѣ составлены примѣнительно къ размѣру подлинника. Къ одному «Царю Эдипу» существуетъ музыка четырехъ композиторовъ, къ «Эдипу въ Колонѣ» двѣ музыки, къ «Антигонѣ» три музыки и т. д. Эти произведенія, до сихъ поръ неизвѣстныя нашимъ режиссерамъ, будучи примѣнены къ переводу Ѳ. Ф. Зѣлинскаго, дадутъ возможность увидѣть на сценѣ шедевры драматической литературы въ примѣненіи къ нимъ силъ драматическихъ артистовъ, хора, солистовъ, оркестра и балета. Подобное представленіе не будетъ, конечно, имѣть ничего общаго съ представленіями Александринскаго театра, ни братьевъ Адельгеймовъ, ни даже съ цирковыми спектаклями Макса Рейнгарда.

Книга Ѳ. Ф. Зѣлинскаго найдетъ мѣсто на полкѣ ученаго, на каѳедрѣ преподавателя литературы, на столѣ режиссера, передъ будкою суфлера, въ рукахъ студентовъ и гимназистовъ, въ библіотекѣ каждаго культурнаго человѣка.

С. Цыбульскій.

Сочиненія Декарта. Переводъ Н. Н. Срѣтенскаго, съ предисловіемъ профессора Ив. Ив. Ягодинскаго. Томъ первый. Казань 1914. Стр. XIV+244. Цѣна 1 р. 50 коп.

Начнемъ истасканной рецензентской фразой: будемъ привѣтствовать новый переводъ Декарта. Прежде всего и больше всего онъ нуженъ нашей учащейся молодежи. Конечно, съ идеями Декарта можно познакомиться очень легкимъ, удобнымъ и краткимъ путемъ, читая соотвѣтствующія страницы популярныхъ исторій философіи. Первоисточникъ же даетъ нѣчто другое, болѣе существенное и цѣнное. Только самъ Декартъ можетъ ввести во всѣ тайники своего замѣчательнаго метода, и только подлинные труды философа дадутъ отчетливое представленіе о стилѣ и архитектурѣ его системы.

Декартъ мечтаетъ философствовать для очень широкаго круга читателей. Заглядывая далеко впередъ, онъ не сомнѣвается, что даже мы, почти тремя вѣками отдѣленные отъ мыслителя, будемъ черпать истины изъ «Началъ философіи». И если профессору Ягодинскому кажется, что этотъ трактатъ «приноровленъ къ пониманію болѣе подготовленныхъ читателей», то самъ Декартъ

готовъ дать его въ руки чуть ли не каждому грамотному человѣку. Но зато чтенія философъ требуетъ совершенно исключительнаго: читайте разъ, два, не затруднитесь взять книгу и въ третій разъ, а если и тутъ не все поймете, то, можетъ быть, при дальнѣйшемъ чтеніи... И хоть разучились мы въ двадцатомъ вѣкѣ читать столь прилежно, попробуйте все-таки взяться за Декарта.

Томъ переводовъ г. Срѣтенскаго начинается капитальнымъ трудомъ Декарта: «Начала философіи» (Стр. 1—102). Это та самая работа, гдѣ впервые формулированъ знаменитый принципъ: «я мыслю, значитъ существую». Исходя изъ такой аксіомы, Декартъ хочетъ «вывести познаніе Бога, познаніе васъ самихъ и, наконецъ, познаніе всего существующаго въ природѣ». Такимъ образомъ, изслѣдованіе философа касается не только метафизическихъ проблемъ, но и перерабатываетъ данныя точныхъ наукъ. И слѣдуетъ пожалѣть, что, оставивъ въ полной неприкосновенности всю метафизику, переводчикъ выкинулъ сужденія Декарта по вопросамъ естествознанія. Его мысли о кометахъ, пятнахъ на солнцѣ, огнѣ, молніи и тому подобныхъ матеріяхъ дали бы читателямъ великолѣпную картину умственнаго развитія XVII столѣтія. На фонѣ низкаго интеллигентнаго уровня галантной части тогдашняго человѣчества выдѣляется фигура принцессы Елизаветы, дочери богемскаго короля Фридриха V. Эта молодая особа добилась вниманія Декарта и настолько заинтересовала философа, что онъ вступилъ съ ней въ обстоятельную переписку. Шесть его писемъ этико-психологическаго характера тоже переведены въ книгѣ (стр. 221—244). Они служатъ дополненіемъ и введеніемъ въ обширное изслѣдованіе: «Страсти души» (Стр. 127—220). Тутъ преобладаетъ психологія, перевитая теоріями этики и метафизики. Разбираясь въ вопросахъ душевной жизни, философъ широко пользуется пріемомъ внутренняго самонаблюденія. Сколько тутъ прозорливости и наблюдательности! Но самая сущность психологіи Декарта полна глубокаго архаизма. Для объясненія нашей душевной жизни философъ вводитъ принципъ «животныхъ духовъ». Это крошечныя тончайшія тѣла, быстро движущіяся, напоминающія пламя свѣчки. «Они приводятъ тѣло въ движеніе самымъ различнымъ способомъ». Перечисленными трудами исчерпывается первый томъ сочиненій Декарта. Переводъ ровный и хорошій. Хорошъ онъ не литературнымъ изяществомъ, а удачнымъ воспроизведеніемъ ритма тяжеловатаго научнаго стиля стараго времени. Жаль одно: въ слишкомъ суровые и шумные дни появляется французскій мудрецъ передъ нашими читателями. Богъ дастъ, обѣщанный второй томъ сочиненій выйдетъ уже при другихъ условіяхъ, и прочтетъ его успокоенная Русь-побѣдительница.

Евг. В.

А. Л. Лоуэлль. Государственный строй Англіи. Т. I. Переводъ съ англійскаго М. Языковой, подъ редакціей и съ предисловіемъ Ѳ. Кокошкина. М. 1915. Стр. XXV+511. Цѣна 3 руб.

Сочиненія современнаго американскаго ученаго профессора гарвардскаго университета Лоренса Лоуэлля пользуются большимъ авторитетомъ въ англо-саксонскомъ мірѣ. Въ частности его книга, первый томъ которой только что

вышелъ въ русскомъ переводѣ, выдержала за послѣднія семь лѣтъ четыре изданія. Уже это одно достаточно говоритъ о ея достоинствѣ.

Въ противоположность профессору Дайси, Лоуэлль не даетъ теоріи англійскаго государственнаго права, не знакомитъ читателя съ его духомъ и не освѣщаетъ современные институты этого права исторически. Онъ просто описываетъ механизмъ политической жизни Англіи, какъ она сложилась къ нашему времени, и въ первомъ томѣ своего труда излагаетъ права и прерогативы монарха, парламента, кабинета министровъ и разъясняетъ взаимодѣйствіе и взаимную зависимость этихъ трехъ политическихъ силъ. Такъ какъ всякое государственное устройство, а англійское въ особенности, покоится не только на писанныхъ законахъ, но и на массѣ обычаевъ и традицій, то для составленія своего труда Лоуэлль пользовался не только печатными матеріалами, но и черпалъ свѣдѣнія непосредственно отъ людей, стоящихъ у самаго дѣла, въ родѣ секретаря палаты общинъ сэра Ильберта, на котораго онъ не разъ и ссылается. Уступая по обилію подробностей извѣстному сочиненію вѣнскаго профессора Редлиха: «Recht und Technik des englischen Parlamentarismus», которое мѣстами пріобрѣтаетъ уже характеръ справочнаго изданія, книга Лоуэлля даетъ отчетливое описаніе парламентскаго дѣлопроизводства и процедуры прохожденія биллей. Для русскаго читателя это положительно лучшій трудъ для ознакомленія съ англійскимъ парламентаризмомъ.

Что касается русскаго перевода, то въ общемъ онъ сдѣланъ очень добросовѣстно, хотя и не свободенъ отъ упрековъ. Такъ, жаль, что рядомъ съ переведенными не сохранены и подлинныя названія англійскихъ должностныхъ лицъ, чрезвычайно путанныя для русскаго читателя. Кто, напримѣръ, сообразитъ, что вице-президентъ совѣта по народному образованію (Vice-President of the Council) и есть министръ народнаго просвѣщенія въ Англіи, что секретарь адмиралтейства (Secretary to the admiralty) есть товарищъ морского министра, а первый комиссаръ по работамъ (First Commissioner of Works)—министръ публичныхъ работъ? Редактору непремѣнно слѣдовало бы выяснить эти названія для русскаго читателя. Точно также слѣдовало бы установить и болѣе твердую терминологію въ названіи учрежденій. А то Board of Trade переводится «вѣдомство» торговли, а Board of Agriculture—«управленіе» земледѣлія.

Невыгодно отозвалось на переводѣ незнакомство переводчика и редактора съ топографіей англійскаго парламента. Такъ, на страницѣ 280 читаемъ: «Широкая колоннада тянется отъ главнаго входа во всю длину зала палаты общинъ». Между тѣмъ никакой колоннады тамъ нѣтъ, а есть металлическіе пилястры, поддерживающіе галлерею для публики. «Верхній конецъ ея занятъ секретарскимъ столомъ»,—члены палаты, не желающіе проявлять свою партійность слишкомъ рѣзко, садятся «ниже прохода по обѣимъ сторонамъ залы». Все это не вѣрно. Залъ палаты общинъ представляетъ продолговатый четыреугольникъ, въ меньшей сторонѣ котораго находится единственный входъ въ залъ, у противоположной прямо противъ входа стѣны тронъ спикера и секретарскій столъ. Безпартійные члены садятся за поперечнымъ проходомъ, раздѣляющимъ залу, т. е. дальше отъ спикера и ближе къ входу. На стр. 285 говорится о какомъ-то преддверьи, въ которое выходятъ члены палаты при голосованіи. На самомъ же

дѣлѣ дѣло идетъ не о преддверьѣ, а о холлѣ (hall), т. е. огромной шестиугольной залѣ съ куполообразнымъ потолкомъ и разноцвѣтными стеклами, какихъ въ зданіи парламента есть нѣсколько. Эти недочеты, способные сбить читателя съ толку, необходимо исправить при дальнѣйшихъ изданіяхъ книги, которыхъ она, несомнѣнно, потребуетъ. Ал. Б.

Б. Юрьевскій. Возрожденіе деревни. Петр. 1915. Стр. 213. Ц. 1 р.

Авторъ полагаетъ, что «Возрожденіе деревни» заключается въ уничтоженіи «черезполосныхъ дураковъ», живущихъ на трехпольѣ въ общинѣ, съ подчиненіемъ личности міру, съ обязательнымъ сѣвооборотомъ и т. д. Все деревенское оскудѣніе, по мнѣнію Б. Юрьевскаго, прекратится, какъ только восторжествуютъ «участковцы», увѣренные въ использованіи ими самими затраченнаго на землю труда, съ точными очертаніями земельныхъ границъ, безъ пропоя общинныхъ лужковъ, съ улучшенной обработкой земли плугами, съ посѣвами клевера, корнеплодовъ, съ артельно-молочнымъ хозяйствомъ, съ огнестойкимъ строительствомъ, съ прокатными машинами, съ случными и зерноочистительными пунктами, съ земскими агрономами, земскими ссудами и т. д. Нужно ли доказывать, что вся эта «самопомощь» не менѣе была бы полезна и въ общинѣ; что вся она вовсе не обусловлена непремѣнно хуторнымъ и отрубнымъ хозяйствами? «Черезполосные дураки» могутъ легко поумнѣть при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ теперь богатѣютъ «участковцы». Въ природѣ общиннаго быта нѣтъ ничего противнаго земельному прогрессу. Напротивъ, кооперативный трудъ общинѣ сроденъ издавна; всѣ неудобства современнаго общиннаго землепользованія устранимы съ прогрессомъ самой общины, т. е. съ переходомъ въ крупное «товарищество», съ правомъ аренды и возобновленіемъ контракта на землю у государства или земства. А выгоды коллективнаго труда и крупнаго капитала—извѣстны всѣмъ экономистамъ. Изъ трудовъ К. Маркса («Капиталъ»), Каутскаго («Аграрный вопросъ»), П. Маслова («Капитализмъ», «Исторія народнаго хозяйства») и другихъ ученыхъ извѣстно, что мелкая земельная собственность предполагаетъ не общественный, а изолированный трудъ. Она, поэтому, враждебна и коопераціи, и концентраціи средствъ производства. Каждая семья живетъ по хуторамъ независимо другъ отъ друга, безъ всякой общности, какъ «картофель въ мѣшкѣ». Но продолжаться такое существованіе долго не можетъ. Налоги, неурожаи, пожары, дожди и засуха, раздѣлы, ростовщики, задолженность, конкуренція дешеваго заокеанскаго зерна, развитіе крупной промышленности и ея побѣды надъ сельской домашней промышленностью, превращеніе крестьянина въ кустаря, работающаго на скупщика, земельныя улучшенія съ крупными затратами, ростъ населенія и дробленіе земель, ихъ истощеніе и продажа въ руки міроѣдовъ—все это губитъ «карликовую собственность» крестьянина, и безъ перехода въ сельско-хозяйственныя товарищества ему грозитъ полное разореніе. Примѣненіе машинъ къ обработкѣ земли, раздѣленіе труда, крупныя меліораціонныя предпріятія, какъ, напримѣръ, устройство отводныхъ и оросительныхъ каналовъ и т. д.—все это дѣлается болѣе и

болѣе невозможнымъ, въ то время какъ непроизводительныя издержки на обработку земли увеличиваются въ томъ же отношеніи, въ какомъ происходитъ ея дробленіе. Но чѣмъ дальше идетъ процессъ дробленія земли, тѣмъ все болѣе клочокъ земли и самый несчастный инвентарь начинаютъ составлять весь капиталъ мелкаго крестьянина; тѣмъ болѣе падаетъ приложеніе капитала къ землѣ; тѣмъ болѣе не хватаетъ малоимущему крестьянину земли, денегъ и образованія для примѣненія данныхъ агрономіи; тѣмъ болѣе регрессируетъ обработка земли. Каждое поколѣніе дѣлаетъ послѣдующее поколѣніе болѣе задолженнымъ, каждое новое поколѣніе начинаетъ жить въ все болѣе тяжелыхъ и неблагопріятныхъ условіяхъ, ипотека рождаетъ новыя ипотеки, и, когда крестьянину нельзя дѣлать новые долги подъ свою землю, т. е. обременять ее новыми ипотеками, онъ попадаетъ къ ростовщику, и тѣмъ чудовищнѣе растетъ ростовщическій процентъ.

Всѣ эти теоретическія соображенія подкрѣпляются исторіей западно-европейскихъ хозяйствъ, но г. Юрьевскій настойчиво указываетъ на торжество въ Россіи хуторного хозяйства. Тѣмъ не менѣе онъ дѣлаетъ такія оговорки, которыя подрываютъ довѣріе къ его агитаціи въ пользу «карликовой собственности». Онъ говоритъ: «Скотъ пасется у большинства хуторянъ свободно подъ присмотромъ пастуховъ (дѣтей) на своемъ участкѣ, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ хуторянамъ приходится арендовать «выхожи» на сторонѣ или сдавать скотъ куда-нибудь въ сосѣднее селеніе на выпасъ. На привязи скотъ пасется только на небольшихъ участкахъ и когда некому изъ семьи присмотрѣть за нимъ. Одно очень нежелательное явленіе приходится наблюдать на хуторахъ. Благодаря болѣе тщательному присмотру за скотомъ во время пастьбы, всѣ ребята школьнаго возраста заняты въ теченіе всего лѣта и осени. Въ виду этого имъ не приходится совсѣмъ посѣщать школу, либо они пропускаютъ много учебнаго времени». Точно также г. Юрьевскій отмѣчаетъ невыгоду мелкаго капитала и въ маслодѣліи по хуторамъ. Замѣчая въ крестьянствѣ стремленіе къ переработкѣ молочныхъ продуктовъ и покупку хуторянами въ значительномъ числѣ сепараторовъ, онъ говоритъ: «подобная переработка молока въ одиночку, разумѣется, нецѣлесообразна, такъ какъ тѣ же двадцать-тридцать хуторянъ, имѣющіе каждый свой сепараторъ, могли бы получать вдвое больше чистаго дохода отъ масла, соединившись въ артель». Не менѣе характерна и ссылка на отзывы самихъ хуторянъ о томъ, что «если крестьяне всѣ разойдутся на хутора, такъ помѣщикамъ смерть придетъ; некому у нихъ работать будетъ». Ну, а недовольные хуторами есть у васъ? —«Есть и такіе, да мало. Это или бездѣтные, которымъ не для кого хлопотать, или малоземельные». Замѣчаніе, что такихъ бездѣтныхъ и безденежныхъ хуторянъ «мало», свидѣтельствуетъ, что большинство благоденствующихъ хуторянъ принадлежитъ къ тѣмъ, у которыхъ было много и денегъ, и рабочихъ рукъ. Въ этомъ случаѣ Б. Юрьевскій солидаренъ съ противникомъ хуторной системы Ив. Коноваловымъ, отзывъ о работѣ котораго данъ въ февральской книгѣ «Историческаго Вѣстника».

А. Фаресовъ.

Жюль Мелинъ. Назадъ къ землѣ. Авторизованный переводъ съ французскаго М. Таль. Подъ редакціей и съ предисловіемъ прив.-доц. В. Ѳ. Тотоміанца. Москва. 1914. Стр. 190. Ц. 1 р. 25 к.

Въ оригиналѣ эта книга носитъ названіе: «Le retour à la terre et la surproduction industrielle». Авторъ ея, бывшій министръ-президентъ, а теперь сенаторъ, цѣлью книги поставилъ изученіе того переворота, который произошелъ въ XIX вѣкѣ, въ особенности въ концѣ его, въ экономической жизни и взаимоотношеніяхъ людей, и тѣхъ результатовъ, которые онъ повлекъ за собой, «дать безпристрастный отчетъ въ добрѣ и злѣ, которыя онъ причинилъ, показать, куда онъ насъ ведетъ, и изыскать средства, чтобы сдѣлать изъ него орудія гармоничнаго развитія и счастія человѣчества».

Эту столь широко, можно сказать, всеобъемлюще поставленную задачу авторъ выполняетъ въ рядѣ сжато и блестяще изложенныхъ статей, касающихся исторіи промышленности во всемъ мірѣ, ея развитія, господства въ ней машинъ, роли рабочихъ и коммерсантовъ, переполненія промышленности и перепроизводства, кризисовъ, безработицы и бродяжничества народныхъ массъ, оторванныхъ отъ земли и выброшенныхъ фабрикой, бѣдственнаго положенія мелкой торговли, возникшаго стремленія къ направленію промышленности по новому пути, въ видѣ установленія болѣе правильныхъ отношеній между индустріей и сельскимъ хозяйствомъ, мѣръ, принимаемыхъ съ этой цѣлью, роли и значенія въ этомъ дѣлѣ факторовъ, съ одной стороны, имѣющихъ задачей улучшеніе условій деревенской жизни, которое сдерживало бы переселеніе изъ деревень въ города, каковы уравненіе налоговъ, коопераціи, женское обученіе и другія, и, съ другой стороны, направленныхъ къ ограниченію размѣровъ безработицы въ промышленныхъ предпріятіяхъ и облегченію положенія безработныхъ, какъ, напримѣръ, сокращеніе рабочаго дня, устройство при фабрикахъ огородовъ и садовъ для рабочихъ, перенесеніе фабрикъ изъ городовъ въ сельскія мѣстности, устройство городовъ-садовъ, въ которыхъ остающіеся безъ дѣла фабричные рабочіе могли бы прилагать свой трудъ къ земледѣлію, и т. п.

Изслѣдованіе приводитъ автора къ убѣжденію, что индустрія въ настоящее время уже достигла крайняго предѣла въ своемъ развитіи и неизбѣжно должна замедлить свое поступательное движеніе, а землевладѣніе и вообще сельское хозяйство должны и могутъ привлекать и всасывать въ себя обратно освобождающіяся въ индустріальной и городской промышленности рабочія силы.

Авторъ свидѣтельствуетъ о повсюду раздающихся призывахъ къ возврату избыточнаго въ городахъ населенія къ землѣ, въ деревню. Раскрывая въ своемъ изслѣдованіи всѣ предложенныя возможности и выгоды этого возврата «назадъ къ землѣ», онъ горячо присоединяетъ свой голосъ къ этимъ призывамъ и рядомъ фактовъ убѣждаетъ въ благодѣтельности этого обратнаго движенія для безработныхъ массъ и въ важности его для установленія здоровыхъ отношеній между фабрично-заводской и сельско-хозяйственной промышленностью, для урегулированія первой и развитія послѣдней.

Относительно Россіи авторъ высказалъ свое особое мнѣніе въ письмѣ къ В. Ѳ. Тотоміанцу. «Ваша родина,—говоритъ онъ въ этомъ письмѣ,—дѣлаетъ теперь такіе колоссальные успѣхи въ области сельскаго хозяйства, что не нуждается въ моихъ совѣтахъ. Россія быстро приближается къ эрѣ безграничнаго благоденствія. Ваше крестьянство, среди крестьянствъ міра, одно изъ самыхъ выносливыхъ и привязанныхъ къ землѣ».

При всемъ томъ, однако, и для Россіи изслѣдованіе автора имѣетъ значеніе, и слѣдуетъ пожелать возможно болѣе широкаго распространенія его и среди русскихъ читателей. Во Франціи оно въ короткое время выдержало шесть изданій и уже переведено на нѣмецкій и англійскій языки. Можно надѣяться, что въ Россіи, которой въ дѣйствительности далеко не чужды затронутые и освѣщенные авторомъ вопросы, книга его встрѣтитъ благопріятный пріемъ и распространеніе ея не ограничится первымъ изданіемъ. Для населенія нашего великаго отечества сохраняетъ полную силу и все свое значеніе приведенная авторомъ въ заключеніе своей книги глубокая мысль, высказанная однимъ китайскимъ мудрецомъ: «Общественное благо можно уподобить дереву: земледѣліе—его корень, а промышленность и торговля—его вѣтви и листья; если корень поврежденъ, то листья осыпаются, вѣтви ломаются,—и дерево умираетъ».

В. Кузнецовъ.

П. Масловъ. Общедоступный курсъ исторіи народнаго хозяйства отъ первобытныхъ временъ до XX столѣтія. Петроградъ. 1915. Стр. 361. Ц. 2 рубля.

По самому заглавію книги видно, что авторъ имѣлъ въ виду написать «учебникъ-пособіе для изученія исторіи народно-хозяйственнаго быта европейскихъ народовъ, включая и Россію». Цѣли своей онъ вполнѣ достигъ, хотя можно бы пожелать болѣе легкаго изложенія трактата. По существу, трудъ г. Маслова устанавливаетъ «общность пути, по которому развивается хозяйство каждаго народа». «Космополитизмъ» экономической и политической жизни народовъ вовсе не стремится сдѣлать черныя племена бѣлыми или обратно, но тѣ и другіе народы, несомнѣнно, переживаютъ одинаково неравномѣрное распредѣленіе матеріальныхъ благъ, политическихъ преимуществъ, алкоголь, проституцію, тѣлесныя наказанія, самовластіе администраціи, безгласность общества и т. д. Закономѣрность хозяйственнаго развитія у всѣхъ народовъ выражается, главнымъ образомъ, въ томъ, что производительность труда отчасти зависитъ отъ естественныхъ условій (отъ урожайности земли въ земледѣліи, отъ количества дичи при охотѣ, отъ количества металловъ при ихъ добываніи и т. д.), но, главнымъ образомъ, отъ орудій и средствъ производства, которыми располагаетъ хозяйство. Чѣмъ лучше орудія и средства, тѣмъ трудъ производительнѣе, тѣмъ меньше требуется труда на производство каждаго продукта. Между тѣмъ въ каждомъ хозяйствѣ количество рабочихъ силъ, которыми оно располагаетъ, ограничено. Поэтому увеличеніе производительности труда имѣетъ огромное значеніе для хозяйственной жизни каждой страны, каждаго хозяйства. Но,—говоритъ г. Масловъ,—сами производители не всегда выигрываютъ отъ развитія хо-

зяйства, а, напротивъ, часто оказываются въ худшемъ положеніи, чѣмъ на предыдущей степени развитія. Напримѣръ, закрѣпощеніе крестьянъ сопровождалось увеличеніемъ ихъ продукціи, такъ какъ они все большую и большую часть производимыхъ продуктовъ должны были отдавать помѣщику. Положеніе крестьянъ ухудшилось, хотя продукція народнаго хозяйства увеличилась, одновременно съ увеличеніемъ помѣщиковъ, духовенства, горожанъ и проч. Точно также при началѣ развитія капитализма производство увеличивается, но потребленіе производительныхъ классовъ рѣзко сокращается и положеніе ихъ ухудшается.

Въ особенности типичны черты космополитизма въ хозяйственномъ быту всѣхъ народовъ съ его переходомъ въ капиталистическую стадію развитія; чѣмъ больше развивается крупное машинное производство, тѣмъ больше рабочихъ рукъ и капитала переходитъ на производство орудій и средствъ производства. «Передвиженіе производительныхъ силъ (рабочихъ рукъ и капитала) на производство средствъ и орудій производства происходитъ потому, что накопляющійся у производителей капиталъ затрачивается въ большемъ и большемъ количествѣ на увеличеніе основного капитала, на зданія, орудія, машины, матеріалъ и въ относительно меньшемъ количествѣ на заработную плату, которая затрачивается рабочими на предметы непосредственнаго потребленія».

Роль перераспредѣленія производительныхъ силъ въ народномъ хозяйствѣ подробно выяснена г. Масловымъ въ его спеціальномъ трудѣ «Капитализмъ».

Неблагопріятное для рабочаго класса перераспредѣленіе производительныхъ силъ ослабляется товариществами мелкихъ производителей (коопераціями).

«Вовлеченные въ товарный обмѣнъ,—говоритъ г. Масловъ,—мелкіе производители-хозяева вынуждены использовать различныя техническія улучшенія, чтобы бороться съ конкурренціей крупнаго капитала. Это удается главнымъ образомъ въ сельскомъ хозяйствѣ, гдѣ не требуется такихъ значительныхъ затратъ на организацію совмѣстной обработки продуктовъ». Происходитъ не только концентрація производства въ видѣ все болѣе и болѣе крупныхъ предпріятій и объединеніе этихъ предпріятій для регулированія производства, но и роль предпринимателей въ крупныхъ предпріятіяхъ измѣняется. Организація и руководство предпріятіемъ постепенно переходитъ изъ рукъ владѣльца капитала, акціонера, въ руки наемныхъ служащихъ, инженеровъ, управляющихъ и т. д., а роль предпринимателя начинаетъ сводиться лишь къ полученію прибыли отъ предпріятій, въ веденіи которыхъ онъ не принимаетъ никакого участія. Появляется цѣлый рядъ предпріятій, которыя не принадлежатъ отдѣльнымъ лицамъ или группамъ лицъ, а всему обществу. Государства, города, земства и т. д. являются организаторами и владѣльцами предпріятій, удовлетворяющихъ потребности страны».

Такова, по изслѣдованію П. Маслова, въ общихъ чертахъ исторія народнаго хозяйства у всѣхъ народовъ, идущихъ за временемъ.

А. Фаресовъ.

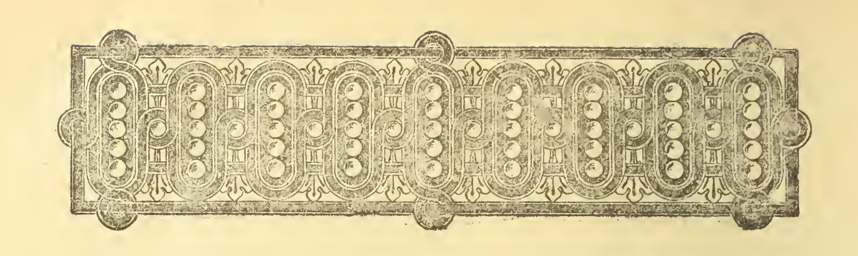
Къ пятидесятилѣтію земскихъ учрежденій. Къ исторіи организаціи и первыхъ шаговъ земства въ Саратовской губерніи. Изданіе саратовской ученой архивной комиссіи. Саратовъ. 1914. Стр. 74. Цѣна не указана.

Исторія пятидесятилѣтней дѣятельности нашихъ земствъ — славная страница въ исторіи русской общественности, и брошюра, о которой мы хотимъ сказать нѣсколько словъ, является интересной сводкой дѣятельности саратовскаго земства за три первыя сессіи. Изъ предисловія къ брошюрѣ мы узнаемъ, что саратовская архивная комиссія подготовляетъ обширный трудъ о дѣятельности всего земства за пятидесятилѣтній періодъ, тогда мы и вернемся къ обозрѣнію будущаго труда. Но нельзя не отмѣтить и изданной брошюры, вѣдь это, такъ сказать, первые шаги общественнаго ребенка, на зарѣ лѣтъ, когда такъ живы всѣ впечатлѣнія бытія и когда такъ много надеждъ на будущее. Особенно интересна глава—«Подготовительный періодъ», въ которой разсказывается, какъ отнеслось населеніе къ новому дѣлу, какія препятствія къ осуществляемому выпустили свои когти и какъ первые земцы отнеслись къ этимъ препятствіямъ. Въ брошюрѣ цитируются жалобы нѣкоторыхъ изъ лицъ, обойденныхъ на выборахъ, а развѣ же жалобы эти не живое слово людей, уже ушедшихъ отъ насъ, людей, которые хотѣли послужить ради нашихъ будущихъ интересовъ.

Брошюра иллюстрирована снимками и портретами и интересна и для исторіи такъ называемаго «третьяго земскаго элемента», который, какъ извѣстно, сыгралъ громадную роль въ дѣлѣ осуществленія новыхъ прогрессивныхъ началъ жизни. В. В. Б.

Систематическій указатель содержанія «Историческаго Вѣстника» за семь лѣтъ. 1905—1911. Составили В. Е. Рудаковъ и Т. А. Мартемьяновъ. Пгр. 1915. Стр. 320. Ц. 4 р.

Настоящій указатель по своему плану и исполненію примыкаетъ къ вышедшему въ 1908 году аналогичному труду, составленному Б. М. Городецкимъ. Продолженіе работы г. Городецкаго взялъ на себя В. Е. Рудаковъ, но, вслѣдствіе преждевременной кончины его, трудъ его остался незавершеннымъ, именно работѣ не хватало главнымъ образомъ алфавита личныхъ именъ. Составленіе его, равно какъ провѣрку карточекъ принялъ на себя Т. А. Мартемьяновъ. Подробное перечисленіе помѣщаемыхъ въ «Смѣси» всѣхъ сколько нибудь выдающихся явленій нашей умственной жизни, а также длинный перечень юбилейныхъ и некрологическихъ замѣтокъ о выдающихся русскихъ дѣятеляхъ сообщаютъ «Указателю» характеръ общеполезнаго справочника. Нельзя не отмѣтить, что размѣры журнала сильно разрослись: за первыя 25 лѣтъ въ немъ помѣщено было 9525 статей и замѣтокъ и 2993 рисунка, а теперь, только за 7 лѣтъ,—4362 статьи и замѣтки (изъ нихъ 1670 отзывовъ о книгахъ) и 1183 рисунка. Л. Л.

Съ 15 мая по 15 іюня въ редакцію „Историческаго Вѣстника“ поступили для отзыва слѣдующія книги:

Уставъ о гербовомъ сборѣ (Св. Зак. т. V, Уставы о пошлинахъ, изд. 1903 г. по прод. 1912 и 1913 г.г., ст. ст. 1—200), дополненный позднѣйшими узаконеніями по 11 февраля 1915 года, инструкціями министра финансовъ и алфавитнымъ перечнемъ бумагъ, актовъ и документовъ, подлежащихъ гербовому сбору и отъ него изъятыхъ, исправленнымъ по нынѣ дѣйствующимъ ставкамъ. Составили А. П. Студенцовъ и Б. Ф. Стурцель подъ ред. В. К. Крюковскаго. Изданіе неофиціальное, т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Пгр. 1915. Стр. 584. Ц. 3 р. 50 к.

Императоръ Александръ I. Послѣдніе годы царствованія, болѣзнь, кончина и погребеніе. По личнымъ воспоминаніямъ лейбъ-хирурга Д. К. Тарасова. Съ иллюстраціями. Изданіе т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Пгр. 1915. Стр. XIV+226. Ц. 1 р. 25 к.

Арсеній, архіепископъ новгородскій. На духовной страдѣ. Слова и рѣчи. Пгр. 1914. Т. I. Стр. VIII+336. Ц. 1 р. 50 к. Т. II. Стр. VIII+304. Ц. р. 150 к.

А. Степовичъ. Славянскія извѣстія. Воронежъ. 1914. Стр. 73. Цѣна не обозн.

И. С. Никитинъ. Полное собраніе сочиненій и писемъ. Провѣренный по рукописямъ и первоначальнымъ источникамъ текстъ и варіанты. Подъ редакціей, съ біографическими очерками, статьями и примѣчаніями А. Г. Фомина. Кн-во «Просвѣщеніе». Пгр. 1915. Стр. 416. Ц. 1 р. 25 к.

Военные флоты. 1915. Россійскій императорскій флотъ и флоты Германіи и Турціи. 3-й годъ изданія. Подъ редакціей старшаго лейтенанта К. Г. Житкова и Н. Н. Нордмана. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. Пгр. 1915. Стр. 239. Ц. 1 р. 75 к.

Настоящая книжка даетъ элементарныя свѣдѣнія о военно-морской силѣ и военномъ флотѣ Россіи (по 1914 г.), а также и воюющихъ съ нами державъ; кромѣ того, имѣется обзоръ военныхъ дѣйствій на морѣ за первое полугодіе текущей войны. Книга снабжена множествомъ рисунковъ, чертежей и силуэтовъ судовъ.

С. И. Апанасенко. Земскіе пути къ народному богатству. Звенигородка, Кіевск. губ. 1915. Стр. 49. Цѣна не обозн.

Армянскій сборникъ. Кн-во «Звѣзда» Н. Н. Орфенова. М. 1915. Стр. 266. Ц. 1 р. 50 к.

Настоящій сборникъ имѣетъ своей цѣлью познакомить русское общество съ судьбами многострадальнаго армянскаго народа, съ его историческимъ прошлымъ, современнымъ положеніемъ, съ взглядами, мечтами и запросами армянскихъ общественныхъ дѣятелей и представителей армянскаго народа и, наконецъ, съ тѣмъ, что внесъ онъ своего въ общую культурную работу человѣчества. Не претендуя на энциклопедическую полноту въ освѣщеніи этихъ вопросовъ, сборникъ, однако, дости-

гаетъ своей цѣли и сообщаетъ много полезныхъ свѣдѣній объ Арменіи, мало извѣстной русскому обществу. Въ сборникъ вошли статьи: Юр. Веселовскаго, К. Костанянца, А. Чобаньяна, А. Дживелегова, свящ. А. Симеоньянца, В. Томіанца и С. Кара-Мурзы. Жаль, что книга обезображена нелѣпой обложкой какого-то футуриста. Издатель долженъ былъ бы позаботиться о приличной внѣшности хорошихъ серьезныхъ книгъ.

П. М. Дрейманъ. Методика исторіи. Ч. I (теоретическая). Рига. 1915. Стр. 76. Ц. не обозн.

В. М. Гуссонъ. Учебникъ синтаксиса русскаго языка (въ связи съ морфологіей) для средн. учебн. завед. Съ приложеніемъ главы о періодѣ. Кременчугъ. 1915. Стр. 130. Ц. 65 к.

Ф. Орловъ. Легенда о Филаретѣ Никитичѣ. 1614—1615. Изданіе 3-е, дополненное. Пгр. 1915. Стр. 120. Ц. 75 к.

Маркъ Чертванъ. Мирные завоеватели. Повѣсть. Пгр. 1915. Стр. 166. Ц. 1 р. 25 к.

Баронъ Д. Г. Гинцбургъ О русскомъ стихосложеніи. Опытъ изслѣдованія ритмическаго строя стихотвореній Лермонтова. Посмертное изданіе съ портретомъ автора. Подъ ред. и съ предисл. Г. М. Князева. Пгр. 1915. Стр. 268. Ц. не обозн.

Это тщательное и вдумчивое изслѣдованіе, къ сожалѣнію, не вполнѣ законченное, имѣетъ цѣлью доказать слѣдующія положенія: «Въ основаніи русскаго стиха лежитъ логическое удареніе; рамкою стиха долженъ служить четырехдольный тактъ. Не слѣдуетъ вѣрить, что соблюденіе стопъ составляетъ непремѣнную, неотъемлемую принадлежность стиха. Отъ поэта, или, скорѣе, отъ его внутренняго чувства, зависитъ умножать или уменьшать число слоговъ отъ ударенія до ударенія, лишь бы тактъ остался нетронутымъ. Допускаются паузы, но онѣ должны вытекать изъ самаго построенія стиха, и внѣшняя примѣта, въ родѣ риѳмы, не является лишнимъ знакомъ». Эти положенія авторъ отчасти выясняетъ изъ разбора стихосложенія Лермонтова, причемъ попутно дѣлаетъ любопытные экскурсы въ лабораторію его творчества; это придаетъ книгѣ особый интересъ.

Проф. В. Ф. Залѣскій. Отклики войны. (Десять стихотвореній). Казань. 1915. Стр. 31. Ц. 20 к.

Ладо. Сборникъ литературно-общественный, посвященный нарождающейся русской націоналъ-демократіи. Изд. 2-е. Пгр. 1915. Стр. 240. Ц. 1 р. 25 к.

Отчетъ о дѣятельности петроградскаго славянскаго благотворительнаго общества за 1913 годъ. Пгр. 1915. Стр. 290. Цѣна не обозн.

Н. Г. Высоцкій. Хлыстъ или параноикъ? М.1915. Стр. 20. Ц. не обозн.

Г. Ивановъ. Памятникъ славы. Стихотворенія. Изданіе «Лукоморье» Пгр. 1915. Стр. 79. Ц. 1 р.

Изящно изданная маленькая книжка стиховъ Георгія Иванова прочтется съ интересомъ. Поэтъ очень чутко относится къ современнымъ военнымъ событіямъ, которыя и отразились въ отдѣлахъ «Нерушимая стѣна» и «Знамена друзей». Хороши также стихотворенія, посвященныя нашей «Столицѣ на Невѣ». Книжечка украшена стильной обложкой художника Е. Нарбута.

М. Долиновъ. Радуга. Элегіи, идилліи, буколики, оды и мадригалы. Изданіе «Лукоморье». Пгр. 1915. Стр. 63. Ц. 75 к.

Америка о войнѣ. Отвѣтъ на воззваніе германскихъ профессоровъ. Переводъ съ англійскаго. Пгр. 1915. Стр. 36. Ц. 30 к.

Труды воронежской ученой архивной коммиссіи. Вып. V. Подъ редакціей С. Звѣрева. Воронежъ. 1914. Стр. VIII+704. Ц. 2 р.

М. Ѳ. Соловьевъ. Война и русское самосознаніе. Омскъ. 1915. Стр. 50. Цѣна не обозн.

Проф.-прот. А. М. Клитинъ. Письменныя работы по закону Божію въ старшихъ классахъ мужскихъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія и пособія къ нимъ. Одесса. 1915. Стр. 74. Цѣна не обозн.

— Нѣмецкое направленіе русскаго богословія. Одесса. 1915. Стр. 28. Ц. не обозн.

Брошюра прот.-проф. А. М. Клитина посвящена основательному разбору богословскаго труда проф. о. Свѣтлова «Христіанское вѣроученіе въ апологетическомъ изложеніи. Томы I и II. Кіевъ. 1910 и 1912 г.г.». Въ связи съ критическимъ разборомъ названнаго сочиненія проф. Клитинъ приводитъ рядъ поучительныхъ и яркихъ примѣровъ того, какъ даже въ православномъ богословіи даетъ себя чувствовать пресловутое нѣмецкое засилье. Брошюра проф. Клитина явится необходимымъ дополненіемъ къ статьямъ проф. А. А. Бронзова и М. О. Меньшикова, которые уже писали по затронутому вопросу.

Дѣятельность духовенства и обителей калужской епархіи по оказанію помощи

больнымъ и раненымъ воинамъ въ Великую Отечественную войну съ Германіей и Австро-Венгріей. (Съ 12 авг. 1914 по 1 янв. 1915 г.). Калуга. 1915. Стр 29+IX. Ц. не обозн.

Великій князь Николай Михайловичъ. Русскій некрополь въ чужихъ краяхъ. Вып. 1-й. Парижъ и его окрестности. Пгр. 1915. Стр. XXIII+101. Ц. 1 р. 50 к.

Б. А. Тураевъ. Разсказъ египтянина Синухета и образцы египетскихъ документальныхъ автобіографій. Культурно-историческіе памятники древняго Востока подъ ред. проф. Б. А. Тураева. М. 1915. Стр. 70. Ц. 80 к.

Императорское московское археологическое общество въ первое пятидесятилѣтіе его существованія (1864—1914 г.г.). Т. II. Подъ ред. графини П. С. Уваровой и И. Н. Бороздина. М. 1915. Стр. XXII+256. Ц. не обозн.

П. П. Гнѣдичъ. Сочиненія. Т. VIII. На окраинѣ. Повѣсти и разсказы. Изданіе т-ва А. Ф. Марксъ. Пгр. 1915. Стр. 356. Ц. 1 р. 25 к.

В. Я. Свѣтловъ. Сочиненія. Т. VII. Вешній потокъ. Изданіе А. Ф. Марксъ Пгр. 1915. Стр. 378. Ц. 1 р. 25 к.

Труды воронежской ученой архивной комиссіи. Вып. V. Подъ редакціей правителя дѣлъ комиссіи протоіерея Ст. Звѣрева. Воронежъ. 1914. Стр. VIII+704. Цѣна 2 р.

Книга содержитъ составленное В. Тевяшовымъ описаніе древнихъ актовъ, собранныхъ Н. И. Второвымъ и хранящихся въ воронежскомъ губ. музеѣ (№№ 1227—8727) за періодъ времени съ 1673 г. и кончая первыми годами правленія Петра I. Болѣе интересные документы приведены цѣликомъ. По словамъ г. Тевяшова, въ актахъ «заключается обширный запасъ матеріаловъ для сужденія о домашнемъ бытѣ населенія одной изъ окраинъ Московскаго государства въ XVII вѣкѣ и для оцѣнки экономическаго состоянія его». Къ описанію приложенъ подробный указатель именъ, составленный В. М. Казьминымъ.

М. Влагинъ. Разсказы. Изданіе «Лукоморье». Пгр. 1915. Стр. 166. Ц. 1 р. 25 к.

Самый большой разсказъ изъ книги г. М. Влагина—«На зарѣ жизни»—посвященъ описанію нашей провинціальной гимназіи и рисуетъ яркую картину казенной бурсы во всей ея ужасной и отталкивающей наготѣ. Теперь, когда у насъ раздается такъ много разговоровъ о реформѣ средней школы, этотъ разсказъ г. Влагина лишній разъ еще подчеркиваетъ всю ту скверну, которой полны наши казенно-классическія гимназіи. Разсказъ написанъ съ тою горячею прочувствованностью, которую даютъ лишь собственныя переживанія и страданія въ стѣнахъ этихъ учебныхъ заведеній. Остальные разсказы посвящены студенчеству; особенно хорошъ изъ нихъ «Рождественскій дѣдъ». Большое вниманіе привлекаетъ также чудный разсказъ изъ жизни учителей—«Весною». Вообще вся книга читается съ неослабѣвающимъ интересомъ.

М. Л. Михайловъ. Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. П. В. Быкова. Т. IV. Изданіе А. Ф. Маркса. Пгр. 1915. Стр. 334. Ц. 1 р. 25 к.

Фритьофъ Нансенъ. Въ страну будущаго. Великій Сѣверный путь изъ Европы въ Сибирь черезъ Карское море. Переводъ А. и П. Ганзенъ. Изданіе К. И. Ксидо. Пгр. 1915. Стр. 454. Ц. 3 р. 50 к.

В. П. Лебедевъ. На зарѣ славянства. Очеркъ. Изданіе П. П. Сойкина «Знаніе для всѣхъ». Пгр. 1915. Стр. 32. Ц. 50 к.

Очеркъ В. П. Лебедева «На зарѣ славянства» знакомитъ въ легкой общедоступной формѣ съ жизнью и дѣятельностью святого и равноапостольнаго князя Владимира, а также сообщаетъ попутно свѣдѣнія о политическомъ и культурномъ положеніи великаго княжества Кіевскаго. Книга обильно иллюстрирована.

В. П. Вещининъ. Современныя задачи Россіи на сѣверѣ Персіи. Пгр. 1915. Стр. 26. Цѣна не обозначена.

Н. И. Ефимовъ. Народная словесность. Программа-конспектъ лекцій, читанныхъ на юрьевскихъ высшихъ женскихъ курсахъ въ 1914—15 акад. г. Юрьевъ. 1915. Стр. 40. Цѣна не обозначена.

М. И. Тростянскій. Голосъ стараго педагога по вопросамъ обновляемой русской школы. Кіевъ. 1915. Стр. 56. Ц. 50 к.

Н. Колесниковъ. Сказки войны. Эскизы и аккорды. Казань. 1915. Стр. 88. Ц. 1 р.

Ю. И. Клецанда. Чешко-словацкая литература, исторія и древности въ 1913 г. Пгр. 1915. Стр. 136. Цѣна не обозначена.

Настоящая работа представляетъ собою оттискъ изъ изданія «Обозрѣніе трудовъ по славяновѣдѣнію». 1913, вып. 1.

Н. Грушко. Пламя вѣчное. Пгр. 1915. Стр. 138. Ц. 1 р.

Н. М. Даниловъ. Иванъ Ивановичъ Козловъ. Пгр. 1914. Стр. 61. Цѣна не обозначена.

Книга Н. М. Данилова имѣетъ своей задачей свести въ одно цѣлое появившіеся въ различныхъ органахъ печати матеріалы о жизни И. И. Козлова и путемъ тщательнаго критическаго пересмотра этихъ матеріаловъ подготовить болѣе или менѣе основательный фундаментъ для біографіи этого незаслуженно забытаго русскими читателями поэта.

А. К. Дживелеговъ. Александръ I и Наполеонъ. Историческіе очерки. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1915. Стр. VII+301. Ц. 1 р. 75 к.

А. Мейснеръ. Въ паутинѣ религіи. Шестая книга стиховъ. Изданіе общества «Ars». Пгр. 1915. Стр. 92. Ц. 80 к.

В. Свенцицкій. Граждане неба. Мое путешествіе къ пустынникамъ Кавказскихъ горъ. Пгр. 1915. Стр. 167. Ц. 1 р. 25 к.

Извѣстія таврической ученой архивной комиссіи. № 52. Подъ ред. А. И. Маркевича. Симферополь. 1915. Стр. 279. Цѣна не обозначена.

Ежегодникъ тобольскаго губернскаго музея, состоящаго подъ августѣйшимъ Его Императорскаго Величества покровительствомъ. 1913. Вып. XXIII. Тобольскъ. 1915. Стр. VII+358. Цѣна не обозначена. То же. Вып. XXIV. Тобольскъ. 1915. Стр. 30+14+14+32+22+13+48+58+8. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Вып. XXIII содержитъ систематическій каталогъ библіотеки музея съ указаніемъ именъ, составленный г-жей Пигнатти. XXIV вып. содержитъ рядъ статей по естествовѣдѣнію и этнографіи. Изъ нихъ особенно интересны сообщенія г. Тарасова о поѣздкѣ на полуостровъ Ямалъ и г. Дмитріева-Садовникова о лукѣ ваховскихъ остяковъ и охотѣ съ нимъ.

В. Козловъ. Подъ грозою. Разсказы. Изданіе «Лукоморье». Пгр. 1915. Стр. 156. Ц. 1 р. 50 к.

Книга разсказовъ В. Козлова почерпаетъ свое содержаніе изъ событій настоящей войны. Передъ читателемъ происходитъ цѣлая галлерея различныхъ событій и людей, которыхъ захлестнула или подняла на свой гребень волна военной дѣйствительности. Нашли здѣсь отраженіе и новыя взаимоотношенія поляковъ, русскихъ и евреевъ въ Польшѣ, и разные случаи изъ казацкой боевой жизни, представлены яркіе типы нашихъ солдатъ, офицерства, нѣмцевъ, мирнаго населенія въ районахъ военныхъ дѣйствій. Особенно запоминаются разсказы «Христопродавцы» и «Хитрецы». Книга читается съ неослабѣвающимъ интересомъ. Замѣтимъ, кстати, что новое книгоиздательство «Лукоморье», такъ энергично поведшее свою дѣятельность и издавшее въ короткое время немало новыхъ книгъ, выпускаетъ свои изданія на хорошей бумаги, изящно и съ великолѣпными стильными обложками художниковъ Нарбута, Митрохина и др.

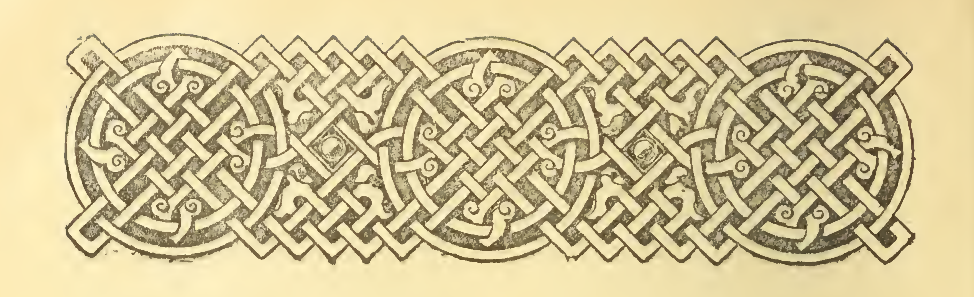
Лаврецкій (Бор. Суворинъ). До войны. По Германіи на автомобилѣ (въ 1913 и 1914 гг.) и очерки «День за днемъ». Изданіе 2-е, дополненное. «Библіотека «Вечерняго Времени». Пгр. 1915. Стр. 302. Ц. 1 р. 25 к.

Д. Кайгородовъ. Собиратель грибовъ. Карманная книжка, содержащая въ себѣ описаніе важнѣйшихъ съѣдобныхъ, ядовитыхъ и сомнительныхъ грибовъ, растущихъ въ Россіи. Изданіе 6-е, т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Пгр. 1915. Стр. VIII+100. Цѣна не обозначена.

Проф. В. Бузескулъ. Современная Германія и нѣмецкая историческая наука XIX столѣтія. Пгр. 1915. Стр. 72. Ц. 60 к.

Эта интересная брошюра проф. Бузескула имѣетъ своей задачей выяснить происхожденіе и развитіе теперешней нѣмецкой идеологіи, которая рельефнѣе всего проявилась въ нѣмецкой исторической наукѣ и началась гораздо раньше 1866 и 1870 гг. «Небывало быстрые успѣхи прусскаго оружія, разгромъ Австріи и Пруссіи, Бисмаркъ и его политика «крови и желѣза»,—говоритъ проф. Бузескулъ,—не только факторы, дѣйствовавшіе въ извѣстномъ направленіи, но и результатъ предшествующаго развитія, плодъ, выросшій на благодарной почвѣ»... Авторъ подвергъ разбору труды выдающихся представителей нѣмецкой исторической науки, начиная съ Арндта, Нибура и друг. и до нашихъ дней. Книга эта много помогаетъ понять весь современный духъ Германіи и ея лучшихъ умовъ.

НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

Нѣмецкое засилье въ средневѣковой Англіи.—Въ майской книжкѣ лондонскаго журнала «The National Review» помѣщена чрезвычайно любопытная для насъ русскихъ статья Д. Кольвина о нѣмецкомъ засильѣ въ Англіи временъ Шекспира. Изъ приводимыхъ ниже историческихъ фактовъ читатель легко замѣтитъ нѣкоторую аналогію съ тѣмъ, что происходило послѣдніе годы и у насъ въ Россіи. Стоитъ только перемѣнить нѣкоторыя названія, и, напримѣръ, подъ ганзейскимъ союзомъ подразумѣвать современные у насъ банки, работающіе нѣмецкими капиталами, и сходство само собою бросится въ глазахъ. Англичане точно такъ же, какъ и мы, не могли освободиться отъ нѣмцевъ, пока не настала національная реакція и не разыгралась счастливая для англичанъ война. Только они, сбрасывая нѣмецкое ярмо, были смѣлѣе насъ и сумѣли покончить съ нимъ самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Какъ извѣстно, въ средніе вѣка вся торговля Сѣверной Европы была въ рукахъ такъ называемаго Ганзейскаго союза. Союзъ этотъ былъ прусскаго происхожденія и первоначально находился подъ особымъ покровительствомъ гросмейстера Тевтонскаго ордена. Главными торговыми городами, гдѣ дѣйствовалъ союзъ, были Любекъ, Гамбургъ и Кельнъ, но, кромѣ нихъ, въ него входило еще до семидесяти городовъ въ разныхъ странахъ. Военное и морское могущество Ганзы было таково, что Данія, Швеція и Норвегія, вмѣстѣ взятыя, не могли ей противиться. Склады Ганзы находились и у насъ въ Новгородѣ Великомъ, и въ Польшѣ, и въ Венгріи, которая одно время стала было совершенно германской колоніей. На югѣ Ганза доходила до Средиземнаго моря и вела об-

ширную торговлю съ венеціанцами, флорентійцами и генуэзцами, привозя южные товары въ центральную Европу. Во Фландріи самымъ большимъ городомъ, входившимъ въ ганзейскій союзъ, былъ Брюгге, центръ тогдашнихъ суконныхъ фабрикъ. Въ Лондонѣ у ганзейцевъ былъ свой дворъ, такъ называемый Steelyard, расположенный въ теперешнемъ City, и, кромѣ того, товарные склады въ Бристолѣ, Линнѣ и многихъ приморскихъ городахъ. Въ средніе вѣка Англія была самымъ большимъ производителемъ шерсти. Ганзейскіе купцы-нѣмцы вывозили эту шерсть изъ Англіи, направляли ее въ Брюгге, гдѣ изъ нея дѣлалось сукно, которое они на своихъ корабляхъ и ввозили обратно въ Англію.

Въ 1206 году англійскій король даровалъ гамбургскимъ и любекскимъ купцамъ такую же хартію, которую получили уже кельнскіе купцы. Такимъ образомъ ганзейскій союзъ сталъ въ Англіи на прочныя ноги. Слѣдующіе тринадцать королей подтверждали и увеличивали данныя союзу привилегіи. Германцевъ водворили въ Англіи главнымъ образомъ два англійскихъ короля: Генрихъ III, извѣстный тѣмъ, что никогда не платилъ своихъ долговъ и не исполнялъ своихъ обѣщаній, и Ричардъ II, который подъ конецъ своего нелѣпаго царствованія открыто объявилъ себя «ничтожнымъ и ненужнымъ».

Пруссаки-ганзейцы платили со всѣхъ ввозимыхъ ими товаровъ ничтожную пошлину въ размѣрѣ всего одного процента съ продажной цѣны товара. Не довольствуясь устройствомъ оптовыхъ складовъ, они начали открывать и лавки для розничной продажи своихъ товаровъ. Затѣмъ они принялись скупать дома и открывать гостиницы, очень скоро ставшія сборными мѣстами всего веселящагося Лондона, такъ какъ въ этихъ гостиницахъ продавались нѣмецкія вина. Мало-по-малу нѣмцы захватили въ свои руки всю торговлю сельдями и топили всякую рыбачью лодку, которая только осмѣливалась приблизиться къ отведеннымъ имъ для ловли сельдей участкамъ моря. Все шире и шире прибирали нѣмцы къ рукамъ всю торговую жизнь Англіи, пока наконецъ англичане, выведенные изъ себя тѣмъ, что изъ нихъ высасываютъ всѣ соки, не рѣшили вступить въ борьбу съ нѣмецкимъ засильемъ. Да и пора было. Когда патріотически настроенный Эдуардъ III рѣшилъ для оживленія англійской промышленности выписать въ свое королевство нѣсколькихъ фламандскихъ ткачей, нѣмцы подняли противъ этого сильный протестъ. Не имѣя возможности сломить Эдуарда силою, они опутали его въ финансовыхъ дѣлахъ, такъ что въ концѣ концовъ даже самая корона Эдуарда оказалось въ залогѣ въ Кельнѣ. Волей-неволей пришлось отдать нѣмцамъ въ долгосрочную аренду свинцовые рудники въ Корнваллисѣ.

Въ 1376 году лондонцы подали въ парламентъ петицію о нѣмецкомъ засильѣ, въ которой указывали, что нѣмцы пооткрывали лавки, свели къ нулю всѣ ихъ вольности, дѣйствуя въ качествѣ закладчиковъ и выдавая секреты страны ея врагамъ. Петиція была уважена, но нѣмцы сумѣли повернуть дѣло такъ, что распоряженія англійскаго правительства почти не коснулись ихъ, и несчастные лондонцы скоро поняли, что ихъ продали. Въ 1393 году англійскій король послалъ даже три корабля на помощь Даніи, Норвегіи и Швеціи, боровшимся противъ ганзейско-прусскаго засилья. Съ этого времени и до начала XV вѣка

шла непрерывная глухая борьба между Англіей и Ганзейскимъ союзомъ. Нѣмцы нападали на англійскія купеческія суда въ Сѣверномъ морѣ и топили ихъ. Иногда они даже высаживались на англійскіе берега и безжалостно выжигали и опустошали все вокругъ себя. Англичанъ, имѣвшихъ несчастіе попасть къ нимъ въ плѣнъ, они вѣшали на мачтахъ своихъ кораблей.

Кромѣ открытой войны, прусская Ганза объявила Англіи и войну экономическую: англійскіе купцы были лишены всякаго покровительства въ Германіи, и ни одинъ городъ Ганзейскаго союза не смѣлъ допускать на свою территорію ни одного ярда англійскаго сукна. Въ 1409 году Англія не выдержала этой двойной борьбы и сдалась. Король долженъ былъ заплатить огромную контрибуцію, возобновилъ торговый договоръ съ Пруссіей и гарантировалъ ганзейскимъ купцамъ большія привилегіи.

Свободную торговлю, которой якобы добивались нѣмцы, они, разумѣется, понимали въ смыслѣ возможности для себя свободно эксплоатировать англичанъ. Въ 1432 году англичане опять подаютъ жалобу на то, что ихъ купцы подвергаются всяческимъ стѣсненіямъ въ Германіи. Черезъ пять лѣтъ приносится новая жалоба на нѣмцевъ: они не позволяютъ никому торговать съ Исландіей иначе, какъ подъ ихъ контролемъ. Но ганзейцы прочно захватили въ свои руки англійское правительство, снабжая его деньгами, необходимыми для войны съ Франціей. Вмѣсто принятія какихъ-нибудь мѣръ противъ экономическаго порабощенія своей страны нѣмцами англійскій король принужденъ былъ даровать нѣмецкимъ купцамъ новыя льготы. Чтобы избавить ихъ отъ судебной волокиты, какъ говорилось въ грамотѣ, всѣ ихъ дѣла впредь должны разбираться двумя особыми судьями, назначенными королемъ. Если сообразить, что этими судьями были лица, угодныя нѣмцамъ и ими ставленныя, то станетъ понятно, что ганзейцы сдѣлались въ Англіи совершенно безотвѣтственными и ни суда, ни расправы на нихъ найти было нельзя.

Народное раздраженіе противъ нѣмцевъ продолжало расти и накопляться. Уже въ 1440 году англійское правительство, считаясь съ общественнымъ мнѣніемъ, принуждено было принять противъ нѣмецкаго засилья кое-какія мѣры. Но нѣмцы и тутъ сумѣли парализовать эти мѣры, и черезъ тридцать лѣтъ отведенныя подъ ихъ склады мѣста въ Лондонѣ, Бристолѣ, Линнѣ сдѣлались ихъ полной собственностью. Имъ дано было разрѣшеніе свободно торговать виномъ, товары ихъ проходили безъ досмотра таможенными чиновниками. Они даже держали на откупу одну изъ лондонскихъ заставъ и во всякое время могли открыть врагу ворота англійской столицы.

Въ 1493 году народъ потерялъ наконецъ всякое терпѣніе, разгромилъ нѣмецкіе склады и безпощадно убивалъ всякаго, кто не могъ произнести какъ слѣдуетъ двухъ англійскихъ словъ: bread (хлѣбъ) и cheese (сыръ).

Освобожденіе страны отъ нѣмецкаго засилья началось лишь съ воцареніемъ Тюдоровъ.

«Пришло наконецъ время,—пишетъ одинъ изъ англійскихъ историковъ,—когда открылись глаза Англіи на тотъ огромный вредъ, который вызывался покровительствомъ нѣмцамъ».

Въ 1497 году Генрихъ VII воспретилъ нѣмцамъ захватывать въ свои руки

торговлю английскими сукнами, а вслѣдъ за нимъ Эдуардъ отмѣнилъ привилегіи ганзейцевъ и обложилъ всѣ ихъ товары таможенной пошлиной въ 20%, чѣмъ снискалъ горячую къ себѣ любовь народа.

Но ганзейскіе купцы отнюдь не хотѣли уступать поле битвы и работали со свойственной германцамъ настойчивостью и хитростью. Они устроили такъ, что англійская королева Марія вышла замужъ за сына императора Карла V, знаменитаго по своей жестокой борьбѣ съ Нидерландами Филиппа II Испанскаго. Такимъ образомъ, Англія была втянута въ сферу вліянія австрійско-испанскихъ Габсбурговъ, и при англійскомъ дворѣ у нихъ былъ свой вѣрный человѣкъ. Королева Марія скоро возстановила всѣ привилегіи нѣмецкихъ купцовъ и даже освободила ихъ отъ всякой пошлины. Послѣднюю привилегію она принуждена была, впрочемъ, отмѣнить, такъ какъ въ таможенныхъ доходахъ быстро образовался огромный дефицитъ.

Со смертью «Кровавой Маріи» ея испанско-австрійскій супругъ долженъ былъ убраться изъ Англіи восвояси. Престолъ Англіи заняла королева Елизавета, царствованіе которой положило начало могуществу и процвѣтанію страны. Сначала она дѣйствовала относительно нѣмцевъ очень осторожно, зная, что на всякую мѣру противъ нихъ они отвѣтятъ насиліями. Она предложила нѣмецкимъ засильникамъ ограничиться лишь тѣмъ привилегіями, которыя имъ были даны при Эдуардѣ VI. Нѣмецкіе купцы сейчасъ же прибѣгли съ жалобой къ Карлу V, и англичанамъ было запрещена торговля въ Гамбургѣ. Но Елизавета, почувствовавъ себя достаточно сильной, въ свою очередь, отвѣтила уничтоженіемъ всѣхъ ганзейскихъ привилегій и обложила ихъ товары высокой пошлиной. Нѣмцы были въ ярости и стали снабжать Филиппа II деньгами и всѣмъ, что требовалось для снаряженія его прословутой армады.

Армада, какъ извѣстно, потерпѣла полное пораженіе. Въ устьяхъ рѣки Тахо англичане захватили шестьдесятъ ганзейскихъ кораблей, нагруженныхъ хлѣбомъ и военными припасами для испанскаго флота. Они пытались было бѣжать изъ плѣна, но только что народившійся англійскій флотъ поймалъ ихъ у береговъ Шотландіи.

Въ 1591 году въ городѣ Любекѣ собрались представители всѣхъ ганзейскихъ городовъ и послали королевѣ Елизаветѣ письмо, написанное «съ великимъ жаромъ». Но королева отвѣтила имъ довольно презрительно, поручивъ своему секретарю увѣдомить ихъ, что она не боится ихъ угрозъ. Нѣмцы отвѣтили запрещеніемъ торговать съ англичанами, а англичане въ отвѣтъ выслали изъ Англіи всѣхъ нѣмецкихъ купцовъ. По этому случаю во всѣхъ торговыхъ англійскихъ городахъ не умолкалъ радостный колокольный звонъ.

Покончивъ съ нѣмцами, королева Елизавета и ея правительство дѣятельно занялись культурнымъ и экономическимъ подъемомъ своей страны. Для этого прежде всего надо было истребить взяточничество англійскихъ высшихъ чиновниковъ, развращенныхъ нѣмецкими засильниками.

Одинъ изъ англійскихъ историковъ Ганзы рисуетъ яркую картину того, какъ совершалось это мирное завоеваніе Англіи при помощи нѣмецкихъ денегъ и подачекъ. Лондонскій лордъ-мэръ, напримѣръ, ежегодно получалъ отъ ганзейскихъ купцовъ боченокъ свѣжей осетрины, два боченка сельдей

или польскаго воску. Ольдерменамъ къ новому году дѣлалось подношеніе въ размѣрѣ пятидесятиноблей (золотыхъ монетъ), которые завертывались въ перчатки, чтобы ихъ легче было принимать. Главный инспекторъ таможенъ получалъ около двадцати фунтовъ стерлинговъ и т. д. Не мудрено, что высшая администрація дѣйствовала съ нѣмцами заодно. Правительство Елизаветы сумѣло, однако, побороть всѣ препятствія, и нѣмецкому засилью въ Англіи былъ положенъ конецъ еще въ XVI столѣтіи.

— Парижъ во время великой революціи.—Въ апрѣльской книжкѣ «Revue de Paris» находимъ извлеченіе изъ записокъ нѣкоего Феликса Брэна (Brun), живо рисующихъ Парижъ во время господства террора и главныхъ вдохновителей революціонныхъ ужасовъ Робеспьера, Дантона и Камилла Демулэна.

Жакъ-Феликсъ Брэнъ (1763—1831) былъ уроженцемъ Тулона. Онъ обнаружилъ большія способности къ рисованію, вслѣдствіе чего въ 1784 году на казенный счетъ былъ посланъ въ Римъ, гдѣ учился у Давида и подружился съ художниками Беллемъ, бывшимъ впослѣдствіи директоромъ королевской фабрики гобеленовъ, и Топино-Лебреномъ, сдѣлавшимся во время террора комиссаромъ комитета общественнаго спасенія. Впослѣдствіи этотъ Топино-Лебренъ былъ казненъ за покушеніе на жизнь Наполеона.

28-го апрѣля 1793 года Тулонъ сдался англичанамъ, и Феликсъ Брэнъ принужденъ былъ бѣжать изъ города. Революціонное правительство назначило его учителемъ рисованія въ Рошфоръ, но въ Рошфоръ онъ не попалъ, такъ какъ прожилъ ноябрь и декабрь 1793 года въ Парижѣ, а въ началѣ слѣдующаго года вернулся къ себѣ на родину.

По дорогѣ въ Парижъ Брэнъ долженъ былъ проѣхать черезъ Ліонъ. Этотъ второй по величинѣ городъ Франціи былъ въ самомъ жалкомъ состояніи: во всѣхъ домахъ стекла были выбиты и заклеены бумагой, въ предмѣстьяхъ все было выжжено до тла. Площади, на которыхъ красовались памятники, были совершенно опустошены. Красивые дома и городскія украшенія были разрушены нарочно, въ наказаніе городу за сопротивленіе республикѣ. Тюрьмы были переполнены, по улицамъ безпрестанно двигались рысью телѣги съ осужденными на казнь, которыхъ разстрѣливали десятками или просто бросали въ Рону.

До Шалона Брэнъ, ѣхавшій съ женой и съ семьей Топино-Лебрена, добрался на буксирномъ суднѣ. Переѣздъ отсюда до Парижа предстояло совершить въ дилижансѣ. Въ немъ помѣщалось двадцать четыре пассажира—двѣнадцать внутри, двѣнадцать на имперіалѣ. Тащили дилижансъ шесть, а мѣстами восемь и даже десять лошадей. Все путешествіе длилось болѣе двухъ сутокъ, причемъ останавливались всего на нѣсколько часовъ, чтобы дать пассажирамъ возможность хоть немного отдохнуть. По дорогѣ дилижансъ встрѣтился съ отрядомъ революціонныхъ войскъ. Приказано было остановиться. Одинъ изъ солдатъ грозилъ распороть кучеру животъ саблей, если онъ не остановится. Это былъ всякій сбродъ, плохо дисциплинированный, набранный большею частью въ разныхъ революціонныхъ клубахъ и страшно противъ всего озлобленный. Отрядъ этотъ шелъ въ Ліонъ и шествіе свое ознаменовывалъ тѣмъ, что по дорогѣ разрушалъ всѣ кресты, стоявшіе на поляхъ.

Черезъ четыре дня путники добрались, наконецъ, до Парижа. Остановились въ какой-то маленькой гостиницѣ. Стоялъ уже ноябрь и въ гостиницѣ ночью было такъ холодно, что Брэнъ ночью же побѣжалъ въ ближайшее кафе на площади Побѣды, которое было еще открыто, и нѣсколько согрѣлся при помощи крѣпкаго пунша.

Въ декабрѣ Брэнъ видѣлъ огромную процессію, прошедшую по Парижу и несшую съ собой подъ барабанный бой и звуки трубъ знамена, отбитыя у марсельцевъ, ліонцевъ и въ Вандеѣ. Между прочимъ волокли по грязи огромнаго позолоченнаго орла, украшавшаго ратушу Майнца, взятаго недавно французами. Знамена марсельцевъ и ліонцевъ были трехъ цвѣтовъ съ надписями. На шелковомъ знамени вандейцевъ было вышито изображеніе св. Николая. Всѣ эти знамена были сожжены подъ звуки марсельезы.

Голодъ давалъ себя знать въ Парижѣ, но полиція быстро приняла свои мѣры: было вычислено количество населенія и количество припасовъ, установлены максимальныя цѣны. Участковые комиссары выдавали каждой семьѣ билетъ на право полученія хлѣба изъ булочныхъ. У этихъ булочныхъ съ ранняго утра стояли цѣлыя вереницы парижанъ, что было не такъ-то пріятно, когда сверху сыплетъ снѣгъ, а снизу даетъ себя знать гололедица. Мясомъ Парижъ былъ снабженъ въ изобиліи.

Національное собраніе засѣдало въ большой залѣ Тюльерійскаго дворца. Зала имѣла продолговатую форму съ возвышеніемъ, на которомъ, какъ въ циркѣ, сидѣли народные представители. По срединѣ, спиной къ стѣнѣ, на возвышеніи стояло кресло предсѣдателя. Этому предсѣдателю были подчинены всѣ войска, вся національная гвардія и всѣ военныя и гражданскія власти Франціи. По стѣнамъ залы были разставлены статуи Брута, Франклина и другихъ друзей народа. Вездѣ висѣли красные колпаки и другія эмблемы свободы, поднесенныя національному собранію разными патріотическими обществами. Вокругъ залы были устроены трибуны для публики.

При входѣ во дворецъ и во дворѣ его стояло множество пушекъ.

Большая часть парижскихъ домовъ, по наблюденіямъ Брэна, была построена не достаточно солидно, не такъ, какъ строились дома во французской провинціи. Улицы были извилисты и тѣсны. Этимъ страдала даже rue Saint-Honoré—главная артерія того времени.

Топино-Лебренъ представилъ автора записокъ его бывшему учителю Давиду, который въ январѣ 1794 года былъ избранъ президентомъ конвента и жилъ въ Луврскомъ дворцѣ.

«Мы отправились къ нему, —разсказываетъ Брэнъ,—въ девять часовъ утра. У него уже было нѣсколько человѣкъ.

«— Вотъ гражданинъ Брэнъ,—сказалъ Топино президенту.—Вы, кажется, были знакомы съ нимъ въ Римѣ.

«Давидъ оставилъ своихъ собесѣдниковъ, подошелъ ко мнѣ и обнялъ меня.

«— Да, я помню. Я съ вами встрѣчался въ Римѣ.

«И онъ опять вернулся къ своимъ собесѣдникамъ.

«Онъ былъ весь поглощенъ рѣчью, которую ему надо было произнести въ конвентѣ по случаю избранія его въ президенты.

«Рѣчь была очень напыщенна и выставляла безграничную преданность ея автора дѣлу свободы и республики.

«Троны Европы падутъ, потому что они имѣли безразсудство на насъ напасть. Освобожденіе народовъ, сбросившихъ оковы рабства и торжествующихъ вмѣстѣ съ нами, будетъ для насъ наградой» и т. д.

Пока президентъ конвента совѣщался о своей рѣчи, къ нему явились какіе-то люди, прося защиты для нѣсколькихъ «подозрительныхъ» лицъ, которыя только что были арестованы. Пришедшіе, наоборотъ, старались доказать Давиду, что лица эти невиновны.

— Я выслушиваю только свидѣтелей обвиненія, а не защиты,—отвѣчалъ имъ Давидъ.—Если у васъ есть свидѣтели противъ нихъ, то я готовъ ихъ выслушать. Скоро тѣ, которые составляютъ заговоры въ Кобленцѣ и въ Вандеѣ, явятся сюда и будутъ раздувать междоусобную войну. Они также будутъ называть себя добрыми патріотами и найдутъ себѣ защитниковъ.

Такое отношеніе къ подсудимымъ сильно уронило Давида во мнѣніи автора записокъ. Еще болѣе оскорбило его отношеніе его бывшаго учителя къ памяти незадолго до этого казненной королевы Маріи-Антуанетты. Кто-то принесъ ему карикатуру на несчастную королеву, которая была изображена съ преувеличенно-длинной шеей. Давидъ принялся громко хохотать надъ нею и изощряться въ разныхъ замѣчаніяхъ.

Выйдя отъ Давида, Топино-Лебренъ замѣтилъ своему спутнику, что новый президентъ, будучи искуснымъ художникомъ, довольно слабъ въ ораторскомъ искусствѣ, что мѣсто президента въ конвентѣ явно ему не по плечу и что, избирая его на это мѣсто, конвентъ хотѣлъ только почтить въ его лицѣ представителей искусства. По словамъ Топино, Давидъ, какъ человѣкъ плохо образованный, всегда дѣйствовалъ по чужому наущенію.

Черезъ нѣсколько дней послѣ визита къ Давиду Топино-Лебренъ повелъ своего друга на засѣданіе якобинскаго клуба, которое происходило въ церкви доминиканцевъ на улицѣ Сентъ-Оноре. Послѣ упраздненія христіанской религіи церкви большею частью были превращены въ клубныя помѣщенія. Засѣданіе еще не начиналось. Хотя кресло предсѣдателя и шедшія отъ него направо и налѣво скамьи не были еще заняты, тѣмъ не менѣе трибуны для публики были уже переполнены. Какъ и въ залѣ засѣданій конвента, всюду развѣшены были флаги, гражданскіе вѣнки, колпаки и прочія эмблемы свободы. Все это было доставлено сюда сестрами нѣкоторыхъ якобинцевъ.

Войдя въ залъ, Брэнъ увидѣлъ какого-то человѣка въ красномъ колпакѣ, который задыхался отъ патріотизма и всячески поносилъ аристократовъ.

— А, вотъ гдѣ ты!—вдругъ закричалъ чей-то голосъ.—Что ты здѣсь дѣлаешь? Граждане! Это заговорщикъ противъ свободы. Я его знаю: это первый аристократъ изъ моего края.

Человѣка въ красномъ колпакѣ схватили и вмѣстѣ съ его обличителемъ повели въ комитетъ общественнаго спасенія.

Потомъ появилась какая-то женщина со стекляннымъ ящикомъ. Въ этомъ ящикѣ она принесла въ подарокъ клубу голову ліонскаго мэра Шальє, который незадолго передъ тѣмъ былъ казненъ якобинцами. Она украла эту голову

ночью послѣ казни, набальзамировала ее и хранила у себя, какъ нѣкую драгоцѣнность.

Наконецъ началось засѣданіе. Послѣ чтенія протокола предшествовавшаго засѣданія предсѣдатель объявилъ собраніе открытымъ. Предсѣдателемъ былъ Геберъ, издатель журнала «Père Duchesne», переполненнаго неприличными выраженіями, но составлявшагося очень остроумно. Слово было предоставлено Фабру д'Эглантину. Онъ взошелъ на трибуну, чтобы оправдаться отъ взведеннаго на него обвиненія, будто онъ, предавая республику, стремился лишь къ собственному обогащенію. Онъ вкрадчиво началъ съ того, что онъ хочетъ вывести патріотовъ изъ заблужденія. «Всегда бѣдному человѣку позволено было заработать кое-что своимъ трудомъ и въ этомъ нѣтъ ничего непріятнаго для патріотовъ». Потомъ онъ сталъ жаловаться на то, что завистники хотятъ лишить его довѣрія его согражданъ, и увѣрялъ, что онъ нажилъ деньги отъ своихъ драматическихъ произведеній, которыя запродалъ директорамъ театра и т. д.

— Я такъ и зналъ, что онъ выйдетъ сухъ изъ воды,—шепнулъ автору воспоминаній Топино-Лебренъ.

Такъ оно, дѣйствительно, и вышло, хотя позднѣйшими историками установлено съ несомнѣнностью, что Фабръ д'Эглантинъ нажилъ себѣ состояніе при уничтоженіи индійской компаніи. Изъ 500 тысячъ франковъ, назначенныхъ на подкупъ голосовъ, онъ получилъ на свою долю 100 тысячъ.

Послѣ Фабра д'Эглантина на трибуну взошелъ Камиллъ Демуленъ и сталъ говорить о Римской республикѣ, о тиранахъ, о Калигулѣ и т. д. Его смѣнили Робеспьеръ и Дантонъ. Но всѣ ораторы, видимо, преклонялись передъ Робеспьеромъ.

— Какимъ большимъ, однако, вліяніемъ пользуется Робеспьеръ!—замѣтилъ провинціалъ одному изъ своихъ знакомыхъ.

— О, да, даже слишкомъ большимъ,—шопотомъ отвѣчалъ тотъ.

Робеспьеръ былъ средняго роста, сухощавъ, съ продолговатымъ лицомъ, носъ и подбородокъ выдавались у него впередъ, большіе глаза были прикрыты густыми рѣсницами. На видъ ему было лѣтъ тридцать шесть—сорокъ.

Камиллъ Демуленъ былъ высокаго роста, съ длиннымъ носомъ и крупнымъ ртомъ. Онъ говорилъ самъ, что ему было тридцать три года. Дантонъ отличался громоздкостью, лицо его было красно. Фабру д'Эглантину было лѣтъ пятьдесятъ-шестьдесятъ. Это былъ худой, блѣдный человѣкъ. У Гебера видъ былъ совершенно мужицкій. Онъ былъ высокаго роста, смуглъ, съ крупными чертами лица; лѣтъ ему было тридцать—сорокъ.

Брэнъ былъ очевидцемъ одной изъ тѣхъ гражданскихъ процессій, которыя якобинцы то и дѣло устраивали въ Парижѣ.

На бульварѣ возлѣ арки Людовика XIV, которую революціонеры пощадили, была сооружена другая арка. Мимо этой арки на колесницѣ везли женщину, которая изображала собою Свободу. За колесницей шла депутація отъ конвента, сопровождаемая большимъ отрядомъ національной гвардіи. Парижане, разукрашенные красными колпаками, несли на своихъ плечахъ бюсты Брута, Катона, Франклина, Вильгельма Телля и другихъ борцовъ за свободу. Шествіе двигалось съ распущенными знаменами подъ звуки барабановъ и марсельезы.

Мимо Тюльерійскаго дворца шествіе вышло на площадь Согласія, гдѣ была воздвигнута статуя Свободы. Отсюда оно направилось на Марсово поле, гдѣ была устроена большая группа, изображающая французскій народъ, и другая, представлявшая Геркулеса, поражающаго гидру аристократіи. Съ Марсова поля двинулись въ противоположный конецъ города, на площадь, гдѣ была Бастилія, отсюда по улицѣ Сентъ-Оноре къ Тріумфальной аркѣ, на которой были изображены головы тѣхъ, кто противился революціи. Подъ аркой стояли музыканты и пѣвцы, исполнявшіе гимны въ честь свободы и французскихъ побѣдъ. Наконецъ процессія достигла площади Побѣды, гдѣ вмѣсто статуи Людовика XIV красовался обелискъ изъ поддѣльнаго мрамора.

Празднество закончилось залпомъ изъ орудій.

Эти гражданскія процессіи перемѣшивались съ казнями. Почти каждое утро на площади Согласія воздвигалась гильотина, которую потомъ разбирали. Въ другихъ городахъ—Марселѣ, Ліонѣ,—ее такъ и не убирали. Телѣги съ осужденными двигались большею частью по улицѣ Сентъ-Оноре.

Топино-Лебренъ пригласилъ какъ-то своего друга изъ Тулона на засѣданіе революціоннаго трибунала.

Судьи сидѣли за столомъ въ небольшой залѣ. Обвиняемые сидѣли передъ ними на нѣкоторомъ возвышеніи съ жандармами по бокамъ. Сосѣдняя зала служила трибуной для публики. Между судьями и обвиняемыми находились свидѣтели. Въ числѣ обвиняемыхъ былъ деревенскій священникъ, котораго арестовали за то, что во время крестнаго хода несли хоругви съ изображеніемъ лилій. Напрасно бѣдный священникъ увѣрялъ, что эти хоругви употреблялись съ незапамятныхъ временъ и что онъ и не думалъ чѣмъ-нибудь оскорбить республику.

Среди свидѣтелей обвиненія были какіе-то пьянчуги, въ числѣ свидѣтелей защиты сидѣли мѣстный школьный учитель и нѣсколько односельчанъ. Всѣ они были блѣдны и тряслись отъ страха. Брэнъ не могъ высидѣть до конца разбирательства и вышелъ изъ залы.

Черезъ нѣсколько дней онъ узналъ отъ Топино-Лебрена, что священника осудили на казнь.

Революціонеры направляли всѣ усилія на уничтоженіе всякихъ слѣдовъ не только королевской власти, но и христіанства.

Однажды Лебренъ былъ у одного знакомаго въ улицѣ Сентъ-Оноре. Вдругъ на улицѣ послышался какой-то шумъ. Всѣ бросились къ окну. По мостовой шли группы какихъ-то людей, одѣтыхъ въ ризы, эпитрахили и другія священническія облаченія, захваченныя въ деревняхъ, прилегавшихъ къ Парижу. Впереди ихъ люди въ красныхъ колпакахъ несли кадила, дарохранительницы. Всѣ они были сильно выпивши, но продолжали пить изъ священныхъ сосудовъ, давали благословеніе народу и пѣли священные гимны вперемежку съ патріотическими пѣснями.

— Какая прелесть!—произнесъ одинъ изъ собесѣдниковъ Брэна.—Какой прогрессъ! Еще недавно эти люди такъ почитали все это, а теперь они бросили свои заблужденія. Браво, браво!

«Это зрѣлище,—прибавляетъ авторъ воспоминаній,—меня глубоко опеча-

лило. Я замѣтилъ, что всякій культъ долженъ быть свободенъ и не хорошо унижать его», но, конечно, замѣчаніе это прошло безслѣдно.

— Важная поправка къ біографіи Шекспира. — Въ біографіи Шекспира, страдающей огромными пробѣлами, есть факты, вносящіе въ нее двойственность и между собой не совсѣмъ примиримые. Съ одной стороны, Шекспиръ—рисуется намъ однимъ изъ первыхъ піонеровъ англійскаго театра, актеромъ, преданнымъ своему дѣлу, драматическимъ писателемъ, работающимъ на свой театръ. Съ другой—это практичный обыватель деревни или маленькаго, похожаго на деревню, городка Стратфорда на рѣкѣ Эвонѣ, расчетливый, въ молодости, говорятъ, имѣвшій непріятности съ полиціей изъ-за браконьерства, торговавшій хлѣбомъ и судившійся съ покупавшими у него солодъ пивоварами. Эти противорѣчія и въ образѣ жизни, и въ родѣ занятій, и, наконецъ, въ наклонностяхъ и вкусахъ англійскіе историки литературы пытались примирить указаніемъ на сочетаніе въ англійскомъ характерѣ высокаго умственнаго развитія и вмѣстѣ съ тѣмъ практичности, склонности къ домовитости и торговой дѣятельности. Въ настоящее время благодаря открытію, сдѣланному въ англійскихъ архивахъ профессоромъ англійской литературы въ университетѣ штата Небраски Чарльзомъ Уоллесомъ, историки могутъ обойтись и безъ этого натянутаго объясненія. Дѣло въ томъ, что Чарльзу Уоллесу удалось найти документы, на основаніи которыхъ приходится заключить, что свѣдѣнія о Шекспирѣ-торговцѣ относятся къ другому Шекспиру, также Вильяму и также жившему въ то же время и въ той же мѣстности, гдѣ жилъ и великій поэтъ. Извѣстно, что и фамилія Шекспиръ, и имя Вильямъ были въ то время самыми распространенными, и очень можетъ быть, что нѣкоторые факты, вошедшіе въ біографію поэта, относились съ какому-нибудь другому Шекспиру—къ Томасу Шекспиру, или къ дядѣ поэта Джону Шекспиру, о которыхъ говорятъ и документы, открытые Уоллесомъ. Изъ нихъ обнаруживается прежде всего, что во времена Шекспира около Стратфорда на Эвонѣ существовало имѣніе Рауингтонъ, которое принадлежало коронѣ и владѣло въ Стратфордѣ двумя небольшими участками земли, отдававшимися въ аренду; ему же принадлежала деревня, находившаяся миляхъ въ двадцати къ сѣверу отъ Стратфорда и также заселенная арендаторами. Какъ было установлено еще Мэлономъ, Шекспиръ-поэтъ въ 1602 году заарендовалъ одинъ изъ стратфордскихъ участковъ земли у помѣстья Рауингтона, и въ книгахъ тогдашняго департамента государственнаго казначейства сохранилась запись объ этой арендѣ, относящейся къ 1602 году. Тамъ же встрѣчаются отмѣтки подъ 1604 и 1606 годомъ о томъ, что арендаторъ Вильямъ Шекспиръ платилъ за аренду 2 шиллинга 6 пенсовъ и что участокъ его составлялъ всего четверть акра. Шекспиръ-поэтъ, какъ извѣстно, умеръ въ 1616 году, а въ слѣдующемъ году въ книгахъ департамента государственнаго казначейства мы находимъ такую запись: «Отъ Джона Голля и его жены Сюзанны за аренду въ Стратфордѣ послѣ умершаго Вильяма Шекспира, ея отца— 2 шиллинга 6 пенсовъ». Мы знаемъ изъ духовнаго завѣщанія Шекспира, что его стратфордское земельное владѣніе было отказано имъ именно его дочери Сюзаннѣ. Далѣе въ книгахъ тянется цѣлый рядъ записей такого же характера, несомнѣнно, относящихся къ зятю Шекспира Джону Голлю и его женѣ.

Но рядомъ съ этимъ встрѣчаются записи, въ которыхъ также упоминаются Шекспиры, но которыя относятся, очевидно, къ обитателямъ деревни Раунгтона. Такъ, въ 1607 году, стало быть, спустя пять лѣтъ послѣ того, какъ авторъ «Гамлета» заарендовалъ себѣ участокъ въ Стратфордѣ, получилъ аренду какой-то другой Вильямъ Шекспиръ, уплатившій за нее 2 шиллинга. Подъ 1609 годомъ встрѣчается запись, что аренда отдана Томасу и Вильяму Шекспирамъ за пять шиллинговъ десять пенсовъ. Послѣ 1628 года Томасъ Шекспиръ исчезаетъ совсѣмъ, а вмѣсто него упоминается его сынъ Вильямъ Шекспиръ и его жена Марія. Въ 1617 году, то есть черезъ годъ послѣ смерти поэта, этотъ Вильямъ Шекспиръ былъ еще живъ: за неплатежъ арендной платы на него былъ наложенъ штрафъ въ размѣрѣ 6 пенсовъ. Въ мартѣ 1619 года онъ,—а, можетъ быть, еще другой Вильямъ Шекспиръ,—былъ оштрафованъ судомъ на 12 пенсовъ за то, что мочилъ коноплю и ленъ въ общемъ ручьѣ. Изъ одного документа 1625 года видно, что какой-то Вильямъ Шекспиръ, къ имени котораго прибавлено «junior» (младшій), тѣмъ же судомъ былъ оштрафованъ тоже на 12 пенсовъ за то, что не вычистилъ принадлежавшей ему канавы. Взносъ арендной платы отъ Вильяма Шекспира и его жены Маріи упоминается еще въ 1628 году, то есть спустя двѣнадцать лѣтъ послѣ смерти Шекспира-поэта.

Такимъ образомъ, можно думать, что свѣдѣнія о браконьерствѣ, о торговлѣ солодомъ и т. п. попали въ біографію великаго поэта только потому, что его смѣшивали съ его тезкой—Вильямомъ Шекспиромъ, арендаторомъ изъ Раунгтона.

— Наперсникъ и шпіонъ Фридриха Великаго.— Говорятъ, что нѣмецкій милитаризмъ заключается, во-первыхъ, въ искусствѣ шпіонить, и, во-вторыхъ, въ искусствѣ воевать. Такъ было съ давнихъ временъ. Однимъ изъ представителей нѣмецкаго милитаризма въ подобномъ родѣ былъ герцогъ Фридрихъ-Карлъ Брауншвейгскій, сынъ третьей сестры Фридриха Великаго—Шарлотты Прусской. Любимый племянникъ короля отличался особой способностью къ шпіонству, и этимъ его талантомъ широко пользовался царственный дядя. Онъ былъ къ нему очень привязанъ и сдѣлалъ его своимъ наперсникомъ, повѣряя ему свои тайны и поручая слѣдить за интересующими его личностями, вывѣдывать у дамъ различныя тайны и т. д.

Герцогъ Брауншвейгскій былъ истый великосвѣтскій шпіонъ: полемъ его дѣятельности служили великосвѣтскіе салоны. Дамы, очарованныя его обращеніемъ, мило болтали всякія сплетни и, сами того не замѣчая, выдавали тайны другихъ, о которыхъ онъ немедленно доносилъ своему дядюшкѣ. Благодарственныя письма Фридриха Великаго—лучшее свидѣтельство о талантливости великосвѣтскаго сыщика.

Въ первомъ письмѣ Фридрихъ поручаетъ племяннику собрать подробныя свѣдѣнія о пріѣздѣ кавалера Госсена и позондировать почву у французскаго бригадира Фитингофа.

Нѣмецкая дисциплина отпечаталась на перепискѣ коронованнаго дяди. Его письма въ томъ тонѣ, какимъ говоритъ начальникъ съ подчиненнымъ.

Фридриха Великаго въ это время весьма интересовало настроеніе Австріи, онъ поручалъ племяннику переговоры съ нѣкоей Башвицъ или Бассевичъ, которая въ то время жила въ Берлинѣ.

«Ея мужъ находился на службѣ у вашего отца,—писалъ Фридрихъ племяннику.—Вотъ естественный поводъ для знакомства. Эта женщина знаетъ все, что дѣлается въ Вѣнѣ, и все, что касается императора! Прошу васъ незамѣтно вывѣдать у нея всѣ, какіе только возможно, анекдоты, главнымъ образомъ о ненависти, какую истые австрійцы питаютъ къ намъ».

Герцогъ Брауншвейгскій, вѣроятно, исполнилъ это порученіе удачно, потому что Фридрихъ писалъ:

«Съ большимъ удовольствіемъ узналъ изъ вашего вчерашняго письма, что вы взялись за порученіе, которое вамъ далъ. Надѣюсь,—прибавлялъ онъ далѣе:—что г-жа Бассевичъ не будетъ лаконична въ своихъ отзывахъ. Ожидаю по этому поводу доклада, который ваше высочество обѣщали представить мнѣ. Эта новая услуга увеличитъ,—льстиво прибавлялъ Фридрихъ,—если это возможно, еще болѣе чувства моего уваженіи и привязанности»

Должно быть, герцогъ Брауншвейгскій отлично понялъ свою роль и великолѣпно ее выполнялъ, потому что послѣдующія письма Фридриха переполнены благодарностями и просьбами о дальнѣйшемъ сыскѣ.

«Очень вамъ благодаренъ за свѣдѣнія во вчерашнемъ письмѣ. Они доказываютъ, что я никогда не могъ бы дать мое порученіе болѣе способному человѣку. Я сохраню благодарную память о благоразуміи и осторожности, съ какими ваше высочество добыли нужныя свѣдѣнія. Г-жа Бассевичъ родственница г-жи Грумбновъ и, быть можетъ, это является новымъ средствомъ развязать ей языкъ. Съ родственницами, которыхъ ни въ чемъ не подозрѣваютъ, не такъ сдержанны. Быть можетъ, вашему высочеству представится случай черезъ посредство этой дамы добыть различныя интересныя свѣдѣнія. Предоставляю эту идею на ваше усмотрѣніе. Убѣжденъ, что вы примѣните ее согласно съ моими интересами и этимъ дадите мнѣ новый поводъ питать къ вамъ чувства нѣжности и привязанности, какія я питалъ все время».

Фридрихъ Великій очень внимательно слѣдилъ за увлеченіемъ австрійскаго императора княгиней Лихтенштейнъ. Онъ благодарилъ племянника за доставленныя свѣдѣнія и прибавлялъ: «Я увѣренъ, что можно еще повывѣдать у этой особы нѣкоторыя подробности привязанности императора къ княгинѣ Лихтенштейнъ и о вооруженіи Австріи, которое произошло два года тому назадъ, когда считали, что я уже при смерти».

Фридрихъ подзадоривалъ племянника широко пользоваться болтливостью г-жи Бассевичъ:

«Я убѣжденъ,—писалъ Фридрихъ:—что у этой дамы можно выпытать еще болѣе интересныя свѣдѣнія, особенно о характерѣ императора, если бы она ближе познакомилась кое съ кѣмъ изъ берлинцевъ. Она сюда только что пріѣхала: кажется, она уѣхала съ родины лѣтъ тридцать тому назадъ и сравнительно съ сестрою стала скорѣе австріячка, чѣмъ нѣмка; но воздухъ родины и возобновившіяся сношенія съ земляками заставятъ ее говорить обо всемъ болѣе откровенно. Женщины вѣдь любятъ болтать, если хорошенько приняться за дѣло».

Въ одномъ изъ дальнѣйшихъ писемъ Фридрихъ извѣщалъ племянника, что послалъ его женѣ разныя сласти,—это должно было означать полное удо-

влетворенiе дѣятельностью герцога-шпiона. Собираясь объѣхать свое государство, король поручилъ племяннику какъ можно глубже забраться въ душу двухъ лицъ: нѣкоего Ламба и Ташерица, за которыми герцогъ уже наблюдалъ. Фридрихъ благодарилъ его за извѣстiя и прибавлялъ, что Ламбъ говоритъ откровеннѣе Ташерица.

«Быть можетъ, онъ еще болѣе разговорится, поживъ въ Берлинѣ», писалъ Фридрихъ, котораго все еще тревожили подозрѣнiя, что онъ знаетъ еще не всѣ ихъ мысли.

Роль племянника-шпiона становилась все значительнѣе. Онъ былъ правой рукой своего дядюшки въ дѣлѣ сыска, и потому Фридрихъ осыпалъ его въ письмахъ нѣжностями. «Обнимаю васъ, дорогой племянникъ, въ надеждѣ скоро увидѣться въ Берлинѣ и лично увѣрить васъ въ безконечной нѣжности, которую я къ вамъ питаю». Окружавшiе знали, что герцогъ Брауншвейгскiй имѣетъ огромное влiянiе на коронованнаго дядю и обращались къ нему съ просьбами, когда имъ приходилось прибѣгать къ королевскимъ милостямъ.

Фридрихъ аккуратно выплачивалъ шпiону-племяннику положенную ренту. Они вмѣстѣ занимались различными финансовыми операцiями, и дядя училъ племянника экономiи и бережливости. Въ письмахъ онъ даже называлъ себя его управляющимъ и въ шутливомъ тонѣ, вставляя аллегорическiя выраженiя, увѣдомлялъ о посылкѣ различныхъ доходовъ и т. д.

Щедрость Фридриха распространялась не на всѣхъ лицъ. Однажды, въ 1783 году ему подали въ Потсдамѣ два счета: отъ парижской модистки Пажжелли и отъ Ла-Мосси. Первая требовала съ принцессы Фредерики 14.583 ливра 19 су за товаръ, который ей поставляли съ 1767 по 1778 гг. Другая требовала 3,458 лировъ. У Фридриха Великаго были двѣ племянницы, по имени Фредерики: жена Фридриха-Вильгельма, провозглашеннаго принцемъ-регентомъ 24-го декабря 1758 года, и жена принца Фридриха-Августа Брауншвейгскаго. Получивъ счета, король извѣстилъ о нихъ мужей своихъ племянницъ. Герцогъ Брауншвейгскiй не призналъ этого долга и взволнованный написалъ очень горячее письмо. Фридрихъ остался, видимо, недоволенъ и въ отвѣтномъ письмѣ называлъ его уже «Monsieur mon neveu».

«Я уже знаю,—писалъ онъ:—что счета Пажжели и Мосси изъ Парижа касаются не моей дорогой племянницы—вашей супруги, а моей другой племянницы—принцессы Прусской».

Несмотря на симпатiи Фридриха Великаго, герцогъ нерѣдко выслушивалъ отъ него строгiе выговоры за небрежность и безпорядокъ въ ввѣренномъ ему полку. По его словамъ, офицеры его полка дурно вели себя на войнѣ и пренебрегали своимъ долгомъ въ мирное время.

Герцогъ Брауншвейгскiй постарался исправить эти недочеты, и Фридрихъ остался имъ доволенъ. На слѣдующiй годъ уже писалъ ему въ шутливомъ тонѣ и въ заключенiе выписалъ всѣ его титулы. Въ 1760 году онъ прислалъ ему въ подарокъ колыбель и письмо. «Я не могу положить въ нее ребенка,—писалъ онъ:—вы ее наполните, когда женитесь». Подобнаго рода тяжелыя шутки не разъ, впрочемъ, попадаются въ письмахъ Фридриха.

— Осада Парижа. — Осада Парижа и коммуна долгое время служили темою различныхъ историческихъ трудовъ. Въ Парижѣ появилась недавно еще одна работа на эту тему—книга д-ра Люсьена Насса—«Le siège de Paris et la Commune». Авторъ зналъ, что фактическій матеріалъ объ этомъ событіи уже использованъ въ значительной мѣрѣ историками и теперь остается только разрабатывать его съ другой точки зрѣнія. Поэтому онъ коснулся его въ качествѣ врача и психолога, обративъ вниманіе на то, какія явленія вызываютъ въ соціальномъ организмѣ событія въ родѣ осады города со всѣми послѣдствіями.

Нассъ сравниваетъ тяжесть положенія солдата на полѣ брани и солдата, осажденнаго, запертаго въ городѣ. Первый, по его мнѣнію, находится въ лучшемъ положеніи. Солдату нѣкогда задумываться, и назойливыя мысли менѣе овладѣваютъ имъ, чѣмъ человѣкомъ, который отрѣзанъ отъ внѣшняго міра. Солдатъ всегда въ движеніи: онъ совершаетъ переходы или сражается и физически настолько утомляется, что не въ состояніи думать ни о чемъ.

Осажденный, наоборотъ, остается все время въ бездѣйствіи и оторванъ отъ міра. Совершенно естественно, что имъ овладѣваетъ нетерпѣніе, а затѣмъ ужасный бичъ—тоска, которая сильно угнетаетъ осажденныхъ. Гарнизонъ, запертый въ городѣ, лишенъ всякихъ сношеній и не имѣетъ никакихъ извѣстій о своихъ войскахъ, которыя сражаются противъ непріятеля. Это сильно дѣйствуетъ на нервы. Осажденные жаждутъ извѣстій, но принуждены довольствоваться большею частью ложными и непріятными сообщеніями. Вотъ эта оторванность отъ внѣшняго міра вызывала въ Парижѣ мучительное душевное настроеніе, которое доводило до самоубійства.

Характерная черта осажденныхъ—страхъ, порождающій подозрительность, и манія преслѣдованія, доходящая до настоящаго невроза.

Въ народныхъ массахъ теряется психическое равновѣсіе. Прежде всего теряется довѣріе къ главнокомандующему. Сначала его обвиняютъ въ неспособности, а затѣмъ въ измѣнѣ. Подозрѣніе въ измѣнѣ—обычное явленіе при осадѣ.

Парижане въ 1870 году не избѣжали этой психологіи. Еще до вторженія прусскихъ войскъ ими овладѣло чувство подозрительности. Кругомъ видѣли только шпіоновъ. Если окна были ярко освѣщены, жители говорили, что это условный знакъ для нѣмцевъ. Если окна не освѣщались, жителямъ это тоже казалось подозрительнымъ. То и дѣло на улицахъ арестовывали мирныхъ гражданъ по подозрѣнію въ шпіонствѣ. Женщинъ подозрѣвали въ любовныхъ интригахъ съ нѣмецкими офицерами.

Правда, иногда подобныя подозрѣнія оправдывались, и были случаи, когда подъ одѣяніемъ женщины скрывались молодые люди. Къ тому же нѣмцы ловко пользовались шпіонажемъ и настолько широко развили наблюденіе за каждымъ шагомъ непріятеля, что нѣмецкій шпіонъ оказался даже среди секретарей мэріи.

Слухи объ измѣнахъ генераловъ сначала передавались глухо и выходили изъ анонимныхъ источниковъ. Потомъ они становились все громче и, наконецъ, переходили въ глухой ропотъ. Въ измѣнѣ стали обвинять уже само прави-

тельство. Мало-по-малу ропотъ перешелъ въ возмущеніе, изъ котораго зародилась революція. Во время осады достаточно небольшой искры, чтобы вспыхнуло пламя и поглотило послѣдніе запасы энергіи осажденныхъ. Такъ было при всѣхъ осадахъ, и то же произошло съ парижанами въ 1870 году. Это, говоритъ авторъ, одинъ изъ видовъ маніи преслѣдованія, которая овладѣваетъ народомъ во время политическихъ переворотовъ.

Господствующимъ симптомомъ революціоннаго невроза большею частью бываетъ страхъ; въ этотъ моментъ онъ играетъ большую роль. Эти симптомы развиваются такъ же, какъ душевныя болѣзни въ клиникахъ. Тамъ больные говорятъ, что ихъ преслѣдуютъ таинственные враги, которыхъ они не могутъ опредѣлить, но убѣждены, что они сильно вліяютъ на самыя мелкія событія ихъ жизни. У осажденныхъ парижанъ этими врагами были: духовенство, евреи, франкмасоны, іезуиты, врачи, судьи и т. п. Въ революціонномъ неврозѣ даже самымъ отважнымъ человѣкомъ овладѣваетъ тревога. Все представляется въ мрачномъ свѣтѣ: всякое сраженіе грозитъ пораженіемъ, всякая смерть—безполезна, и въ мозгъ осужденныхъ мало-по-малу вползаетъ червь подозрѣнія.

Главные администраторы обыкновенно не умѣютъ понять народной массы и ея душевнаго переживанія и дѣлаютъ ошибку за ошибкой. Такъ было и во время осады Парижа въ 1870 г. Члены національной защиты не поняли народа— и между ними быстро возникли недоразумѣнія. Правительство стояло за выжидательное положеніе, за осторожность, выражая надежду на освобожденіе Парижа, которая, однако, съ каждымъ днемъ становилась все призрачнѣе. Народъ, наоборотъ, былъ олицетвореніемъ нетерпѣнія и желанія дѣйствовать, а не ждать.

Парижанамъ приходилось бороться съ тремя злѣйшими врагами: пруссаками, голодомъ и холодомъ. Вѣрнымъ союзникомъ осажденныхъ въ этой борьбѣ былъ Гаврошъ. Милый парижскій Гаврошъ, который поддерживалъ въ осажденныхъ бодрость духа. Онъ смѣялся надо всѣмъ изъ боязни, какъ бы не заплакать.

Вокругъ свистѣли гранаты—но что до нихъ Гаврошу! Онъ вездѣсущъ— и въ городѣ, и на бульварѣ, и на валахъ, и въ сраженіи. Несчастіе воодушевляло Гавроша, и онъ смѣялся надо всѣмъ, не исключая самой смерти. Его сатиры задѣвали всѣхъ. Гаврошъ пользовался исключительнымъ успѣхомъ во-время бомбардировки, когда трусы прятались въ погребахъ. Гаврошъ сновалъ по улицамъ и любовался на паденіе снарядовъ, хваталъ ихъ руками и пускалъ горячими въ продажу.

Но что это за личность Гаврошъ? Это одинъ изъ персонажей изъ «Miserables» Виктора Гюго, который является коллективнымъ представителемъ французскаго остроумія, смѣха, который не оставляетъ парижанина даже на смертномъ одрѣ. Гаврошъ—это парижская бульварная молодежь.

Въ осажденномъ Парижѣ была масса Гаврошей. Они вездѣ сновали, всегда смѣялись надо всѣмъ и заставляли смѣяться толпу. Запримѣтивъ проходившаго зажиточнаго и зажирѣвшаго буржуа, Гаврошъ вдругъ восклицалъ: «Берегись, граната!» Тотъ въ страхѣ бросался на землю прямо въ грязь,—и вокругъ раздавался взрывъ смѣха.

Если парижанамъ приходилось переживать всѣ ужасы осады поневолѣ, но американцы подвергли себя этой пыткѣ изъ любопытства. Они массами устремились въ Парижъ, но чрезъ нѣсколько недѣль обратились къ американскому консулу съ просьбой дать имъ возможность удалиться изъ Парижа. Только одинъ американецъ Уоллесъ не покидалъ осажденныхъ и раздѣлялъ съ ними всю тягость осады. Память о немъ долго будетъ жить въ сердцѣ парижанъ. Въ этотъ тяжелый моментъ онъ являлся олицетвореніемъ милосердія и сердечной доброты. Всѣ свои и физическія и моральныя силы онъ отдалъ для облегченія участи осажденныхъ парижанъ.

Онъ поддерживалъ ихъ своими деньгами, и его два съ половиной милліона франковъ послужили серьезнымъ подспорьемъ для нуждъ осажденныхъ.

Сами парижане слились въ одно существо, защищая свою родину. Рознь во взглядахъ и ненависть бѣдныхъ къ богатымъ не проявлялись, хотя въ предмѣстьяхъ уже были замѣтны зародыши будущей революціи.

Во все время осады правительство повторяло: «Ни вершка нашей территоріи, ни одного камня нашей крѣпости!» Оно хваталось за эту фразу, какъ за якорь спасенія, пока парижане, подъ градомъ пуль и умирая съ голода, наконецъ, не потеряли терпѣнія. Въ стѣнахъ столицы ропотъ сталъ переходить въ мятежъ. Тогда только правительство перестало повторять эту фразу и рѣшилось признаться народу, насколько положеніе было плохо, и отправить Жюля Фавра къ Бисмарку для переговоровъ.

По словамъ автора, никогда такъ много не злоупотребляли ораторскимъ искусствомъ, какъ въ это тяжелое время. Ярые ораторы и болтуны безъ умолку говорили рѣчи. В. Гюго и Гамбетта были убѣждены, что Парижъ выдержитъ осаду. Огненныя фразы послѣдняго электризовали парижанъ. «Парижъ невозможно взять!—воскликнулъ В. Гюго.—Парижъ скорѣе погибнетъ подъ своими развалинами, чѣмъ сдастся!» Подобныя фразы говорились для поддержки энергіи въ осажденныхъ. Горячій патріотъ былъ убѣжденъ, что «душа націи можетъ побѣдить арсеналы націй». Но даже въ ту эпоху уже было невозможно уповать на побѣду только при помощи одного героизма.

Народъ всѣ свои надежды возложилъ на революцію. Газеты одна предъ другой щеголяли патріотизмомъ.

Поэты съ экзальтаціей выражали свои мысли. Викторъ Гюго оканчивалъ свои стихи словами, обращенными къ нѣмцамъ: «Что касается меня, старца, то я буду безъ оружія. Мнѣ болѣе подходитъ быть съ народомъ, который умираетъ, и мнѣ жаль, что вы съ королями, которые убиваютъ». Эти строки воодушевили парижанъ. Но сколько было различныхъ болтуновъ, наполнявшихъ всевозможные клубы, которые въ изобиліи открывались въ Парижѣ! Всѣ мечтали стать Робеспьерами и Маратами. Особенно женскій клубъ отличался эксцентричностью.

Масоны назначили судъ надъ Вильгельмомъ и его наслѣдникомъ и составили обвинительный актъ, подъ которымъ подписались сорокъ почтенныхъ членовъ масонскаго ордена. Содержаніе его слѣдующее: «Именемъ оскорбленнаго человѣчества. Именемъ нарушенія свободы совѣсти. Именемъ попраннаго права и правосудія. Ф. Ф. Вильгельмъ I, король Пруссіи, Фридрихъ-Виль-

гельмъ-Николай-Карлъ, прусскій наслѣдный принцъ, вызываются для явки въ судъ масоновъ или чрезъ повѣреннаго въ субботу 29-го октября 1870 года, въ масонское помѣщеніе въ улицѣ Ж.-Ж. Руссо, № 35, въ семь часовъ вечера, для дачи отвѣта на обвиненіе, которое предъявлено противъ нихъ парижскими франкмасонами».

Среди трагизма происходило и не мало забавныхъ анекдотовъ.

Чего только ни дѣлалъ изъ осажденныхъ патріотизмъ! Желаніе принести родинѣ пользу, защитить ее заставляло ихъ придумывать различныя изобрѣтенія, часто совершенно нелѣпыя. Въ началѣ осады въ военное министерство поступило болѣе трехсотъ пятидесяти проектовъ защиты Парижа. Фантазія пиротехниковъ не знала предѣловъ, изобрѣтала различныя дьявольскія ружья и т. д.

Аэронавты придумывали разнообразные воздушные шары и были даже такіе, которые вспомнили баснословную исторію Александра Македонскаго и предлагали устроить полеты съ помощью орловъ. Ихъ запрягали въ количествѣ четырехъ или шести. Ими управляли аэронавты съ помощью шеста, на одномъ концѣ котораго былъ привѣшенъ кусокъ сырого мяса. Орлы стремились его поймать и двигались впередъ, видя его предъ собою. Когда предстояло повернуть шаръ въ какую-нибудь сторону, спуститься или подняться, то аэронавтъ поворачивалъ шестъ съ мясомъ въ ту сторону. Самое забавное заключалось въ томъ, что испытанія устраивались самымъ офиціальнымъ образомъ.

Какой-то патріотъ предложилъ выпустить на пруссаковъ хищныхъ звѣрей. По его плану, какъ только непріятель приближался къ покинутымъ фермамъ, туда надо было отправлять въ клѣткахъ голодныхъ тигровъ и львовъ изъ Ботаническаго сада. Когда нѣмцы являлись на фермы и принимались грабить скотъ и прочіе, то ихъ встрѣчали выпущенные изъ клѣтокъ голодные тигры и львы и разрывали на части. Авторъ проекта былъ убѣжденъ, что эти средства внушило бы «нашему Фрицу» такой страхъ, что прусская армія должна была на нѣсколько дней задержала свой ходъ.

Другой защитникъ придумалъ еще болѣе фантастическій планъ—похитить Бисмарка, живымъ или мертвымъ. Эту операцію предлагала исполнить какая-то американская шайка. Хотѣли только знать, какую цѣну дадутъ за голову Бисмарка и какая его постигнетъ участь, если удастся захватить его живымъ.

Но самый курьезный планъ былъ предложенъ врачомъ Орлеанской желѣзной дороги. Парижъ тонулъ въ темнотѣ за неимѣніемъ угля для газоваго освѣщенія. И вотъ докторъ предложилъ использовать человѣческіе трупы для добыванія изъ нихъ газа. По его увѣренію, подобный газъ горитъ гораздо ярче обыкновеннаго. Для добыванія его требовалось лишь положить въ реторту человѣческій трупъ и разложить его искуственно. Правительство, однако, отказало дать ему даже остатки анатомическаго пепла.

Другой изобрѣтатель нашелъ средство отравить въ Сенѣ воду, чтобы заставить осаждавшихъ удалиться отъ Парижа. Какой-то меломанъ изобрѣлъ митральезу съ музыкой. Въ то время, какъ непріятель приближался, она играла нѣмецкія пѣсни, а затѣмъ внезапно разрывалась.

Женщины не отставали отъ мужчинъ въ изобрѣтеніяхъ. Одна изъ нихъ придумала средство, достойное Лукреціи Борджіа. Оно состояло изъ кольца, въ которомъ скрыта была острая тонкая трубочка, наполненная сильнымъ ядомъ. Когда приближался непріятель, прелестныя дамы встрѣчали его съ распростертыми объятіями и протягивали руку для пожатія. Когда онѣ пожимали руку врага, булавка наносила уколъ и непріятель погибалъ. Такимъ образомъ, каждая красивая патріотка могла убить цѣлый отрядъ пруссаковъ.

Въ женскомъ клубѣ къ этому предложенію отнеслись съ большимъ воодушевленіемъ. Но на другой день пресса такъ осмѣяла этотъ планъ, что пришлось съ нимъ разстаться.

Однако не такъ легко было охладить пылкія женскія головы, разгоряченныя патріотизмомъ. Планъ умерщвленія былъ замѣненъ другимъ: дамы рѣшили собрать отряды амазонокъ. Но и это не удалось; въ національной гвардіи, по увѣренію автора, царило пьянство и трудно вообразить, что бы тогда творилось среди солдатъ. Поэтому женщины примирились съ болѣе скромной ролью. По наблюденіямъ автора, у парижанокъ неврозъ проявляется въ болѣе слабой формѣ, чѣмъ у мужчинъ.

Несмотря на ужасъ осаднаго положенія, голодъ, холодъ и болѣзни, въ Парижѣ не прекращалась ни умственная, ни артистическая жизнь

Оторванность отъ внѣшняго міра, жажда узнать, что дѣлается съ близкими, которые сражались за родину,—все это послужило къ появленію большого количества газетъ. Сначала въ Парижѣ выходило двадцать четыре газеты, между прочимъ знаменитая «Combat», которая первая сообщила объ измѣнѣ Базена; тринадцать—въ октябрѣ 1870 г., четырнадцать—въ ноябрѣ и одиннадцать—въ декабрѣ.

Академіи и ученыя общества не прерывали своихъ занятій въ самые тяжелые моменты. Въ то время, какъ пруссаки сжимали тѣснымъ кольцомъ свои ряды, а въ самомъ Парижѣ бушевалъ мятежъ, ученые оставались глухи ко всему, кромѣ своихъ лекцій. Медицинская академія особенно усидчиво работала для пользы раненыхъ.

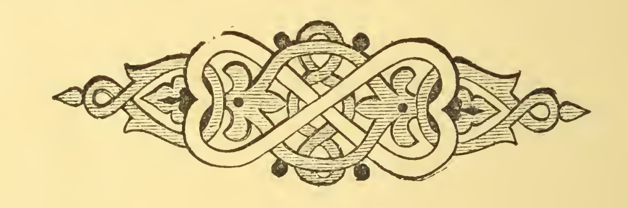
Театры послѣ мѣсячнаго перерыва всѣ были открыты, хотя большинство актеровъ и зрителей находились въ арміи. Деньги за билеты поступали въ кассу директоровъ и шли на нужды раненыхъ и на покупку оружія.

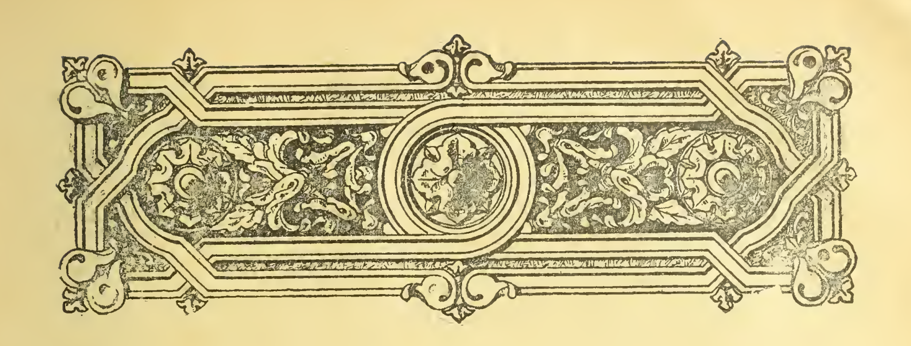
Страшный призракъ голода обыкновенно пугаетъ осажденныхъ не менѣе вражескихъ пуль. Этотъ бичъ не щадилъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, хотя послѣднимъ было хуже. Коровье масло замѣнили лошадинымъ жиромъ. Въ Ботаническомъ саду были истреблены всѣ хищные и не хищные звѣри для стола богачей. Потомъ добрались до собакъ, кошекъ и крысъ. Особенно страдали маленькія дѣти, за неимѣніемъ молока была придумана какая-то смѣсь, поэтому дѣтская смертность достигла огромныхъ размѣровъ.

Нашлись изобрѣтатели, которые предложили проектъ употреблять въ пищу стариковъ. Эта чудовищная идея пришла въ голову шестидесятилѣтнему человѣку—адвокату, который не могъ равнодушно видѣть, какъ голодали его сограждане, и предложилъ первый свою жизнь, чтобы дать имъ возможность чѣмъ-нибудь утолить голодъ.

Не однѣ болѣзни и голодъ уносили массы жертвъ; едва ли не большій процентъ составляли сумасшедшіе и полусумасшедшіе. Это обычное явленіе военнаго времени. Переутомленіе, сильныя впечатлѣнія, ужасныя зрѣлища на полѣ сраженія—все это приводило къ тому, что не подготовленные нервы не выдерживали. Тѣ изъ изъ военныхъ, которымъ удается перенести этотъ кризисъ, становятся потомъ совершенно нечувствительными ко всему, что происходитъ вокругъ.

Но самымъ ужаснымъ бичомъ осажденныхъ былъ алкоголь, который свилъ себѣ гнѣздо въ національной гвардіи. Судя по письму одного плѣннаго нѣмецкаго офицера, онъ просыпался пьянымъ и засыпалъ пьянымъ. Онъ никогда въ жизни не пилъ столько вина, какъ въ плѣну во Франціи.

СМѢСЬ.

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ Государю профессоровъ русской исторіи и русскаго права. 24 мая въ Царскомъ Селѣ имѣли счастье представляться Его Величеству Государю Императору профессора русской исторіи и русскаго права, прибывшіе въ Москву для обсужденія вопроса объ устройствѣ періодическихъ съѣздовъ русскихъ историковъ. Представлявшіеся, въ числѣ 18 человѣкъ, прибыли въ Александровскій дворецъ и размѣстились въ Портретномъ залѣ; при представленіи профессоровъ находился министръ народнаго просвѣщенія графъ П. Н. Игнатьевъ. Имѣли счастіе представляться Его Императорскому Величеству слѣдующія лица: отъ императорскаго московскаго университета: профессора дѣйствительный статскій совѣтникъ Любавскій, статскій совѣтникъ Богословскій, тайный совѣтникъ Филипповъ; отъ императорскаго петроградскаго университета: профессора тайный совѣтникъ Платоновъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Грибовскій, дѣйствительный статскій совѣтникъ Рождественскій; отъ императорскаго университета св. Владимира: профессора академикъ тайный совѣтникъ Иконниковъ, статскій совѣтникъ Запольскій-Довнаръ, статскій совѣтникъ Ясинскій, отъ императорскаго харьковскаго университета: дѣйствительный статскій совѣтникъ Багалѣй, надворный совѣтникъ Клочковъ, статскій совѣтникъ Максимейко; отъ императорскаго казанскаго университета: дѣйствительный статскій совѣтникъ Ивановскій; отъ императорскаго новороссійскаго университета профессора: статскій совѣтникъ Линниченко, статскій совѣтникъ Шпаковъ; отъ императорскаго юрьевскаго университета: профессора статскій совѣтникъ Лаппо, статскій совѣтникъ Тарановскій;

отъ императорскаго варшавскаго университета: профессоръ статскій совѣтникъ Малиновскій. Когда Государь Императоръ вошелъ въ Портретный залъ, профессоръ Любавскій прочелъ слѣдующій всеподданнѣйшій адресъ:

«Всемилостивѣйшій Государь!

«Волею Господнею русскій народъ въ царствованіе Вашего Императорскаго Величества поднялся на высоту своего историческаго призванія. По зову своего Монарха, какъ одинъ человѣкъ, возсталъ онъ на освобожденіе отъ тевтонскаго ярма своихъ братьевъ-славянъ, на защиту собственнаго достоянія и чести, на возстановленіе поруганныхъ началъ права и справедливости въ международныхъ отношеніяхъ. Близятся къ разрѣшенію очередныя великія задачи Россіи, поставленныя ей исторіею, исполняются завѣты ея прошлаго и открываются перспективы свѣтлаго будущаго...

«Въ эти знаменательные историческіе дни мы, профессора русской исторіи и исторіи русскаго права въ россійскихъ университетахъ, слѣдившіе за внѣшними судьбами нашего отечества и за ходомъ его внутренняго государственнаго и гражданскаго развитія, съ особою силою почувствовали и съ особою ясностью сознали великое значеніе совершившагося доселѣ національнаго воспитанія русскаго народа. Усиліями многихъ вѣковъ, многихъ поколѣній государственныхъ, общественныхъ, литературныхъ и научныхъ дѣятелей совершалось это національное воспитаніе, прояснялось народное самосознаніе, развивалось чувство національнаго достоинства и укрѣплялась стихійная любовь къ отечеству. При обозрѣніи этихъ усилій наши взоры съ глубокимъ умиленіемъ останавливаются на Вашей дѣятельности, Великій Государь!

«Призвавъ свой народъ, въ лицѣ выборныхъ представителей, къ участію въ государственномъ домостроительствѣ, Ваше Императорское Величество тѣмъ самымъ сообщили новую, дѣйственную силу русскому національному чувству и сознанію. Эта дѣйственная сила ярко выразилась нынѣ въ заявленіяхъ и постановленіяхъ законодательныхъ учрежденій, въ заявленіяхъ и дѣятельности многоразличныхъ государственныхъ и общественныхъ организацій, въ патріотическомъ одушевленіи и готовности къ жертвамъ широкихъ народныхъ массъ. Чувство, сознаніе и воля русскаго народа слились нынѣ воедино и въ тѣсномъ неразрывномъ соединеніи съ чувствомъ, сознаніемъ и волею Монарха направились нынѣ къ совершенію великихъ дѣлъ, великаго историческаго подвига.

«Раздѣляя со всѣмъ русскимъ обществомъ, со всѣмъ русскимъ народомъ благодарное признаніе этого великаго дѣянія Вашего Императорскаго Величества, мы, русскіе ученые, работающіе въ области русской исторіи вообще и исторіи русскаго права въ частности, испытываемъ нынѣ душевную, сердечную потребность благодарно засвидѣтельствовать и о той сторонѣ Вашего мощнаго содѣйствія дѣлу русскаго національнаго воспитанія, которая близко соприкасается съ нашею спеціальною научною дѣятельностью. Среди своихъ многочисленныхъ царственныхъ заботъ и трудовъ Ваше Императорское Величество всегда удѣляли любовное вниманіе отечественной исторіи, лицамъ, дѣяніямъ и памятникамъ минувшихъ временъ. Въ лицѣ Вашего Императорскаго Величества наука русской исторіи имѣетъ Высокаго Покровителя, неустанно

пекущагося о сохраненіи ея памятниковъ и разработкѣ ихъ, а русскіе историки имѣютъ своего Царственнаго духовнаго Вождя, подающаго имъ высокій примѣръ глубокаго уваженія ко всѣмъ памятникамъ русской исторической жизни, ко всѣмъ проявленіямъ русскаго національнаго генія въ словѣ, образахъ и дѣйствіи, Своимъ живымъ интересомъ, одобреніемъ и содѣйствіемъ ведущаго ихъ на усердную и дружную работу на полѣ отечественной исторіи.

«Великій Государь! Дерзаемъ думать, что ничѣмъ другимъ мы не сможемъ отвѣтить на всѣ эти щедроты Вашего любвеобильнаго духа, какъ только усиленіемъ нашей научной дѣятельности. Въ прошедшемъ 1914 году, по указанію Вашего Императорскаго Величества, собирался съѣздъ представителей губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій для выясненія ихъ нуждъ, очередныхъ задачъ и объединенія ихъ дѣятельности. Въ этомъ съѣздѣ мы увидали предуказаніе Вашего Императорскаго Величества, что надо дѣлать и намъ, профессорамъ и преподавателямъ учебныхъ заведеній, и членамъ ученыхъ историческихъ обществъ. Собравшись въ стѣнахъ старѣйшаго въ Россіи московскаго университета, мы, профессора русской исторіи и исторіи русскаго права, пришли къ мысли связать съ славнымъ Именемъ Вашего Императорскаго Величества возникновеніе въ Россіи новаго установленія—періодическихъ съѣздовъ русскихъ историковъ въ широкомъ смыслѣ этого слова, имѣющихъ созываться черезъ каждыя пять лѣтъ въ университетскихъ городахъ по очереди и въ обмѣнѣ изысканіями и мнѣніями объединять всѣхъ ученыхъ, работающихъ въ разныхъ отрасляхъ русской исторіи и соприкасающихся съ нею дисциплинъ.

«Повергая къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества чувства безпредѣльной любви и преданности, всеподданнѣйше просимъ Васъ, Всемилостивѣйшій Государь, благословить и утвердить это наше начинаніе и тѣмъ дать намъ возможность запечатлѣть достойно и навсегда особое благоволеніе и покровительство Вашего Императорскаго Величества разработкѣ науки русской исторіи».

Его Императорскому Величеству благоугодно было отвѣтить профессорамъ слѣдующими высокомилостивыми словами:

«Сердечно благодарю васъ, господа, за вниманіе, которое вы Мнѣ оказали, и съ особымъ удовольствіемъ изъявляю Свое согласіе на присвоеніе періодическимъ историческимъ съѣздамъ Моего имени.

«Вѣрю вмѣстѣ съ вами, что послѣ великой, грозной и тяжелой войны Россія еще болѣе окрѣпнетъ и что съ развитіемъ ея внутренней жизни и дорогая намъ съ вами наука русской исторіи и русскаго права пойдетъ впередъ вѣрными и бодрыми шагами.

«Еще разъ благодарю васъ, господа».

Удостоивъ профессоровъ милостивой бесѣдой, Государь Императоръ прослѣдовалъ во внутренніе покои.

Всероссійское общество здравницъ въ память войны 1914—1915 г. 10-го мая удостоился собственноручнаго Его Императорскаго Величества утвержденія уставъ состоящаго подъ августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Θеодоровны всероссійскаго общества здравницъ въ память войны 1914—1915 гг. Общество имѣетъ цѣлью

содѣйствовать возможно полному возстановленію здоровья страждущихъ вообще и прежде всего пострадавшихъ участниковъ войны 1914—1915 года, а также членовъ семействъ тѣхъ и другихъ, путемъ леченія ихъ въ здравницахъ. Для достиженія поставленной цѣли общество имѣетъ заботиться о насажденіи по всей имперіи, развитіи и поддержаніи научно поставленныхъ здравницъ (клиническихъ санаторій). Обществу предоставлены всѣ права юридическаго лица; право созывать всероссійскіе и порайонные съѣзды членовъ общества, разрабатывать законопроекты по вопросамъ, обусловленнымъ цѣлями общества, представлять эти законопроекты на разсмотрѣніе подлежащихъ вѣдомствъ и учрежденій и сообщать вѣдомствамъ и учрежденіямъ свои мнѣнія и заключенія по соотвѣтствующимъ вопросамъ. Членами общества могутъ быть какъ отдѣльныя лица обоего пола, такъ равно и общества и учрежденія, не исключая сословныхъ, земскихъ и городскихъ установленій. Почетными членами являются: а) члены императорской фамиліи, которые соблаговолять принять это званіе, и 2) выбранныя общимъ собраніемъ лица съ утвержденія Августѣйшей Покровительницы общества. Члены-учредители утверждаются въ этомъ званіи Августѣйшей Покровительницей общества. Пожизненными членами являются лица, внесшія единовременно 500 рублей. Дѣйствительными членами—лица, вносящія не менѣе пяти рублей въ годъ, или единовременно сто рублей. Члены общества получаютъ особый знакъ для ношенія на груди.

Юбилей народнаго поэта. 17-го мая въ Москвѣ состоялось чествованіе двадцатипятилѣтней литературной дѣятельности народнаго поэта Филиппа Степановича Шкулева. На праздникъ сошлись многіе друзья и почитатели поэта, причемъ юбиляру поднесенъ былъ адресъ, покрытый подписями присутствовавшихъ. Между прочимъ, были получены привѣтствія отъ академика И. А. Бунина, Н. Д. Телешова, редакція «Сѣвернаго Утра», М. Л. Леонова, М. М. Чернышевой, А. П. Андреева, Суриковскаго литературно-музыкальнаго кружка и другихъ. Теплыя привѣтствія присланы съ театра военныхъ дѣйствій С. Г. Петровымъ и Н. И. Столешниковымъ, И. А. Бѣлоусовъ, не имѣвшій возможности лично присутствовать на торжествѣ, прислалъ юбиляру вмѣстѣ съ привѣтствіемъ сборникъ своихъ стихотвореній съ надписью. С. О. Сѣрополко привѣтствовалъ юбиляра отъ редакціи журнала «Юная Россія». Произнесены были подобающія торжеству рѣчи и прочтены стихотворенія—Ѳ. Т. Гаврилова, К. Е. Нечаева, Н. И. Волкова, Л. Г. Чемисова, И. К. Коробова, Ю. П. Уселева, Е. В. Кузьминова, С. Н. Кошкарова, П. П. Филимонова, И. М. Бѣльникова и другихъ. Г. П. Заврежный сказалъ длинную рѣчь, Ѳ. Г. Гавриловъ произнесъ нѣсколько экспромптовъ. Растроганный юбиляръ въ краткой рѣчи благодарилъ присутствующихъ.

Юбилей академика А. С. Лаппо-Данилевскаго. 9-го мая исполнилось 25-лѣтіе ученой, литературной и педагогической дѣятельности академика А. С. Лаппо-Данилевскаго. 25 лѣтъ тому назадъ А. С. защитилъ магистерскую диссертацію и впервые выступилъ въ качествѣ университетскаго преподавателя. Однако его учено-литературная дѣятельность началась еще съ первыхъ лѣтъ университетской жизни, непрерывно съ тѣхъ поръ продолжаясь. Неослабная воля къ труду и сильное дарованіе позволили развить А. С. обширную учено-

литературную, а затѣмъ и учено-педагогическую дѣятельность, выразившуюся въ многочисленныхъ работахъ монографическаго и общаго характера, а также въ университетскомъ преподаваніи. Въ этихъ своихъ ученыхъ трудахъ А. С. былъ движимъ чрезвычайно многоразличнымъ интересомъ. Еще на гимназической скамьѣ его влекло къ философіи и историческому обобщенію. Въ университетскіе годы, увлекаясь вопросами первобытной культуры, А. С. занимался скиѳскими древностями, а позднѣе—древностями Прикубанскаго края, въ связи съ чѣмъ и напечаталъ въ разное время нѣсколько работъ («Скиѳскія древности», «Древности кургана Карагодеуашхъ» и др.). Въ тѣ же годы А. С. занимался исторіей московскаго государственнаго строя, остановивъ затѣмъ свое преимущественное вниманіе на его финансовой исторіи—тогда очередной темѣ русской исторической науки. Такъ, изначала своей научной жизни А. С., на ряду съ широкой теоретической склонностью, обнаружилъ любовь къ конкретному живому развитію. Въ связи съ тѣми же научными устремленіями стоитъ и его магистерская диссертація—«Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ». Въ связи съ этимъ крупнымъ трудомъ стоитъ цѣлый рядъ статей самостоятельнаго значенія, написанныхъ частью до выхода его въ свѣтъ, частью послѣ. Центральные интересы А. С. замѣтно перестраиваются послѣ 1890 года. Теперь онъ обращается къ изученію русской общественной жизни XVIII вѣка въ многоразличныхъ ея проявленіяхъ. Уже и въ своихъ финансовыхъ работахъ А. С. изучалъ не только государство, но и общество. Это устремленіе въ работахъ по XVIII вѣку осложнилось интересомъ къ духовной культурѣ. Въ рядѣ статей-монографій А. С. изслѣдовалъ на основѣ тщательнаго анализа матеріала явленія права хозяйства и просвѣщенія XVIII вѣка и еще въ самое послѣднее время въ сжатой статьѣ вернулся къ исторіи идеи государства въ Россіи, гдѣ резюмировалъ сложную подготовительную работу многихъ лѣтъ (см. «Собр. и св. зак. Росс. Имперіи въ царств. имп. Екатерины II», «Русскія промышл. и торг. компаніи въ первой пол. XVIII в.», «Имп. Екатерина II» и др.). На ряду съ тѣмъ онъ занимался подъ вліяніемъ трудовъ Ключевскаго исторіей закрѣпощенія крестьянъ, давши нѣсколько обстоятельныхъ монографій и по этому вопросу («Разысканія по исторіи прикрѣпленія въ Московскомъ государствѣ», «Очеркъ ист. образ. главнѣйшихъ разр. крестьянскаго нас. въ Россіи» и. др.). Въ тѣсной связи съ общимъ интересомъ къ хозяйственной и общественной исторіи стоятъ занятія и изслѣдованія А. С. надъ актовымъ матеріаломъ, при изученіи котораго онъ примѣнялъ новые и точные пріемы дипломатическаго анализа. Къ сожалѣнію, многія изъ вышеуказанныхъ цѣнныхъ статей-монографій разсѣяны въ трудно доступныхъ повременныхъ изданіяхъ. Въ теченіе ряда лѣтъ А. С. читалъ разнообразные курсы по теоріи соціальныхъ и историческихъ наукъ и, наконецъ, общій курсъ по методологіи исторіи, а также велъ семинаріи на аналогичныя темы. Кажется, въ связи съ этими занятіями возникли и теоретическіе взгляды на историческую науку, отразившіеся въ его конкретно-исторической работѣ, и нѣкоторые спеціальные печатные труды А. С. Такъ, въ статьѣ объ основныхъ принципахъ соціологической доктрины О. Конта А. С. подвергъ эти принципы обстоятельной и плодотворной критикѣ, стоя на почвѣ критицизма. Въ 2-хъ же томахъ своей «Методологіи

исторіи» развилъ теорію историческаго знанія и методологію источниковѣдѣнія. Избранный въ 1899 году въ дѣйствительные члены академіи наукъ, А. С. сумѣлъ найти время и силы стать во главѣ нѣсколькихъ ея крупныхъ начинаній. Не менѣе ярка и значительна университетская дѣятельность А. С., слившая въ себѣ черты сложной личности съ чертами мыслителя-ученаго. Помимо вышеуказанныхъ теоретическихъ занятій, А. С. около 15 лѣтъ велъ бесѣды по предметамъ факультетскаго преподаванія, читалъ историческіе курсы (по исторіографіи, исторіи Россіи въ XVIII вѣкѣ), велъ историческіе семинаріи (по сист. закрѣп. крестьянъ и др.). Въ виду переживаемаго нами времени юбиляръ уклонился отъ офиціальнаго чествованія и на день юбилея уѣхалъ въ Финляндію. Наканунѣ ученики юбиляра тѣснымъ кружкомъ чествовали А. С. Чествованіе носило интимный и частный характеръ. Кружокъ рѣшилъ въ ознаменованіе юбилея А. С. Лаппо-Данилевскаго издать посвященный ему сборникъ статей. Въ день юбилея А. С. Лаппо-Данилевскаго полученъ рядъ привѣтствій, къ коимъ редакція «Историческаго Вѣстника» сердечно присоединяется.

Пятидесятилѣтній юбилей академика В. С. Иконникова. 30-го мая исполнилось пятьдесятъ лѣтъ ученой дѣятельности ординарнаго академика императорской академіи наукъ, доктора русской исторіи и заслуженнаго профессора тайнаго совѣтника В. С. Иконникова. Юбиляръ родился въ 1841 году, воспитывался въ кіевскомъ кадетскомъ св. князя Владиміра корпусѣ, высшее образованіе получилъ въ кіевскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету и былъ оставленъ стипендіатомъ для подготовки къ профессорскому званію. Въ 1867 году онъ былъ приватъ-доцентомъ харьковскаго университета, а по защитѣ магистерской диссертаціи назначенъ штатнымъ доцентомъ кіевскаго университета по каѳедрѣ русской исторіи. Въ 1870 году, защитивъ въ новороссійскомъ университетѣ докторскую диссертацію «Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи», В. С. въ 1869 году былъ избранъ на каѳедру русской исторіи сначала экстраординарнымъ, а затѣмъ съ 1871 года ординарнымъ профессоромъ. Юбиляръ разновременно исполнялъ обязанности декана историко-филологическаго факультета кіевскаго университета, члена совѣта кіевской коллегіи Павла Галагана, предсѣдателя совѣта высшихъ женскихъ курсовъ, кіевской археологической комиссіи при генералъ-губернаторѣ Юго-Западнаго края и историческаго общества преподобнаго Нестора лѣтописца. Въ прошломъ году В. С. Иконниковъ былъ избранъ ординарнымъ академикомъ. Перу академика Иконникова принадлежитъ очень много ученыхъ трудовъ.

Тридцатилѣтіе учено-литературной дѣятельности Н. Г. Дебольскаго. 30-го мая праздновалъ тридцатилѣтіе своей учено-литературной дѣятельности штатный членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія и членъ совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, тайный совѣтникъ Николай Григорьевичъ Дебольскій. Сынъ покойнаго настоятеля Казанскаго собора, протоіерея Г. С. Дебольскаго, Н. Г. родился 16-го ноября 1842 года, получилъ образованіе въ горномъ институтѣ и въ императорскомъ петроградскомъ университетѣ, который окончилъ со степенью кандидата естественныхъ наукъ (1865). Педагогическую службу Н. Г. проходилъ въ первомъ

кадетскомъ корпусѣ, школахъ техническаго общества, на женскихъ педагогическихъ курсахъ и въ духовной академіи, гдѣ читалъ лекціи по метафизикѣ, логикѣ и психологіи, а съ 1880 года сталъ служить въ департаментѣ народнаго просвѣщенія, гдѣ былъ вице-директоромъ и завѣдывалъ дѣлопроизводствомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, а съ 1903 года состоитъ членомъ того же совѣта. Тогда же Н. Г. былъ избранъ почетнымъ членомъ философскаго общества при нашемъ университетѣ и православнаго палестинскаго общества. Разновременно онъ былъ сотрудникомъ: «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», «Вѣстника Европы», «Вѣстника Воспитанія», «Педагогическаго Музея», «Семьи и Школы», «Русской Школы», «Педагогическаго Обозрѣнія», «Слова» и «Современнаго Обозрѣнія». Изъ отдѣльныхъ сочиненій почтеннаго юбиляра отмѣтимъ: «Введеніе въ ученіе о познаніи», «О діалектическомъ методѣ», «Философскія основы нравственнаго воспитанія», «Высшія техническія училища Австріи и Германіи», «Философія будущаго», «Философія феноменальнаго формализма», «О подготовкѣ родителей и воспитателей къ дѣлу воспитанія дѣтей», «Наше учебное вѣдомство и начальная школа» и «О высшемъ благѣ». Во дни своей молодости Н. Г. напечаталъ нѣсколько стихотвореній въ «Вѣстникѣ Европы».

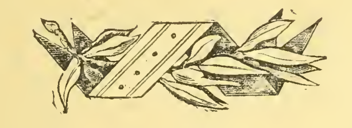
Тридцатилѣтіе ученой дѣятельности профессора М. Е. Красножена.

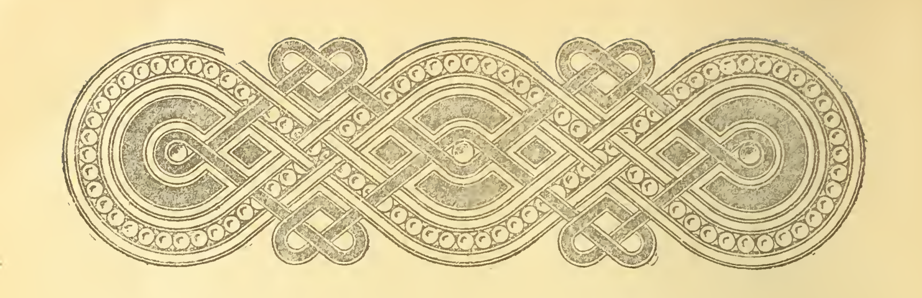
Исполнилось тридцать лѣтъ со времени окончанія курса въ московскомъ университетѣ и оставленія при этомъ университетѣ для приготовленія къ профессорской дѣятельности ординарнаго профессора юрьевскаго университета дѣйствительнаго статскаго совѣтника М. Е. Красножена. Калужанинъ по рожденію и по первоначальному образованію въ тамошней гимназіи, которую онъ окончилъ съ серебряною медалью, М. Е. Красноженъ посвятилъ себя изученію юридическихъ наукъ въ московскомъ университетѣ и за сочиненіе по каноническому праву былъ удостоенъ золотой медали. По окончаніи курса въ московскомъ университетѣ со степенью кандидата юридическихъ наукъ въ 1885 году и по выдержаніи магистерскаго экзамена М. Е. былъ командированъ съ ученою цѣлью за границу, гдѣ провелъ нѣсколько лѣтъ. По возвращеніи изъ-за границы, послѣ защиты магистерской диссертаціи, обратившей на молодого ученаго общее вниманіе, былъ назначенъ въ 1891 году приватъ-доцентомъ московскаго университета по каѳедрѣ каноническаго права съ содержаніемъ и получилъ чтеніе обязательныхъ лекцій для студентовъ четвертаго курса; въ то же время М. Е. познакомился съ извѣстнымъ московскимъ присяжнымъ повѣреннымъ Ѳ. Н. Плевако, который, желая пользоваться справками и совѣтами его по вопросамъ церковнаго права, связанными съ нѣкоторыми крупными процессами, которые велъ въ это время нынѣ покойный Ѳ. Н. Плевако (напримѣръ, многомилліонное дѣло о завѣщаніи Медынцевой), предложилъ М. Е. поступить къ нему помощникомъ. И вотъ передъ М. Е. открылись двѣ дороги: полная терній и плевелъ ученая, и щедро, иногда черезчуръ щедро оплачиваемый трудъ адвокатуры, подъ покровительствомъ такой знаменитости, какою былъ Ѳ. Н. Плевако, особенно въ девятидесятыхъ годахъ. Подъ вліяніемъ уговоровъ покойнаго министра народнаго просвѣщенія графа И. Д. Делянова, знавшаго М. Е. по отзывамъ его учителя—корифея русской науки—А. С. Павлова, М. Е.

избралъ ученую карьеру и въ 1893 году еще совершенно молодымъ человѣкомъ былъ назначенъ профессоромъ въ юрьевскій университетъ. «Предназначавшійся ранѣе къ профессорско-кабинетной работѣ,—писалъ по случаю двадцатипятилѣтняго юбилея извѣстный русскій ученый профессоръ и членъ-корреспондентъ императорской академіи наукъ Н. Н. Глубоковскій,—профессоръ М. Е. Красноженъ, съ переходомъ въ Юрьевъ, былъ призванъ къ важной государственной дѣятельности утвержденія русскихъ началъ на онѣмеченной окраинѣ, къ проведенію въ ней въ жизнь русской государственности. Онъ былъ въ числѣ членовъ славной рати піонеровъ этой великой миссіи и едва ли не послѣднимъ изъ нихъ остается на стражѣ ея. Тягостенъ, иногда прямо мучителенъ былъ чуть не каждый шагъ при враждѣ и напастяхъ со всѣхъ сторонъ, когда свои нерѣдко тѣснили не хуже чужихъ, а вверху часто колебались и постоянно держали въ неувѣренности. Между тѣмъ задача и сама по себѣ была крайне сложная. Юрьевъ былъ знаменіемъ нѣмецкой націоналистической обособлено ности, замѣтно тяготѣвшей къ германскому «фатерланду», и тамъ русскій человѣкъ принужденъ былъ бороться за свое существованіе. Съ другой стороны, Юрьевъ былъ и большимъ культурнымъ центромъ, гдѣ нельзя было одержать побѣды безъ культурнаго превосходства. Въ совокупности все это говорило, что требовалось противопоставить русскую культуру съ достаточной силой и достоинствомъ старой, нѣмецкой. Просвѣщеннымъ умомъ трезваго русскаго человѣка М. Е. нашелъ вѣрную и поистинѣ счастливую дорогу, выбравъ девизомъ: «трудомъ достигай всего», которому и былъ вѣренъ всецѣло, почему и достигъ дѣйствительнаго культурнаго торжества. Прежде всего это примѣнялось къ научно-профессорской области. Здѣсь научный трудъ былъ его всегдашнею стихіей, какъ бы второю природой, и онъ отдается ему съ самозабвеніемъ, даже въ тяжкомъ недугѣ (весною и лѣтомъ 1911 года) не прерываетъ его. Свою спеціальность М. Е. Красноженъ обогатилъ капитальными сочиненіями солидной научной цѣнности, и для подтвержденія этого достаточно назвать двѣ его ученыя диссертаціи, не говоря уже о массѣ другихъ научныхъ работъ, всегда отмѣченныхъ печатью обстоятельной объективности». Нѣкоторыя изъ его работъ переведены на иностранные языки. М. Е. Красноженъ былъ четыре года деканомъ юридическаго факультета по назначенію министерства народнаго просвѣщенія, предсѣдателемъ общества вспомоществованія нуждающимся студентамъ, почетнымъ членомъ котораго былъ избранъ, состоитъ предсѣдателемъ учено-литературнаго общества въ теченіе многихъ лѣтъ, почетнымъ мировымъ судьею, старостою университетской церкви. Редакція «Историческаго Вѣстника», имѣя удовольствіе постоянно пользоваться трудами заслуженнаго ученаго по отдѣлу «Критики и библіографіи», пользуется случаемъ, чтобы принести своему сотруднику-юбиляру сердечное поздравленіе съ его научно-литературнымъ праздникомъ.

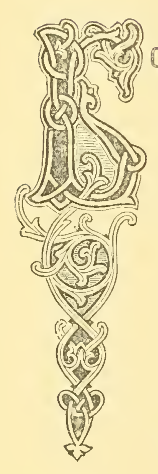
Юбилей Н. П. Петрова. 11-го іюня исполнилось шестьдесятъ лѣтъ государственной дѣятельности члена Государственнаго Совѣта и предсѣдателя второго департамента Совѣта, заслуженнаго профессора, инженеръ-генерала Николая Павловича Петрова. Н. П. родился въ 1836 году. Образованіе получилъ въ Константиновскомъ военномъ училищѣ и Николаевской инженерной ака-

деміи. Въ 1866 года читалъ лекціи въ Николаевской инженерной академіи и петроградскомъ технологическомъ институтѣ. Въ послѣднемъ Н. П. читалъ теорію и устройство паровыхъ котловъ и паровозовъ, руководилъ составленіемъ проектовъ и въ 1871 году ввелъ новый курсъ—о подвижномъ составѣ желѣзныхъ дорогъ. Значительную роль въ судьбахъ нашего желѣзнодорожнаго строительства сыгралъ Н. П. въ періодъ 1888—1892 годовъ, когда онъ состоялъ предсѣдателемъ временнаго управленія казенныхъ желѣзныхъ дорогъ; въ эти годы протяженіе казенныхъ желѣзныхъ дорогъ возросло вдвое, нѣсколько казенныхъ дорогъ окончены постройкой и началась постройка дороги въ Уссурійскомъ краѣ. Н. П. состоялъ короткое время директоромъ департамента желѣзныхъ дорогъ, предсѣдателемъ инженернаго совѣта министерства путей сообщенія, а въ 1893 года былъ назначенъ товарищемъ министра путей сообщенія. Въ концѣ 1897 года Н. П., какъ предсѣдатель императорскаго русскаго техническаго общества, предсѣдательствовалъ въ комиссіи, призванной къ обсужденію вопроса о расширеніи въ Россіи техническаго образованія. Научные труды Н. П. пользуются большой извѣстностью и касаются, главнымъ образомъ, вопроса о треніи машинныхъ частей. Н. И. является творцомъ гидродинамической теоріи тренія при наличности смазывающей жидкости. Кромѣ того, Н. П. принадлежатъ многія печатныя работы по вопросамъ подвижного состава желѣзныхъ дорогъ.

НЕКРОЛОГИ.

Богучарскій, В. Я. 8-го мая въ Петроградѣ скончался извѣстный общественный дѣятель и писатель В. Я. Богучарскій (Яковлевъ). Онъ родился въ 1861 году, получилъ военное образованіе, но вскорѣ же бросилъ военную карьеру. Выйдя въ отставку, В. Я. отдался всецѣло общественной дѣятельности. Въ 1880 году онъ былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ и началъ свою литературную дѣятельность, принявъ участіе въ «Сибирской Газетѣ». Въ 1890 году, возвратившись изъ ссылки, В. Я. примкнулъ къ марксистамъ, работалъ въ журналахъ «Слово» и «Начало» П. Б. Струве и Туганъ-Барановскаго, а съ 1897 года велъ провинціальное обозрѣніе въ журналѣ «Новое Слово». Въ марксистскомъ лагерѣ В. Я. оставался недолго. Онъ уѣхалъ скоро за границу, гдѣ примкнулъ къ группѣ освобожденія и былъ дѣятельнымъ помощникомъ въ изданіяхъ журналовъ П. Б. Струве. Онъ явился душой съѣзда освобожденія. Въ 1904 году Богучарскій принималъ участіе на заграничномъ съѣздѣ конституціоналистовъ вмѣстѣ съ П. Н. Милюковымъ. Въ 1905 году онъ явился однимъ изъ дѣятельныхъ организаторовъ к.-д. партіи и былъ избранъ членомъ совѣта партіи, но черезъ нѣсколько дней вышелъ изъ ея состава, находя, что взгляды этой партіи отнюдь не являются продолженіемъ взглядовъ партіи освобожденія. Въ 1907 г. В. Я.. вмѣстѣ съ Щеголевымъ и Бурцевымъ издавалъ журналъ «Былое». Затѣмъ онъ эмигрировалъ за границу, гдѣ издавалъ сборникъ русскихъ политическихъ процессовъ, начиная съ декабристовъ и кончая процессомъ 193. Въ 1913 году Богучарскій получилъ амнистію, возвратился изъ-за границы и вошелъ въ составъ вольно-экономическаго общества, гдѣ занялъ должность секретаря. Когда вспыхнула

война, В. Я. всѣ свои силы посвятилъ на организацію лазаретовъ вольно-экономическаго общества. Многія воспоминанія и статьи его печатались въ «Русской Мысли», «Быломъ», «Голосѣ Минувшаго», «Сѣверномъ Курьерѣ», «Обозрѣніи», «Мірѣ Божіемъ». Изъ вышедшихъ отдѣльными книгами сочиненій В. Я. слѣдуетъ отмѣтить: «Три западника сороковыхъ годовъ» (Чаадаевъ, Бѣлинскій и Герценъ), «Изъ исторіи политической борьбы въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ XIX вѣка», «Активное народничество семидесятыхъ годовъ», а также біографіи Георга Вашингтона, Лафайета и нѣсколько переводныхъ трудовъ. (Некрологъ его: «Голосъ Москвы», 1915 г., № 105).

Лебедевъ, А. А. [1]). 15-го мая на 71-мъ году жизни скончался архиваріусъ министерства двора Александръ Алексѣевичъ Лебедевъ. Это былъ очень даровитый человѣкъ. Онъ печаталъ свои стихотворенія въ «Живописномъ Обозрѣніи». Много переводилъ съ польскаго. Въ «Русскомъ Богатствѣ» онъ помѣстилъ большое изслѣдованіе: «Желтухинская республика на Амурѣ». Послѣднія его работы были: «Указы Петра Великаго», «Кулачный бой», напечатанныя въ «Русской Старинѣ». Покойный, подъ вліяніемъ И. С. Аксакова и Самарина, бросилъ курсъ духовной семинаріи за полгода до окончанія и уѣхалъ въ Западный край, въ 1864 году, волостнымъ писаремъ. Разсказы его объ умиротвореніи края были крайне интересны. Онъ перешелъ затѣмъ въ таможню и кончилъ службу въ Петроградѣ въ дворцовомъ архивѣ, трудясь до послѣдней минуты. Всю жизнь онъ «возился» съ книгами. Это было его страстью. Онъ оставилъ хорошую библіотеку.

Лютостанскій, И. І. 30-го мая въ Петроградѣ на восьмидесятомъ году жизни скончался много нашумѣвшій на своемъ вѣку И. І. Лютостанскій. Родившійся въ бѣдной еврейской семьѣ, И. І. былъ нѣкоторое время католическимъ ксендзомъ (въ 1867 году лишенъ духовнаго званія), затѣмъ перешелъ въ лютеранство и, наконецъ, въ православіе. Покойный—авторъ многочисленныхъ трудовъ по еврейскому вопросу («Талмудъ и евреи», «Объ употребленіи евреями-талмудистами христіанской крови», и т. д.), давно ставшихъ настольными книгами для отечественныхъ антисемитовъ. Будучи нѣкогда ксендзомъ, И. І. впослѣдствіи лишенъ былъ духовнаго званія. Популярность свою И. І. создалъ названными работами объ употребленіи евреями христіанской крови. Не будучи знакомымъ съ еврейскимъ языкомъ, И. І. тѣмъ не менѣе доказывалъ наличность среди еврейскаго народа секты, употребляющей христіанскую кровь. Впослѣдствіи И. І. приносилъ покаянную представителямъ столичныхъ еврейскихъ общинъ, стараясь, по ихъ словамъ, за оглашеніе своей покаянной получить соотвѣтствующую мзду. И когда это ему не удалось, онъ снова написалъ пасквили, направленные противъ евреевъ, стараясь хотя бы этимъ путемъ добиться крупнаго заработка. Вообще его отношеніе къ своимъ соплеменникамъ, вызываютъ много разнаго рода толкованій, въ которыхъ едва ли возможно теперь разобраться. Напр., въ письмахъ своихъ къ евреямъ, у которыхъ онъ искалъ поддержки, И. І. Лютостанскій сознается, что только нужда и нежеланіе евреевъ прійти ему на помощь вызвали его озлобле-

[1]) Сообщилъ В. А. Лебедевъ.

ніе противъ евреевъ. Послѣдніе годы И. І. прожилъ забытый всѣми, даже друзьями, и только дѣло Бейлиса снова привлекло вниманіе общества къ этому имени. (Некрологи его: «Русское Слово», 1915 г., № 124, и «Одесскія Новости», 1915 г., № 9724).

† Никольскій, А. В., протоіерей. Скончавшійся 7-го іюня въ Москвѣ протоіерей Александръ Васильевичъ Никольскій принадлежалъ къ виднымъ и энергичнымъ дѣятелямъ столичнаго духовенства. Онъ родился въ Калужской губерніи (1844 г.) и воспитывался сначала въ мѣстной семинаріи, а затѣмъ, съ 1864 года, въ московской духовной академіи. По окончаніи академическаго курса со степенью магистра богословія (1868 г.) ему пришлось занять въ московской семинаріи должность преподавателя латинскаго языка и вмѣстѣ съ тѣмъ, съ 1869 года, принять священство. Эта духовно-учебная служба его продолжалась болѣе четверти вѣка, до 25-го сентября 1894 года, причемъ онъ послѣдовательно занималъ мѣсто настоятеля при четырехъ московскихъ церквахъ. Возведенный въ санъ протоіерея (1893 г.), покойный съ 1906 года былъ настоятелемъ московскаго Казанскаго собора и состоялъ при немъ до своей кончины, исполняя также должность благочиннаго въ Срѣтенскомъ соборѣ. Кромѣ церковно-служебной дѣятельности, протоіерей А. В. Никольскій былъ извѣстенъ своими духовно-литературными трудами. Онъ состоялъ редакторомъ журнала «Православный Благовѣстникъ» (съ 1-го января 1893 г. до іюня 1895 г.) и напечаталъ слѣдующія сочиненія: «Историческое описаніе московской Космо-Даміанской на Покровкѣ церкви» («Чтенія въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія» 1888 г., кн. 2, 4—7, 12 и отдѣльно: М. 1888 г., 177 стр.), «О празднествахъ въ московскомъ Казанскомъ соборѣ въ честь Казанской иконы Богоматери» (М. 1911 г.), «Московскій Казанскій соборъ въ 1812 году» (М. 1911 г.) и «Лица духовнаго чина московской епархіи въ ихъ служеніи церкви и отечеству въ 1812 году» (М. 1912 г., Стр. 195+III). (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1915 г., № 131).

† Никифоровъ, М. Н., профессоръ. Въ ночь на 10-е іюня скончался заслуженный профессоръ московскаго университета д. ст. сов. Михаилъ Никифоровичъ Никифоровъ. Происходя изъ мѣщанскаго сословія Московской губерніи, покойный родился въ 1858 году и учился въ 3-й московской гимназіи, по выпускѣ изъ которой съ серебряною медалью (1878 г.) продолжалъ свое высшее образованіе на медицинскомъ факультетѣ московскаго университета. По окончаніи курса лекаремъ съ отличіемъ (1883 г.) онъ скоро пріобрѣлъ степень доктора медицины (1887 г.) и послѣ заграничной командировки для усовершенствованія въ наукахъ получилъ должность прозектора при Старо-Екатерининской больницѣ и званіе приватъ-доцента при родномъ университетѣ. Успѣшная преподавательская дѣятельность и рядъ научныхъ трудовъ послужили къ избранію его экстраординарнымъ профессоромъ московскаго университета по каѳедрѣ патологической анатоміи съ (1894 г.), затѣмъ ординарнымъ (съ 1901 г.) и, наконецъ, заслуженнымъ профессоромъ (съ 1910 г.), а, кромѣ того, и къ назначенію проректоромъ (съ 1913 г.). Покойному М. Н. принадлежала длинная вереница ученыхъ трудовъ по медицинѣ. Помимо спеціальныхъ статей въ медицинскихъ журналахъ, имъ напечатаны: «Микроскопическая техника» (М. 1885—1909 гг., семь изданій), «О патолого-анатомическихъ

измѣненіяхъ селезенки при возвратной горячкѣ», докторская диссертація (М. 1887 г.), «Атласъ патологической гистологіи (М. 1900 года), «Основы патологической анатоміи» (М. 1899—1912 гг., четыре изданія), «Очеркъ патологической гистологіи гинекологическихъ заболѣваній» (М. 1900—1910 гг., два изданія) и «Сборникъ статей по дифтеріи» (М. 1913 г.). (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1915 г., № 133).

† **Олсуфьевъ, А. В., графъ.** 9-го іюня скончался графъ Алексѣй Васильевичъ Олсуфьевъ. Сынъ оберъ-гофмейстера Василія Дмитріевича Олсуфьева, получившаго съ 1856 года графскій титулъ, почившій родился въ 1831 году и воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ. Выпущенный въ офицеры, онъ состоялъ адъютантомъ при покойномъ великомъ князѣ Николаѣ Николаевичѣ Старшемъ, затѣмъ служилъ въ Нарвскомъ полку, потомъ командовалъ лейбъ-гвардіи Гродненскимъ гусарскимъ полкомъ, принимая въ то же время участіе въ кампаніяхъ 1849, 1854—1855, 1859 и 1877—1878 годовъ. Послѣ русско-турецкой войны графъ А. В. перенесъ свою службу въ Москву. Здѣсь онъ въ чинѣ генерала-отъ-кавалеріи состоялъ почетнымъ опекуномъ, завѣдуя учебною частію Елизаветинскаго института, директоромъ Измайловской военной богадѣльни и членомъ Александровскаго комитета о раненыхъ, наконецъ, съ 1908 года— попечителемъ московскаго вдовьяго дома. Вмѣстѣ съ постоянными заботами о перечисленныхъ учрежденіяхъ почившій въ теченіе многихъ лѣтъ соединялъ свои учено-литературыя занятія. Благодаря прекрасному знанію латинскаго языка и древней римской исторіи, онъ составилъ замѣчательный разборъ перевода А. А. Фета: «Сатиры Ювенала» («Журналъ Мин. Нар. Просв.» 1886 г., кн. 3—8 и отдѣльно Спб. 1886 г., 125 стр.), напечаталъ самую полную біографію римскаго поэта Марціала (тамъ же 1890 г., кн. 1—4) и написалъ предисловіе къ переводу того же Фета: «Эпиграммы Марціала» (М. 1891 г., т. I). Кромѣ того, его перу принадлежали: «Графъ Н. Н. Зубовъ» («Московскія Вѣдомости» 1898 г., № 344), «Потѣшные императора Николая Павловича», изъ воспоминаній («Русскій Архивъ» 1910 г., кн. 11) и «Замѣтки о крѣпостномъ правѣ» (тамъ же, 1911 г., кн. 4). (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1915, № 133).

† **Потаповъ, А. И. (А. Рудинъ).** 18-го мая въ Москвѣ на Ваганьковскомъ кладбищѣ, недалеко отъ могилъ Н. Н. Златовратскаго, Астырева и другихъ народниковъ похоронили А. И. Потапова, городского санитарнаго врача. А. И. оставилъ глубокій слѣдъ въ жизни, какъ общественный дѣятель, одинъ изъ представителей активнаго народничества, и писатель, изучавшій и популяризировавшій вопросы, тѣсно связанные съ судьбами трудового населенія, преимущественно крестьянства. Уроженецъ Одессы, питомецъ новороссійскаго и казанскаго университетовъ, А. И. еще на школьной скамьѣ заинтересовался вопросами о судьбахъ трудового населенія. Въ 1896 году А. И. пріѣзжаетъ къ Курганъ, гдѣ въ это время находился П. Ф. Якубовичъ. Въ Курганѣ и началась литературная дѣятельность А. И.: онъ принялъ вмѣстѣ съ Якубовичемъ дѣятельное участіе въ омской газетѣ «Степной Край». Газета быстро пріобрѣла вліяніе въ Западной Сибири, и статьи А. Иванова (псевдонимъ А. И.) по разнымъ общественнымъ и литературно-критическимъ вопросамъ немало содѣйствовали успѣху газеты. Послѣ Сибири, гдѣ А. И. пробылъ два года, покойный за своей подписью напечаталъ нѣсколько статей въ «Русскомъ Богатствѣ» и «Образо-

ваніи»: «О философіи меньшинства», критическіе этюды о писателяхъ Тимковскомъ и Чириковѣ, а также немало статей и замѣтокъ въ литературно-критическомъ отдѣлѣ. Въ девятисотыхъ годахъ А. И. написаны статьи, въ которыхъ онъ разрабатывалъ основы идейнаго народничества и велъ полемику съ русскими соціалъ-демократами. Съ образованіемъ издательства «Молодая Россія» А. И. вошелъ въ составъ редакціоннаго комитета и издалъ нѣсколько статей и брошюръ по аграрному и другимъ вопросамъ за подписью А. Рудинъ. Въ 1909 г. А. И. былъ высланъ въ Астрахань, гдѣ онъ занимался частной медицинской практикой. Въ прошломъ 1914 году А. И. вернулся изъ-за границы въ Москву и поступилъ городскимъ санитарнымъ врачомъ, но тяжелая болѣзнь—туберкулезъ позвоночника—сломила А. И.: полтора мѣсяца тому назадъ ему пришлось лечь въ лечебницу, гдѣ 16-го мая онъ скончался на сорокъ седьмомъ году жизни. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1915, № 113).

† **Танѣевъ, С. И.** Въ глухой деревушкѣ Дюдьково (Московской губ., Звенигородск. уѣзда) послѣ продолжительной болѣзни скончался одинъ изъ незаурядныхъ нашихъ музыкальныхъ дѣятелей С. И. Танѣевъ. Покойный заболѣлъ инфлуэнцой полтора мѣсяца тому назадъ, простудившись на похоронахъ А. Н. Скрябина. Не придавая своей болѣзни серьезнаго значенія, С. И. уѣхалъ на лѣто изъ Москвы въ Звенигородскій уѣздъ. Тамъ, черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ ,онъ почувствовалъ себя скверно. 4-го іюня съ нимъ сдѣлался, во время прогулки, припадокъ астмы, въ ночь же на 5-е—Танѣева не стало. Умеръ С. И. пятидесяти девяти лѣтъ, оставивъ послѣ себя небольшое, но весьма драгоцѣнное музыкальное и литературно-теоретическое наслѣдство. Въ 1875 году С. И. блестяще окончилъ консерваторію по классамъ А. Г. Рубинштейна (рояль) и П. И. Чайковскаго (теорія композиціи). Черезъ три года онъ принялъ на себя руководство теоретическими классами П. И. Чайковскаго, который, къ слову сказать, считалъ молодого Танѣева наилучшимъ изъ учениковъ своихъ. Затѣмъ, съ 1885 до 1889 гг. С. И. Танѣевъ занималъ постъ директора московской консерваторіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ С. И. долгое время преподавалъ въ московской консерваторіи по классамъ рояля, контрапункта, фуги, формъ и свободнаго сочиненія. Впервые, какъ даровитаго композитора и піаниста, Россія узнала С. И. Танѣева въ семидесятыхъ годахъ, когда состоялся цѣлый рядъ его концертовъ. Въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ С. И. концертировалъ также за границей, стяжавъ себѣ имя крупнаго музыканта. Единственная опера покойнаго «Орестейя» была дана въ первый разъ на сценѣ Маріинскаго театра въ 1895 году. Кромѣ оперы, С. И. Танѣевъ написалъ цѣлый рядъ оркестровыхъ произведеній (4 симфоніи, увертюра и проч.), рядъ камерныхъ ансамблей (особеннаго вниманія заслуживаютъ струнные квартеты), фортепіанное тріо и т. д. Изъ хоровыхъ композицій особенно выдѣляется кантата Танѣева «Іоаннъ Дамаскинъ». Большой популярностью пользовался также покойный композиторъ, какъ крупный музыкальный ученый, оставившій послѣ себѣ нѣсколько литературныхъ трудовъ, хорошо извѣстныхъ не только въ Россіи, но и за границей. Въ лицѣ С. И. Танѣева сошелъ въ могилу не только выдающійся музыкальный дѣятель, но и человѣкъ высокихъ душевныхъ качествъ. (Некрологъ его: «Петроградскій Курьеръ», 1915, № 492).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

По поводу статьи «Анекдотическій градоначальникъ».

Помѣщенная въ апрѣльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1912 г. статья А. Кауфмана подъ заглавіемъ «Анекдотическій градоначальникъ» произвела на меня, какъ на лицо, хорошо знавшее покойнаго А. П. Зеленого» удручающее впечатлѣніе; я ясно сознавалъ желаніе автора этой статьи изобразить въ карикатурномъ видѣ дѣятельность П. А. Зеленого, желаніе представить его самодуромъ, бездарнымъ администраторомъ, пользуясь для этой цѣли главнымъ образомъ сплетнями, баснями, не дѣлая даже попытки упомянуть о хорошихъ сторонахъ его дѣятельности.

Считаю нужнымъ выяснить, что по службѣ моей въ должности инженера одесскаго градоначальства во все время пребыванія П. А. Зеленого одесскимъ градоначальникомъ, я, по всѣмъ дѣламъ техническаго надзора и по многимъ дѣламъ благотворительныхъ обществъ представлялъ П. А. Зеленому личные доклады и въ теченіе тринадцати лѣтъ былъ свидѣтелемъ отношеній его къ моимъ товарищамъ по службѣ и ко мнѣ, отношеній, оставившихъ лучшія воспоминанія. Я много разъ присутствовалъ на пріемахъ П. А. Зеленымъ просителей въ канцеляріи и результатъ моихъ наблюденій излагаю по совѣсти. Не отрицаю, что П. А. Зеленой былъ человѣкъ нервный, раздражительный, но необходимо принять во вниманіе характеръ разношерстнаго населенія Одессы, съ развитою страстью къ сутяжничеству, доносамъ, необходимо знать, съ какими безсмысленными и часто незаконными ходатайствами обращаются къ градоначальнику, необходимо вспомнить, что у П. А. Зеленого не было помощника, ему приходилось лично читать прошенія, выслушивать жалобы; при такомъ положеніи понятны случаи гнѣва, возвышеннаго голоса нервнаго человѣка по адресу кого-либо изъ просителей. Возможно, что градоначальникъ хладнокровный сказалъ бы то же самое спокойно, но я констатирую, что подобныя вспышки бывали рѣдко. Мнѣ приходилось попадать въ кабинетъ П. А. Зеленого немедленно послѣ разноса кого-либо въ пріемной, я встрѣчалъ его улыбающагося и часто разсказывающаго о причинѣ разноса, таково извѣстное свойство людей вспыльчивыхъ, но людей съ добрымъ, благороднымъ характеромъ. Я не буду останавливаться на передачѣ многочисленныхъ разсказовъ о столкновеніяхъ П. А. Зеленого съ публикою, часть ихъ, очевидно, басни, часть, несомнѣнно, превратно изложена, но я горячо протестую противъ стараній автора представить П. А. Зеленого самодуромъ и даже скандалистомъ: человѣкъ такой не могъ бы быстро сдѣлать карьеру въ морской службѣ, не могъ бы быть терпимъ въ русскомъ обществѣ пароходства и торговли, гдѣ онъ прослужилъ двѣнадцать лѣтъ инспекторомъ морской части, не могъ бы служить градоначальникомъ въ Таганрогѣ три года и въ Одессѣ тринадцать лѣтъ. Положеніе градоначальника въ Одессѣ трудное, и изъ шестнадцати градоначальниковъ въ теченіе моей сорокавосьмилѣтней службы продолжительно служили лишь П. И. Бухаринъ и П. А. Зеленой, всѣ остальные не болѣе двухъ-трехъ лѣтъ.

Бываютъ въ жизни дѣла интимнаго характера, дѣла совершающейся вопіющей несправедливости, дѣла, по которымъ, при полномъ отсутствіи нарушенія закона, подача прошенія въ судъ безцѣльна. Я много разъ былъ свидѣтелемъ, какъ бывшіе градоначальники принимали участіе въ миролюбивомъ улаженіи такихъ дѣлъ безъ всякаго давленія и угрозъ, какъ часто изъ кабинета градоначальника выходили помирившіеся супруги, уходили ростовщики, порвавъ разорившіе семью векселя, уходили обиженные и оскорбленные, получивъ возможное удовлетвореніе. Такого рода заступничество П. А. Зеленого неоднократно спасало многихъ отъ несчастныхъ обстоятельствъ; такое вмѣшательство заслуживаетъ благодарности, а не упрековъ, это былъ не градоначальническій судъ, а дѣятельность благородная, благотворительная.

Еще болѣе энергично я протестую противъ инсинуаціи, противъ намека на покровительство якобы градоначальникомъ чиновъ полиціи, облагавшихъ жителей поборами. П. А. Зеленой, человѣкъ благородный, честный, боролся съ злоупотребленіями по возможности. Я помню, какъ онъ возмущался, явившись на похороны пристава, прослужившаго два-три года, когда ему доложили, что при охранѣ имущества оказалась значительная сумма денежныхъ вкладовъ. Въ то время, когда жалованья надзирателю едва хватало на сапоги, борьба съ злоупотребленіями была не легкая.

Желаніе рисовать на темномъ фонѣ дѣятельность П. А. Зеленого довело автора статьи до того, что онъ поставилъ въ упрекъ Зеленому его энергію, личный осмотръ дворовъ въ виду холерной эпидеміи, а также мѣры, принимаемыя имъ для предупрежденія погромовъ, которыхъ не было въ Одессѣ во все время службы П. А. въ Одессѣ. Все вышеизложенное приведено мною для доказательства, что П. А. Зеленой былъ градоначальникомъ дѣятельнымъ, справедливымъ и благороднымъ. Я говорилъ о его нервномъ характерѣ, добавляю, что отъ этой нервности никто не пострадалъ. Я утверждаю, что П. А. Зеленой стремился дѣлать добро: благотворительныя учрежденія при немъ процвѣтали, зданія пріюта императрицы Маріи Ѳеодоровны, стоимостью 150,000 рублей, сооружены на пожертвованія, собранныя директоромъ И. А. Казариновымъ; тоже сооружены на пожертвованія зданія попечительства императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ, домъ трудолюбія и друг., въ томъ числѣ спасательныя станціи.

Я могъ бы привести много примѣровъ, по которымъ можно было бы судить о характерѣ П. А. Зеленого, честнаго администратора, благороднаго человѣка и добраго семьянина.

Инженеръ-архитекторъ дѣйств. ст. сов. **Л. Л. Влодекъ.**

Къ заявленію г. Влодека вполнѣ присоединяемся: тайный сов. М. Лишинъ, Б. Ф. Гаусманъ, Л. Лефтеръ.

Типографія Т-ва А. С. Суворина — «Новое Время», Петроградъ, Эртелевъ 13.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“

Петроградъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Дон.

Книжныя Новости» магазиновъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» (ежемѣсячные списки вновь поступающихъ въ магазины Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ безплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги **можно выписывать** черезъ книжныя шкафы Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ІЮНѢ 1915 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 6-й.

Богословіе.

ГУРІЙ, АРХИМАНДРИТЪ. Очерки по исторіи распространенія христіанства среди монгольскихъ племенъ. Т. I. Ч. 1-я. Калмыки. Казань. 1915. Ц. 1 р. 50 к. То же. Т. I. Ч. 2-я. Ц. 3 р.

— Православная миссія среди ламаитовъ и мѣры къ ея наилучшей постановкѣ по трудамъ казанскаго и иркутскаго миссіонерскихъ съѣздовъ. Казань. 1915. Ц. 1 р. 50 к.

ДМИТРІЕВЪ, В., свящ. Св. Кириллъ Александрійскій. Ц. 30 к.

ЖДАНОВЪ, А. Изъ чтеній по священному писанію Ветхаго Завѣта. Вып. I. Введеніе. Исторія происхожденія Торы. Десятисловіе. Ц. 1 р. 25 к.

КАМАНИНЪ, И. Звѣринецкія пещеры въ Кіевѣ, ихъ древность и святость. Кіевъ. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

ЛАКОРДЕРЪ, I. Жизнь святого Доминика. М. 1915. Ц. 80 к.

МУРЕТОВЪ, М. Четвероевангеліе. Сравнительныя особенности каноническихъ евангелій по ихъ содержанію, главнымъ мыслямъ и изложенію. Ц. 40 к.

СОКОЛОВЪ, Л. Епископъ Игнатій Брянчаниновъ. Его жизнь, личность и морально-аскетическія воззрѣнія. Два тома. Ц. перваго тома 4 р., второго тома 5 р.

ЯВОРСКІЙ, Ю. Карпато-русское житіе апостола Петра. Ц. 30 к.

Философія, психологія, логика.

ВВЕДЕНСКІЙ, А. Сектанты о сектантахъ. Одесса. 1915. Ц. 1 р. 25 к.

ГИЛЯРОВЪ, проф. Лекціи по исторіи новой философіи. Кіевъ. 1915. Ц. 1 р. 75 к.

ПОВАРНИНЪ, С. Логика. Общее ученіе о доказательствѣ. Ц. 1 р. 50 к.

СОВРЕМЕННЫЯ теченія религіозно-философской мысли во Франціи. Сборникъ первый. Ц. 1 р.

СОТОНИНЪ, К. Заопытное и трансцендентное. Исторія и метафизика. Казань. 1915. Ц. 40 к.

Словесность, исторія литературы, критика и библіографія.

АШЕВСКІЙ, С. Русскіе писатели и война. М. 1915. Ц. 60 к.

ВОЛЬТЕРЪ, Э. Біо-библіографическіе матеріалы, собранные въ 1913—1914 гг. Э. А. Вольтеромъ. Ц. 1 р.

ГРИГОРЬЕВЪ, АП. Мои литературныя и нравственныя скитальчества. М. 1915. Ц. 1 р.

КУДРЯВЦЕВЪ, П. Поэтъ душевныхъ диссонансовъ. Къ столѣтію со дня рожденія М. Ю. Лермонтова. Херсонъ. 1914. Ц. 20 к.

ОЛЬШЕВСКІЙ, И. Разборъ произведеній русской словесности. Т. I. В. I. Одесса. 1915. Ц. 2 р. 20 к.

РОДЗЕВИЧЪ, С. Къ вопросу о влія-

ніи Байрона и А. де-Виньи на Лермонтова. Ц. 30 к.

РУБАКИНЪ, Н. Среди книгъ. Т. III. Ч. 1-я. Ц. 2 р.

ТУГЕНДХОЛЬДЪ, Я. Проблемы и характеристики. Сборникъ художественныхъ критическихъ статей. Ц. 2 р. 50 к.

ФИЛИППОВИЧЪ, П. Объ академическомъ изданіи стихотвореній Е. А. Боратынскаго. Ц. 40 к.

ШЕСТЕРИКОВЪ, П. Постановка библіотечнаго дѣла въ университетскихъ и другихъ библіотекахъ Россіи. Одесса. 1915. Ц. 1 р. 50 к.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

БИНЭ-ВАЛЬМЕРЪ. Дѣвственникъ Люсьенъ. Романъ. Ц. 1 р.

БЛОКЪ, А. Стихи о Россіи. Ц. 40 к.

БРЕШКО-БРЕШКОВСКІЙ, Н. Въ сѣтяхъ предательства. Романъ. Ц. 1 р.

— Шпіоны и герои. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.

БРУСЯНИНЪ, В. Опустошенныя души. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.

БУДИЩЕВЪ, А. Лунный свѣтъ. Разсказы. Ц. 1 р. 25 к.

БУХОВЪ, А. Тихія непріятности. Юмористическіе разсказы. Ц. 1 р. 25 к.

ВЕСЕННЕЕ контрагентство музъ. Сборникъ. Стихи. Проза. Пьесы. Музыка. Рисунки. Цвѣтная репродукція. Подъ редакціей Д. Бурлюкъ и С. Вермель. М. 1915. Ц. 1 р.

«ВИНТИКЪ». Альманахъ новыхъ поэтовъ. Ц. 1 р.

ВИННИЧЕНКО, В. Божки. Романъ. Ч. I. Ц. 1 р. 25 к. Ч. II. 1 р. 25 к.

ВЛАГИНЪ, М. Разсказы. На зарѣ жизни. Рождественскій дѣдъ и друг. Ц. 1 р. 25 к.

ВЪ ГОДЪ ВОЙНЫ, сборникъ артистъ—солдату. Подъ ред. Л. Ю. Рахмановой и А. В. Руманова. Ц. 1 р. 50 к.

«ВЪ ТЫЛУ». Литературно-художественный альманахъ. Ц. 2 р.

ГЕНРИ ВУДЪ. Семейство Чаннинговъ. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.

ДОЛИНОВЪ, М. Радуга. Элегіи, идиліи, буколики. Ц. 75 к.

Д'ОРЪ, О. Муза съ барабаномъ. Юмористическіе разсказы. Ц. 1 р. 25 к.

ЗАЛѢСКІЙ, В. Отклики войны. Стихотворенія. Казань. 1915. Ц. 20 к.

ИВАНОВЪ, Г, Памятникъ славы. Стихотворенія. Ц. 1 р.

КЛИЧЪ. День печати. Сборникъ на помощь жертвамъ войны. М. 1915. Ц. 3 р.

КОЛЕСНИКОВЪ, Н. Сказки войны. Эскизы и аккорды. Ц. 1 р.

КОНДУРУШКИНЪ, С. Вслѣдъ за войной. Очерки великой европейской войны. Ц. 1 р. 25 к.

КРИНИЦКІЙ, М. Часъ насталъ. Романъ. М. 1915. Ц. 1 р. 50 к.

КУРМОЯРОВЪ, И. Письма офицера съ передовыхъ позицій. Ц. 1 р. 25 к.

ЛЕБЕДЕВЪ, Н. Гладіаторы нашихъ дней. Сборникъ разсказовъ. Ц. 1 р. 25 к.

ЛЕНСКІЙ, В. Любовь—мечта. Повѣсти и разсказы. Ц. 1 р. 25 к.

ОКУНЕВЪ, Я. Воинская страда. Боевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р. 25 к.

ОРСКАЯ-АРДАРОВА, А. Около счастья. Разсказы. Ц. 1 р.

ОСТЕНЪ-САКЕНЪ, Е. Поэма дѣтства. Ц. 50 к.

ПОТАПЕНКО, Н. Пламя вѣчное. Романъ. Ц. 1 р.

САМАРСКІЙ, А. Солдатская душа. Разсказъ. Ц. 10 к.

СѢВЕРЦЕВЪ-ПОЛИЛОВЪ, Г. Въ борьбѣ съ коварнымъ врагомъ. Эпизоды и разсказы изъ текущей войны. Ц. 1 р. 25 к.

ТЕЛЕШОВЪ, Н. Черною ночью. Разсказы. Книга 2-я. Ц. 1 р. 25 к.

ТРІЛИЦКІЙ, В. Человѣкъ общества. Романъ. Ц. 2 р.

ХМЕЛЬНИЦКАЯ, Е. «Впередъ смѣлѣе!» Сборникъ стихотвореній. Ц. 50 к.

ЦВѢТАЕВА, А. Королевскія размышленія. 1914. М. 1915. Ц. 1 р.

Исторія, біографія и археологія.

АСКЕНАЗИ, ШИМОНЪ. Царство Польское 1815—1830 гг. Ц. 1 р. 25 к.

БѢЛОЦЕРКОВСКІЙ, Г. Къ исторіи города Лебедяни и его уѣзда въ XVII вѣкѣ. Кіевъ. 1915. Ц. 25 к.

ГУДЗІИ, Н. Къ исторіи легенды о папѣ Григоріи. Ц. 40 к.

ДЖИВЕЛЕГОВЪ, А. Будущее турецкой Арменіи. М. 1915. Ц. 30 к.

— Александръ I и Наполеонъ. Историческіе очерки. М. 1915. Ц. 1 р. 75 к.

ДИМОВЪ, Н. Историческій очеркъ Македоніи и македонскихъ славянъ. Причины возникновенія четническаго движенія въ Македоніи. Ц. 20 к.

КОСТАНЯНЦЪ, К. Краткій очеркъ исторіи Арменіи. Ц. 40 к.

КУЛАКОВСКІЙ, Ю. Исторія Византіи. Т. III. Съ картой и рисунками въ текстѣ. Кіевъ 1915. Ц. 3 р. 50 к.

ЛИБРОВИЧЪ, С. Гордость Гарлема. Эпизодъ изъ исторіи книгопечатанія. Ц. 25 к.

ЛЯСКОРОНСКІЙ, В. Причины возвышенія Романовыхъ въ Русской землѣ и основныя черты ихъ политики. Нѣжинъ. 1915. Ц. 30 к.

МЯТЛЕВА, Т. Владимиро-Суздальскій край и начало Московской Руси отъ нашествія на Русь Батыя въ 1237 г. и до вокняженія въ Москвѣ великаго князя Дмитрія Іоанновича Донского въ 1360 г. Ч. III. Вып. 2-й. Ц. 50 к. Ч. III. Вып. 3-й. Ц. 1 р. 20 к.

ОРЛОВЪ, Ф. Легенда о Филаретѣ Никитичѣ. Ц. 75 к.

ПРУССАКЪ, А. Описаніе азбуковниковъ, хранящихся въ рукописномъ отдѣленіи императорской публичной библіотеки. Ц. 50 к.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ. Вып. VII. Изд. студенческаго историко-этнографическаго кружка. Кіевъ. 1915. Ц. 2 р.

СВАТИКОВЪ, С. Русскіе университеты и ихъ историческая библіографія. Ц. 30 к.

ФИРСОВЪ, Н. Петръ III и Екатерина II. Первые годы ея царствованія. Ц. 75 к.

ЧЕБАНЪ, С. Досиѳей, митрополитъ сочавскій, и его книжная дѣятельность. Кіевъ. 1915. Ц. 2 р.

Правовѣдѣніе, общественныя науки и публицистика.

АМЕРИКА О ВОЙНѢ. Отвѣтъ на воззваніе германскихъ профессоровъ. Ц. 30 к.
АРЗУБЬЕВЪ, П. Дѣла и люди военнаго времени. Ц. 1 р. 25 к.
БОГАЕВСКІЙ, П. Босфоръ и Дарданеллы въ ихъ международномъ положеніи. Кіевъ. 1915. Ц. 30 к.
БРОРСЪ, Ф. Сомнѣнія старыхъ и юныхъ. Бесѣды доктора, профессора и студента. Одесса. 1915. Ц. 1 р. 75 к.
БУЗЕСКУЛЪ, В. Современная Германія и нѣмецкая историческая наука XIX столѣтія. Къ происхожденію современной германской идеологіи. Ц. 60 к.
ВЕЛИКАЯ БОРЬБА НАРОДОВЪ. Вып. I, II, III. М. 1915. Ц. по 2 р.
ВОЙНА, хроника и отклики. № 7. Ц. 50 к.
ГЛАГОЛЕВЪ, С. Мечты о прекращеніи войнъ. Ц. 35 к.
ДЖУНКОВСКАЯ, Е. Война и воспитаніе. Ц. 15 к.
ИВАНОВЪ, Н. Отсрочка и разсрочка обязательствъ и судебныхъ рѣшеній по закону 6-го апрѣля 1915 г. Ц. 20 к.
ИСАЧЕНКО, В. Русское гражданское судопроизводство. Т. I. Судопроизводство исковое. Ц. 2 р. 25 к.
ІОКСИМОВИЧЪ, Ч. Забастовки, налоги и доходность у мануфактуристовъ и нефтепромышленниковъ въ связи съ таможеннымъ тарифомъ. М. 1915. Ц. 3 р.
КЕЛЬМАНЪ, Е. Проблемы «свободнаго права». Кіевъ. 1915. Ц. 25 к.
— «Пороки воли». Ст. 26—33 проекта обязательств. права. Кіевъ. 1915. Ц. 25 к.
КУДРЯШОВЪ, П. Идейные горизонты міровой войны. М. 1915. Ц. 1 р. 25 к.
ЛЕВИТИНЪ, С. Педагогика и милитаризмъ въ Германіи. Ц. 1 р.
МАЦѢЕВСКІЙ, К. Возможные исходы нынѣшней міровой войны съ точки зрѣнія общечеловѣческихъ интересовъ. Ц. 25 к.
НЕЙТРАЛИТЕТЪ БЕЛЬГІИ. Предисловіе государственнаго министра П. Гиманса. Ц. 1 р.
ПЯТЬ ЛѢТЪ въ домѣ германскаго принца. Воспоминанія англійской гувернантки. М. 1915. Ц. 1 р. 25 к.
РОДНЫХЪ, А. Основы вычисленія финансовыхъ и страховыхъ сбереженій. Ц. 60 к.
СКВОРЦОВЪ, Ѳ. Великая Русь въ борьбѣ съ нѣмцами. Ц. 40 к.
СОБОЛЕВЪ, А. Очерки призового права. Экономическое значеніе. Историческій очеркъ. Перемѣна флага. Блокада. Военная контрабанда и проч. Ц. 1 р.
СУДЕЙКИНЪ, В. Война и наша финансовая политика. Ц. 1 р.
ШУЛЕПОВЪ, К. Quo usque tandem, Болгарія?.. Отношеніе Болгаріи къ Россіи въ настоящую войну. Ц. 50 к.

Искусство.

ПАМЯТНИКИ армянскаго искусства. Ани-Дворцовая церковь. Подъ ред. Н. Марра. Вып. I. Ц. 5 р. 50 к.
РОДЕНЪ. Текстъ. А. Гидони. Современное искусство. Серія иллюстр. монографій. Ц. 1 р. 50 к.
РОЛАНЪ, Р. Микель Анджело. Цѣна 2 р.

Естествознаніе и математика.

АВЕРИНЦЕВЪ, С. Основы зоологіи. Курсъ сельско-хозяйственныхъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. I. Общая зоологія. Съ 244 рис. Ц. 2 р. 65 к.
БЕРНШТЕЙНЪ, Р. Элементы теоріи вѣроятностей. Ц. 35 к.
БЛИЗНЯКЪ, Е. Изслѣдованія В. Г. Гойта относительно вліянія ледяного покрова на расходы воды въ рѣкахъ Соедин. Штатовъ Сѣверной Америки. Ц. 80 к.
ГИНЗБЕРГЪ, А. Курсъ фармацевтической химіи. Ч. I. Неорганическая. Ц. 1 р. 50 к.
ГЛѢБОВЪ, Н. Координаты. Отвлеченіе къ неорганическому. Т. II. Ц. 2 р.
ЖИРО, Ф. Опытный магнетизмъ. Ч. II Ц. 50 к.
МУШКЕТОВЪ, И. Туркестанъ. Геологическое описаніе. Т. I. Ч. 1-я. 1915. Ц. 9 р.
РУССЬЯНЪ, Ц. Теорія интегрированія функцій. Харьковъ. 1915. Ц. 2 р. 50 к.
СКВОРЦОВЪ, Н. Параллельныя линіи по Эвклиду и Лобачевскому. Казань. 1915. Ц. 20 к.
ФАНЪ-ДЕРЪ-ФЛИТЪ, А., проф. Краткій курсъ аналитической геометріи. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.
ЯГОДОВСКІЙ, К. Лѣтнія работы по естествознанію. Ц. 1 р.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

РУДНЕВЪ, Д. и КУЛИКЪ, Н. Матеріалы къ изученію Сѣвернаго морского пути изъ Европы въ Обь и Енисей. Ц. 1 р.
РЫХЛИКЪ, Е. Жизнь славянъ. Вып. I. Мать Слава и ея австрійскія дѣти. Кіевъ. 1915. Ц. 30 к.
СВЕНЦИЦКІЙ, В. Граждане неба. Мое путешествіе къ пустынникамъ кавказскихъ горъ. Ц. 1 р. 25 к.
СЕМЕНОВЪ-ТЯНЪ-ШАНСКІЙ, В. Типы мѣстностей Европейской Россіи и Кавказа. Ц. 1 р. 50 к.

Сельское хозяйство и домоводство.

ГЛАЗЕНАПЪ, С. Задачникъ по сельскому хозяйству. Книга вторая. Цѣна 85 к.
ЗВЯГИНЪ, М. Какъ устроить хуторъ? Ц. 40 к.
КОСТРОВСКІЙ, В. Сельско-хозяйственныя орудія и машины. Съ 170 рис. Саратовъ. 1915. Ц. 1 р.
КУРИЛОВЪ, В. О почвѣ и объ ея удобреніи. Ц. 50 к.
НАСТОЛЬНАЯ книга русскаго земледѣльца. Изд. 3-е. Ц. 3 р. 50 к.

*

Торговля и промышленность. Счетоводство.

КОСТРОВЪ, Н. Торговля Россіи съ Италіей и нашъ вывозъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ въ эту страну. М. 1915. Ц. 1 р. 50 к.

Технологія, строительное и инженерное искусства. Ремесла.

АЛЕКСАНДРОВЪ, П. Ковка жернововъ и постройка различныхъ приспособленій для мукомольныхъ мельницъ. Ц. 30 к.

БУАНЪ, Э. Гальванопластика. Никелированіе, золоченіе, серебреніе. Съ 26рис. Ц. 90 к.

ВОРОНОВЪ, А. Перемѣнные электрическіе токи въ примѣненіи къ распредѣленію энергіи. Ц. 5 р.

ГАНЕШИНЪ, С. Технологія волокнистыхъ веществъ. Подготовительныя операціи къ ткачеству. Ц. 2 р. 50 к.

ИВАНОВЪ, В. Водоснабженіе города Камышина грунтовой водой, съ 33 черт. и 12 табл. Кіевъ. 1915. Ц. 1 р.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ вѣстникъ культуры, научно-воспитательнаго, техническаго и торговопромышленнаго прогресса Россіи. Выпускъ 3-й. Печать, свободныя искусства, профессіи и техника въ Петроградѣ. Изд. А. С. Шустовъ. Цѣна въ переплетѣ 15 р., на мѣловой бумагѣ 25 р.

ЛѢПИЛЬКИНЪ, М. Топографическое черченіе и условные знаки по русскимъ, германскимъ и австрійскимъ картамъ. Кіевъ. 1915. Ц. 80 к.

НОВАЯ АРХИТЕКТУРА ЗАПАДА. М. 1915. Ц. 1 р. 50 к.

НОВГОРОДСКІЙ, М Грунтовыя дороги, шоссейныя и проселочныя, устройство и ремонтъ ихъ, съ добавл. американ. способа постройки дорогъ. Ц. 70 к.

РОДЕ, М. Полный курсъ заочнаго обученія башмачному и заготовочному ремесламъ. Кіевъ 1915. Ц. 2 р.

СТОРИ, В. Новый стиль. 70 проектовъ каменныхъ и деревянныхъ дачъ, особняковъ и загородныхъ домовъ. Ц. 2 р.

ТИМОНОВЪ, В. Міровой водный путь чрезъ Панамскій перешеекъ. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 50 к.

УСАЧЕВЪ, Я. Явленія ,происходящія при рѣзаніи металловъ. Ц. 80 к.

ФЕЛЬДТЪ, В. Новый типъ искусственныхъ сооруженій малыхъ отверстій. Трубы волнистаго оцинкованнаго желѣза подъ желѣзнодорожнымъ путемъ. Варшава. 1914. Ц. 4 р.

ФЕДОРОВЪ, П. Полный практичскій курсъ столярнаго дѣла. Ц. 1 р.

ШТАФИНСКІЙ, И. Кустарный порошковый заводъ. Практ. руков. по сухой перегонкѣ дерева. Ц. 30 к.

Медицина, гигіена, анатомія, физіологія и хирургія. Ветеринарія.

БЫКЪ, I. Спутникъ на холеру, чуму, сыпной тифъ и дезинтерію, съ добавленіемъ отдѣла о дезинфекціи и дезинсекціи. М. 1915 г. Ц. 50 к.

ВОЛКОВА, М. Какъ избавиться отъ полноты и ожирѣнія. Изд. 4-е. Ц. 80 к.

КЛЮНЦЪ, Г. Какъ устроено наше тѣло. Анатомія для всѣхъ. Съ 12 табл. въ краскахъ. Цѣна въ перепл. 1 р. 25 к.

ЛЮБОМУДРОВЪ, А. Практическое руководство для сестеръ милосердія и лечебныхъ заведеній россійск. общ. Краснаго Креста, правила ухода за больными и ранеными. Правила и программы. Ц. 1 р. 75 к.

ОРЛОВЪ П. Полный домашній лечебникъ. Ц. 2, р.

ТРУДЫ перваго всероссійскаго съѣзда по борьбѣ съ раковыми заболѣваніями. Ц. 5 р.

Военное и морское дѣло.

ФЛОТЫ воюющихъ державъ. 1915 г. Ц. 1. 10 к.

Языковѣдѣніе.

КНАУЭРЪ, проф. Лекціи по введенію въ языковѣдѣніе/Ц. 2 р.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

ЖЕЛТУХИНЪ, А. Математика и физика во французскихъ лицеяхъ. Одесса. 1915. Ц. 1 р. 20 к.

ИГНАТЬЕВЪ, Е. Въ царствѣ смекалки или ариѳметика для всѣхъ. Книга для семьи и школы, со многими рисунками и чертежами. Кн. 3. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 75 к.

IОВЛЕВЪ, Н. Общіе методы математики. Казань. 1915. Ц. 1 р. 25 к.

КАЙГОРОДОВЪ, Д. Изъ родной природы. Хрестоматія. Ч. I. Изд. 5.

МЕЖЕРИЧЕРЪ, П. Проекціонное черченіе. Элементарный курсъ начертательной геометріи. Изд. 4. Ц. 1 р. 25 к.

МИЛЕВСКАЯ-ШМИДТЪ, Е. Пробѣлы въ образованіи интеллигентныхъ матерей. Ц. 15 р.

ПРЕССЪ, А. Теорія словесности. Цѣна 60 к.

РАЙКОВЪ, Б. Методика практическихъ занятій по природовѣдѣнію. Ц. 1 р.

СТОЛИЦА, З. Воспитаніе вниманія Ц. 50 к.

ТРОЦКІЙ, М. Учебникъ русской грамматики для учебн. завед. съ инородч. составомъ учащихся. Часть 2-я. Синтаксисъ. Одесса. 1915 г. 50 к.

Книги для дѣтей и юношества.

БЕРЕЗИНЪ, Н. Въ Срединномъ царствѣ, или жизнь одного китайченка. Повѣсть. Ц. 1 р., тоже въ 30 к.

БІАРЪ, Л. Приключенія молодого натуралиста. Съ 130 иллюстр. Ц. 1 р. 50 к.

ГЮНТЕРЪ, Г. Маленькіе химики. Ц. 1 р.

КАРИНЦЕВЪ, Н. За родину! Картины войны. Эпизоды изъ военной жизни. Ц. 75 к.

ОРЖЕШКО, Э. Приключеніе Ясп. Святочный разсказъ. Съ 6 рис. худ. Р. Штейна. Ц. 20 к.

УЙДА. Приключенія маленькаго графа. Изд. 2-е. Съ рис. худ. Р. Штейна. Ц. 20 к.

ХОЛЬТЪ, Э. Дѣти Гугеноты. Историческая повѣсть изъ временъ Варѳоломеевской ночи. М. 1915. Ц. 35 к.

Справочныя книги.

КАРТА Европы двадцатипятиверстная. № 8. Австро-итальянскій районъ. Ц. 50 к.

КРИТСКІЙ, П. Какъ устроить и вести народный домъ. Общедоступн. справочникъ. Ярославль. 1915. Ц. 25 к.

МАРГОЛИНЪ, Д. Программы и правила для поступленія на службу вольноопредѣляющимися бывшаго 2-го разряда. Ц. 25 к.

РАБИНОВИЧЪ, И. Руководство къ открытію, оборудованію и содержанію земскихъ и городскихъ аптекъ различныхъ типовъ. М. 1915. Ц. 1 р.

СБОРНИКЪ прямыхъ и мѣстныхъ безпересадочныхъ по желѣзнымъ дорогамъ сообщеній на Кавказъ. Ц. 50 к.

СЕЛИБЕРЪ, Б. Календарь-справочникъ лѣсопромышленника на 1915 г. Цѣна въ перепл. 2 р.

СМИРНОВЪ, А. Другъ запасного. Пенсіи нижнимъ чинамъ и ихъ семействамъ, права семействъ и порядокъ опредѣленія на службу въ разныя казенныя учрежденія. Ц. 25 к.

ХЕЙСИНЪ, М. Кумысъ и кумысолеченіе. Практ. указанія ѣдущимъ на кумысъ. Ц. 60 к.

ШМУЛЕВИЧЪ, Г. Какъ готовиться къ конкурснымъ экзаменамъ въ высшія технич. учебн. зав. петроградскія и московскія. Ц. 1 р.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время". Эртелевъ, 13.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петроградѣ, при книжномъ магазинѣ **Т-ва „Новаго Времени“** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ** и **Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ **„Новаго Времени“**.

Подробныя свѣдѣнія о подпискѣ на 1915 г. см. впереди текста.

Программа **„Историческаго Вѣстника“**: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику“** прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя **Бориса Борисовича Глинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

За перемѣну адреса съ городского на иногородный подписчики уплачиваютъ 1 р., въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный и иногороднаго на городской) 25 коп.

Издатели: наслѣдники А. С. Суворина
въ лицѣ Б. Б. Глинскаго. Редакторъ **Б. В. Глинскій.**

Такса на объявленія: впереди текста за страницу **80 р.**, за ½ стран. **45 р.**, за ¼ стран. **25 р.**; позади текста за страницу **60 р.**, за ½ стран. **35 р.**, за ¼ стран. **20 р.**

Тип. Т-ва А. С. Суворина — „Новое Время“. Эртелевъ, 13

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 118014221